

**ВЕСТНИК
Томского государственного университета**

2019. № 439. Февраль

• ФИЛОЛОГИЯ	• PHILOLOGY
• ФИЛОСОФИЯ	• PHILOSOPHY
• ИСТОРИЯ	• HISTORY
• ПЕДАГОГИКА	• PEDAGOGICS
• ПРАВО	• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2019. № 439. February

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филол. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р
пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук,
проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-
минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского
Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потехаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прокументов**, д-р
юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слижов, канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор
Издательства ТГУ; **С.П. Сушенко**, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьяна**,
канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук,
проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice
Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology,
Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics
and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of
Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate
Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher;
A. Glazunov, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of
Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of Tomsk State University Publishing House;
T. Portnova, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor,
Director of Scientific and Technical Literature Publishing House;
A. Potekaev, Dr. of Physics and Mathematics, Professor;
L. Prokumentov, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in
Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry,
Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing
House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor;
P. Tarasenko, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate
Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr.
of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of
History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor;
E. Shragr, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Editor-in-Chief
Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филол. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филол. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prokumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Каяниди Л.Г. «Прометеида» Жозефина Пеладана и «Прометей» Вячеслава Иванова: розенкрейцерские подтексты символистской трагедии	5
Кашлева К.К. Речь героев и «Я»-повествование в средневерхненемецком героическом эпосе	11
Королева В.В. «Гюфмановский комплекс» в театральной эстетике Серебряного века	18
Меняйло В.В., Чумилкин С.В. Трансформация викторианского текста в английской литературе XX в. (на материале «Саги о Форсайтах» Дж. Голсуорси и «Женщины французского лейтенанта» Дж. Фаулза)	26
Михайлова Т.В., Михайлов А.В. Семантика оценки и причины в двухчастных высказываниях с именным причастием в древнерусских текстах потестарной семантики XVI–XVII вв.: «внутренний мир / внешний мир»	33
Никитин О.В. «Опыт исторической грамматики русского языка» Ф.И. Буслаева в лингвистической традиции его времени (к 200-летию со дня рождения ученого)	44
Радионова А.В. Этическая рефлексия в лирическом стихотворении	57
Ромайкина Ю.С. К истории литературно-художественных сборников «Земля» (1908–1917)	66

ФИЛОСОФИЯ

Берестов И.В. Дефект в теории передачи форм Аристотеля и Фомы Аквинского	73
Гончаренко М.В., Гончаренко В.Н. Эпистемологические поля и новые смыслы	85
Игнатова Н.Ю. Концепции мультиверса (множественных миров) в скептическом теизме	95
Лешкевич Т.Г. Цифровые трансформации эпохи в проекции их воздействия на современного человека	103
Разеев Д.Н. Свобода воли и когнитивный механизм выбора	110

ИСТОРИЯ

Булдыгин С.С. «Европейское чудо» в освещении западной историографии XIX–XX вв.	115
Васильева Г.М. Киотский протокол в глобальном историческом контексте	120
Джундзюзов С.В., Любичанковский С.В. Оренбургские и уральские калмыки в условиях перехода от имперской политики аккультурации к советской национальной политике	128
Ковтун О.И., Яппарова Е.К. Концепции семейно-трудового хозяйства и крестьянской кооперации в работах А.В. Чаянова	137
Корженевский К.Б. Формирование административно-территориальной системы РСФСР в первой половине 1920-х гг. (на примере районирования западносибирских губерний)	142
Костылева Е.Н. Проблемы расширения крестьянского земельного фонда в трудах особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (по материалам Рязанской губернии)	147

CONTENTS

PHILOLOGY

Kayanidi L.G. “La Prométhéide” by Josephin Péladan and “Prometheus” by Vyacheslav Ivanov: Rosicrucian Subtexts of the Symbolic Tragedy	5
Kashleva K.K. Direct Speech and First-Person Storytelling in Middle High German Epic Poetry	11
Koroleva V.V. “Hoffmann’s Complex” in the Theater Aesthetics of the Silver Age	18
Menailo V.V., Chumilkin S.V. Transformation of the Victorian Text in the 20th-Century English Literature (On the Material of John Galsworthy’s <i>The Forsyte Saga</i> and John Fowles’s <i>The French Lieutenant’s Woman</i>)	26
Mikhaylova T.V., Mikhaylov A.V. Semantics of Cause and Evaluation in Two-Part Constructions with Nominal Participle in Ancient Russian Texts with Semantics of Power of the 16th and 17th Centuries: “Inner World / External World”	33
Nikitin O.V. <i>The Experience of Historical Grammar of the Russian Language</i> by F.I. Buslaev in the Linguistic Tradition of His Time (To the 200th Anniversary of the Scholar)	44
Radionova A.V. Ethical Reflection in a Lyric Poem	57
Romaykina Yu.S. On the History of the Literary-Artistic Digests <i>Zemlya</i> (1908–1917)	66

PHILOSOPHY

Berestov I.V. Deficiency in Aristotle’s and Aquinas’s Transmission of Forms Theory	73
Goncharenko M.V., Goncharenko V.N. Epistemological Fields and New Narratives	85
Ignatova N.Yu. The Concept of a Multiverse (Multiple Worlds) in Skeptical Theism	95
Leshkevich T.G. Digital Transformation of the Era in the Projection of Their Impact on the Modern Man	103
Razeev D.N. Free Will and the Cognitive Mechanism of Choice	110

HISTORY

Buldygin S.S. The “European Miracle” in the Coverage of Western Historiography of the 19th and 20th Centuries	115
Vasilyeva G.M. The Kyoto Protocol in the Context of Global Environmental Problems	120
Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskiy S.V. Orenburg and Ural Kalmyks Under the Conditions of Transition from the Imperial Politics of Acculturation to the Soviet National Policy	128
Kovtun O.I., Yapparova E.K. The Conceptions of Family and Labor Economy and Peasants’ Cooperation in Works by A.V. Chayanov	137
Korzhenevskiy K.B. Formation of the Administrative and Territorial System of the RSFSR in the First Half of the 1920s (On the Example of Zoning of the West Siberian Provinces)	142
Kostyleva E.N. Problems of the Expanding of Peasant Land Resources in the Works of the Special Council on the Needs of the Agricultural Industry (Based on the Materials of Ryazan Province)	147

Кулакова Я.В. Подготовка учителей истории в СССР во второй половине 1950 – середине 1980-х гг. (на материалах педагогических институтов Восточной Сибири)	155	Kulakova Ya.V. The Training of History Teachers in the Soviet Union in the Second Half of the 1950s to Mid-1980s (On the Materials of Teacher Training Institutes in Eastern Siberia).....	155
Майзик Е.И. Становление и развитие международных научных связей Приенисейской Сибири в последней трети XIX в.	160	Maizik E.I. Formation and Development of International Scientific Relations of Yenisei Siberia in the Last Third of the 19th Centur	160
Огнев Д.А. Советская историческая наука и идеология: постсоветская перцепция	165	Ognev D.A. Soviet Historical Science and Ideology: Post-Soviet Perception	165
Шульц Э.Э. «Женский вопрос» и гендерные электоральные предпочтения в Веймарской республике.....	168	Shults E.E. “Women’s Question” and Gender Electoral Preferenc in the Weimar Republic	168

ПЕДАГОГИКА

Осипенко Е.В. Самооценка физического здоровья студентами учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Ф. Скоринь»	173
Плутенко А.Д., Лейфа А.В., Еремина В.В., Халецкая Т.В. Многоуровневая подготовка инженерных кадров в контексте непрерывного образования	178
Симонова Е.А., Котова Т.Г. Моделирование тренировочного процесса бегунов на короткие дистанции	185

ПРАВО

Имекова М.П. История развития и современное правовое регулирование использования наилучших доступных технологий в Великобритании	195
Кравец И.А. Телеологический конституционализм, конституционная идентичность и публичный правопорядок (научное знание, российский, сравнительный и международный контексты)	202
Фатьянов И.В. К вопросу о правовой оценке правотворческого эксперимента по деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг	216
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	221

PEDAGOGICS

Osipenko E.V. Self-Assessment of Physical Health by Students of Francisk Skorina Gomel State University	173
Plutenko A.D., Leifa A.V., Eremina V.V., Khaletskaya T.V. Multilevel Training of Engineering Staff in the Context of Lifelong Learning	178
Simonova E.A., Kotova T.G. Simulation of the Training Process of Short-Distance Runners	185

LAW

Imekova M.P. History of the Development and Modern Legal Regulation of the Use of the Best Available Technologies in the UK.....	195
Kravets I.A. Teleological Constitutionalism, Constitutional Identity and Public Order (Scientific Knowledge, Russian, Comparative and International Context)	202
Fatyanov I.V. Legal Assessment of the Law-Making Experiment on the Activities of Multifunctional Centers Providing State and Municipal Services	216
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	221

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1

Л.Г. Каяниди

«ПРОМЕТЕИДА» ЖОЗЕФЕНА ПЕЛАДАНА И «ПРОМЕТЕЙ» ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА: РОЗЕНКРЕЙЦЕРОВСКИЕ ПОДТЕКСТЫ СИМВОЛИСТСКОЙ ТРАГЕДИИ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта «Словарь+сайт поэтического языка Вячеслава Иванова», № 16-34-00006.

Трагедия Вячеслава Иванова «Прометей» наиболее близка трилогии Жозефена Пеладана «Прометеида». Точками соприкосновения между ними являются 1) расщепление мифологического антагониста Прометея на две ипостаси – трансцендентную и имманентную; 2) образ Прометея как демиурга; 3) мотив использования похищенного небесного огня в целях завершения творения человека; 4) дуализм творения (совмещение совершенства и порочности); 5) мотив создания Пандоры Прометеем; 6) Пандора как образец при творении человека; 7) сотериологическая роль Пандоры как примирительницы между богами и людьми.

Ключевые слова: Вячеслав Иванов; Жозефен Пеладан; розенкрейцерство; Прометей; Пандора; точки пересечения; миф; символ; мотив; образ; подтекст.

Жозефен Пеладан (Joséphin Péladan, 1859–1918) – ныне почти забытый французский писатель-мистик, оккультист, основатель и руководитель Розенкрейцерского каббалистического общества, Розенкрейцерского общества храма, художественного «Салона Розы + Креста». Значительную часть творческого наследия Пеладана составляют драматические произведения. Они были объединены в серию «Театр Розы и Креста». Помимо «Прометеиды» сюда вошли такие произведения, как «Вавилон», «Сын звезд», «Принц Византии», «Семирамида», «Эдип и Сфинкс». Почти все они относятся к жанру трагедии (исключения – халдейская пастораль «Сын звезд» и романская драма «Принц Византии»).

«Прометеида» («La Prométhéide») – трагическая трилогия, которую составляют «Прометей-Огненосец», «Скованный Прометей», «Освобожденный Прометей». Эта трилогия была написана в 1895 г. и представляет вершину драматургического творчества Пеладана. В драматургическом творчестве Пеладана «Прометеида» стоит особняком в первую очередь из-за своей исключительной трилогической формы, за которую Пеладан больше ни разу не брался.

Вячеслав Иванов, лидер символистского направления в России, тоже оставил после себя несколько драматических произведений, отдавая при этом предпочтение трагическому жанру. Его «Тантал» и «Прометей» были окончены, а от «Ниобеи» и «Наль и Даяманты» сохранились более или менее обширные фрагменты.

«Прометей» Иванова – одно из самых значительных его произведений, подводящее итог его дореволюционного творческого пути. Оно было задумано как вторая часть трилогии, куда входили также «Тантал» и «Ниобея». План трилогии сформировался к 1905 г., но окончен «Прометей» был только в 1915 г., отдельным изданием он вышел в 1919 г.

Ивановская трагедия – произведение, насыщенное интертекстуальными и автоинтертекстуальными отсылками. На самоцитацию в «Прометее» впервые об-

ратила внимание Ольга Шор, составитель и комментатор первого собрания сочинений Иванова. Она указала на интертекстуальные связи трагедии с дифирамбом «Огненосцы», написанным в 1906 г. и включенным в книгу «Сог ardens» (повторение строф дифирамба в хорах Океанид) [1. С. 685]. Сербская исследовательница русского поэта Бояна Саботришковиц указала на цитирование стихотворения «Песнь потомков Каиновых» из книги «Кормчие звезды» (в хорах мужчин и женщин) [2. С. 75]. Ю.К. Герасимов указывает на то, что трагедия Иванова вобрала в себя «заветные мотивы его поэзии» [3. С. 227].

Эсхилловский субстрат ивановской трагедии освещен в статье Т.В. Федосеевой [4]. На некоторые подтексты в «Прометее» указал А.В. Дьяков [5]. Философский контекст ивановской трагедии (Кант, Шеллинг, Гегель, Ницше) не слишком подробно, но довольно тонко представлен у Я.Э. Голосовкера [6. С. 111–113]. Связь ивановской трагедии с ницшеанской философией подробно анализируется С.А. Кибальниченко [7].

Насколько нам известно, ни в одном исследовании, посвященном «Прометею» Иванова, имя Пеладана не ставилось в аналитический контекст с ивановской трагедией. Виной тому, по всей видимости, нитевидная творческая связь Иванова с Пеладаном и почти анахронический характер творческого наследия некогда видного французского символиста и мистика.

Иванов и Пеладан принадлежат к одной эпохе – модернизму. В 1900-е гг. Иванов активно интересовался современными ему нетрадиционно-религиозными учениями: теософией, антропософией, розенкрейцерством [8, 9]. Известно, что Иванов проявлял сдержанный интерес к творчеству Пеладана. В 1904 г. в журнале «Весы» была опубликована небольшая, но не лишенная программно-эстетических ноток рецензия Иванова на трагедию Пеладана «Семирамида», которая была сыграна в развалинах древнего театра во французском городе Ниме. Иванов дает

сочувственно-отрицательную характеристику творчества Пеладана. Русскому символисту импонирует стремление французского поэта-мистика вновь придать искусству священный характер, связать его с мифом, однако в живом мифотворчестве Иванов Пеладану отказывает, сохраняя за ним статус «изобразителя мифа», а не «мифотворца».

«Пеладан ищет воссоздать гилератическое искусство, как поэты XVII в. искали воссоздать искусство классическое. Назовем ли его драмы вообще – псевдогилератическими? Мы колеблемся. Но искусно сложенные гимны к божествам звезд еще бессильны низвести на нас их живые силы. “Много тирсоносцев, но мало вакхов”, говорили древние: много изобразителей мифа, но где мифотворцы? И в созданиях Пеладана мы не видим живого мифотворчества» [10. С. 54].

Связь Иванова с Пеладаном тематизируется только одним ивановедом – Г.В. Обатниным. Он ставит ее в зависимость от знакомства Иванова через А.Р. Минцлова с учением Рудольфа Штейнера: «В начале января 1907 г. Минцлова подробно пересказала Иванову учение Р. Штейнера о трех путях ученичества (восточном, христианском и розенкрейцерском) <...>» [9. С. 20]. Обатнин отмечает, что «на рубеже веков розенкрейцерство <...> составляло часть пестрой картины мистических увлечений французского модернизма» [Там же. С. 21], к которому были особенно чутки модернисты русские, вместе с тем исследователь констатирует, что «о контактах Иванова с русскими масонами-розенкрейцерами» ничего достоверно не известно [Там же. С. 182].

Обатнин указывает только на одну точку пересечения Иванова и Пеладана – уже процитированную нами рецензию Иванова в журнале «Весы». Отмечая в целом отрицательную оценку русским символистом творчества символиста французского, Обатнин указывает на родство иератического искусства, к которому устремлен Пеладан, «с программой нового мифотворчества, сутью его [т.е. Иванова. – Л.К.] собственной эстетики тех лет (первая ивановская статья в «Весах» «Поэт и чернь» была декларацией этого идеала) [Там же. С. 21].

Идея сопоставить пеладановскую и ивановскую трагедии родилась благодаря А.Ф. Лосеву. Из обзора исторической эволюции образа Прометея, данного в его книге «Проблема символа и реалистическое искусство» [11], можно сделать предположение, что в хронологическом и концептуальном плане к ивановскому Прометею ближе всего Прометей пеладановский. «Прометей у Пеладана – прежде всего апостол, мученик и пророк истинного бога. В своей благородной миссии спасти человечество и направить его развитие по пути прогресса (дать огонь, научить ремеслам, искусству, любви) Прометей выражает волю высшего бога, о котором он говорит как о “создателе мира”, о “творце смертных и бессмертных”, как о “первопричине Вселенной». <...> “Зевс же не бог, а скорее царь”, официальная правящая власть» [Там же. С. 270]. Эта характеристика, данная Лосевым пеладановской версии античного героя, тождественна одному из центральных разворотов прометеевской темы, которая отличает ивановский замысел – гностическое

по своим истокам расщепление Зевса-антагониста на две ипостаси*.

Для обоих поэтов характерна интерпретация образа Прометея, несвойственная новоевропейской литературе, где Прометей предстает, как правило, в качестве творца цивилизации или идеального художника. У Иванова и Пеладана Прометей вновь обретает античные, универсально-символические черты – космогонические и антропогонические.

Примечательно, что и Пеладан, и Иванов ориентируют свои трагедии на Эсхила. Пеладановский «Прометей-Огненосец» и ивановский «Прометей» заканчиваются тем, с чего начинается «Скованный Прометей» Эсхила: слуги Зевса Кратос (Власть) и Бия (Сила) ведут Прометея к пустынной скале, чтобы закопать его там навек.

Чтобы ответить на вопрос о степени близости Пеладана и Иванова, мы предприняли сравнительный анализ русского и французского текста, целью которого было выявление точек соприкосновения обоих произведений, эксплицированных на образном, мотивном или проблемно-тематическом уровне. Приступая к сопоставлению, мы придерживались гипотезы, что Иванов так или иначе держал в уме разворот прометеевской темы, представленный у главы французских розенкрейцеров, и если не прямо за ним следовал, то учитывал, создавая свою версию образа с тысячетлетней историей.

Какие же точки соприкосновения нам удалось выявить?

Важнейшим (и, пожалуй, наиболее характерным) пунктом схождения обоих произведений является уже упомянутое **расщепление мифологического антагониста Прометея**. И у Пеладана, и у Иванова образ Зевса как верховного божества раздваивается на Зевса, сына Кроноса, правящего миром, в котором после титаномахии воцаряется гармония и порядок, и на Зевса премирного, а точнее говоря, на безымянного, неведомого Бога, который обнимает собой все сущее и проявляется в огненной стихии.

У Иванова Прометей враждует с Зевсом-Кронидом, потому что его власть над миром относительна и держится на титанических началах власти и принуждения. Одновременно с этим Прометей почитает Зевса премирного, абсолютного. Он получает разные имена: *Дух, Бессмертный в себе, Единый, неведомый Бог, Сам в богах и Сам в человеке*.

Ты жертвы хочешь возносить богам,
Но не иные жертвы, чем моя.
Не раболепствовать, но приобщаться
Старейшим в небесах, и в них Тому,
Кто Сам в богах и Сам в тебе, свободном, –
Такие жертвы учредить промыслил
В отраду людям, в исполненье правды,
И в испытанье вольным, и в соблазн
И гнев Крониду Прометей [13. С. 35].

У Пеладана Зевс трактуется как царь Олимпа, над которым, однако, стоит другой владыка – тайный, высший Бог, а сам Прометей называет себя его «грозыным глашатаем».

Toi que je sens, toi que je sers; sans te connaître,
que j'appellerais Dieu, si j'ignorais les Dieux

[14. P. 10].

Sais-tu, Fille de Zeus, comment le vrai Dieu se révèle?
Par la bonté: père des créatures, il ne maudit jamais;
il avertit, il enseigne, il punit, mais il ne détruit pas.

Oui, Zeus n'est qu'un roi, Athéné,

il règne sur l'Olympe, mais un autre règne sur lui

et je suis le héraut redoutable de ce Dieu suprême et
caché [14. P. 18].

Огонь есть символ верховного божества. Так его понимает и Иванов, и Пеладан. И дарование огня людям, совершаемое Прометеем, понимается как приобщение к истинно божественному началу. Смысл богоборчества Прометея и у Иванова, и у Пеладана заключается, стало быть, в стремлении установить истинное богопочитание.

Для Иванова и Пеладана общим оказывается **антропологический мотив использования похищенного небесного огня в целях завершения творения человека**.

Ивановский Прометей заканчивает творение людей с помощью небесного огня, который он в полном тростнике уносит в тот момент, когда боги устремляются с небес, чтобы лицезреть созданную Прометеем Пандору.

На верх горы слепительной меня
Он возвести велел послушным стражам;
Сам, с полым тирсом, спрятался и ждал.
Закрыв глаза, лежала я, как жертва.
Лазурь зияла. Красотой моей
Привлечены, заклёктали высоко
Олимпа хищники. Стремглав к добыче
Низринулись, когтыми дробя перун, –
Как будто рухнул семерной громадой
Эфира пламенеющий чертог.
Он искры в тирс украл, меня ж орлам
Оставил... Я в семье богов проснулась [13. С. 68].

Пеладановский Прометей с помощью огня как бы пересоздает ранее созданного человека-дикаря, испуганного неистовством божественно-природных сил, явленных в титаномахии:

ô toi qu'attendent les Mortels, nouveau Zeus,
viens créer l'homme, une seconde fois,
pour la lumière et l'immortalité! [14. P. 25].

У Пеладана и Иванова **Прометей предстает в первую очередь как демиург**, ваятель человека из глины. А.Ф. Лосев отмечает, что «мотив создания Прометеем самих людей, отсутствующий в период классики, вообще является довольно редким в античной литературе» [11. С. 235]. Он зафиксирован впервые в баснях Эзопа, затем в «Мифологической библиотеке» Аполлодора, в «Описании Эллады» Павсания, а также в поэме Овидия «Метаморфозы». Пеладан и Иванов изображают Прометея не просто как создателя человека, а именно как ваятеля, скульптора, своими руками и пальцами лепящего человека.

Сама в перстах моих слагалась глина
В обличья стройные моих детей,
Когда сошел я в пахнувшие гарью
Удолия, где прах Титанов тлел,
Младенца Диониса растерзавших
И в плоть свою приявших плоть его.
<...>

Моих перстов ждала живая персть,
Чтоб разрешить богоподобных плен
И свету дня вернуть огонь Младенца [13. С. 14].

Ah! j'ai repris mon grand office,
replacé l'homme entre mes mains:
j'ai modelé son âme, comme j'avais sculpté son corps:
nul Dieu ne pensera à les détruire, désormais!

[14. P. 31].

И Пеладан, и Иванов отмечают **двойственность творения**, вышедшего из-под рук Прометея, его совершенство и несовершенство одновременно. Совершенство проявляется в том, что, поскольку человек создается по образу и подобию своего творца, он наделяется его сущностными чертами. Так, человек у Пеладана и Иванова надделено способностью изменяться, преодолевать свою ограниченность, совершенствоваться.

Mais le Dieu, confirmé en ses prerogatives par le Destin,
ne saurait déchoir ni monter; ce qu'il est, il le sera
toujours;

le Daïmon, au contraire, libre en son devenir,
s'il risque de tomber peut aussi s'élever sans limites

[14. P. 12].

aux Daimons ils ressemblent, moins l'immortalité;
car ils évoluent par eux-mêmes [Ibid. P. 14].

Себя творить могущих сотворил я [13. С. 13].

Себя творить свободных сотворил я
[Там же. С. 32].

Однако человек у обоих поэтов-мыслителей совершенен лишь потенциально, в действительном бытии проявляется прежде всего его порочность. У Пеладана высокомерие людей было «ослеплено лишь единственным лучом справедливости», «знание посело среди людей нечестие».

Présomptueux et enivrés, enfants hardis,
qu'un peu de science émerveille;
aveuglés d'un rayon de justice,
ô vous que j'ai tirés de la sauvagerie,
vous que j'aurais conduits à l'immortalité,
si votre nature incomplète n'avait trahi ma volonté,
Éphémères, mes fils, que faites-vous? [14. P. 31].

Греховность человека Пеладана связывает с его титанической природой:

Puérils étourdis et aux Titans semblables
vous aussi rejetez la prudence [Ibid. P. 30].

Этот орфический антропогонический мотив, лишь вскользь намеченный у Пеладана, становится ключевым, базовым у Иванова, поскольку двойственность человека обусловлена его природой, титанической и дионисийской одновременно, греховной и праведной, обусловленной характером прометеевской демиургии. У Пеладана несовершенство человека мотивировано несоответствием идеи и ее воплощения:

effroyables effets de la plus pure idée!
Mon chemin de lumière aboutit à l'horreur! [14. P. 31].

У Иванова титаническое начало греха в человеке проявляется разнообразно, и прежде всего в убийстве. Один из сынов Прометея Архат, подобно Каину, убивает своего брата Архемира, желая заполучить божественный огонь. С приходом в мир смерти среди людей появляются ненависть и отчаяние. Узнав, что смерть – конечный удел каждого человека, еще один из сынов Прометея Автодик убивает сам себя.

Общим для Пеладана и Иванова, кроме того, является **мотив создания Прометеем Пандоры**, которая в самой ранней, гесиодовской версии мифа является творением олимпийских богов, мстящих мятежному титану и человечеству за овладение небесным огнем. Впервые интерпретация Прометея как создателя Пандоры появляется у философа III в. Плотина, основателя школы неоплатонизма [11. С. 239–240]. Иванов мог непосредственно заимствовать этот мотив из философии Плотина, как и Пеладан. Однако для последнего, как представителя французской традиции, роль посредника мог сыграть Вольтер, опера которого «Пандора» построена на мотиве любви Прометея к созданной им самим Пандоре и борьбе за нее с Зевсом [15].

Пандора возникает в результате разделения целостной личности Прометея на две ипостаси – мужскую и женскую. Прометей дает Пандоре душу (она названа в трагедии *душой его души*), а боги – тело.

Фемиду молит: «Матерь, изведи
Жену на свет из самого меня!
Себе я равной не найду меж нимф,
Детей свободных с ней не приживу.
Все женское душевного состава,
Что есть во мне, – даю; ты тело дай».
Рекла Фемиды: «Будет по желанью.
Я тело дам, и выну из тебя
Все женское душевного состава.
Отныне ты всецело мужем станешь
И без жены, что камень без огнива,
Животворящих не разбрызнешь искр». –
И вновь рекла: «Но кто жену слепить
Искусен? Боги. Лёпота – их дар» [13. С. 65–66].

Создание Пандоры становится подготовительным актом к творению человека. Прометей использует Пандору как идеальный образец при создании женщин:

Прообраза искал во мне художник
Своим твореньям (пьет зеркальность душу!)

И, на меня взирая, вас творил,
Прекрасные – мое подобье – сестры!
[13. С. 67].

У Пеладана Пандора появляется традиционным мифологическим путем: ее создают олимпийские боги, но так же, как у Иванова, **она играет демиургическую роль, становится образцом для творения**.

Боги создают тело Пандоры, но оно лишено сознания, обездушено, и Прометей вкладывает в «сияющую материю» душу.

O Matière splendide, st je te donne une âme,
voudras-tu sauver les humains? [14. P. 46].

[Les Dieux] m'ont donné la vie et tu m'as donné l'âme;
tu es mon maître, tu es mon Zeus! [Ibid. P. 54].

Пандора становится Матерью человека.
et maintenant tu t'appelles la Mère:
je te salue, sublime Majesté!
Penche-toi sur ce berceau d'osier, vois ces langes,
Être sacré, Être divin, source de l'homme! [Ibid. P. 46].

Она как бы пересоздает человеческую природу, смягчает человеческие нравы, приносит в жизнь нежность, радость, красоту.

viens créer l'homme, une seconde fois,
selon la douceur et la joie infinies!

Prométhée nous donne Pandore!
Oui, nous obéirons à l'adorable créature,
et nous serons très doux, nous plierons notre rude nature!
Viens fonder le foyer, la famille! [Ibid. P. 47].

Характерным аккомпанементом создания Пандоры у Иванова и Пеладана становится **мотив принесения Пандоры в жертву**. У Пеладана Пандора, создание богов, приносится ими в жертву ради наказания человеческого рода; у Иванова сам Прометей, создатель Пандоры, приносит ее в жертву ради того, чтобы добыть небесный огонь, необходимый ему для завершения творения человека.

С Пандорой у обоих поэтов связаны **сотериологические мотивы**. Изменения, которые произведет пеладановская Пандора в человеческом естестве, приведут к тому, что род бессмертных не только перестанет враждовать со смертными, но и соединиться с ним (С. 50), что будет означать окончательное спасение для человека.

Olympiens, vous vouliez abolir mon oeuvre,
mais je retourne l'arme contre vous!
De Pandore naîtra une race hardie:
ses filles vous plairont, Immortels!
vous viendrez dans leur lit.
Ainsi les Dieux se mêleront aux hommes,
car le Destin le veut! [Ibid. P. 50].

Ивановская Пандора, приносимая в жертву сынами Прометея и помещаемая Фемидой в глубине зем-

ли, становится символом человеческого духа, дремлющего в ожидании божественного нисхождения. Пандора – Невеста нового Диониса, которая воскреснет, как только он восторжествует в земном мире, с ее воскресением связывается исчезновение насилия и власти и утверждение рая на земле.

Различия между произведениями Пеладана и Иванова гораздо более очевидны и многочисленны, чем сходства. Однако комплекс образов, мотивов, смысловых акцентов, общих для обоих текстов, настолько редок, специфичен и ярък, что считать простым сов-

падением их совместное присутствие в произведениях на одну и ту же тему наивно и легкомысленно. Наличие общих черт у Прометеев Жозефена Пеладана и Вячеслава Иванова позволяет предполагать не только типологическую (философски и мистически окрашенную) общность в раскрытии одного из самых популярных «вечных» сюжетов, но и генетическую взаимосвязь, которая косвенным образом подтверждается сочувственным вниманием Иванова к творчеству Пеладана как раз в период оформления замысла трагедии «Прометей».

ПРИМЕЧАНИЕ

*Ганс Йонас, автор классической монографии по гностицизму, приводит свидетельства из трактата алхимика Зосимы «Омега», в котором представлен взгляд на Зевса, схожий с пеладановским и ивановским: Зевс, как противник Прометея, трактуется как гемармен, божественный властитель космоса, имманентный ему, а Прометей – как служитель трансцендентного божества (у Пеладана – безымянный бог, символ которого – огонь, у Иванова – Зевс премирный) [12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов В.И. Собрание сочинений. Брюссель, 1974. Т. 2. 852 с.
2. Сабо-Трифкович Б. Трагедия «Прометей» Вячеслава Иванова. Белград : Изд-во филол. фак-та в Белграде, 2010. 172 с.
3. Герасимов Ю.К. [Драматургия Вячеслава Иванова] // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). М. : Наследие, 2001. Кн. 2. С. 223–231.
4. Федосеева Т.В. Трагедия Эсхила «Прометей прикованный» и трагедия Вяч. Иванова «Прометей»: история создания и литературная судьба // Сравнительное литературоведение: теоретический и исторический аспекты : материалы Междунар. науч. конф. «Сравнительное литературоведение» (V Поспеловские чтения). М. : Изд-во МГУ, 2003. С. 247–252.
5. Дьяков А.В. «Магистральный» миф Вячеслава Иванова в свете гностических учений // Вторые Илиадиеские чтения : тез. докл. и выступлений междунар. науч. конф. Курск, 5 мая 1999 г. Курск : Изд-во КГПУ, 1999. С. 80–82.
6. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М. : Наука, 1987. 218 с.
7. Кибальниченко С.А. Реализация «основного мифа» Вячеслава Иванова в трагедии «Прометей» : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2017. 182 с.
8. Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. Исследования и материалы. М. : Новое литературное обозрение, 1999. 785 с.
9. Обатнин Г.В. Иванов-мистик; Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919). 240 с.
10. Иванов Вячеслав. Péladan. Sémiramis. Tragédie en quatre actes. Paris, 1904. Mercure de France. 1 fr. // Весы. Научно-литературный и критико-библиографический ежемесячник. Первый год издания. 1904. № 9. С. 54–55.
11. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М. : Искусство, 1976. 367 с.
12. Йонас Ганс. Гностицизм: гностическая религия. СПб. : Лань, 1998. URL: <http://psylib.org.ua/books/jonas01/txt03.htm#3> (дата обращения: 09.08.2018).
13. Иванов Вячеслав. Прометей. Трагедия. Петербург : «Алконост», 1919.
14. Péladan Sar. La Prométhéide. Paris, 1895. 167 p.
15. Voltaire F.M. Pandore // Théâtre de Voltaire. Paris, Didot, 1801. Vol. 4. P. 71–102.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 сентября 2018 г.

“La Prométhéide” by Josephin Péladan and “Prometheus” by Vyacheslav Ivanov: Rosicrucian Subtexts of the Symbolic Tragedy

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 5–10.

DOI: 10.17223/15617793/439/1

Leonid G. Kayanidi, Smolensk State University (Smolensk, Russian Federation). E-mail: leonideas@bk.ru

Keywords: Vyacheslav Ivanov; Josephin Péladan; Rosicrucianism; Prometheus; Pandora; touch points; myth; symbol; motive; image; subtext.

The Russian symbolism is characterized by a close attention to philosophical and aesthetic and to mystical and esoteric interests of French modernism. One of its most important figures was Josephin Péladan, one of the leaders of French Rosicrucianism. In the beginning of the 1900s, Vyacheslav Ivanov, a “master of Russian symbolism” paid attention to Péladan’s works. He published a review about Péladan’s drama “Semiramis” in the magazine *Vesy* in 1904. Right in this period, Ivanov conceived his tragedy “Prometheus” (1915). The aim of this research is to prove the thesis that Ivanov’s tragedy is chronologically and conceptually close to Péladan’s tragic trilogy *La Prométhéide* made in 1895 (especially to its first part “Prometheus, Bearer of Fire”). Therefore, the material of the research was Ivanov’s tragedy “Prometheus” and Péladan’s tragedy “Prometheus, Bearer of Fire”. In the research, several philological methods were used: comparative, motive, figurative, mythopoetic. The usage of these methods allowed revealing the main common features in these two works explicated on the figurative, motive, thematic and problematic levels. For the comparative analysis of the Russian and French texts, the author used several research works on symbolism, mythology, history of literature and history of religion. The research consisted of the following steps: (1) identification of parts of the texts that have common features on the figurative, motive, thematic and problematic levels; (2) a comparative analysis of the identified features; (3) conclusion on the received data. The result of the research was the identification and description of seven common features in Péladan’s and Ivanov’s tragedies: (1) the splitting of Zeus’s mythological antagonist Prometheus into two hypostases, higher and lower, transcendent and immanent; (2) the image of Prometheus as a demiurge; (3) an anthropological motive of the usage of stolen fire for completing the

creation of man; (4) the dualism of the creation determined by Orpheus's anthropology in Ivanov and by the discrepancy between the idea and its incarnation in Péladan; (5) the motive of Pandora's creation by Prometheus accompanied by the motive of her sacrifice; (6) the anthropological function of Pandora as an ideal model in the creation; (7) the soteriological function of Pandora as a peace-maker between gods and men. The complex of the common features between the two tragedies shows their typological similarity and their genetic relationship which is confirmed by Ivanov's sympathetic attention to Péladan's works right in the period of the formation of his idea of "Prometheus".

REFERENCES

1. Ivanov, V.I. (1974) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Brussels: Foyer Oriental Chretien.
2. Sabo-Trifkovich, B. (2010) *Tragediya "Prometej" Vyacheslava Ivanova* [Tragedy "Prometheus" by Vyacheslav Ivanov]. Belgrade: Izd-vo filol. fak-ta v Belgrade.
3. Gerasimov, Yu.K. (2001) *Dramaturgiya Vyacheslava Ivanova* [Dramaturgy of Vyacheslav Ivanov]. In: Keldysh, V.A. (ed.) *Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-kh godov)* [Russian Literature at the Turn of the Century (1890s – early 1920s)]. Book 2. Moscow: Nasledie.
4. Fedoseeva, T.V. (2003) [Aeschylus's tragedy "Prometheus Chained" and Vyach. Ivanov's tragedy "Prometheus": the history of creation and literary fate]. *Sravnitel'noe literaturovedenie: teoreticheskiy i istoricheskiy aspekty* [Comparative literature: theoretical and historical aspects]. Proceedings of the International Conference "Sravnitel'noe literaturovedenie" (V Pospelovskie chteniya) [Comparative Literary Studies (V Pospelov Readings)]. Moscow: Moscow State University. pp. 247–252. (In Russian).
5. D'yakov, A.V. (1999) [The "mainline" myth of Vyacheslav Ivanov in the light of the Gnostic doctrines]. Abstracts of International Conference. Kursk. 5 May 1999. Kursk: Kursk State Pedagogical University. pp. 80–82. (In Russian).
6. Golosovker, Ya.E. (1987) *Logika mifa* [The logic of the myth]. Moscow: Nauka.
7. Kibal'nichenko, S.A. (2017) *Realizatsiya "osnovnogo mifa" Vyacheslava Ivanova v tragedii "Prometej"* [Realization of the "main myth" of Vyacheslav Ivanov in the tragedy "Prometheus"]. Philology Cand. Diss. Voronezh.
8. Bogomolov, N.A. (1999) *Russkaya literatura nachala XX veka i okkul'tizm. Issledovaniya i materialy* [Russian literature of the early 20th century and the occult. Research and materials]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
9. Obatnin, G.V. (2000) *Ivanov-mistik; Okkul'tnye motivy v poezii i proze Vyacheslava Ivanova (1907–1919)* [Ivanov the mystic; Occult motifs in the poetry and prose of Vyacheslav Ivanov (1907–1919)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Ivanov, V. (1904) *Péladan. Sémiramis. Tragédie en quatre actes*. Paris, 1904. Mercure de France [Peladan. Semiramis. Tragedy in four acts. Paris, 1904. Mercure de France]. *Vesy*. 9. pp. 54–55.
11. Losev, A.F. (1976) *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The problem of character and realistic art]. Moscow: Iskusstvo.
12. Jonas, H. (1998) *Gnosticizm: gnosticheskaya religiya* [Gnosticism: Gnostic religion]. St. Petersburg: Lan'. [Online] Available from: <http://psylib.org.ua/books/jonas01/txt03.htm#3>. (Accessed: 09.08.2018).
13. Ivanov, V. (1919) *Prometej. Tragediya* [Prometheus. Tragedy]. Petersburg: "Alkonost".
14. Péladan, S. (1895) *La Prométhéide*. Paris: Chamuel. (In French).
15. Voltaire, F.M. (1801) *Pandore* [Pandora]. In: *Théâtre de Voltaire* [Voltaire's theater]. Vol. 4. Paris: Didot.

Received: 17 September 2018

К.К. Кашлева

РЕЧЬ ГЕРОЕВ И «Я»-ПОВЕСТВОВАНИЕ В СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ

На материале «Песни о Нибелунгах» анализируются особенности прямой речи героев эпоса, ее роль и функции в построении всего произведения, а также выявляются принципы соотношения речи героев и речи автора. Показано, что в прямой речи выделяются три плана: план устного предания, план устной речи XII–XIII вв. и план письменной (авторской) речи. Принципы организации и способы выражения прямой речи оказали существенное влияние на композицию поэмы, которая на 38% состоит из речи персонажей.

Ключевые слова: средневерхненемецкий язык; героический эпос; «Песнь о Нибелунгах»; прямая речь; синтаксис.

Введение

Средневерхненемецкий эпос как род литературы возник в эпоху расцвета рыцарской культуры. Он подразделяется на куртуазный (*höfischer Roman*) и героический (*Heldendichtung*). К куртуазному эпосу относят произведения Генриха фон Фельдеке, Готфрида Страсбургского, Гартмана фон Ауэ, Вольфрама фон Эшенбаха и др., к героическому – «Песнь о Нибелунгах», «Кудрун» и сказания о Дитрихе Бернском.

Героический эпос является образцом письменной речи, однако он базируется на устной традиции. Основанные на устных преданиях произведения могут послужить одним из источников для опосредованной реконструкции отдельных черт устной речи в средневековый период. Особый интерес в связи с этим представляют прямая речь героев и речь автора-рассказчика от первого лица.

Прямой речи в эпосе посвящен ряд работ как отечественных, так и зарубежных исследователей. Г.А. Баева рассматривает конструкции ввода прямой речи в средневерхненемецкой литературе на материале текстов разных жанров и приходит к выводу, что важная роль таких конструкций состоит в том, что с их помощью рассказчик управляет рецепцией [1. С. 86]. В коллективной монографии «Formen und Funktionen von Redeszenen in der mittelhochdeutschen Groöepik» освещены различные семантические, стилистические и прагматические аспекты прямой речи в

крупнейших эпических произведениях на средневерхненемецком языке [2]. А. Бекер в монографии «Poetik der wehselrede: Dialogszenen in der mittelhochdeutschen Epik um 1200» анализирует различные аспекты диалоговых сцен на материале 26 средневерхненемецких произведений. Она проводит различие между терминами *Dialog*, *Gespräch* и *wehselrede* и полагает, что наиболее удачным термином для эпоса является *wehselrede*, поскольку содержит в себе указание на смену говорящего [3. S. 31].

Настоящее исследование сфокусировано на прямой речи в «Песни о Нибелунгах». Задачи исследования заключаются в выявлении особенностей прямой речи героев эпоса, в определении роли и функций прямой речи в композиции всего произведения и в выявлении принципов соотношения речи героев и речи автора от первого лица.

Общая характеристика прямой речи в «Песни о Нибелунгах»

Прямая речь в «Песни о Нибелунгах» отражает речь высших слоев общества: королей и королев, знати и рыцарей, что обуславливает выбор соответствующей лексики. К ней относятся, в частности, этикетные, церемониальные речевые обороты. При уважительном обращении к одному человеку используется местоимение 2 л. мн. ч. *ir* (вместо *Sie*, как в современном немецком языке):

1398	<i>Si sprach zuo dem künige: „vil lieber herre mîn, ich wolde iuch bitten gerne <...>“ [4. S. 410].</i>	Она сказала королю: – Возлюбленный господин мой, я бы хотела попросить вас...
------	---	--

«Ты» (*dû*) обычно звучит в обращении старшего к младшему или владыки к вассалу, а также в мысленной речи. На «ты» обращается королева Ута к дочери Кримхильде (строфы 12, 14), король Зигмунд и королева Зиглинда к сыну Зигфриду (строфы 51, 54, 61), король Гунтер к Хагену (строфа 100), Кримхильда к посланцу (строфа 223).

Однако в некоторых случаях допускаются варианты. Так, Гунтер и Зигфрид обращаются друг к другу на «вы», как равные (строфы 154–157). Но Гунтер

обращается к Зигфриду и на «ты», при этом в ответ звучит «вы» (строфа 311). Когда же короли договариваются о браке Кримхильды и Зигфрида, то обращаются к друг другу на «ты» (строфы 330–331). Выбор местоимения в этих случаях носит стилистический характер, тогда как оппозицию *ir* – *dû* можно считать чертой устной речи того периода.

В обращениях допускается варьирование позиции притяжательного местоимения, что также следует отнести к стилистическим приемам:

1398	<i>Si sprach zuo dem künige: “il lieber herre mîn, ich wolde iuch bitten gerne <...>” [4. S. 410].</i>	Она сказала королю: – Возлюбленный господин мой, я бы хотела попросить вас...
------	--	--

1617	<p><...> <i>dô sprach aber Hagene: “niemen sol verjehen den mînen lieben herren, was wir hi hân getân</i> <...> [4. S. 474].</p>	<p>...но тогда Хаген сказал: – Никому нельзя рассказывать моему дорогому господину, что мы здесь сделали.</p>
------	--	---

Еще одна этикетная форма – просьба: “*tuot, des ich iuch bit*” – «Сделайте, о чем я вас прошу» (строфы 157, 319, 907).

Прямая речь, как и основной текст поэмы, служит источником сведений об обществе того времени. В речи героев встречаются лексемы, номинирующие важнейшие для рыцарской культуры понятия (*dienest* ‘служба’, *erlouben* ‘позволять’,

triuwe ‘верность’, *genâde* ‘милость, благосклонность’, *minnen* ‘любить (куртуазно)’, *herre* ‘господин’, *vrouwe* ‘дама’ и т.д.). Автор «Песни» придал героическому эпосу, который повествует о произошедших в V–VI вв. событиях, куртуазную окраску. Однако, несмотря на общий куртуазный тон, из поэмы можно узнать о реальном отношении к женщинам:

891	<p><...> <i>Daz hât mich sît gerouwen</i>”, sprach daz edel wîp. “ouch hât er dar umbe zerblouwen mînen lîp <...> [4. S. 262].</p>	<p>– В этом я раскаялась, – сказала благородная дама. – Он еще и побил меня за это.</p>
-----	--	---

Широко известно, что девушки благородного происхождения, выданные замуж, полностью находились во власти супруга [5. S. 147].

Другая черта прямой речи героев – повторяемость речевых оборотов, которая свойственна устным преданиям. Так, Кримхильда неоднократно, особенно во второй части, повторяет фразу об убийстве Зигфрида в разных вариациях, но с неизменным ядром “*ez het getân*” («сделал это»):

“<...> *daz ez hât Hagen getân.*” – «Это сделал Хаген» (строфа 1007) [4. S. 296].

“<...> *wesse ich, wer ez het getân.*” – «Знаю я, кто это сделал» (строфа 1009) [Ibid.].

“<...> *jâ habt ir ez getân.*” – «Да, это сделали вы» (строфа 1043) [Ibid. S. 306].

Другие персонажи также употребляют эту конструкцию для описания убийства:

“<...> *Nu ist iu doch gewizzen, was wir haben getân.*” – «Вам известно, что мы сделали» (строфа 1456, Хаген) [4. S. 426].

“<...> *Hagen hât es niht getân.*” – «Хаген этого не делал» (строфа 1042, Гунтер) [Ibid. S. 306].

Эта фраза в поэме иногда описывает и какое-то другое кровопролитие (строфы 1617, 1622).

Кроме того, в прямой речи присутствуют типичные для средневенхненемецкого языка черты, поскольку текст эпоса – письменная речь, которую создавал автор, исходя из известных ему норм. В первую очередь, это грамматические особенности.

Для средневенхненемецкого периода было характерно употребление двойного отрицания, которое складывалось из сочетания в одном предложении слова с отрицательной клитикой и отрицательного слова:

1187	<p><i>Dô sprach der kunic Gunther: “ine kan daz niht verdagen</i> <...> [4. S. 348].</p>	<p>Тогда король Гунтер сказал: – Я не могу промолчать...</p>
------	--	--

Что касается временных форм, то основными для прямой речи являются презенс (1) и перфект (2) индикатива, хотя встречаются и формы конъюнктив (3).

(1) “*hie kumt der starke Sîvrit, der helt von Niderlant.*” – «Вот идет могучий Зигфрид, герой из Нидерландов» (строфа 88) [4. S. 30].

(2) “<...> *jâ habt ir iz getân.*” – «Да, это сделали вы» (строфа 1043) [Ibid. S. 306].

(3) “*ob ich ein fürste wære*”, sprach der spilman <...> – «...будь я государем, – сказал шпильман» (строфа 1672) [Ibid. S. 490].

В противовес перфекту в прямой речи в остальном тексте чаще встречается претерит.

Важную роль в конструировании временного плана играют модальные глаголы. Так, конструкция вида «модальный глагол + инфинитив» часто имеет футуральный оттенок: “*Sô wil ich dir ze wîbe mîne swester geben.*” – «Тогда я отдам тебе свою сестру в жены» (строфа 332) [4. S. 102].

В поэме можно встретить такие модальные глаголы, как *suln*, *wellen*, *müezen*, *mügen*, *künnen*.

79	<p><i>Des antwurt dem künige von Metzen Ortwîn, rîch und küene, moht er wol sîn: “sît wir ir niht erkennen, nu sult ir heizen gân nâch mînem œheim Hagenen. den sult ir si sehen lân.”</i> [4. S. 28].</p>	<p>Ответил королю Ортвин Мецский (он был очень могуч, благороден и смел): – Мы их не знаем, вам стоит позвать моего дядю Хагена. Пусть он на них посмотрит.</p>
314	<p>“<i>Des râtes wil ich volgen.</i>” dâ mit si giengen dan. [Ibid. S. 96].</p>	<p>– Я последую совету. – С этим они разошлись.</p>
1398	<p><i>Si sprach zuo dem künige: “vil lieber herre mîn, ich wolde iuch bitten gerne, moht iz mit hulden sîn, daz ir mich liezet sehen, ob ich daz het versolt, ob ir den mînen vriunden wæret inneclichen holt.”</i> [4. S. 410].</p>	<p>Она сказала королю: – Возлюбленный господин мой, я бы хотела попросить вас доброжелательно принять моих родственников, если вы склонны показать мне, что я это заслужила.</p>

390	<...> <i>ob ich gewalt des hete, si müese werden mîn wîp.</i> ” [Ibid. S. 118].	– Будь это в моих силах, она бы стала моей женой.
248	“ <i>Ir muht in gerne danken</i> ”, sprach dô Liudegêr <...> [Ibid. S. 76].	– У вас есть причины благодарить их, – сказал тогда Людегер.

Еще одной распространенной глагольной формой является императив:

Dô sprach diu juncvrouwe: “nu merket, waz ich sage! <...> – «Тогда юная дама сказала: – Теперь послушайте, что я скажу!» (строфа 356) [4. S. 108].

Употребление императива естественно для поэмы, в которой тема взаимоотношений владык и вассалов является одной из центральных.

Приведенные данные показывают, что распределение временных форм в «Песни» вполне типично.

Конструкции ввода прямой речи

Конструкции ввода прямой речи в тексте играют роль мостика, соединяющего основное повествование, речь автора с речью героев.

В немецкоязычной литературе для обозначения таких конструкций принят термин *Inquit-Formel* – формула ввода прямой речи. Однако применительно к эпосу такой термин может звучать неоднозначно, поскольку то, какие именно речевые обороты в средневековых текстах можно считать формулами, является дискуссионным. Сам термин «формула» не всегда употребляется в одинаковом значении в трудах разных исследователей. Часть ученых руководствуются определением, предложенным М. Пэрри («группа слов, регулярно встречающаяся в одних и тех же метрических условиях и служащая для выражения того или иного основного смысла») [6. С. 14], некоторые используют термин «формула» как синоним термина «клише». Более удачным представляется использование в данном случае термина «конструкция ввода прямой речи».

Конструкция ввода может занимать пре-, пост- или интерпозицию по отношению к прямой речи. Иногда вводная конструкция отсутствует совсем, как в строфах 155–156, 337, 342, 391, 418–420, 453, или встречается и в начале, и в середине или конце прямой речи, как в строфах 353–354, 471, 496, 511–512 (двойная конструкция). Самая большая доля приходится на

препозицию (66%) и интерпозицию (22,5%). Двойная конструкция встречается в 2,7% случаев, постпозиция – только в 1% случаев, а в 6,8% случаев вводной конструкции нет.

У. Хеннинг, сравнив «Песнь о Нибелунгах» и «Евангелие» Отфрида, предположила, что автор «Песни» отбирал возможные варианты ввода прямой речи в соответствии с ритмическими требованиями нибелунговой строфы. При этом она ставит под вопрос возможность того, что такая комплексная система ввода прямой речи могла быть заимствована из устной традиции [7. S. 167].

Одной из наиболее частотных схем ввода прямой речи является конструкция с глаголом *sprêchen*:

<i>Dô</i>	<i>sprach</i>	<i>S</i>
then	3SG-say-PST	SBJ
‘Тогда (субъект) сказал(а)’		

или:

<i>sprach</i>	(<i>S</i>
	<i>dô</i>)	
3SG-say-PST	t	SBJ
	hen	
‘сказал(а) (субъект)’		

Подобная структура обеспечивает тесное слияние вводных слов и прямой речи, придавая строфе композиционное единство.

Похожую схему можно найти в эддической поэзии. Е.М. Мелетинский указывал, что к формульным общим местам в эддических песнях принадлежит введение или заключение прямой речи: *þá qvað þat Guðrún, Giúca dóttir* – «Сказала тогда Гудрун Гьюкадоттир (дочь Гьюки)». Менее распространен вариант с глаголом *andsvara* ‘отвечать’ (как и в «Песни»). Е.М. Мелетинский привел такую формулу [8. С. 81–82]:

<i>þa / Hitt</i>	<i>qvað</i>	<i>þat / þá</i>	+ имя и отчество / прозвище
then / that	3SG-say-PST	that / then	SBJ
‘Тогда / вот сказал(а) тот / тогда (субъект)’			

Сопоставление с эддической поэзией позволяет предположить, что конструкции ввода прямой речи в «Песни» вида *Dô sprach...*, вероятнее всего, были созданы в подражание устной традиции либо прямо заимствованы из нее.

Для ввода прямой речи могут использоваться глаголы говорения или ментальной деятельности. Из глаголов говорения употребляются следующие: (1)

sprêchen ‘говорить’, (2) *antwûrten* ‘отвечать’, (3) *vrâgen* ‘спрашивать’, (4) *reden* ‘говорить’, (5) *rüefen* ‘кричать’ (чаще встречается во второй части), (6) *jêhen* ‘говорить’, (7) *(en)biten* ‘просить’, (8) *sagen* ‘сказать’. К этой же группе примыкают глаголы (9) *grüezen* ‘приветствовать’, (10) *enphâhen* ‘встречать’ и выражение (11) *niht langer verdagen* ‘не молчать больше’.

(1)	¹⁶⁷² “ob ich ein fürste wære”, sprach der spilman, “und solde ich tragen krône, ze wibe wold ich hân die iuwern schœnen tohter. des wünschet mir der muot. diu ist minneclich ze sehen, dar zuo edel und guot.” [4. S. 490].	– ...будь я государем, – сказал шпильман, – имей я корону, тогда я бы пожелал вашу прекрасную дочь в жены. Этого жаждет мое сердце. На нее приятно посмотреть, она высокородна и невинна.
(2)	⁷⁹ Des antwortte dem kunege von Metzen Ortwin, rîch und küene, moht er wol sîn: “sît wir ir niht erkennen, nû sult ir heizen gân nâch minem æheim Hagene. den sult ir si sehen lân.” [Ibid. S. 28].	Ответил королю Ортвин Мецский (он был очень могуч, благороден и смел): – Мы их не знаем, вам стоит позвать моего дядю Хагена. Пусть он на них посмотрит.
(3)	³⁸⁸ Er vrâgte Sîvrîde, den gesellen sîn: “ist iu daz iht künde umb disiu magedîn, di dort her nider schouwent gein uns ûf die fluot? swi ir herre heize? si sint vil hôhe gemuot.” [Ibid. S. 118].	Он спросил Зигфрида, своего товарища: – Возможно, вы знаете, кто эти девушки, которые там сверху смотрят вниз на нас в море? И как зовут их господина? Они очень сильные духом.
(4)	²³²⁴ “Jâne dunket sich von Berne der herre Dieterîch nie sô starc des lîbes und ouch sô griuwelich – und wil erz an uns rechen, daz im ist getân”, alsô redete Hagene, “ich tar in rehte wol bestân.” [Ibid. S. 680].	– Да, кажется, король Дитрих Бернский могуч, а еще так страшен, как никогда в жизни, и собирается мстить нам за то [зло], что [мы] ему причинили, – так сказал Хаген. – Но я попытаюсь его одолеть.
(5)	²²⁹⁰ Dô rief der herre Gîselher Wolfharten an: “ouwê, daz ich sô grimmen vîent ie gewan! <...> [Ibid. S. 670].	Тогда король Гизелер закричал Вольфхарту: – Горе, что я приобрел такого сильного врага!
(6)	¹⁰⁴⁰ <...> Kriemhilt begonde jehen : “swelcher sî unschuldige, der lâze daz gesehen! <...> [Ibid. S. 306].	Кримхильда начала говорить: – Кто считает, что невиновен, должен это доказать.
(7)	¹²¹⁷ <...> dô bâten si die degene: “nû lazet doch geschehen, ob ir anders niht getuot, daz ir den boten ruochet sehen!” [Ibid. S. 358].	Тогда герои попросили ее: – Раз так, согласитесь хотя бы, если вы не хотите большего, принять посланника.
(8)	²³⁰⁸ Dô sagt er sînem herren: “ez tet Hagene. <...> [Ibid. S. 674].	Тогда он сказал своему господину: – Это сделал Хаген.
(9)	¹⁴³⁶ Der küenegezogenliche grüezen si began. “sît willekomen ir beide, ir Hiunen spilman <...> [Ibid. S. 422].	Король учтиво поприветствовал их: – Добро пожаловать вам обоим, гуннские шпильманы.
(10)	¹⁹¹⁹ Alsô der herre Blædelîn für die tische gie, Dancwart, der marschalch, in vlîzeclîche empfie : “willekomen her ze hûse, min her Blædelîn! <...> [Ibid. S. 562].	Когда господин Блэдель подошел к столу, рыцарь Данкварт особенно вежливо встретил его: – Добро пожаловать в этот дом, господин Блэдель!
(11)	¹⁵⁹⁹ <...> dône wolde Hagene niht langer si verdagen : “wer jaget uns ûf der strâze?” [Ibid. S. 468].	Тогда Хаген не захотел больше молчать: – Кто нас преследует?

Особое положение занимает глагол *denken* ‘думать’, который обозначает мысленную речь героев.

²⁸³	Er dâht in sînem muote: “wi kunde daz ergân, daz ich dich minnen solde? daz ist ein tumber wân <...>” [Ibid. S. 86].	Он подумал про себя: «Как это возможно, что я осмелился тебя полюбить? Это глупая химера».
⁴²⁸	si dâhten : “unser reise diu ist uns rechen niht ze guot.” [Ibid. S. 128].	Они подумали: «Это путешествие для нас, героев, не к добру».

Мысли героев представляют собой образец монологической речи, тогда как в целом в поэме прямая речь преимущественно диалогическая. С художественной точки зрения этот прием позволяет автору

лучше раскрыть внутренний мир и характер героев. Иногда прямой речи предшествует описание действий, которые сопровождают слова героев (например, строфы 445, 2001). Этот способ низкочастотен.

⁴⁴⁵ *Wol hört diu maget edele, waz der degē sprach.
mit smielendem munde si über ahsel sach:
“nu er dunke sich sô küene, sô traget in ir gewant.
ir vil scharpfen wâffen gebet den recken an die hant.”* [Ibid. S. 134].

Благородная девица слушала, что говорил герой. С улыбкой на устах она посмотрела через плечо:
– Если ему кажется, что он так смел, несите ему доспехи. Дайте герою в руку острейший меч.

Разнообразие вводных конструкций позволяет автору оформить текст стилистически, тогда как функционально вводные конструкции сигнализируют о том, что дальше последует речь персонажа. Это особенно важно при чтении рукописи, где нет никаких пунктуационных обозначений.

Речь автора от первого лица

В широком смысле все повествование, включая прямую речь персонажей, ведется автором, а значит, прямая речь неизбежно подвергается литературной обработке. В то же время рассказчик, транслирующий устное предание, претендует на то, что передает слова героев без

искажения. Однако даже при устной передаче прямая речь претерпевает изменения, которые вольно или невольно вносит рассказчик. В случае же письменной фиксации эпоса автор сознательно обрабатывает и изменяет прямую речь персонажей. При этом он сохраняет напоминание о том, что «Песнь о Нибелунгах» основана на устной традиции: таким напоминанием становится речь автора от первого лица, «я»-повествование.

Говоря о себе, автор чаще всего употребляет местоимение *ich* (например, строфы 6, 8, 20, 39, 68, 129, 140, 181, 196, 371, 568, 627, 1013, 1504, 2376), однако встречаются также варианты *wir* (например, строфы 90, 380, 1056, 1287) и безличное *man* (например, строфы 6, 27, 1060).

⁶ *Die drîe kunēge wâren, als ich gesaget hân,
von vil hôhem ellen. in wâren undertân
ouch di besten recken, von den man hât gesaget,
starc und vil küene, in scharpfen strîten unverzaget.* [4. S. 6].

Три короля были, как я уже сказал, сильными и могучими. А в подчинении у них были лучшие герои, о которых рассказывали, могучие и сильные, стойкие в жестоких сражениях.

⁹⁰ *Er sach sô vil gesteines, sô wir hâeren sagen,
hundert kanzwegene ez möhten niht getragen,
noch mê des rôten goldes von Nibelunge lant.
daz solt in allez teilen des küenen Sîvrîdes hant.* [4. S. 32].

Он увидел столь много драгоценных камней, так мы слышали, что на сотне повозок их было не увезти, а еще червонное золото из страны нибелунгов. Все это должна была разделить рука смелого Зигфрида.

В некоторых случаях автор высказывает свои предположения о чем-то (см. строфы 39, 68, 371, 1013), используя глагол *wânen*:

⁶⁸ *Ez was leit den recken. ez weinte ouch manec meit.
ich wân, in het ir herze rehte daz geseit,
daz in sô vil der friuwende dâ von gelæge tôt. <...>* [4. S. 26].

Героям было тяжело. Многие девушки плакали. Я думаю, им, верно, подсказало сердце, что много друзей погибнет.

Такие авторские ремарки являются частью лейтмотива о трагическом будущем, которое ждет героев. Они добавляют дополнительные штрихи к идее неотвратимости судьбы, которая пронизывает текст поэмы.

Автор часто употребляет обороты, которые могли быть присущи устному рассказу (*als ich gesaget hân* ‘как я уже сказал’, *sô wir hâeren sagen* ‘такой рассказ мы слышали’), и иногда обращается прямо к слушателю (строфы 181, 568, 627, 2376): *Ich sag iu, wer der*

wære, der der warte pflac. – «Я скажу вам, кто это был, тот, кто нес дозор» (строфа 181) [4. S. 58]. Такое обращение сближает рассказчика и слушателя и лишний раз подчеркивает, что «Песнь о Нибелунгах» – это *mære*, что-то, о чем рассказывают много и с удовольствием, нечто широко известное.

Лексема *mære* не только характеризует «жанр» поэмы, но и широко используется в тексте «Песни» в значении ‘известия, вести, новости’:

¹⁷¹² *Die boten für strichen mit den mæren
daz di Nibelunge zen Hiunen wæren:
“du solt si wol enpfâhen, Kriemhilt, wrowe mîn.
dir koment nâch vil grôzen êren di vil lieben
bruoder dîn.”* [4. S. 500].

Посланники спешили с вестью, что нибелунги придут к гуннам:

– Встреть же их хорошо, Кримхильда, моя жена. Тебе большой почет от того, что [придут] твои любимые братья.

У этой лексемы есть и значение «придворная беседа»: именно в этом смысле ее употребляет Хаген, когда говорит о гуннах в строфе 1956:

<p>“<i>si wæn lîht des enbæren, der an der tür dâ stât unt diu hovemære gesaget den Burgonden hât</i>” [4. S. 572].</p>	<p>– Они, я думаю, с удовольствием избавились бы от того, кто стоит у двери и рассказал бургундам придворные новости.</p>
---	---

В данном случае *hovemære* используется в ироническом смысле: имеется в виду известие о том, что гунны напали на бургундскую дружину. Приемами автора-рассказчика пользуются и внутренние рассказчики в поэме.

В их прямой речи также встречается формула «я / мы / кто-то слышал эту историю» или «мне это рассказывали» (строфы 86, 342), а также обращение к слушателю (строфа 419):

<p>⁸⁶ “<i>Dâ der helt aleine ân alle helfe reit, er vant vor eime berge, daz ist mir wol geseit <...></i>” [4. S. 30].</p>	<p>– Герой ехал в одиночку, безо всякой помощи, и он добрался до горы (именно так мне рассказывали).</p>
<p>³⁴² “<i><...> des sulen wir rîchiu kleider vor der frouwen tragen, daz wirs iht haben schande, sô man diu mære hære sagen.</i>” [Ibid. S. 104].</p>	<p>– ...при госпоже нам нужно носить богатую одежду, чтобы не навлечь на себя позор, когда об этом будут говорить.</p>
<p>⁴¹⁹ “<i>Er ist geborn von Rîne. waz sol ich dir sagen mër? <...></i>” [Ibid. S. 126].</p>	<p>– Он родился на Рейне. Что мне еще тебе сказать?</p>

Одной из интересных особенностей является случай вложенной прямой речи (строфа 88):

<p><i><...> ir einer drunder sprach: “hie kumt der starke Sîvrit, der helt von Niderlant.”</i> [4. S. 30].</p>	<p><i><...></i> Один из них сказал: – Вот идет могучий Зигфрид, герой из Нидерландов.</p>
--	---

Слова о Зигфриде вложены в прямую речь Хагена, который рассказывает историю о том, как Зигфрид добыл сокровище нибелунгов. Вложенная прямая речь, в отличие от косвенной, позволяет создать впечатление живого, реального рассказа.

На синтаксическом уровне в авторских ремарках наряду с презенсом встречается перфект (например, строфы 6, 196, 568, 1504), что является еще одним сигналом об изначальной устности. Речь автора от первого лица подчеркивает двойственную устно-письменную природу «Песни о Нибелунгах».

Заключение

Современные исследователи лишены возможности получить полную информацию о фонетической стороне устной речи, что значительно обедняет наши представления о том, как реально могли звучать средневековые произведения. Даже в хрониках, где летописец может ввести прямую речь исторического деятеля в качестве цитаты, происходят транспозиция и трансформация устной речи в письменную. По этой причине так важен критический подход к анализу прямой речи.

В прямой речи персонажей «Песни о Нибелунгах» отчетливо выделяются три плана: план устного предания, план устной речи XII–XIII вв. и план письменной (авторской) речи. К плану устного предания (чертам, унаследованным от устной традиции) можно отнести повторяемость отдельных речевых оборотов. Некоторые конструкции ввода прямой речи (типа *Dô sprach...*) имеют аналоги в эддической поэзии, что дает основание считать, что они подражают устной

традиции или заимствованы из нее. К плану устного предания можно отнести и речь автора-повествователя от первого лица, который иногда обращается прямо к слушателям и указывает, что он где-то слышал эту историю. Сходные черты присущи и речи внутренних рассказчиков. План устной речи XII–XIII вв. представлен в поэме этикетными формами речи (обращения, просьбы), а также оппозицией *ir – dû* («вы» – «ты»). Черты письменной речи прослеживаются в употреблении двойного отрицания и временных форм, основными из которых для прямой речи являются презенс и перфект индикатива. Еще одной существенной особенностью является употребление клитик. В прямой речи наблюдается большое количество как проклитик, так и энклитик, что во многом связано со способом построения двойного отрицания, когда клитика с отрицательным значением присоединяется к глаголу (проклитика) или местоимению (энклитика) в дополнение к отрицательному слову.

Кроме того, прямая речь героев позволяет судить о представлениях, характерных для общества того времени, например о том, что мужчина должен поучать жену (“*man sol vrouwen zihen*”).

Для дальнейшего исследования важную роль играет синтаксический анализ. Поскольку в самой рукописи точками отмечены только границы полустрок и строк, в критических изданиях текста членение предложений зависит от подхода издателя. Особого внимания заслуживает вопрос о границах сложносочиненных предложений. В его решении может помочь составление деревьев зависимостей для неочевидных случаев, но большинство из них не относится к прямой речи.

В «Песни о Нибелунгах» прямая речь героев составляет значительную часть текста – примерно 38%, 24% из которых приходится на вторую часть поэмы (авентюры 20–39). Это позволяет говорить о том, что принципы организации и способы выражения прямой речи оказали существенное влияние на построение текста в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баева Г.А. Формульность ввода прямой речи в средневерхненемецкой литературе // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2016. С. 78–88.
2. Miedema N., Hundsnurscher F. (Hg.) *Formen und Funktionen von Redeszenen in der mittelhochdeutschen Großepik*. Walter de Gruyter, 2007. 328 s.
3. Becker A. *Poetik der wehselrede: Dialogszenen in der mittelhochdeutschen Epik um 1200*. Frankfurt am Main; Berlin; Bern: P. Lang, 2009. 317 s.
4. Das Nibelungenlied. Mhd / Nhd. Nach der Handschrift B. Hrsg.: U. Schulze. Übers. u. Komm.: S. Grosse. Stuttgart: P. Reclam, 2010. 992 s.
5. Blockmans W., Hoppenbrouwers P. *Introduction to Medieval Europe 300–1500*. Taylor and Francis, 2014. 498 p.
6. Лорд А.Б. Сказитель. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. 368 с.
7. Henning U. Die Bezeichnung des Redeeingangs im Nibelungenlied – eine “Formel”? // *Medium aevum deutsch: Beitr. zur deutschen Lit. des hohen und späten Mittelalters. Festschrift für Kurt Ruh zum 65. Geburtstag* / Hrsg. von Dietrich Huschenbett et al. Tübingen: Niemeyer, 1979. S. 165–174.
8. Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М.: Наука, 1968. 363 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 10 октября 2018 г.

Direct Speech and First-Person Storytelling in Middle High German Epic Poetry

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 11–17.

DOI: 10.17223/15617793/439/2

Kseniia K. Kashleva, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: k Kashleva@hse.ru

Keywords: Middle High German; epic poetry; *Nibelungenlied*; direct speech; syntax.

Epic Middle High German poetry is a sample of written language based on oral tradition. Such literary works can play an important role in addressing the issue of reconstruction of some features that are natural for medieval oral speech. To investigate these features, of particular concern is direct speech of characters and first-person storytelling. There are three primary aims of this study: (1) to explore aspects of direct speech of epic characters; (2) to examine the role and functions of direct speech in the text; (3) to investigate the relationship between direct speech of characters and first-person storytelling. This study uses a qualitative approach. The material for this study was the Middle High German epic poem *Nibelungenlied*. The current study found that direct speech of characters in the *Nibelungenlied* has three layers: the layer of oral tradition, the layer of oral speech of the 12th–13th centuries, and the layer of written language. The layer of oral tradition is presented by repetition of specific phrases. Some of speech patterns for introducing direct speech (like *Dô sprach...*) are comparable with patterns in the Eddic poems, which can indicate that such patterns emulate or are taken from oral tradition. To this layer also belongs first-person storytelling. The author sometimes addresses the listeners directly and points out that he has heard the story told. The same technique is used by inner storytellers. The layer of oral speech of the 12th–13th centuries is shown by ceremonial speech patterns (addresses, requests) and by the opposition between *ir* and *dû* (plural *you* and singular *you*). The layer of written language is exposed by double negation (emphatic negation) and tense forms. The main tense forms are the present indicative and the perfect indicative. Another essential feature is clitics. The results show that there is a big number of both proclitics and enclitics in the direct speech of epic characters. Clitics are an integral part of double negation. Double negation in Middle High German was usually presented by two negative words in the same sentence. One of these words was formed with adding either a negative proclitic to a verb or a negative enclitic to a pronoun. If we turn to the content, through direct speech we can see ideas that were typical of medieval society, for example, the real, not ceremonial, attitude to women. The study has shown that the share of direct speech in the *Nibelungenlied* is about 38% of the whole poem, 24% of which occurs in the second part (Chapters 20–39). These results suggest that direct speech has a great impact on the construction of the text.

REFERENCES

1. Baeva, G.A. (2016) Formul'nost' vvoda pryamoy rechi v sredneverkhnenemetskoj literature [Formality of introducing direct speech in Middle High German literature]. In: Baeva, G.A. et al. (eds) *Nemetskaya filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete* [German philology at St. Petersburg State University]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
2. Miedema, N. & Hundsnurscher, F. (Hg.) (2007) *Formen und Funktionen von Redeszenen in der mittelhochdeutschen Großepik* [Forms and functions of speeches in the Middle High German Epic]. Walter de Gruyter.
3. Becker, A. (2009) *Poetik der wehselrede: Dialogszenen in der mittelhochdeutschen Epik um 1200* [Poetics of Vain Speech: Dialogue Scenes in the Middle High German Epic of 1200]. Frankfurt; Berlin; Bern: P. Lang.
4. Schulze, U. (ed.) *Das Nibelungenlied* [The Song of the Nibelungs]. Stuttgart: P. Reclam.
5. Blockmans, W. & Hoppenbrouwers, P. (2014) *Introduction to Medieval Europe 300–1500*. Taylor and Francis.
6. Lord, A.B. (1994) *Skazitel'* [Narrator]. Moscow: Vostochnaya literatura.
7. Henning, U. (1979) Die Bezeichnung des Redeeingangs im Nibelungenlied – eine “Formel”? In: Huschenbett, H. et al. (eds) *Medium aevum deutsch: Beitr. zur deutschen Lit. des hohen und späten Mittelalters. Festschrift für Kurt Ruh zum 65. Geburtstag*. Tübingen: Niemeyer. (In German).
8. Meletinskiy, E.M. (1968) “Edda” i rannie formy eposa [“Edda” and the early forms of the epic]. Moscow: Nauka.

Received: 10 October 2018

В.В. Королева

«ГОФМАНОВСКИЙ КОМПЛЕКС» В ТЕАТРАЛЬНОЙ ЭСТЕТИКЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Целью статьи является выделение «гофмановского комплекса», включающего живописно-музыкальную гармонию (синестезия искусств); романтическую иронию и гротеск; своеобразное решение проблемы механизации жизни и человека, проявляющейся в образах – символах маски, куклы, автомата, марионетки и двойника, образа-символа глаз как единственного способа распознавания подлинности живого – неживого, а также исследование отражения этого комплекса в театральной эстетике Серебряного века.

Ключевые слова: Э.Т.А. Гофман; Серебряный век; живописно-музыкальная гармония; романтическая ирония и гротеск; механизация жизни и человека; маска; кукла; автомат; марионетка; двойник; образ-символ глаз.

Выделение «гофмановского комплекса» в эпоху Серебряного века

Немецкий романтик Э.Т.А. Гофман оказал значительное влияние на развитие не только русской литературы, но и на процессе реформирования русского театра на рубеже XIX–XX вв. Это было обусловлено тем, что он знал о театре не понаслышке. Гофман сам увлекался театральным искусством и пробовал себя в качестве автора зингшпелей («Маска», «Веселые музыканты»), «Шутка, хитрость и месть»), а также написал пьесу-сказку «Принцесса Бландина». С 1810 г. Гофман выполнял обязанности режиссера и помощника директора Бамбергского театра, а в 1813 г. стал музыкальным директором оперной труппы Йозефа Секонды. Свои взгляды на театр он сформулировал в сборнике критических статей и очерков «Крейслериана I», «Крейслериана II» и в эссе «Необыкновенные страдания директора театра».

Однако гофмановская эстетика сформировалась как единое целое не только в его театральных произведениях, но и в прозе. Мы выделяем совокупность театральных и литературных приемов немецкого писателя в качестве «гофмановского комплекса», узнаваемого в литературной традиции, в том числе в русской литературе Серебряного века. Этот комплекс включает такие элементы, как живописно-музыкальную гармонию (синестезия искусств); романтическую иронию и гротеск; своеобразное решение проблемы механизации жизни и человека, проявляющейся в образах – символах маски, куклы, автомата, марионетки и двойника, которые подменяют человека; символа глаз как единственного способа распознавания подлинности *живого – неживого*.

В эпоху реформирования русского театра на рубеже XIX–XX вв. режиссеры и драматурги искали теоретических обоснований новым принципам в драматическом искусстве, что способствовало актуализации «гофмановского комплекса» и его театральной эстетики. Идеи Гофмана оказались особенно близки В.Э. Мейерхольду, Н.Н. Евреинову, А. Блоку А. Белому, Ф. Сологубу, В. Брюсову, Вяч. Иванову, М.А. Кузмину и др., о чем свидетельствуют упоминания имени немецкого романтика в их эссеистике, письмах, воспоминаниях. При этом комплекс в их творчестве воспроизводится либо целиком, как у

Мейерхольда, А. Блока и др., либо его часть, как у Вяч. Иванова, которая актуализирует целое семантическое ядро всего комплекса.

Интерес к Гофману в конце XIX в. был положен Вл. Соловьевым, который в 1880 г. перевел новеллу «Золотой горшок». Его обращение к творчеству писателя-романтика было обусловлено сходством эстетики романтизма и мировоззрения Гофмана с его собственной философско-эстетической позицией, что нашло отражение в философской лирике Вл. Соловьева, где важную роль играют темы двоemiрия, поэтика намеков, отсылки к вечным образам и темам, свойственные романтизму. В большей степени «гофмановский комплекс» проявился у Соловьева в шуточных стихотворениях и пьесах («Альсим», «Белая лилия» и «Дворянский бунт»), где на первый план выступает ироническое начало. Эти пьесы наполнены гофмановскими аллюзиями. Коллективное авторство этих произведений может красноречиво свидетельствовать о назревании в литературном кругу идеи о необходимости трансформации русского театра.

В процесс реформирования театра были включены многие поэты и писатели, эстетические взгляды которых накладывались на режиссерские поиски. Так, В. Брюсов в рецензии на «Вишневый сад» пишет о том, что творческий опыт Чехова – «это не искусство, оно несовременно и “Вишневый сад” – хорошая пьеса, но это ни в коем случае не создание искусства. Ставить “Вишневый сад” наряду с созданиями Пушкина [или Ибсена], Достоевского, Толстого – значит напрасно подвергать унижению [“Вишневый сад”] Чехова. У истинного искусства есть свои задачи, есть вопросы, всегда для всех главные, которые может решать только искусство» [1. С. 197–198]. По его мнению, пришло время нового театра и новой литературы, поэтому для него Чехов не вдохновенный творец, «а драматург, “поставляющий” театру пьесы...» [Там же. С. 192].

Начиная с 1902 г. В. Брюсов отстаивал принцип условности и самовыражения актера как главные составляющие театрального искусства и критиковал натуралистический реализм Московского художественного театра [2. С. 32–41]. Не случайно В.Э. Мейерхольд прислушивался к мнению Брюсова и считал, что он первым обосновал принципы русского условного театра [3. С. 123–177]. Брюсов не принимал тол-

кование символизма как религиозно-мистического искусства. Он считал, что подлинный театр должен совмещать принцип реалистической игры с условностью в оформлении, о чем писал в статье «Реализм и условность на сцене» 1908 г. Русский символист по своему воспринял идею синтеза искусств, восходящую к Гофману. Он «мечтал о таком же искусстве для глаз, как звуковое для слуха, о переменных сочетаниях черт и красок и огней» [4. С. 50].

Идея синтеза искусств в театральной эстетике Серебряного века

Гофмановскую идею синтеза искусств разделяли большинство представителей Серебряного века. Именно Э.Т.А. Гофман в литературе стал одним из первых практиков синтетического искусства. По мнению исследовательницы С.Н. Питиной, это связано с тем, что синтетичность составляла «органическую внутреннюю сущность его художественного мышления» [5. С. 368]. Считая себя музыкантом в большей степени, чем писателем, он, утверждал, что музыка – это «самое романтическое из всех искусств, пожалуй, можно даже сказать, единственное подлинно романтическое, потому что имеет своим предметом только бесконечное. На самом деле художник, которого по обдуманности его творений с полным правом можно поставить рядом с Гайдном и Моцартом, отделяет свое “я” от внутреннего царства звуков и распоряжается ими, как полноправный властелин» [6. Т. 1. С. 55]. Его в большей степени, чем других романтиков, интересовала возможность взаимопроникновения искусств, степень их слияния. По словам Н.А. Корзиной, «Гофман определяет зрение музыканта как внутренний слух, как бы указывая тем самым на соотношение в его сознании оптического и акустического, на слияние изобразительных и музыкальных впечатлений <...> говорит о соответствиях между цветом, запахом и звуком, считая, что все они имеют общий источник и потому “должны объединиться в чудесной гармонии”» [7. С. 163–171]. Например, в очерке «Крайне бессвязные мысли» Гофман пишет о синтезе звука, цвета и запаха: «...я нахожу известное соответствие между цветами, звуками и запахами. Мне представляется, что все они одинаково таинственным образом произошли из светового луча и потому должны объединиться в чудесной гармонии» [6. Т. 1. С. 66].

Идея синтеза искусств становится популярной на рубеже веков благодаря не только Гофману, но и его последователям – Р. Вагнеру, считавшему, что произведение искусства должно стать реализацией «окончательного и предельного синтеза», и Вл. Соловьеву, утверждавшему, что искусство способно «одухотворить действительность», что невозможно без синтеза искусств.

В.Э. Мейерхольд вслед за Гофманом уделяет большое внимание музыкальному оформлению пьес, в основу которого он ставит принцип синтеза искусств. В письме Б.В. Асафьеву от 9 января 1928 г. В.Э. Мейерхольд пишет об особой роли музыки в своих пьесах: «Если бы Вы видели, как выстроил я

“сцену за столом” (жрут фрукты и торты, пьют хересы amontillado – гофманская марка!) и как связал я эту сцену с ноктюрном Field’a № 5, Вы обязательно нарядили бы этот ноктюрн в оркестровую одежду. Умоляю Вас, дайте мне оркестрованного Field’a» [8. С. 272]. Идея синтеза искусств отразилась также в театральной эстетике А. Белого и Вяч. Иванова, которые мечтали создать театр мистерий, восходящий к романтизму. Белый полемизировал с Вяч. Ивановым по поводу синтеза искусств, порой не принимая его. Однако позже утверждал возможность синтеза при условии самосовершенствования личности: «...нам остается один путь: путь перерождения: творчество жизни, как и сама жизнь зависит от нашего преображения...» [9. С. 528]. Вяч. Иванов свою теорию «сборного театра» изначально строит на идеях двойственности и синтеза искусств. Он называет искусство – храмом, где должны раскрываться тайные смыслы человеческого бытия, которые способствуют гармонии в отношениях человека и мира. Образ храма, как символа искусства, восходит к Гофману: «Искусство позволяет человеку почувствовать свое высшее назначение и из пошлой суеты повседневной жизни ведет его в храм Изиды, где природа говорит с ним священными, никогда не слыханными, но тем не менее понятными звуками» [6. Т. 1. С. 128–129]. Исследовательница Е.Н. Потапова считает, что взгляды символистов на проблему синтеза искусств имеют общие черты: «...идею о преображении, одухотворение жизни теургическим искусством, основанном на союзе всех муз, идею о ведущей роли театра в создании такого целостного сборного искусства, священную миссию художника-творца в деле пересоздания жизни, панмузыкальность и панэстетизм символистских теорий» [10. С. 232].

Проблема механизации жизни и человека в театральной эстетике Серебряного века

Неотъемлемой частью гофмановского комплекса является проблема механизации жизни и человека, которую немецкий романтик одним из первых поднял в литературе. Исследователь С. Ванслов утверждает, что «эгоистическое бездушие в моральном смысле художественно трансформируется романтиками в бездушие в физическом смысле, и механизм-автомат становится образной формой выражения характерных черт современного человека» [11. С. 83]. Гофман считал, что современный человек утратил свою целостность, попал в подчинение искусственной жизни, где автоматы ценятся больше, чем живой человек. Об этом он пишет в новелле «Песочный человек», где Натанаэль в качестве невесты предпочитает куклу Олимпию живой девушке Кларе. А в повести «Автоматы» кукла-турок и вовсе выступает в роли оракула человеческой судьбы. По мнению писателя, человек превратился в маленькое звено в огромном механизме. Подобную метафору он создает в своем критическом очерке «Мысли о высоком назначении музыки», сравнивая человека с «хорошим зубчатым колесом в государственной мельнице» [6. Т. 1. С. 52].

Эта проблема была подхвачена и реализована в творчестве многих писателей и режиссеров в разных вариациях. Во-первых, писатели признают, что современный человек попал в зависимость от прогресса, в результате чего он теряет душу и становится куклой. Об этом пишет Блок в драме «Балаганчик», где поэт пытается создать пьесу нового типа. На интерес Блока к этой теме указывает Вяч. Иванов в своих «Записях о Блоке»: «У Блоков об пустышке говорил. Саше – Ал. Блоку очень это знакомо. Он даже на стуле изобразил, согнувшись вбок, как пустышка за столом сидя вдруг скривится набок, свесив руки» [12. С. 392]. Блок вслед за Гофманом поднимает проблему обезличивания человека в современном мире, поэтому главными героями его пьесы «Балаганчик» становятся марионетки. Блок привносит в свое лирическое и драматическое творчество и ироническое начало, восходящее к Гофману. Проблему обезличивания человека в современном мире русский поэт поднимает и в эссе «Девушка розовой калитки...», где Германия предстает как страна, идущая в ногу с прогрессом, поэтому все современные технические достижения становятся неперенным атрибутом жизни немцев. Блок не принимает такую культурность, для него механизация – это путь, который ведет к гибели культуры. В статье символом такого механизма – духовного разрушителя является поршень, «тянущийся по полям и холмам, под железнодорожной насыпью на несколько километров» [13. Т. 5. С. 52], который приводит в движение колесо мельницы, а значит, символизирует собой сытость и процветание страны.

Проблема механизации человека в современном мире появляется и в произведениях других писателей. Например, Ф. Сологуб в романе «Мелкий бес» создает картину всеобщего духовного омертвения. Андреев в драме «Жизнь человека» противопоставляет Человека всем остальным – куклам. Блок, посмотрев эту драму, находит в ней близкие ему переживания в связи с вызовом, который делает Человек окружающему «страшному миру», где все люди – «какая-то случайная утварь жизни, подозрительная рухлядь, плывущая оловянной рекой; даже не люди, а умирающие тени или случайно оживающие куклы» [Там же. С. 193]. Именно в андреевской драме Блок увидел в Человеке сильную личность, подлинного «не картонного героя новейшей драмы» [Там же. С. 189]. Блок считает, что в его образе есть «яркое доказательство того, что Человек есть человек, не кукла, не жалкое существо, обреченное тлению, но чудесный феникс, преодолевающий ледяной ветер безграничных пространств» [Там же. С. 193].

Феномен двойничества в театральной эстетике Серебряного века

Другим вариантом воплощения проблемы механизации человека и культуры у Гофмана становится образ маски, которая помогает скрыть истинное лицо человека, его душу. Немецкий романтик активно использовал в своем творчестве образы традиционных персонажей итальянской комедии масок *dell'arte*, ставшей популярной с XVI по XVIII в. Большинство

актеров в комедии играли в масках, за которыми скрывалось подлинное лицо человека. Это повлекло за собой традицию рассматривать эти образы как двойящиеся. Отличительной чертой *commedia dell'arte* были постоянные «типовые» персонажи, которые переходили из одной комедии в другую и имели утвердившуюся характеристику, амплу маски. Первые театральные произведения Гофмана были созданы в традиции *commedia dell'arte*: зингшпиль «Маска», балет «Арлекин». В пьесе «Принцесса Бландина» немецкий писатель добавляет к традиционным маскам итальянской комедии свою особую иронию и гротеск. Однако Гофман находится в постоянном поиске и поэтому переносит театральных персонажей *commedia dell'arte* в рамки прозаического произведения – сказки-каприччио, создав новеллу «Принцесса Брамбилла».

Традиция мифологизации в литературе персонажей *commedia dell'arte* была продолжена в эпоху Серебряного века. Многие художники, опираясь на уже имеющееся традиционное толкование этих образов, пытаются в своем творчестве найти новые пути в обнаружении глубинных смыслов, возможности их переакцентировки. По словам А.В. Лаврова, Москва в начале XX в. представляла собой «сцену не только для торжественных ритуалов, но и для всевозможных игр и “арлекинад”, которые выполняли функцию юмористических интермедий в мистериальном действе, оттенявших сакральный смысл событий» [14. С. 57]. В подтверждение этой мысли звучат слова А. Белого: «Сами же мы набрасывали покров шуток над нашей заветной зарей <...> и начинали подчас дурачиться и шутить о том, какими мы казались бы “непосвященным” людям, и какие софизмы и парадоксы вытекали бы, если бы утрировать в преувеличенных схемах то, что не облакаемо словом, то есть мы видели “Арлекинаду” самих себя» [Там же]. Для символистов «арлекинады» были чаще всего одним из способов иронии над собой, над своими идеалами.

Популярность масок *commedia dell'arte* привела к актуализации феномена двойничества в произведениях Серебряного века, так как маска предполагает два лица – реальное и искусственное. Феномен двойничества – ощущение двойственности сознания, конфликта между «Я» внутренним и «Я» внешним – был актуален для Гофмана не только как тема произведений и художественный прием, но и как личностная проблема, на что указывают записи в его дневниках. В январе 1804 г. он пишет: «Невероятное напряжение вечера. – Все нервы расшатаны пряным вином. – Приступ смертельных предчувствий. – Двойник» [15. С. 89].

Образы масок из *commedia dell'arte*, символизирующие двойников лирического героя, встречаются в творчестве А. Блока, А. Белого и др. Так, например, в пьесе Блока «Балаганчик» маски вытесняют живое. Конфликт кукольного и человеческого у Блока достигает своего предела. Пьеро – простой человек, который ждет свою возлюбленную – обычную девушку, а она обернулась картонной куклой. Таким образом, куклы, маски и автоматы становятся порождением современного мира, где человек утрачивает свою

сущность. Образ куклы – автомата в творчестве Гофмана является одной из форм двойничества, что было отмечено Н.Я. Берковским: «...символика куклы и двойников – родственны друг другу. Они – одного семантического корня, сидят в одной семантике. Двойник – это синоним обезличивания. Куклы – это тоже обезличенность. Обезличенность – двойник, обезличенность в квадрате – кукла, автомат» [16. С. 112].

Образ глаз в эстетике в театральной эстетике Серебряного века

На фоне общей механизации жизни и человека единственным способом распознавания подлинности *живого – неживого* становятся глаза, которые отражают подлинную сущность. Гофман пишет об этом в новелле «Песочный человек», которая строится на противопоставлении «светлых» и «живых» глаз Клары, подобных «озеру «Рейсдаля, в зеркальной глади которого отражается лазурь безоблачного неба, леса и цветущие пажити...» [6. Т. 2. С. 303] и «неживых» глаз куклы Олимпии, которые казались Натанаэлю «странно неподвижными и мертвыми» [Там же. С. 310–311]. Подобное символическое значение получает образ-символ глаз и в эпоху Серебряного века. Например, в пьесе Блока «Балаганчик» о Коломбине мистики шепчут, предсказывая ее кукольную сущность: «Пустота в ее глазах» [13. Т. 4. С. 12]. А герой пьесы Андреева «Черные маски» узнает истинное лицо под маской среди сотни других масок по глазам: «Из тысячи тысяч женщин я узнаю мою возлюбленную по глазам» [17. Т. 3. С. 326].

Образ куклы-марионетки в театральной эстетике Серебряного века

Вместе с тем в театральной эстетике Гофман стал одним из первых, кто поставил куклу-марионетку выше актера. В эссе «Необыкновенные страдания...» он затрагивает проблему взаимоотношений актера и режиссера в театре. По мнению немецкого писателя, знаменитые актеры утрачивают свое мастерство вместе с приходом популярности, так как они начинают считать себя центром пьесы: «Совершенно ослепленный тщеславием и эгоизмом, он мнит себя центром мироздания. Поэтому никакой ролью, никакой партией ему не угодишь» [6. Т. 1. С. 388]. Гофман считает, что актеры чаще всего не способны выйти за пределы собственного «Я», поэтому они играют не роль, а себя: «Однако при этом надо помнить, что выставление напоказ собственной личности есть как раз грубейшая ошибка актера. Истинный художник сцены должен обладать особой духовной силой, чтобы представить себе заданный автором персонаж вживе, то есть со всеми внутренними мотивами, проявляющимися внешне в языке, жестах, походке» [Там же. С. 60]. Гофман призывает актеров ради искусства отказаться от самого себя, стать марионеткой в руках режиссера: «Речь, походка, осанка, жесты принадлежат уже не актеру как индивидууму, а лицу, которое, будучи творением писателя, предстало актеру достоверно живым

и теперь излучает такой ослепительный свет, что актерское “я” меркнет, блекнет и исчезает. Полное отрицание, вернее, забвение собственного “я”, есть поэтому первое требование сценического искусства [6. Т. 1. С. 401]. Свои рассуждения о театре Гофман заканчивает мыслью, что идеальный театр – это театр марионеток. И эта идея, по словам В.Н. Соловьева, оказала огромное влияние на развитие условного театра, о чем он писал в 1917 г. в статье «Театральный традиционализм» («Аполлон». 1914. № 4): «Современные теоретики театра глубоко ценят смысл последних строчек гофмановского рассказа “Удивительные страдания одного директора театра”. Со словами “Вот моя труппа” посетитель в коричневом открыл крышку ящика, и посетитель в сером увидел большое количество таких хорошеньких и изящных марионеток, каких никогда в жизни не видывал» [18. С. 387].

Кукольность и марионеточность захватывают русский театр настолько, что А. Белый, принимая активное участие в театральной жизни, нередко видел в театральных персонажах куклы, так как смотрел на многие постановки уже новым взглядом. К примеру, в пьесе «Вишневый сад» Чехова он увидел вместо людей – кукол, марионеток, которыми они стали в результате механизации жизни человеческого общества, о чем он пишет в своей статье «Вишневый сад»: «В третьем действии как бы кристаллизованы приемы Чехова: в передней комнате происходит семейная драма, а в задней, освещенной свечами, иступленно пляшут маски ужаса: вот почтовый чиновник вальсирует с девочкой – не чучело ли он? Может быть, это палка, к которой привязана маска, или вешалка, на которой висит мундир <...> Действительность двойится: это и то, и не то; это – маска другого, а люди – манекены, фонографы глубины – страшно, страшно <...> Чехов, оставаясь реалистом, раздвигает здесь складки жизни, и то, что издали казалось тенью складками, оказывается пролетом в Вечность» [19. С. 46–48]. А в рецензии на гастроли театра В.Ф. Комиссаржевской А. Белый призывает к условности: «...задача технической стилизации – уничтожить не только личность актера, но и самые черты человека в человеке. Надо выделить основные черты героев и их запечатлеть в застывшем безличном типе» [20. С. 138]. Так в его эстетику наряду с проблемой механизации жизни входит идея маски, куклы, которая находит отражение в его статье «Маски» 1904 г., стихотворениях в цикле «Пепел», а затем в романах «Петербург» и «Москва».

А. Белый создает свою теорию символистского театра под названием «театр-храм», которая строится на идее марионеточности театра: «Стилизация превращает личность в манекен. Такое превращение есть первый и решительный шаг на пути к разрушению театра. Только там, за пределами сцены, по-настоящему воскреснет личность участников действия; но там уже не театр: там созидание новых форм жизни; там актер – священнослужитель, творец в действительном смысле этого слова» [21. С. 41]. Он предлагает создать символистскую стилизацию: «Такая стилизация – воистину революционна: разрушая театр, созидает

дает храм; созидая храм, созидает культ; созидая культ, выходит в жизнь; выходя в жизнь, ее преобразует» [21. С. 42]. Белый оправдывал идею условности театра: «Лучше поставить доску с надписью: “храм”, чем на фоне симфонии бирюзовых тонов, изображающих храм, превратить голубоватых монашек в стилизованные арабески: сделать из них изящный букетец голубеньких колокольчиков: ведь это – люди, а не цветы» [Там же. С. 42].

Черты гофмановской эстетики прослеживаются и у Вяч. Иванова, создавшего теорию «соборного театра». В ранней статье «Ницше и Дионис» (1904) Иванов затрагивает вопрос психологии актерского творчества. Индивидуация понимается им как временная личина, т.е. маска. «И, конечно, божественно окрылена и опрозрачена жизнь и верен своему непреходящему “я” глубокий дух, если в нас живо сознание, что мы только играючи носим временные личины, облечшись в случайные формы нашей индивидуации» [22. С. 83]. Призыв «опрозрачить маску» – главный девиз его концепции соборного символистского театра. Эти идеи восходят к романтизму, в частности, к Гофману, который верил, что истинное искусство способно переродить мир, сделать его лучше. Формой перерождения становится миф, способный стереть границы между жизнью и искусством, о чем Гофман пишет в новелле «Принцесса Брамбилла».

Вяч. Иванов, вслед за Гофманом, разрабатывал тему куклы. Вот как он описывает процесс превращения человека в куклу: «Продавая душу, человек делается легко-пустым, картонным, как кукла, и ничего у него нет «за пустой душой. Душа же пустая – мертвая, притворяется все время живой, все время разыгрывает сцены, смотрясь на себя в зеркало самолюбования. Продажа души черту происходит через зеркальность <...> Не живет человек непосредственно, а смотрится, как он выглядит, чтоб показаться живым перед людьми...» [12. С. 392].

Гофман важную роль в своей театральной эстетике отводит истинному художнику-творцу, которого он ставит высоко и отделяет от дилетанта, полагая, что истинное искусство – для избранных: «Я слышал, что существует старинный закон, который запрещает ремесленникам, производящим шум, селиться рядом с учеными; Что сказал бы живописец, если бы к нему в то время, когда он пишет идеальный образ, стали беспрестанно соваться разные скверные рожи?» [6. Т. 1. С. 121].

Его идеи были близки Ф. Сологубу, который создал театр «одной воли», в основе которого лежат понятия условности и игры. Русский писатель провозглашал главенство автора или режиссера в своем театре: «Драма – так же произведение одного замысла, как и вселенная – произведение одной творческой мысли. Рокот трагедии, случаем комедии является только автор. Не его ли во всем державная воля? Как он захочет, так все и будет» [23. С. 383]. Актеры не должны играть, они должны отрешиться от чувств и превратиться в марионетки, театр должен освободиться от актерской игры, театр должен стать таинством. Он считает, что публика тоже должна подчиниться: «поэты и музыканты образовали весьма опас-

ный союз против публики. А именно – они задумали ни больше, ни меньше, как вытеснить зрителя из действительного мира <...> Он должен смеяться, плакать, страшиться, ужасаться, как им будет угодно, словом, как говорится, плясать под их дудку» [23. С. 385].

Активное участие в создании нового театра принимал и Л. Андреев. О своем желании реформировать драму он пишет в ноябре 1906 г. в письме к А. Серафимовичу [24. С. 295]. Вместе с Мейерхольдом, который поставил «Жизни человека» на сцене, Андреев создал новый вид драмы, соединив кукольность, гротеск, гиперболизацию, восходящие к Гофману, и контраст светлого и темного в единое целое. Не случайно Блок в статье «О драме» замечает по поводу «Жизни Человека»: «Да – тьма, отчаяние. Но – свет из тьмы <...> Свет негаданно яркое, и источник этого света таится в “Жизни Человека”» [13. Т. 5. С. 192]. Пьеса Андреева произвела на него неизгладимое впечатление: «Мне привелось смотреть “Жизнь человека”» со сцены. Я никогда не забуду потрясающего впечатления первой картины. Литературные произведения давно не доставляли таких острых переживаний, как “Жизнь человека”» [Там же].

Гофмановская ирония и гротеск в театральной эстетике Серебряного века

Неотъемлемой чертой гофмановского комплекса является романтическая ирония. Крайней формой ее проявления у немецкого писателя стал гротеск. Образцом гротескного искусства он считал творчество французского графика Жака Калло, который создавал карикатуры в гротескном стиле. Гофман воплощал в искусстве слова подобные гротескные образы. Так рождался неповторимый мир гофмановских произведений. Гофмановская ирония и гротеск стали популярными в литературе и театральном искусстве Серебряного века. Мейерхольд, будучи поклонником Гофмана, активно использовал в своем творчестве гофмановский гротеск: «Невольно вспоминаю <...> Гофмана. Вот автор, о котором хочется поговорить особо для того, чтобы дать понять, что такое гротеск» [25. С. 399]. Мейерхольд поддерживает идею Гофмана о театре марионеток: «Смотреть на мир так, как смотрел на него Гофман и каким видит его Метерлинк, значит смотреть на него как на театр марионеток. Люди только марионетки, которых приводит в движение Судьба, как Директор Театра Жизни» [Там же. С. 185]. Мейерхольд считает, что ироническое начало может выразить только кукла-марионетка: «И вот театр марионеток всплывает как маленький мир, являющийся наиболее ироническим отражением мира действительного» [Там же. С. 185–186].

Интерес к гофмановской иронии проявлял и А. Блок, на что указывают пометы, сделанные им в цикле рассказов Гофмана «Серапионовы братья» в собрании сочинений немецкого романтика, где «братья» рассуждают о роли иронии в художественном произведении. Блок специально подчеркивает красным карандашом все строки, касающиеся иронии:

«...едва можно назвать удачной попытку переплести фантастическое с явлениями обыденной жизни...». Затем: «Конечно, впрочем, подобные сцены оправдываются забавной иронией, которая является в них сама собой и, точно плутоватый чертик, невольно увлекает даже флегматичного читателя в новую для него область». Далее один из «братьев» Теодор замечает: «...не забудь, что эта ирония очень опасная вещь. <...> Она иногда может сгубить все произведение, убив окончательно тот веселый приветливый тон, который непременно должен господствовать в сказке» [26. С. 222]. Против последних строк Блок ставит восклицательный знак, что позволяет судить о значимости для поэта этой мысли. Ирония, захватившая лирику Блока, органично перешла и в лирические драмы «Балаганчик», «Незнакомка», «Король на площади», а также в диалог «О любви, поэзии и государственной службе». Блок сам соотносит свои драмы с романтической иронией: «...все три драмы объединены насмешливым тоном, который, быть может, роднит их с романтизмом, с тою “трансцендентальной иронией”, о которой говорили романтики» [13. Т. 4. С. 434]. Неповторимый гофмановский юмор ценил и Вл. Соловьев, о чем он пишет в предисловии к своему переводу «Золотого горшка»: «Этот глубокий юмор <...> возможен только при равносильном присутствии реального и фантастического элемента, что освобождает сознание поэта, выражающейся в этой своей свободе как юмор» [27. С. 434].

Гофмановские идеи прослеживаются и в концепции «театра для себя» Н.Н. Евреинова, основные положения которой изложены в его статьях «Театр как таковой» (1912) и «Театр для себя» (1915–1916). Автор считает театр священным и предлагает создавать

театр из самого себя. В качестве одного из важных составляющих своего театра он называет гофмановскую иронию, о чем пишет в воображаемом диалоге с Гофманом: «Гофман. Источник Урдар, который дал счастье жителям страны Урдар-сад, есть не что иное, как юмор, т.е. дивная способность мысли создавать своего собственного иронического двойника, родившаяся из глубочайшего созерцания природы, по странным гримасам которого человек узнает свои собственные гримасы <...> Искусство “театра для себя” не должно гнущаться этим источником!» [28. С. 320].

Таким образом, сознательное выделение и воспроизведение «гофмановского комплекса» в русской литературе начинается с Вл. Соловьева, который одним из первых воспринимает его как единое целое, а затем сознательно трансформирует, сатирически пародируя в своих «Шуточных пьесах»¹. В эпоху реформирования русского театра на рубеже XIX–XX вв. поиск теоретических обоснований новым принципам в драматическом искусстве способствовал актуализации «гофмановского комплекса». В результате воспроизведение и сознательная трансформация комплекса получают широкое распространение. «Гофмановский комплекс» становится оформившимся литературным приемом, который художники используют для решения авторских задач. В творчестве одних писателей и поэтов (Ф. Сологуб, А. Блок, Л. Андреев, В. Мережковский и др.) комплекс только воспроизводится, другие же (А. Белый, Вяч. Иванов и др.) пытаются его трансформировать. В театральной эстетике режиссеры и теоретики (В.Э. Мейерхольд², Н.Н. Евреинов и др.) используют «гофмановский комплекс» для создания авторских концепций о «новом театре».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О «гофмановском комплексе» у Вл. Соловьева см. в работе Королевой В.В. «Гофмановский комплекс» в шуточных пьесах Вл. Соловьева («Белая лилия», «Альсим», «Дворянский бунт») [29. С. 138–142].

² О роли «гофмановского комплекса» у В.Э. Мейерхольда см. в работе Королевой В.В. «Гофмановский комплекс» у В.Э. Мейерхольда [30. С. 117–119].

ЛИТЕРАТУРА

1. Валерий Брюсов // Литературное наследство. М. : Наука, 1976. Т. 85. 854 с.
2. Брюсов В. Ненужная правда. По поводу Художественного театра // Мир искусства. 1902. № 4. С. 32–41.
3. Мейерхольд В.Э. Театр (К истории и технике) // Театр. Книга о новом театре : сб. ст. СПб. : Шиповник, 1908. С. 243–268.
4. Брюсов В. Реализм и условность на сцене // Театр. Книга о новом театре : сб. ст. СПб. : Шиповник, 1908. С. 268–287.
5. Питина С.Н. Э.Т.А. Гофман и его музыкальная деятельность // Музыка Австрии и Германии XIX века. М. : 1975. Кн. 1. С. 354–408.
6. Гофман Э.Т.А. Собрание сочинений: в 6 т. М. : Худ. лит., 1991–1999.
7. Корзина Н.А. Некоторые вопросы синтетического искусства в эстетике и художественной практике Гофмана // Вопросы романтического метода и стиля : межвуз. темат. сб. науч. тр. КГУ. Калинин, 1978. С. 163–171.
8. Мейерхольд В.Э. Переписка 1896–1939. М. : Искусство, 1976. 464 с.
9. Белый А. Символизм как миропонимание. М. : Республика, 1994. 528 с.
10. Потапова Е.Н. Проблема синтеза искусств в эстетике серебряного века: символизм и авангард // Вестник МГУКИ. 2012. № 3 (47). С. 230–234.
11. Ванслов В.В. Эстетика романтизма. М. : Искусство, 1966. 397 с.
12. Иванов Е.П. Записи об А. Блоке // Блоковский сборник. Тарту, 1962. 392 с.
13. Блок А.А. Собрание сочинений в 8 т. М.; Л. : Гослитиздат, 1960–1963.
14. Лавров А.В. А. Белый в 1900-е годы (жизнь и литературная деятельность). М. : Новое литературное обозрение, 1995. 335 с.
15. Гюнцель К. Э.Т.А. Гофман. Жизнь и творчество. Письма, высказывания и документы. М. : Радуга, 1987. 465 с.
16. Берковский Н.Я. Статьи и лекции по зарубежной литературе. СПб. : Азбука-классика, 2002. 478 с.
17. Андреев Л. Собрание сочинений: в 6 т. М. : Худ. лит., 1990.
18. Соловьев В.Н. Театральный традиционализм // Аполлон. 1914. № 4. 185 с.
19. Белый А. «Вишневый сад» // Весы. 1904. № 2. С. 46–48.

20. Белый А. Символический театр. По поводу гастролей Комиссаржевской // Утро России. 1907.
21. Белый А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Культурная Революция, Республика, 2010. Т. 5.
22. Иванов В.И. Ницше и Дионис // Иванов В.И. Родное и Вселенское. М.: Республика, 1994. 428 с.
23. Сологуб Ф. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Интелвак, 2000.
24. Андреев Л.Н. Письма Леонида Андреева к А.С. Серафимовичу // Московский альманах. М.; Л., 1926
25. Мейерхольд В.Э. Статьи. Речи. Письма. Беседы. Ч. 1. 1891–1917. М.: «Искусство», 1968. Т. 1. 792 с.
26. Библиотека А.А. Блока. Описание в 3 кн. Л.: БАН, 1986. Т. 1. 317 с.
27. Гофман Э.Т.А. Золотой горшок / пер. и предисл. Владимира Соловьева. М.: Альциона, 1913. Т. 4. 97 с.
28. Евреинов Н. Демон театральности. М.; СПб.: Летний сад, 2002. 535 с.
29. Королева В.В. «Гофмановский комплекс» в шуточных пьесах Вл. Соловьева («Белая лилия», «Альсим», «Дворянский бунт») // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24, № 3. С. 138–142.
30. Королева В.В. «Гофмановский комплекс» у В.Э. Мейерхольда // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23, № 4. С. 117–119.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 сентября 2018 г.

“Hoffmann’s Complex” in the Theater Aesthetics of the Silver Age

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 18–25.

DOI: 10.17223/15617793/439/3

Vera V. Koroleva, Vladimir State University (Vladimir, Russian Federation). E-mail: queenvera@yandex.ru

Keywords: E.T.A. Hoffmann; Silver Age; pictorial and musical harmony; romantic irony and grotesque; mechanization of life and human; mask; doll; puppet; double; symbolic image of eyes.

The aim of the article is to identify Hoffmann’s complex and study its reflection in the theatrical aesthetics of the Silver Age. Hoffmann’s complex includes pictorial and musical harmony (synthesis of arts); romantic irony and grotesque; a kind of solution to the problem of mechanization of life and man manifested in the symbolic images of masks, dolls, puppets and doubles, the symbolic image of eyes as the only way to recognize the authenticity of the living and the lifeless. The leading method of the research is comparative analysis, the foundations of which on the issue of Hoffmann and the Russian literature of the 19th century were laid in the works of A. Botnikova, B. Udodov, A. Mikhaleva, I. Ignatov and others. The study concluded that Hoffmann’s complex and the theatrical aesthetics of the German writer influenced the reform of the Russian theater in the late 19th and early 20th centuries. Hoffmann’s idea of the synthesis of arts, continued by R. Wagner and Vl. Solovyov, made a significant contribution to the development of a new type of drama, and was reflected in the theatrical ethical views of V. Meyerhold, A. Bely and V. Ivanov. Hoffmann’s solution to the problem of mechanization of art and man in the era of the Silver Age is manifested in the depersonalization of a human in the modern world, and finds expression in the appearance of masks, dolls and doubles, which have become an important part of the artistic world of works by A. Blok, F. Sologub, L. Andreev and others. Another embodiment of the problem of mechanization of man and culture, dating back to Hoffmann, is the tradition of mythologization in the literature of commedia dell’ arte’s characters that often symbolize the doubles of the lyrical hero, and became part of the artistic world of Blok, Bely and others. The only way to recognize the authenticity of the living and the lifeless in the literature of the Silver Age are eyes that reflect true essence. The symbolic image of eyes is found in the works of Blok, Andreev, Sologub and others. However, in the theatrical aesthetics, Hoffmann was one of the first to put the puppet above the actor, and also to contribute to the emergence of the principle of “conditionality” in the theater. The puppet and the doll captured Russian theater and appeared in the theory of the symbolist “theater as temple” of Bely, the communal theater of Ivanov, the theater of one will of Sologub. Hoffmann’s reflections on the role of the actor and the director in the theater were highly appreciated by directors and playwrights, and formed the basis of their theatrical aesthetics. Hoffmann’s irony and grotesque became an indispensable attribute of most aesthetic concepts of the Silver Age. Meyerhold, Solovyov, Blok, N. Evreinov and others used Hoffmann’s irony and grotesque in their works. To sum up, Hoffmann’s complex becomes a literary technique which is formed in the works of some writers and theatre theorists (Sologub, Blok, Andreev, V. Merezhkovsky and others), but transformed in the works of others (Bely, Ivanov and others).

REFERENCES

1. Dubovikov, A.N. & Trifonov, N.A. (eds) (1976) Valery Bryusov. In: *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 85. Moscow: Nauka.
2. Bryusov, V. (1902) Nenuzhnaya pravda. Po povodu Khudozhestvennogo teatra [Unnecessary Truth. Concerning the Art Theater]. *Mir iskusstva*. 4. pp. 32–41.
3. Meyerkhof’d, V.E. (1908) Teatr (K istorii i tekhnike) [Theater (To the history and technology)]. In: *Teatr. Kniga o novom teatre: sb. st.* [Theater. Book about the new theater: articles]. St. Petersburg: Shipovnik.
4. Bryusov, V. (1908) Realizm i uslovnost’ na stsene [Realism and convention on the stage]. In: *Teatr. Kniga o novom teatre: sb. st.* [Theater. Book about the new theater: articles]. St. Petersburg: Shipovnik.
5. Pitina, S.N. (1975) E.T.A. Gofman i ego muzykal’naya deyatel’nost’ [E.T.A. Hoffmann and his musical activity]. In: Cytovich, T.E. (ed.) *Muzyka Avstrii i Germanii XIX veka* [Music of Austria and Germany of the 19th century]. Book 1. Moscow: Muzyka.
6. Hoffmann, E.T.A. (1991–1999) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols]. Moscow: Khud. lit.
7. Korzina, N.A. (1978) Nekotorye voprosy sinteticheskogo iskusstva v estetike i khudozhestvennoy praktike Gofmana [Some questions of synthetic art in Hoffmann’s aesthetics and artistic practice]. In: Gulyaev, N.A. et al. (eds) *Voprosy romanticheskogo metoda i stilya* [Issues of the romantic method and style]. Kalinin: Kalinin State University.
8. Meyerkhof’d, V.E. (1976) *Perepiska 1896–1939* [Correspondence of 1896–1939]. Moscow: Iskusstvo.
9. Bely, A. (1994) *Simvolizm kak miroponimanie* [Symbolism as a world view]. Moscow: Respublika.
10. Potapova, E.N. (2012) Problema sinteza iskusstv v estetike serebryanogo veka: simvolizm i avangard [The problem of synthesis of arts in the aesthetics of the Silver Age: symbolism and avant-garde]. *Vestnik MGUKI*. 3 (47). pp. 230–234.
11. Vanslov, V.V. (1966) *Estetika romantizma* [The aesthetics of romanticism]. Moscow: Iskusstvo.
12. Ivanov, E.P. (1962) Zapisi ob A. Bloke [Notes about A. Blok]. In: Lotman, Yu. (ed.) *Blokovskiy sbornik* [Blok collection]. Tartu: Tartu State University.
13. Blok, A.A. (1960–1963) *Sobranie sochineniy v 8 t.* [Collected Works in 8 vols]. Moscow; Leningrad: Goslitizdat.
14. Lavrov, A.V. (1995) *A. Bely v 1900-e gody (zhizn’ i literaturnaya deyatel’nost’)* [A. Bely in the 1900s (life and literary activity)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

15. Gunzel, K. (1987) *E.T.A. Gofman. Zhizn' i tvorchestvo. Pis'ma, vyskazyvaniya i dokumenty* [E.T.A. Hoffman. Life and art. Letters, statements and documents]. Moscow: Raduga.
16. Berkovskiy, N.Ya. (2002) *Stat'i i leksii po zarubezhnoy literature* [Articles and lectures on foreign literature]. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
17. Andreev, L. (1990) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols]. Moscow: Khud. lit.
18. Solov'ev, V.N. (1914) *Teatral'nyy traditsionalizm* [Theatrical traditionalism]. *Apollon*. 4.
19. Bely, A. (1904) "Vishnevyy sad" ["The Cherry Orchard"]. *Vesy*. 2. pp. 46–48.
20. Bely, A. (1907) *Simvolicheskiy teatr. Po povodu gastroley Komissarzhevskoy* [Symbolic Theater. Regarding the tour of Komissarzhevskaya]. *Utro Rossii*. 28 September.
21. Bely, A. (2010) *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collected Works: in 8 vols]. Vol. 5. Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya, Respublika.
22. Ivanov, V.I. (1994) *Nitshe i Dionis* [Nietzsche and Dionysus]. In: *Rodnoe i Vselenskoe* [Native and Universal]. Moscow: Respublika.
23. Sologub, F. (2000) *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collected Works: in 8 vols]. Moscow: Intelvak.
24. Andreev, L.N. (1926) *Pis'ma Leonida Andreeva k A.S. Serafimovichu* [Letters from Leonid Andreev to A.S. Serafimovich]. In: *Moskovskiy al'manakh* [Moscow almanac]. Moscow; Leningrad: Moskovskiy rabochiy.
25. Meyerhol'd, V.E. (1968) *Stat'i. Rechi. Pis'ma. Besedy* [Articles. Speech Letters. Conversations]. Pt. 1. 1891–1917. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo.
26. Likirskaya, K.P. (ed.) (1986) *Biblioteka A.A. Bloka. Opisanie v 3 kn.* [Library of A.A. Blok. Description in 3 books]. Vol. 1. Leningrad: BAN.
27. Hoffmann, E.T.A. (1913) *Zolotoy gorshok* [The Golden Pot]. Translated from German by Vladimir Solovyov. Vol. 4. Moscow: Al'tsiona.
28. Evreinov, N. (2002) *Demon teatral'nosti* [The demon of theatricality]. Moscow; St. Petersburg: Letniy sad.
29. Koroleva, V.V. (2018) E. T. A. Hofman's complex in comic plays by Vladimir Solovyov ("White Lily", "Alsim" and "The Noble Revolt"). *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Kostroma State University*. 24(3). pp. 138–142. (In Russian).
30. Koroleva, V.V. (2017) Complex of Ernst Theodor Amadeus Hoffmann in creative work of Vsevolod Meyerhold. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Kostroma State University*. 23(4). pp. 117–119. (In Russian).

Received: 17 September 2018

В.В. Меняйло, С.В. Чумилкин

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ВИКТОРИАНСКОГО ТЕКСТА
В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX в.
(на материале «Саги о Форсайтах» Дж. Голсуорси
и «Женщины французского лейтенанта» Дж. Фаулза)**

Статья посвящена анализу интертекстуального диалога с викторианским текстом в английской литературе XX в. на примере «Саги о Форсайтах» Дж. Голсуорси и «Женщины французского лейтенанта» Дж. Фаулза. Авторы статьи ставят задачу определить характер данного межтекстового диалога и выяснить, влияет ли на способ трансформации викторианского текста принадлежность произведения XX в. к литературе реализма или постмодернизма, а также степень временной удаленности писателя от описываемых в произведении событий XIX в.

Ключевые слова: викторианский текст; викторианская эпоха; неовикторианский роман; английская литература; интертекстуальный диалог; Дж. Голсуорси, Дж. Фаулз.

Викторианская эпоха является прецедентным феноменом в культуре Великобритании, интерес к которому не ослабевает и в наши дни. Регулярно выходят научно-популярные издания, рассказывающие об исторических событиях и повседневной жизни Викторианской Англии [1–3]. В отечественном литературоведении и лингвистике продолжают появляться работы по не изученным ранее аспектам викторианской литературы – к примеру, впечатляют данные, которые приводятся в статье Н.Л. Потаниной о количестве трудов, посвященных Ч. Диккенсу и вышедших в период с 1990 по 2012 г. [4. С. 11], хотя, казалось бы, творчество этого романиста давно и всесторонне изучено. В современной литературе популярен жанр неовикторианского романа, разновидностям которого также посвящено немало отечественных и зарубежных исследований [5–11]. Кроме того, на протяжении нескольких последних десятилетий на регулярной основе выходят такие научные журналы, как *Victorian Literature and Culture* и *Neo-Victorian Studies*. Однако большинство исследователей анализируют либо собственно викторианскую литературу, либо неовикторианский роман конца XX – начала XXI в., а литературе первой половины XX в., разрабатывающей викторианскую тему, уделяется недостаточно внимания. Вместе с тем попытки осмыслить литературное наследие викторианской эпохи предпринимались английскими писателями сразу после ее «официального окончания» вместе со смертью королевы Виктории в 1901 г. (например, роман А. Беннета «Анна из пяти городов» 1902 г., «Собственник» Дж. Голсуорси 1906 г., «Анна Вероника» Г. Уэллса 1909 г. и др.).

Данная статья попытается частично восполнить этот пробел и проанализировать характер интертекстуального диалога с викторианским текстом в английской литературе XX в. на примере трилогии Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах» (1906–1921) и романа Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта» (1969). Выбор произведений обусловлен тем, что они являются признанными образцами литературы реализма и постмодернизма, соответственно, и позволяют сравнить подходы к одному и тому же материалу с позиций двух магистральных направлений в литературе XX и XXI вв. Кроме того, их сравнение

позволяет делать выводы и о том, как меняется восприятие викторианской эпохи по мере временного удаления писателей от описываемых событий. Под викторианским текстом в статье понимается, вслед за О.А. Толстых, «текст викторианской эпохи в целом <...>, присутствующий в современном романе на различных уровнях и представленный в виде <...> викторианских образов, мотивов, сюжетов» [8. С. 4]. Анализ произведений с позиции интертекстуального диалога основывается на идее М.М. Бахтина [12] о диалогическом характере художественного текста и шире – диалогическом характере человеческого понимания. Интертекстуальность включает текст в культурный контекст, т.е. представляет собой единую цепь культурного общения человечества, звеньями которой оказываются отдельные тексты [13. С. 35].

Для достижения поставленной цели в статье сначала будет сделан краткий обзор типичных особенностей викторианской литературы, а затем будет проведен сравнительный анализ трансформаций викторианского текста в «Саге о Форсайтах» Дж. Голсуорси и «Женщине французского лейтенанта» Дж. Фаулза. В качестве основных методов исследования используются контекстуальный анализ и стилистический анализ с опорой на принципы выдвижения (подробнее см.: [Там же. С. 205]).

Несмотря на обилие жанровых разновидностей романа в английской литературе XIX в. (роман воспитания, социальный роман, исторический роман, детективный роман и пр.) и традиционное деление викторианской литературы на ранний и поздний периоды со своими отличительными особенностями [14], можно выделить общие характеристики, которые возможно использовать в качестве критериев для сравнения викторианского текста в английской литературе XIX и XX вв. Г. Мур выделяет ряд тем и мотивов, активно разрабатывавшийся в викторианской литературе: тема города в противопоставлении сельской идиллии, социальные проблемы (в частности, бедность), мотив природы, проблемы образования, тема женщины (а в поздний период, так называемой «новой женщины») [15]. В викторианской литературе доминирует реалистический роман, хотя в отдельных произведениях или у определенных авторов можно заметить сильное

влияние романтической традиции предшествующей литературной эпохи [14]. Следуя традициям реализма, писатели наиболее активно использовали жанровую форму романа воспитания (*bildungsroman*), сюжет которого строился вокруг фигуры главного героя и его пути становления и развития через преодоления выпавших на его долю испытаний [16]. В соответствии с реалистической традицией автор либо ведет повествование от первого лица, либо занимает позицию всезнающего повествователя. Финал романа в большинстве случаев достаточно конкретен и не дает свободы трактовки или возможности сотворчества со стороны читателя.

Анализ научной литературы, посвященной неовикторианскому роману, позволяет делать выводы о том, что большинство исследователей выделяют два основных способа взаимодействия неовикторианского романа с викторианским текстом. Первый способ – это реконструкция викторианского текста [8] или, в другой терминологии, ностальгическая стилизация викторианского романа [5, 9], второй способ – это деконструкция [8] или интерпретация [7], а в более радикальном варианте – пародия на викторианский текст [5, 9]. Авторы статьи считают, что в «Саге о Форсайтах» Дж. Голсуорси придерживается первого подхода, в то время как Дж. Фаулз в «Женщине французского лейтенанта» идет по пути интерпретации с элементами пародии. Рассмотрим, как этот интертекстуальный диалог реализуется на разных уровнях текста.

Говоря о тематических особенностях анализируемых произведений, следует отметить, что форма **романа воспитания** имплицитно присутствует у обоих авторов, однако отношение к ней разное. С одной стороны, слово «сага» в заглавии романа Голсуорси делает акцент на истории семьи в контексте эпохи, нежели на развитии главного героя, с другой стороны, многие критики отмечают, что один из центральных героев, Сомс Форсайт, эволюционирует на протяжении действия трилогии [17–19]. Фаулз и вовсе отказывается от идеи «воспитать» своего героя и показать на примере его истории правильную модель поведения читателю. Путь Чарльза Смитсона – это путь экзистенциального поиска себя. Автор по большому счету не отвечает на вопросы, поставленные в романе, предоставляя герою и читателю ответить на них самостоятельно.

В связи с вышеизложенным, необходимо проанализировать место **главного героя** в повествовании. Как отмечалось ранее, идея совершенствования и становления личности была чрезвычайно популярна в викторианском обществе, массово выпускались пособия по различным аспектам саморазвития [15. С. 39]. Неудивительно, что в художественной литературе был популярен сюжет, рассказывающий о герое, успешно преодолевающим разнообразные жизненные трудности на своем пути. Часто викторианский роман повествует о жизни героя с раннего детства и до момента зрелости и неопределившегося достижения успеха (финансового благополучия, славы, семейного счастья и пр.). Сфокусированность викторианского текста на образе главного героя видна и в названиях ро-

манов, которые одновременно являются именами главных героев: *Oliver Twist*, *David Copperfield*, *Little Dorrit*, *Jane Eyre*, *Agnes Grey*. Необходимо обратить внимание на то, как этот прием обыгрывает Фаулз в «Женщине французского лейтенанта». *The French Lieutenant's Woman* – прозвище, которое получила Сара Вудраф от жителей городка за слухи о ее связи с неким лейтенантом. Знакомый с викторианской литературной традицией читатель делает предположение, что Сара и является главной героиней, драматические подробности ее жизни усиливают это впечатление, настраивая читателя на то, что повествование будет сконцентрировано на том, как героиня преодолевает выпавшие на ее долю трудности. В действительности же это не так, и автора интересует образ Чарльза Смитсона, поскольку именно этот герой переживает эволюцию своих взглядов и принципов, под влиянием Сары кардинально меняет свою жизнь, тогда как Сара – персонаж статичный и на протяжении повествования не меняется.

У Голсуорси никого из персонажей нельзя назвать главным героем произведения. Исследователи, с одной стороны, отмечают ориентацию Голсуорси на традицию реалистического романа XIX в. при разработке системы персонажей, но с другой – говорят о незавершенности и неоднозначности в образах персонажей, приводя в пример пары персонажей, противопоставленные на уровне фабулы, но в каком-то смысле тождественные или взаимодополняющие на концептуальном уровне (Сомс – Босини, Сомс – Ирэн, Сомс – молодой Джолион) [17]. В целом можно говорить о большем психологизме в построении образов персонажей в литературе XX в. по сравнению с викторианской литературой, а также об уходе авторов от разделения персонажей на положительных и отрицательных [20]. К отличиям можно отнести и преобладание внутреннего конфликта в произведениях авторов XX в., тогда как в викторианском тексте внутренний конфликт хоть и может присутствовать, но предпочтение отдается конфликту внешнему, позволяющему наглядно продемонстрировать путь самосовершенствования героя в борьбе с трудностями.

Далее следует обратить внимание на **финалы** романов. Для произведений викторианской литературы характерен однозначный финал. Финал следовал реалистическим традициям, но зачастую, в угоду вкусам читателей, был счастливым вне зависимости от того, насколько это согласовывалось с течением событий в произведении. Как правило, в конце романа главный герой обретал искомое (наследство, свою любовь, новое успешное дело, возможность уехать в более перспективное / желаемое место). Роман мог заканчиваться и смертью героя. Финал «Саги о Форсайтах» не столь однозначен. На внешнем уровне текста читаются два вполне викторианских финала: последний представитель старого поколения Форсайтов, Тимоти, умирает, а представительница молодого поколения, дочь Сомса Флер, выходит замуж. Однако брак Флер не похож на браки героинь викторианских романов, поскольку замуж она выходит не по любви, так и не обретая искомое (брак с сыном Ирэн Джоном Форсайтом), а смерть Тимоти – это символ заката викториан-

ской эпохи и ее ценностей. Посетив дом Тимоти незадолго до его смерти, Сомс размышляет о том, что это не просто частное владение, но квинтэссенция викторианского образа жизни (*specimen of mid-Victorian*), и следовало бы сохранить этот дом для потомков в качестве наглядного образца викторианского быта: «When Timothy died – why not? Would it not be almost a duty to preserve this house – like Carlyle’s – and put up a tablet, and show it? ‘Specimen of mid-Victorian abode...» [21. P. 837].

Фаулз и вовсе отказывается от финала, осведомляющего читателя о судьбах героев и предлагающего некую мораль. В соответствии с постмодернистской эстетикой, он играет с читателем, последовательно предлагая тому три варианта финала. Первый вариант откровенно пародирует финалы многих викторианских романов, в которых не только разрешаются поиски главных героев, но и кратко сообщается, что стало со всеми другими персонажами, порой включая второстепенных. Второй «счастливый» вариант финала, в котором главный герой отказывается от богатства и положения в обществе, но обретает любимую женщину, имитирует финалы беллетристических романов. Лишь третий «экзистенциальный» финал можно считать настоящим и, как отмечает автор, весьма правдоподобным финалом романа: «But what you [the reader] must not think is that this is a less plausible ending to their [Charles and Sarah] story» [22. P. 445]. В этом варианте финала главный герой теряет не только богатство и социальный статус, но и возлюбленную, при этом обретая себя и возможность начать новую жизнь с чистого листа («...he [Charles] has at last found an atom of faith in himself, a true uniqueness, on which to build...» [Ibid.]). Два последних финала преподносятся читателю как равновесные и одинаково удовлетворяющие вкусам автора, а их последовательность в тексте якобы определена лишь жребием. И хотя это в действительности не так, мнимая дилемма Фаулза при выборе между этими финалами в сущности служит отсылкой к реальной проблеме выбора финала, с которой сталкивались викторианские авторы, вынужденные балансировать между реалистическим финалом, логично вытекающим из сюжетных событий, и счастливым финалом, удовлетворяющим вкусам публики.

В анализируемых произведениях используются разные **нарративные формы**. В викторианском романе, в том случае, если повествование не ведется от первого лица («я как протагонист», по классификации Н. Фридмана [23]), автор, как правило, занимает позицию всезнающего рассказчика («нейтральное всезнание» [Там же]), он свободно проникает в мысли персонажей и комментирует их поступки, оставляя мало простора для читательской интерпретации. Голсуорси, на первый взгляд, использует стратегию всезнающего рассказчика, однако, как отмечает Харви, эпизодичность повествования «Саги о Форсайтах» требует активной читательской кооперации, чтобы восполнить пробелы в описываемых в текстах событиях (1886–1887, 1899–1901, 1920), в частности, попытаться реконструировать, что происходило в жизни Сомса в это время и как эти события повлияли на из-

менение персонажа [19. С. 129]. Кроме того, нарративная стратегия меняется, когда автор повествует об Ирэн: на протяжении всего повествования автор не сообщает читателю напрямую о ее мыслях и чувствах, читатель всегда «видит» Ирэн глазами других персонажей. Так, Харгривз цитирует интервью с актрисой, игравшей Ирэн в первой экранизации «Саги о Форсайтах», в котором она рассказывает, как тяжело давалась эта роль и ссылается на вышеуказанную причину: «because this is the character who is seen mostly through the eyes of other people... and therefore one was terrified to take the initial plunge, you know, to actually open your mouth, to be this woman...!» [18. P. 135].

Фаулз еще более сложным способом комбинирует нарративные стратегии, меняя их по ходу повествования, что является очередным элементом постмодернистской игры с читателем. Изначально в романе используются две нарративные формы: «редакторское всеведение», проявляющееся в авторском «всезнании» в отношении всех персонажей и реалий описываемой эпохи, и «камера» [23], фиксирующая действия и слова Сары. Автор «сохраняет дистанцию» по отношению к Саре, ни разу не сказав, что происходит в ее душе, тем самым подчеркивая внутреннюю свободу героини. Более того, в тексте присутствуют эксплицитные указания (лексические единицы «symbol», «to embody», «to stand for») на авторскую символизацию образа Сары как воплощения свободы для главного героя: «Indeed it was hardly **Sarah** he [Charles] now thought of – she was merely the symbol around which had accreted all his lost possibilities, his extinct **freedoms**, his never-to-be-taken journeys» [22. P. 321], «When he [Charles] had his great vision of himself **freed** from his age, his ancestry and class and country, he had not realized how much the **freedom** was embodied in **Sarah**...» [Ibid. P. 409], «**Sarah** on his [Charles’] arm in the Uffizi did stand <...> for the pure essence of cruel but necessary <...> **freedom**» [Ibid. P. 352]. Однако ближе к концу повествования Фаулз объявляет читателю о своем следовании принципам постмодернистской концепции Р. Барта «смерти автора», отрицающей суверенную субъективность личности и утверждающей, что авторское сознание растворяется в тексте [24. С. 358]. С этого момента Фаулз старается уйти от образа творца судеб своих персонажей. Он становится как бы на одну позицию с читателем, который не знает, как поведут себя герои романа и чем закончится повествование. Писатель открыто заявляет о своей позиции наблюдателя и рассуждает о необходимости предоставления персонажам свободы (*liberty of action*) в рамках произведения: «...to be **free** myself, I must give him, and Tina, and Sarah, even the abominable Mrs. Poulteney, their **freedom** as well. There is only one good definition of God: the **freedom** that allows other **freedoms** to exist. And I must conform to that definition» [22. P. 99]. Морфологический повтор основной лексики репрезентанта индивидуально-авторского концепта (*free-freedom-freedoms*) в сочетании с общеоценочным прилагательным «good» (+) эксплицитно важность предоставления читателю свободы интерпретации. Можно сделать вывод о том, что и в «Саге о

Форсайтах» и в «Женщине французского лейтенанта» от читателя в меньшей или большей степени требуется активная позиция для реконструкции авторского замысла.

В XIX в. в Великобритании стремительно растет процент городского населения: к 1891 г. насчитывается 23 города с населением более ста тысяч человек, тогда как в начале века этой отметки достигает только Лондон с населением около девятистот тысяч, а к 1914 г. уже более 70% населения живет в городах [15. С. 11–12]. Естественно, что вслед за внутренней миграцией населения действие романа в XIX в. также смещается в города. В большинстве случаев местом действия становится Лондон либо промышленные города севера Англии [14, 15]. В викторианском романе город – это, как правило, средоточие трудностей, с которыми вынуждены бороться герои. Возникает оппозиция «город – природа (пригород / сельская местность)», в которой город имеет отрицательные ассоциации, а природа – положительные. Голсуорси следует этой традиции в выборе места действия трилогии. Для него природа – это, прежде всего, традиционная сельская Англия (countryside), противопоставленная образу города (Лондона), ускоряющийся ритм жизни которого в XX в. угрожает традиционному английскому укладу жизни. Хотя Форсайты, живущие в Лондоне, не знакомы с трудностями, выпадающими на долю более бедных представителей городского населения, Сомс стремится к жизни за городом и затевает строительство загородного дома (Robin Hill), чтобы увезти Ирэн из Лондона. Он надеется, что там они наконец-то смогут обрести гармонию: «To get Irene out of London, away from opportunities of going about and seeing people, away from her friends and those who put ideas into her head! <...> It would be everything to get Irene out of town» [21. P. 64]. В процитированном контексте конвергенция стилистических приемов (рамочная конструкция «to get Irene out of...», параллельные конструкции «away from ... and ...» и гиперболы «it would be everything») репрезентирует убежденность Сомса в успешности подобного решения проблемы. Впоследствии многие ключевые моменты романа происходят в этом месте. Со второй женой и дочерью, Флер, Сомс также живет в загородном доме с символическим названием «Shelter» (убежище). Еще одним знаковым загородным локусом является ферма Вэла и Холли Дарти (the Sussex Downs) – там завязываются отношения Флер и Джона. Можно согласиться с исследователями, которые считают подобную смену места действия в трилогии психологической деталью, символизирующей не просто возвращение человека к природе, но попытку обрести свою истинную идентичность, утраченную в большом городе [25. С. 72–73].

Проанализируем то, как трансформирует викторианскую традицию Фаулз. Местом действия его романа становятся два города – маленький провинциальный Лайм Реджис (Lyme Regis) и Лондон, в изображении первого автор следует викторианским принципам, однако образ Лондона наполняется новыми смыслами. Лайм символизирует общественные механизмы ограничения свободы человека и противопоставлен

некоему «свободному пространству» за его границами, которое существует в нескольких ипостасях: Вэрской пустоши (Ware Commons) на берегу моря (в более широком смысле – природы), Лондона и Америки. Соответственно, все эти «свободные» локусы, в том числе и Лондон, наделяются положительными коннотациями в тексте романа. Лайм, где Чарльз проводит время в обществе своей невесты Эрнестины, кажется ему репрессивным и несвободным, в то время как прилегающая к нему пустошь, – там Чарльз встречается с Сарой, воспринимается им как место освобождения, своего рода Эдем, существующий вне исторических эпох [26. С. 64]. Свобода Вэрской пустоши подразумевает возможность побыть одному, избавиться от внимания и любопытства окружающих: «...it was the nearest place to Lyme where people could go and not be spied on» [22. P. 38]. Желанием побыть в одиночестве Сара объясняет свои прогулки по Вэрской пустоши: «No one frequents it. That is why I go there – to be alone» [Ibid. P. 39]. В процитированных примерах языковые единицы «alone», «spied on» репрезентируют состояние одиночества и свободы от посторонних взглядов. Свобода жителей Лайма регулируется в соответствии со стереотипами и нормами поведения узкого круга местной элиты. В небольшом городке невозможно укрыться от любопытных взглядов соседей, его жители несвободны в своих поступках, поскольку вынуждены руководствоваться соображениями приличия и приемлемости этих поступков для окружающих. «Lyme was a town of sharp eyes; and this [London] was a city of the blind. No one turned and looked at him. He was almost invisible, he did not exist, and this gave him a sense of freedom...» [Ibid. С. 282]. Ощущение постоянной слежки, преследующее Чарльза Смитсона в городе-тюрьме, имплицитно метфорой «a town of sharp eyes». Прилагательное «sharp» в значении «quick at noticing things» [27] акцентирует внимание читателя на зоркости и «неусыпной бдительности» жителей Лайма. Несвободе Лайма противопоставляется свобода Лондона, где отсутствуют всевидящие взгляды: Лондон именуется «городом слепых». Метафору «a city of the blind» усиливает стилистический прием градации (no one looked – almost invisible – did not exist), все элементы которой эксплицитно связаны с ощущением свободы (a sense of freedom). Свобода Лондона – это свобода большого города, в котором можно затеряться, скрыться от знакомых, раствориться в людской толпе: «...the general anonymity of the great city; the sense that all could be hidden here, all go unobserved» [22. P. 125]. В тексте романа содержатся и другие указания на то, что Лайм ограничивает свободу человека. Так, Эрнестины Фриман воспринимает ежегодные поездки к тете в Лайм как ссылку в Сибирь (в тексте используется метафора «prisoner arriving in Siberia»). В составе лексем «prisoner» и «Siberia» выделяются семы «prison», «imprisonment», «exile» [27], – все они соотносятся с ситуацией тюремного заключения, ссылки и, в более широком смысле, несвободы: «...she always descended in the carriage to Lyme with the gloom of a prisoner arriving in Siberia. The society of the place was as up-to-date as Aunt Tranter's lumbering mahogany furniture; and as for

the entertainment, to a young lady familiar with the best that London can offer it was worse than nil» [22. P. 12]. В процитированном контексте несвободный Лайм опять же противопоставляется Лондону.

Как показывает анализ места действия рассматриваемых в статье романов, и Голсуорси, и Фаулз близки к викторианской традиции в идеализации природы и ее противопоставлении цивилизации, которую символизирует образ города (про концепт NATURE у Голсуорси см. подробнее [28], у Фаулза – [29]). В целом, как представляется, на концептуальном уровне в романах XX в. будет проследиваться больше сходства с викторианским текстом, нежели на уровне формы и фабулы. Так, центральные для Викторианской картины мира концепты NATURE, HOUSE, PRIVACY являются ключевыми в художественной картине мира Голсуорси и Фаулза. Однако этот вопрос требует отдельного исследования и в задачи данной работы не входит.

Таким образом, проанализировав интертекстуальный диалог с викторианским текстом в «Сага о Форсайтах» Голсуорси и «Женщине французского лейтенанта» Фаулза, следует отметить сходство между ними на тематическом и концептуальном уровнях. Наибольшее различие проявляется на уровне системы персонажей и в характере диалогичности текста. По сравнению с викторианским текстом, сфокусированном на жизни главного героя, описание перипетий которой является для викторианского писателя спосо-

бом транслировать свою идею читателю, романы Голсуорси и Фаулза предоставляют читателю определенную свободу интерпретации и вступают с ним в диалог, а фигура главного героя (в том случае, если его вообще можно выделить в системе персонажей) не является безусловным центром повествования. Будучи писателем-реалистом, Голсуорси во многом наследует традиции викторианской литературы в построении сюжета («Саги о Форсайтах»), хронологическом развертывании повествования, выборе места действия, однако критически переосмысливает многие базовые викторианские принципы (стремление к материальному благополучию, идею обязательного совершенствования человека и др.), что находит отражение, в частности, в выборе финала трилогии. Фаулз в «Женщине французского лейтенанта» обращается к викторианской эпохе как к прецедентному феномену, поскольку для постмодернистской эстетики и обязательного диалога с читателем важен принцип узнаваемости контекста. Соответственно, Фаулз стилизует или пародирует узнаваемые элементы викторианского текста (форма романа воспитания, счастливый финал, эпизод с потерей наследства, место действия и пр.), вместе с тем нарушая базовые принципы построения викторианского текста (линейность повествования, авторское всеведение), что позволяет ему наполнить выбранную форму викторианского романа новым экзистенциальным содержанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Goodman R. How to be a Victorian. London : Viking, 2013. 458 p.
2. Paterson M.A Brief History of Life in Victorian Britain. Philadelphia, London : Running Press; Robinson, 2008. 288 p.
3. Wilson A.N. The Victorians. London : Arrow books, 2003. 738 p.
4. Потанина Н.Л. Диккенс в современной России: актуальные итоги и перспективы исследования (к 200-летию со дня рождения писателя) // Вестник ТГУ. 2012. Вып. 5 (109). С. 9–16.
5. Аминова Е.С. Викторианская традиция в английском постмодернистском романе // Историческая поэтика жанра. 2011. Вып. 4. С. 13–29.
6. Приходько В.С., Худикова А.Т. Викторианская литературная традиция в романе Д. Митчелла «Облачный атлас» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2016. Т. 1 (1). С. 139–151.
7. Скороходько Ю.С. Неовикторианский роман как форма интертекстуального диалога с викторианством в английской литературе // Мировая литература на перекрестке культур и цивилизаций. 2015. № 2 (10). С. 59–68.
8. Толстых О.А. Английский постмодернистский роман конца XX века и викторианская литература: интертекстуальный диалог: на материале романов А.С. Байетт и Д. Лоджа : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 24 с.
9. Gutleben S. Nostalgic Postmodernism: the Victorian Tradition and the Contemporary British Novel. Amsterdam: Rodopi, 2001. 248 p.
10. Laird K.E. The Art of Adapting Victorian Literature, 1848–1920: Dramatizing Jane Eyre, David Copperfield, and The Woman in White. Aldershot and Burlington, VT : Ashgate, 2015. 242 p.
11. Falchi S., Perletti G., Ruiz M.I. Victorianomania: Reimagining, Refashioning, and Rewriting Victorian Literature and Culture. Milan : Franco-Angeli, 2015. 208 p.
12. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 424 с.
13. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1999. 444 с.
14. Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/art/English-literature/Late-Victorian-literature> (дата обращения: 24.04.2018).
15. Moore G. The Victorian Novel in Context. London, New York : Continuum, 2012. 175 p.
16. Бахтин М.М. Роман воспитания и его значение в истории реализма // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 424 с.
17. Раевская К.В. Система персонажей в романизованной сатире («Сага о Форсайтах» Джона Голсуорси) // Вестник СамГУ. 2008. № 1 (60). С. 131–137.
18. Hargreaves T. Nostalgic Retrieval: Sexual Politics, Cultural Aesthetics and Literary Form in John Galsworthy's The Forsyte Saga // English: Journal of the English Association. 2007. № 56. P. 127–145.
19. Harvey G. Reading 'The Forsyte Saga' // The Yearbook of English Studies. 1996. Vol. 26: Strategies of Reading: Dickens and after. Special Number. P. 127–134.
20. Щирова И.А. Текст сквозь призму сложного. СПб. : Политехника-сервис, 2013. 216 с.
21. Galsworthy J. The Forsyte Saga. London : Heinemann, 1922. 1104 p.
22. Fowles J. The French Lieutenant's Woman. London : Vintage, 1996. 445 p.
23. Friedman N. Form and Meaning in Fiction. Georgia : University of Georgia Press, 1975. 420 p.
24. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1994. 547 с.
25. Nikitina S. Forsytes' Bildungsroman: A Saga of a Place // Interdisciplinary Literary Studies. 2011. Vol. 13, № 1/2. P. 61–76.
26. Conradi P. John Fowles. London; New York : Methuen, 1982. 109 p.
27. Oxford Dictionary of English. Second edition, revised. Oxford : Oxford University Press, 2006. 2088 p.

28. Меньяйло В.В. Англичане и иностранцы в «Сэге о Форсайтах» и «Современной комедии» Дж. Голсуорси // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 410. С. 13–18.
29. Меньяйло В.В. Доминантный хронотоп как средство репрезентации индивидуально-авторского концепта // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Сер. Филология. 2011. Т. 7, № 3. С. 55–63.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 13 октября 2018 г.

Transformation of the Victorian Text in the 20th-Century English Literature (On the Material of John Galsworthy's *The Forsyte Saga* and John Fowles's *The French Lieutenant's Woman*)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 26–32.

DOI: 10.17223/15617793/439/4

Vera V. Meniaïlo, Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: menyaylo917@mail.ru

Sergei V. Chumilkın, Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: scamoly@gmail.com

Keywords: Victorian text; Victorian literature; Neo-Victorian novel; English literature; intertextual dialogue; J. Galsworthy; J. Fowles.

The present article analyzes the phenomenon of the Victorian text in the 20th-century English literature. The aim of the research is to establish the nature of the intertextual dialogue between the Victorian text and the English literature of the first half of the 20th century. The study is conducted on the material of John Galsworthy's *The Forsyte Saga* and John Fowles's *The French Lieutenant's Woman*, which are chosen to contrast realistic and postmodernist approaches to the Victorian text. The main methods of the research are contextual analysis and complex stylistic analysis based on the principles of foregrounding. First, the article outlines a list of the Victorian text typical features, then it focuses on the comparison of the transformation the Victorian text undergoes in Galsworthy's *The Forsyte Saga* and Fowles's *The French Lieutenant's Woman*. Literature review demonstrates that the majority of researchers identify two principal variants of the intertextual dialogue between the Victorian text and the Neo-Victorian novel: nostalgic stylization and interpretation or parody of the Victorian text. In order to identify which strategy is used by Galsworthy and Fowles, the authors of the present article analyzed the bildungsroman form of the novels under consideration, their systems of characters, the novel endings, narrative strategies, the settings of the novels. This study shows that on the conceptual and thematic levels both the novels are relatively close to the tradition of the Victorian text while on the level of the system of characters and narration considerable differences are observed. Galsworthy in most respects follows the Victorian literature tradition of plot construction, chronological development of the narration and setting, yet critically reevaluating some fundamental Victorian values, which influences his choice of the ending in *The Forsyte Saga*. Fowles chooses the second strategy of a postmodernist play with his reader and parodying the Victorian text. As a result, he borrows recognizable elements of the Victorian novel (bildungsroman, happy ending, setting) at the same time breaking principles of chronological development of the narration and omniscience of the narrator, which enables him to fill the old Victorian novel form with new existential content.

REFERENCES

1. Goodman, R. (2013) *How to be a Victorian*. London: Viking.
2. Paterson, M.A. (2008) *Brief History of Life in Victorian Britain*. Philadelphia, London: Running Press; Robinson.
3. Wilson, A.N. (2003) *The Victorians*. London: Arrow books.
4. Potanina, N.L. (2012) Dickens In Modern Russia: Actual Results and Research Prospects (To 200 Anniversary From the Date of Birth of Writer). *Vestnik TGU – Tambov University Review. Series: Humanities*. 5 (109). pp. 9–16. (In Russian).
5. Amineva, E.S. (2011) Viktorianskaya traditsiya v angliyskom postmodernistskom romane [Victorian tradition in the English postmodern novel]. *Istoricheskaya poetika zhanra*. 4. pp. 13–29.
6. Prikhod'ko, V.S. & Khudikova, A.T. (2016) Victorian Literary Tradition in David Mitchell's *Cloud Atlas* (2004). *Praktiki i interpretatsii*. 1 (1). pp. 139–151. (In Russian).
7. Skorokhod'ko, Yu.S. (2015) Neo-Victorian Novel as a Form of an Intertextual Dialogue with a Victorian Culture in an English Literature. *Mirovaya literatura na perekrest'e kul'tur i tsivilizatsiy – World Literature at the Crossroads of Cultures and Civilizations*. 2 (10). pp. 59–68. (In Russian).
8. Tolstykh, O.A. (2008) *Angliyskiy postmodernistskiy roman kontsa XX veka i viktorianskaya literatura: intertekstual'nyy dialog: na materiale romanov A.S. Bayett i D. Lodzha* [English postmodern novel of the end of the 20th century and Victorian literature: intertextual dialogue: on the material of the novels of A.S. Byatt and D. Lodge]. Abstract of Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.
9. Gutleben, C. (2001) *Nostalgic Postmodernism: the Victorian Tradition and the Contemporary British Novel*. Amsterdam: Rodopi.
10. Laird, K.E. (2015) *The Art of Adapting Victorian Literature, 1848–1920: Dramatizing Jane Eyre, David Copperfield, and The Woman in White*. Aldershot and Burlington, VT: Ashgate.
11. Falchi, S., Perletti, G. & Ruiz, M.I. (2015) *Victorianomania: Reimagining, Refashioning, and Rewriting Victorian Literature and Culture*. Milan: FrancoAngeli.
12. Bakhtin, M.M. (1979) Problema teksta v lingvistike, filologii i drugikh gumanitarnykh naukakh. Opyt filosofskogo analiza [The problem of text in linguistics, philology and other humanities. The experience of philosophical analysis]. In: *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo.
13. Arnol'd, I.V. (1999) *Sematika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
14. *Encyclopedia Britannica*. [Online] Available from: <https://www.britannica.com/art/English-literature/Late-Victorian-literature>. (Accessed: 24.04.2018).
15. Moore, G. (2012) *The Victorian Novel in Context*. London, New York: Continuum.
16. Bakhtin, M.M. (1979) Roman vospitaniya i ego znachenie v istorii realizma [The bildungsroman and its value in the history of realism]. In: *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo.
17. Raevskaya, K.V. (2008) Sistema personazhey v romanizovannoy satire ("Saga o Forsaytakh" Dzhona Golsuorsi) [The system of characters in the novelized satire ("The Forsyte Saga" by John Galsworthy)]. *Vestnik SamGU – Vestnik of Samara State University*. 1 (60). pp. 131–137.
18. Hargreaves, T. (2007) Nostalgic Retrieval: Sexual Politics, Cultural Aesthetics and Literary Form in John Galsworthy's *The Forsyte Saga*. *English: Journal of the English Association*. 56. pp. 127–145.
19. Harvey, G. (1996) Reading 'The Forsyte Saga'. *The Yearbook of English Studies*. Vol. 26 Strategies of Reading: Dickens and after. Special Number. pp. 127–134.
20. Shkhirova, I.A. (2013) *Tekst skvoz' prizmu slozhnogo* [Text through the prism of the complex]. St. Petersburg: Politekhniko-servis.
21. Galsworthy, J. (1922) *The Forsyte Saga*. London: Heinemann.

22. Fowles, J. (1996) *The French Lieutenant's Woman*. London: Vintage.
23. Friedman, N. (1975) *Form and Meaning in Fiction*. Georgia: University of Georgia Press.
24. Barthes, R. (1994) *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Translated from English. Moscow: Progress.
25. Nikitina, S. (2011) Forsytes' Bildungsroman: A Saga of a Place. *Interdisciplinary Literary Studies*. 13 (1/2). pp. 61–76.
26. Conradi, P. (1982) *John Fowles*. London; New York: Methuen.
27. Oxford University Press. (2006) *Oxford Dictionary of English*. Second edition, revised. Oxford: Oxford University Press.
28. Menyaylo, V.V. (2016) English people and foreigners in J. Galsworthy's *The Forsyte Saga* and *A Modern Comedy*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 410. pp. 13–18. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/410/2
29. Menyaylo, V.V. (2011) Dominantnyy khronotop kak sredstvo reprezentatsii individual'no-avtorskogo kontsepta [Dominant chronotope as a means of representation of the individual author's concept]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina. Ser. Filologiya – Vestnik of Pushkin Leningrad State University*. 7 (3). pp. 55–63.

Received: 13 October 2018

Т.В. Михайлова, А.В. Михайлов

СЕМАНТИКА ОЦЕНКИ И ПРИЧИНЫ В ДВУХЧАСТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С ИМЕННЫМ ПРИЧАСТИЕМ В ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТАХ ПОТЕСТАРНОЙ СЕМАНТИКИ XVI–XVII вв.: «ВНУТРЕННИЙ МИР / ВНЕШНИЙ МИР»

Рассмотрены конструкции с именным причастием из древнерусских текстов XVI–XVII вв., в которых обсуждаются события Московской Руси, приведшие к Смутному времени, и события периода Смутного времени. Авторы этих текстов сосредоточены на причинах и оценке явлений, лиц, на качестве царской власти и власти вообще. Выявлены грамматико-синтаксические модели для выражения причин и оценок. Определены чувства, которые побуждают героев текстов к тем или иным поступкам, оцениваемым негативно или положительно составителями текстов.

Ключевые слова: русская публицистика XVI–XVII вв.; Смутное время; оценка власти; выражение оценки; причинные отношения; именное причастие; двухчастные конструкции; внутренний мир человека; внешние действия персоны.

Публицистические тексты второй половины XVI – начала XVII в. насыщены разнообразными государственно-политическими идеями. Именно в этот период идет процесс закрепления иосифлянской модели природы царской власти, осознания необходимости блюсти традиции, заложенные и в раннюю эпоху христианства, и в Киевский период существования Русского государства. Тексты же начала XVII в., посвященные смуте и различным «нестроениям» в жизни русского общества, вскрывая многие противоречия, назревшие в государстве, заново провозглашают те ценности, на которых изначально была «замешена» русская власть. Все это и делает данный период очень важным с точки зрения конструирования идеологических и других ценностных смыслов.

Категория причинности является важной смысловой категорией в русской средневековой идеологии. Идеи взаимосвязанности миров психических и духовных с миром внешним, физическим, миров небесных, «невидимых» с миром земным пронизывают всю древнерусскую культуру. Эти идеи касались и жизни человека, и жизни государства, что, несомненно, получало свое отражение и в древнерусских текстах.

Симптоматичны, например, даже названия произведений данного периода, ср. «Описание вин или причин, которыми кь погибели или кь разорению всякие царства приходять и которыми делами въ целости и въ покою содержатся и строятся» («Описание источников и причин, из-за которых все государства впадают в погибель и разорение, и [описание того], какими способами [они] содержатся в покое и в целостности и управляются». – Здесь и далее перевод с древнерусского сделан авторами данной статьи. – Т.М., А.М.). В этой повести представляется известное мнение: царства изменяются и погибают от главных причин: «...от злобы, хотения, гордости и неправды властелей и начальниковъ...» («...из-за злобы, желаний, гордости, несправедливости властителей и руководителей») [1. С. 242]. В подобных текстах важна была не только сообщаемая фактическая сторона происшедших событий, но и тот строй идей, который выражал авторскую оценку и позицию.

Идеи, отображенные в публицистических текстах Ивана Пересветова, автора двух Челобитных и «Ска-

зания о Магмете-салтане», продолжают линию исследования причин гибели государств. Падение Константинополя писатель видит в отсутствии правды в государственном управлении, что ведет за собой и отход от истинной веры: «Константин-царь велможам своим волю дал и сердце им веселил, они же о том радовались и неправду судили...» («Царь Константин своим велможам дал [много] свободы и радовал им сердце, они же обрадовались этому и судили неправо...») [2. С. 268]; «И с теми неправыми судьями во всем греки в ересь впали и ...во всем Бога прогневали» («И с теми неправедными судьями греки во всем впали в ересь... и прогневали во всем Бога») [Там же. С. 269].

Отсутствие правды в государственном управлении приводит к тому, что земля теряет Божье благословение и становится добычей лукавого. И.С. Пересветов говорит о правлении лукавого на греческой земле при полном бездействии православного царя: «...а царския грозы к ним не было» («а царской грозной власти над ними не было») [3. С. 616].

Если земной правитель никак не реагирует на неправду, то тогда настает пора для небесного правителя: «Всѣм Бога разгнѣвили» («Всем разгневали Бога») [Там же. С. 617].

Для древнерусского книжника взаимосвязанность и взаимообусловленность трагических событий и нравственной распущенности властных структур ясны как непреложный закон.

Спор между Иваном IV и Андреем Курбским также был связан с пониманием сущности царской власти. В полемике обсуждались вопросы духовно-нравственного соответствия царствующего лица представлениям обогочеловеческой природе власти. Хорошо известно, какое влияние на древнерусское сознание оказывали представления византийцев о природе имперской власти. В VI в. диакон Агапит сформулировал теорию о «богочеловеческой» природе власти василевса как образа Царя Небесного. Учение Агапита в дальнейшем развивалось в сочинениях преподобного Феодора Студита (IX в.). Сочинения Агапита и Феодора Студита неоднократно переводились и переписывались русскими книжниками XIV–XVI вв. и потому были хорошо известны русским публицистам XVI в. [4. С. 165–174, 350–359]. И царь Иван IV, и его подданный князь Андрей Курб-

ский, опираясь на византийское учение о власти и на представления самого Святого Писания, вырабатывают различные подходы к пониманию царской власти [5. С. 150–186; 6. С. 129–135].

Среди рассматриваемых нами текстов повести о Смуте начала XVII в. в своих названиях не содержат прямых указаний на причинность, не содержат перечня причин описываемых в них событий, тем не менее их содержание основывается на описании причин Смуты.

Смутное время – это время, когда «Московское государство испытало страшное потрясение, поколебавшее самые глубокие его основы» [7. С. 17]. Как известно, признаки Смуты стали тотчас обнаруживаться после смерти последнего царя старой династии, Феодора Иоанновича. Смута прекращается с того времени, когда земские чины, собравшись в Москве в начале 1613 г., избрали на престол родоначальника новой династии, царя Михаила. Исторические тексты первой половины XVII в., посвященные Смуте, «резко отделяются от предшествующих... повышенным интересом к человеческому характеру и новым к нему отношением» [8. С. 220].

Именно в названных произведениях их составители выступили как авторы, писатели, открыто заговорив о противоречии человеческого характера. В текстах появляются образ автора, авторское «я», и – что важно – личностная оценка событий и исторических деятелей. Мысль об открытии человеческого характера в текстах начала XVII в. впервые высказана О.А. Державиной в статье «Анализ образов повести XVII в. о царевице Дмитриии Угличском» [9].

Царь, разумеется, центральная фигура повестей Смутного времени, но древнерусское сознание воспринимает царя как представителя Бога на земле, так что тема царя одновременно есть и тема Божьего промысла, участия Бога в судьбах Руси. Все тексты данного периода написаны православными авторами. Православная картина мира накладывает свой отпечаток на причинно-оценочные отношения, проявляемые в древнерусских текстах властной семантики.

Связь между семантическими категориями причинности и оценки в текстах, посвященных описанию древнерусской власти, является и отражением историсофских представлений древнерусского книжника, и отражением его языковой картины мира как православного христианина. Использование конструкций с семантикой причинности в оценочных высказываниях в древнерусских текстах потестарной семантики оказывается далеко не случайным, ибо русское средневековое мировоззрение связывает благополучие государства с наличием благодати в правителе. В этом нам видится глубинная суть взаимоотношений категорий причинности и оценочности в древнерусских текстах потестарного характера.

Возможность увидеть причинную связь между тем или другим событием, с одной стороны, и приписывание той или иной ценности чему-либо (событию, факту, субъекту), с другой стороны, связано с существованием в тексте автора высказывания. Известный исследователь субъективных смыслов в языке М.В. Ляпон считает, что «человеческий фактор (а

именно интерпретатор), являясь реальным актантом текста, определяет не только внутреннюю логику текста вообще... но и внутреннюю логику любого его коммуникативно завершенного отрезка» [10. С. 8]. Поэтому закономерным представляется, что при анализе категорий каузальности, уступительности, обусловленности, мотивированности ключевой категорией является категория оценки. Оценка, по мнению М.В. Ляпон, это прежде всего мыслительная процедура, операция умозаключения. Естественно, что реализация оценки в тексте означает, что в дотекстовом состоянии произведена интеллектуальная или эмоциональная «обработка» какого-либо потенциального фрагмента текста [Там же. С. 26]. Таким образом, значимость субъективного фактора при изучении категории причинности не подлежит сомнению. Изучение же оценки должно быть связано, например, хотя бы в поисках оснований оценки, позиций (точек зрения) оценки, способов выражения (или включения в текст) оценки с функционированием категорий сравнения, обусловленности, причинности и других.

Изучение семантики причинности в русской языковедческой науке связано прежде всего с изучением сложных синтаксических конструкций с союзным подчинением [11. С. 254–272; 12. С. 368–394; 13. С. 512–519; 14. С. 198–224]. Сложные логические отношения, возникающие между причинами возникновения определенной ситуации и оценкой этой же ситуации, могут выражать (и не реже, чем сложно-подчиненные предложения) другие типы синтаксических конструкций. Речь идет о паратаксисе и об осложненных простых предложениях с именными причастиями.

В данном исследовании автор рассматривает каузально-оценочную семантику высказываний с именными причастиями. Не вдаваясь в подробности обсуждения происхождения современного деепричастия (так начинают называть застывающие и застывшие формы именных причастий в азбуковниках и грамматиках с XVII в., и этот термин закрепился в последующих грамматиках, включая современные), отметим, что в современном русском языке деепричастие и деепричастный оборот среди ряда обстоятельственных значений могут выражать и каузативную семантику, что, видимо, не противоречит истории развития значения этих форм.

Во второй половине XVI в. указанные конструкции уже окончательно потеряли свою именную сущность и переосмысливаются как формы глагола, выражающие некое добавочное действие относительно основного.

Наблюдаемые нами в текстах XVI–XVII вв. конструкции с именными причастиями независимо от своей синтаксической позиции (употребляются ли с личным глаголом с союзом или без союза) наряду с временными признаками часто выражают и причинные отношения, складывающиеся между двумя ситуациями. Именные причастия нестратегического залога указанного периода представляют собой неоднородную картину. По мнению исследователя, «в предложении они выполняли несколько разнородных функций» [14. С. 243]. Они могли быть предикатом в пред-

ложении, они могли входить в состав предложения с *verbum finitum*, предшествуя глаголу и соединяясь с ним союзом, а также могли иметь постпозитивную позицию и быть связанными с *verbum finitum* с помощью союзов.

К этому же времени благодаря развитию видовой семантики продолжают вытесняться и временные значения именных причастий. Как считают исследователи, при изучении деепричастий этого периода в первую очередь необходимо учитывать их принадлежность к виду. С точки зрения выражения каузальной семантики данными конструкциями, это представляется интересным, так как, по мнению С.Д. Никифорова, «при определенном лексическом значении (чаще всего при выражении психического или умственного процесса) деепричастие совершенного вида... может обозначать возникшее до действия глагола психическое состояние или умственное решение как причину основного действия, выраженного глаголом» [Там же. С. 274]. Он же отмечает, что «в положении после глагола деепричастие совершенного вида при определенном его значении может означать следствие основного действия, выраженного глаголом» [Там же]. Таким образом, возможности именных причастий для выражения каузативной семантики признаются лингвистикой довольно давно.

Более подробные наблюдения над семантикой рассматриваемых конструкций позволяет сделать направление, которое еще Л.В. Щербой названо «исследованием от смысла к форме».

Такой семантический подход к изучению предложения, осложненного конструкциями с именными причастиями, предполагает рассматривать данное предложение как дисигуативное или полисигуативное. Именное причастие представляет номинацию одной из ситуаций, представленных в сложном или осложненном предложении. Пропозиция как языковая экспликация ситуации, события, «положения дел» имеет в лингвистике достаточно долгую историю, но при изучении древнерусских текстов этот надежный «инструмент изучения диктума» [15. С. 8] еще недооценен. Простое предложение с осложнением или сложное предложение при наличии двух и более пропозиций воспринимаются в нашем исследовании как полипропозитивное высказывание.

В данном тексте анализируются имеющие каузативно-оценочные смыслы полипропозитивные высказывания, в которых пропозиции выражены *verbum finitum* и именным причастием настоящего и прошедшего времени в препозиции и постпозиции по отношению к личному глаголу.

Анализ древнерусских текстов второй половины XVI – начала XVII в. показывает, что наиболее частотным является использование конструкций с именным причастием в оценочно-каузативном значении в контекстах, описывающих внутреннее состояние субъекта. Для дальнейшего анализа используем деление высказывания на две смысловые части. Одна часть описывает ситуацию, связанную с тем, что происходит во внутреннем мире человека: в его душе, сердце, мыслях, т.е. мир психический и ментальный, а

другая часть репрезентирует мир внешний, физический, тот, что доступен наблюдению «со стороны».

То, что происходит в мире внутреннем, является причиной «внешнего» поведения человека, подталкивает человека к совершению благого или неблагого действия. Православная святоотеческая традиция, имеющая глубокие исторические корни в изучении души человека, обращает пристальное внимание на чувства и мысли человека, понимая, что именно они являются большей частью причиной совершения того или иного поступка. Категория оценки постоянно взаимодействует с выражением причинно-следственных отношений в анализируемых текстах. Интерес к изучению внутреннего мира человека в древнерусской литературе, как уже упоминалось, усиливается в период второй половины XVI в. и набирает особенно большую силу в начале XVII в. Древнерусский автор с позиций внимательного наблюдателя описывает то, что происходит в душе человека, так как именно это является причиной многих бед и несчастий или, напротив, благих событий, происходящих в стране, общественной жизни и личной жизни человека.

Далее на основе вышесказанного предлагается семантическая классификация каузально-оценочных высказываний с именными причастиями. Такое высказывание рассматривается нами как полипропозитивная конструкция, каждая из пропозиций которой может быть выражена и личным глаголом, и именным причастием.

В зависимости от смыслов, представленных в двух частях данных высказываний, выделяем три группы каузально-оценочных высказываний с именными причастиями. Эти части сопоставлены как оппозиции «внутренний мир / внешний мир», «внутренний мир / внутренний мир» и «внешний мир / внешний мир», т.е. одна пропозиция описывает внутренний мир человека, другая – его действия в мире внешнем, либо первая пропозиция описывает внутренний мир человека, другая – его чувства, действия в мире внутреннем, либо – первая пропозиция описывает то, что происходит в наблюдаемом экстерьере человека и в его действиях, а другая – его действия также в мире внешнем.

Необходимо отметить, что противопоставление, сопоставление, рассмотрение соотношения материального в человеке, плоти, тела и его духовного облика (сердца, души, ума, разума, совести) в древнерусских текстах приводит исследователей к выводам о неразрывности связи Тело – Душа. Как пишет Г.М. Прохоров, «...человек здесь [на земле] не существует без своей “материальной матрицы” и всегда – в Прошлом, Настоящем и Будущем – остается причастным и интеллектуальному, и материальному» [16. С. 87]. Представления о человеке, его естестве, врожденном в нем и приобретенном, в древнерусской литературе с XI по XVIII в. развиваются, причем по различным путям, и «самовластье» человека в ряде произведений XVII в. характеризуется как этап эмансипации от сугубо религиозных взглядов, что обосновывает Л.А. Черная [17. С. 138–149]. Она же дает оценку борьбы и сотрудничества «внешнего» и «ду-

шевного) (=внутреннего) [противопоставление взято ею из сочинений Ивана Грозного] в человеке по описаниям древнерусских книжников [Там же. С. 150–151].

В настоящей статье далее подробно рассмотрим первую группу – оппозицию «внутренний мир / внешний мир». В последующих публикациях будут проанализированы другие две названные выше группы каузально-оценочных высказываний с именными причастиями.

Внутренний мир / внешний мир

Семантика типа двухкомпонентных высказываний с данной оппозицией строится следующим образом. Одна пропозиция описывает внутренний мир человека, другая – его действия в мире внешнем. Внутренний мир включает в себя описание того, что происходит в сердце человека, его душе, что он чувствует, что он думает. В зависимости от этих аспектов выделяются следующие семантические подтипы: душа / внешний мир; чувство S (субъекта) / действие S; желание S / внешний мир; мысленный мир / действие. Описанию семантики названных подтипов посвящена дальнейшая часть исследования.

1. Душа / внешний мир. При описании души и сердца человека древнерусским книжником используются предикаты бытия и обладания, что в соединении с оценочной лексикой позволяет автору высказывания эксплицировать положительную или отрицательную оценки. Например, «Душу же имѣя нескверно» ('Душу же сохраняя неоскверненной') [18. Стб. 871].

Душа и сердце могут быть репрезентированы как некие субстанции, которые можно охарактеризовать с точки зрения наличия или отсутствия в них определенных качеств. Этой семантике соответствует предложно-падежная форма, служащая в языке для экспликации объекта, – Вин. п. без предлога. Этот объект человек в силах изменить. В наших примерах представлены изменения к худшему, например человек может сделать свою душу пустой, суетной, «тщетной»: «Той же чернецъ, по наученію дьяволу, **отщетивъ свою душу**» ('Тот же монах-(черноризец) по дьявольскому научению свою душу опустошил') [19. Стб. 569].

Другой способ представления понятий души и сердца – описание их как локатива, т.е. места, в котором оцениваемые качества присутствуют, развиваются, растут, исчезают. Локатив эксплицируется в языке с помощью местного падежа с предлогом. Например, «и **мерзость запусѣнія въ сердце имѣя**» ('имея мерзостное запустение в своем сердце', или же – 'имея идолов пустых вместо Бога в сердце своем' [ср. в Библии в Кн. пророка Даниила, гл. 9, ст. 27]) [20. Стб. 536].

При классифицировании высказываний данного типа учитывался признак 'постоянное качество / изменение качества'. Описанные смыслы каузируют ситуации, представленные другой частью высказывания.

Дальнейшая классификация высказывания зависит от типа «следственной» части. Обе семантические части высказывания могут быть выражены и личным глаголом, и именным причастием, что, возможно, говорит о восприятии авторами текстов этих глагольных форм как грамматически и синтаксически однородными.

1.1. Качества души S / результат, который получает S. Причинной частью является предикативная единица (ПЕ), описывающая душевные качества S, а ПЕ, описывающая результат, который получает S в награду или в наказание, является следственной частью. Причинно-следственная связь в этом высказывании эксплицирует оценочную позицию автора: «Душу же **имѣя нескверно, отъ житія премѣнися, отъ земныхъ въ горняя возлетѣ**, крылѣ имуще обогрени кровію» ('Душу же имея чистую, свою жизнь изменил, от земного в(о)злетел к вышним, крылья же имея обогранные кровью [как у разбойника]') [18. Стб. 871].

1.2. Качества души S / действие. В данных высказываниях качества репрезентируются различным образом. В высказывании выше оценочность передается с помощью словосочетания имен существительных, главное слово в котором представляет собой отадекватное имя качества, а зависимое – стоит в форме родительного падежа со значением 'принадлежности' (см. о подобном косвенном выражении оценочности в русском языке исследование Г.А. Золотовой [21]). В высказывании, процитированном из [19. Стб. 569], качество выражено самым обычным для русского языка образом – качественными именами прилагательными в сочетании с нулевой бытийной связкой. Действие, которое совершает субъект во второй части высказывания, каузировано, с точки зрения древнерусского автора, отрицательно оцениваемыми качествами души этого субъекта. В описании действий есть и дескриптивный элемент, и оценочный. Например, «...и **мерзость запусѣнія въ сердце имѣя**, и острою смысла, ученіемъ книжнымъ себе давно искусивъ, и **оскверни престоль царскій**» ('и [в итоге] осквернил царский престол, имея мерзость запустения в сердце, [обладая] острым умом, будучи искушенным в книгах') [20. Стб. 536]; «Злоковаренъ же и прѣлукавъ, въ милостивнѣ образѣ дѣль свою злобу ото всѣхъ **крыя, злолотствомъ** въ прикровеніи злобы своя благороднѣйшихъ себе во царство **превозшедь, всѣхъ оболстивъ**, еже послѣди» ('[будучи] злобно коварным, лукавым, скрывая ото всех свою злобу под [мнимо] милостивым образом дел, превзойдя в стремлении к царствованию более благородных [чем он,] по своей злой лютости и прикрывая злобу свою, [что и оказалось] потом') [22. Стб. 293].

1.3. Изменение качества души / действие как результат этого изменения. В данной группе примеров в той их части, которая несет смысл 'изменение качества души', можно наблюдать использование глагольных лексем «отщетивъ» ('опустошив'), «вознесся», значение которых включает в себя сему 'процессуальность'. Изменения, происходящие в душе и сердце субъекта, являются прямой причиной совершения действия. В анализируемых высказываниях

изменения душевных качеств имеют отрицательную оценку. Дескриптивные лексемы «отъиде» ('отошел'), «отоиде» ('отошел'), «собрався» ('собравшись'), «поиде» ('пошел'), не имея эксплицитной оценочной семантики, включаются в конструирование общеотрицательной оценки, опираясь на культурно-прагматические фоновые знания адресата и автора. Необходимо отметить, что в высказывании из [22. Стб. 293] во второй его семантической части присутствует прямая оценка, выраженная квалификативной аппликацией «ко тмѣ уклоняется» ('уклоняется к темному (тьме)'), которая «накладывается» на дескриптивный глагол «отоиде».

В ряде рассматриваемых примеров отмечаем, что во второй части высказываний 'действие как результат этого изменения' присутствуют глаголы с семантикой движения. Траекторию движения субъекта и создает изменение, произошедшее в его душе: «Той же чернецъ, по наученію дьяволу, **отщегивъ свою душу и оставя пречестную обитель, отъиде во страну Сиверскихъ градовъ...**» ('Тот же черноризец-монах [Григорий Отрепьев], опустошив свою душу и оставив пречестную обитель, направился в сторону Северских городов [=городов Северной земли]') [19. Стб. 569]; «Онъ же окаянный, **видя такое ихъ склонение и почитание себѣ, наипаче вознесся въ своемъ лукавомъ сердцѣ и собрався** со многими людьми... **и поиде** въ вотчину хъ пану Адаму Вишневецкому» ('он же окаянный [Григорий Отрепьев], наблюдая такое почитание со стороны людей и приближение их к нему, выше и выше вознесся в лукавом своем сердце, и собравшись со многими людьми, пошел во владения к пану Адаму Вишневецкому') [23. Стб. 799].

2. Чувство S / действие S. В этом выделяемом нами семантическом подтипе высказываний важным является то, что каузатором действий субъекта являются его чувства. Данные высказывания, как и описанные выше, состоят из двух семантических частей. В одной из частей описывается чувство, эмоциональное состояние субъекта, в другой – то действие, которое совершает человек под воздействием своих чувств. По нашим наблюдениям, как правило, для описания эмоций используются именны причастия, а для описания вызванных ими действий – личные формы глагола.

Каузативные отношения тесно переплетены с временными. По понятным причинам, чувство, каузирующее действие, должно предшествовать действию, поэтому часть высказывания 'чувство' по времени, как правило, предшествует второй части. С точки зрения расположения этой части в высказывании можно отметить, что препозиция является более частотной, что соответствует реальному положению дел, см. пример из [24. Стб. 740], но вполне допустима и постпозиция, см. пример из [23. Стб. 809], так как семантика причины правильно воспринимается адресатом, независимо от места расположения в тексте ее репрезентатора: «Окаянный же Рострига **разъясряся яростію отъ всего своего мерскаго темнаго сердца, и гнѣвомъ великимъ дыхая, повелѣ** митрополита сослать въ Казань, и тамо повелѣваетъ съ него святительскій санъ сняти и въ монастырь заточити...

(«окаянный же расстрига [Григорий Отрепьев] распалился яростью своего мерзкого сердца тьмы, и дыша большим гневом, повелел митрополита сослать в Казань, а там повелел снять с него сан святителя и заточить в монастыре») [24. Стб. 740]; «А которые его знающе и вѣдающе, и **тѣ умолкли въ тѣ дни, бояся страха и смерти**» ('те же, кто его знали и ведали [кто он], и те умолкли в те дни, боясь угроз и смерти') [23. Стб. 809].

К более редким случаям можно отнести высказывания, в которых две семантические части являются одновременными. В примере ниже из [25. С. 42] действии двух субъектов, представленное имперфектом «скакаше» ('скакал'), происходит одновременно с действием, выраженным именным причастием «бесящися» ('бесясь'). Второстепенное действие в первую очередь выражает эмоциональное состояние субъектов, в котором совершается их основное действие, выраженное предикатом движения. Но семантика высказывания допускает интерпретировать описанную ситуацию еще и так: 'состояние бешенства послужило причиной быстрого движения субъектов по различным территориям': «князь Семень Бѣлской да Иванъ Ляцкой оттекоша в Литву и камо ни **скакаше бесящися**, – въ Царьградъ, и в Крымъ, и в Нагаи, и отовсюду на православие рати **воздвизающе**» ('князь Семен Бельский и Иван Ляцкий убежали в Литву и куда бы ни скакали, бесясь, они, – в Царьград, и в Крым, и в Ногайской [Орде], [там] отовсюду против православия войну начинали') [Там же].

Далее проанализируем, какие чувства и переживания героев, согласно представлениям древнерусских авторов, служат причиной совершения ими тех или поступков. При экспликации в тексте определенного эмоционального концепта автор имеет возможность выразить категорию оценки.

Как уже не раз отмечалось нами, в построении оценки эмоциональные смыслы могут играть активную роль в связи с особой природой лексем с оценочной семантикой. Оценочные слова не дескриптивны, ибо «для того, чтобы оценить объект, человек должен "пропустить" его через себя: природа оценки отвечает природе человека. ...Оценка представляет человека как цель, на которую обращен мир. В этом смысле она телеологична» [26. С. 59]. В идеализированную модель мира входит и то, что уже есть, и то, к чему человек стремится. Оценочное высказывание в результате стремления к идеалу включает, помимо собственно оценочных концептов *хороший / плохой, добро / зло*, также концепты, связанные с эмоциями человека – *любовь, ненависть, печаль, веселье* и пр.

2.1. Любовь и ненависть. Одними из важнейших эмоциональных концептов являются *любовь* и *ненависть*. Важность этих понятий в православии бесспорна и аксиоматична. Для нашего же исследования важно подчеркнуть, что эти эмоции могут послужить причиной совершения человеком благих либо неблагих действий и поступков. Например, по мнению автора XVII в., любовь героев повести к жизни «привременной», т.е. земной, невечной послужила причиной убийства «отроча» ('отрока'). Или, как видно по [27. Стб. 485–486], книжник видит причину того, что «тво-

ряше царь Борисъ» ('делал царь Борис'), в его любви к неблагому объекту: «...и почитая и любя иноязычниковъ паче священноначалствующихъ... Они же окаяннии, **послушавъ** властолюбиваго повелѣнія, и **возлюбиша** привременную жизнь имѣти паче, нежели вечное блаженство, **оболстивъ** отроча и мать его ласканіемъ мудрованія ихъ кипящихъ въ нихъ, и **уклонися** съ нимъ въ мѣсто нѣкое, якобы ко утѣшенію достойно, и **заклаша** его, яко незлобива агнеца» ('и почитал и любил людей из других народов более, нежели священноначальников [=священников]... Те же окаяннныя, внявъ повелению [дьявола] и стремлению к власти, возлюбили временную [земную] жизнь более, нежели вечное блаженство, обманув дитя и его мать ласками замыслов своих, в них кипящих, и уединились с ними в место, где бы можно было достичь покоя и тишины, и убили его [Дмитрия], как беззлого агнца') [18. Стб. 851]; «Се же творяше царь Борисъ, **боясь враговъ околнихъ**, держащаго же языки словомъ нелѣнія своего **не бояся, и почитая и любя** иноязычниковъ паче священноначалствующихъ; вельможи же его отъ иноземцевъ подсмѣваеми бываху» ('творил же это Борис, боясь врагов [будто бы] ближних, а тех, кто придерживал язык свой, не боясь, и оказывая честь и любя людей из других народов более, нежели священников, и вельможи его бывали в насмешках от иноземцев') [27. Стб. 485–486].

В духовной жизни существуют свои законы, создающие определенные корреляции чувств и поступков. Для древнерусского автора они незыблемы. Если человек любит благое, то эта любовь «подталкивает» его к совершению благих поступков, и, наоборот, любовь к неблагому объектам является причиной неблагого действия.

Что касается такого чувства, как «ненависть», то по тем же духовным законам это чувство может каузировать положительные и отрицательные поступки. В представлении древнерусского автора ненависть может порождаться другим чувством – яростью, которое почти всегда в анализируемых текстах имеет отрицательную оценку, см. об этом ниже. Эти два чувства, последовательно эксплицированные в тексте, увеличивают интенсивность оценки в высказывании. «Зѣлная ярость» ('сильная ярость') властителя является причиной возникновения ненависти к своим подданным, что в свою очередь, в интерпретации Ивана Тимофеева, послужило причиной совешения царем неблагоих деяний: «Отъ умышленія же зѣлныя ярости на своя рабы **подвигся** толикъ, яко **возненавидѣ** грады земля своя вся и во гнѣвѣ своемъ раздѣленіемъ раздвоенія едины люди **раздѣли** и яко двоевѣрны сотвори» ('из-за мыслей своих в сильной ярости на своих служителей настолько, так что возненавидел все города земли своей и в гневе своем единый народ свой разделил надвое и сделал людей как бы двоеверными') [22. Стб. 271].

2.2. *Гнев и ярость.* В христианстве эти чувства на духовном пути человека представляются очень опасными и могут быть причиной тяжких грехов. Иван Васильевич IV в письме князю Андрею Курбскому эту причинно-следственную связь четко проясняет: «...и **на человекѣ возъярився**, на Бога возсталъ еси»

(«и на человека разъярившись, на Бога восстал [ты]») [25. С. 26].

Категория оценки проявлена в этом примере и в причинной части, выраженной в форме именного причастия, и в следственной, представленной перфектной глагольной формой.

Отрицательную коннотацию имеют анализируемые понятия и в рассмотренном выше примере из [22. Стб. 271] – «отъ умышленія же зѣлныя ярости» ('из-за мыслей [своих] в сильной ярости').

2.3. *Страх, боязнь, ужас.* Эмоции, связанные с семантическим полем 'страх', имеют амбивалентную оценочность в древнерусских текстах. «Страх Божий», идущий от законов Ветхого Завета, так же как и стыд, может каузировать человека на совершение благого. Отсутствие этих чувств оценивается как резко отрицательное состояние субъекта. Отсутствие боязни и отсутствие стыда воспринимаются автором оценочного высказывания как синонимы. Отсутствие этих чувств («не устыдѣвса нимало, ниже убоявса безсмертнаго Бога») является причиной совершения Расстригой греховного поступка – введения лютеранки в православную церковь и венчания с ней: «И не прія въ сытость сицеваго бѣсовскаго яда, прія себѣ въ жену Люторскія вѣры невесту Маринку и, **не устыдѣвса нимало, ниже убоявса безсмертнаго Бога, ввель ея некрещену** въ соборную апостольскую церковь Пресвятыя Богородицы и вѣнчавъ ея царскимъ вѣнцемъ» ('И не насытившись этакого бѣсовскаго яда, взял в себе в жены невесту лютеранской веры Маринку [Марину Мнишек] и, не устыдившись нисколько, и не убоявшись бессмертного Бога, ввел ее некрещенной в соборную апостольскую церковь Святой Богородицы и венчал ее царским венцом') [19. Стб. 226].

Отсутствие страха перед человеческим субъектом может оцениваться как положительное чувство: «И много ему бысть отъ оного Ростриги прешенія смертнаго и жестокихъ словесъ; онъ же, яко крѣпкый поборникъ, **никако сего ужасеся, непрестанно его божественнымъ Писаніемъ укаряя**, – и за сія заточень бысть» ('и много он [Патриарх Гермоген] претерпел от того расстриги [Григория Отрепьева] угроз смертных и жестоких слов, но он [Патриарх Гермоген], как крепкий поборник [веры православной], нисколько этого не ужаснулся, непрестанно его [Григория Отрепьева] укорял Божественным Писанием, и за все это был заточен') [Там же. Стб. 583].

Чувство страха перед человеком, и тем более преступником и «вором», может быть отрицательной характеристикой человека, особенно занимающего царственное место: «[объявился Григорий Отрепьев] его же страха слухомъ Борисъ, прегордый предъ малѣмъ и царствуяй нами, **ужаснувся** того стремленія, съ высоты престола царствія **низвержеся**» ('от страха перед [Григорием Отрепьевым] Борис, гордящийся перед малыми [людьми] и царствуя над нами, ужаснулся перед стремлением [Григория Отрепьева к власти], с высоты престола царствования низвергся') [22. Стб. 366].

Дьяк Иван Тимофеев связывает чувство ужаса Годунова перед Лжедмитрием с его быстрым падением

(«съ высоты престола царствія низвержеса»). В последующих высказываниях автор поясняет главную причину этой ситуации – понимание Борисом собственной несправедливости и нелегитимности своего прихода к власти.

Возбуждение различных чувств, в том числе и страха, может служить задачам «продвижения» человека на его духовном и нравственном пути. Князь Иван Андреевич Хворостинин, описывая восстание бояр и простых людей против царя Василия Шуйского, приводит пример защиты царя патриархом Гермогеном: «Охрабряя божественными словесы и утѣшителевым огнемъ...» ('воодушившись божественными словесами и огнем утешителя...'), «правосудный хранитель» с помощью «страха Божьего» пытается вразумить толпу: «...овогда страхомъ уязвляшеса треволненія людскаго шатанія, овогда безстрастїемъ украшашеса, словесную кормлю челоуѣкомъ неоскудно подавая, овѣхъ же наказанїемъ поучая, ко благочестїю наставляя, подражая Владыцѣ Христу, кроткаго Учителя кроткїи ученикъ, кротостю наказуя люди Божїа по преданному уставу» ('иногда страхом был уязвлен треволнения из-за метаний толпы, иногда украшался бесстрастием, подавая словесное окормление людям неоскудевающее, кого-то поучая словами, наставляя к благочестию, подражая Владыке Христу, кроткого Учителя кроткий ученик, кротостю обучая людей Божьих по завещанному уставу') [20. Стб. 545].

Как видим, в первой части высказывания «чувства» представлены действиями субъекта по возбуждению чувства страха и состояния бесстрастности. В тексте эти действия представлены с помощью личного глагола. Конструкции с именными причастиями «словесную кормлю челоуѣкомъ неоскудно подавая», «наказанїемъ поучая, ко благочестїю наставляя» и подобные выражают полисубъектность высказывания. С точки зрения воздействующего субъекта в значении этих конструкций есть целевая семантика, с точки зрения адресата (разбушевавшейся толпы) эти конструкции есть желаемое следствие, каузированное первой частью высказывания.

Рассмотрим более редкий случай среди высказываний анализируемого семантического подтипа. Выражение чувств в высказывании является следствием того, что описано в части 'действие', поэтому конструкции с именным причастием, эксплицирующие эмоциональную семантику, стоят в постпозиции по отношению к аористу «вниде» ('вошел'), описывающему каузативное действие. Субъект получает плохое известие и вследствие этого начинает испытывать подобающие истинному православному чувства. Категория оценки проявлена в виде авторского комментария, представленного в относительном придаточном «иже тацѣхъ сродству достойныя и царскимъ разумомъ», премудростїю украшенныя» ('таких [людей царского] сродства достойные и и царским разумом, премудростїю украшенны'), в котором обсуждается уместность и образцовость царского поведения: «Такое возвѣщенїе егда же о безгоднїи смерти брата въ царскїа слухи самобратнаго Феодора еще вниде, тогда царь, во братскїи на жалость подвигъ естеству

того понужающу, **возстанавъ отъ скорби зѣло и прослезїи** умильны глаголы, иже тацѣхъ сродству достойныя и царскимъ разумомъ, премудростїю украшенныя, **испусти**» ('когда таковая весть о безвременной смерти брата [Дмитрия] в царский слух его брата Федора вошла, тогда царь, понуждаемый природой своей к жалости о брате, восстанав сильно от скорби и прослезился [с] умильными словами, которые пристойны [и достойны] родства и царского разума, премудростїю украшенныя') [22. Стб. 295].

Действие, выраженное в форме именного причастия, может быть представлено и как следствие, и как индикатор внутреннего состояния субъекта: «Днесъ же вси православнїи люде **радуемса и веселимса, хваля слава** искони безначалнаго превѣчнаго Бога нашего, даровавшаго намъ по всещѣдрому хотенїю своему такового благочестиваго государя царя и великаго князя Василия Ивановича, всеа Русїи самодержца, истиннаго заступника и пастыря словеснымъ овцамъ своимъ, а не наемника» ('Ныне же все православные люди [будем] радоваться и веселиться, хваля [и] слава искони безначального превечного Бога нашего, даровавшего нам по своему всещедрому хотению такового благочестивого государя отца и великого князя Василия Ивановича, всея Руси самодержца, истинного заступника и пастыря овцам своим, а не наемного [работника]') [29. Стб. 64].

3. Желание S / внешний мир. Как отдельный семантический подтип мы выделяем высказывания, в которых одна из частей имеет значение 'желание'.

В семантической структуре концепта желания, также как и в концепте любви, присутствует целевая семантика. По мнению Е.М. Вольфа, «при предикатах желания событие оценивается как положительное для субъекта желания, при выражениях нежелания как отрицание» [30. С. 125]. На наш взгляд, выражение оценки с помощью эмоциональных концептов в реальном языке намного сложнее. Автор оценочного высказывания может, исходя из своих этических представлений, оценивать самого субъекта высказывания на основании того, чего он *желает / не желает*. В текстах XVI–XVII вв. оценочные высказывания с использованием эмоциональных концептов основаны на едином представлении автора-составителя и адресата текстов о том, *чего* именно должен человек *желать* и *чаять*, и от *чего* следует уводить свои желания, устремления, чувства.

Представления о предмете желания, как, впрочем, и о предмете любви, примерного христианина вводились в древнерусские тексты с XI в., поэтому можно говорить, что (положительные и отрицательные) герои анализируемых текстов испытывают в каком-то смысле уже заданные позицией автора-составителя эмоции. Святоотеческая традиция воспитания примерного христианина предполагает необходимость пристального внимания человека к своему внутреннему миру, в том числе и к миру своих желаний. Человек может желать небесного и земного.

3.1. Желания, связанные с высшим миром. Желания, направленные на высший или, как говорится в древнерусских текстах, «горнїи» мир, являются самым надежным путеводителем и в мире земном. Об

этом говорит автор «Иного сказания», объясняя причины стойкого сопротивления монахов Симонова монастыря разбойникам «Илейке Горчакову да Иванку Исакову Болотникову». Им подчинились и «обольстили» их ложью много городов («и Черниговъ, и Муромескъ, и Курескъ, и Стародубъ»), но иноки Симонова монастыря оказали им сильнейшее сопротивление, так как «высокихъ небесныхъ ища, а не земныхъ» («ища высшего и небесного, а не земного»): «Иноцы же образъ смиренномудря **ношаше**, высокихъ небесныхъ **ища**, а не земныхъ, и **не чюя ихъ ласканія и прелести**, но ставше крепко во православной вѣрѣ христианской и по благовѣрномъ царѣ и великомъ князѣ Василии Ивановичѣ всеа Русіи крепко **стояти и битися** съ ними до смерти, а **не здатися** имъ, и **укоряюще и обличающе** ихъ безумную прелесть» («иноки же носили образ смиренномудрия, взыскупя высокого небесного, а не земного, и не чюя их [врагов] ласковости и [попыток] прельстить, но став крепко за православную веру христианскую и за благоверного царя и великого князя всеа Руси Василия Ивановича, крепко стояли и боролись с ними до смерти, а не сдавались им [врагам], но не сдавались им, укоряя и обличая их безумный обман») [29. Стб. 100].

Интересно отметить, что в приведенном выше примере ситуации, представленные имперфектом «ношаше» («носил») и именными причастиями «ища» («взыскупя, ища»), «не чюя» («не ощущая»), бесспорно, взаимообусловлены, но сложно определить, какая ситуация является причиной, а какая – следствием. Автор же нижеследующего высказывания, конструируя образ праведного царя Феодора Иоановича, объясняет его нежелание заниматься государственными делами именно сосредоточенностью царя на мире ином, т.е. желания правителя являются причиной невыполнения им властных действий: «...и государь царь кроткой и милостивой избывая мірской суеты и докуки, понеже бо земнаго не помышляя, но **небеснаго желая**, милосердіемъ своимъ и чловѣколюбіемъ ко всѣмъ отказывает, и отсылаетъ ихъ милостиво къ преждереченному своему боярину Борису Годунову» («...и государь царь кроткий и милостивый, избегая мирской суеты и докук, поскольку о земном не помышляет, но желая небесного, милосердием и чловеколюбием ко всем [людям] отказывает, и отсылает их милостиво к вышеназванному своему боярину Борису Годунову») [23. Стб. 762].

3.2. *Желания, связанные с земным миром.* Категория оценочности, эксплицированная в данном типе высказываний, связана с той системой ценностей, которая присутствует в менталитете русского человека XVI–XVII вв.

Желание доброй славы – одно из самых распространенных желаний человека в анализируемых текстах. Ради исполнения этого желания человек может совершить различные действия, что и можно видеть в данном типе высказываний: «И той же Борисъ, **коварень зѣло и видя людей печальныхъ** по домѣхъ своихъ и **хотя** окаянной молву укротити, чтобъ про него молвы худой не было, и **тотчасъ велѣлъ въ Москвѣ переписать**, сколько дворовъ погорѣло» («и тот же Борис, будучи весьма коварным и видя людей

печальных [озабоченных] в домах их, и желая, окаянный, утишить молву [и ропот], чтобы про него [Бориса] слухов плохих не было, и тотчас велел в Москве переписать, сколько дворов погорело») [23. Стб. 780]; «Яту же бывшу Урусу отъ первыхъ началствующихъ князей Нагайскихъ, той же лукавъ, царь же Борисъ **хотя славою своею**, а не яростію, въ предъидушая времена укрепить того врага, и **повелѣ** во вся царская сокровища водить его и показывать вся» («Был же схвачен [когда] Урус из первых наиважнейших князей Ногайских, тот же лукавый царь Борис хотел славою своей, а не яростью, сначала подбодрить того врага [Уруса], и повелел во все царские сокровища водить его и показывать все») [27. Стб. 487].

Как видим, древнерусские авторы внимательно наблюдают, какие желания заставляют героев повестей совершать те или иные поступки. Если благое действие во «внешнем» мире совершается из греховных побуждений, то отрицательная оценка «внутреннего» мира делает общую оценку отрицательной. Именно в этих высказываниях проявляется еще и семантика коварства («коварен», «лукав», «прельсти»), показывающая настоящую сущность царя Бориса.

Желать можно откровенно греховного, и в таком случае желание как каузатор неблагого действия становится интенсификатором оценки.

Предикаты желания в сочетании с негацией создают образ правителя – защитника и охранителя от всяких бед, к примеру, от «разоренія» христиан и «кровопролитія».

Желание чести – ценность, идущая из глубины веков древнерусского общества и относящаяся к основным понятиям еще дохристианской Руси. Именно к этим ценностям отсылает царь Иван Васильевич в своем ответном письме боярину Андрею Курбскому, объясняя ему, за что воевали подданные царя: «...понеже убо иное за **православие пролиали есте** кровь свою, ина же, **желая чести и богатства** («поскольку это иное [, если] за православие пролили [вы] кровь свою, и иное, [если вы сделали это], желая славы и богатства») [25. С. 66].

3.3. *Желание и результат.* Желание подталкивает человека на совершение определенных действий, приносящих тот или иной результат. В высказываниях с «результативной» семантикой часто используется форма аориста, которая, как известно, с середины XVI в. получает значение результативного вида [14. С. 150], как, например, в высказывании ниже аористная форма «получи» («получил»): «Царь убо **Борисъ мысля храмъ новъ воздвигнути** во имя Воскресенія Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и **по образцу содѣланному смѣтивъ**, готовяше много множество къ созиданію праведнаго, а неправеднаго собранія, и **хотя Устиніану уподобитися**, но Маврикіеву часть **получи** («Царь же Борис, задумав новый храм построить во имя Воскресения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и по образцу, сделанному [ранее], сметил, подготавливал большое множество к созданию праведного, а [в итоге] неправедного собрания, и хотел уподобиться Юстиниану, но получил участь Маврикия») [27. Стб. 522]. Результативность проявляется и в использовании формы перфекта

«погибли», образованного от основы совершенного вида. Семантика приведенного ниже высказывания состоит в том, что человек рассчитывает на один результат, а получает другой, и именно на таком противопоставлении конструируется авторская оценка. Категория оценочности может проявляться и в другом виде сопоставления: что субъект хотел, то и получил, – при использовании такого приема выражения оценки автор высказывания обсуждает качество желаний субъекта: «Всѣ мы, **того ищучи, въ томъ и погибли**: аще бы того не искали, всѣ бы отъ Бога не отпали и душами и тѣломъ не пали и не пропали» («Все мы, ища чего-либо, из-за того и погибаем, а если бы не искали того [, чего не надо было], все бы от Бога не отпали и душами и телом не пали и не пропали [бы]») [31. Стб. 216].

Таким образом, желание понимается древнерусским автором как важный индикатор нравственного и духовного развития человека. Особенно важно иметь правильные желания, если речь идет о правителе и о приближенных к власти. Желания, связанные с миром небесным, формируют правильное восприятие человеком условий и обстоятельств земной жизни. Семантический тип рассмотренных оценочных высказываний допускает использование именных причастий, и личных форм глагола в обеих частях высказывания. Наши примеры показывают, что независимо от позиции в высказывании, часть «желание» является причиной действия, представленного во второй части высказывания. Категория оценочности может присутствовать в обеих частях, но наиболее весомой оценкой является

оценка желаний человека, поэтому общая оценка высказывания «выводится» на основе этой части высказывания.

Итак, семантика каузации и оценочности выражена в анализируемых текстах взаимосвязанным образом. Категория причинности, эксплицированная в древнерусских текстах, проистекает из основополагающих православных представлений о Добре и Зле, чем и объясняется постоянная связь с категорией оценочности. Древнерусские книжники выстраивали оценку описываемой действительности, опираясь на свои комментарии, хорошо понятные читателям как людям одного культурного кода. Держать душу и сердце в чистоте – основное условие для благополучной жизни не только человека, но и всего государства. Для выражения этого сложного комплекса каузально-аксиологических идей оказались востребованными высказывания с именными причастиями.

В настоящей статье рассмотрена группа пропозитивных конструкций с именными причастиями, в которых представлена оппозиция «внутренний мир / внешний мир». В следующих статьях предполагаются описание и анализ других двух названных выше групп каузально-оценочных высказываний с именными причастиями, где: 1) первая пропозиция описывает внутренний мир человека, другая – его чувства, действия в мире внутреннем; 2) первая пропозиция описывает то, что происходит в наблюдаемом экстерьере человека и в его действиях, а другая – его действия, проявляющиеся также во внешнем мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Салмина М.А. «О причинах гибели царств», сочинение начала XVII века // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1954. Т. X. С. 332–352.
2. Пересветов Иван. Сказание о Магмете салтане // Хрестоматия по древней русской литературе / сост. Н.К. Гудзий. М. : Просвещение, 1973. С. 267–273.
3. Сочинения Ивана Семеновича Пересветова: Большая челобитная Пересветова // Памятники литературы Древней Руси: конец XV – первая половина XVI века. М. : Худож. лит., 1984. С. 602–624.
4. Вальденберг В.Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. 536 с.
5. Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии: Трудный путь к очевидности. М. : РГГУ, 2003. 382 с.
6. Лурье В.М. Русское православие между Киевом и Москвой. Очерк истории русской православной традиции между XV и XX веками. М. : Три квадрата, 2010. 295 с.
7. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Курс русской истории. Ч. 3. М. : Мысль, 1988. Т. 3.
8. Лихачёв Д.С. Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в. // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. Т. VIII. С. 218–234.
9. Державина О.А. Анализ образов повести XVII века о царевиче Димитрии Угличском (из диссертации «Повесть XVII века о царевиче Димитрии Угличском») // Ученые записки Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина. Т. VII. Кафедра рус. лит-ры. М.; Л. : МГПИ, 1946. Вып. 1. С. 21–34.
10. Япон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений. М. : Наука, 1986. 199 с.
11. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М. : Учпедгиз, 1953. 367 с.
12. Ломтев Т.П. Очерки исторического синтаксиса русского языка. М. : Учпедгиз, 1956. 596 с.
13. Коротаева Э.И. Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века. М.; Л. : Наука, 1964. 250 с.
14. Никифоров С.Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М. : Изд-во АН СССР, 1952. 342 с.
15. Шмелева Т.В. Субъективные аспекты русского высказывания : дис. в виде науч. доклада ... д-ра филол. наук. М. : МГУ, 1995. 35 с.
16. Прохоров Г.М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв. Л. : Наука, 1987. 288 с.
17. Черная Л.А. Взгляд на человеческую природу в древнерусской литературе // Древнерусская литература: изображение природы и человека. М. : Наследие, 1995. С. 127–157.
18. Повѣсти князя Семѣна Ивановича Шаховского // Русская историческая библиотека. СПб. : Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стб. 837–876.
19. Повѣсть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго по списку Императорской Публичной библиотеки // Русская историческая библиотека. СПб. : Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стб. 559–624.
20. Повѣсть князя Ивана Андреевича Хворостинина // Русская историческая библиотека. СПб. : Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стб. 525–558.
21. Золотова Г.А. О синтаксических свойствах имен качества // Синтаксис и стилистика. М. : Наука, 1976. С. 130–160.

22. Временник Ивана Тимофеева // Русская историческая библиотека. СПб. : Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стб. 261–472.
23. Сказание о царствѣ Феодора Иоанновича // Русская историческая библиотека. СПб. : Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стб. 755–836.
24. Сказание о Гришке Отрепьеве // Русская историческая библиотека. СПб. : Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стб. 713–754.
25. Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М. : Худ. лит., 1986. С. 22–73.
26. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М. : Наука, 1988. 346 с.
27. Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына // Русская историческая библиотека. СПб. : Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стб. 473–524.
28. Плачь о плбнении и о конечном разорении Московскаго государства // Русская историческая библиотека. СПб. : Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стб. 219–234.
29. Такъ называемое Иное Сказаніе // Русская историческая библиотека. СПб. : Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стб. 1–144.
30. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М. : Наука, 1985. 228 с.
31. Новая повесть о преславномъ Россійскомъ царствѣ и великомъ государствѣ московскомъ // Русская историческая библиотека. СПб. : Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стб. 187–218.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 августа 2018 г.

Semantics of Cause and Evaluation in Two-Part Constructions with Nominal Participle in Ancient Russian Texts with Semantics of Power of the 16th and 17th Centuries: “Inner World / External World”

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 33–43.

DOI: 10.17223/15617793/439/5

Tatiana V. Mikhaylova, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: ta.rada@mail.ru

Alexey V. Mikhaylov, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: avm_2006_64@mail.ru

Keywords: Russian journalism of 16th and 17th centuries; Time of Troubles; evaluation of power; expression of evaluation; causal relations; nominal participles; two-part structures; inner world of man; external actions of person.

The authors are interested in the construction of ideological and axiological meanings in the ancient Russian texts of the time of the autocratic government formation in Russia, which are united by the discussion of the legitimacy of the Tsarist government, its origin, the qualities of a worthy Tsar. The aim of the article is the explication of the ways to justify the evaluation and manifestation of the causes of states and actions, interdependence of internal experiences and external actions of the characters. The work deals with constructions containing the nominal participle in the Old Russian texts of the 16th–17th centuries that discuss the events of Moscow Rus which led to the Time of Troubles. Most of these texts were published on the basis of manuscripts in Volume 13 of the series *Russian Historical Library* in 1891. Among the authors are S.I. Shakhovskoy, I.M. Katyrev-Rostovsky, Avraamy Palitsyn, Ivan Timofeyev and others. To identify the points of view on the Tsarist government and their development, the texts of the preceding period were also drawn: the correspondence of Tsar Ivan IV with Prince Andrey Kurbsky, the works of Ivan Peresvetov, the composition of the 16th century “On the Causes of the Death of Kingdoms”. The authors also use the works of L.P. Yakubinsky, T.P. Lomtev, E.I. Korotayeva, S.D. Nikiforov, M.V. Lyapon, G.A. Zolotova, N.D. Arutyunova, E.M. Wolf, T.V. Shmelyova and other researchers. The method of semantic-syntactic analysis is used in the work. The authors consider two-part constructions with nominal participles expressing the correlation of causes and evaluation of phenomena and persons, qualities of the Tsar’s power and its bearers. The study is based on a total analysis of the above texts. The spectrum of semantic and syntactic constructions used to describe the causes of the internal state of the characters, their external (physical, speech, mental) actions is revealed; the methods of evaluation are determined. A classification of causal-evaluative statements with nominal participles is proposed. They are treated as multipropositional structures, each of their propositions may be expressed by a personal verb and a nominal participle. Depending on the meanings presented in the parts of the statements, three groups are distinguished: (1) “inner world / external world”, 2) “inner world / inner world” and 3) “external world / external world”. The authors come to the conclusion that the semantics of causation and evaluation is expressed in an interrelated way in the analyzed texts. Grammatical-syntactic varieties of the model for expressing reasons and evaluations are revealed, in particular, with the semantics of ‘quality of the soul’, ‘desire’, ‘feelings’ (love, hatred, fear) in the first part and ‘result’ in the second.

REFERENCES

1. Salmina, M.A. (1954) “*O prichinakh gibeli tsarstv*”, *sochineniye nachala XVII veka* [“On the causes of the death of kingdoms”, an early 17th-century work]. In: Adrianova-Peretts, V.P. (ed.) *Trudy otдела drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 10. Moscow; Leningrad: USSR AS.
2. Peresvetov, I. (1973) *Skazanie o Magmete saltane* [Legend of Magmet Saltan]. In: Gudziy, N.K. (ed.) *Khrestomatiya po drevney russkoy literature* [Anthology on ancient Russian literature]. Moscow: Prosveshchenie.
3. Peresvetov, I. (1984) *Sochineniya Ivana Semenovicha Peresvetova: Bol’shaya chelobitnaya Peresvetova* [Works by Ivan Semenovich Peresvetov: Peresvetov’s Great petition]. In: Likhachev, D.S. & Dmitriev, L.A. (eds) *Pamyatniki literatury Drevney Rusi: konets XV — pervaya polovina XVI veka* [Monuments of literature of Ancient Russia: the end of the 15th – the first half of the 16th centuries]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
4. Val’denberg, V.E. (2008) *Istoriya vizantiyskoy politicheskoy literatury v svyazi s istoriey filosofskikh techeniy i zakonodatel’sstva* [The history of Byzantine political literature in connection with the history of philosophical currents and legislation]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
5. Karavashkin, A.V. & Yurganov, A.L. (2003) *Opyt istoricheskoy fenomenologii: Trudnyy put’ k ochevidnosti* [The Experience of Historical Phenomenology: A Difficult Way to Obviousness]. Moscow: RSUH.
6. Lur’e, V.M. (2010) *Russkoye pravoslavie mezhdru Kievom i Moskvoy. Ocherk istorii russkoy pravoslavnoy traditsii mezhdru XV i XX vekami* [Russian Orthodoxy between Kiev and Moscow. An outline of the history of Russian Orthodox tradition between the 15th and 20th centuries]. Moscow: Tri kvadrata.

7. Klyuchevskiy, V.O. (1988) *Sochineniya v devyati tomakh. Kurs russkoy istorii* [Works in nine volumes. Course of Russian History.]. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
8. Likhachev, D.S. (1951) *Problema kharaktera v istoricheskikh proizvedeniyakh nachala XVII v.* [The problem of character in historical works of the beginning of the 17th century]. In: Adrianova-Peretts, V.P. (ed.) *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Russian Literature]. Vol. 8. Moscow; Leningrad: USSR AS.
9. Derzhavina, O.A. (1946) *Analiz obrazov povesti XVII veka o tsareviche Dimitrii Uglichskom (Ukaz "Povest' XVII veka o tsareviche Dimitrii Uglichskom")* [An analysis of the images of the story of the 17th century about Tsarevich Dimitriy Uglichsky (From the dissertation "The Tale of the 17th Century about Tsarevich Dimitry of Uglich")]. In: *Uchenye zapiski Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo instituta im. V.P. Potemkina* [Scientific notes of the Moscow City Pedagogical Institute named after V.P. Potemkin]. Vol. VII. Part 1. Moscow; Leningrad: Moscow City Pedagogical Institute.
10. Lyapon, M.V. (1986) *Smyslovaya struktura slozhnogo predlozheniya i tekst: K tipologii vnutritekstovykh omosheniy* [The semantic structure of a complex sentence and the text: To the typology of intra-text relations]. Moscow: Nauka.
11. Yakubinskiy, L.P. (1953) *Istoriya drevnerusskogo yazyka* [History of the Old Russian Language]. Moscow: Uchpedgiz.
12. Lomtev, T.P. (1956) *Ocherki istoricheskogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essays on the historical syntax of the Russian language]. Moscow: Uchpedgiz.
13. Korotaeva, E.I. (1964) *Soyuznoe podchinenie v russkom literaturnom yazyke XVII veka* [Syndetic subordination in the Russian literary language of the 17th century]. Moscow; Leningrad: Nauka.
14. Nikiforov, S.D. (1952) *Glagol, ego kategorii i formy v russkoy pis'mennosti vtoroy poloviny XVI veka* [The verb, its categories and forms in the Russian written language of the second half of the 16th century]. Moscow: USSR AS.
15. Shmelyova, T.V. (1995) *Sub'yektivnye aspekty russkogo vyskazyvaniya* [Subjective aspects of the Russian propositions]. Philology Dr. Diss. Moscow.
16. Prokhorov, G. M. (1987) *Pamyatniki perevodnoy i russkoy literatury XIV – XV vv.* [Monuments of translated and Russian literature of the 14th–15th centuries]. Leningrad: Nauka.
17. Chernaya, L.A. (1995) *Vzglyad na chelovecheskuyu prirodu v drevnerusskoy literature.* In: *Drevnerusskaya literatura: izobrazhenie prirody i cheloveka* [Old Russian literature: the image of man and nature]. Moscow: Naslediye.
18. Shakhovskoy, Semyon Ivanovich, knyaz'. (1891) *Povesti* [The stories of Knyaz' Semyon Ivanovich Shakhovskoy]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. XIII. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya; Tipografiya I.N. Skorokhodova.
19. Katyrev-Rostovskiy, Ivan Mikhaylovich, knyaz'. (1891) *Povest' po spisku Imperatorskoy Publichnoy biblioteki* [The Stories of Knyaz' Ivan Mikhailovich Katyrev-Rostovsky under the list of the Imperial Public Library]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. XIII. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya; Tipografiya I.N. Skorokhodova.
20. Khvorostinin, I.A (1891) *Povest' [Story]*. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. XIII. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya; Tipografiya I.N. Skorokhodova.
21. Zolotova, G.A. (1976) *O sintaksicheskikh svoystvakh imon kachestva* [On the syntactic properties of quality names]. In: *Sintaksis i stilistika* [Syntax and stylistics]. Moscow: Nauka.
22. Timofeyev, I. (1891) *Vremennik* [Timeline]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. XIII. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya; Tipografiya I.N. Skorokhodova.
23. Anon. (1891) *Skazanie o tsarstve Feodora Ioannovicha* [Legend of the kingdom of Feodor Ioannovich]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. XIII. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya; Tipografiya I.N. Skorokhodova.
24. Anon. (1891) *Skazaniye o Grishke Otrep'yeye* [Legend of Grishka Otrep'yev]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. XIII. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya; Tipografiya I.N. Skorokhodova.
25. Groznyy, I. (1986) *Pervoye poslanie Kurbskomu* [The first message of Ivan the Terrible to Kurbsky]. In: Dmitriev, L.A. & Lihachev, D.S. (eds) *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Vtoraya polovina XVI veka* [Monuments of the literature of Ancient Russia. The second half of the 16th century]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
26. Arutyunova, N.D. (1988) *Tipy yazykovykh znacheniy: otsenka, sobytie, fakt* [Types of language meanings: evaluation, event, fact]. Moscow: Nauka.
27. Palitsyn, A. (1891) *Skazanie ob osade Troitse-Sergieva monastyrja* [Legend of the siege of the Trinity-Sergius Monastery]. In: Platonov, S.F. (ed.) *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. XIII. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya; Tipografiya I.N. Skorokhodova.
28. Platonov, S.F. (ed.) (1891) *Plach' o pleneni i o konechnom razorenii Moskovskago gosudarstva* [Lament on the Capture and Final Destruction of the Moscow State]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. XIII. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya; Tipografiya I.N. Skorokhodova.
29. Platonov, S.F. (ed.) (1891) *Tak nazyvayemoye Inoye Skazanie* [A So-called Different Story]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. XIII. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya; Tipografiya I.N. Skorokhodova.
30. Vol'f, E.M. (1985) *Funktional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow: Nauka.
31. Platonov, S.F. (ed.) (1891) *Novaya povest o preslavnom Rossiyskom tsarstve i velikom gosudarstve Moskovskom* [A new story about the glorious Russian kingdom and the great state of Moscow]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. XIII. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya; Tipografiya I.N. Skorokhodova.

Received: 15 August 2018

О.В. Никитин

**«ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА» Ф.И. БУСЛАЕВА
В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ЕГО ВРЕМЕНИ
(к 200-летию со дня рождения ученого)**

Первая историческая грамматика русского языка (1858) Ф.И. Буслаева анализируется в контексте общелингвистической традиции и лингвистических дискуссий середины XIX в. Введены редкие факты и новые архивные материалы полемикального характера. Делается вывод о том, что благодаря деятельности Ф.И. Буслаева компаративистика в России стала одним из инструментов филологического просвещения. Решается задача популяризации достижений русских лингвистов и актуализации их идей в современном образовательном пространстве.

Ключевые слова: история и методология лингвистики; филологическая традиция; становление компаративистики в России; философия языка; историческая грамматика.

Есть ученые и книги с необычной судьбой, жизнь которых не заканчивается быстро, а длится без счета времени и его приоритетов. К таким величинам в филологической культуре России можно отнести Ф.И. Буслаева (1818–1897) и его учебник по исторической грамматике – первый полный авторитетный свод правил и «этимологических» (в старой терминологии) законов русского языка. До него в отечественной традиции были отдельные удачные попытки описания исторических фактов в духе компаративистики (см., например: [1–3] и др.), но они не нашли широкого применения в практической работе и не выросли до глубоких исследований. Зависимость, во-первых, от культурно-эстетических вкусов в науке конца XVIII – начала XIX в., во-вторых, от авторитетов в лице М.В. Ломоносова, А.С. Шишкова, Н.М. Карамзина и академической грамматики 1802 г., в-третьих, от так называемых универсальных описаний языка в духе философов-логиков – не позволяла предшественникам Ф.И. Буслаева в России сформулировать четкий взгляд на историю языка как научную проблему. Он сочувственно замечал: «В течение столетий грамматика была верным отголоском схоластики, поместившей ее в число семи свободных искусств...» [4. Ч. I. С. XII].

В ученой среде не существовало общих воззрений на «самую живую часть педагогики – отечественное языкознание» [5. С. 237], как выразился один из рецензентов «Опыта исторической грамматики русского языка» (далее – «Опыт»). Ф.И. Буслаев был вовлечен в эту полемику с ранних лет. Сейчас почти забыт интересный факт из его биографии, свидетельствующий о том, что к избранному славяно-русскому направлению и в целом к компаративистике он шел сознательно даже в юные годы, когда под влиянием лекций М.П. Погодина, С.П. Шевырева, Н.И. Надеждина начинало проникать иное культурное течение в университетскую среду. В 1834–1836 гг. во время учебы в Императорском Московском университете он перевел с немецкого языка «Основания общей грамматики» Сильвестра де Саси, сопроводив их личными наблюдениями над русским языком (см.: [ОР РГБ. Ф. 42. Картон 1. № 1. Л. 2 об., 35 об. – 36, 40, 48 об. и др.]). Это был первый научный опыт Ф.И. Буслаева, который при всей тщательности исполнения так и остался

неизвестным ученой публике (перевод не был опубликован).

Далее с небольшими перерывами последовали журнальные статьи и рецензии Ф.И. Буслаева, где уже были четко обозначены его методические и лингвистические взгляды и предпочтения (см., например, отклик на «Сравнение русских слов с санскритскими» А.С. Хомякова [6]¹, объемный разбор книги Г.П. Павского «Филологические наблюдения над составом русского языка» [8], отзывы на работу К.С. Аксакова «О русских глаголах» [9]² и учебник Н.И. Греча «Практическая грамматика русского языка» [11]³ и т.д. Об исследовании Г.П. Павского, в частности, он весьма откровенно писал В.И. Григоровичу 15 января 1852 г.: «Отделал его как следует: досадно, что надобно было взять довольно резкий тон, потому что большая часть его Наблюдений – такой вздор, о котором не стоило бы и говорить. Но что делать? Он пользуется даже в гимназиях большою популярностью, и может представить себе, сколько приносит вреда» [ОР РГБ. Ф. 86. Картон 4. № 28. Л. 1 об.]⁴.

Несмотря на то что общественное мнение уже в 1820–1840-х гг. было подготовлено к пересмотру позиций в сторону компаративистики, ни в гимназической, ни в университетской практике не уделялось должного внимания *систематическому* обучению в духе нового сравнительно-исторического языкознания. Пользовались в основном «Практической русской грамматикой» Н.И. Греча (1827) и другими его пособиями, «Русской грамматикой» А.Х. Востокова (1831), трудами Н.Ф. Кошанского, И.И. Давыдова, которые были учредителями правил обучения родному языку и лишь изредка выходили их пределы. Например, И.И. Давыдов в начальных строках своего сочинения «Общесравнительная грамматика русского языка» высказал нехарактерное для него суждение о «даре слова» и богатстве народной речи (цит. по изд.: [13. С. I–II]⁵). А лингвист-консерватор Н.И. Греч вдруг мелко обмолвился о «чувственных предметах» (цит. по изд.: [14. С. 24]). Это «условное понятие о языке», как писал Ф.И. Буслаев, не давало возможности раскрыть его духовные свойства: раньше «думали, что нет в языке ни одной грамматической формы, которая была бы обязана своим происхождением не случаю, а внутренней потребности человека»

[4. Ч. I. С. XIII]. Были только слабые шаги в сторону филологии духа. А.А. Шахматов справедливо писал об этом времени: «Но исторической грамматики Востоков не оставил: он приготовил лишь материалы, которыми воспользовался Буслаев» [15. С. 8]⁶. Впрочем, в публичных лекциях, не связанных учебными обязательствами, популяризация истории языка и народной культуры имела успех даже в выступлениях традиционалистов вроде Н.И. Греча, на которые приходили не только ученики гимназий, но и высокие чины (см. подробнее: [16]).

Прогрессивные педагоги, понимавшие смысл историко-лингвистических занятий, не решались вступать в спор с установщиками «полицейских правил» в грамматике и очень осторожно вводили новые элементы в обучение. Так, П.М. Перевлесский в 1842 г. опубликовал «Практический синтаксис сложного предложения и *стихосложение* (курсив наш. – О.Н.)» [17], посвятив его И.И. Давыдову. Написанный на основе немецкой методики учебник он дополнил разделом, который ранее не учитывался в трудах языковедов. Позднее тот же автор выпустил «Грамматику старославянского языка» [18] и в пересмотренном виде – «Славянскую грамматику с изборником» (см. изд.: [19]). В последней работе он совместил историю языка и его «этимологию» с хрестоматией памятников древнего периода, очевидно, не без влияния Ф.И. Буслаева⁷.

К середине XIX в. компаративистика медленно, но уверенно проникала в академические курсы, меняя отношение просвещенного общества к новой атмосфере в гуманитарных науках и к *системе* образования в целом⁸. Но еще несколько десятилетий амбиции консерваторов и их стереотипы мешали этому. Показательна в данном ключе фраза Ф.И. Буслаева из его «Предисловия» к «Опыту»: «Как классицизм французской теории вкуса осудил Шекспира в грубости и невежестве, так и готшедовская грамматика, знакомая только с искусственной фразой, видела в языке старинных литературных памятников и в народной речи жалкий лепет младенца, недостойный серьезного изучения» [4. Ч. I. С. XII].

Поколение ученых, к которому принадлежал Ф.И. Буслаев: И.И. Срезневский, В.И. Григорович, П.И. Прейс, П.С. Билярский и др., взвалило на свои плечи очень непростую задачу – утверждение *исторического* принципа в филологических исследованиях и становление славистики как учебной и научной дисциплины.

Известно, что начальные эксперименты по компаративистике Ф.И. Буслаев провел в книге «О преподавании отечественного языка» [22] и в магистерской диссертации «О влиянии христианства на славянский язык...» [20]. В первой работе он еще оттачивал свой метод, применяя его в сугубо педагогических целях и доказывая верность того пути, на который он встал еще в студенческие годы [23]. Второй труд выдвинул Ф.И. Буслаева в число передовых компаративистов XIX в.: он овладел методами этой науки, тщательно изучил древний корнеслов, проник в дух слова языческих и христианских традиций, отраженных в тексте Остромирова евангелия. Между прочим, Ф.И. Буслаев

показал себя здесь не только знатоком древних и новых языков, но и в некотором смысле провидцем: в эпоху логических воззрений на слово, интереса к его практической, грамматической стороне он применил другой подход к анализу древних текстов. То, что мы сейчас называем когнитивной лингвистикой и концептологией, впервые было обозначено в этом исследовании [24]. Подобно своим кумирам В. фон Гумбольдту, Я. Гримму и отчасти А.Х. Востокову, ученый шел от «поэзии» старинного предания, исключенного в слове, к смыслу, находил его связи во всем пространстве литературы – устной и письменной. Недаром большое место в этой работе занимает проблема изучения «юридического и семейного быта» древних народов.

От магистерской диссертации Ф.И. Буслаева до издания «Опыта» прошло еще десять лет упорной работы с рукописями, увлечения народным эпосом и искусством. Так он постепенно готовил программу изучения новой историко-лингвистической науки и впоследствии применил ее к анализу грамматического строя русского языка.

Не случайно «Опыт» Ф.И. Буслаева предназначался для «военно-учебных заведений». В 1852 г. его пригласили вместе с известным специалистом и автором пособий по русской литературе А.Д. Галаховым «в комиссию, обсуждавшую реформу преподавания русского языка и словесности в этих училищах с целью поднять уровень образованности военного сословия» [25. С. 37]. Ф.И. Буслаев принял за такую работу со всей ответственностью. В письме В.И. Григоровичу от 15 января 1852 г. он сообщал: «...я чувствовал себя в страшной попытке, когда, изготовив 1-ю часть русской грамматики, сравнительно со словенскую (так в тексте. – О.Н.), я почувствовал живо, сколько еще нужно приуготовить... работ для того, чтобы составить учебник на основании современных требований науки...» [ОР РГБ. Ф. 86. Картон 4. № 28. Л. 6]. Вторая часть книги – синтаксис – давалась Ф.И. Буслаеву легче, «хотя и приходилось почти на каждом шагу прорубать *новый* (курсив наш. – О.Н.) путь в темном лесу страшной груды выписок...» [Там же]. Заметим, что одновременно Ф.И. Буслаев работал над фундаментальной «Хрестоматией церковнославянского и древнерусского языков» [26].

Об истории создания и обсуждения книги сохранились любопытные воспоминания Ф.И. Буслаева, который при посредничестве графа С.Г. Строганова был приглашен начальником Главного штаба военно-учебных заведений Я.И. Ростовцевым «участвовать... в исполнении задуманного им плана улучшить обучение в военно-учебных заведениях» [27. С. 326]. Реализацией этого поручения занимался вместе с Ф.И. Буслаевым также А.Д. Галахов: первый готовил «обширную грамматику... и большую хрестоматию» (см. подробнее: [28]), а другому было поручено составить «подробную программу обучения русскому и церковнославянскому языкам, теории словесности и истории литературы...» [27. С. 326]. «Всякий раз, как Ростовцев приезжал в Москву, – вспоминал Ф.И. Буслаев, – непременно вызывал нас обоих к себе... и тогда мы должны были сообщать ему, что каждый из

нас успевал сделать в предпринятых нами по его заказу работах. Таким образом, Я.И. Ростовцев вместе с Галаховым прежде всех других довольно основательно и подробно ознакомились с моею пространной грамматикою» [27. С. 327].

Перед утверждением и изданием «Опыта» Ф.И. Буслаеву предстояло пройти еще одно испытание чести – публичный диспут «перед судом многочисленного собрания», куда входили не только преподаватели и сотрудники военного ведомства, но «первое место занимали оба знаменитые автора общепринятых руководств русской грамматики» – А.Х. Востоков и Н.И. Греч [Там же]⁹. Кульминацией этого обсуждения была описанная Ф.И. Буслаевым реакция этих ученых [29], которой и завершился диспут: «Как учитель элементарной грамматики я был не хуже других в этом собрании, но как автор научного руководства для преподавателей я мог иметь соперником только такого специалиста, каким был Востоков. Н.И. Греч долгое время не принимал ни малейшего участия в диспуте и только изредка повертываясь направо и налево к своим соседям и что-то сообщал им, размахивая руками: видимо, он кипятился; а когда я вежливо и сдержанно стал отклонять от себя озлобленные придирки его клиентов и почитателей, он вспылил, вышел из себя и наговорил мне разных дерзостей. После него никто уже не возражал. Тогда наступила очередь Востокова: он вполне одобрил мою грамматику, а встреченные им немногие ошибки и недосмотры отметил на полулисте и передал его мне для исправления замеченных им погрешностей». Таким образом, «патриарх русской науки о языке» [30. С. 96], как назвал его К. Войнаховский, поддержал Ф.И. Буслаева и открыл ему путь в будущее.

Главный посыл, который сообщал автор читателям на первых же страницах «Опыта», заключался в том, что предшествующая традиция подготовки учебников

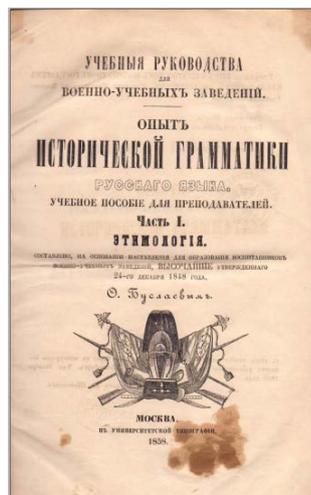
по русскому языку опиралась исключительно на *филологический* принцип. Именно он использовался «в руководствах к изучению языков классических» [4. Ч. I. С. I], где описывался «образцовый язык», тогда как *разговорный*, «не возделанный искусством», оставался за пределами внимания ученых [Там же. С. II]. Другой недостаток такого подхода, по мнению Ф.И. Буслаева, состоял в том, что «филологическая грамматика» «не знает *законов* (курсив автора. – О.Н.) языка, которыми объясняются происхождение, существо и видоизменения грамматической формы» [Там же]. При этом он не отрицал и практических достоинств, главное из них – «учить правильно говорить и писать на каком-либо языке» [Там же]. Ф.И. Буслаев ставил себе иную задачу: обратить внимание на живое слово «в его видоизменениях исторических и местных» [Там же. С. V]. В противовес прежним руководствам, которые «трудно усвоятся и легко выходят из памяти», ученый предлагал в новой грамматике строго различать «принятое обычаем от того, что основано на внутренних законах языка» [Там же. С. VI].

Лингвистический способ анализа языковых явлений, к которому прибег Ф.И. Буслаев, рассматривал язык «как самостоятельный предмет изучения» [Там же. С. XIV]. Вспомним здесь высказывание академика Ф.Ф. Фортунатова, ученика Федора Ивановича, который подхватил эту идею и сделал ее главной движущей силой своего направления: «Лингвистические задачи следует решать *лингвистическими* (курсив наш. – О.Н.) методами» (цит. по изд.: [31. С. 166]). А основным объектом изучения в языкознании, по мысли того же Ф.Ф. Фортунатова, должен быть «вообще человеческий язык в его истории» [Там же]. Отсюда и областное наречие, грубое и недостойное изучения, как считали раньше, «есть уже благородное произведение духовной природы» [4. Ч. I. С. XIV].

Федор Иванович Буслаев. Фото 1865 г.

В «Предисловии» к «Опыту» особенно заметен сравнительно-исторический «романтизм» Ф.И. Буслаева, навеянный в том числе идеями немецких филологов. Его высказывания вроде «живой организм», «естественное выражение дара слова», язык «как яв-

Титульный лист первого издания «Опыта исторической грамматики русского языка» (1858) Ф.И. Буслаева

ление природы», сравнение лингвистики с естествознанием свидетельствуют о вполне прогрессивных взглядах ученого и его компетентности в ведущих разработках западных философов и лингвистов В. фон Гумбольдта, Я. Гримма, Ф. Боппа, А. Шлейхе-

ра и других¹⁰. Особые симпатии питал Ф.И. Буслаев и к К. Беккеру. Его книгу «Организм языка» он упомянул в «Опыте», подчеркнув, что она «обаятельно подействовала на многих педагогов как новостью содержащихся в ней результатов сравнительно-исторической грамматики, так и стройною системою в изложении предмета...» [4. Ч. I. С. XVI]. Именно этот образец Ф.И. Буслаев использовал при написании синтаксического раздела своего учебника, хотя и критиковал К. Беккера за желание «оправдать язык логически» [Там же. С. XVII]. Тем не менее автор «Опыта» констатировал, что стройной, законченной философской системы у К. Беккера не получилось, а главный его недостаток, по мнению Ф.И. Буслаева, состоял в том, что он не установил границы между логикой и грамматикой и «не имел достаточного запаса исторических сведений о языках», а потому «нечувствительно сошел с прямого пути в развитии общих понятий о языке», т.е. отошел от гумбольдтовского взгляда и «принял ложное направление старинных, так называемых *общих грамматик*...» [Там же. С. XVI–XVII].

Собственные наблюдения и размышления Ф.И. Буслаева о народной словесности, ее «испорченных» формах и образцовой книжности, а также попытка разгадать исторические законы языка привели его к пониманию того, что инструментарий сравнительно-исторической науки способен проникнуть и в анализ грамматических форм классических языков [Там же. С. XVIII]. Значит, ее метод универсален: с его помощью можно решить вопрос «о внутреннем построении языка» [Там же]. Преимущество такого подхода он видел не в философском, как у предшествующего поколения лингвистов, а в культурно-историческом смысле: через факты, извлеченные из древних текстов разных жанров и их сравнение с родственными языками, можно проследить закономерность развития уровней языка как *системы* в целом. Замечательны слова ученого, прозревавшего будущее филологической традиции: «Эта наука рассматривает слово уже не только как средство для взаимного сообщения мыслей, но и как живой памятник духовного бытия народов, и притом памятник древнейший, которого история может быть постановлена во главе истории умственного развития человечества» [Там же]. Ф.И. Буслаев как подлинный гуманист здесь выразил и свою лингвистическую мечту: для него летопись языка была прежде всего историей развития общественной мысли, ее духовным камертоном, неотделимым от самой материи знака – текста – образа.

Ф.И. Буслаев сформулировал свою концепцию построения исторической грамматики русского языка. Он изложил ее в нескольких положениях, вызвавших бурную полемику в филологическом сообществе того времени.

Первый тезис заключался в том, что «историческая грамматика ведет изучение этого языка в непрерывной связи с изучением церковнославянского» [Там же. С. XIX], т.е. книжного. Здесь, как полагал ученый, удачно применим новый метод – сравнивать формы русского языка «с формами одного из славянских наречий», в котором сохранились «первоначаль-

ные свойства славянского языка» [4. Ч. I. С. XIX]. С его помощью можно объяснить и синтаксические формы книжной речи. Ф.И. Буслаев учитывал и педагогическую задачу: церковнославянский язык «скрепляет теснейшими узами живую связь нашей родной речи с языком Церкви» [Там же].

Это положение как отправной пункт исследования грамматических основ языка не вызвало возражения у современников Ф.И. Буслаева. Правда, использование только «одного из славянских наречий» (в терминологии ученого) и тогда уже казалось недостаточным, особенно после «Мыслей об истории русского языка» И.И. Срезневского – речи, произнесенной на акте Императорского Санкт-Петербургского университета в 1849 г., т.е. почти за десять лет до издания «Опыта». В ней была намечена *программа* исторического изучения славянских языков «в отношении лексикальном, грамматическом и историко-литературном» (цит. по изд.: [21. С. 80]). Ф.И. Буслаев, можно сказать, взялся за реализацию одной из задач. В практическом отношении он ограничился в основном сопутствующими ссылками на данные славянских языков и не ввел этот принцип в число ведущих инструментов описания истории грамматического строя родного языка¹¹. Упомянувшийся им в «Опыте» О.М. Бодянский, один из первопроходцев славяно-русской филологии, немало содействовал тому, чтобы повысить научность этой стороны учебника Ф.И. Буслаева. Но все же, как признавался сам ученый, он опирался во многом на сочинения «лучших лингвистов нашего времени» В. фон Гумбольдта, Я. Гримма, Ф. Дица [4. Ч. I. С. XXXI], не учитывавших в данные восточнославянских языков как неотъемлемые элементы истории и теории компаративистики.

Один из критиков замечал сразу же по выходе в свет этой книги «Опыта»: «Если бы г. Буслаев последовал плану, предложенному г. Срезневским относительно разделения истории языка на периоды, и представил бы в общих чертах характеристику каждого, то сочинение его вышло бы[,] вероятно[,] занимательнее и целесообразнее. В таком периодическом подразделении всего более нуждается язык книжный» [5. С. 249]. Этого же мнения придерживался и В. Водовозов: «Славянские наречия отнесены автором на *третьестепенное* (курсив наш. – О.Н.) место, тогда как по своему живому употреблению они во многих случаях имеют еще более значения, чем язык церковнославянский» [12. С. 51]. Кстати, известный славист М.А. Максимович в 1839 г. опубликовал исследование об истории русской словесности древнего периода, где уделил большое внимание «народному русскому языку», его отношениям с западнославянскими и «иноплеменными» языками и т.д. [2]¹². Ф.И. Буслаев же в основном строил историческую грамматику на анализе фактов *древних* языков.

А.А. Шахматов также подмечал определенную двойственность историко-грамматической концепции: с одной стороны, писал он, Ф.И. Буслаев ввел «изучение русского языка в круг сравнительного индоевропейского языковедения, с другой, недостаточно определив его ближайшее отношение к языкам *славян-*

ским, лишил свой труд тех главных исторических основ, на которые он должен был опираться» [15. С. 14].

И в описательном направлении у Ф.И. Буслаева критики отмечали погрешности. Так, имея в виду его «учение о словодвижении», А.Н. Майков замечал, что даже «церковнославянский язык вошел сюда для одного наглядного сравнения: образцы склонения взяты только из него; русских нет» [34. С. 52]. А исследователь творчества Ф.И. Буслаева известный педагог К.К. Войнаховский писал так: «Церковнославянский язык занимает в “Исторической грамматике русского языка” первое место, но источники изучения его составляли, в большинстве, собрания или описания рукописей, а не ученая разработка этого языка» [30. С. 90].

Вообще надо заметить, что в потоке разноречивых откликов не только на учебник, но и на самого Ф.И. Буслаева были настолько разные мнения: от восторженных до уничтожающих, – что говорило о культурной незрелости просвещенного общества и показывало многие его духовные противоречия (см. обзор некоторых отзывов: [35]). Одни, как мы уже говорили, критиковали Ф.И. Буслаева за непоследовательность сравнительно-исторической «методы», другие, напротив, – желали видеть больше «философии» (т.е. в понимании ученых того времени теории семантики). Приведем для примера и такую точку зрения, принадлежавшую рецензенту «Опыта» М. де Пуле: «Стоя на исторической почве, автор не мог увлечься философскими идеями, а между тем очень бы не мешало, например, представить более догматическое изложение о значении флексий и об отношении их к служебным частям, о значении местоимений, числительных, предлогов и союзов (курсив подлинника. – О.Н.)» [5. С. 249].

Второй тезис Ф.И. Буслаева содержал обновленное мнение о «книжном языке», под которым историческая грамматика разумела уже «не только слог высокий..., но и речь разговорную, в сочинениях содержания повествовательного, драматического и т.п.» [4. Ч. I. С. XX]. А значит, поэзия и проза, рассуждал Ф.И. Буслаев, «должна иметь свое разумное основание в законах языка» [Там же. С. XXI].

Третий тезис во многом показывал оригинальность и смелость подхода ученого к описанию системы русского языка: «Все свои выводы историческая грамматика основывает на авторитете не только письменных, но и устных памятников языка, подчиняя личное суждение грамматиста свидетельству фактов» [Там же]. Значит, не абстрактное утверждение, не выдуманное правило, подгоняемое под схему «логики» языка, должен рассматривать лингвист, а опираться на те реальные условия, в которых тот живет и развивается. Здесь мы тоже видим очевидную связь с будущими положениями Московской лингвистической школы, сформулированными Ф.Ф. Фортунатовым и его учениками.

Ф.И. Буслаеву было важно понять, какое место занимала народная словесность «в образовании языка книжного» [Там же. С. XXII]. И для этого он поставил задачу исследовать язык не только образцовых писателей, а вообще «всех лучших авторов, начиная от

Ломоносова и до Пушкина включительно» [4. Ч. I. С. XXI]. В перечень таких источников вошли бы и некоторые стихотворения Державина, и комедии Фонвизина, и басни Крылова, и сочинения Грибоедова. Интересно, что Гоголя Ф.И. Буслаев обошел вниманием¹³.

Практическую грамматику до Ф.И. Буслаева, как мы упомянули ранее, не интересовала бытовая сторона языка: народная, несветская словесность отвергалась ею и не использовалась в теоретических рассуждениях лингвистов. Ф.И. Буслаев, напротив, открыто заявил об этом в учебном труде, ведь «неправильности» в языке – это тоже документальные факты развития его грамматического строя.

Четвертый тезис касался строения форм языка: «Историческая грамматика вменяет себе в обязанность положить в основу изучения подробный этимологический разбор форм языка для того, чтобы из этого разбора извлечь грамматические законы, понятные и убедительные в теоретическом отношении и вместе с тем применительные на практике» [4. Ч. I. С. XXIV]. При этом Ф.И. Буслаев отошел от имевшейся в то время традиции и отделил этимологию от синтаксиса. В первый раздел он внес «учение о правописании, основанное на исторических данных» [Там же. С. XXX], и исключил анализ орфографии, который намеревался рассмотреть в «исторической этимологии». В оценке спорных вопросов у рецензентов порой звучали критические нотки. Так, например, М. де Пуле писал в «Современнике»: «Зачем зашли в историческую грамматику правила о постановке знаков препинания и прописных букв, предписывающие даже слова *господин* и *госпожа* перед собственным именем писать большою буквою, напр. не г. Буслаев, а Г. Буслаев...» [5. С. 248].

Во второй раздел – «Синтаксис», – по мысли Ф.И. Буслаева, – должна войти «историческая часть словосочинения, состоящая в подробном синтаксическом разборе не только предложений, но и отдельных грамматических форм, каковы: залоги, виды, времена и проч.» [4. Ч. I. С. XXXI]. Еще одно нововведение состояло в том, что Ф.И. Буслаев предложил «общие основания для изучения отечественного языка сравнительно с иностранными, и преимущественно с новейшими, в отношении синтаксическом» [Там же].

И, наконец, пятый тезис Ф.И. Буслаева выражает компромиссную идею – «соединить оба способа изучения языков, т.е. филологический и лингвистический» [Там же. С. XXVII]. Далее он уточнял: «...старинной практической грамматики она следует способу филологическому, в подробном и тщательном изучении образцовых писателей... С другой стороны, основываясь на законах языка, открытых сравнительно-историческою лингвистикою, она расширяет область филологической грамматики отчетливым исследованием форм языка, на основании исторического их развития» [Там же]. Этим он хотел упростить учебные задачи и найти путь к разработке теории исторической грамматики русского языка, сделав ее доступной и понятной ученикам. В решении этой проблемы он балансировал между историческим и описательным языкознанием. Первое у него присут-

ствовало во вводной части и в комментариях к разбору примеров и явлений. А второе в силу учебных задач во многом опиралось на логико-грамматические принципы практических грамматик. Он попытался соединить или, лучше сказать, примирить два разных подхода, но сделать это в русле *исторической* концепции было практически невозможно. Потому, на наш взгляд, более корректным, четко выстроенным и структурированным у него получилась вторая часть – синтаксис, который описан как раз именно с формально-грамматических позиций¹⁴. Один из критиков ученого по этому поводу сочувственно замечал в 1858 г.: «...г. Буслаеву первому принадлежит честь создания русского и церковно-славянского синтаксиса» [10. С. 16]. И в этом смысле *исторический* синтаксис Ф.И. Буслаева более концептуален, несмотря на другие методологические просчеты.

Показательно мнение А.А. Шахматова, который в итоге положительно отозвался об «Опыте»: «...оторвав русский язык от почвы общего языкознания, не перенеся его на почву ближайшего сравнения с другими славянскими языками, Буслаев во многих отделах грамматики оставил целый ряд явлений без исторического освещения. И вместо того, чтобы дать историю русского языка, он оставил нам школьную грамматику, *дополненную историческим материалом* (здесь и далее курсив наш. – О.Н.). Но тем не менее многие части этой Грамматики остаются до сих пор незамененными. Говорю в особенности об *историческом синтаксисе*, в котором обилие материала, замечательное понимание духа языка, ясность изложения – в значительной степени искупают все его недостатки» [15. С. 15].

Современники, анализируя труд Ф.И. Буслаева, оценивали и педагогический смысл этой работы, которая при таком внушительном объеме была сложна для учащихся и потребовала бы дополнительных научно-методических разъяснений. «...какое назначение хотел автор дать своей книге?» – восклицал А.Н. Майков [36. С. 23] в рецензии на «Опыт». Он полагал, что она более подходила бы самим преподавателям [Там же. С. 27–28]. Такое же двоякое назначение предписывал своему труду и сам Ф.И. Буслаев: для учащихся – это пособие, а для учащихся – «справочная книга» [4. Ч. I. С. XXIX]. Другой оппонент Ф.И. Буслаева В. Водовозов выразился более доброжелательно: «Мы смело можем сказать, что преподаватели русского языка до сих пор еще не имели такого прекрасного пособия» [12. С. 48]¹⁵.

Но даже при очевидных недосмотрах и ошибках Ф.И. Буслаева (самая подробная рецензия на «Опыт» принадлежала К.С. Аксакову (см. изд.: [37]), вызванных главным образом недостаточной теоретической разработкой предмета его научного интереса и противоречивыми воззрениями самих деятелей науки, почти все критики в той или иной мере говорили об уникальности этого явления в отечественной лингвистической традиции середины XIX в. Авторитетный журнал «Современнике» в рецензии на «Опыт» высказался весьма эмоционально: «Нельзя не удивляться богатству источников, которыми пользовался г. Буслаев для своего труда, нельзя не изумляться терпе-

нию, с которым почтенный профессор собирал в этом множестве источников такие факты, которые легко могли ускользнуть от менее пытливого внимания. Для истории форм (грамматических) почти нечего делать теперь после г. Буслаева» [5. С. 246]. Он же назвал Ф.И. Буслаева *единственным историком языка, превосходящим в этом отношении и г. Срезневского* [Там же. С. 241].

Ф.И. Буслаев смог систематизировать и описать грамматические свойства родного языка в широкой историко-культурной панораме не только «образцовых», но и бытовых, деловых, народных текстов. С точки зрения источниковедческого состава «Опыт» Ф.И. Буслаева превзошел все имевшиеся исследования вплоть до начала XX в. и во многом подтолкнул ученых к прорыву в этой отрасли языкознания. Можно согласиться с В.В. Ивановым в том, что «концепция Буслаева, изложенная в “Опыте исторической грамматики русского языка” <...>, долгое время сохранялась в преподавании этой науки» [38. С. 32].

Небезынтересно обратиться к обзору перечня рекомендованных Ф.И. Буслаевым пособий по сравнительно-исторической грамматике, в числе которых на первом месте стояли труды В. фон Гумбольдта. Его философские взгляды были осмыслены при написании «Опыта» [39. С. 110]. Далее помещены классическая «Сравнительная грамматика» Ф. Боппа и его «Глоссарий», «Немецкая грамматика»¹⁶, «История немецкого языка», а также «Немецкая мифология» Я. Гримма, совместное издание братьев Гриммов – «Словарь немецкого языка», работы Ф. Дица по романской компаративистике, сочинения А. Потта по этимологии индоевропейских языков, труды по истории языка А. Шлейхера и др.

Из славистической литературы Ф.И. Буслаев указал на работы П. Шафарика с его «Славянскими древностями» и «Славянским народописанием», «Сравнительную грамматику славянских языков» Ф. Миклошича, труды Й. Добровского, К. Калайдовича, А.Х. Востокова, В. Копитара, О.М. Бодянского, П.И. Кёппена, П.С. Билярского, словари и описания рукописей [4. Ч. I. С. XXXIII–XXXVII].

Отдельное место Ф.И. Буслаев уделит трудам по истории русского языка. Таких к середине XIX в. было создано совсем немного: им упомянуты имена М.Н. Каткова, Г.П. Павского, О.Н. Бётлингга, М.А. Максимовича, И.И. Срезневского, П.А. Лавровского, выпущенный к тому времени «Опыт областного великорусского словаря» (1852), «Известия ОРЯС» [Там же. С. XXXVII–XXXVIII]. Таков почти полный перечень историков языка того времени.

Библиографию дополнили труды по другим славянским наречиям П. Шафарика, В. Караджича, Й. Добровского, П.А. Бессонова, словари С. Линде, Й. Юнгмана и В. Караджича.

Небогатая, но фундаментальная литература по компаративистике – та основа, на которую во многом опирался Ф.И. Буслаев при написании «Опыта». При этом в своих взглядах он оставался верен Гриммовской школе, отдавая предпочтение этому удивительному романтику и певцу народного слова. Многие исследования, как можно заметить, вышли в первой

половине XIX в. и подготовили основание для развития исторических грамматик национальных языков. На этом закончилось господство логицизма в мировой лингвистической традиции, и на культурное пространство науки вышли новые идеи, выразителями которых стали поколения учеников Ф.И. Буслаева, И.И. Срезневского, А.А. Потебни, составивших костяк московской, казанской, петербургской и харьковской лингвистических школ. А их девизом можно назвать известные слова Я. Гримма: «Наш язык – это также наша история» (цит. по изд.: [31. С. 50]).

«Опыт» Ф.И. Буслаева – выдающееся явление в филологической традиции своего времени. Это *«первая, истинно практическая грамматика, написанная по историко-сравнительному методу»*, – замечал В. Водовозов, называя ее «настолярной книгой» для преподавателей [12. С. 61]. По сути из учебного пособия у Ф.И. Буслаева получился экспериментальный научный труд. Новая источниковедческая база «Опыта» позволила ему значительно расширить возможности описания иллюстративного материала и привлечь его для анализа грамматического строя русского языка.

В первом издании книга названа скромно «Опыт...»¹⁷. И здесь Ф.И. Буслаев не стремился подавить читателя своими новаторскими взглядами и вообще был всегда осторожен в высказываниях, а лишь предлагал вместе с ним погрузиться в грамматический замок «элементов языка», собранных в стройную систему, и удивиться совершенству и соразмерности деталей этой «конструкции», которая прочно держится на памятниках русской истории и культуры. При том, что особенно большие нарекания со стороны ученой публики вызвала логическая сторона его книги, в целом буслаевский подход остается актуальным (например, структурно-семантический синтаксис) для синхронического описания и в наши дни. Но еще почетнее культурно-историческое, общественное влияние «Опыта». Д.Н. Ушаков писал: «Громадное значение она имела в педагогическом мире, послужив образцом и источником для учебников, и имя Буслаева в течение полувека становится высшим авторитетом в России по всем вопросам рус<ской> грамматики» [Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. № 116].

«Опыт» Ф.И. Буслаева стал его последней крупной теоретической работой по истории языка. Больше к этим вопросам он уже не возвращался и увлекся проблемами изучения народной словесности, западноевропейской литературой, эстетикой, иконографией, но и позже старался последовательно проводить сравнительно-исторический принцип и придерживался тех высоких научных идеалов, которые каждый раз поднимали его исследования на новый уровень осмысления образа слова – в филологии, культурологии и искусстве.

Ф.И. Буслаев, конечно же, осознавал уязвимые места своей книги. Осуществить полноценное описание грамматической системы языка в историческом аспекте в то время было невозможно. Ф.И. Буслаев был первым, кто осмелился провести научный эксперимент и верил, что будущие поколения лингвистов доведут данный опыт до конца. Спустя семнадцать лет после издания его книги, 8 марта 1875 г., прочитав

первый том «Из записок по русской грамматике» А.А. Потебни, Ф.И. Буслаев написал автору: «Исправляя мои ошибки, Вы только разъяснили мне то, что мне самому смутно мерещилось. Хоть я исходил от твердого намерения противопоставить грамматику против логики, но, делая уступки обычаю, сворачивал с прямого пути. Теперь по Вашим Запискам я окончательно убедился в тех принципах, которых нетвердо держался» [42. С. 530].

Ф.И. Буслаев был создателем «исторической науки о русском языке» [15. С. 7], стоял у ее основания, как метко выразился о нем А.А. Шахматов, и в своих исследованиях поднялся на высоту прогрессивного европейского ученого, совместил глубокое знание языков с идеями немецких философов и зарождавшимися традициями славяно-русской компаративистики, уважение к исторической памяти с четкой системой занятий. Он видел структуру языка, как мы сейчас бы сказали, в лингвокультурологическом, семасиологическом отношениях и рассматривал его элементы как факты *живой* духовной летописи предков. Этим трудом наряду с последовавшей затем «Исторической хрестоматией...» [26] Ф.И. Буслаев воздвиг памятник отечественной словесности: описал историческую судьбу языка в грамматической традиции нескольких эпох, обозначил подлинно научную концепцию компаративистики на русской почве и способствовал утверждению новых взглядов в идеологии гуманитарного образования России XIX в.

На актуальность идей Ф.И. Буслаева, как мы видели, указывали еще его современники. Ученые конца XIX – XX вв. тоже выделили имя «русского Данте» из плеяды выдающихся деятелей золотого века филологии. Один из основателей казанской лингвистической школы проф. В.А. Богородицкий считал, что учебное руководство по исторической грамматике Ф.И. Буслаева «в течение нескольких десятилетий оставалось *единственным* (здесь и далее курсив наш. – О.Н.) трудом, заключавшим в себе как факты литературного языка, так и исторические и диалектологические данные, а в области синтаксического изучения еще и до сих пор (мы цитируем по изданию 1935 г. – О.Н.) остается *незаменимым* пособием <...>» [43. С. 8].

Академик В.В. Виноградов подчеркивал, что «у Буслаева укрепилась своеобразная романтико-историческая концепция развития языка» [44. С. 69], которую он «стремился сочетать с “логическими началами”» [Там же. С. 70]. Но лингвистические компромиссы Ф.И. Буслаева – это не просто дань моде или ошибка, а скорее особенность его лингвистического мировоззрения, сформировавшегося в эпоху борьбы универсалистов и компаративистов. Ученый был очень осторожен в своих выводах, следуя в целом за М.В. Ломоносовым и отвергая «условности» Н.И. Греча. Ф.И. Буслаев искал новый способ анализа системы языка. Его «эклетицизм», о котором упомянул В.В. Виноградов [Там же], в первую очередь, свидетельствует о несовершенстве *лингвистической* методологии середины XIX в. В то же время «синтаксическая система Буслаева надолго определила основные приемы школьного построения и изучения синтаксиса русского языка» [Там же. С. 73], но теоретически – и

в этом мы должны согласиться с В.В. Виноградовым – была традиционна.

Во второй половине XX – начале XXI в. грамматический трактат Ф.И. Буслаева не раз обсуждался в монографиях и учебных пособиях [45, 46], вошел в хрестоматию по истории лингвистических учений как классический труд переходного периода в отечественной языковедческой традиции. В частности, В.В. Колесов писал о «развитии идеи историзма» у Ф.И. Буслаева [45. С. 135], об «аналитическом характере» его диахронических построений [Там же. С. 139] и «синкретическом мышлении» [Там же. С. 231]. В одной из первых антологий отмечалось, что «Ф.И. Буслаев, с одной стороны, создал развернутое, глубоко продуманное, основанное на огромном фактическом материале учение о русском языке, “защитив” это учение от схематизма построений беккеровского типа; с другой стороны, он не смог до конца преодолеть формально-логический подход к грамматическим явлениям» [47. С. 135]. Ф.М. Березин, посвятивший разбору идей русских грамматистов несколько книг [48–50], обоснованно полагал, что «понимание лингвистических взглядов Буслаева будет затруднительным вне того состояния европейского языкознания и исторического фона, на котором складывалась его общелингвистическая концепция» [50. С. 99]. По мнению Ф.М. Березина, взгляды Ф.И. Буслаева на «организм языка» как систему отдельных взаимосвязанных элементов [Там же. С. 100] – это шаг вперед по сравнению с предшествующим этапом. Согласимся с этим тезисом: Ф.И. Буслаев стремился создать структуру и методологию новой лингвистики, в которой анализ языковых процессов можно было бы представить в виде антиномии динамики и статики языка, что впоследствии и осуществил И.А. Бодуэн де Куртенэ.

Все это согласуется и с современными представлениями о системном эффекте идей Ф.И. Буслаева и их высокой функциональной нагрузке: его «Опыт», «спустя два столетия со дня рождения ее автора, обозначает идеальный предел изучающей историческую грамматику и язык в целом мыслительной модели» [51. С. 56], *системной*, подчеркивают авторы, а не логико-грамматической [Там же. С. 58], закрепленной «в идеологизированной советской науке» как «анти-историческая» [Там же]. Данное наблюдение современных лингвистов О.И. Валентиновой и М.А. Рыбакова нам представляется очень важным в контексте оценок научных идей Ф.И. Буслаева и дискуссий о роли «Опыта исторической грамматики русского языка» в формировании последующей научной традиции.

В заключение приведем еще две характеристики Федора Ивановича. А.А. Шахматов в речи о Ф.И. Буслаеве подметил редкое качество удивительной личности профессора-романтика: «Живое, полное любви и творческой силы отношение этого человека к знанию – вот что создало историческую науку о нашем языке» [15. С. 12]. Духовный облик ученого: его тонкий, глубокий, пылкий ум, высокое понима-

ние смысла филологии, исследовательский трепет к памятникам старины и искреннее сочувствие ко всему народному – к языку, необычному обороту речи, к рисунку наивного иконописца... – и есть портрет той научной школы, которая усилиями Ф.И. Буслаева сформировалась в России к середине XIX в.

Замечательный этнограф и историк литературы А.Н. Пыпин еще при жизни Ф.И. Буслаева, в 1891 г., нашел для него такие яркие слова: «Имя г. Буслаева уже теперь становится почетным историческим именем. <...> Редко деятельность ученого бывает в такой степени вся проникнута одним общим настроением, и редко это настроение бывает в такой степени одушевлено возвышенным идеализмом, в котором народолюбие подкрепляется благородными внушениями науки» [52. С. 75].

В нашей статье мы соотнесли грамматическое наследие Ф.И. Буслаева с общелингвистической философией его времени и показали, что влияние ученого на формирование основ национальной филологической традиции стало переломным событием в научной жизни того времени. По сути, он совершил переворот в культурном сознании современников, воздействуя на них самым действенным способом – словом. Онтология его идей, основанная на высоких идеалах народности, живом интересе к историческим фактам, неутомимая работа по внедрению принципов компаративистики в теорию и практику научного знания привели к созданию нескольких самостоятельных направлений филологической мысли России XIX в.: сравнительного языкознания и литературоведения, исторической грамматики, лингвофольклористики (хотя этот термин тогда не использовался), палеославистики, этнологии языка и диалектологии. «Опыт» Ф.И. Буслаева, если оценивать его с позиции традиционности и новаторства идей, как мы показали, сразу же оказался на перекрестке научных сражений XIX в. Это были не только «культурные взрывы» – приходило осознание системности лингвистики и поиска более совершенной методологии анализа ее структурных единиц. Значит, формировался новый научный стиль, взростала самостоятельная языковедческая школа. Ученики Ф.И. Буслаева в конце XIX в. обосновали правильность его выбора и утвердили принципы компаративистики во всех направлениях гуманитарной мысли.

«Опыт» Ф.И. Буслаева превратился в целое культурное движение, которое было подхвачено его сторонниками и учениками – В.О. Ключевским, А.Н. Веселовским, Н.С. Тихонравовым, Н.П. Кондаковым, А.И. Кирпичниковым, Ф.Ф. Фортунатовым, В.Ф. Миллером, А.А. Шахматовым, А.И. Соболевским, М.Н. Сперанским, представителями иных взглядов – В.А. Богородицким, А.М. Пешковским, В.В. Виноградовым, другими замечательными филологами, историками и искусствоведами, создававшими славу подлинной русской науке, у основания которой стоял Федор Иванович Буслаев.

СОКРАЩЕНИЯ

Архив РАН – Архив Российской академии наук (Москва).
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По этому поводу современный исследователь О.А. Волошина заметила, что Ф.И. Буслаев, специально не занимаясь проблемой происхождения языков, сформулировал принципы научного этимологического анализа и исследовал причины появления поверхностных соответствий в словах, опираясь на опыт классиков-компаративистов (см. подробнее: [7. С. 94–99]).

² Имя К.С. Аксакова звучало и в отзывах на книгу Ф.И. Буслаева. Так, автор рецензии в «Отечественных записках» сокрушался по поводу «русификации старинных французских и немецких теорий» в этом сочинении К.С. Аксакова: «Ни посвящение г. Хомякову, ни возвышенное стремление к грамматической национальности не спасли автора от соблазна и, желая быть слишком русским, он сам того не замечая, попал в заповедные рощи *французского* старинного кодекса» [10. С. 26].

³ Показательно наблюдение методиста XIX в. В. Водовозова. В рецензии на «Опыт» он дал обзор «практических грамматик», выпущенных до Ф.И. Буслаева, упомянув и об учебнике Н.И. Греча: «Неизвестно, по самому ли свойству учебника или уж по недостатку педагогических начал в преподавании, грамматика эта была, еще на нашей памяти, неиссякаемым источником страданий для учащихся» [12. С. 43].

⁴ Эту ситуацию внутри лингвистического сообщества понимали и коллеги Ф.И. Буслаева. Один из рецензентов «Опыта» Ф.И. Буслаева сопроводил свой очерк кратким обзором истории языкознания, в котором так оценил труд Г.П. Павского: «Вообще “Филологические наблюдения” Павского <...> объясняются переходным состоянием от теорий Шишкова и других к ясному взгляду на язык, основанному Вильгельмом Гумбольдтом, Боппом, Гриммом. Оттого они остались одиноким явлением в науке <...>» [10. С. 19].

⁵ Так, в «Предисловии к первому изданию» «Общесравнительной грамматики русского языка» И.И. Давыдов размышлял почти в стиле философских работ Гумбольдта: «Язык живого народа есть своеобразное развитие общего даром людям дара слова, беспрестанно продолжающееся. Это развитие крепнет в сознанных и определенных формах, совершается правильно, когда народ привел все умственное сокровище в органическое целое... Не изобретать язык, а прислушиваться к языку живому, следить за самобытными писателями, и все богатство народного языка вносить в словарь, все изгибы народной речи вписывать в грамматику – *хранить и утверждать язык* – вот обязанность современной филологии» [13. С. I–II]. Не правда ли, необычное высказывание для апологета логико-грамматического направления в языкознании?

⁶ Ср. высказывание рецензента из «Отечественных записок»: «...собственно русская грамматика, можно сказать положительно, только в “Опыте” г. Буслаева воспользовалась в первый раз как следует церковно-славянским языком и открытиями Востокова» [10. С. 16].

⁷ В предисловии к книге П.М. Перевлесского писал: «Изучение славянского языка по праву входит у нас в круг преподаваемых в учебных заведениях предметов как необходимое пособие с одной стороны для лингвистических исследований, с другой – для легчайшего уразумения священного писания и произведений древней нашей литературы» [19. С. 3]. Но это были уже 1860-е гг., когда научная постановка проблем компаративистики в Европе достигла расцвета, а у нас только вставала на прочный фундамент.

⁸ В это время появляются первые компаративистские труды по индологии Г.С. Лебедева, по славистике – А.Х. Востокова (1820) «Рассуждение о славянском языке...» (см. изд.: [1]), затем исследования М.А. Максимовича «История древней русской словесности» [2], первые труды И.И. Срезневского, диссертации М.Н. Каткова «Об элементах и формах славяно-русского языка» [3] и Ф.И. Буслаева «О влиянии христианства на славянский язык» [20]. Возникают новые кафедры в университетах. Начинается систематическое преподавание славянских языков в России. Вспомним начало актовой «Речи» И.И. Срезневского в 1849 г.: «Она есть, эта русская наука. На нее, как на частную долю науки общечеловеческой, имеет русский народ право столь же исключительное, как и каждый другой народ, сочувствующий успехам науки...» (цит. по: [21. С. 16]). Это направление, о котором так вдохновенно говорил И.И. Срезневский, и называлось история русского и славянских языков. Философская традиция обучения на словесных отделениях университетов тонко подмечена автором рецензии М. де Пуле, писавшем в «Современнике» в 1859 г.: «Подле нас, особенно в Германии, в том же деле кипела самая плодотворная работа, а мы сидели сложа руки и просто душно верили, что знать Греча и Кошанского, Павского и Ив. Давыдова – значит знать отечественный язык. Реакция против ложного направления в деле изучения отечественного языка началась с открытием в университетах чтений о славянских наречиях» [5. С. 238].

⁹ Примерно в это же время полемика между традиционалистами и компаративистами происходила в печати: Ф.И. Буслаев и А.Д. Галахов откликнулись на заметку Н.И. Греча о преподавании русского языка статьей в «Отечественных записках» в 1856 г. (см. библиографию: [25. С. 77]). К. Полевой опубликовал в ответ серию работ в «Северной пчеле», собрав их затем в книжку под заголовком «Споры о грамматике и языке» [27], в которой так излагал суть их разногласий: «...а как г. Греч составил грамматику русского языка по образцу французской, то его труды должно придать забвению и заменить их грамматикой, которую г. Буслаев и Галахов собираются (так в тексте. – О.Н.) извлечь из научных оснований и сделать из нее науку, где будут указаны *непреложные законы* языка, взятые из народного говора, из старинного языка, из прозы и стихов безразлично и из стихов Крылова преимущественно, потому что Крылов хорошо выражает русскую народность» [Там же. С. 24]. Отголоски полемики прозвучали и на диспуте по обсуждению «Опыта».

¹⁰ Интересны в этом отношении наблюдения А.Т. Хроленко над «самородным словом» Ф.И. Буслаева как своеобразным этнокультурным признаком, который лег впоследствии в основу новой науки – лингвофольклористики [32].

¹¹ Ср.: в рецензии на книгу И.И. Срезневского «Мысли об истории языка» Ф.И. Буслаев сочувственно писал, что «изучить русский язык нельзя мимо славянских наречий, и славянские наречия мимо прочих языков индоевропейских. Язык русский только в связи с прочими славянскими наречиями, только как член целого состава языка славянского входит в состав сравнительной грамматики индоевропейских племен. Такая-то сравнительная грамматика языка русского и объяснит нам доисторическое его образование» [33. С. 34].

¹² Еще до Ф.И. Буслаева М.Н. Катков [3] и ранее М.А. Максимович подробно говорили о церковнославянском языке. Вторая работа содержала также филологические наблюдения в духе философии компаративистики, например: «Язык образуется и живет вместе с народом» [2. С. 143]. Может быть, в силу этих причин подробно в своей книге Ф.И. Буслаев не разбирал данный вопрос.

¹³ Ср. высказывание В. Водовозова в рецензии на «Опыт»: «...даже Гоголь не включен им в историю языка. Мы не знаем причины такого ограничения, но в настоящее время нам как-то странно верить исключительному авторитету Фонвизина, Дмитриева, Батюшкова в употреблении разных союзов и частиц...» [12. С. 47].

¹⁴ И в эту часть Ф.И. Буслаев внес новшество, включив рассмотрение эпитетов, метафор и других тропов, что, безусловно, расширило синтаксическое поле исторической грамматики и обогатило ее интересными примерами и стилистическими наблюдениями. Вот как, например, оценивал эту деталь В. Водовозов: «В синтаксисе статьи об эпитетах и метафорах также замечательны. Автор сравнивает эпитеты, употребляемые в наших древних памятниках, с чешскими, приводит большой список наших областных метафор, напр. *скокуха, лягушка; бучало, водоворот, бучень, шмель...*; *махало, крыло* (курсив наш. – О.Н.), – и подробно излагает, сравнительно с другими языками, поэтические предания народа, участвовавшие в образовании рода. Так[,] с грамматическим родом *кукушки* согласуется предание о превращении девушки-сироты в эту птицу (растение *кукушкина слезы*)...» [12. С. 61].

¹⁵ Ср. его же высказывание: «Мы и не думаем, чтобы г-н Буслаев считал обязательною свою систему исторической грамматики, а полагаем, что, написав в заглавии книги «Пособие для преподавателей», он хотел только указать *научное ее значение*, определяя вместе метод и гра-

ницы науки» [12. С. 50]. Он же: «...на руководство г-на Буслаева нельзя смотреть только как на справочную книгу...: при ней нет ни указателя объяснительных слов, ни подробного оглавления, которое облегчило бы в отыскании форм» [12. С. 52].

¹⁶ А.Н. Майков, один из воинствующих критиков Ф.И. Буслаева, в конце своей рецензии назвал «Опыт» «сколком с грамматики Гримма» [34. С. 68]. На самом деле научная школа Я. Гримма оказала сильное влияние на Ф.И. Буслаева. В.Н. Щепкин даже говорил о «духовной связи» между знаменитым немцем и «его русским последователем» [40. С. 109]. Он цитировал Ф.И. Буслаева, который объяснял, почему «взял Гримма в руководители» – потому что «почитает его начала самыми основательными и самыми плодотворными и для науки[,] и для жизни» [Там же. С. 110]. И далее замечал: «Связь работ Буслаева с направлением германского ученого *не была однако простым подражанием*, она имела более глубокую причину: для нашего общественного образования пришла тогда пора переживать то настроение, которое выразилось в деятельности научно-романтической школы Гримма» [Там же]. См. также обзор идей в статье К. Войнаховского «Значение трудов Ф.И. Буслаева в истории науки о русском языке» [30].

¹⁷ Ср. высказывание рецензента книги Ф.И. Буслаева А.Н. Майкова: «Другие из скромности называют труд свой, иногда безукоризненно прекрасный, опытом; здесь же слово “опыт” стоит в самом прямом значении и так уместно, что не мешает нам желать, чтобы за этим неудавшимся опытом кто-либо другой представил нам и другой опыт исторической грамматики русского языка, но только более удовлетворительный и полезный. С “Опыт” же г. Буслаева дело изучения отечественного языка не может продвинуться вперед» [34. С. 68]. Схожую по тональности рецензию опубликовал в «Северной пчеле» К. Полевой [41. № 206, 207].

ЛИТЕРАТУРА

1. Востоков А. Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оног письменным памятникам // Срезневский И. Филологические наблюдения А.Х. Востокова. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1865. С. 1–27.
2. Максимович М. История древней русской словесности / Сочинение М. Максимовича. Киев : Унив. тип., 1839. Книга первая. 226 с.
3. Катков М. Об элементах и формах славяно-русского языка : Рассуждение, написанное на степень магистра кандидатом М. Катковым. М. : Унив. тип., 1845. 256 с.
4. Буслаев Ф.И. Опыт исторической грамматики русского языка : учеб. пособие для преподавателей. М. : Унив. тип., 1858. Ч. I. Этимология. 244 с.; Ч. II. Синтаксис. 428 с.
5. де Пуле М. [Рец.] Об историческом изучении русского языка (Опыт исторической грамматики русского языка... Москва, 1858) // Современник. 1859. Т. 76, № 8 [август]. С. 237–254.
6. Буслаев Ф.И. [Рец.] Спряжение русских слов с санскритскими г. Хомякова // Отечественные записки. 1855. Т. 102, № 9 [сентябрь]. С. 36–57.
7. Волошина О.А. «Система этимологии» Ф.И. Буслаева, или О сравнении русских слов с санскритскими // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 4 (173). С. 94–99.
8. Буслаев Ф.И. [Рец.] Филологически наблюдения над составом русского языка протоиерея Г. Павского, изд. 2. СПб., 1850 // Отечественные записки. 1852. Т. 81, № 4 [апрель]. С. 49–76; т. 82, № 5 [май]. С. 21–48.
9. Буслаев Ф.И. [Рец.] О русских глаголах, Константина Аксакова // Отечественные записки. 1855. Т. 101, № 8 [август]. С. 23–46.
10. С-т Эк. Опыт исторической грамматики русского языка, состав. Ф. Буслаевым. Две части. Москва, 1858 (Статья вторая) // Отечественные записки. 1859. Т. 126, № 9. С. 1–26.
11. Буслаев Ф.И. [Рец.] Практическая грамматика русского языка, изданная Н. Гречем. СПб., 1827 // Отечественные записки. 1856. Т. 109, № 12 [декабрь]. С. 338–339.
12. Водовозов В. [Рец.] Опыт исторической грамматики русского языка... Составлено... Ф. Буслаевым. Москва, в университетской типографии. 1858... // Русское слово. 1859. № 5. С. 42–62.
13. Давыдов И.И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный Вторым отделением Императорской академии наук. Издание второе. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1853. 497 с.
14. Греч Н. Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. Второе изд., испр. СПб. : В типографии издателя, 1834. 526 с.
15. Шахматов А.А. Буслаев как основатель исторического изучения русского языка // Четыре речи о Ф.И. Буслаеве, читанные в заседании Отдела Коменского... СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1898. С. 7–16.
16. Никитин О.В. Лингвистические взгляды Н. И. Греча в контексте филологической традиции его времени (К 230-летию со дня рождения ученого) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76, № 6. С. 61–71.
17. Перевлесский П. Практический синтаксис сложного предложения и стихосложение, составленные Петром Перевлесским, старшим учителем Ярославской гимназии. М. : Тип. Лазаревых инстит. вост. яз., 1842. 236 с.
18. Перевлесский П. Грамматика старославянского языка, изданная Петром Перевлесским. СПб. : Тип. Акад. наук, 1852. 64 с.
19. Перевлесский П. Славянская грамматика с изборником. Издание пятое. СПб. : В тип. Т-ва «Общественная польза», 1866. 134 с.
20. Буслаев Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык: Опыт истории языка по Остромирову Евангелию, написанный на степень магистра кандидатом Ф. Буслаевым. М. : Унив. тип., 1848. 211 с.
21. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М. : Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1959. 136 с.
22. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка / Соч^{инение} Федора Буслаева. М. : Унив. тип., 1844. Ч. 1. 335 с.; Ч. 2. 375 с.
23. Никитин О.В. Фёдор Иванович Буслаев и язык Отечества (К 200-летию со дня рождения) // Русская речь. 2018. № 3. С. 48–56.
24. Никитин О.В. «Филология духа». Федор Иванович Буслаев как языковая личность (К 200-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2018. № 5. С. 79–86.
25. Смирнов С.В. Ф.И. Буслаев. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. 96 с.
26. Буслаев Ф.И. Историческая христоматия церковно-славянского и древнерусского языков... М. : Унив. тип., 1861. 1632 стб.
27. Буслаев Ф.И. Мои досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления / сост., примеч. Т.Ф. Прокопова. М. : Русская книга, 2003. 608 с.
28. Никитин О.В. «Историческая христоматия церковно-славянского и древнерусского языков» Ф.И. Буслаева как памятник филологической культуры XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 4 (173). С. 82–88.
29. Полевой К. Споры о грамматике и языке. СПб. : В типографии Н. Греча, 1857. 78 с.
30. Войнаховский К. Значение трудов академика Ф.И. Буслаева в истории науки о русском языке // Памяти Федора Ивановича Буслаева. М. : Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1898. С. 61–116.
31. Шулежкова С.Г. История лингвистических учений : учеб. пособие для студ. филол. фак-ов. М. : Флинта: Наука, 2004. 400 с.
32. Хроленко А.Т. Самородное слово в филологической концепции Ф.И. Буслаева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 4 (173). С. 89–93.
33. Буслаев Ф.И. [Рец.] Мысли об истории русского языка. И. Срезневского. Санкт-Петербург, 1850 // Отечественные записки. 1850. Т. 72, № 10 [октябрь]. С. 31–58.
34. Майков А. Опыт исторической грамматики русского языка. Соч. Ф. Буслаева... (окончание) // Библиотека для чтения. 1859. Т. 157, № 12 [декабрь]. С. 1–68.
35. Соловьева И.В. Классика рустики под огнем критики современников (Грамматика Ф.И. Буслаева в рецензиях 50–60-х гг. XIX века) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 12. С. 176–181.
36. Майков А. Опыт исторической грамматики русского языка. Соч^{инение} Ф. Буслаева... Статья первая // Библиотека для чтения. 1859. Т. 157, № 10 [октябрь]. С. 1–48.

37. Аксаков К.С. Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф.И. Буслаева. М. : Книжный дом «Либроком», 2011. 224 с.
38. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка : учеб. для студентов... 3-е изд., перераб. и доп. М. : Просвещение, 1990. 400 с.
39. Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Философские основания «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф.И. Буслаева // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 1. С. 104–110.
40. Щепкин В. Федор Иванович Буслаев (1818–1897) // Этнографическое обозрение. 1897. Кн. XXXV, № 4. С. 99–111.
41. Полевой К. [Рец.] Опыт исторической грамматики русского языка... Составлено Ф. Буслаевым. Москва, 1858... // Северная пчела. 1859. № 206, 207.
42. Франчук В.Ю. К столетию «Из записок по русской грамматике» А.А. Потебни (1874–1974) // Известия Отделения литературы и языка АН СССР. 1974. Т. 33, № 6. С. 527–535.
43. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики (из университетских чтений). 5-е изд., перераб. М.; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. 356 с.
44. Виноградов В.В. История лингвистических учений : учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов / сост. Ю.А. Бельчиков. М. : Высш. шк., 1978. 367 с.
45. Колесов В.В. История русского языкознания: Очерки и этюды. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 472 с.
46. Хроленко А.Т., Бондалетов В.Д. Теория языка : учеб. пособие / под ред. В.Д. Бондалетова. М. : Флинта: Наука, 2004. 512 с.
47. Щеулин В.В., Медведева В.И. Хрестоматия по истории грамматических учений в России. М. : Высш. шк., 1965. 356 с.
48. Березин Ф.М. История лингвистических учений : учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. М. : Высш. шк., 1975. 304 с.
49. Березин Ф.М. История русского языкознания : учеб. пособие для филол. специальностей. М. : Высш. шк., 1979. 223 с.
50. Березин Ф.М. Хрестоматия по истории русского языкознания. М. : Высш. шк., 1973. 504 с.
51. Валентинова О.И., Рыбаков М.А. Системная филология Фёдора Ивановича Буслаева // Вестник Вологодского государственного университета. Сер. Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2018. № 3. С. 56–59.
52. Пыпин А.Н. История русской этнографии. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1891. Т. 2. 428 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 10 ноября 2018 г.

The Experience of Historical Grammar of the Russian Language by F.I. Buslaev in the Linguistic Tradition of His Time (To the 200th Anniversary of the Scholar)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 44–56.

DOI: 10.17223/15617793/439/6

Oleg V. Nikitin, Moscow Region State University (Mytishchi, Russian Federation). E-mail: olnikitin@yandex.ru

Keywords: history and methodology of linguistics; philological tradition; formation of comparative studies in Russia; philosophy of language; historical grammar.

The article deals with the first work on the historical grammar of the Russian language (1858) published by F.I. Buslaev (1818–1897) during the struggle of two directions in the domestic linguistics: philosophical (logical-grammatical) and comparative-historical. The author emphasizes the relationship of ideas by Buslaev with Western linguistic thought, tells about the influence of classical comparative scholars W. von Humboldt, J. Grimm on the formation of a new research approach of studying language in Russia. Attention is drawn to the fact that Buslaev adopted the ideas of Russian philologists A.Kh. Vostokov, I.I. Davydov, G.P. Pavsky, I.I. Sreznevsky and other famous scholars representing different parties in linguistics at that time. Special attention is paid to the scholarly debate with Buslaev's opponents and assessment of their views in line with the national linguistic tradition. The article presents and comments on the reviews of contemporaries on *The Experience of Historical Grammar of the Russian Language*, which caused an ambiguous reaction in the academic environment and revealed the main problems of the Russian linguistics of that time: the search for the methodology of the new historical-linguistic science, the definition of the boundaries of research and the principles of analysis of the facts of the language, the approval of the theoretical foundation and priorities of historical grammar, the general need for the development of Slavic philology as a science. Rare documentary evidence and archival materials of polemic nature related to the creation of Buslaev's textbook, and linguistic discussions of the mid-19th century are presented. It is noted that *The Experience* had a strong influence on the formation of a new tradition of studying the history of the literary language and became a reference point for generations of Russian comparative scholars. The analysis of Buslaev's study is included in the context of the general philological tradition of his time. The review of scientific events also assesses the contribution of the creator of the "historical science of the Russian language" (A.A. Shakhmatov) to the development of the comparative historical method by the major figures of Russian linguistics of the turn of the 20th century. The importance of studying the forgotten facts in the history of linguistics to create an objective picture of the activities of scientific schools in Russia in the 19th century is stated. It is concluded that, largely due to Buslaev's activity, comparative studies in Russia became one of the tools of philological education and of familiarizing students with the origins of the cultural and linguistic tradition. Thus, the problem of popularization of Russian linguists' achievements and actualization of their ideas in the modern educational space is solved.

REFERENCES

1. Vostokov, A. (1865) *Rassuzhdenie o slavyanskom yazyke, sluzhashchee vvedeniem k grammatike sego yazyka, sostavlyaemoy po drevneyshim onogo pismennym pamyatnikam* [The reflection on the Slavic language, which serves as an introduction to the grammar of this language compiled by the oldest of its written monuments]. In: Sreznevskiy, I. *Filologicheskie nablyudeniya A.Kh. Vostokova* [Philological observations by A.Kh. Vostokov]. St. Petersburg: Tip. Imp. akad. nauk.
2. Maksimovich, M. (1839) *Istoriya drevnei russkoy slovesnosti* [History of Old Russian literature]. Book 1. Kiev: Univ. tip.
3. Katkov, M. (1859) *Ob elementakh i formakh slavyano-russkogo yazyka: Rassuzhdenie, napisannoe na stepen' magistra kandidatom M. Katkovym* [On the elements and forms of the Slavonic-Russian language: The Reasoning written for the master's degree by candidate M. Katkov]. Moscow: Univ. tip.
4. Buslaev, F.I. (1858) *Opyt istoricheskoy grammatiki russkogo yazyka. Uchebnoe posobie dlya prepodavateley* [The Experience of Historical Grammar of the Russian language. Study guide for teachers]. Moscow: Univ. tip.
5. De Pule, M. (1859) *Ob istoricheskom izuchenii russkogo yazyka (Opyt istoricheskoy grammatiki russkogo yazyka... Moskva, 1858)* [On the historical study of the Russian language (The Experience of Historical Grammar of the Russian Language... Moscow, 1858)]. *Sovremennik*. 76 (8). pp. 237–254.

6. Buslaev, F.I. (1855) [Rets.] Spryazhenie russkikh glagolov s sanskritskimi g. Khomyakova [[Review] Conjugation of Russian Verbs with Sanskrit Ones by Mr. Khomyakov]. *Otechestvennye zapiski*. 102 (9). pp. 36–57.
7. Voloshina, O.A. (2018) “A System of Etymology” by F.I. Buslaev or On the Comparison of Russian Words with Sanskrit. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of Petrozavodsk State University*. 4 (173). pp. 94–99. (In Russian). DOI: 10.15393/uchz.art.2018.156
8. Buslaev, F.I. (1852) [Rets.] Filologicheskie nablyudeniya nad sostavom russkogo yazyka protoiereya G. Pavskogo, izd. 2. SPb., 1850 [[Review] Philological observations on the composition of the Russian language by Archpriest G. Pavsky]. *Otechestvennye zapiski*. 81 (4). pp. 49–76; 82 (5). pp. 21–48.
9. Buslaev, F.I. (1855) [Rets.] O russkikh glagolakh, Konstantina Aksakova [[Review] On Russian Verbs by Konstantin Aksakov]. *Otechestvennye zapiski*. 101 (8). pp. 23–46.
10. S-t, Ek. (1859) Opyt istoricheskoy grammatiki russkogo yazyka, sostav. F. Buslaevym. Dve chasti. Moskva, 1858 (Stat'ya vtoraya) [The Experience of Historical Grammar of the Russian Language, compiled by F. Buslaev. Two parts. Moscow, 1858 (Article Two)]. *Otechestvennye zapiski*. 126 (9). pp. 1–26.
11. Buslaev, F.I. (1856) [Rets.] Prakticheskaya grammatika russkogo yazyka, izdannaya N. Grechem [[Review] Practical grammar of the Russian language, published by N. Grech]. *Otechestvennye zapiski*. 109 (12). pp. 338–339.
12. Vodovozov, V. (1859) Opyt istoricheskoy grammatiki russkogo yazyka.... Sostavleno... F. Buslaevym. Moskva, v universitetskoy tipografii. 1858... [The Experience of Historical Grammar of the Russian Language, compiled by F. Buslaev. Moscow, Univ. Press. 1858]. *Russkoe slovo*. 5. pp. 42–62.
13. Davydov, I.I. (1853) *Opyt obshchestvennykh noy grammatiki russkogo yazyka, izdannyi Vtorym otdeleniem Imperatorskoy akademii nauk* [Experience of general comparative Russian grammar published by the Second Branch of the Imperial Academy of Sciences]. 2nd ed. St. Petersburg: Tip. Imp. akad. nauk.
14. Grech, N. (1834) *Prakticheskaya russkaya grammatika, izdannaya Nikolaem Grechem*. [Practical Russian grammar, published by Nikolay Grech]. 2nd ed., revised. St. Petersburg: V tipografii izdatel'ya.
15. Shakhmatov, A.A. (1898) Buslaev kak osnovatel' istoricheskogo izucheniya russkogo yazyka [Buslaev as the founder of the historical study of the Russian language]. In: *Chetyre rechi o F.I. Buslaeve, chitannye v zasedanii Otdela Komenskogo* [Four speeches about F.I. Buslaev, read in the meeting of the Department of Komenskiy]. St. Petersburg: Tip. Imp. akad. nauk.
16. Nikitin, O.V. (2017) Linguistic Views of Nikolaj I. Grech in the Context of the Philological Tradition of His Time (On the 230th Anniversary of the Birth of the Scholar). *Izvestiya RAN. Seriya literaturny i yazyka – Proceedings of RAS. Studies in Literature and Language*. 76 (6). pp. 61–71.
17. Perevlesskiy, P. (1842) Prakticheskii kurs slozhnogo predlozheniya i stikhoslozhenie, sostavlenyie Petrom Perevlesskim, starshim uchitelem Yaroslavskoy gimnazii [Practical syntax of complex sentence and verse composed by Pyotr Perevlessky, senior teacher of Yaroslavl gymnasium]. Moscow: Tip. Lazarevykh instit. vost. yaz.
18. Perevlesskiy, P. (1852) *Grammatika staroslavjanskogo yazyka, izdannaya Petrom Perevlesskim* [Old Slavic grammar, published by Pyotr Perevlesskiy]. St. Petersburg: Tip Akad. nauk.
19. Perevlesskiy, P. (1866) *Slavyanskaya grammatika s izbornikom* [Slavic grammar with textbook]. 5th ed. St. Petersburg: V tip. T-va “Obshchestvennaya pol'za”.
20. Buslaev, F.I. (1848) *O vliyaniyu khristianstva na slavyanskiy yazyk: Opyt istorii yazyka po Ostromirovu Evangeliiyu, napisannyy na stepen' magistra kandidatom F. Buslaevym* [On the influence of Christianity on the Slavic language: The experience of the history of language by The Ostromir Gospel, written for the Master's degree by candidate F. Buslaev]. Moscow: Univ. tip.
21. Sreznevskiy, I.I. (1959) *Mysli ob istorii russkogo yazyka* [Thoughts on the history of the Russian language]. Moscow: Gos. uch-ped. izd-vo Minva prosveshcheniya RSFSR.
22. Buslaev, F.I. (1844) *O prepodavanii otechestvennogo yazyka. Soch. Fedora Buslaeva* [On the teaching of the national language. A study by Fedor Buslaev]. Moscow: Univ. tip.
23. Nikitin, O.V. (2018) Fedor Ivanovich Buslaev i yazyk Otechestva (K 200-letiyu so dnya rozhdeniya) [Fedor Ivanovich Buslaev and mother tongue (To the 200th anniversary of his birth)]. *Russkaya rech – Russian*. 3. pp. 48–56. DOI: 10.7868/S0131611718030085
24. Nikitin, O.V. (2018) “Philology of Spirit”. Fedor Ivanovich Buslaev as Linguistic Persona (For 200th Anniversary of the Birth). *Russkiy yazyk v shkole – Russian Language at School*. 5. pp. 79–86. (In Russian). DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-79-86
25. Smirnov, S.V. (1978) *F.I. Buslaev* [F.I. Buslaev]. Moscow: Moscow State University.
26. Buslaev, F.I. (1861) *Istoricheskaya khresmatiya tserkovno-slavyanskogo i drevnerusskogo yazykov* [Historical anthology of Church Slavonic and Old Russian languages]. Moscow: Univ. tip.
27. Buslaev, F.I. (2003) *Moi dosugi. Vospominaniya. Stat'i. Razmyshleniya*. [My pastime. Reminiscences. Articles. Thoughts]. Moscow: Russkaya kniga.
28. Nikitin, O.V. (2018) “Historical anthology of Church Slavonic and Old Russian languages” by F.I. Buslaev as a monument of philological culture of the 19th century. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of Petrozavodsk State University*. 4 (173). pp. 82–88. (In Russian).
29. Polevoy, K. (1857) *Spory o grammatike i yazyke* [Discussions on grammar and language]. St. Petersburg: V tipografii N. Grecha.
30. Voynakhovskiy, K. (1898) Znachenie trudov akademika F.I. Buslaeva v istorii nauki o russkom yazyke [The value of academician F.I. Buslaev's works in the history of Russian language science]. In: *Pamyati Fedora Ivanovicha Buslaeva* [In memory of Fedor Ivanovich Buslaev]. Moscow: Tip. I.D. Sytina.
31. Shulezhkova, S.G. (2004) *Istoriya lingvisticheskikh ucheniy. Uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov* [The History of linguistic doctrines. Textbook for students of philological faculties]. Moscow: Flinta, Nauka.
32. Khrolenko, A.T. (2018) The native word in philological conception of F.I. Buslaev. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of Petrozavodsk State University*. 4 (173). pp. 89–93. (In Russian).
33. Buslaev, F.I. (1850) [Rets.] Mysli ob istorii russkogo yazyka I. Sreznevskogo. Sankt-Peterburg, 1850 (rec.) [[Review] Thoughts on the history of the Russian language by I. Sreznevskiy. St. Petersburg, 1850]. *Otechestvennye zapiski*. 72 (10). pp. 31–58.
34. Maikov, A. (1859) Opyt istoricheskoy grammatiki russkogo yazyka. Soch. F. Buslaeva... (okonchanie) [The Experience of Historical Grammar of the Russian Language. A work by Fedor Buslaev. The final part]. *Biblioteka dlya chteniya*. 157 (12). pp. 1–68.
35. Solov'eva, I.V. (2009) Klassika rusistiki pod ognym kritiki sovremennikov (Grammatika F.I. Buslaeva v retsenziyah 50-60-h gg. XIX veka) [Classics of Russian studies under the fire of criticism of contemporaries (The Grammar by F.I. Buslaev in reviews of the 1850s–1860s)]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 12. pp. 176–181.
36. Maikov, A. (1859) Opyt istoricheskoy grammatiki russkogo yazyka. Soch. F. Buslaeva... Stat'ya pervaya [The Experience of Historical Grammar of the Russian Language. A work by Fedor Buslaev. Article One]. *Biblioteka dlya chteniya*. 157 (10). pp. 1–48.
37. Aksakov, K.S. (2011) *Kriticheskii razbor “Opyta istoricheskoy grammatiki russkogo yazyka”* [Critical analysis of “The Experience of Historical Grammar of the Russian Language” by F. I. Buslaev]. Moscow: “Librokom”.
38. Ivanov, V.V. (1990) *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Ucheb. posobie dlya studentov*. [Historical grammar of Russian. Textbook for students]. 3rd ed. Moscow: Prosveshchenie.

39. Novikov, M.V. & Perfilova, T.B. (2017) Filosofskie osnovaniya "Opyta istoricheskoy grammatiki russkogo yazyka" F.I. Buslaeva [Philosophical grounds of "The Experience of Historical grammar of the Russian language" by F.I. Buslaev]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 1. pp. 104–110.
40. Shchepkin, V. (1897) Fedor Ivanovich Buslaev (1818–1897) [Fedor Ivanovich Buslaev (1818–1897)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. XXXV (4). pp. 99–11.
41. Polevoy, K. (1859) [Rets.] Opyt istoricheskoy grammatiki russkogo yazyka... Sostavleno F. Buslaevym. Moskva, 1858... [[Review] The Experience of Historical Grammar of the Russian Language. Compiled by F. Buslaev. Moscow, 1858]. *Severnaya pchela*. 206, 207.
42. Franchuk, V.Yu. (1974) K stoletiyu "Iz zapisok po russkoy grammatike" A.A. Potebni (1874–1974) [To the centenary of "The Notes on the Russian Grammar" by A.A. Potebnia (1874–1974)]. *Izvestiya Otdeleniya literatury i yazyka AN SSSR*. 33 (6). pp. 527–535.
43. Bogoroditskiy, V.A. (1935) *Obshchiy kurs russkoy grammatiki (iz universitetskikh lektsiy)* [General study on Russian grammar (from university lectures)]. 5th ed. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo.
44. Vinogradov, V.V. (1978) *Istoriya lingvisticheskikh ucheniy* [The history of linguistic doctrines]. Moscow: Vysshaya shkola.
45. Kolesov, V.V. (2003) *Istoriya russkogo yazykoznaneya: Ocherki i etudy* [The History of Russian linguistics. Essays and studies]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
46. Khrolenko, A.T. & Bondaletov, V.D. (2004) *Teoriya yazyka* [The theory of language]. Moscow: Flinta: Nauka.
47. Shchepulin, V.V. & Medvedeva, V.I. (1965) *Khrestomatiya po istorii grammaticheskikh ucheniy v Rossii* [Anthology on the history of grammatical studies in Russia]. Moscow: Vysshaya shkola.
48. Berezin, F.M. (1975) *Istoriya lingvisticheskikh ucheniy* [The History of linguistics]. Moscow: Vysshaya shkola.
49. Berezin, F.M. (1979) *Istoriya russkogo yazykoznaneya* [The History of Russian linguistics]. Moscow: Vysshaya shkola.
50. Berezin, F.M. (1973) *Khrestomatiya po istorii russkogo yazykoznaneya* [Anthology on the history of Russian linguistics]. Moscow: Vysshaya shkola.
51. Valentinova, O.I. & Rybakov, M.A. (2018) Fedor I. Buslaev's System Philology. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Gumanitarnye, obshchestvennye, pedagogicheskie nauki*. 3. pp. 56–59. (In Russian).
52. Pypin, A.N. (1891) *Istoriya russkoy etnografii* [History of Russian ethnography]. Vol. 2. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.

Received: 10 November 2018

А.В. Радионова

ЭТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ В ЛИРИЧЕСКОМ СТИХОТВОРЕНИИ

Статья посвящена анализу особенностей поэтических текстов с этическим лиро-философским метатекстом. Рассматриваются разновидности этических лирических ситуаций – определительных и ситуаций-credo, их тематические и концептуальные парадигмы. Выявлены их общие и специфические черты, приемы, остраивающие этическую позицию субъекта. Определены виды лирической ситуации-credo и их разновидности. Обнаружены случаи, когда и сама внешняя форма ситуации-credo может быть использована как прием остраивания других тем.

Ключевые слова: поэзия; этический лиро-философский метатекст; лирическая ситуация-credo.

Поэтическая система обычно складывается на основе определенных этических взглядов. Этот фактор в ряду других формирует мировоззренческий аспект поэзии. Декларация нравственных постулатов является закономерной традицией русской лирики [1]. В работе мы рассмотрим исторически сложившиеся особенности поэтики стихотворений с этическим лиро-философским метатекстом ряда русских поэтов. Традиции этической лирики, развиваясь в творчестве Г.Р. Державина, А.С. Пушкина, Ф.Н. Глинки, В.Г. Бенедиктова, Ф.И. Тютчева, А.Н. Майкова, продолжают и в XX в. Стихотворения с этической тематикой есть в поэзии А. Блока, Н. Гумилева, Ю. Балтрушайтиса, Б. Слуцкого, Д. Самойлова, В. Берестова, Ю. Друниной, И. Эренбурга, И. Бродского, Б. Окуджавы, В. Высоцкого. Стихотворения этих авторов стали материалом исследования.

Не создавая какой-то стройной философской системы, поэты все же раскрывают философские вопросы и проблемы в своем творчестве. Тексты с этической тематикой входят в систему лиро-философского метатекста русской поэзии наряду с текстами онтологической, эстетической, социальной тематики. Чаще всего метатекст понимается как «текст о тексте» или «текст в тексте». Мы предлагаем рассматривать лиро-философский метатекст как сверткостное образование, в котором поэты в поэтической форме изучают вопросы бытия, человеческих ценностей, искусства. В этих текстах поэзия, которая сама есть бытие, говорит о бытии, поэтическое сознание – о сознании и поэтическое искусство – об искусстве. При этом обнаруживается смысловое единообразие в выборе разными авторами текстовых элементов и структур в стихотворениях с онтологическими, этическими и эстетическими понятиями. Не представляя в своем большинстве специально разработанных философских теорий, поэтические системы отражают определенные философские воззрения прошлого или современных им учений, перекликаются с ними, обнаруживают точки соприкосновения.

Исследовательница философской лирики Р.С. Спивак отмечала, что нельзя называть философской лирикой поэтические высказывания на философские темы, иллюстрации к известным философским доктринам, тексты, раскрывающие «вечные темы» [2]. К философской лирике относятся тексты, в которых «философская тенденция осмысления действительности, т.е. восприятия ее под углом общезначимого, всеобщего,

составляет в лирическом произведении сам предмет художественного изображения и формирует художественную структуру произведения» [2. С. 6–7]. И такие только стихотворения она относила к метажанру «философская лирика». Вслед за исследовательницей мы говорим о разной степени близости поэзии и философии – от тех признаков, что перечислены выше и не являются еще признаками философской лирики, до уже непосредственно философской лирики. Разница между текстами с разной степенью близости к философии в том, все ли стихотворение посвящено изображению «всеобщего, родового, сущностного» [Там же. С. 7] или только его часть, большая (смысловой блок) или малая (тематический комплекс, образ, мотив). Мы приходим к двум выводам. Во-первых, лиро-философский метатекст шире понятия «философская лирика», поскольку включает все точки соприкосновения с философской проблематикой – и в философской лирике, и в других жанровых образованиях. Во-вторых, приемы формальной организации лирического текста, которые актуализируют философский аспект, связаны его с композиционной структурой.

Поскольку лиро-философский метатекст входит в структуру стихотворений как комплекс элементов тематического, мотивного, композиционного уровней, его может представлять текст или фрагмент текста с набором характерных черт, относящихся к разным уровням. На тематическом уровне он включает минимальные темы стихотворения и их комплексы, выраженные лексемами – философскими категориями, понятиями, относящимися к лексико-семантическим полям ‘экзистенциальное’ (бытие, существование, жизнь, смерть и т.п.); ‘время’ (вечность, годы, дни, час, минута, миг и т.п.); ‘гносеология’ (познание, мышление, просвещение, разум, сознание и т.п.) и другие. На мотивном уровне – это мотивы и комплексы мотивов бытийных (некто / нечто был(о), бывает, есть, существует и т.п.); мотивов рефлексии и авторефлексии (я думаю, размышляю, понимаю, вспоминаю, верю и т.п.); мотивов, субъектом которых являются философские категории и понятия, указанные выше. На композиционном уровне, если стихотворение состоит из двух или более смысловых блоков, лиро-философский метатекст формируется в рамках бытийных лирических ситуаций – смысловых блоков, содержащих вышперечисленные темы и мотивы. При этом в стихотворении возможно сочетание бытийных и событийных или только бытийных лирических ситуаций.

В стихотворениях с этическим лиро-философским метатекстом лирические ситуации содержат темы лексико-семантического поля 'этика' (добро, благо, зло, счастье, страдания и т.п.) и связанные с ними мотивы, а также мотивы самопрезентации ('я верю...', 'я буду...', 'я хочу...', 'я живу...'). Это самые очевидные признаки этической лирической ситуации.

Возникновение «вероизложений» связывают с опытом церкви первых веков. Тогда свод этических правил, лежащих в основе поведения, соответствующего мировоззрению верующего человека, составляли на основе апостольских посланий. Это делалось в особых случаях, при фактах вероотступничества или увеличении его риска. Исповедуя свою веру в четких формулировках, христиане противопоставляли себя, свой образ мышления и образ жизни миру. Это был акт противостояния светскому развращенному и испорченному социальным злом мировоззрению. Образцом можно считать Символ веры, который христианин произносит перед крещением.

Поэзия, ориентированная на философское мышление, наследует эту традицию, но в отличие от религиозного дискурса, в котором этические постулаты категорично утверждают религиозное мировоззрение как единственно правильное, художественная рефлексия допускает многозначность, плюрализм, множественность точек зрения.

В поэтических системах разных авторов можно найти стихотворения, в которых выражено жизненное кредо. Даже критики традиционного субъекти-

Начинается повесть про совесть.
Это очень старый рассказ.
Временами, едва высываясь,
совесть глухо упрятана в нас.
Погруженная в наши глубины,
контролирует все бытие.
Что-то вроде гемоглобина.

Основная тема задана в первой строке. Хотя автор заявляет установку на нарративность («повесть про совесть», «рассказ»), тема требует не событийного, а бытийного повествования, раскрывающего общие законы миропорядка. На бытийность ситуации указывает ряд текстовых элементов: этическая категория «совесть», акцент на повторяемости ситуации («старый рассказ»), философская категория («контролирует все бытие»), обобщенное лирическое «мы». То, что «повесть про совесть» – это «старый рассказ», подчеркивает многократность обращений к проблеме совести во всей предшествующей культуре. В стихотворении дана традиционная трактовка совести как морального самоконтроля, наиболее полно раскрытая, но по-разному трактуемая в философских системах И. Канта [5], П.А. Гольбаха [6, 7], Ф. Ницше [8, 9], А. Менгера [10], Э. Фромма [11]. Автор стихотворения не дает отсылок к этим философским системам, но его трактовка этической темы соотносима с ними, что создает предпосылки для формирования лиро-философского метатекста.

В большой группе определительных стихотворений существуют тематические парадигмы. Так, парадигма 'счастье' включает стихотворения А.Н. Майко-

вистского понимания лирики (лирики как самовыражения автора) признавали, что она есть художественное выражение душевных переживаний поэта [3]. Следствием этого по природе свойственного лирике субъективизма является то, что, какими бы приемами остранения ни пользовался автор («антикредо», персонификация и т.д.), в этической лирической ситуации всегда выражены в первую очередь его личные нравственные приоритеты. Но они согласуются с определенной философской концепцией, мировоззренческой парадигмой, что создает предпосылки для формирования лиро-философского метатекста.

Этический лиро-философский метатекст включает разнообразные ситуации: рассуждение об этической категории (счастье, совести, добре, зле и т.п.), выбор жизненного пути, поведенческой стратегии, нравственных приоритетов (который может тесно переплетаться с экзистенциальным выбором), презентация этического облика (морально-нравственный портрет субъекта или объекта) и другие ситуации с этической составляющей.

Так, например, рассуждения об этической категории часто представлены в определительных стихотворениях – когда текст определяет заданную в основной теме этическую категорию (Г.Р. Державин «Добродетель», А.С. Пушкин «Дружба», И. Эренбург «Верность», В. Берестов «Добро и зло», Ю. Друнина «Доброта»). Например, у Б. Слуцкого есть стихотворение «Совесть» [4. С. 283].

Трудно с ней, нельзя без нее.
Заглушаем ее алкоголем,
тешем, пилим, рублим и колем,
но она на распил, на распыл,
на разлом, на разрыв испытана,
брита, стрижена, бита, пытана,
все равно не утратила пыл.

ва «В чем счастье?», И. Анненского «Что счастье?», З. Гиппиус «Счастье», В. Берестова «Определение счастья», И. Сельвинского «Каким бывает счастье», В. Солоухина «Счастье», Б. Слуцкого «Счастье», Н. Асеева «Что такое счастье? Соучастье...» и другие подобные.

Характерные черты определительных этических стихотворений – заголовок, в котором указано основное понятие, определяемое в стихотворении, вопросительные конструкции, перечисления тезисных утверждений. Приемы остранения в таких стихотворениях – аллегория, определяющая этическую категорию (З. Гиппиус «Мудрость»), открытый финал, когда дается неверная, с точки зрения автора, трактовка, но не определена верная (В. Берестов «Определение счастья»).

Но обобщение любой этической темы остается выражением личного авторского морального приоритета, даже когда лирическое «я» заменяется лирическим «мы». Так, в стихотворении Б. Слуцкого «Разные формулы счастья» [4. С. 240] определительная этическая ситуация раскрывается в серии

бытийных вопросов, определяющих понятие

В том ли счастье?
А в чем оно, счастье,
оборачивавшееся отчасти
зауряднейшим пирогом,
если вовсе не в том, а в другом?

Что такое это другое?
Как его трактовать мы должны?
Образ дачного, что ли, покоя?
День Победы после войны?

Вопросы-определения отражают разные мировоззренческие установки, соотносимые с определенными философскими системами: гедонизмом (счастье – пирог), стоицизмом (счастье – покой), трудовой этикой, созвучной в понимании счастья с этикой русских старообрядцев и Г. Сковороды (счастье – труд), христианской этикой (счастье – в покаянии и возвращении к истоку истины), теорией технологического детерминизма (счастье – блага техногенной цивилизации). Заканчиваются вопросы-определения вопросом-постулатом. Последние строки обобщают все предыдущие теории и декларируют выбор автора, основанный на первостепенном принципе гуманизма. По своей сути – это и христианская заповедь, и кантовский императив, объединенные в двойном поэтическом преломлении через отсылку на произведение А.С. Пушкина.

Более подробно рассмотрим ситуации выбора жизненного пути, поведенческой стратегии, нравственных приоритетов. Обращаясь к этической теме, авторы выражали свою личную этическую позицию с помощью разных приемов. Она может быть остранена какими-то общими концепциями в рассмотренных стихотворениях-определениях, но в явной и непосредственной форме выражена в стихотворениях, представляющих лирическую ситуацию-credo. Заметим, что определительные этические ситуации и ситуации-credo могут сочетаться в больших, композиционно сложных стихотворениях (А. Галич «Заклинание добра и зла»).

Если все стихотворение посвящено указанной тематике, можно говорить о стихотворении-credo. Но нередко только одна из композиционных частей стихотворения посвящена указанной тематике, тогда мы говорим, что стихотворение включает в свою композиционную структуру ситуацию-credo. В таких лирических ситуациях можно обнаружить специфические черты, позволяющие выделить их в отдельную группу. Ситуации-credo отличаются тем, что в них особенно явно видна презентация индивидуальных моральных приоритетов, выражена активная позиция субъекта: готовность действовать определенным образом и / или призыв к другим действовать так же.

Самый открытый и прямой способ демонстрации этических предпочтений – дать стихотворению соответствующий заголовок: «Credo» (Н. Гумилев), «Выбор» (Н. Гумилев, Б. Слуцкий), «Верю» (В.Г. Бенедиктов), «Верую» (Ю. Балтрушайтис), «Моральный кодекс» (Б. Слуцкий) и т.п. Иной способ – непосредственно перечислить то, что субъект считает правильным или неправильным в этой жизни. Нередко эти два приема сочетаются («Я не люблю» В. Высоцкого).

«счастье»:

Или та черта, что подводят
под десятилетним трудом?
Или слезы, с которыми входят
после странствий в родимый дом?

Или новой техники чара?
Щедр на это двадцатый век.
Или просто строка из «Анчара» –
«человека человек»?

Надо отметить, что, как и в определительных стихотворениях, в заголовок стихотворения-credo может быть вынесена этическая категория (А.А. Фет «Добро и зло», И. Северянин «Сострадание»).

Исповедание веры имеет онтологический аспект, поскольку в нем человек соглашается с определенным мировоззрением, и этический аспект, поскольку это мировоззрение определяет его поступки. Важно, что исповедание веры отмечает момент выбора. Человек перед другими свидетельствует о том, что им сделан выбор определенного жизненного пути.

Самый главный и определяющий признак credo – декларация этической установки. Стихотворения-credo всегда включают в себя этическую бытийную ситуацию, центральные темы которой – нравственные характеристики человека, человеческого сообщества. Но эти стихотворения различаются в зависимости от того, кто является адресатом нравственных императивных установок.

Коммуникативная организация credo характеризуется либо экстравертностью, либо интровертностью. В некоторых стихотворениях-credo автор обращается к открытой, широкой аудитории, озвучивает моральные принципы, которые должны быть приняты обществом, характеризуются установкой на морализаторство. Это экстравертный подход. Обратный, интровертный подход реализован, когда субъект определяет моральные принципы как бы для себя, подчеркивая, что именно для него они имеют доминирующее значение. Обращенные к себе интровертные credo предполагают наличие лирического «я». Экстравертные credo могут быть безадресные, т.е. обращенными к широкой аудитории, но могут быть адресованы конкретному человеку, иногда выражены в форме диалога. В том, что такие стихотворения часто построены в форме обращений, раскрывается еще один их аспект. С латинского *credo* можно перевести не только как «верю», «доверяю», но и как «вверяю», «поручаю».

Адресованные credo подразделяются на транслирующие убеждения и заимствующие их у адресата. Пример заимствования – в стихотворении Д. Самойлова «Анне Ахматовой»: «Учусь у вас достойству и трудной / Науке быть всегда самим собой» [12. С. 481]. Встречаются примеры более сложной организации, когда в одном тексте моральные принципы и заимствуются, и транслируются. Так, в стихотворении Д. Самойлова «Оправдание Гамлета» [12. С. 140] Гамлет является и образцом нравственной позиции, и обобщенным образом оппонента:

Врут про Гамлета,
Что он нерешителен.
Он решителен, груб и умен.
Но когда клинок занесен,
Гамлет медлит быть разрушителем
И глядит в перископ времен.

Не помедлив стреляют злодеи
В сердце Лермонтова или Пушкина.
Не помедлив рубит гвардеец,
Образцовый, шикарный воин.
Не помедлив, бьют браконьеры,
Не жалея, что пуля пущена.

Здесь использован прием персонификации кредо, когда литературный персонаж становится олицетворением определенного мировоззрения. Медлительности Гамлета в философии и литературоведении даны самые разные трактовки¹. Д. Самойлов предложил свою: только зло не медлит с расправой, а справедливости необходимо время для утверждения в своей правоте. В стихотворении две лирические ситуации, смысловой слом обозначен изменением коммуникативной направленности. Первая ситуация играет роль экспозиции, она дана в форме бытийного повествования. Преобладание бытийности над событийностью сказывается в том, что персонажи обобщенно типологизированы. Гамлет стал общекультурным символом, он принадлежит вечности («глядит в перископ времен», знает «все, что будет потом. На века»). Гамлет – символ Абсолюта («Ибо знает законы сердец, Ибо знает причины и следствия»). В характеристике действий злодеев, убивающих поэтов, использована форма настоящего времени, что указывает на бытийную повторяемость трагических событий, введен обобщенный образ жестоких браконьеров. Кроме того, на бытийность ситуации указывает оппозиция временных планов «миг – вечность», данная в философском соотношении: вечность представлена тропом «перископ времен» и выражением «на века», слово «миг» употреблено четырежды в одной строфе:

Гамлет медлит.
И этот миг
Удивителен и велик.
Миг молчания, страсти и опыта,
Водопада застывшего миг.
Миг всего, что отринуто, проклято.
И всего, что познал и постиг.

Последняя строфа стихотворения содержит декларацию моральной установки в форме обращения

Ты счастья сулишь мне... Ох, знаю я, да!
Что счастье? – Волнение! Тревога!
Восторги! – бог с ними! Совсем не туда.
Ведет меня жизни дорога.

<...>

В стихотворении субъект определяет свое мировоззрение, согласующееся с философией стоицизма, с ее взглядом на состояние невозмутимости и спокойствия (атараксию) как на высшее благо.

<...>

Бей же, Гамлет! Бей без промашки!
Не жалея загнивших кровей!
Быть – не быть – лепестки ромашки,
Бить так бить! Бей, не робей!
Не от злобы, не от угару,
Не со страху, унявши дрожь, –
Доверяй своему удару,
Даже
Если
Себя
убьешь!

к Гамлету. Она построена на эффекте обманутого ожидания. Сначала – требование возмездия, но в конце введена тема самоуничтожения. Этическое credo – совершить справедливость необходимо любой ценой, даже через самопожертвование – можно понимать двояко. С одной стороны, оно может трактоваться как требование самоочищения от зла в собственном сердце, с другой – если учитывать характеристики Гамлета, сближающие его с Абсолютом, оно близко к христианской идее принесения Богом себя в жертву за грех человека. Это намеренное мерцание смыслов расширяет содержательный план небольшого лирического текста.

Другая форма представления этических приоритетов – credo-диалоги. Мы встречаем стихотворение такого типа у Н. Гумилева – это «Душа и тело», где в диалог вступают субъект, его душа и его тело, каждый участник диалога высказывает свою этическую позицию. Субъект выступает третьей этической позицией. Субъект выступает третьей этической позицией. Субъект выступает третьей этической позицией. Душа – бессмертная и нематериальная сущность, предшествующая своему физическому бытию в теле, что близко учению Платона, индуизму. Хотя она исповедует равнодушие к земным наслаждениям и отказ от них, в стихотворении все же дана собственная интерпретация восточных учений, так называемая гумилевская сансара, оканчивающаяся небытием, а не слиянием с вечным Абсолютом [14. С. 175]. Тело же исповедует гедонизм, и смерть для него – плата, соответствующая полученному счастью.

Еще одна форма экстравертной коммуникативной организации credo – обращение к неопределенному адресату. В стихотворении «Не надо» В.Г. Бенедиктова [15. С. 524] субъект отвечает какому-то неназванному оппоненту, предлагающему чуждый субъекту взгляд на жизненные ценности:

Устал я, устал. У судьбы под рукой
Душа моя отдыху рада.
Покоя хочу я; мне нужен покой,
А счастья мне даром не надо!

Один из самых характерных признаков credo – маркирующая мотивная парадигма, которая включает мотивы самопрезентации: ‘я верю / знаю – я люблю / не люблю – я делаю выбор’. Стихотворения-credo –

это тексты с ярко выраженной самопрезентацией субъекта. Формы самопрезентации следующие: презентация рациональных установок ('я знаю', 'я верю', 'я понял'); эмоционально-чувственных предпочтений ('я люблю', 'я не люблю'); потребностей ('я хочу', 'я желаю', 'я выбираю'); поведенческой активности ('я делаю нечто').

По тому, какой тематике посвящено стихотворение-credo, оно может быть определено как социальное credo, в котором автор выражает нравственные принципы общественной жизни, личное, в котором автор определяет этические принципы своей жизни, credo поэта, в котором автор декларирует этические установки творческой деятельности.

В социальных credo автор делает акцент на негативных или позитивных явлениях общественной жизни, выражает гражданскую позицию. В Брюсов противопоставляет гражданственность и гуманизм в современную ему эпоху: «Я действительности нашей не вижу, / Я не знаю нашего века, / Родину я ненавижу, – / Я люблю идеал человека» [16. С. 100].

В стихотворениях-credo нередко поднимаются проблемные вопросы, которые неоднократно обсуждаются и в обществе, и в поэзии. Например, к таким парадигмам относится вопрос о значимости покоя идиллической жизни на лоне природы как главной ценности бытия. Отсюда – воспевание

Да, я знаю, я вам не пара,
Я пришел из иной страны,
И мне нравится не гитара,
А дикарский напев зурны.

Не по залам и по салонам
Темным платьям и пиджакам –
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам.

Я люблю – как араб в пустыне
Припадает к воде и пьет,
А не рыцарем на картине,
Что на звезды смотрит и ждет.

Здесь сталкиваются две жизненные позиции – лирического субъекта и его возлюбленной. Каждой точке зрения соответствует свое пространство, характеризующееся разными звуками (гитара / напев зурны), атрибутами (платья, пиджаки / драконы, водопады, облака); своя модель поведения (любить как мучимый жаждой араб в пустыне / как рыцарь на картине); своя смерть (на постели / в дикой щели); свой загробный мир (благочинный рай / рай грешников).

сельской жизни, ее приоритет перед городской, светской. К этой парадигме относится стихотворение Г.Р. Державина «Деревенская жизнь» [17. С. 289]:

Что нужды мне до града?
В деревне я живу;
Мне лент и звезд не надо,
Вельможей не слышу;
О том лишь я стараюсь,
Чтоб счастливо прожить;
Со всеми обнимаюсь
И всех хочу любить.

Эта парадигма связана с идиллическими представлениями о спокойной жизни, которая продолжает свое развитие и в поэзии XX в., например, в творчестве Д. Самойлова: «Я сделал свой выбор. Я выбрал залив, / Тревоги и беды от нас отдалив, / А воды и небо приблизив. / Я сделал свой выбор и вызов» [12. С. 237].

Другая парадигма, обратная предыдущей, – утверждение ценности жизни как круговорота событий, страстей. Отсюда аллегория жизни-пути, путешествия, наполненного событиями, впечатлениями, приключениями, как в лирике Н. Гумилева («Я и Вы» [18. С. 145]):

И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще,

Чтоб войти не во всем открытый,
Протестантский, прибранный рай,
А туда, где разбойник, мытарь
И блудница крикнут: вставай!

Еще одна парадигма – экзистенциальные этические размышления над ценностью жизни перед лицом смерти. Ее характерный мотив – обращение к черепу или могилам. Примером может служить стихотворение Е.А. Баратынского «Череп» [19. С. 115]. Оно начинается с обращения к черепу в экспозиции, представляющей собой рассуждение о посмертной участи человека, а заканчивается этической декларацией:

О человек! Уверься наконец:
Не для тебя ни мудрость, ни всезнанье!
Нам надобны и страсти и мечты,
В них бытия условие и пища:
Не подчинишь одним законам ты
И света шум и тишину кладбища!
Природных чувств мудрец не заглушит
И от гробов ответа не получит...

Значительна парадигма *credo* поэта, включающая стихотворения, в которых этические ценности раскрыты в обращении к читателям («Мои читате-

ли» Н. Гумилева), а также многочисленные обращения к поэту, например «Поэту» М. Волошина [20. С. 211]:

2

Остерегайся друзей, ученичества шума и славы.
Ученики развинтят и вывихнут мысли и строфы.
Только противник в борьбе может быть истинным другом.

3

Слава тебя прикует к глыбам твоих же творений.
Солнце мертвых – живым – она намогильный камень.

4

Будь один против всех: молчаливый, тихий и твердый.
Воля утеса ломает развернутый натиск прибоя.
Власть затаенной мечты покрывает смятение множеств.
<...>

7

Верь в человека. Толпы не уважай и не бойся.
В каждом разбойнике чти распятого в безднах Бога.

Автор декларирует ценность изоляции творца от всего, что сопутствует успеху, необходимость одиночества, противостояние вкусам толпы и служение человеку как индивидуальности. Мотивы стихотворения перекликаются с ницшеанским мировоззрением.

Кредо поэта – в стихотворении «Поэту» В. Брюсова [16. С. 447]:

Ты должен быть гордым, как знамя;
Ты должен быть острым, как меч;
Как Данту, подземное пламя
Должно тебе щеки обжечь.
Всего будь холодный свидетель,
На все устремляя свой взор.
Да будет твоя добродетель –
Готовность взойти на костер.

И в этом тексте отражено ницшеанское отношение к поэту как к сверхчеловеку, принадлежащему миру богов и героев, причастному к тайнам бытия, но отрешившемуся от земных страстей, всегда готовому принести в жертву творчеству и свою жизнь.

Декларациям стихотворений-кредо свойственна афористичность. Установка автора выразить наиболее полно этическую составляющую мировоззрения в краткой форме лирического стихотворения приводит к увеличению смысловой емкости фразы. При этом, как правило, задействованы темы, актуальные для большого количества людей, касающиеся общечеловеческих ценностей (порядочности, чести, совести), формирующие определенную мировоззренческую парадигму.

Сотый раз иду на почту
За твоим письмом.
Мне теперь не спится ночью,
Не живется днем.
Верю, верю всем приметам,
Снам и паукам,
Верю лыжам, верю летом
Узким челнокам.
Верю в рев автомобилей,

Этот тип лирических ситуаций можно наблюдать в разных жанрах. Ситуация-*credo* является составляющей стихотворения, принадлежащего жанру идиллии в случаях, когда декларируется приверженность сельской жизни в оппозиции к ценностям светской жизни. Кредо может быть облечено в форму послания. Стихотворение А.С. Пушкина «К Чаадаеву» [21. С. 346] представляет собой социально-объективированное кредо. Начальное четверостишие является экспозицией, это ситуация – описание существующего положения: «Любви, надежды, тихой славы / Недолго нежил нас обман, / Исчезли юные забавы, / Как сон, как утренний туман»; дальше – оппозиционная ситуация с мотивами ‘мы еще желаем’, ‘мы еще внемлем’, ‘мы еще уповаем’. Поскольку стихотворение, по содержанию выражая кредо, по форме написано как послание, отсутствует прямая Я-позиция, индивидуализация в *credo* формально выражена обращением к отдельному человеку (*Товарищ, верь...*), субъект делится с товарищем своей личной верой.

С другой стороны, не каждое стихотворение, содержащее мотив ‘я верю’, относится к стихотворениям-*credo*. Внешне очень похоже на *credo* стихотворение В.Г. Бенедиктова «Верю» [15. С. 245]: «Верю я и верить буду, / Что от сих до оных мест / Божество разлито всюду / – От былинки вплоть до звезд». Однако онтологическая составляющая не приводит к этической, и в конце стихотворения выясняется, что формой вероисповедания завуалировано признание в чувствах к возлюбленной.

Стихотворение В. Шаламова «Верю» [22. С. 81] также по содержанию стихотворение о любви, но вечная тема представлена в форме *credo*, а потому звучит по-новому, остраненно:

Даже в летную погоду
Верю иногда.
Верю я в оленье нарты,
В пугевой компас
У заиндевелой карты
В безысходный час.
В ямщиков лихих кибиток,
В ездовых собак,
Хладнокровию улиток,

Бурных дизелей,
В голубей почтовых крылья,
В мачты кораблей.
Верю в трубы пароходов,
Верю в поезда,

Лени черепах.
Верю щучьему веленью,
Стынущей крови,
Верю своему терпенью
И твоей любви.

Ожидающий письма возлюбленной лирический субъект выражает свою веру в обыденные, на первый взгляд, явления жизни. Но все эти явления связаны с письмом: приметы, указывающие на скорое получение письма, множество транспортных средств, которые доставляют почту в дальний северный край; «хладнокровие улиток», «лень черепах» символизируют равнодушие людей, задержанных в доставке почты, не осознающих, насколько важна эта почта для адресата. Наконец, если и не все перечисленное станет залогом получения письма, то сыграет роль вера в чудо («Верю щучьему веленью...»). Мы видим, что форма *credo* сама может стать приемом остранения, в данном случае стихотворения о любви.

Итак, этические представления являются одним из мировоззренческих аспектов поэзии. Тема нравственных постулатов традиционна и для русской лирики. Исторически сложились особенности поэтики стихотворений с этическим лиро-философским метатекстом. В лирической ситуации, содержащей нравственные установки, можно обнаружить точки пересечения с одной из существующих философских систем, в ней усилен бытийный аспект: фиксируется внимание на повторяющемся, вечном, универсальном.

Стихотворения с этическим лиро-философским метатекстом можно условно разделить на две группы – определительные стихотворения, раскрывающие суть какой-либо этической категории, и стихотворения с ситуацией-*credo*. Ситуацию-*credo* может представлять все стихотворение или его композиционная часть. Остраняют этическую позицию субъекта обобщения, свойственные лиро-философскому мета-

тексту, перечисления философских концепций, приемы персонификации, аллегории, открытый финал.

Поэтическое *credo* имеет ряд специфических особенностей: декларативный заголовок стихотворения; активная позиция субъекта, выражающаяся в готовности действовать определенным образом и призыве к другим действовать так же; мотивы самопрезентации; прием перечисления нравственных императивов. *Credo* всегда содержит декларацию этической установки – действия, которые субъект считает верными или неверными. Но адресаты моральных требований могут быть разными: либо это открытая, неограниченная аудитория, либо субъект в порядке автокоммуникации предъявляет требования к себе, либо он адресует их конкретной группе людей, конкретному человеку. Встречаются *credo* в форме диалога. Адресованные *credo* подразделяются на транслирующие моральные принципы адресату и заимствующие их у адресата.

Тематические парадигмы определительных стихотворений с этическим лиро-философским метатекстом формируются вокруг основного понятия – этической категории, лежащей в основании парадигмы. Самые крупные тематические парадигмы *credo* – социальное, личное, *credo* поэта. Можно выделить концептуальные парадигмы этического лиро-философского метатекста, в основании которых лежит определенная мировоззренческая система, сложившаяся в философии и поэзии, например гедонистическая, стоицистская, идиллическая, экзистенциальная и т.д. Ситуации-*credo* встречаются в разных жанрах. Но внешняя форма ситуации-*credo* может быть использована как прием остранения других тем, например в любовной лирике.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «В качестве причин нерешительности героя чаще всего называли недостаток воли (А.В. Шлегель, С.Т. Кольридж), непосильность задачи (И.В. Гете, Г.В.Ф. Гегель), неприятие кровной мести (Г. Ульрици) и трудности с осуществлением справедливого суда (К. Вердер), меланхолию (Э.С. Бредли, Э.Э. Столл), «Эдипов комплекс» (З. Фрейд), потребность в христианском искуплении (В. Беньямин)» [13. С. 1047].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ян Ен Лан. Эволюция системы нравственных ценностей в лирике А.С. Пушкина : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. СПб., 2006. 192 с.
2. Спивак Р.С. Русская философская лирика: Проблемы типологии жанров. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 140 с.
3. Соколов А. Художественный образ в лирике Лермонтова // Творчество М.Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения, 1814–1964. М. : Наука, 1964. С. 172–201.
4. Слудский Б.А. Я историю излагаю... Книга стихотворений. М. : Правда, 1990. 480 с.
5. Кант И. Основы метафизики нравственности // Сочинения в 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М. : Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 219–310.
6. Гольбах П.А. О божестве, о доказательствах его существования, о его атрибутах, о способе, каким божество влияет на счастье людей // Избранные произведения : в 2 т. / под общ. ред. Х.Н. Момджяна. М. : Соцэкгиз, 1963. Т. I
7. Гольбах П.А. Естественная политика, или Беседы об истинных принципах управления // Избранные произведения : в 2 т. / под общ. ред. Х.Н. Момджяна. М. : Соцэкгиз, 1963. Т. I. С. 78.
8. Ницше Ф. К генеалогии морали // Сочинения в 2 т. / пер. с нем.; сост., ред. и авт. примеч. К.А. Свасьян. М. : Мысль, 1990. Т. 2. С. 407–555.
9. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Сочинения в 2 т. / пер. с нем.; сост., ред. и авт. примеч. К.А. Свасьян. М. : Мысль, 1990. Т. 2. С. 238–406.
10. Менгер А. Новое учение о нравственности / пер. с нем. под ред. Ю.Д. Филипова. СПб. : Издание Д.А. Казицына и Ю.Д. Филипова, 1906. 94 с.
11. Фромм Э. Человек для самого себя / пер. с англ. Э. Спировой. М. : АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. 350 с.

12. Самойлов Д.С. Стихотворения. СПб. : Академический проект, 2006. 800 с.
13. Кочеров С.Н. «Философия жизни» Гамлета: испытание абсолютных ценностей // Философия и культура. 2016. № 7. С. 1045–1052.
14. Слободнюк С.Л. Элементы восточной духовности в поэзии Н.С. Гумилева // Н. Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб. : Наука, 1994. С. 164–186.
15. Бенедиктов В.Г. Стихотворения. Л. : Сов. писатель, 1983. 816 с.
16. Брюсов В.Я. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Худ. лит., 1973. Т. 1. 670 с.
17. Державин Г.Р. Полное собрание стихотворений. Л. : Сов. писатель, 1957. 469 с.
18. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). М. : Воскресенье, 1998. 502 с.
19. Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений / сост., подгот. текста и примеч. В.М. Сергеева. Л. : Сов. писатель, 1989. 464 с.
20. Волошин М.А. Лики творчества / изд. подгот. В.А. Мануйлов и др. 2-е изд. Л. : Наука: Ленингр. отд-е, 1989. 848 с.
21. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1: Стихотворения. 1813–1820. 3-е изд. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 535 с.
22. Шаламов В.Т. Собрание сочинений : в 6 т. + т. 7. Т. 3. Стихотворения / сост., подгот. текста, прим. И. Сиротинской. М. : Книжный Клуб Книговек, 2013. 512 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 11 июля 2018 г.

Ethical Reflection in a Lyric Poem

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 57–65.

DOI: 10.17223/15617793/439/7

Alla V. Radionova, Smolensk State University (Smolensk, Russian Federation). E-mail: allarad1@rambler.ru

Keywords: poetry; ethic lyric-philosophical metatext; lyric credo situation.

The article is devoted to the analysis of the peculiarities of poetic texts with ethical lyric-philosophical metatext. Lyric-philosophical metatext forms part of poems as a complex of elements of thematic, motive and composition levels; it can be presented by a text or a fragment of a text with a set of typical features relating to different levels. On the thematic level, it includes minimal themes of the poem and their complexes expressed by lexemes – philosophical categories and concepts referring to lexical-semantic fields “existential” (being, existing, life, death etc.); “time” (eternity, years, days, hour, minute, moment etc.); “gnoseology” (learning, thinking, education, mind, consciousness etc.) and others. On the composition level, if a poem consists of two or more notional units, lyric-philosophical metatext is formed within the frames of life lyrical situations – notional units containing the above mentioned themes. Ethical ideas are one of the world outlook aspects of poetry. The theme of moral postulates is also traditional for Russian lyrics. The peculiarities of the poetics of the poems with ethical lyric-philosophical metatext were formed historically. In a lyric situation containing moral attitudes, it is possible to find points of intersection with one of the existing philosophical systems with a stronger existential aspect: attention is fixed on the repetitive, the eternal, the universal. Poems with ethical lyric-philosophical metatext include a number of subparadigms among which are defining poems that reveal the essence of some ethical category, and poems with a credo situation. The latter may be presented by the poem as a whole or by its composition part. The ethical position of the subject of generalization, peculiar to lyric-philosophical metatext, is defamiliarized by enumerations of philosophical concepts, methods of personification, allegory, and an open ending. A poetic credo has a number of specific features: the declarative title of the poem; the active position of the subject expressed in a willingness to act in a certain way and a call on others to act the same way; motives of self-presentation; the technique of enumeration of moral imperatives. Credo always contains a declaration of ethical attitudes – actions which the subject believes to be correct or incorrect. But the addressees of moral requirements can be different: it is either an open, unlimited audience, or the subject makes demands on oneself in autocommunication, or addresses them to a specific group of people, a specific person. Credo in the form of a dialogue also exist. The addressed credo are divided into the ones that transmit moral principles to the addressee and borrow them from the addressee. The major thematic paradigms of credo are social, personal and poet’s ones. Credo situations are found in different genres. The external form of credo situations can be used as a method of making other topics defamiliarized, for example, in love lyrics.

REFERENCES

1. Yang Yong Lang. (2006) *Evolutsiya sistemy npravstvennykh tsennostey v lirike A.S. Pushkina* [The evolution of the system of moral values in the lyrics of A.S. Pushkin]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
2. Spivak, R.S. (1985) *Russkaya filosofskaya lirika: Problemy tipologii zhanrov* [Russian philosophical lyrics: Problems of the typology of genres]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
3. Sokolov, A. (1964) *Khudozhestvennyy obraz v lirike Lermontova* [Artistic image in the lyric poetry of Lermontov]. In: Fokht, U.R. (ed.) *Tvorchestvo M.Yu. Lermontova: 150 let so dnya rozhdeniya, 1814–1964* [Creative works of M.Yu. Lermontov: 150 years since his birth, 1814–1964]. Moscow: Nauka.
4. Slutskiy, B.A. (1990) *Ya istoriyu izlagayu... Kniga stikhotvoreniy* [I set out a story. A book of poems]. Moscow: Pravda.
5. Kant, I. (1965) *Osnovy metafiziki npravstvennosti* [Groundwork of the metaphysics of morals]. In: Asmus, V.F. et al. (eds) *Sochineniya v 6 t.* [Works: in 6 vols]. Translated from German. Vol. 4. Pt. 1. Moscow: Mysl’.
6. Holbach, P.A. (1963) *O bozhestve, o dokazatel’stvakh ego sushchestvovaniya, o ego atributakh, o sposobe, kakim bozhestvo vliyaet na schast’e lyudey* [Natural Politics, or Discourse on True Principles of Management]. In: Momdzhyan, Kh.N. (ed.) *Izbrannye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected Works: in 2 vols]. Translated from English. Vol. 1. Moscow: Sotsekgiz.
7. Holbach, P.A. (1963) *Estestvennaya politika, ili Besedy ob istinnykh printsipakh upravleniya* [Natural Politics, or Discourse on True Principles of Management]. In: Momdzhyan, Kh.N. (ed.) *Izbrannye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected Works: in 2 vols]. Translated from English. Vol. 1. Moscow: Sotsekgiz.
8. Nietzsche, F. (1990) *K genealogii morali* [On the genealogy of morality]. In: Svas’yan, K.A. (ed.) *Sochineniya v 2 t.* [Works in 2 vols]. Translated from German. Vol. 2. Moscow: Mysl’.
9. Nietzsche, F. (1990) *Po tu storonu dobra i zla* [Beyond good and evil]. In: Svas’yan, K.A. (ed.) *Sochineniya v 2 t.* [Works in 2 vols]. Translated from German. Vol. 2. Moscow: Mysl’.
10. Menger, A. (1906) *Novoe uchenie o npravstvennosti* [New doctrine of morality]. Translated from German. St. Petersburg: Izdanie D.A. Kazitsyna i Yu.D. Filipova.
11. Fromm, E. (2010) *Chelovek dlya samogo sebya* [Man for himself]. Translated from English by E. Spirovaya. Moscow: ACT: ACT MOSKVA.
12. Samoylov, D.S. (2006) *Stikhotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
13. Kocherov, S.N. (2016) “Filosofiya zhizni” Gamlleta: ispytanie absolutykh tsennostey [Hamlet’s “Philosophy of Life”: testing absolute values]. *Filosofiya i kul’tura – Philosophy and Culture*. 7. pp. 1045–1052. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.7.19284

14. Slobodnyuk, S.L. (1994) *Elementy vostochnoy dukhovnosti v poezii N.S. Gumileva* [Elements of Eastern Spirituality in N.S. Gumilyov's Poetry]. In: El'zon, M.D. & Groznova, N.A. (eds) *N. Gumilev: Issledovaniya i materialy. Bibliografiya* [N. Gumilyov: Research and materials. Bibliography]. St. Petersburg: Nauka.
15. Benediktov, V.G. (1983) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sov. pisatel'.
16. Bryusov, V.Ya. (1973) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols]. Vol. 1. Moscow: Khud. lit.
17. Derzhavin, G.R. (1957) *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete collection of poems]. Leningrad: Sov. pisatel'.
18. Gumilyov, N.S. (1998) *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t.* [Complete Works: in 10 vols]. Vol. 1. Moscow: Voskresen'e.
19. Baratynskiy, E.A. (1989) *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete collection of poems]. Leningrad: Sov. pisatel'.
20. Voloshin, M.A. (1989) *Liki tvorchestva* [Faces of creativity]. 2nd ed. Leningrad: Nauka.
21. Pushkin, A.S. (1962) *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t.* [Complete Works: in 10 vols]. Vol. 1. 3rd ed. Moscow: USSR AS.
22. Shalamov, V.T. (2013) *Sobranie sochineniy: v 6 t. + t. 7* [Collected Works: in 6 vols + Vol. 7]. Vol. 3. Moscow: Knizhnyy Klub Knigovek.

Received:11 July 2018

Ю.С. Ромайкина

К ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СБОРНИКОВ «ЗЕМЛЯ» (1908–1917)

Исследуются причины сформировавшегося в литературоведении поверхностного отношения к литературно-художественным сборникам «Земля» (М.: Московское книгоиздательство, 1908–1917) как второстепенному явлению массовой литературы. Подобной оценке способствовали как конфликты внутри редакции, так и скандальная репутация М.П. Арцыбашева, ведущего сотрудника «Земли». Особое внимание в статье уделяется архивным, справочно-библиографическим, мемуарным, эпистолярным, литературно-критическим источникам.

Ключевые слова: история альманаха «Земля»; «Московское книгоиздательство»; Г.А. Блюменберг; Г.Г. Блюменберг; Д.М. Ребрик; М.П. Арцыбашев; Н.С. Клёстов.

Выпускавшиеся «Московским книгоиздательством» в период с 1908 по 1917 г. литературно-художественные сборники «Земля» удостоились двух давних историко-литературных работ: О.Д. Голубевой (1960) [1] и А.А. Тарасовой (1984) [2]. И в наше время среди исследователей этот альманах специально мало востребован, а если и упоминается, то с фактическими ошибками и неточностями, крайними оценками. В советское время к нему несправедливо применяли бранный эпитет «порнографический». А между тем в сборниках «Земля» были напечатаны: «У последней черты», «Рабочий Шевырев», «Женщина, стоящая посреди» М.П. Арцыбашева, «Яма», «Гранатовый браслет», «Суламифь», «Каждое желание» А.И. Куприна, «Тень птицы» И.А. Бунина, «Профессор Сторицын» Л.Н. Андреева, «Волжские сказки» Е.Н. Чирикова, стихи А. Блока, Г. Чулкова, С. Городецкого.

В трудах историков литературы (А.Б. Дубовиков, И. Газер, Е.А. Дьякова, В.Д. Миленко и др.) наблюдаются искажения содержания альманаха, годов его выпуска и т.д. Так, в комментариях к письмам Л.Н. Андреева и И.А. Бунина читаем: «В первом сборнике был опубликован рассказ Андреева “Проклятие зверя”. Больше в “Земле” Андреев не печатался» [3. С. 171]. Это не так: в одиннадцатом сборнике «Земля» была напечатана драма Л. Андреева «Профессор Сторицын» (1913).

Е.А. Дьякова утверждает, что М.П. Арцыбашев опубликовал в «Земле» в 1907 г. повесть «Миллионы» [4. С. 676]. Первый сборник «Земля» вышел в свет только в 1908 г., а «Миллионы» были напечатаны в арцыбашевском сборнике «Жизнь»: «В противоположность горьковским сб. “Знание” и “коммерческому” “Шиповнику” А. предпринял изд. сб-ков “Жизнь”. Здесь он опубликовал пов. “Миллионы” (СПб., 1908; отд. изд.: Пг.; М., 1914) о лит. и околотит. среде, которая его раздражала» [5. С. 43].

В.Д. Миленко в книге из серии ЖЗЛ «Саша Черный: Печальный рыцарь смеха» путает «Московское книгоиздательство» и организованное В. Вересаевым «Книгоиздательство писателей в Москве»: «Некоторые литературные связи были у поэта (С. Черного. – Ю.С.) в Москве. Его рассказ “Первое знакомство” <...> вышел в альманахе “Земля”, органе Московского книгоиздательства писателей. Эта организация появилась в 1912 г. по инициативе Викентия Вересаева,

пайщиками ее были писатели горьковского круга, некогда группировавшиеся вокруг кружка “Среда”» [6. С. 164].

Задача данной работы – с помощью анализа архивных, справочно-библиографических, мемуарных, эпистолярных, литературно-критических, исследовательских источников выявить причины когда-то сформировавшегося негативного отношения к сборнику «Земля» как литературному предприятию «Московского книгоиздательства». Особое внимание уделяется создающим внешний контекст альманаха отзывам рецензентов начала XX в.

Советская историография относилась к «Земле» как к откровенно коммерческому предприятию «литературных лавочников»: крупного торговца бумагой Густава Алексеевича Блюменберга и его сына, отставного кавалерийского офицера Георгия Густавовича. О.Д. Голубева писала: «Своим денежным мешком издательство легко прибрало к рукам нужных писателей, гарантируя им ежемесячное жалование авансом» [1. С. 324]. А. А. Тарасова также резко отзывалась о целях владельцев «Московского книгоиздательства»: «Издательская деятельность интересовала предпринимателей только с чисто коммерческой стороны, как прибыльное “дело”, обеспечивающее к тому же надежный сбыт их бумажных запасов. Кроме отдельных произведений и собрания сочинений современных авторов, решено было издавать модные в то время сборники литературных новинок» [2. С. 48].

Подобному отношению исследователей во многом послужили воспоминания позиционирующего себя в качестве заведующего «Московским книгоиздательством» в 1907–1909 гг. Н.С. Клёстова (Ангарского), описавшего принцип составления сборников «Земля»: «Сборники они (Блюменберги. – Ю.С.) издавали по принципу: “гвоздь и затычка”. “Гвоздю” выплачивали повышенный гонорар, а к нему присоединялись “затычки”, которые получали то, что оставалось с барского стола. Словом, Блюменберги отпали со своим лавочным подходом к литературе» [7. С. 340]. Эти высказывания нуждаются в критической перепроверке, так как Н.С. Клёстов после возвращения из ссылки в 1911 г. был явно обижен из-за отказа Блюменбергов возобновить прерванное сотрудничество: «Естественно, мне хотелось скорей окунуться в общественную жизнь, заняться литературной деятельностью. И тут я

рассчитывал на помощь Блюменбергов, продолжавших издавать сборник “Земля”, который я организовал еще до ссылки. Однако Блюменберги встретили меня довольно прохладно» [7. С. 340].

Слова Н.С. Клёстова пересказывал В.В. Вересаев: «Вскоре Клестов был сослан, а когда воротился и предложил Блюменбергу свои услуги, тот ему ответил, что никакие редакторы ему не нужны, а важно вот что: для каждого сборника “гвоздем” взять произведение какого-нибудь широкопопулярного писателя, заплатив ему по 1000 руб. с листа, а остальное заполнить какой-нибудь трухой по 200 руб. за лист, а при этом, очевидно, редактор мог бы только мешать. Любимым “гвоздем” был для них Арцыбашев, порнографические романы его были полны самого разнузданного оплевания жизни и революции» [8. С. 450–451]. Высказывание Н.С. Клёстова о принципе «гвоздя и затычки» получило широкое распространение и среди литературоведов, цитировалось практически во всех исследованиях. При этом не принималось во внимание эпистолярное наследие редактора двух первых выпусков «Земли» И.А. Бунина и ее сотрудников (М.П. Арцыбашев, Б.К. Зайцев, Ф. Сологуб и др.).

В отличие от периодических печатных органов, где позиция издателей и редакторов представлена эксплицитно, в сборниках, как правило, отсутствуют редакционные примечания, и, следовательно, читатель не видит применяемых для управления его восприятием средств. Следовательно, переходить к выявлению объединяющих сборники факторов без предварительного восстановления внутриредакционной истории «Московского книгоиздательства» и выпусков «Земли» нецелесообразно.

В первую очередь требует прояснения позиция издателей – отца и сына Блюменбергов. Фактической информации о них в справочниках и историях литературы нет. Н.С. Клёстов писал о лидирующем положении в «Земле» Г.Г. Блюменберга, с 1909 г. (с третьей книги) заведовавшего литературной частью альманаха: «Сам старик Блюменберг делом не занимался, и вся издательская деятельность находилась в руках его сына, кавалерийского офицера в отставке Г.Г. Блюменберга, и прокуриста их торгового дома Д.М. Ребрика» [7. С. 332]. Ссылаясь на Н.С. Клёстова, А.А. Тарасова также отмечала: «Фактически делами издательства занимался Блюменберг-младший» [2. С. 48].

В РГАЛИ хранится уникальный материал – письма «Московского книгоиздательства» за подписью Г.Г. Блюменберга [9], которые свидетельствуют о том, что начиная с первого сборника «Земля» Блюменберг-младший руководил всеми этапами составления альманаха: сбором материала, правкой корректур, внешним оформлением книг, переговорами с типографией. Он писал И.А. Бунину 22 декабря 1907 г.: «Многоуважаемый Иван Алексеевич, Дело у нас опять совершенно замерло. Рукопись Серафимович до сих пор не прислал. – Билибин не шлет рисунок обложки, если она на праздник не будет получена, то придется отказаться от Билибина и заказать в Москве. Где корректура, посланная Зайцеву? – Чулков прислал автограф, как быть с остальными? От Куприна

тоже нет известий. – Мы задерживаем типографию, она не может начать печатание. При таких условиях сборник не будет выпущен в середине января» [9. Л. 1]. О лидирующем положении Г.Г. Блюменберга в «Земле» ярко свидетельствует следующая строчка из письма И.А. Бунину от 29 апреля 1908 г.: «Прошу Вас высказать, какие Вы имеете планы относительно этого дела, мне необходимо быть в них вполне осведомленным» [Там же. Л. 2]. К тому же на бланках «Московского книгоиздательства», начиная с 1915 г., появился адрес для телеграмм: «ГЕБЛЮМ-МОСКВА» [10. Л. 7].

Руководитель историко-архивной службы издательского дома «Коммерсант» (в 1909 г. «Русское товарищество печатного и издательского дела») Г.А. Блюменберга перекупило «Московский коммерческий указатель» и переименовало его в газету «Коммерсантъ», которой владело до 1917 г.) Евгений Жирнов писал о ведущей роли в «Московском книгоиздательстве» Г.А. Блюменберга: «Для издания “Земли” и других вполне художественных, философских и иных сочинений Блюменберг обзавелся собственным издательством, как тогда говорилось, под фирмой “Московское книгоиздательство”, где формально руководство осуществлял его сын, но на деле все решения принимал Блюменберг-старший» [11. С. 56]. К сожалению, каких-либо ссылок на первоисточники в цитируемом материале не приводится.

Интересно, что по воспоминаниям того же Н.С. Клёстова, деловые переговоры с ним вели оба Блюменберга: «А не можете ли вы, господин Масленников (псевдоним проживавшего в 1907 г. в Москве по поддельным документам Н.С. Клёстова. – Ю.Р.), – спросил меня однажды ротмистр Блюменберг, – организовать сборники вроде “Шиповника” или “Знания”. // – Вы поймите, мы не стесняемся в средствах, но мы хотим поместить капитал с нормальной прибылью, – добавил слушавший наш разговор старик Блюменберг» [7. С. 333]. Таким образом, можно сделать предварительный вывод о том, что отец и сын Блюменберги делили обязанности (предположительно финансами и общими делами «Московского книгоиздательства» заведовал Г.А. Блюменберг, а Г.Г. Блюменберг выполнял роль редактора-издателя «Земли»), хотя определение сфер ответственности обоих – дело дальнейшего исследования.

Представляется необходимым определить обязанности Н.С. Клёстова в «Московском книгоиздательстве». В воспоминаниях он называл себя заведующим издательством: «Я же был приглашен в качестве заведующего издательством» [Там же]. Однако в опубликованный вариант воспоминаний не вошло следующее примечание из рукописи, хранящейся в РГАЛИ: «Удобство и преимущество работы у Блюменберга заключалось в том, что я не был связан временем и фактически выполнял лишь редакторские функции, сносился с авторами и намечал книги к изданию» [12. Л. 6]. В статье об организованном в 1911 г. в Петербурге «Издательском товариществе писателей» О.Д. Голубева называла Н.С. Клёстова секретарем «Московского книгоиздательства»: «Заведование издательством (“Издательское товарищество писате-

лей”. – Ю.Р.) было возложено на Н.С. Клёстова, человека весьма энергичного, в свое время принимавшего участие в качестве секретаря в работе “Московского книгоиздательства”» [13. С. 416]. М.К. Куприна-Иорданская, вспоминая переговоры с «Московским книгоиздательством» об издании собрания сочинений А.И. Куприна в двенадцати томах, называла Н.С. Клёстова «представителем издательства»: «Вскоре после моего возвращения из Мирамир Александр Иванович привел ко мне Клёстова, чтобы окончательно договориться об условиях издания, поскольку первые три тома нотариально принадлежали мне. Обращаясь к представителю издательства, он сказал: – Василий Семенович, итак, договор на первые три тома заключайте с Марией Карловной отдельно. И не забудьте вместе с договором поднести ей флакон духов “Ля Роз Жакомино”. Это были единственные духи, от которых у меня не болела голова» [14. С. 292]. Примечательно, что в письмах и воспоминаниях непосредственных сотрудников «Московского книгоиздательства» имя Н.С. Клёстова практически не упоминается.

При исследовании сборников «Земля» необходимо также остановиться на полномочиях прокуриса (доверенного лица) торгового дома Блюменбергов Дмитрия Марковича Ребрика (1878–1944). Н.С. Клёстов приписывал наравне с Г.Г. Блюменбергом и Д.М. Ребрику ответственность за составление сборников по принципу «гвоздь и затычки»: «Во главе “Московского издательства” стал Георгий Блюменберг (впоследствии эмигрант) и прокурис Ребрик. Сборники они составляли, учитывая максимальный тираж, по принципу “гвоздь и затычка”, т.е. в основу сборника берется вещь, способная вызвать шум, весь же остальной материал подбирается подешевле, лишь бы заполнить сборник определенным количеством листов» [7. С. 339–340]. Также, по воспоминаниям Н.С. Клёстова, Д.М. Ребрик занимался подсчетом прибыли и убытков: «Дмитрий Маркович, – обратился старик Блюменберг к прокурису Ребрику. – Прикиньте – во что обойдется сборник вроде “Шиповника”? Через несколько минут Дмитрий Маркович представил калькуляцию, из которой выходило, что сборник должен дать ориентировочно 20 процентов прибыли» [Там же. С. 334]. И.А. Бунин в письме Н.Д. Телешову от 25 ноября / 8 декабря 1911 г. за решением финансовых вопросов также советовал обращаться к Д.М. Ребрику: «Телефон “Московского книгоиздательства” 18–40, Дмитрий Маркович Ребрик» [15. С. 599]. Судя по другому письму И.А. Бунина Н.Д. Телешову (от 25 февраля / 9 марта 1912 г.), Д.М. Ребрик получал и рукописи художественных произведений: «Дорогой друг, в моем 6-м томе вставлено новое стихотворение – “Прометей в пещере”. Нынче я его поправил и посылаю Ребрику новый вариант» [Там же. С. 608]. Из материала, хранящегося в РГАЛИ, удалось узнать, что по доверенности «Московского книгоиздательства» Д.М. Ребрик заключал договоры с писателями, перечислял им гонорар [10], а иногда интересовался и редакторскими вопросами (можно полагать, что либо по поручению Г.Г. Блюменберга, либо для решения финансовых задач): «Вообще нам очень желательно было бы знать, что соста-

вит содержание второго сборника, так как время уходит, а вопрос этот все еще далек от определенного решения» (письмо И.А. Бунину от 27 мая 1908 г.) [9. Л. 3]. Стоит также упомянуть о том, что Д.М. Ребрик широко известен в спортивных кругах как выдающийся спорторганизатор: в 1917–1922 гг. он был председателем Московской футбольной лиги, до 1923 г. являлся председателем Общества любителей лыжного спорта (ОЛЛС), а в 1923–1924 гг. исполнял обязанности начальника Опытного-показательной площадки Всеобуча (ОППВ).

Немаловажна в альманахах и функция литературного редактора. Он выполняет роль организующего центра печатного органа, отвечает за непосредственное составление, компоновку сборника. Без прояснения того, как литературный редактор представляет себе альманах в целом и по каким критериям отбираются произведения в отдельный его выпуск, бессмысленно и невозможно переходить к выявлению объединяющих альманашную книжку тем и мотивов.

Редактирование И.А. Буниным двух первых сборников «Земля» (1908–1909) не подвергается сомнению мемуаристами. В.Н. Муромцева-Бунина, ошибочно именуя «Московское книгоиздательство» «Землей», писала: «В Москве появился некий Блюменберг, основавший издательство “Земля” и пожелавший выпускать сборники под тем же названием. Он предложил Ивану Алексеевичу стать редактором этих сборников. Шли переговоры за долгими завтраками. Ян был оживлен, но не сразу дал согласие. <...> Ян принял за дело с большим рвением» [16. С. 396]. Обширная переписка содержит подробности переговоров о сотрудничестве И.А. Бунина-редактора «Земли» с различными писателями (Г.И. Чулковым, Л.Н. Андреевым, Ф. Сологубом, А.М. Федоровым и др.) [17].

Правомерность же приписывания должности литературного редактора «Земли» (по разным источникам со второго или третьего выпуска) М.П. Арцыбашеву, ведущему автору, опубликовавшему в сборниках «Московского книгоиздательства» наибольшее количество произведений, не столь очевидна. В томе «Литературного наследия», содержащем переписку М. Горького и Л.Н. Андреева, в сносках утверждается, что «в годы реакции Арцыбашев <...> возглавлял сборники “Земля”, противостоящие направлению “Знания”» [18. С. 239], а В.К. Винниченко «с 1911 г. сотрудничал в редактировавшихся Арцыбашевым литературно-художественных сборниках “Земля”» [Там же. С. 346]. Л.Р. Бердышева в кандидатской диссертации, посвященной творчеству М.П. Арцыбашева, без ссылок на первоисточники пишет: «В мае 1908 года Арцыбашев подписал контракт с московским книжным складом “Звено” и со второго выпуска стал фактическим редактором сборников “Земля”, продолжавших в основных чертах идейно-эстетическую линию, намеченную “Жизнью”» [19. С. 39]. Е.А. Дьякова отмечает, что «в 1909–1916 годах он (М.П. Арцыбашев. – Ю.Р.) составляет и редактирует сборники “Земля” и альманах “Жизнь” (Кн. 1, 1908)» [4. С. 676]. При этом приводится ссылка на статью А.А. Тарасовой «Что такое “неонатурализм”»

[20], в которой «Земля», действительно, один раз именуется «арцыбашевской» [Там же. С. 290]. Но А.А. Тарасова нигде прямо не заявляет о том, что М.П. Арцыбашев принимал непосредственное участие в редактировании сборников «Земля», характеризуя его как автора: «Основное направление альманаха “Земля” определялось больше всего произведениями <...> М.П. Арцыбашева, которые появлялись почти в каждом из сборников» [Там же], а после провала первого и единственного сборника «Жизнь» «Арцыбашев переключил всю свою энергию на альманах “Земля”» [Там же. С. 289].

Среди воспоминаний литераторов Серебряного века только в мемуарах С. Сергеева-Ценского, составленных почти через пятьдесят лет после описываемых событий, утверждается, что М.П. Арцыбашев якобы редактировал сборники «Земля»: «Он (М.П. Арцыбашев. – Ю.Р.) говорил мне не раз: “Вот скоро испишусь, тогда стану вплотную редактором”. Редакторскую работу он вел в нескольких журналах последовательно (в “Журнале для всех”, “Образовании”, “Новой жизни” и др.), а также в сборниках “Земля”» [21. С. 199]. С. Сергеев-Ценский в сборниках «Земля» не участвовал, а в его воспоминаниях содержится ряд неточностей. Например, там написано, что повесть С. Сергеева-Ценского «Печаль полей» вышла в альманахе издательства «Шиповник» в 1901 г. [Там же. С. 197], хотя на самом деле была напечатана в 1909 г.; а издание пьесы Л. Андреева «Царь-Голод» вместо «Шиповника» приписывается издательству «Прометей» [Там же. С. 211]. Подтверждения же редактирования «Земли» М.П. Арцыбашевым от непосредственных сотрудников альманаха доподлинно установить не удалось. Намек на неопределенно названных «советчиков» содержится лишь в письме И.А. Бунина к Г.И. Чулкову от 14 августа 1908 г.: «Дорогой Георгий Иванович, я не редактирую изданий “М<осковского> кн<иги>издательства”, оно только просит иногда моего совета. <...> моя роль этим и кончается. Главное же то, что есть и другие советчики, – кажется, лютые враги “декадентов”» [17. С. 82–83].

Совместное с М.П. Арцыбашевым редактирование сборников «Земля» в литературоведческих исследованиях приписывалось и не имевшему ничего общего с московским альманахом, опубликовавшему в нем только два произведения Л.Н. Андрееву. А.Н. Дубовиков в комментариях к переписке И.А. Бунина с Н.Д. Телешовым писал, что после того, как И.А. Бунин прекратил работу в «Земле», «руководящая роль в сборниках перешла к Л. Андрееву и М.П. Арцыбашеву» [15. С. 612]. В комментариях Е.К. Дейч к письмам Б.К. Зайцева, касающимся «Земли», также читается: «Вышло 20 книг; первые две – под редакцией Бунина, последующие редактировались М.П. Арцыбашевым и Л.Н. Андреевым» [22. С. 323].

Таким образом, определение редакторских обязанностей в «Земле» М.П. Арцыбашева без тщательного анализа неопубликованных архивных источников (в том числе писем и воспоминаний самого писателя и других сотрудников «Московского книгоиздательства») невозможно. К настоящему времени из

материалов РГАЛИ удалось узнать лишь об отношениях М.П. Арцыбашева и Н.С. Клёстова. В неопубликованной части «Литературных воспоминаний» Н.С. Клёстов пишет: «С Арцыбашевым вышла большая и несомненно обидная для него неловкость. В 1907 г. Арцыбашев не был приглашен в организуемые мной совместно с Буниным сборники “Земля”, и в этом он заподозрил меня, тогда как нежелание работать с Арцыбашевым исходило от Ив. Бунина и Л. Андреева» [12. Л. 45]; «<...> в 1907 г. его (М.П. Арцыбашева. – Ю.Р.) обошли по настоянию Бунина и Андреева. Издателям же было безразлично. Они исходили из того, чье имя даст больший тираж. Когда Андреев не оправдал их надежд – они обратились к Арцыбашеву» [Там же. Л. 46]. В РГАЛИ хранится и недатированное письмо обойденного приглашением стать сотрудником «Книгоиздательства писателей в Москве» М.П. Арцыбашева к Н.С. Клёстову, которое свидетельствует об их приятельских отношениях в период сотрудничества последнего в сборниках «Земля»: «Я думаю, что после нашей знаменитой истории с Землей, Буниным и Л. Андреевым, после наших с Вами отношений и Ваших писем ко мне из ссылки, было странно Ваше поведение и не следовало Вам поступать так, как Вы поступили. По Вашему усмотрению, как говорили одни, или по требованию Андреева, как говорили другие, но Вы нетактично обошли меня в разговорах о Вашем “товарищеском издательстве” и при единственной нашей короткой встрече заговорили со мной только о долге Вашем. Таким образом, Вы сами перечеркнули наши прежние более или менее дружественные отношения, выразили ко мне, как к писателю, отношение отрицательное, а как с человеком перевели их исключительно на денежные обязательства» [23. Л. 1].

Затруднительно переходить к непосредственному погружению в контекст альманаха без выявления ближайших сотрудников «Земли» и определения роли ключевых авторов в сборниках «Московского книгоиздательства».

Историки литературы подвергали критике основной авторский состав сборников: М.П. Арцыбашев, А.И. Куприн, Ф. Сологуб, В.К. Винниченко, Е.Н. Чириков, Н.А. Крашенинников. Советские исследователи воспринимали многих из них как буржуазных представителей «литературного распада», пропагандировавших разврат и бездуховность. О.Д. Голубева писала: «Клевета на революцию и революционеров, писатели “Земли” декларировали бессилие разума, торжество низменных инстинктов, власть сексуальной стихии над человеком» [1. С. 325].

А.А. Тарасова причисляла М.П. Арцыбашева и В.К. Винниченко к неонатюристам, воспевавшим низменные инстинкты, культ секса и грубой силы, а Ф.К. Сологуба, певца смерти и изысканного эротизма – к модернистам. Исследовательница сделала следующий вывод: «Неонатюризм и модернизм мирно сосуществовали в “Земле”» [2. С. 57]. По мнению А.А. Тарасовой, лишь А.И. Куприн хранил верность реализму, занимая в «Земле» особое положение: «Кризисные явления, распространившиеся в литературе эпохи реакции, коснулись в определенной мере и

Куприна, однако не привели его к кардинальной творческой перестройке» [2. С. 61].

Е.А. Дьякова также считает, что «облик издания определила беллетристика “неонатурализма”, от выпуска к выпуску – все более угрюмо-физиологичная» [4. С. 676]. Однако в качестве примеров исследовательница приводит не произведения известных авторов, издавших в «Земле» большое количество произведений, а отобранные по неясным критериям тексты участвовавших в альманахе эпизодически А. Федорова, Д. Айзмана, С. Юшкевича, Н. Олигера.

Между тем литературные критики начала XX в. (З.Н. Гиппиус, М.О. Гершензон, М. Кузмин, Е. Колтоновская, Д.В. Философов и др.) были не столь категоричны в оценке содержания «Земли». Многие считали, что сборникам удалось собрать «самые популярные имена современной русской беллетристики» [24. С. 404]. З.Н. Гиппиус писала: «“Земля” – единственный у нас теперь хороший альманах» [25. С. 27], так как «он дает имена, – книги его почти всегда интересны» [Там же. С. 25–29].

Рецензент «Русских ведомостей» И. Игнатов не ставил А.И. Куприна особняком и говорил о том, что читатель не смог бы пройти мимо сборников «Земля», «потому что увидит знакомые имена гг. Куприна и Арцыбашева» [26. С. 3]. Критик журнала «Летопись» под псевдонимом Ад. Б., выделяя М.П. Арцыбашева как основного сотрудника альманаха, также рассматривал авторский состав «Земли» как целостное явление: «Арцыбашев и Чириков, Винниченко и Бунин, Куприн и Рукавишников, Федор Сологуб и Крашенинников – приемлются здесь одинаково. Справедливость требует указать, что Бунин, Зайцев, Серафимович и некоторые другие писатели постепенно сходят со страниц *Земли*, и их место занимает Арцыбашев, помещающий свои произведения почти в каждом выпуске» [27. С. 304].

Лидирующее положение М.П. Арцыбашева отмечали и другие репортеры: «Почти все сборники “Земля” неизменно начинаются с Арцыбашева» [28. С. 123]; «Вот новый, 17 сб. “Земля”. Незыблемым колоссом, на первом месте стоит М. Арцыбашев» [29. С. 419]; «М. Арцыбашев и Н. Крашенинников чаще других появляются в последних сборниках “московского книгоиздательства”» [30. С. 307].

Безусловно, фигуру М.П. Арцыбашева можно назвать центральной в сборниках «Земля», вокруг нее объединялись писатели-сотрудники альманаха. Про-

изведения М.П. Арцыбашева занимали сильные позиции в начале или конце выпусков, перекликаясь с другими текстами альманаха. Скандальная известность писателя проецировалась на образ всего альманаха и отражалась на восприятии критиками и читателями авторов «Земли» и их произведений в контексте сборников «Московского книгоиздательства». Так, Н.С. Клёстов проводил параллель между творчеством М.П. Арцыбашева и А.И. Куприна: «Слава Арцыбашева не давала покоя Куприну, и он после такой чистой и прекрасной повести как “Суламифь” пишет и печатает в марксистском издательстве Кедрова сугубо порнографический рассказ “Морская болезнь”. // – Подожди же, – рассказывал Куприн, имея в виду Арцыбашева, – я его переплюну! – И действительно переплюнул» [12. Л. 22].

Изучавший историю формирования литературной репутации М.П. Арцыбашева А.И. Гараев так описывает «статичный» образ писателя в общественном сознании в период после октябрьской революции и до 1990 г.: «<...> некогда популярный беллетрист, в своих произведениях потакающий прихотям нравственно разлагающейся буржуазии, автор пропагандирующего сексуальную распущенность порнографического романа “Санин”, для которого более нет места в советской жизни» [31. С. 173]. Подобное представление применимо и к восприятию сборников «Земля» советскими литературоведами и историками литературы. Но если с 90-х гг. XX в. отношение к личности и творчеству М.П. Арцыбашева в глазах исследователей (Т.Ф. Прокопов, М.Н. Николаев, Л.Р. Бердышева, О.Ю. Малкина, И.В. Суворова, А.Н. Долгенко) кардинально изменилось, то неоправданное представление об альманахах «Московского книгоиздательства» как о второсортном, лишенном художественной ценности явлении массовой литературы до сих пор не преодолено.

Для реконструкции внутривыпускных отношений «Московского книгоиздательства» надо прояснить контакты писателей с ведущими сотрудниками издательства, влияние издателей Г.А. и Г.Г. Блюменбергов, прокуриса Д.М. Ребрика на выбор литературной продукции. После скорого ухода из «Земли» И.А. Бунина и Н.С. Клёстова на протяжении многих лет издание успешно конкурировало с горьковскими сборниками товарищества «Знание» и петербургским альманахом издательства «Шиповник».

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубева О.Д. Из истории издания русских альманахов начала XX века // Книга. Исследования и материалы. М. : Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1960. Сб. 3. С. 314–327.
2. Тарасова А.А. Сборники «Земля» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917 : буржуазно-либеральные и модернистские издания / отв. ред. Б.А. Бялик. М. : Наука, 1984. С. 48–64.
3. Письма Л. Андреева и И. Бунина / публ. и комментарий И. Газер // Вопросы литературы. 1969. № 7. С. 162–193.
4. Дьякова Е.А. Беллетристы 1900–1910-х гг.: Михаил Арцыбашев, Анатолий Каменский, Анастасия Вербицкая и др. // Русская литература рубежа веков : 1890-е – начало 1920-х гг. : в 2 кн. / под ред. В.А. Келдыша. М. : ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. Кн. 1. С. 669–687.
5. Русские писатели 20 века : биографический словарь / сост. П.А. Николаев. М. : Большая Рос. энцикл., 2000. 808 с.
6. Миленко В. Саша Черный : Печальный рыцарь смеха. М. : Молодая гвардия, 2014. 368 с. (Жизнь замечательных людей (ЖЗЛ)).
7. Клестов-Ангарский Н. Литературные воспоминания. Очерки былого / публ. М. Ангарской // Вопросы литературы. 1992. № 2. С. 329–360.
8. Вересаев В.В. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 5. Воспоминания / подг. текста и примеч. В.М. Нольде и Ю.У. Бабушкина. М. : Правда, 1961. 536 с. (Сер. Библиотека «Огонек»).
9. РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 294. Письма «Московского книгоиздательства» за подписью Блюменберга. 5 л.
10. РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 750. Письма и телеграммы Ребрика Дмитрия Марковича Вольнскому А.Л. 11 июля 1915–15 янв. 1918. 40 л.

11. Жирнов Е. «Коммерческие сведения приходилось отыскивать в различных повременных изданиях» // Коммерсантъ. Власть. 2009. 5 окт. (№ 39). С. 56–61.
12. РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 3. Ед. хр. 12. Н.С. Ангарский «Литературные воспоминания» (1910-е). Воспоминания. [1930-е]. Машинопись с правкой М.Н. Ангарской. 130 л.
13. Голубева О.Д. Издательское товарищество писателей (1911–1914) // Книга : Исследования и материалы. М. : Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1963. Сб. 8. С. 410–430.
14. Куприна-Иорданская М.К. Годы молодости / вступ. ст. В.Г. Лидина. М. : Худож. лит., 1966. 384 с.
15. Переписка [И.А. Бунина] с Н.Д. Телешовым, 1897–1947 / предисл. и публ. А.Н. Дубовикова // Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин : в 2 кн. М. : Наука, 1973. Кн. 1. С. 471–638.
16. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. 1870–1906 / сост., предисл. и примеч. А.К. Бабореко. М. : Сов. писатель, 1989. 512 с.
17. Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / под общей ред. О.Н. Михайлова. М. : ИМЛИ РАН, 2007. 832 с.
18. Литературное наследство. Т. 72. Горький и Леонид Андреев : Неизданная переписка / публ. В.Н. Чувакова, А.И. Наумовой. М. : Наука, 1965. 630 с.
19. Бердышева Л.Р. Проблема героя в творчестве М.П. Арцыбашева : дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 161 с.
20. Тарасова А.А. Что такое «неонатурализм» // Литературно-эстетические концепции в России конца XIX – начала XX в. / отв. ред. Б.А. Бялик. М. : Наука, 1975. С. 284–296.
21. Сергеев-Ценский С. Воспоминания / предисл. С. Воронина // Москва. 2014. № 5. Отд. : Наши публикации. С. 194–207.
22. Зайцев Б.К. Собр. соч. : в 11 т. Т. 10 (доп.). Письма 1901–1922 гг. Статьи. Рецензии / сост. Е.К. Дейч и Т.Ф. Прокопов. М. : Русская книга, 2001. 384 с.
23. РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 9. Письмо Арцыбашева М. П. Ангарскому (Клестову) Николаю Семеновичу. б/д. 1 л.
24. М.Г. [Гершензон М.О.]. Литературное обозрение. Земля. Сборник первый. «Московское книгоиздательство». Москва. 1908 г. Стр. 288 // Вестник Европы. 1908. Кн. 3. Отд. : Литературное обозрение. С. 404–406.
25. Крайний А. [Гиппиус З.Н.]. Беллетристические воды // Русская мысль. 1912. № 8. Отд.: Литература и искусство. С. 25–29.
26. Игнатов И. Литературные отголоски // Русские ведомости. 1914. 23 дек. (№ 295). С. 3.
27. Ад. Б. «Земля». Сборник восемнадцатый // Летопись. 1916. № 6. Отд.: Библиография. С. 304–306.
28. Щеглова Е. Земля. Сборник четырнадцатый. Спб. 1914 г. // Летопись. 1914. № 7. Отд.: Новые книги. С. 123–124.
29. Волков Д. «Земля». Сборник XVII // Летопись. 1916. № 1. Отд. : Библиография. С. 419–420.
30. Полонский Вяч. «Земля», – сборник девятнадцатый // Летопись. 1917. № 1. Отд.: Библиография. С. 306–307.
31. Гараев А.И. М.П. Арцыбашев: история формирования литературной репутации : дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 198 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 сентября 2018 г.

On the History of the Literary-Artistic Digests *Zemlya* (1908–1917)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 66–72.

DOI: 10.17223/15617793/439/8

Yulia S. Romaykina, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov (Saratov, Russian Federation). E-mail: orel-55555@yandex.ru

Keywords: history of digest *Zemlya*; Moscow Publishing House; G.A. Blumenberg; G.G. Blumenberg; D.M. Rebrik; M.P. Artsybashev; N.S. Klyostov.

The article is devoted to the sources for the study of the literary-artistic digest *Zemlya* [Ground] (Moscow: Moscow Publishing House, 1908–1917): archival materials, bibliographic references, memoirs, epistolary collections, literary reviews, research works. The aim of identifying the reasons behind the negative attitude developed towards this digest is set. Soviet historiography (O.D. Golubeva's, A.A. Tarasova's works) looked upon the publishing of the digest *Zemlya* as a purely commercial venture of "literary shopkeepers". This kind of researchers' attitude was mostly promoted due to the memoirs of N.S. Klyostov (Angarsky) who had been in charge of Moscow Publishing House in 1907–1909. But epistolary evidence of the editor of the first two issues of *Zemlya* I.A. Bunin and the staff (B.K. Zaitsev, L.N. Andreev, F. Sologub and others) should be taken into consideration as well. In references and histories of literature, there is practically no factual information on G.A. Blumenberg and G.G. Blumenberg, the owners of Moscow Publishing House, as well as on D.M. Rebrik, the procurist (authorized representative) of the Blumenberg Trading House, who was personally engaged in the composition of *Zemlya* issues. In separate works (A.B. Dubovikov, I. Gazer, E.A. Dyakova, L.R. Berdysheva) there are some discrepancies concerning the digest's content, publishing dates, etc. With the purpose of historical reconstruction of the relationships within the editorial board, the archival materials from the funds of the Russian State Archive of Literature and Arts (RGALI), Moscow, have been studied. The digest's main authors (M.P. Artsybashev, A.I. Kuprin, F. Sologub, V.K. Vinnichenko, E.N. Chirikov, N.A. Krashenninnikov) were criticized, too. The writers were perceived as bourgeois representatives of the "literary collapse" propagating depravity and godlessness. However, journal and newspaper reviewers at the beginning of the 20th century (Z.N. Gippius, M.O. Gershenzon, M. Kuzmin, E. Koltonovskaya, D.V. Filosofov and others) thought that the digest *Zemlya* managed to gather the most popular names of modern Russian literature. Artsybashev's image can be called central in the digest *Zemlya*. The writer's notoriety was projected to the image of the whole digest and reflected in Soviet literature scholars' critical works. However, although starting from the 1990s the attitude of the researchers (T.F. Prokopov, M.N. Nikolaev, L.R. Berdysheva, O.Yu. Malkina, I.V. Suvorova, A.N. Dolgenko, A.I. Garaev) towards Artsybashev's personality and works underwent a 180-degree turn, the unjustified representation of Moscow Publishing House's digests as a second-class manifestation of popular literature was not overcome yet. The digest *Zemlya* occupied a leading position in the literary marketplace for nine years. They are still of undeniable historical and literary interest and of high artistic value, and they deserve greater attention of researchers.

REFERENCES

1. Golubeva, O.D. (1960) Iz istorii izdaniya russkikh al'manakhov nachala XX veka [From the history of the publication of Russian almanacs of the early twentieth century]. In: Kuharkov, N.N. et al. (eds) *Kniga. Issledovaniya i materialy* [Book. Research and materials]. Is. 3. Moscow: Izd-vo Vsesoyuz. kn. palaty.
2. Tarasova, A.A. (1984) Sborniki "Zemlya" [Collections "Zemlya"]. In: Byalik, B.A. (ed.) *Russkaya literatura i zhurnalistika nachala XX veka. 1905–1917: burzhuzno-liberal'nye i modernistskie izdaniya* [Russian literature and journalism of the early 20th century. 1905–1917: bourgeois-liberal and modernist publications]. Moscow: Nauka.

3. Gazer, I. (1969) Pis'ma L. Andreeva i I. Bunina [Letters of L. Andreev and I. Bunin]. *Voprosy literatury*. 7. pp. 162–193.
4. D'yakova, E.A. (2001) Belletristy 1900–1910-kh gg.: Mikhail Artsybashev, Anatoliy Kamenskiy, Anastasiya Verbitskaya i dr. [Fiction writers of the 1900s–1910s: Mikhail Artsybashev, Anatoly Kamensky, Anastasia Verbitskaya and others]. In: Keldysh, V.A. (ed.) *Russkaya literatura rubezha vekov: 1890-e – nachalo 1920-h gg.: v 2 kn.* [Russian Literature at the Turn of the Century: The 1890s – Early 1920s: In 2 books]. Book 1. Moscow: IWL RAS, Nasledie.
5. Nikolaev, P.A. (2000) *Russkie pisateli 20 veka: biograficheskiy slovar'* [Russian writers of the 20th century: biographical dictionary]. Moscow: Bol'shaya Ros. entsikl.
6. Milenko, V. (2014) *Sasha Chernyy: Pechal'nyy rytsar' smekha* [Sasha Cherny: The Sad Knight of Laughter]. Moscow: Molodaya gvardiya.
7. Klyostov-Angarskiy, N. (1992) Literaturnye vospominaniya. Ocherki bylogo [Literary memoirs. Essays on the bygone]. *Voprosy literatury*. 2. pp. 329–360.
8. Veresaev, V.V. (1961) *Sobranie sochineniy: v 5 t.* [Collected Works: in 5 vols]. Vol. 5. Moscow: Pravda.
9. Russian State Archive of Literature and Arts (RGALI). Fund 44. List 1. Item 294. *Pis'ma "Moskovskogo knigoizdatel'stva" za podpis'yu Blyumenberga* [Letters of the Moscow Publishing House signed by Blumenberg]. 5 p.
10. Russian State Archive of Literature and Arts (RGALI). Fund 95. List 1. Item 750. *Pis'ma i telegrammy Rebrikova Dmitriya Markovicha Volynskomu A.L. 11 iyulya 1915 – 15 yanv. 1918* [Letters and telegrams of Dmitry Rebrikov to A.L. Volynsky. 11 July 1915 – 15 January 1918]. 40 p.
11. Zhimov, E. (2009) “Kommercheskie svedeniya prikhodilos' otyskivat' v razlichnykh povremennykh izdaniyakh” [“Commercial information had to be found in various time-based editions”]. *Kommersant*. *Vlast'*. 5 October. (39). pp. 56–61.
12. Russian State Archive of Literature and Arts (RGALI). Fund 24. List 3. Item 12. Angarskiy, N.S. “Literaturnye vospominaniya” (1910-e). *Vospominaniya. [1930-e]. Mashinopis' s pravkoy M.N. Angarskoy* [“Literary Memories” (1910s). Memories. [1930s]. Typescript with M.N. Angarskaya's corrections]. 130 p.
13. Golubeva, O.D. (1963) Izdatel'skoe tovarishchestvo pisateley (1911–1914) [Publishing Association of Writers (1911–1914)]. In: Sikorskiy, N.M. et al. (eds) *Kniga: Issledovaniya i materialy* [Book: Research and Materials]. Is. 8. Moscow: Izd-vo Vsesoyuz. kn. palaty.
14. Kuprina-Iordanskaya, M.K. (1966) *Gody molodosti* [Years of youth]. Moscow: Khudozh. lit.
15. Dubovikov, A.N. (1973) Perepiska [I.A. Bunina] s N.D. Teleshovym, 1897–1947 [Correspondence of [I.A. Bunina] with N.D. Teleshov, 1897–1947]. In: Dubovikov, A.N. & Makashin, S.A. (eds) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 84. Book 1. Moscow: Nauka.
16. Muromtseva-Bunina, V.N. (1989) *Zhizn' Bunina. Besedy s pamyat'yu. 1870–1906* [Bunin's life. Conversations with memory. 1870–1906]. Moscow: Sov. pisatel'.
17. Bunin, I.A. (2007) *Pis'ma 1905–1919 godov* [Letters of 1905–1919]. Moscow: IWL RAS.
18. Chuvakov, V.N. & Naumova, A.I. (1965) (eds) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 72. Moscow: Nauka.
19. Berdysheva, L.R. (2002) *Problema geroya v tvorchestve M.P. Artsybasheva* [The problem of the hero in the works of M.P. Artsybashev]. Philology Cand. Diss. Moscow.
20. Tarasova, A.A. (1975) Chto takoe “neonaturalizm” [What “neonaturalism” is]. In: Byalik, B.A. (ed.) *Literaturno-esteticheskie kontseptsii v Rossii kontsa XIX – nachala XX v.* [Literary-aesthetic concepts in Russia of the late 19th and early 20th centuries]. Moscow: Nauka.
21. Sergeev-Tsenskiy, S. (2014) Vospominaniya [Memoirs]. *Moskva*. 5. pp. 194–207.
22. Zaytsev, B.K. (2001) *Sobr. soch.: v 11 t.* [Collected Works: in 11 vols]. Vol. 10. Moscow: Russkaya kniga.
23. Russian State Archive of Literature and Arts (RGALI). Fund 24. List 1. Item 9. *Pis'mo Artsybasheva M.P. Angarskomu (Klyostovu) Nikolayu Semenovichu* [Letter from M.P. Artsybashev to Nikolai Angarsky (Klyostov)]. [n.d.]. 1 l.
24. M.G. [Gershenzon, M.O.]. (1908) Literaturnoe obozrenie. Zemlya. Sbornik pervyy. “Moskovskoe knigoizdatel'stvo”. Moskva. 1908 g. Str. 288 [Literary Review. Zemlya. Collection One. Moscow: Moscow Publishing House. 1908 288 p.]. *Vestnik Evropy*. 3. pp. 404–406.
25. Krayniy, A. [Gippius, Z.N.]. (1912) Belletristicheskie vody [Fiction waters]. *Russkaya mysl'*. 8. pp. 25–29.
26. Ignatov, I. (1914) Literaturnye otgoloski [Literary echoes]. *Russkie vedomosti*. 23 December. 295. pp. 3.
27. Ad. B. (1916) “Zemlya”. Sbornik vosemnadtsatyy [“Zemlya”. Collection 18]. *Letopis'*. 6. pp. 304–306.
28. Shcheglova, E. (1914) Zemlya. Sbornik chetyrnadtsatyy. SPb. 1914 g. [“Zemlya”. Collection 14. St. Petersburg. 1914]. *Letopis'*. 7. pp. 123–124.
29. Volkov, D. (1916) “Zemlya”. Sbornik XVII [“Zemlya”. Collection 17]. *Letopis'*. 1. pp. 419–420.
30. Polonskiy, V. (1917) “Zemlya”, – sbornik devyatnadtsatyy [“Zemlya”. Collection 19]. *Letopis'*. 1. pp. 306–307.
31. Garaev, A.I. (2008) *M.P. Artsybashev: istoriya formirovaniya literaturnoy reputatsii* [M.P. Artsybashev: the history of the formation of literary reputation]. Philology Cand. Diss. Kazan.

Received: 18 September 2018

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091)

И.В. Берестов

ДЕФЕКТ В ТЕОРИИ ПЕРЕДАЧИ ФОРМ АРИСТОТЕЛЯ И ФОМЫ АКВИНСКОГО

Реконструируется теория передачи форм Аристотеля и Фомы Аквинского. Показывается, что положение этой теории о присутствии формы реальной вещи в области ментального не имеет достаточного ясного объяснения. Используя средства и методы современной эпистемической логики, демонстрируется, что это положение несовместимо с весьма здравыми положениями об интенциональных объектах, вероятно, разделяемыми самим Фомой Аквинским. Показывается потенциально скептический характер этой несовместимости.

Ключевые слова: Аристотель; De anima; Фома Аквинский; Sententia libri De anima; phantasma; species intelligibilis; esse intelligibile; esse intentionale.

Введение

Аристотель в трактате «О душе» выдвинул теорию, в соответствии с которой внешние объекты познаются через передачу форм. В данном случае, термин «форма» соответствует используемому Аристотелем греческому термину «эйдос» ($\tau\omicron\epsilon\iota\delta\omicron\upsilon\varsigma$), который обозначает постигаемую умом ($\omicron\upsilon\iota\ \rho\omicron\upsilon\iota\sim\nu$), а не посредством какого-либо чувственного восприятия ($\eta\upsilon\lambda\ \alpha\iota\sigma\eta\sigma\iota\varsigma$), структуру реального объекта, тот вид (*species*), под который могут подпадать множество реальных объектов, реальных индивидов. Эта теория оставляет без ответа вопрос: каким образом форма реальной вещи может находиться в области ментального? Кроме того, каким образом одна и та же форма может быть и чувственно-воспринимаемой формой, и мыслимой формой? Этот вопрос приводил в замешательство многих средневековых философов, так что, несмотря на то, что среди поборников этой теории был Фома Аквинский, эта теория в позднем средневековье была вытеснена другими теориями.

В настоящей статье мы укажем на ключевые моменты теории передачи форм у ее создателя Аристотеля. Затем мы перейдем к той версии этой теории, которая была предложена Фомой Аквинским. Теория Фомы Аквинского разработана гораздо детальнее, чем теория Аристотеля, что облегчает ее анализ. Наконец, мы продемонстрируем, что с использованием способа записи, принятого в современной эпистемической логике, можно показать противоречивость посылок, принимаемых Аристотелем и Фомой Аквинским. Тем самым мы показываем, что за недостаточностью объяснения ключевых моментов этой теории, в чем часто упрекали Фому Аквинского, кроется очень серьезная проблема.

Теория передачи форм у Аристотеля

Излагать теорию передачи форм Аристотеля следует с его учения о чувственном восприятии, поскольку восприятие необходимо для последующего мышления форм воспринимаемых вещей. О чувственном восприятии Аристотель пишет:

«Относительно любого чувства необходимо вообще признать, что оно есть то, что способно воспринимать формы ощущаемого без его материи, подобно тому, как воск принимает отпечаток перстня без железа или золота. Воск принимает золотой или медный отпечаток, но не поскольку это золото или медь. Подобным образом и ощущение, доставляемое каждым органом чувства, испытывает что-то от предмета, имеющего цвет, или ощущаемого на вкус, или производящего звук, но не поскольку под каждым таким предметом подразумевается отдельный предмет, а поскольку он имеет определенное качество, т.е. воспринимается как форма (*logos*). То, в чем заключена такая способность, – это изначальный орган чувства» – *De anima* II, 12, 424a 17–21¹; пер. под ред. В.Ф. Асмуса [2. С. 421].

Таким образом, при восприятии душа, посредством органов чувств, воспринимает формы внешних, реальных объектов без материи. То же самое можно сказать и о мышлении ($\eta\upsilon\lambda\ \rho\omicron\upsilon\iota\sim\nu$) ума ($\omicron\upsilon\iota\ \rho\omicron\upsilon\iota\sim\nu$), о котором Аристотель пишет:

«Таким образом, ум по природе есть не что иное, как способность. Итак, то, что мы называем умом в душе, до того, как оно мыслит, не есть нечто действительное из существующего (я разумею под умом то, чем душа размышляет и судит о чем-то). Поэтому нет разумного основания считать, что ум соединен с телом. Ведь иначе он оказался бы обладающим каким-нибудь определенным качеством, он был бы холодным или теплым или имел бы какой-то орган, как имеет его способность ощущения; но ничего такого нет. Поэтому правы те, кто говорит, что душа есть местонахождение форм, с той оговоркой, что не вся душа, а мыслящая часть, и имеет формы не в действительности, а в возможности» – *De anima* III, 4, 429a 20–28; пер. под ред. В.Ф. Асмуса [Там же. С. 433–434].

Для Аристотеля деятельность ума базируется на восприятии ощущаемых реальных объектов. Продуктом восприятия, образуемому при участии «общего чувства» ($\eta\upsilon\lambda\ \kappa\omicron\iota\iota\eta\tau\omicron\varsigma\ \alpha\iota\sigma\eta\sigma\iota\varsigma$) является «то, что вообража-

ется способностью воображения' – воображаемое, представление или *фантазма* (to< fa>ntasma). Объектом общего чувства являются непосредственные восприятия исходных, «частных» чувств, образуемая фантазма в этом случае каким-то образом их синтезирует или связывает в одну репрезентацию (*De anima* II, 6, 418a 17–20). Кроме того, общее чувство различает восприятия различных «частных» чувств, чего сами «частные» чувства не могут делать (*De anima* III, 2, 426a 8–24). Мышление (hJ по>hsiv) же направлено на фантазмы, именно при направленности на фантазмы ум мыслит формы:

«Таким образом, мыслящее мыслит формы в фантазмах...» – *De anima* III, 7, 431b 2–3; пер. под ред. В.Ф. Асмуса, измененный [2. С. 438–439].

Как кажется, здесь речь идет о том, что акт мышления направлен на объекты другой познавательной способности – а именно, на объекты способности воображения, на фантазмы. Здесь сразу же возникает существенное затруднение: каким образом *непосредственный* объектом одной познавательной способности может быть объект другой познавательной способности? Это выглядит непонятным, ведь видимое, как кажется, невозможно услышать, а слышимое увидеть. Действительно, характеристики видимого и слышимого обычно полагаются попарно непересекающимися, а значит, если непосредственно видимое тождественно непосредственно слышимому, то тождественные друг другу объекты оказываются имеющими различные характеристики, что противоречит *Принципу неразличимости тождественных*, вероятно, признававшемуся Аристотелем, о чем см. ниже. Кроме того, Аристотель сам недвусмысленно признает невозможность для непосредственного объекта одной познавательной быть непосредственным объектом другой познавательной способности:

«Можно было бы спросить, испытывает ли что-то от запаха неспособное обонять или от цвета неспособное видеть, и точно так же в отношении других чувств. Если обоняемое есть запах, то запах вызывает обоняние, если он что-то вызывает; таким образом, невозможно, чтобы неспособное обонять что-то испытывало от запаха (то же можно сказать и о других чувствах)...» – *De anima* II, 12, 424b 4–8; пер. под ред. В.Ф. Асмуса [Там же. С. 422].

Но, если объекты различных познавательных способностей изолированы друг от друга, то каким образом может общее чувство может воспринимать объекты первичных, «частных» чувств, и каким образом ум может мыслить объекты способности воображения? Это довольно серьезная проблема. Можно сказать, что здесь мы сталкиваемся с одним из двух самых спорных положений теории передачи форм. Эта теория оставляет без ответа вопрос: каким образом форма реальной вещи может находиться в области ментального (т.е. быть чувственно-воспринимаемой формой и мыслимой формой), оставаясь той же самой формой? При ответе на этот вопрос, помимо разъяснения тождества «реальной формы» «ментальной

форме», нужно разъяснить, как «воспринимающаяся форма» может быть тождественна «мыслящейся форме». Последнее трудно сделать, если, как утверждает Аристотель, объекты различных познавательных способностей изолированы друг от друга.

Затруднение, возникающее при попытке объяснить тождество «воспринимающейся формы» «мыслящейся форме» имеет много общего с затруднением, возникающим при попытке объяснить тождество «реальной формы» «ментальной форме». В обоих случаях речь идет о взаимоотношениях характеристиках формы в первом случае и формы во втором случае, что, по *Принципу неразличимости тождественных*, делает невозможным их отождествление. Однако в настоящей статье мы ограничимся лишь этим указанием на сходство двух подпроблем основной проблемы, и в дальнейшем будем разбирать только вторую подпроблему: как возможно тождество «реальной формы» «ментальной форме»?

Далее в *De anima* III, 4 Аристотель излагает теорию тождества ума и того, что им мыслится, т.е. формы реального объекта. В этом смысле ум подобен восприятию, ведь для Аристотеля воспринимающее также становится в процессе восприятия подобным воспринимаемому:

«Когда ум становится каждым [мыслимым] в том смысле, в котором говорят о сведущем как о действительно знающем (а это бывает, когда ум способен действовать, опираясь сам на себя), тогда он точно так же есть некоторым образом в возможности, но не так, как до обучения или приобретения знания, и тогда он способен мыслить сам себя» – *De anima* III, 4, 429b 6–9; пер. под ред. В.Ф. Асмуса [2. С. 434].

Этот же тезис Аристотель излагает еще и в такой формулировке:

«Ведь у бестелесного мыслящее и мыслимое – одно и то же, ибо умозрительное познание и умозрительно познаваемое – одно и то же» – *De anima* III, 4, 430a 3–4; пер. под ред. В.Ф. Асмуса [Там же. С. 435].

Аристотель утверждает, что постигаемые умом формы отделены от материи – так же как чувственно воспринимаемые формы отделены от материи. Иначе говоря, постигаемое умом нематериально, ум постигает «чистую» форму, без материи:

«И значит вообще, как [формы] вещей отделены от материи, так дело обстоит с тем, что относится к уму» – *De anima* III, 4, 429b 21–23; пер. под ред. В.Ф. Асмуса [Там же. С. 434–435].

«Тезис о тождестве» для ума мыслящего и мыслимого Аристотель повторяет и ниже:

«Вообще ум в действии есть то, что он мыслит» – *De anima* III, 7, 431b 14–16; пер. под ред. В.Ф. Асмуса [Там же. С. 439].

Историки философии спорят о том, как именно следует трактовать указанный «тезис о тождестве». Имеются сторонники «слабой» трактовки этого тезиса и сторонники «сильной» трактовки его. К сторонникам «слабой» трактовки относится сэр Дэвид Росс, который говорит, что

«...мы должны полагать [Аристотеля. – И.Б.] подразумевающим, что когда некто является действительно знающим, природа того, что ему известна, точно отражается в его уме (mind), не испытывая возмущающих воздействий...» [3. Р. 295].

К сторонникам «сильной» трактовки аристотелевского «тезиса о тождестве» относятся Майкл Фреде [4. Р. 377–390], Дэвид Чарльз [5. Р. 129] и Майкл Вайт [6. Р. 730]. В этом случае между мыслящим и мыслимым устанавливается отношение именно *тождества*, а не «точного отражения» или какое-либо другое, не совпадающее с тождеством, отношение. Мы в настоящей статье будем придерживаться «сильной» трактовки, поскольку, как показывают ее сторонники, она согласуется с многочисленными текстами Аристотеля и многих его интерпретаторов, в том числе – Фомы Аквинского. Принятие «слабой» трактовки избавило бы Аристотеля от той трудности, которая анализируется в настоящей статье, – проблематичность тождества ментальных и реальных объектов. Но это создало бы другую трудность: для познающего субъекта не ясно, какие именно свойства мыслимого им внутреннего объекта делают последний «точно отражающим» какой либо реальный объект вообще или определенный реальный объект.

Утверждая свой «тезис о тождестве», Аристотель признает, что ум мыслит лишь *некоторые* конституенты реально существующих вещей – их формы или их структуры, без материи, но не *все* конституенты реальных вещей, и не реальные вещи *целиком*. Так что реальные вещи как сложные объекты, содержащие и форму, и материю, остаются немислимыми:

«...наши умы (пассивные интеллекты) будут функционировать должным образом, когда они принимают объекты, интеллигибельно организованные в понятную (coherent) структуру этого [интеллигибельного. – И.Б.] типа. То, что пассивный интеллект принимает, будет формами видов, находящихся в организованном и интеллигибельном мире. Если так, то он [пассивный интеллект. – И.Б.] достигнет своей цели, когда мыслит такие объекты и виды как занимающие подходящее им (appropriate) место в объективном мировом порядке. Далее, подобные объекты и виды будут известны нам только из-за того, что они занимают место в этом порядке» [5. Р. 131].

Мы не будем вдаваться сейчас в идущую со времен Александра Афродисийского дискуссии о функциях активного и пассивного интеллекта у Аристотеля, порожденную лаконичностью того места в трактате «О душе», где Аристотель их упоминает (*De anima* III, 4, 430a 10–25). Заметим лишь, что Фома Аквин-

ский, вероятно, признавал функцией активного интеллекта принятие форм, которые, правда, сам же активный интеллект, одновременно с их принятием и приписыванием объекту мышления, абстрагирует из фантазмов².

Теория передачи форм у Фомы Аквинского

Более детально аристотелевская теория передачи форм была затем развита Фомой Аквинским. Основными работами, в которых эта теория представлена, являются *Summa theologiae*, *Sententia libri De anima*, *Summa contra Gentiles* и *Quaestiones disputatae De veritate*³. Фома Аквинский весьма детально разработал свою версию этой теории. Но нам сейчас нет необходимости излагать версию Фомы Аквинского подробно, для того чтобы продемонстрировать основную проблему, с которой она сталкивается, достаточно привести лишь несколько положений этой теории.

Формы внешних для человека объектов (*species in re*) соединены с материей этих объектов. Эти формы передаются через среду, где они становятся формами в среде (*species in medio*), к органу чувств. В процессе передачи через среду формы становятся как-то соединенными с другой материей – с материей среды, и не тем способом, которым они были соединены с материей исходных объектов. Затем формы из среды передаются в орган чувств. В этом органе формы как-то соединяются с материей этого органа. После этого чувственно-воспринимаемые формы (*species sensibilis*) синтезируются в единый объект общим чувством. Затем эти же формы становятся предметом воображающей способности души. Воображающая способность души порождает фантазму, в которой эти формы присутствуют [9. С. 73–74]. Фома Аквинский оставляет греческий термин без перевода и использует кальку *phantasma*. Как и у Аристотеля, *phantasma* у него означает ‘то, что воображается’, представление. Однако это не обязательно визуальный образ, это может быть образ, порожденный с помощью общего чувства с использованием нескольких чувств, и *phantasma* может не иметь за собой никакого реального объекта, она может получена посредством различных объектов, как это имеет место в случае получения нами фантазмы «козлооленя» [Там же. С. 123–124].

Следует заметить, что чувственно-воспринимаемые формы Фома Аквинский называет обладающими «интенциональным, или духовным бытием» (*esse intentionale sive spirituale*), тогда как те же самые формы во внешних вещах он называет обладающими «природным бытием» (*esse naturale*):

«Форма постольку принимается претерпевающим без материи, поскольку претерпевающий уподобляется действующему по форме, а не по материи; и, таким образом, чувство принимает форму без материи. Ибо в чувстве и в чувственной вещи форма обладает разными модусами бытия: в чувственной вещи она обладает природным быти-

ем, а в чувстве – интенциональным, или духовным, бытием» – *Sententia libri De anima* II, 24 [7. P. 169; 9. С. 54].

Вещи в двух различных модусах бытия – *esse intentionale* и *esse naturale*, – тем не менее, обладают одной и той же формальной структурой. Джон Холдэйн [10. P. 33] это объясняется так, что теория «тождества ума и мира» Фомы Аквинского есть

«...философская теория, в которой концептуальная структура нашего мышления надежно соединена с онтологической структурой мира. Это соединение имеет характер порядка, а именно характер *формальной или структурной эквивалентности* [курсив автора. – И.Б.], что подтверждает включение *'тождества ума и мира'* (*'mind-world identity'*) [везде курсив автора. – И.Б.] в название теории, отличительной чертой которой это тождество является».

Указанная черта теории Аквината является наиболее спорной, обсуждаемой и критикуемой, в том числе и в настоящей статье. Однако не следует думать, что теория Фомы Аквинского давно сдана в архив и представляет лишь исторический интерес. Нет, анализировать ее интересно как раз потому, что некоторые влиятельные современные подходы в философии сознания и эпистемологии наследуют указанную черту теории Фомы Аквинского. Дж. Холдэйн далее предполагает, что позиция Фомы Аквинского может иметь аналоги в современной метафизике. В качестве примера такого аналога он приводит цитату из неопубликованной статьи 1989 г. John McDowell «Scheme-Content Dualism, Experience and Subjectivity». Дж. МакДауэл замечает в связи с Витгенштейном:

«Мы должны придерживаться идеи, что структура элементов, конституирующих мысль (мысль саму по себе, во фрегеанском смысле), и структура элементов, конституирующих то, что имеет место (something that is the case), могут быть одной и той же вещью» [10. P. 37].

По [11. P. 37], *esse intentionale* есть когнитивное содержание (content) акта осознания (awareness); это не объект знания, но средство, благодаря которому познающий осознает объект. *Esse intentionale* зависит от онтологической способности или силы познающего достигать состояния знания.

Далее ум (*intellectus*) извлекает или абстрагирует из этих воображаемых форм – сохраняемых в памяти – только существенные формы, составляющие сущность или «чтойность» вещи:

«Действующий интеллект (*intellectus agens*) далее «абстрагирует» *species intelligibilis* из фантазм, обнаруживаемых в чувственной памяти» – [11. P. 4–5].

Интеллект мыслит «чистую» форму познаваемой вещи, т.е. *species intelligibilis*, без какой-либо материи.

Фома Аквинский признает, что, пока познание не завершено, интеллект может мыслить интеллигибельную форму весьма неточно, смутно:

«...ибо мы познаем человека неким смутным знанием (*quadam confusa cognitione*) прежде, чем научимся различать все то, что принадлежит к понятию (*ratione*) человека» – *Summa theologiae* I, q. 85, art. 3, corp., ad. 3, по [12].

Однако Фома Аквинский не отказывается от того, что форма, соединенная с материей в исходной вещи, тождественна форме, мыслимой интеллектом. Поэтому следующий, поставленный нами выше вопрос, оставшийся без ответа в теории Аристотеля, остается без ответа также и в теории Фомы Аквинского: каким образом форма в реальной вещи может находиться в области ментального (т.е. быть чувственно воспринимаемой формой и мыслимой формой), оставаясь той же самой формой? Об этом же пишет Энтони Кенни:

«Одним из наиболее разработанных – и также одним из наиболее озадачивающих – пониманий гармонии между миром и мыслью является учение Аквината о нематериальном интенциональном существовании форм в интеллекте (in the mind)» – [13. P. 82].

Процесс абстрагирования направлен на установление в реальном объекте именно того, что принадлежит ему сущностно и что никоим образом не зависит от условий восприятия объекта и его индивидуальных характеристик [9. С. 84]. *Species* возникает благодаря тому, что интеллект сосредоточивается исключительно на сущностных свойствах предмета, абстрагируясь от всех остальных:

«И это есть абстракция общего от частного, то есть умпостигаемой формы (*species*) от фантазм, а именно рассмотрение общей формальной природы (*naturam speciei*) отдельно от рассмотрения индивидуальных начал, представленных фантазмой» – *Summa theologiae* I, q. 85, art. 1, ad. 1, по [12].

Как мы уже упоминали, теория передачи форм в версии Аристотеля подразумевает довольно трудно-понимание допущение о тождестве друг другу формы реальной вещи, формы в среде, формы в фантазме, форме в интеллекте. С таким же затруднением сталкивается и гораздо более разработанная версия этой теории, предложенная Фомой Аквинским. Как об этом говорится в [9. С. 132–133]:

«Как уже неоднократно подчеркивалось, отношение тождества между интеллектом и предметом может быть установлено только с помощью когнитивных существенностей. Однако эти существенности (прежде всего умпостигаемые *species*) характеризуются у Фомы по-разному. В одних текстах они вводятся онтологически как особые когнитивные сущие, которые создаются и

первично схватываются интеллектом; в других, напротив, они содержательно отождествляются с формами, нематериально пребывающими в интеллекте. Но такое колебание между онтологическим и содержательным определениями проблематично. Если принимать во внимание только онтологический аспект, создается впечатление, что *species* – это когнитивные сущие, которые как бы вклиниваются между интеллектом и внешними предметами. И тогда действительно кажется, что между интеллектом и предметами в мире нет никакого непосредственного интенционального отношения, словно эти предметы скрыты за «покровом из *species*». Поэтому неудивительно, что вопрос о точном статусе и функции умопостигаемых *species* был ведущим в ходе последующих дебатов об интенциональности. Как это возможно, спрашивали Петр Иоанн Оливи, Уильям Оккам и другие, что интеллект прямо относится к предметам в мире, хотя ему непосредственно даны лишь *species*? Как можно соединить позицию познавательного реализма с введением подобных сущностей? Не в последнюю очередь именно эти вопросы привели к тому, что на рубеже XIII–XIV вв. теория интенциональности Фомы Аквинского считалась хотя и выдающейся, но спорной».

Ниже мы попытаемся показать, что непонятность теории передачи форм и ощущение того, что эта теория не объясняет того, что она обязательно должна объяснять, имеет под собой весьма значимые основания. Дело в том, что эта теория, как кажется, говоря о реальных и интенциональных объектах, подразумевает весьма здравые посылки, характеризующие эти объекты. Но тезис теории о тождестве реальных и интенциональных объектов позволяет вывести из этих естественных посылок противоречие.

Для того, чтобы понять, в чем именно состоит это противоречие, нам нужно понять, как именно Аристотель и Фома Аквинский представляют себе процесс мышления интеллигибельных форм. Аристотель и Фома Аквинский признают, что при создании интеллигибельных форм интеллект активен: он сам абстрагирует формы из фантазмы, создавая интеллигибельную форму (*species intelligibilis*), совпадающую с сущностью реальной вещи (*Summa theologiae* I, q. 85, art. 1, ad. 1, по [12]; см. также [9. С. 84–85]). Эту интеллигибельную форму мы будем называть объектом акта мышления интеллекта, или объектом мышления. Эта форма обладает «интеллигибельным бытием (*esse intelligibile*)» (*Quaestiones quodlibetales* VIII, q. 2, art. 2, corp., по [14]), т.е. она есть то и только то, что ей приписывает акт интеллекта [9. С. 92].

Подчеркнем активность интеллекта при создании *species intelligibilis*. Как пишет Фома Аквинский,

«...мы должны принять некоторый другой интеллект, который *species*, интеллигибельные в потенции, будет делать интеллигибельными в акте, точно так же, как свет делает цвета, потенциально

видимые, актуально видимыми. Эту способность мы называем *intellectus agens*,...» – *Compendium theologiae*, pt I, ch. 83, по [15].

Используемая здесь метафора света должна быть разъяснена, во избежание неправильного понимания. Хорошее разъяснение представляет Кристофер Мартин, который пишет, что *intellectus agens*

«...более подобен свету, который создает цвета, которые он делает видимыми. Таким образом, мыслимый объект есть нечто создаваемое интеллектом: не нечто болтающееся поблизости в мире или в способности воображения, ожидающее, когда интеллект его подберет» [16. Р. 118–119].

Некоторые авторы подчеркивают внутренний, ментальный и определяемый действием *intellectus agens* характер *species intelligibilis*, трактуя *species intelligibilis* как «понятие»:

«Содержание когнитивных понятий (*cognitive concepts*) зависит от процесса абстрагирования – от фантазмов во внутреннем *sensorium*» [11. Р. 66].

Таким образом, Фома Аквинский признает

«...интеллектуальное или понятийное (*conceptual*) знание, – которое включает в себе получение *species intelligibilis* посредством процесса абстрагирования *intellectus agens* и формирование понятия,...» [Ibid].

Питер Гич также обсуждал творческий характер создания понятий действующим интеллектом у Фомы Аквинского:

«Мы можем теперь сказать то, что подходит для всех понятий (*concepts*) без исключения. “Обладать понятием” никогда не означает “быть способным распознать некоторую характерную черту, которую мы обнаружили в непосредственном опыте”; интеллект (*mind*) создает понятия, и это формирование понятий (*concept-formation*) и последующее использование сформированных понятий никогда не является просто распознаванием или обнаружением, ...» [17. Р. 40].

Таким образом, Питер Гич рассматривает *intellectus agens* как ту ментальную способность, которая формирует понятия (*the mind's concept-forming power*) [11. Р. 322; 17. Р. 131]. Поскольку ниже мы рассматриваем объекты способности мышления, это означает, в терминологии Фомы Аквинского, что мы рассматриваем те из объектов, обладающих интенциональным бытием (*esse intentionale*), которые обладают также и интеллигибельным бытием (*esse intelligibile*).

Роль когнитивных понятий в мышлении интеллекта у Фомы Аквинского раскрывается через его учение о «внутреннем слове» (*verbum interius*). Внутреннее слово, слово нашего интеллекта (*verbum intellectus nostri*) или понятие в интеллекте (*conceptio intellectus*)

у Фомы Аквинского само есть интеллект (*est ipsum intellectum*), т.е. само есть нечто мыслимое, и оно же есть то, в чем интеллект мыслит (*sicut in quo [intellectus] intelligit*) [9. С. 119–120], иначе говоря, то, в чем интеллект выражает свою мысль. Мы интерпретируем положение «...слово нашего интеллекта... есть то, в чем завершается (*terminatur*) операция нашего интеллекта» [9. С. 119] по аналогии с определением, о котором можно сказать, что оно завершает процесс интеллектуального поиска. Определение, как и внутреннее слово, «выражает» определяемое – *species intelligibilis*. Внешнее же слово (*verbum exterius*) обозначает внутреннее слово. В свою очередь, внутреннее слово обозначает *species intelligibilis*, обладающую *esse intentionale* и *esse intelligibile*. При этом *species intelligibilis*, полученная благодаря абстрагирующему акту интеллекта, может, наряду с фантазмами, быть в дальнейшем использована как средство для мышления или обозначения единичных реальных вещей (если интеллекту удастся установить связь между реальными единичными вещами и внешним словом, посредством некоторой *species intelligibilis*), но это мышление или обозначение является делом уже не абстрагирующего акта интеллекта, а некоторого последующего акта. Если же связь между реальной единичной вещью и внешним словом установить не удастся (например, из-за того, что не существует в реальности вещи, обозначаемой внешним словом «козлоолень»), то внутреннее слово, обозначаемое таким внешним словом, обозначает не *species intelligibilis*, а некоторое «составное содержание» (*ratio composita*), т.е. то, что получено интеллектом благодаря соединению форм реально существующих вещей (в случае «козлоолень» в *ratio composita* входят абстрагированные формы козла и оленя) [Там же. С. 121–124]. В этой подробно разработанной и довольно сложной картине для нас важно, что деятельность актов интеллекта определенного вида использует понятия двух типов: одни являются словами языка мысли, а другие являются тем, что эти слова выражают, их значениями.

Соотношение внутреннего и внешнего слова у Фомы Аквинского, на наш взгляд, можно пояснить еще и следующим образом. О человеке можно сказать, что он выражает свою мысль во внешних – произнесенных или написанных – словах, тогда как интеллект выражает свою мысль только во внутренних словах своего, внутреннего языка, – т.е. языка того акта мышления, которым эта мысль мыслится. В дальнейшем мы будем говорить о внутреннем языке акта мышления, а не просто о внутреннем языке мыслящего субъекта. Это не означает, что мы интерпретируем Фому Аквинского как утверждающего, что каждый акт мышления обязательно имеет свой собственный язык, отличный от языка другого акта мышления. Мы предполагаем, Фома Аквинский вполне мог полагать, что языки разных актов мышления одного и того же субъекта могут совпадать. Однако в настоящее время мы не можем с определенностью утверждать, какую именно позицию занимал Фома Аквинский по этому вопросу, и наши дальнейшие рассуждения не зависят от решения этого вопроса.

Мы получили, что интеллект выражает то, что он мыслит во внутренних словах своего языка, которые тоже суть нечто мыслимое, понятия в интеллекте. Для упрощения дальнейшего изложения введем следующие обозначения. Будем обозначать конкретный акт мышления через μ . Абстрагируемые посредством акта мышления μ объекты (которые, предсказуемо, являются абстрактными объектами) мы будем обозначать через a, b, \dots . Сам написанный (внешний) знак, или внешнее слово, которым на внешнем языке обозначается абстрактный объект a , мы будем обозначать через $\ulcorner a \urcorner$. Мысленный, внутренний знак или мысленное, внутреннее слово на внутреннем языке, языке мысли акта мышления μ , каковой знак соответствует внешнему знаку $\ulcorner a \urcorner$, мы будем обозначать на нашем языке с внешними словами, который оперирует письменными знаками, через $\ulcorner a \urcorner_\mu$. Иначе говоря, внутреннее слово $\ulcorner a \urcorner_\mu$ есть перевод внешнего слова $\ulcorner a \urcorner$ с некоторого внешнего языка на язык мысли акта мышления μ , при этом подразумевается, что на обоих языках $\ulcorner a \urcorner$ и $\ulcorner a \urcorner_\mu$ являются собственными именами. По аналогии с $\ulcorner a \urcorner_\mu$, внутреннее слово $\ulcorner P \urcorner_\mu$ есть перевод внешнего слова $\ulcorner P \urcorner$ с некоторого внешнего языка на язык мысли акта мышления μ , при этом подразумевается, что на обоих языках $\ulcorner P \urcorner$ и $\ulcorner P \urcorner_\mu$ являются предикатами.

Следует заметить, что для Фомы Аквинского *species intelligibilis* есть то, посредством чего мыслятся реальные объекты, некоторое средство для мышления последних [9. С. 93–94; 105]. Однако речь здесь идет не об абстрагирующих *species intelligibilis* из фантазмов актов мышления, а о последующем этапе познания – об использующих уже «готовые» и *species intelligibilis*, и фантазмы актов мышления [Там же. С. 101], поскольку лишь с помощью заключающих в себе индивидуальные характеристики фантазмов становится возможным мыслить реальную единичную вещь (*singulare*) [Там же. С. 99]. Иногда Фома Аквинский использует специальный термин, чтобы развести два этапа в деятельности интеллекта, и называет «мыслимой интенцией» (*intentio intellecta*) тот акт мышления, который использует и *species intelligibilis*, и фантазмы для того, чтобы быть направленным на реальные вещи [Там же. С. 112]. Этот этап в процессе познания является логически последующим – хотя, по Фоме Аквинскому, он может осуществляться одновременно с предыдущим [Там же. С. 102]. И этот последний этап мы в настоящей статье не рассматриваем. Нам важно лишь получить объяснение присутствия форм реальных вещей в *species intelligibilis*, абстрагируемых абстрагирующими актами мышления, или ответить на вопрос о принципиальной возможности такого присутствия. Поэтому в дальнейшем речь будет идти только об абстрагирующих актах мышления, даже если мы для краткости и будем опускать квалификацию «абстрагирующий». Ограничение нашего анализа только абстрагирующими актами мышления поможет нам упростить запись сообщения о том, что актом мышления мыслится, что... позволит не включать в это сообщение единичные реальные объекты.

Для абстрагирующего акта мышления μ внутреннее слово указывает на создаваемый им абстрактный

объект, или, иначе говоря, на тот абстрактный объект, который μ ассоциирует со внутренним словом. Если абстрактные объекты a и b совпадают и актом мышления μ абстрактному объекту a посредством внутреннего слова $\ulcorner a \urcorner_\mu$ приписывается некоторая характеристика P посредством внутреннего слова $\ulcorner P \urcorner_\mu$, то из этого не следует, что актом мышления μ абстрактному объекту b посредством внутреннего слова $\ulcorner b \urcorner_\mu$ приписывается некоторая характеристика P посредством внутреннего слова $\ulcorner P \urcorner_\mu$. Действительно, из того, что пропозиция об a мыслится с использованием внутреннего слова $\ulcorner a \urcorner_\mu$, не следует, что пропозиция об объекте b (даже совпадающим с объектом a) мыслится с использованием внутреннего слова $\ulcorner b \urcorner_\mu$, поскольку из $a = b$ не следует, что $\ulcorner a \urcorner_\mu = \ulcorner b \urcorner_\mu$. Этот вывод пригодится нам в дальнейшем.

Скрытая противоречивость теории передачи форм

Теперь у нас есть достаточно информации, чтобы достаточно обоснованно извлечь из теории передачи форм несколько ключевых положений, представить их в формальном виде, пригодном для их анализа и сопоставления друг с другом, и, наконец, проверить их согласованность.

Далее мы будем использовать современный технический термин «кодирование». Э. Залта использует этот термин так: абстрактный объект кодирует такие-то свои характеристики, тогда как об обычном или реальном объекте говорится, что он экзemplифицирует такие-то свои характеристики [18]. Аристотель и Фома Аквинский признают, что форма находится в исходной материальной вещи одним способом, в среде – другим, в фантазме – третьим, в интеллекте – четвертым. Эти способы должны различаться, поскольку форма белизны, соединенная с исходной материей, делает вещь белой, тогда как форма белизны, мыслящаяся человеком, не делает человека белым [9. С. 53]. Это можно понимать так, что характеристики формы разными способами предцируются ей. Если речь идет о форме исходной материальной вещи, то ее характеристики экзemplифицируются ею, если о форме, являющейся объектом мышления, то ее характеристики кодируются ею. В соответствии со способом записи Э. Залты, выражение $\langle\langle a \rangle\rangle P$ читается как «абстрактный объект a кодирует характеристику P ».

Теперь разведем два языка. Пусть L_μ – внутренний язык, являющийся мысли акта мышления μ . Тогда как $L_{r\mu}$ – внешний язык (содержащий написанные знаки), язык репортера, позволяющий записывать сообщения о том, что мыслится актом мышления μ и какие слова и языковые выражения используются актом мышления μ на его собственном внутреннем языке L_μ .

Внутреннее слово $\ulcorner a \urcorner_\mu$ есть перевод внешнего слова $\ulcorner a \urcorner$ с языка $L_{r\mu}$ на язык L_μ , при этом подразумевается, что на обоих языках $\ulcorner a \urcorner$ и $\ulcorner a \urcorner_\mu$ принадлежат грамматической категории собственных имен. То же можно сказать о $\ulcorner b \urcorner_\mu$ и $\ulcorner b \urcorner$. По аналогии с $\ulcorner a \urcorner_\mu$, внутреннее слово $\ulcorner P \urcorner_\mu$ есть перевод внешнего слова $\ulcorner P \urcorner$ с языка $L_{r\mu}$ на язык L_μ , при этом подразумевается, что на обоих языках $\ulcorner P \urcorner$ и $\ulcorner P \urcorner_\mu$ принадлежат грамматической категории предикатов. Выражение $\ulcorner (a)P \urcorner$ обо-

значает пропозицию, выраженную предложением $\langle\langle a \rangle\rangle P$, т.е. предложением «[абстрактный индивид] a кодирует [свойство] P ». Эта пропозиция выражена на языке $L_{r\mu}$. На языке L_μ эта же пропозиция будет выражаться иначе, с использованием других знаков, но, если перевод предложения с одного языка на другой возможен, то пропозиция, выраженная предложением на одном языке, совпадает с пропозицией, выраженной предложением на другом языке. Выражение $\langle\langle T(\mu, \ulcorner b \urcorner_\mu, \ulcorner P \urcorner_\mu, \ulcorner (b)P \urcorner) \rangle\rangle$ написано на языке $L_{r\mu}$, его можно прочесть как «абстрагирующим актом мышления μ с использованием внутренних слов $\ulcorner b \urcorner_\mu$ и $\ulcorner P \urcorner_\mu$ мыслится пропозиция $\ulcorner (b)P \urcorner$ »⁴. Обозначим через \vdash отношение выводимости между предложениями, написанными на языке $L_{r\mu}$. Будем считать, что \vdash также является знаком, используемым в $L_{r\mu}$. Также примем, что выражение $\langle\langle Int(a) \rangle\rangle$ на языке $L_{r\mu}$ означает « a обладает интенциональным бытием (*esse intentionale*) и интеллигибельным бытием (*esse intelligibile*)», а выражение $\langle\langle Re(a) \rangle\rangle$ на языке $L_{r\mu}$ читается как « a обладает природным бытием (*esse naturale*)». Далее мы будем называть «реальными объектами» те и только те объекты, которые Фома Аквинский называет «объектами, обладающими природным бытием»: единичные реальные объекты их «метафизические конституенты» – формы, составляющие вместе с материей единичной вещи эту единичную вещь. Так что выражение $\langle\langle Re(a) \rangle\rangle$ на языке $L_{r\mu}$ можно читать также и как « a является реальным объектом».

Запишем еще раз положение об объектах абстрагирующих актов мышления, полученное нами в предыдущем разделе:

(1) Если абстрактные объекты a и b совпадают и актом мышления μ абстрактному объекту a посредством внутреннего слова $\ulcorner a \urcorner_\mu$ приписывается некоторая характеристика P посредством внутреннего слова $\ulcorner P \urcorner_\mu$, то из этого не следует, что актом мышления μ абстрактному объекту b посредством внутреннего слова $\ulcorner b \urcorner_\mu$ приписывается некоторая характеристика P посредством внутреннего слова $\ulcorner P \urcorner_\mu$.

Положение (1) утверждает, что на объект мышления a не распространяется Принцип подставимости тождественных, который записывается на языке $L_{r\mu}$ в виде

(2) $[T(\mu, \ulcorner a \urcorner_\mu, \ulcorner P \urcorner_\mu, \ulcorner (a)P \urcorner) \ \& \ a=b] \vdash T(\mu, \ulcorner b \urcorner_\mu, \ulcorner P \urcorner_\mu, \ulcorner (b)P \urcorner)$.

Таким образом, (1) записывается на языке $L_{r\mu}$ в виде

(3) $Int(a) \rightarrow \neg \{ [T(\mu, \ulcorner a \urcorner_\mu, \ulcorner P \urcorner_\mu, \ulcorner (a)P \urcorner) \ \& \ a=b] \vdash T(\mu, \ulcorner b \urcorner_\mu, \ulcorner P \urcorner_\mu, \ulcorner (b)P \urcorner) \}$.

Что же касается реальных объектов (или объектов, обладающих природным бытием), то обычно полагается, что из заданных положений о них мы можем вывести некоторые их дополнительные свойства, используя законы логики. Это можно записать с помощью следующего положения:

(4) Характеристики реального объекта (объекта, обладающего природным бытием), экзemplифицируемые им, могут быть получены с помощью законов логики.

Само использование Аристотелем законов логики и правил вывода свидетельствует о том, что Аристотель не смог бы возражать против (4).

Примером получения выводимой характеристики может служить следующий закон логики, записанный на языке L_{μ} :

$$(5) (\Phi(a) \ \& \ a = b) \vdash \Phi(b),$$

где $\Phi(a)$ – произвольная формула, содержащая единичный терм a ; $\Phi(b)$ – формула, полученная заменой терма a в $\Phi(a)$ на терм b .

Аристотель признает положение (5), которое является одним из способов записи *Принципа неразличимости тождественных*, в трактате «О софистических опровержениях»:

«Только тому, надо полагать, что неразличимо и едино по сущности, все [сказуемые] присущи одинаково» – *Sophistici elenchi* 24, 179a 37–39⁵; пер. под ред. З.Н. Микеладзе – см. [20. С. 579].

Из (4) & (5) следует, что на реальный объект a , т.е. на объект, обладающий природным бытием, в терминологии Фомы Аквинского – распространяется *Принцип подставимости тождественных*, который выше был записан нами на языке L_{μ} как положение (2):

$$(6) Re(a) \rightarrow \{[T(\mu, \ulcorner a \urcorner_{\mu}, \ulcorner P \urcorner_{\mu}, \ulcorner (a)P \urcorner) \ \& \ a = b]\} \vdash T(\mu, \ulcorner b \urcorner_{\mu}, \ulcorner P \urcorner_{\mu}, \ulcorner (b)P \urcorner).$$

Сделаем теперь следующее допущение:

(7) *Объект o является и объектом мышления (обладающим интенциональным бытием), и реальным объектом (обладающим природным бытием) – $Int(o) \ \& \ Re(o)$.*

Выражение « $Int(o) \ \& \ Re(o)$ » записано на языке L_{μ} . Положение (7) есть тезис о тождестве мыслимой формы и формы во внешнем мире, утверждаемый Аристотелем и Фомой Аквинским.

По (3) & (6), из (7) следует:

$$(8) \neg\{[T(\mu, \ulcorner a \urcorner_{\mu}, \ulcorner P \urcorner_{\mu}, \ulcorner (a)P \urcorner) \ \& \ a = b]\} \vdash T(\mu, \ulcorner b \urcorner_{\mu}, \ulcorner P \urcorner_{\mu}, \ulcorner (b)P \urcorner) \ \& \ \{[T(\mu, \ulcorner a \urcorner_{\mu}, \ulcorner P \urcorner_{\mu}, \ulcorner (a)P \urcorner) \ \& \ a = b]\} \vdash T(\mu, \ulcorner b \urcorner_{\mu}, \ulcorner P \urcorner_{\mu}, \ulcorner (b)P \urcorner).$$

Положение (8) записано на языке L_{μ} . Таким образом, допущение (7), при условии принятия весьма здравых допущений (4) и (5), которые, вероятно, неявно признавались Аристотелем и Фомой Аквинским в той или иной форме, и при условии признания ими получения объекта мышления посредством абстрагирующего акта интеллекта, т.е. положения (1), влечет противоречие (8). Для того понимания объекта мышления, которого придерживаются Аристотель и Фома Аквинский и которое выражено в (1), при использовании *modus tollens*, мы получаем, что (7) ложно, т.е. что объект мышления не может быть отождествлен с реальным объектом.

Получившийся результат можно попытаться трактовать как иллюстрацию того, что получается в результате некорректной подстановки имеющих одно и то же значение знаков внутри угловых кавычек. Чтобы осуществить такую трактовку, мы будем отталкиваться от признания одной характерной особенности объектов интенциональной природы, в терминологии Фомы Аквинского – объектов, обладающих интенциональным бытием (*esse intentionale*) и интеллигибельным бытием (*esse intelligibile*). Будем далее именовать их для краткости «интенциональными объектами». Одна из характерных особенностей интенциональных

объектов обсуждается со времен Г. Фреге и состоит в том, что интенциональный объект есть некоторый *способ представления* единичного реального объекта (или объектов) для субъекта или интенционального акта субъекта, если единичный реальный объект существует, или просто некоторый объект языковой или ментальной природы, если реальный объект не существует.

Далее мы будем рассматривать случай, когда единичный реальный объект существует. В этом случае, если использовать принятые нами выше при интерпретации позиции Фомы Аквинского обозначения, сделать какое-либо высказывание об интенциональном объекте a всегда означает сделать высказывание в том числе и о способе представления $\ulcorner a \urcorner_{\mu}$ объекта a для интенционального акта μ . В представленной выше нашей трактовке Фомы Аквинского $\ulcorner a \urcorner_{\mu}$ обозначает «внутреннее слово» (*verbum interius*) языка мысли L_{μ} , каковое внутреннее слово обозначается «внешним словом» (*verbum exterius*) внешнего языка L_{μ} , причем внутреннее слово, в свою очередь, обозначает форму единичного реального объекта, обладающую интенциональным бытием. Разумеется, возможны и другие трактовки способа представления. Иначе говоря, высказывания вида $\Phi(a, \ulcorner a \urcorner_{\mu}, \dots)$, $\Phi(\ulcorner a \urcorner_{\mu}, \dots)$ & $R(\ulcorner a \urcorner_{\mu}, a)$ и прочие можно трактовать как высказывания на языке L_{μ} об интенциональном объекте a , причем выражение $\ulcorner a \urcorner_{\mu}$ языка L_{μ} обозначает некоторое внутреннее слово языка мысли L_{μ} , каковое слово в языке L_{μ} обозначает интенциональный объект a . Однако $\Phi(\ulcorner a \urcorner_{\mu}, \dots)$ нельзя трактовать так. Примером $\Phi(a, \ulcorner a \urcorner_{\mu}, \dots)$ является $T(\mu, \ulcorner a \urcorner_{\mu}, \ulcorner P \urcorner_{\mu}, \ulcorner (a)P \urcorner)$ из (2).

Напротив, для объектов, обладающих природным бытием (*esse naturale*), вполне допустимы высказывания вида $\Phi(a, \dots)$, где среди аргументов $\Phi(a, \dots)$ отсутствует $\ulcorner a \urcorner_{\mu}$. Более того, предполагается следующий *Тезис о Замещении*:

Если имеется высказывание о реальном объекте a на языке L_{μ} вида $\Phi(a, \ulcorner a \urcorner_{\mu}, \dots)$, то всякое упоминание о знаках или выражениях, обозначающих объект a на каких-либо языках, о ментальных и других репрезентациях объекта a и о других «субъективных» средствах, используемых при познании a , может быть устранено из этого высказывания посредством замещения их значениями функций, зависящих от реальных объектов, т.е. от объектов, имеющих нементальную и нелингвистическую природу.

Напомним, что мы называем «реальными объектами» те и только те объекты, которые Фома Аквинский называет «объектами, обладающими природным бытием»: единичные реальные объекты и их «метафизические конститuentы» – формы, составляющие вместе с материей единичной вещи эту единичную вещь.

Тезис о Замещении отражает древний идеал «объективного» познания, стремление к высказываниям, истинным в действительности, «по природе, а не по человеческому мнению».

Допустим теперь, что имеется высказывание о реальном объекте a на языке $L_{r\mu}$ вида $\Phi(a, \ulcorner a \urcorner, \dots)$.

Для того чтобы произвести указанную в *Тезисе о Замещении* замещение аргумента $\ulcorner a \urcorner$, придется признать, что $\ulcorner a \urcorner$ есть значение функции, зависящей от a и других реальных объектов. Например, в (6) предполагается, что $\ulcorner a \urcorner$ есть знак, являющийся значением функции, зависящей реального объекта a и от языка $L_{r\mu}$, такого, что $\ulcorner a \urcorner$ является знаком реального объекта a в языке $L_{r\mu}$. Иначе говоря, $\ulcorner a \urcorner = \text{Sign}(a, L_{r\mu})$. Кроме того, в (6) предполагается, что $\ulcorner a \urcorner$ есть знак, являющийся значением функции, зависящей от знака $\ulcorner a \urcorner$, языка $L_{r\mu}$, знаком какого языка $\ulcorner a \urcorner$ является, и от языка L_{μ} , переводом на который с языка $L_{r\mu}$ является знак $\ulcorner a \urcorner$. Для упрощения дальнейших рассуждений допустим, что язык может быть представлен как значение функции, зависящей от реальных объектов. Таким образом, $\ulcorner a \urcorner = \text{Trans}(\ulcorner a \urcorner, L_{r\mu}, L_{\mu}) = \text{Trans}(\text{Sign}(a, L_{r\mu}), L_{r\mu}, L_{\mu})$. Такая трактовка $\ulcorner a \urcorner$ объясняет разрешение на подстановку тождественных для реального объекта a в (6), ведь из $\text{Trans}(\text{Sign}(a, L_{r\mu}), L_{r\mu}, L_{\mu})$ и $a=b$ следует $\text{Trans}(\text{Sign}(b, L_{r\mu}), L_{r\mu}, L_{\mu})$.

Однако у нас нет способа определить, какой именно знак – $\ulcorner a \urcorner$ или $\ulcorner b \urcorner$ – на языке $L_{r\mu}$ соответствует реальному объекту a . И точно так же мы не в состоянии определить *единственный* знак $\ulcorner a \urcorner$ языка L_{μ} , который соответствует знаку $\ulcorner a \urcorner$ языка $L_{r\mu}$. Ведь на L_{μ} , так же как и на $L_{r\mu}$, различными знаками может обозначаться один и тот же объект. Это означает, что не существует функций $\text{Sign}(a, L_{r\mu})$ и $\text{Trans}(\ulcorner a \urcorner, L_{r\mu}, L_{\mu})$. Следовательно, отсутствует способ элиминации знаков в высказываниях о реальных объектах в тех случаях, если в рассматриваемых языках имеются различные знаки, обозначающие одно и то же.

Мы получили, что в исходном высказывании о реальном объекте a $\Phi(a, \ulcorner a \urcorner, \dots)$ знак $\ulcorner a \urcorner$ не может быть элиминирован. Следовательно, по *Тезису о Замещении* и *modus tollens*, мы должны признать ложным наше исходное допущение «имеется высказывание о реальном объекте a на языке $L_{r\mu}$ вида $\Phi(a, \ulcorner a \urcorner, \dots)$ ». Значит, высказывание о реальном объекте a на языке $L_{r\mu}$ не может быть записано в виде $\Phi(a, \ulcorner a \urcorner, \dots)$. Поскольку, как было принято нами, *любое* высказывание об интенциональном объекте есть высказывание вида $\Phi(a, \ulcorner a \urcorner, \dots)$, получается, что ни одно высказывание о реальном объекте a , каким бы оно ни было, не есть высказывание об этом же интенциональном объекте a . Значит, если признается *Тезис о Замещении*, высказывание о тождестве реального объекта a интенциональному объекту b недопустимо, тогда как сторонники теории передачи форм настаивают на этом тождестве.

Мы получили, что если признается *Тезис о Замещении*, то положение вида $\Phi(a, \ulcorner a \urcorner, \dots)$ о реальном объекте a нельзя сформулировать на языке $L_{r\mu}$. Но два таких положения присутствуют в (6). Следовательно, (6) также недопустимо. И Фома Аквинский мог бы избавиться от противоречивого (8), если бы отказался от (6). Но, увы, это не избавит теорию передачи форм от несогласованности. Ведь, как мы видели, если признается *Тезис о Замещении*, то ключевой тезис этой теории – тезис о тождестве формы, обладающей при-

родным бытием, форме, обладающей интенциональным бытием и интеллигибельным бытием – не может быть высказан.

Может быть, следует отказаться от *Тезиса о Замещении*? Однако в этом случае мы остаемся без критерия того, что означает быть реальным объектом. Наиболее известные критерии, которые могут быть предложены взамен, сразу же трактуют реальные и интенциональные объекты как обладающие несовместимыми характеристиками, мы еще коснемся этого ниже. А это, опять-таки, означает, что ни один реальный объект не может быть тождественен какому-либо интенциональному объекту, что противоречит ключевому тезису теории передачи форм.

Кроме того, отказ от *Тезиса о Замещении* имеет серьезные эпистемологические последствия: для многих философов он означал бы отказ от идеала «объективного» знания, релятивизацию знания к субъективным представлениям. Точнее говоря, здесь релятивируется не собственно знание, а сама направленность интенциональных актов любых видов, так что сообщение о направленности интенционального акта на реальный объект имеет смысл только при указании представления, посредством которого эта направленность осуществляется. Но представления другого человека, вероятно, недоступны автору сообщения, так что подрывается возможность обсуждения чего-либо. Это обычное следствие принятия записи сообщений о пропозициональных установках с использованием способов представлений, т.е. той записи, частным случаем которой является $T(\mu, \ulcorner a \urcorner, \ulcorner P \urcorner, \ulcorner (a)P \urcorner)$ из (2). Эта теория сталкивается и с другими трудностями [19. Р. 243–245].

Приведенное рассуждение можно считать одним из комментариев к рассуждению У. Куайна, которое показывает «запечатанность» объектов некоторой пропозициональной установки внутри нее [21] и порождает обширное обсуждение пропозициональных установок, продолжающееся до сих пор. Также приведенное рассуждение можно считать одним из способов продемонстрировать проблематичность интенционального тождества, в данном случае – тождества между объектом внутри некоторой пропозициональной установки (обладающим интенциональным или духовным бытием, а также, возможно, интеллигибельным бытием) и объектом вне какой-либо пропозициональной установки (обладающим природным бытием)⁶.

Заключение

Приведенное рассуждение показывает, что ощущение недостаточного объяснения ключевых положений в теории передачи форм, возникшее у Петра Иоанна Оливи, Уильяма Оккама и других философов после Фомы Аквинского, повлекшее отказ от этой теории, может трактоваться как являющееся следствием логической несогласованности этой теории. При этом следует заметить, что другие трактовки этой теории могут содержать другие противоречия.

В некоторых трактовках теории передачи форм выявить противоречия гораздо проще, чем в приве-

денной выше трактовке. Например, если допустить, что в этой теории признается положение *объект мышления, абстрагированный из фантазмов, не может существовать независимо от акта мышления*, то противоречие получается сразу же, поскольку такой объект оказывается тождественным реальному объекту, который, как несомненно, полагали Аристотель и Фома Аквинский, существует независимо от того, мыслит его кто-либо или нет. У такой трактовки теории передачи форм есть сторонники, среди которых Дэвид Чарльз [5. Р. 111–112, 132–135, 142–143] и Майкл Ведин [23. Р. 130, 134–135].

Последняя трактовка теории передачи форм, как кажется, хорошо согласуется с нефизическим характером $\text{nou} \sim \nu \text{ poi} \eta \tau \text{iko} > \nu$ у Аристотеля, как доказывает Ричард Сорабжи [24. Р. 213]. Однако в явном виде ни Аристотель, ни Фома Аквинский не формулируют тезис о невозможности для объекта мышления существовать независимо от акта мышления. И кажется, что ничто в их эпистемологических, психологических или метафизических теориях не вынуждает сформулировать такой тезис. Желание приписать им этот тезис, похоже, основывается на том, что такая трактовка объекта мышления или интенционального объекта может показаться «очевидной», как она в начале показала Францу Brentano [25, 26]. Но даже Brentano позднее отказался и от такого понимания интенционального объекта, и от приписывания этого

понимания Аристотелю и средневековым философам, а современные исследователи показывают, что, действительно, понимание интенционального объекта было в высшей степени дискуссионной темой в средневековой философии, и даже те, кто склонялся к «брентановскому» пониманию, ни в коей мере не полагали вопрос «очевидным» [9. С. 18–24].

Признание направленности мышления на реальный объект, конечно, порождает свои проблемы. Как мы узнаем, что мышление направлено именно на этот реальный объект, если непосредственно дан лишь мыслимый объект? Как мы мыслим, если соответствующего реального объекта нет, или вообще нет мира реальных объектов? Однако неразрешенность этих проблем в теории передачи форм никоим образом не означает выявляемой «в один ход» ее противоречивости, что имеет место при включении в эту теорию положения *объект мышления, абстрагированный из фантазмов, не может существовать независимо от акта мышления*. Так что минимальная доброжелательность по отношению к Аристотелю и Фоме Аквинскому вынуждает нас не приписывать им указанного положения. Но, тем не менее, теория передачи форм все равно оказывается сомнительной, ведь противоречие все-таки выводимо из ее положений, правда, при формализации этих положений средствами современной эпистемической логики⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Точные ссылки на греческий трактат Аристотеля «О душе» даются по [1].

² См. у Фомы Аквинского, например, *Sentencia libri de anima* III, 4, по [7. Р. 219]. О различной интерпретации роли активного интеллекта у Аристотеля греческими, арабскими и латинскими интерпретаторами и Фомы Аквинского см. [6. Р. 735–739]. Приведенная выше цитата из [5. Р. 131], как кажется, несовместима с позицией Фомы Аквинского, которой мы коснемся ниже.

³ Несомненно, взгляды Фомы Аквинского эволюционировали, но это мало влияет на основные принципы рассматриваемой сейчас его версии теории передачи форм. Об интеллектуальном развитии Фомы см. [8].

⁴ Эта формализация основывается на том подходе к записи сообщений о пропозициональных установках, который был обрисован в [19. Р. 246], но не совпадает с ней, поскольку адаптирован к доктрине Фомы Аквинского.

⁵ Точные ссылки на греческий текст трактата Аристотеля «О софистических опровержениях» даются по [3].

⁶ Проблема интенционального тождества была впервые поставлена Питером Гичем в 1967 г. [22], что породило большое количество откликов и попыток эту проблему решить. Но, как кажется, универсального решения этой проблемы до сих пор не предложено.

⁷ Неоценимой помощью и поддержкой при написании этой статьи было обсуждение античных и средневековых теорий интенциональности на семинарах спецкурса «Античные теории познания», читавшегося в 2018 г. в Новосибирском государственном университете. Я благодарю за стимулирующие вопросы, критику и предложения Анну Юрьевну Моисееву и всех слушателей спецкурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Aristotle. *De Anima* / edited with Introduction and Commentary by Sir David Ross. Oxford : Clarendon Press, 1961. 338 p.
2. Аристотель. О душе // Аристотель. Собрание сочинений в четырех томах / под ред. В.Ф. Асмуса. М. : Мысль, 1976. Т. 1. С. 369–447.
3. Aristotle. *Sophistici elenchi* // *Aristotelis topica et sophistici elenchi* / ed. W.D. Ross. Oxford : Clarendon Press, 1958. P. 190–251.
4. Frede M. La théorie aristotélicienne de l'intellect agent // *Corps et Âme: Sur le De Anima d'Aristote* / Gilbert Romeyer Dherbey, éd. Paris : Librairie Philosophique J. Vrin, 1996. P. 377–390.
5. Charles D. Aristotle on Meaning and Essence. Oxford : Clarendon Press, 2000. xiv, 410 p.
6. White M.J. The Problem of Aristotle's *Nous Poiêtikos* // *The Review of Metaphysics*. 2004. Vol. 57, № 4. P. 725–739.
7. Thomas de Aquino. *Sentencia libri De anima* // *Opera omnia / iussu Leonis XIII P. M. edita*. Tomus XLV, 1. Paris : Vrin, 1984. 615 p.
8. Torrell J.-P. *Initiation à saint Thomas d'Aquin. Sa personne et son œuvre*. Paris : Éditions universitaires; Fribourg : Éditions du Cerf, 1993. XVIII. 592 p.
9. Перлер Д. Теория интенциональности в Средние века / пер. с нем. Г.В. Вдовиной. М. : Издательский Дом «Дело», 2016. 472 с.
10. Haldane J. Mind–World Identity and the Anti-Realist Challenge // *Reality, Representation, and Projection* / ed. by John Haldane and Crispin Wright. Oxford : Oxford University Press, 1993. P. 15–37.
11. Lisska A.J. *Aquinas's Theory of Perception*. NY : Oxford University Press, 2016. xviii, 353 p.
12. Thomas de Aquino. *Summa theologiae. Prima pars. A quaestione L ad quaestionem CXIX [Tomus II] / Cum commentariis cardinalis Caietani // Opera omnia / iussu impensa Leonis XIII. P.M. edita*. Romae: ex typographia Polyglotta, 1889. 584 p.
13. Kenny A. Aquinas: 'Intentionality' // *Philosophy Through Its Past* / ed. by Ted Honderich. Harmondsworth : Penguin, 1984. P. 78–96.
14. Thomas de Aquino. *Quaestiones quodlibetales / Cura et studio Raymundi Spiazzi*. Torino : Marietti, 1956. XXIII. 269 p.
15. Thomas de Aquino. *Compendium theologiae // Opera omnia / iussu Leonis XIII P. M. edita*. Tomus XLII. Roma : Editori di San Tomasso, 1979. P. 1–81.
16. Martin Ch. *The Philosophy of Thomas Aquinas: Introductory Readings*. London : Routledge, 1988. 201 p.

17. Geach P.T. *Mental Acts: Their Content and Their Objects*. London : Routledge & Kegan Paul, 1957. 137 p.
18. Zalta E.N. Twenty-Five Basic Theorems in Situation and World Theory // *Journal of Philosophical Logic*. 1993. Vol. 22, № 4. P. 385–428.
19. Salmon N. Illogical Belief // *Philosophical Perspectives*. 1989. Vol. 3. P. 243–285.
20. Аристотель. О софистических опровержениях / Аристотель. Собрание сочинений в четырёх томах. Т. 2. / под ред. З.Н. Микеладзе. М. : Мысль, 1978. С. 533–593.
21. Quine W.V.O. Quantifiers and Propositional Attitudes // *The Journal of Philosophy*. 1956. Vol. 53, № 5. P. 177–187.
22. Geach P.T. Intentional Identity // *The Journal of Philosophy*. 1967. Vol. 64, № 20. P. 627–632.
23. Wedin M. Tracking Aristotle's Nous // *Aristotle's De Anima in focus* / M. Durrant, ed. London : Routledge, 1993. P. 128–161.
24. Sorabji R. Intentionality and Physical Processes // *Essays on Aristotle's De Anima* / M.C. Nussbaum, A.O. Rorty, eds. Oxford : Oxford University Press, 1992. P. 195–226.
25. Brentano Ф. Психология с эмпирической точки зрения // Brentano Ф. Избранные работы / сост., пер. с нем. В. Анашвили. М. : Дом интеллектуальной книги : Русское феноменологическое общество, 1996. 176 с. С. 11–94.
26. Brentano Ф. О многозначности сущего по Аристотелю / предисл. издателя Н.А. Печерской; предисл. к изданию Р.А. Громова; пер. с нем. Н.П. Ильина; коммент. А.Г. Чернякова; науч. ред. и сост. словника А.Ю. Вязьмина. СПб. : Изд-во ин-та «Высшая религиозно-философская школа», 2012. LXIV. 247 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 7 ноября 2018 г.

Deficiency in Aristotle's and Aquinas's Transmission of Forms Theory

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 73–84.

DOI: 10.17223/15617793/439/9

Igor V. Berestov, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: berestoviv@yandex.ru

Keywords: Aristotle; *De anima*; Thomas Aquinas; *Sentencia libri De anima*; phantasma; species intelligibilis; esse intelligibile; esse intentionale.

The aim of this article is to detect and clarify the problem in Aristotle's and Thomas Aquinas's transmission of forms theory, which led to its rapid abandonment in the 14th century. The author uses the original texts of Aristotle and Thomas Aquinas, as well as modern historical and philosophical studies. Detection of the problem requires not only the involvement of methodology of textological analysis, but also the use of modern epistemic logic tools. The author also uses modern ways of belief report writing. Aristotle in *De Anima* put forward a theory in accordance with which external objects become known through a transmission of forms. This theory leaves unanswered the question of how the form of a real thing can be in the realm of the mental. This question put many medieval philosophers into confusion. Therefore, despite the fact that among the proponents of this theory was Thomas Aquinas, this theory in the Late Middle Ages was supplanted by other theories. However, none of the scholastics could precisely indicate the reasons of the impossibility for the real thing to be present in the realm of the mental. This article fills this gap. At the beginning, the key points of Aristotle's version of the transmission of forms theory are indicated. Then a much more detailed version of this theory proposed by Thomas Aquinas is considered. Finally, it is shown that using the notation adopted in modern epistemic logic, one can deduce a contradiction from the premises accepted by Aristotle and Thomas Aquinas. The author's proof of presence of a contradiction in the transmission of forms theory is as follows. The cited texts of Aristotle and Thomas Aquinas testify that the object of thinking (*species intelligibilis*) in their doctrines has an abstract nature: it only encodes characteristics that are "voluntarily" attributed to it by an act of thinking. As a result, the object of thinking – as it was defined by Aristotle and Thomas Aquinas – cannot coincide with the real object. In the course of the study, the author came to the following conclusions. (1) Aristotle's and Thomas Aquinas' transmission of forms theory is inconsistent, since it implies the identity of a real object with a mental one, which, in turn, under certain acceptable conditions leads to a contradiction in belief report writing. (2) This inconsistency has a much more sophisticated character than some contemporary researchers of Aristotle believe. (3) The identification of this inconsistency is in the wake of skeptic arguments for impossibility for one person to think of a real object, or to think of a mental object of another person.

REFERENCES

1. Aristotle. (1961) *De Anima*. Edited with Introduction and Commentary by Sir David Ross. Oxford: Clarendon Press.
2. Aristotle. (1976) O dushe [On the soul]. In: Asmus, V.F. (ed.) *Sobranie sochineniy v chetyrekh tomakh* [Collected works in four volumes]. Translated from Ancient Greek. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
3. Aristotle. (1958) *Sophistici elenchi*. In: Ross, W.D. (ed.) *Aristotelis topica et sophistici elenchi*. Oxford: Clarendon Press.
4. Frede, M. (1996) La théorie aristotélicienne de l'intellect agent [The Aristotelian theory of the agent intellect]. In: Dherbey, G.R. (ed.) *Corps et Âme: Sur le De Anima d'Aristote* [Body and Soul: On Aristotle's De Anima]. Paris: Librairie Philosophique J. Vrin.
5. Charles, D. (2000) *Aristotle on Meaning and Essence*. Oxford: Clarendon Press.
6. White, M.J. (2004) The Problem of Aristotle's Nous Poiêtikos. *The Review of Metaphysics*. 57 (4). pp. 725–739.
7. St. Thomas Aquinas. (1984) *Sentencia libri De anima* [The view on the book On the Soul]. In: *Opera omnia* [The works]. Vol. XLV. Paris: Vrin.
8. Torrell, J.-P. (1993) *Initiation à saint Thomas d'Aquin. Sa personne et son œuvre* [Initiation to St. Thomas Aquinas. His person and his œuvre]. Paris: Éditions universitaires; Fribourg: Éditions du Cerf.
9. Perler, D. (2016) *Teorii intentsional'nosti v Srednie veka* [Theories of intentionality in the Middle Ages]. Translated from German by G.V. Vdovina. Moscow: Izdatel'skiy Dom "Delo".
10. Haldane, J. (1993) Mind–World Identity and the Anti-Realist Challenge. In: Haldane, J. & Wright, C. (eds) *Reality, Representation, and Projection*. Oxford: Oxford University Press.
11. Lisska, A.J. (2016) *Aquinas's Theory of Perception*. NY: Oxford University Press.
12. St. Thomas Aquinas. (1889) *Summa theologiae*. Pima pars. A quaestione L ad quaestionem CXIX. In: *Opera omnia* [The works]. Rome: ex typographia Polyglotta. (In Latin).
13. Kenny, A. (1984) Aquinas: 'Intentionality'. In: Honderich, T. (ed.) *Philosophy Through Its Past*. Harmondsworth: Penguin.
14. Thomas de Aquino. (1956) *Quaestiones quodlibetales*. Cura et studio Raymundi Spiazzi. Torino: Marietti. (In Latin).
15. Thomas de Aquino. (1979) *Compendium theologiae* [A compendium on theology]. In: *Opera omnia* [The works]. Vol. XLII. Roma: Editori di San Tomasso.
16. Martin, Ch. (1988) *The Philosophy of Thomas Aquinas: Introductory Readings*. London: Routledge.
17. Geach, P.T. (1957) *Mental Acts: Their Content and Their Objects*. London: Routledge & Kegan Paul.

18. Zalta, E.N. (1993) Twenty-Five Basic Theorems in Situation and World Theory. *Journal of Philosophical Logic*. 22 (4), pp. 385–428.
19. Salmon, N. (1989) Illogical Belief. *Philosophical Perspectives*. 3. pp. 243–285.
20. Aristotle. (1978) O sofisticheskikh oproverzheniyakh [On sophistic refutations]. In: Mikeladze, Z.N. (ed.) *Sobranie sochineniy v chetyrekh tomakh* [Collected Works in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
21. Quine, W.V.O. (1956) Quantifiers and Propositional Attitudes. *The Journal of Philosophy*. 53 (5). pp. 177–187.
22. Geach, P.T. (1967) Intentional Identity. *The Journal of Philosophy*. 64 (20). pp. 627–632.
23. Wedin, M. (1993) Tracking Aristotle's Nous. In: Durrant, M. (ed.) *Aristotle's De Anima in focus*. London: Routledge.
24. Sorabji, R. (1992) Intentionality and Physical Processes. In: Nussbaum, M.C. & Rorty, A.O. (eds) *Essays on Aristotle's De Anima*. Oxford: Oxford University Press.
25. Brentano, F. (1996) *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Translated from German by V. Anashvili. Moscow: Dom intellektual'noy knigi: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo. pp. 11–94.
26. Brentano, F. (2012) *O mnogoznachnosti sushchego po Aristotel'yu* [On the ambiguity of things according to Aristotle]. Translated from German by N.P. Il'in. St. Petersburg: Izd-vo in-ta "Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola".

Received: 07 November 2018

М.В. Гончаренко, В.Н. Гончаренко

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЛЯ И НОВЫЕ СМЫСЛЫ

*Работа выполнена в Томском политехническом университете в рамках проекта
Повышение конкурентоспособности Томского политехнического университета.*

Рассматривается проблема формирования новых эпистемологических полей, возникающих в связи с их интерпретацией. На основании семиотического подхода произведен анализ текстов в изменившихся культурных параметрах. В исследовании обосновано предположение: различные смыслы формируют различные значения в качестве объектов мысли. Суть основной гипотезы: новые смыслы возникают при взаимодействии предыдущей культурной традиции с изменившимися обстоятельствами.

Ключевые слова: эпистемологические поля; текст; интерпретация; перевод; дискурс.

Лейтмотивом данного исследования является рассмотрение подхода У. Эко к проблеме конструирования / получения нового знания или новых смыслов из давно имеющихся текстов. Анализ такого рода трансформационных процессов в текстах и является объектом исследования. Если раньше это сводилось исключительно к проблематике теории перевода [1, 2], то во второй половине XX в. это перешло в плоскость семиотики и социальной философии [3], так как наука осознала, что корпус переведенных текстов непосредственно влияет на общественное сознание, поскольку он не порожден внутри языка-получателя, а в готовом виде с завершенной образной системой и системой ценностей адаптируется к языку-реципиенту из языка-донора, где он изначально появился. От этого взаимодействия и появляются новые эпистемологические поля. Причем адекватный перевод массива текстов возможен только при определенной готовности языка-реципиента. Образно говоря, невозможно перевести на язык первобытного человека теорию космических полетов; в каком-то смысле это известная проблема Гавагая.

Данная работа не является продолжением очередного спора о феномене куайновского «Гавагая». Как известно, многие философские дискуссии вообще выражали сомнения в возможности перевода. К примеру, У. Эко пишет, что перед философией поставлена философская проблема: «...существует ли некий способ... по которому *все происходит* независимо от того, как наши языки это представляют?» [4. С. 242]. Нас больше интересует перевод не с языка на язык, а перевод из одной культуры в другую: «...перевод представляет собою переход не только из одного языка в другой, но и из одной культуры в другую, из одной “энциклопедии” в другую» [Там же. С. 193]. Анализ подобных трансформационных процессов позволяет рассматривать текст и как социальный феномен, который порождает различные социальные практики на различных исторических этапах за счет формирования новых эпистемологических полей субъектом познания.

Таким образом, *рабочая гипотеза* исследования заключается в том, что новые смыслы возникают в результате взаимодействия предыдущей культурной традиции, связанной с первичным Текстом, и изме-

нившимися обстоятельствами, которые находят отражение в реалиях вторичных текстов.

Начнем с того, что на первый взгляд не представляет интереса, т.е. с использования Текста. Правда, очень важно при этом не забыть, что термин «использование» в качестве приоритетного имеет исключительно утилитарный смысл. Другими словами, использование чего-либо, а в данном случае Текста, предполагает не только возможность сделать его упаковкой, как об этом пишет У. Эко [5], но и возможность так или иначе сделать его символом культурно-исторического момента или эпохи. Примеров можно привести множество, но ограничимся достаточно известным: ода «К радости» в качестве гимна Евросоюза.

Это произведение, написанное Ф. Шиллером в конце XVIII столетия и получившее в начале XIX столетия музыкальное оформление в финальной части 9 симфонии Л. ван Бетховена, в 1972 г. официально стало гимном Совета Европы, а с 1993 г. – Европейского союза. Данный текст стал символом объединения европейских государств, образно соотносящимся с одой «К радости». При этом сам текст оды Ф. Шиллера не используется в гимне. То есть текст оды «К радости» изначально был основанием музыкального сопровождения Л. Ван Бетховена, но в силу различных обстоятельств на данном этапе гимн Европы – это исключительно музыкальное произведение. Таким образом, данный пример демонстрирует не только возможность использования Текста, но и реальность трансмутации* Текста.

Однако в связи с этим возникает вопрос, а может ли интерпретация также быть утилитарной? Возможно, целесообразнее говорить об уровнях утилитарности интерпретации, так как текст – источник будет в любом случае либо положительным стимулом, либо отрицательным стимулом. Так, У. Эко приводит пример доказательства теоремы Пифагора, во время которого можно предаваться эротическим фантазиям и при этом не посягать на *principia mathematica* (лат.). Другими словами, сама интерпретация теоремы по какой-то причине становится условием для моделирования совершенно другого контекста, поэтому, скорее всего, данная интерпретация в этом индивидуальном случае будет положительным сти-

мулом. Если же предположить все то же самое, но вместо эротических фантазий – воспоминания об автомобильной аварии, то тогда эта интерпретация теоремы будет являться стимулом отрицательным. Также следует отметить, что любое побочное видение совершенно не соотносится с продуцировавшим его основанием как причина и следствие ($p \rightarrow q$). Здесь нет и не может быть отношений импликации, так как интерпретатор, осуществляя трансмутацию Текста, либо добавляет, либо извлекает какие-то элементы, структурируя *новое пространство* – новый Текст. Таким образом, либо появляются новые сигнификаты, либо исчезают старые.

Но самое интересное при появлении / исчезновении сигнификатов заключено в механизме, который и обуславливает данный процесс. Рассуждая о возможном новом контексте, появляющемся параллельно воспроизведению доказательства теоремы Пифагора, мы полагаем, что это результат трансмутации. Интерпретация теоремы в этом случае обусловила в индивидуальном сознании процесс актуализации такой связи элементов (объектов, смыслов, отношений и т.д.), которые до этого если и были, то были в качестве имплицитных умозаключений. Следовательно, новый контекст, структурированный новыми сигнификатами, предусматривает и новую интерпретацию. Но это происходит исключительно в результате знакомства и воспроизведения прежней интерпретации. Поэтому новая интерпретация, возникшая на основании старой, может иметь совершенно другую форму и материю. Если снова вернуться к интерпретации теоремы Пифагора и эротическим фантазиям, то последние могут быть выражены посредством музыкальной записи, воспроизведение которой смогут обеспечить конкретные музыкальные произведения и т.д.

Таким образом, трансмутация может иметь место и в случае появления новых или кардинальной переработки старых сигнификатов, и в случае изменения формы и материи текста – источника. Однако основным условием возможности трансмутации является все-таки текст – источник и его интерпретатор, деятельность которого в любом случае является манипуляцией [5]. Для демонстрации этого предположения воспользуемся примером из романа М. Пруста «У Германтов». Главный герой Марсель, рассуждая о своих вновь изменившихся отношениях с герцогиней Германтской, которая теперь уже готова приглашать его на ужин и не избегает его общества, тут же вспоминает историю из Книги Есфири о том, как персидские цари заставляли читать памятную книгу, в которой значились имена подданных, проявивших особую преданность. И *воспоминания* о Книге Есфири являются здесь ключевым элементом. Дело в том, что герой М. Пруста выстраивает действия герцогини по схеме действий персидского царя, но в отличие от последнего герцогиня Германтская, просматривая список знакомых в своем воображении, всего лишь определялась с тем, кого пригласить к себе на ужин. Значит, интерпретация Марселем Книги Есфири предопределяет, а может, и создает интерпретацию действий герцогини. Таким образом, здесь имеет место и трансмутация (Книга Есфири – это древний

текст, созданный с определенной целью и показывающий, как минимум, уважение коронованной особы к преданности подданных, в то время как герцогиня, будучи светской особой, производит отбор лиц для светского времяпрепровождения) и манипуляция (изменение акцентов и действий в новом контексте).

Если предыдущий пример демонстрировал преимущественно процесс трансмутации, то следующий пример призван продемонстрировать изменение материи. Обратимся к роману Д. Джойса «Улисс», один из героев которого Стивен, используя элементы философии Аристотеля (такие как актуальное / потенциальное), создает новую – художественную – материю вместо прежней – философской. Поэтому Стивен и задается вопросом о несостоявшихся возможностях в контексте рассуждения о времени, пространстве и памяти.

Тем не менее остаются некоторые недосказанности относительно не-тождества трансмутации и перевода. У. Эко в работе «Сказать почти то же самое» утверждает, что это не одно и то же, основываясь на мысли, что при переходе от одной материи к другой интерпретатор сам является автором адаптации интерпретации, а не тот, кому она адресована [5]. Однако нельзя игнорировать и того факта, что множественный адресат как интерпретатор создает множество интерпретаций в любой материи Текста: и в романе, и в фильме и т.д. Поэтому интерпретация как адаптация Текста – это задача любого интерпретатора (писателя и читателя, режиссера и зрителя, художника и смотрящего картину, композитора и слушателя и т.д.).

В одной из своих работ К. Поппер [6] говорил о конфликте между текстом пьесы «Гамлет» и сценическим воплощением: «Но ведь и текст разные люди (даже один и тот же человек на различных этапах жизни) “читают” тоже по-разному. Поэтому, на наш взгляд, суть проблемы (существование исполняемой пьесы) переходит из собственно философской плоскости в семиотическую и даже филологическую. Вместо мира 3 появляется проблема интерпретации. Степень объективности / субъективности которой зависит от условий, когда меняется материал [5]. Выходит, чтобы ставить спектакль “Гамлет” на сцене необходимо ознакомиться с текстом пьесы – источником» [7. С. 51].

Возвращаясь к проблеме трансмутации или адаптации текста-источника, снова возникает вопрос об интерпретации. Безусловно, ни рассмотрение трансмутации, ни рассмотрение адаптации вне контекста интерпретации представить невозможно. Исходя из приведенных в этой связи примеров У. Эко (пример из Фаббри по поводу фильма Феллини «Репетиция оркестра», в котором камера «объективируется» и «субъективируется», пример «перевода» Пятой симфонии Л. Ван Бетховена в словесную форму, пример-предложение «перевода» «Критики чистого разума» в музыку), можно предположить, что понятия трансмутации и адаптации весьма близки. В обоих случаях есть необходимость в эксплицировании тех аспектов, которые в тексте-источнике были имплицитными или неопределенными. И, естественно, интерпретация

является основополагающим условием при любой переделке: будет ли это одна и та же семиотическая система или это будут различные семиотические системы с изменением континуума.

Для выяснения возможной разницы между трансмутацией и адаптацией важно определиться с тем, как изменяется интерпретация в диахронии. Дело в том, что в контексте диахронии любая трансмутация будет являться адаптацией текста – источника через его синхронизацию с Читателем, так как чаще всего последний принадлежит новой исторической эпохе, относится к другому социально-культурному слою или другой культурно-исторической модели. Другими словами, почему У. Эко с оговорками допускает возможность «перевода» в словесную форму Пятой симфонии Л. Ван Бетховена и не допускает возможность «перевода» в музыку «Критики чистого разума»? Гипотетически, наверное, можно предположить, что все еще впереди. В конце концов, роман М. Сервантеса «Дон Кихот» вышел в свет в начале XVII в., а опера Ж. Массне «Дон Кихот» появилась лишь в начале XX в. Выходит, для трансмутации такого типа потребовалось три столетия. Конечно, здесь могут быть возражения относительно того, что поскольку опера как род музыкально-драматического произведения основана на синтезе слова, сценического действия и музыки, постольку она может быть использована в процессе «переделки» романа. Может, но далеко не всегда используется. Тем более «Критика чистого разума» – это тоже «слово», а если учитывать и факт того, что умозаключения – это тоже вид деятельности, то получается, что проблема только в отсутствии музыкального оформления. А что касается собственно музыкального сопровождения, то для этого необходимо *всего лишь* трансформировать рациональную систему Критики в образную. Неслучайно же У. Эко в «Откровении молодого романиста» говорит о том, что не совсем понимает, в чем разница между художественным и философским текстом [8].

Именно поэтому в данном случае актуальна идея У. Эко об интертекстуальности, в соответствии с которой отношения между текстом – источником и текстом назначения возможны по причине интертекстуальности реальности, которая конституируется ими обоими. Сам У. Эко весьма успешно продемонстрировал процесс конституирования реальности в первой главе «Баудолино пишет впервые» роман «Баудолино» на основе интертекстуальности.

Вопрос об интерпретации и вопрос о переводе – это не одно и то же, – неоднократно утверждает У. Эко. Его аргументация сводится к опровержению установки П. Рикёра относительно того, что переводчик говорит все то же, но с помощью других слов. Однако у П. Рикёра все выглядит не так однозначно. Дело в том, что, занимаясь проблемой интерпретации, он прибег к использованию понятия множественности смысла. В соответствии с этим, любое выражение имеет меняющееся значение, и это возможно, так как выражение, обозначая одну вещь, одновременно обозначает и другую вещь, и третью и т.д. За счет аллегорической функции языка мы можем, говоря одно, сообщать другое [9]. Поэтому, когда У. Эко говорит,

что тождество перевода и пересказа у П. Рикёра подтверждаются заключением типа «я сказал, что...», то остается неуточненным нюанс, на который обратил внимание Л. Витгенштейн в связи с утверждением «я знаю...» и «я думал, что знаю...». Другими словами, констатация того или иного положения дел никогда не бывает окончательной. И металингвистическая составляющая дискурса конституирует смысл одного и того же выражения в каждом конкретном случае разными способами. Действительно, рассуждения героя М. Пруста о разномирии своих воспоминаний, состоящем из различной материи, в романе «У Германтов» будут выражены с помощью различных средств в различных типах дискурса. В художественном переводе это будет *слово*, в фильме это будет какое-то *спецсредство* (музыкальное сопровождение определенного видеоряда и т.д.), но в любом случае множественность смысла данного выражения М. Пруста сохранится в любом типе дискурса, и это возможно за счет металингвистической составляющей (реальности).

Если мы, вслед за У. Эко, примем во внимание, что перевод ограничен пределом, тогда мы вынуждены констатировать, что интерпретация и перевод – не всегда совпадающие понятия [10], и поэтому метафора в смысле Ч. Пирса [11] здесь представляется единственной возможностью формирования нового смысла выражения. В этом случае мы оказываемся в положении бесконечного поиска *другого*, т.е. того, что обозначено *этим* (знаком). Наверное, именно такую ситуацию имеет в виду Р. Барт, когда утверждает, что семиология, наряду с некоторыми другими науками, имеет перед собой какой-то факт, воспринимает его в качестве указания / знака чего-то другого [12].

При этом У. Эко отмечает: чаще всего трансмутации – это переводы, так как они акцентируют внимание только на каком-то одном уровне текста – источника, показывая, что именно этот уровень и является наиболее приоритетным, поэтому он объявляется наиболее важным для передачи смысла всего произведения. Уточним: в работе «Сказать почти то же самое» У. Эко представил трансмутацию как переход от одной материи к другой, т.е. как переход в другую семиотическую систему, что включает в себя и перевод на другой язык, и экранизацию, и инсценизацию, и перевод в музыкальный ряд, и скульптурное изображение и многое другое. Действительно, с этим сложно не согласиться. Но наряду с этим нельзя игнорировать и тот факт, что перевод как таковой – это в определенном смысле авторская расстановка точек над *i*. Кстати, и сам У. Эко не может с этим не согласиться, так как утверждает, что выделение значимых уровней (а это происходит в разных степенях и при *переводе*, и при *трансмутации*) – не что иное как индивидуальная интерпретация текста – источника [5]. Поэтому на самом деле задача определения границ между уровнями перевода и уровнями трансмутации, если и выполняема, то совершенно условно. Другими словами, принимая разграничения между переводом и трансмутацией, мы в дальнейшем соотносим Тексты с тем или другим конвенционально, так как наши «объективированные» критерии всегда субъективны. Так

же здесь имеет смысл вспомнить о том, что любой перевод – это аспект видения текста – источника другой культурой.

И тем не менее делать вид, что перевод и трансмутация – синонимичные понятия, было бы не совсем корректно, учитывая роль и значение текста – источника для каждой из этих опций. У. Эко согласен с тем, что и перевод, как и трансмутация, предполагает интерпретацию с той разницей, что в переводе она имплицитна, а в трансмутации – эксплицитна [5]. Поэтому единственно возможным способом установить разницу между уровнями переделки Текста представляется сравнительный анализ имплицитности и эксплицитности, обусловленных интерпретацией.

Для этого в качестве текста-источника возьмем философское произведение М. Хайдеггера «Гераклит» [13], в котором философ интерпретирует дошедшие до нас Фрагменты философии Гераклита. (Здесь стоит отдельно отметить, почему мы остановились именно на этом примере. Во-первых, философию М. Хайдеггера в этом контексте У. Эко приводил неоднократно. Во-вторых, пример такого рода был навеян примером опять-таки самого У. Эко относительно «переговоров» с переводчиками как его текстов, так и текстов других авторов.) Дело в том, что У. Эко однозначно говорит о том, что очень хорошо для переводчика выразить свою критическую позицию в паратексте в виде предисловия, послесловия, примечаний. Поэтому «Гераклит» М. Хайдеггера в этом отношении является весьма подходящим Текстом, так как каждый параграф этой работы и заключает в себе все это, вместе взятое.

По сути М. Хайдеггер задается целью проанализировать известные дошедшие до нас тезисы Гераклита. При этом М. Хайдеггер непосредственно в Тексте подробно объясняет, почему нельзя пользоваться ранее принятым переводчиками порядком изречений Гераклита, почему именно его порядок следования Фрагментов является оправданным, почему необходимо отождествлять выражение «никогда не совершающееся захождение» с выражением «постоянное восхождение», хотя у самого Гераклита этого выражения и нет, – отмечает М. Хайдеггер. Также М. Хайдеггер абсолютно убежден в том, что необходимо актуализировать идею «возвращения» ввиду философии Гераклита, но у самого Гераклита эта идея «возвращения не просматривается», эта идея как раз появилась в контексте новоевропейской метафизики. Более того, М. Хайдеггер отмечает, что предложенные им идеи, сформировавшиеся в новоевропейском философском дискурсе, помогают как раз прояснить речения Гераклита.

Таким образом, пример «Гераклита» М. Хайдеггера является одновременно и текстом-источником и паратекстом, в котором практически невозможно разграничить уровни перевода и трансмутации. Благодаря тому, что в нем одновременно есть и перевод с древнегреческого, в котором позиция переводчика имплицитна, и трансмутация, в которой позиция автора представлена эксплицитно. Однако во многих других случаях этот симбиоз перевода и трансмутации может иметь и менее выраженный характер. Так-

же следует отметить, что пример «Гераклита» М. Хайдеггера при всем не является примером перехода от одной материи к другой.

Можно ли говорить о «переводах» в случае использования других материй, т.е. насколько возможен «перевод» при экфрасисе, – задается вопросом У. Эко [5]? С одной стороны, он констатирует, что при такого рода интерпретациях («посредством словесной материи») теряются многие элементы, например, плотность материи, видимость глубины и пр. Но, очевидно, приобретается нечто другое, что У. Эко называет *другим опытом*. Но насколько этот другой опыт может быть адекватным по отношению к прежнему опыту? Более того, если мы отвечаем на этот вопрос положительно, то возникает следующий вопрос: с каким основанием соотносимы эти «опыты»? Другими словами, если мы имеем картину рассвета и стихотворение, посвященное тому же рассвету (правда, задачу можно и разнообразить: стихотворение может быть посвящено и изображению рассвета и т.д.), то основанием или объектом интерпретации является рассвет, но этот объект получает массу отличительных признаков во всех своих интерпретациях. То есть вариативное интерпретационное множество может быть аргументом в качестве того, что интерпретируемое не имеет (и не может иметь) более или менее подходящих интерпретационных моделей, так как все возможные модели используют *свою* специфику для достижения необходимой цели. Поэтому объем заменяется синонимическим рядом, глубина – историческим экскурсом, плотность материи – поэтическим тоном и т.д. По сути, это проблема соотношения реальности и идеи.

В этой связи стоит обратить внимание на то, что, по У. Эко, высказывание в различных обстоятельствах, сопровождаемое одним и тем же жестом, может по-разному объяснять смысл слова. Он приводит пример слова «стиральный порошок», которое в определенных обстоятельствах может демонстрировать смысл слова «параллелепипед», так как стиральный порошок часто упаковывают в коробки, имеющие форму параллелепипеда.

Действительно, остенсивное определение одновременно может являться и многозначным, и однозначным. Все зависит от «ситуации», или, как говорит У. Эко, от «высказывания». Пример остенсивного определения в какой-то степени является показательным, так как один и тот же знак (вместе с одним и тем же интерпретантом) конституирует совершенно различные дискурсы: «стиральный порошок» → «параллелепипед» и т.д. Таким образом, когда мы произносим / пишем «Гамлет», происходит множество отсылок, т.е. актуализируется множество дискурсов: например, «Шекспир» как явление мировой культуры, «Герой», для которого приоритетом является вопрос «to be or not to be», «Пьеса», актуальность которой не подлежит сомнению несколько столетий, и многое другое. Из этого следует, что множество дискурсов, обусловленное явлением парасинонимии, определяется при этом, по всей вероятности, все-таки одним и тем же интерпретантом («Гамлет»).

Однако остается не совсем ясно, считает ли У. Эко лингвистические переводы «изменением материи»? Если предположить, что У. Эко не считает лингвистические переводы «изменением материи», то возникает вопрос относительно тех «материальных» изменений, которые возникают при переводе в Тексте. Если использовать пример самого У. Эко «Солнце», «Луна» – олицетворение мужское и женское, то различные переводы (переводы на разные языки), как возможные вариации «материализации», в конечном итоге полагают различные образы: «Солнце» – «мужчина» или «Солнце» – «женщина». Помимо примеров У. Эко, можно привести и другие примеры. Так, у Р. Киплинга в английском варианте «Маугли» Пантера мужского рода, в русском переводе – женского рода. Это структурирует определенным образом отношения между Пантерой – «женщиной» и Маугли, так как за ней в этом случае закрепляется архетип Матери / материнского поведения со всеми вытекающими, а не архетип Отца / война, как в языке оригинала. Поэтому с этой точки зрения целесообразнее признать, что лингвистические переводы по объективным причинам приводят к «изменениям материи». И несогласие У. Эко с положением Ю. Лотмана относительно языка как первичной моделирующей системы подтверждается, в том числе и приведенными выше примерами.

В работе «Сказать почти то же самое» У. Эко утверждает, что переводы работ М. Хайдеггера кардинально изменили стиль французских философов. Что из этого следует? По нашему мнению, У. Эко предлагает поразмыслить здесь над тем, как и почему это происходит, т.е. почему перевод Текста структурирует мысль определенным образом. Но, наряду с этим, У. Эко задает вопросом и относительно того, должен ли перевод «уводить» читателя к «культурному универсуму оригинального текста» [1] или же наоборот, «приводить» Текст в новый, чужой культурный универсум?

Проблема возможности «привести-увести» читателя к какому-то культурному универсуму подводит к мысли не только о «функции перевода», но и о функции культуры. А именно: почему культура, собственно, нуждается в переводах, т.е. почему та или иная (национальная) культура нуждается в «заимствованиях»? Чтобы прояснить данный вопрос, воспользуемся примером У. Эко относительно переводов М. Хайдеггера, М. де Сервантеса, Л. Толстого и др. В «Откровениях молодого романиста» он утверждает, что девяносто процентов читателей всего мира ознакомились с романами «Война и мир» или «Дон Кихот» не на оригинальном языке, а в переводе (продолжая эту мысль У. Эко, с уверенностью можно утверждать, что это относится и к философским текстам М. Хайдеггера и др.). Так вот, зачем эти читатели воспользовались переводом «Войны и мира» или «Дон Кихота», если эти тексты возникли в чужой культуре? Очевидно, что, как и в случае с переводами работ М. Хайдеггера, переводы Л. Толстого и М. де Сервантеса тоже меняли стиль тех национальных литератур, в которых появились переводы этих произведений.

Развивая данное предположение об изменениях в культуре и функции перевода, можно предположить, что перевод Текста является новым аспектом видения для конкретной культуры, в сфере которой и состоялся этот перевод. Может быть, именно поэтому У. Эко и утверждает, что перевод по сути является внутренней проблемой истории культуры, частью которой есть и он сам, именно по этой причине перевод того или иного Текста становится возможным в той или иной культурной модели в определенный исторический момент. Однако новый аспект видения культуры не может (и не должен) быть тождественным аспекту видения культуры, к которой принадлежит оригинальный Текст. Из чего следует, что некоторые проблемы, актуальные в оригинале, исчезают, а некоторые проблемы, не актуализированные в оригинале, появляются. Более того, ситуация продолжает развиваться по такой же схеме, если будет иметь место перевод перевода или если перевод необходимо «синхронизировать» с текущим историческим периодом. Иными словами, диахронический подход позволяет определять и вычленять произошедшие исторические «сдвиги» в переводах и адаптациях Текста, которые были обусловлены необходимостью исторической синхронизации этого Текста и его Читателя.

Таким образом, возвращаясь к одной из основных идей данного параграфа – к идее модернизации / архаизации перевода, нужно отметить следующее. Поскольку перевод текста-источника всегда сориентирован на формирование текста назначения, постольку этот перевод всегда сориентирован на синхронизацию с предполагаемым Читателем. А синхронизация с Читателем зависит от многих факторов. Во-первых, от того, какова цель ознакомления Читателя с текстом-источником, во-вторых, каков культурно-исторический уровень этого Читателя, в-третьих, каков культурно-исторический момент создания данного перевода и каков корпус текстов, актуальных на данном этапе.

Прежде чем перейти к рассмотрению заявленного нами феномена, обратимся к следующему. Когда У. Эко говорит о библейских историях [14], которые были изначально «записаны», а несколько позже эти истории в качестве определенных сюжетов начали воспроизводиться посредством живописи, скульптуры, музыки и прочего, то он обращает прежде всего внимание на то, что поскольку эти истории уже были известны зрителю / слушателю, постольку изменения в них как таковых и не было. Однако это утверждение вызывает вопрос не только относительно трансмутаций этих историй, но также и по поводу того, каким образом удавалось не измениться существу мифа, представленного в этих историях, в контексте Конترفормации и церкви Возрождения? Действительно, истории рассказывают «о том, что уже произошло», но, очевидно, *то, что уже произошло*, как-то тоже повлияло на становление Возрождения и Конترفормации? Другими словами, библейские истории, записанные в свое время, в период «записывания» не были рассчитаны на воспроизведения другими способами, что, очевидно, указывает на то, что других способов «записывания» / передачи на том этапе не су-

ществовало. Да, музыка, живопись и скульптура, представляя библейские истории, сообщает нам о том, что уже было, но способ представления в этом случае используется тот, которого *тогда не было*. Более того, история социокультурного развития к моменту появления новых способов презентации Текста прошла такой исторический период, как Контрреформация и Возрождение. Это указывает на то, что трансмутация историй *о том, что было*, имеет место.

Безусловно, библейские истории, претерпевая переводы на многие языки мира, сохраняют свою сущность и тождественность, они продолжают привлекать воспринимающее сознание как раз тем, что давно уже известно, и тем, что давно уже произошло. Тем не менее новые способы выражения старого знания (в данном случае это библейские истории) находят и используют новые аспекты старых историй. В качестве иллюстрации данного предположения воспользуемся следующим примером. Библию в качестве основного священного текста христианства никто не отменял ни в XVII столетии, когда католической церковью был вынесен обвинительный приговор Галилею в связи с его отстаиванием гелиоцентризма, ни в конце XX столетия, когда та же католическая церковь приняла решение о реабилитации Галилея и принципов гелиоцентризма. Таким образом, история одна и та же (принципы гелиоцентризма), а ее восприятие историческим субъектом (каковым является и церковь) весьма различно. Может быть, именно средства представления, достаточно в значительной степени обновившиеся за последние 350 лет, данной теории и привели к изменению восприятия и оценки того, что давно уже было известно. Конечно же, нужно учитывать и то, что такого типа трансмутации Текстов происходят не каждый день, они связаны с теми парадигмальными *сдвигами*, которые обусловлены эпохальными изменениями представлений Субъекта познания о Мире.

В связи с вышеизложенным обратимся к трактовке универсальности мифа и сверхъестественной реальности у У. Эко. По всей вероятности, миф является (или должен являться) определенным символом сверхъестественной реальности. Однако если по поводу мифа и его сущности существует известная культурно-историческая конвенция, то по поводу сверхъестественной реальности все выглядит не так однозначно, поэтому воспользуемся в данном случае предположением, что сверхъестественная реальность – это Данность, определяющая многоаспектный субъектно-объектный континуум индивидуального сознания. И когда У. Эко, как и последователи концепции утонченного фальсификационизма (например, И. Лакатос [15] неоднократно возвращался к мысли о том, что изменения исследовательских программ происходят вследствие обнаружения новых элементов в старых теориях; К.-О. Апель [16], обращающий внимание на проблему интерсубъективного диалога в интерпретативном сообществе ученых, приводит пример критического объяснения Библии, которое началось в «Богословско-политическом трактате» Б. Спинозы), утверждает, что Реальность – это Результат, то это означает, что Реальность – это одно из

возможных следствий того основания, которое мы называем сверхъестественной реальностью. Именно по этой причине сверхреальность не может и не бывает Результатом.

Для того чтобы рассмотреть возможные принципы «взаимовлияния» мифа и сверхъестественной реальности, обратимся к понятию дискурса. Во-первых, персонаж Мифа и персонаж Романа – это персонажи различных дискурсов. Правда, У. Эко утверждает, что мифологический персонаж «двулик», так как, с одной стороны, это архетип, с другой – образ, пребывающий в развитии [14]. Обусловлено ли подобное положение дел дискурсом, – вопрос, остающийся пока без ответа. Во-вторых, в некотором смысле дискурс является сверхъестественной реальностью, так как, по утверждению Р. Барта, дискурс создает персонажи для того, чтобы они выполняли для нас определенные функции. Последнее возможно, если дискурс обеспечивает для нас кодовый (знаковый) обмен, т.е. создает для Читателя / Зрителя возможность *со-управления* как персонажами, так и дальнейшим развитием самого себя, дискурса [12]. Если допустить, что архетип предполагает вариативный набор репрезентаций персонажа, а это, в свою очередь, определяет набор возможных / допустимых интерпретаций, то именно таким образом и можно объяснить механизм обеспечения кодового обмена. Дискурс – тоже персонаж, по Р. Барту.

Тем не менее, учитывая нюансы дискурсивной природы Реальности, мы оказываемся в ситуации, в которой повествование имеет все шансы превратиться в «ленточный глист» [14]. Другими словами, вариативность архетипа способна к порождению сюжетов до бесконечности. Однако на деле эта «бесконечность» все-таки имеет определенные границы. Эти границы определяются целе-и-смысло-полаганием дискурса.

Возвращаясь к образу Супермена, одному из часто используемых У. Эко в работе «Роль читателя», следует отметить, что этот образ, безусловно, архетипичен. Но в различных координатах (дискурсах) он совершает *различные* действия. Координаты эти для Супермена предписываются разными условиями: и коммерческими, и моральными, и экономическими, и научными, и религиозными и т.д., т.е. культурно-исторические координаты определяют необходимость конкретной интерпретации и конституируют нужный дискурс.

Следовательно, Супергерой (как архетип) может быть актуален для «текущего» индивидуального сознания только в конкретной форме. А вот что касается формы, которая фактически позволяет архетипу варьироваться во времени, то она (форма) всегда организует пространственно-временной континуум Супергероя с учетом специфики «длящегося» культурно-исторического периода. Таким образом, в XX в. Супермен противостоит «плохим» ученым, машинам времени, космическим пришельцам, гномам из пятого измерения [14] и др. В IV в. до н. э. из перечисленного отсутствует практически все, но поскольку противостояние, как основной инструмент мифа о Супергерое, является основным элементом данного дискурса,

постольку Супергерой обязан тоже чему-то противостоять. Но как соотнести элементы противостояния, временной разрыв между которыми составляет почти два с половиной тысячелетия? Здесь как раз не обойтись без феномена архетипа. В подтверждение выдвинутого предположения воспользуемся примером У. Эко [14] о Гноме из пятого измерения, загнать которого обратно можно с помощью приемов *магии*: ему надо произнести свое имя в обратной звуковой последовательности. Казалось бы, где «пятое измерение», а где «магия»? Однако каким-то образом это «соприсутствует», и это со-присутствие является подтверждением как *возможностей*, актуальных для архетипа, так и *возможностей*, актуальных для дискурса и его элементов, конституирующих «текущий» момент воспринимающего сознания. Действительно, пятое измерение и магические приемы выступают в этом случае равнодоступными инструментами Читателя / Зрителя, который может и будет использовать их в соответствии со своей Реальностью: что с ней согласуется, то и будет востребовано.

Тем не менее, возвращаясь к проблеме взаимодействия мифа как архетипа и романа / фильма / оперы / картины как одного из возможных вариантов репрезентации мифа в качестве Реальности, нельзя не обратить внимание на то, что новоевропейский дискурс весьма серьезно трансформировал представления о времени и причинности. В терминологии Р. Барта эта трансформация дискурсивна, но что это означает с точки зрения формирования текущей Реальности?

У. Эко приходит к выводу, что такого рода трансформации способствуют созданию у Читателя / Зрителя новых Реальностей в смысле новых эпистемологических моделей [14]. Если воспользоваться уже приведенным примером о пятом измерении и магии, то можно предположить, что в конечном итоге новые модели и помогают трансформировать идею магических изменений в идею пятого измерения, где возможны такие метаморфозы, которые в известных измерениях недопустимы и т.д. Результаты, основанные на старых когнитивных привычках, уступают свое место новым когнитивным схемам, на основании которых моделируются новые привычки, которые являются звеном, подлежащим изъятию в будущем.

Таким образом, «порядок» культурной модели общества ретранслируется схемой и структурой произведения, дискурс которого является результатом Реальности, актуальной для «текущего» индивидуального сознания. Читатель / Зритель открывает для себя Текст как одну из возможных *на данном этапе* моделей воображения.

Для того чтобы перейти к заключительной части нашего исследования и проследить в практическом выражении возможное применение / действие теории перевода (Текста), необходимо кое-что уточнить. Рассмотрим, что подразумевает У. Эко под интерпретантом как динамическим объектом с учетом того, что динамический объект в том или ином временном моменте является результатом того или иного дискурса (или Реальностью в терминологии У. Эко) [14].

С точки зрения различных коммуникативных практик результат дискурса – это одновременно и

конвенция, и овладение традицией (усвоение аспекта видения). Собственно, конвенция и традиция существуют до того момента, пока они *согласуются* и не вступают между собой в отношения противоречия. Сам же механизм обнаружения противоречия между конвенцией и традицией обусловлен динамическим объектом (вернее, динамической природой объекта). Другими словами, конвенция претерпевает изменения в процессе формирования новых привычек, определяющих новый аспект видения.

Если попытаться вслед за У. Эко проследить основные этапы формирования привычки [14], то мы увидим, что это напоминает формирование аспекта видения. У. Эко утверждает, что значение и репрезентант соотносятся между собой в силу закона или закономерности, поэтому понимание знака или объекта возможно при условии личного опыта, при котором происходит знакомство с объектом, к которому и относится тот или иной знак.

Возвращаясь к динамическому объекту, следует отметить, что в этом случае У. Эко опирается на подход Ч. Пирса. Ч. Пирс полагает, что связь между Символом и знаком обусловлена некоторым свойством или качеством, фактическая актуальность которого приводит к тому, что Символ может или будет интерпретироваться как знак. Самое интересное, что Ч. Пирс вполне допускает возможность того, что интерпретант может как относиться к какому-то объекту, так и существовать без всякого объекта, а это значит, в любом случае этот интерпретант будет репрезентирован посредством символа (ведь в противном случае Мир был бы незнаком с этим свойством) [11]. Следовательно, символ / знак может как соотноситься с каким-то объектом, так и не соотноситься. Собственно, проблема интерпретации в общих чертах сводится именно к этому: «увидеть» *то*, что *есть*, но опыт неумолимо свидетельствует о том, что вариации «видения» бесконечны, так как *то*, что *есть* в каждом «видении» не *то же самое*. Реальность как Результат – это всегда возможность индивидуального восприятия, что связано с проблемой смыслополагания / смыслоопределения. Различные смыслы формируют различные значения в качестве объектов мысли.

Таким образом, индивидуальный опыт становится основанием конституирования динамического объекта как объекта, возможность которого всегда обусловлена конкретной вариацией (аспектом видения) индивидуального сознания, для которого в конкретный момент данная вариация интерпретанта (объекта) в силу цели-смысло-полагания является единственно возможной. Иными словами, когда У. Эко выделяет два измерения интерпретанта: семантическое (интерпретант как возможный объект конкретного опыта) и онтологическое (интерпретант как конкретный объект возможного опыта), то, вслед за Ч. Пирсом, он признает механизм «взаимодействия» возможных миров объекта. И это совершенно оправданно с точки зрения индивидуального сознания, перманентно создающего Реальность посредством темпоральной актуализации того или иного положения дел (объекта), которое является всего лишь элементом возможного опыта данного Субъекта. Здесь также следует отметить, что в качестве элемента

опыта выступает не только какой-то «единичный» объект, но и Текст. Дело в том, что возможный опыт индивидуального сознания разнотруктурен, и объектом является в каждом конкретном случае то, что в силу необходимости рассматривается *сейчас* как *такое-то* положение дел, т.е. это может быть и Герой, и Роман, Художественное направление, и Культурная эпоха и т.д. Уровни микро -и- макро-мира определяются Субъектом в зависимости от целей интерпретации. Если предположить, что интерпретация тоже часть возможного опыта, то ее использование – это необходимый шаг для осуществления нового опыта и для получения нового результата. С. Vassalo в одной из своих работ, посвященной правильному пониманию феномена перевода, утверждает, что данная проблема сводится к аргументированному размежеванию между интерпретацией и переводом, которые далеко не всегда имеют синонимическое значение [17].

В конечном итоге, получение нового результата и новой интерпретации влекут за собой формирование нового опыта, новая привычка теперь вытесняет старую. Новый опыт структурирует объект во времени. И поскольку новый опыт в хронологическом отношении всегда открыт обновлению по причине «взаимодействия» возможных миров объекта, постольку применение / использование постоянно обновляемого опыта приводит к получению постоянно обновляемых результатов. Реальность как результат многовариантна, но это многовариантность имеет темпоральную актуальность даже для одного и того же индивидуального сознания. Используя опыт или объект одного из возможных миров, Субъект создает новую конвенцию относительно новых смысла и значения «старого» объекта. Диахронический срез интерпретационного набора того или иного Текста свидетельствует о его перманентной адаптации к исторически актуальному Читателю.

Таким образом, в результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам. Во-первых, перевод – это инструмент формирования *возможных миров* в тех культурах, в которых и на языках которых был осуществлен этот перевод. Новый аспект видения культуры создается на основании ее взаимодействия с другими культурами, что само по себе возможно только в условиях соприкосновения культур. Во-вторых, переведенные тексты в чужой культуре так или иначе «сказываются» на дальнейшем взаимодействии этих культур. Из этого следует, что перевод выполняет определенные функции, которые не могут быть сведены исключительно к появлению того или иного текста в чужой культуре. Дело в том, что Текст, подлежащий переводу, транслирует определенную культурную модель, адаптация которой чужой культурой свидетельствует о появлении новых возможных миров. В данном случае происходит конституирование нового дискурса. И собственно использование диахронических срезов тех или иных культурно-исторических моделей при анализе вариативного интерпретационного набора Текста показывает роль и значение диахронии в контексте понимания глубинных процессов трансформации как Текста (и культуры), так и его Читателя.

Однако и в родной культуре Текст *устаревает*, тогда начинается процесс его модернизации, что чаще всего связано с понятием трансмутации. Следовательно, исходный Текст нуждается в синхронизации с актуальным периодом для того, чтобы синхронизировать культурные модели Текста и Реальности индивидуального сознания. В этом случае фактор диахронии играет ключевую роль, делая возможным «подгонку» традиций и привычек, представленных в Тексте, к дискурсу сегодняшней Реальности. Интерпретационные модели, являясь до какой-то степени культурными моделями, вариативны по причине темпоральной природы Реальности. В связи с этим появление новых эпистемологических полей (текстов, гипотез, концепций, изображений и т.д.) является новым «прочтением» (новым аспектом видения) какого-то мифа. Таким образом, диахрония, которая является, по-нашему мнению, основным фактором интерпретации текста, определяет вариативный набор смыслов.

Если связь между текстом-источником и его последующими вариантами-интерпретациями в диахронии держится на культурно-исторической традиции, то в синхронии важен фактор знания первичного текста и установления ассоциативно-смысловых связей.

В статье «Лингвистика и поэтика» Роман Якобсон писал, что для того, чтобы сообщение могло выполнять свои функции, необходим *контекст* (context) [18]. Невозможно также не согласиться с мнением, что экстралингвистический опыт (то, что называют background knowledge или «энциклопедия» Умберто Эко) в значительной мере определяет понимание речевых единиц даже в элементарном коммуникативном акте. Этот же фактор важен и для перевода, поскольку он влияет на процесс выбора переводческого соответствия тем или иным языковым единицам. Следует также обратить внимание на то, что корпус переводных текстов способен не только обогатить язык-получатель информационно и эстетически через трансляцию разноплановой информации, содержащейся в вербальном произведении (будь то роман, философский трактат или учебник по биохимии), но и значительно раздвинуть устоявшиеся границы терминологической системы. (В историческом опыте есть свидетельства, когда терминологические системы по отдельной отрасли знания формировались с чистого листа под влиянием языка-донора.) Путь расширения выразительных возможностей языка в пределах определенной отрасли знания или деятельности могут быть весьма разнообразными: семантическое калькирование, прямое заимствование с последующей адаптацией и т.п. Так, например, буквально взрывное появление в русском переводе значительных по объему и разнообразных по содержанию философских текстов, противоречащих традиционному марксизму-ленинизму, которое произошло в СССР в конце восьмидесятых, стало трансформировать устоявшуюся терминологическую традицию. Прежде всего, начала происходить смена регистров (под регистрами мы понимаем и то, о чем писал Дж. Кэтфорд в «A Linguistic Theory of Translation»: регистр является маркером определенного социального класса или статуса того или иного субъекта [1. С. 85], и смену возмож-

ных терминологических предпочтений при переводе). Подобные процессы можно было наблюдать не только в русском языке, но и в языках других постсоветских республик.

Таким образом, переводы новых текстов начали не только влиять, но и трансформировать терминологическую систему языка философии в России и в других

постсоветских государствах. Но проблема, естественно, не ограничивалась только появлением новых терминологических конструктов. Новый корпус философских текстов не только модернизировал терминологическую систему, но и привел к изменению всего постсоветского философского дискурса: возникли новые эпистемологические поля.

ПРИМЕЧАНИЕ

* О трансмутации принято говорить при смене материи Текста, т.е. при переходе из одной семиотической системы в другую с сохранением образной и смысловой связи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Catford John. *A Linguistic Theory of Translation. An Essay in Applied Linguistics*. Oxford : Oxford University Press, 1965.
2. Бархударов Л. *Язык и перевод*. М. : Международные отношения, 1975.
3. Греймас А.-Ж. *Структурная семантика: поиск метода*. М. : Академический проект, 2004.
4. Эко У. *Сказать почти то же самое. Опыты о переводе*. СПб. : Symposium, 2006.
5. Eco U. *Dire quasi la stessa cosa. Esperienze di traduzione*. Milano : Bompiani, 2003.
6. Popper K.R. *Knowledge and the body-mind problem*. London: New York : Routledge, 1994.
7. Гончаренко В.Н., Гончаренко М.В. Об исполняемой пьесе как физической вещи (кое-что к объяснениям сэра К. Поппера) // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2016. № 2 (34). С. 47–52.
8. Eco U. *Confessions of a young novelist*. Harvard university press. US, 2011.
9. Ricoeur P. *Le conflit des interpretations*. Paris : Seuil, 1969.
10. Fabbri P. *La svolta semiotica*. Bari : Laterza, 1998.
11. Peirce C.S. *Collected Papers*. Cambridge-Mass. : The Belknap Press of Harvard University Press, 1965–1967.
12. Barthes R. *S/Z*. Paris : Seuil, 1970.
13. Heidegger M. *Heraklit*. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1979.
14. Eco U. *Lector in fabula*. Milano : Bompiani, 1979.
15. Lacatos I. *Criticism and the Methodology of Scientific Research Programmes* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1968. Vol. 69. P. 149–186.
16. Apel K.-O. *Transformation der Philosophie*. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1980.
17. Vassalo C. What's so "proper" about translation? Or interlingual translation and interpretative semiotics // *Semiotica*. 2015. Vol. 206. P. 161–179.
18. Jakobson R. *Closing Statements: Linguistics and Poetics* // *Style in Language* / ed. by T.A. Sebeok. Cambridge : MIT Press, 1960. P. 350–377.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 16 июня 2018 г.

Epistemological Fields and New Narratives

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 85–94.

DOI: 10.17223/15617793/439/10

Mark V. Goncharenko, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: markgon73@rambler.ru

Valentina N. Goncharenko, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Tomsk Branch (Tomsk, Russian Federation). E-mail: albaregia1960@mail.ru

Keywords: epistemological fields; text; interpretation; translation; discourse.

The present research mainly focuses on the issue of intersemiotic translation, which is related to the separation of semiotic systems due to their varying media. Analyzing the problem of translation in the broad sense of the word, diverse functions of translation are observed. For instance, C. Vassalo in the paper “What’s so “Proper” about Translation? Or Interlingual Translation and Interpretative Semiotics” devoted to genuine understanding of the translation concept claims that the given problem is confined to an argumentative dissociation between interpretation and translation that do not always have a synonymic meaning. The functions of text translation are always known to be diverse. The main goal of translation is limited to a possibility of comprehension for the reader. However, the issue is that the reader belongs to a different culture and often to a different era, so that the possibility of comprehension itself appears to be a problem. The reader either has to return into the past period of text creation, or the latter is to be drawn closer to the reader through interpretation. Thus, text translation from one language into another could be both modernization of the text and its archaization. In fact, the generative process of translation options is contingent on text synchronization; the ideological context is also considered one of the important factors affecting text interpretation. In this paper, the following methods were used: cultural-typological analysis and discourse analysis. The authors conclude that new narratives arise as a result of interaction with the previous cultural tradition related to the initial text and the changed circumstances which, in their turn, are reflected in the secondary text concepts; this research identifies problems causing the necessity of either modernization or archaization of translation, clarification of factors facilitating synchronization of text translation with current cultural and historic discourse, identification of ways to relate the source text to its variants; this research shows how to determine the possible ways to constitute epistemological fields in consequence of interconnection of the source text and its possible variations with a new cultural and historic environment.

REFERENCES

1. Catford, J. (1965) *A Linguistic Theory of Translation. An Essay in Applied Linguistics*. Oxford: Oxford University Press.
2. Barkhudarov, L. (1975) *Yazyk i perevod* [Language and translation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
3. Greimas, A.-J. (2004) *Strukturnaya semantika: poisk metoda* [Structural semantics: an attempt at method.]. Translated from French by L. Zimina. Moscow: Akademicheskii projekt.

4. Eco, U. (2006) *Skazat' pochti to zhe samoe. Opyty o perevode* [Saying Almost the Same Thing: Experiences in translation]. Translated from Italian by A.N. Koval'. St. Petersburg: Symposium.
5. Eco, U. (2003) *Dire quasi la stessa cosa. Esperienze di traduzione* [Saying Almost the Same Thing: Experiences in translation]. Milan: Bompiani.
6. Popper, K.R. (1994) *Knowledge and the body-mind problem*. London: New York: Routledge.
7. Goncharenko, V.N. & Goncharenko, M.V. (2016) About a performed play as a physical thing (some remarks to the notes of Sir K. Popper). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2 (34). pp. 47–52. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/34/5
8. Eco, U. (2011) *Confessions of a young novelist*. Harvard University Press.
9. Ricoeur, P. (1969) *Le conflit des interpretations* [The conflict of interpretations]. Paris: Seuil.
10. Fabbri, P. (1998) *La svolta semiotica* [The semiotic breakthrough]. Bari: Laterza.
11. Peirce, C.S. (1965–1967) *Collected Papers*. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press.
12. Barthes, R. (1970) *S/Z*. Paris: Seuil.
13. Heidegger, M. (1979) *Heraklit*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann.
14. Eco, U. (1979) *Lector in fabula* [The Role of the Reader]. Milan: Bompiani.
15. Lacatos, I. (1968) Criticism and the Methodology of Scientific Research Programmes. *Proceedings of the Aristotelian Society*. 69. pp. 149–186.
16. Apel, K.-O. (1980) *Transformation der Philosophie* [Transformation of philosophy]. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
17. Vassalo, C. (2015) What's so "proper" about translation? Or interlingual translation and interpretative semiotics. *Semiotica*. 206. pp. 161–179. DOI: 10.1515/sem-2015-0022
18. Jakobson, R. (1960) Closing Statements: Linguistics and Poetics. In: Sebeok, T.A. (ed.) *Style in Language*. Cambridge: MIT Press.

Received: 16 June 2018

Н.Ю. Игнатова

КОНЦЕПЦИИ МУЛЬТИВЕРСА (МНОЖЕСТВЕННЫХ МИРОВ) В СКЕПТИЧЕСКОМ ТЕИЗМЕ

Проанализирована полемика скептических теистов относительно концепции мультиверса (множественных миров). Показано, что теистические модели множественных миров не могут побеждать, подрывать или иным образом уменьшать доказательную силу аргумента от зла. Исследовано понятие «аксиологический порог» на примере подходов Д. Парфита, П. Ван Инвагена, М. Альмейды, К. Краая, Т. Гюлесерьяна, Д. Тернера, Т. О'Коннора. Показано, что аргументация к принципу полноты не решает логические проблемы, вытекающие из попыток использовать теистическую концепцию мультиверса в дискуссиях относительно аргумента от зла.

Ключевые слова: аналитическая философия религии; скептический теизм; мультиверс; аксиологический порог; аргумент от зла; принцип полноты.

Введение

В последние десятилетия в научном теоретизировании о мультиверсе (множественных мирах) наблюдался удивительный рост. Теории множественных вселенных (или множественных миров) приобрели значительную научную респектабельность. В настоящий момент существует множество научных теорий мультиверса. Следует назвать следующие теории:

- 1) квантовая теория параллельных миров Х. Эверетта 1957 г.;
- 2) квантовая механика Д. Дойча 1997 г.;
- 3) инфляционная теория А. Линде 1986 г., согласно которой вселенные образуют пузырьки в хаотически расширяющемся мире;
- 4) теория Ли Смолина 1997 г., который предположил, что вселенные генерируются черными дырами;
- 5) циклическая модель мультиверса М. Штейнхардта и Н. Турока 2007 г., вытекающая из теории струн;
- 6) математическая мультивселенная М. Tegmark 2007 г.;
- 7) «мир многих миров» А.В. Виленина 2006 г.

Хотя научные теории мультиверса не исключают друг друга, детали каждой из них горячо оспариваются. И научные, и теистические концепции мультиверса исходят из того, что реальный мир включает (или возможно, содержит) множество вселенных. Утверждение, что реальная вселенная (или возможные вселенные) являются мультиверсальными, не предполагает эксплицитно деятельности Бога в отношении природного мира. Научные теории мультиверса считаются враждебными теистическим концепциям множественных миров. При этом теисты не отрицают возможности научных концепций.

Теистическая концепция множественных миров исходит из того, что Бог создал бесконечное количество миров или вселенных выше некоторого порога добра, следовательно, общее количество добра перевешивает ужасные последствия зла, поэтому аргумент от зла не дает убедительные доказательства против существования Бога. Цель статьи – рассмотреть различные варианты предполагаемого решения аргумента от зла против всемогущего Бога – концепции множественных миров в скептическом теизме.

Аргумент от зла

Теистические концепции мультиверса создаются и используются скептическими теистами по двум причинам: во-первых, для подтверждения аргумента от разумного замысла (аргумент «тонкой настройки» Р. Суинберна), во-вторых, в дискуссиях относительно всемогущего Бога и аргумента от зла (П. Ван Инваген, А. Плантинга, М. Альмейда, К. Краай и др.). Всемогущее существо могло бы привести мир к тому, чтобы он существовал любым возможным способом, каким мог бы существовать мир.

В концепциях скептического теизма наряду с понятием «Бог» используются понятия «совершенное существо», «Бог Ансельма», «всемогущий моральный агент». Совершенное существо имеет все атрибуты совершенства: моральное совершенство, всемогущество, всеведение и необходимое существование. В метафизике множественных миров актуализация выбранной Богом вселенной видится двойственно: в онтологическом аспекте (каждая вселенная и заключенный в ней баланс добра и зла) и логическом аспекте, когда указание на алетические и деонтические способы интерпретации возможных вселенных предстает попыткой теистов решить проблему зла.

Большинство вариантов аргумента от зла связаны с апостериорным заявлением о том, что наша Вселенная (возможно) содержит типы зла, которые лишают смысла утверждение о существовании Бога. В самом общем виде аргумент от зла у П. ван Инвагена сформулирован следующим образом: «Мы обнаруживаем в мире огромное количество ужасного зла; однако если бы Бог существовал, мы не обнаруживали бы столько ужасного зла в мире; следовательно, Бога нет» [1. С. 69]. Логическое выражение аргумента от зла представлено в виде *modus ponens*:

(1) Бог существует, тогда нет случаев неоправданного зла.

(2) Возможно, что, по крайней мере, некоторые случаи зла являются неоправданными.

(3) Поэтому возможно, что Бога нет.

В этой логической форме вывод (3) верен, если истинны обе посылки, и большая посылка (1), и малая посылка (2). Для скептического теизма значение имеет малая или эмпирическая посылка (2) [1. С. 70–71], которая породила бурную дискуссию и множество

решений. По мнению ван Инвагена, наша неспособность различать соответствующие истины о морали создают условия для скептицизма. Причины действий Бога или страданий от бессмысленного зла не могут быть ясными и прозрачными для человека. Ван Инваген вводит когнитивные ограничения на способность понять причины тех или иных действий Бога: наши познавательные способности развивались в среде, которая может гарантировать их надежность в обычной жизни, но не распространяется за пределы этой области. Можно отрицать всемогущество Бога, утверждать, что зло и страдание необходимы: возможно, у Бога есть достаточная причина для существования зла, – в целом, размышления о пределах всемогущества Бога или аргументе от зла всегда ограничены рефлексивными действиями агента.

При анализе воззрений скептических теистов на проблему множественных миров необходимо учитывать влияние Лейбница. Философские построения Лейбница основаны на весьма специфической картине мира: он видел мир дискретным, составленным из мельчайших частиц (dx , dy), в отличие от Ньютона, который видел мир непрерывным и постоянно меняющимся.

С точки зрения К. Пирса [2. Р. 405], проблема всемогущества или аргумент от зла снимается, как только различают теорию действий (всемогущее существо сможет выполнить любое действие) и теорию результата (всемогущее существо сможет добиться какого-либо результата). Эти результаты обычно рассматриваются как *состояния дел* или *возможные миры*. Используемое скептическими теистами понятие «возможные состояния дел» – это способ, которым могут существовать миры. Понятие «невозможные состояния дел» используется для описания способов, которыми миры не могут существовать.

Простейшую теорию результата, который могло бы получить всемогущее существо, сформулировал Лейбниц в терминах онтологии объектов следующим образом: S является всемогущим = $df S$, может привести к любому возможному миру. Всемогущее существо сможет актуализировать любой возможный мир, но абсурдно полагать, что всемогущее существо должно актуализировать мир, в котором его существование невозможно. Такой мир невозможен.

Дж. Росс повторил вывод Лейбница в онтологии состояний дел: S является всемогущим = $df S$, если для любых контингентных состояний дел p , где p логически эквивалентно любому эффективному выбору S , что p . По Россу, актуализация любого состояния дел логически эквивалентна утверждению, что это положение определено выбором всемогущего существа:

S является всемогущим = когда $(p) \square ((S \text{ волит } p) \square \rightarrow (S \text{ намеренно приводит к } p))$, где $\square \rightarrow$ сослагательное условие [2. Р. 405–407].

Поэтому состояния дел без проявления всемогущества Бога логически эквивалентно формулировке: всемогущее существо делает выбор о своем несуществовании, что было бы абсурдно. Один из вопросов, рассматриваемых в скептическом теизме, – всегда ли предполагается существование Бога во множественных мирах.

Теистические концепции мультиверса

Прежде всего, укажем, как скептические теисты описывают множественные миры на примере подходов К. Краая, М. Альмейды, Т. Гулесерьяна.

В концепциях мультиверса (К. Краай) каждый возможный мир является реальной, конкретной вселенной. «Вселенная» представляет собой совокупность пространственно-временно связанных вещей и событий, а «мир» – это реальность. Следовательно, мир может содержать несколько вселенных. Мультиверс состоит из подмножества возможных вселенных в метафизическом пространстве. Возможно, наш мир – один из бесконечного множества вселенных, актуализированных в логическом пространстве мультиверса. В некоторых возможных мирах содержится одна вселенная, в то время как другие возможные миры содержат несколько вселенных. Поэтому, когда скептические теисты рассуждают о «возможных мирах», они размышляют о разных способах существования реальности.

Хотя события внутри конкретной вселенной пространственно-временны связаны, событие во Вселенной A и событие во Вселенной B не будут иметь пространственных или временных отношений между собой. Мир понимается как максимально согласованное состояние дел. Таким образом, в мире может существовать вселенная, где существую я, и вселенная, где я не существую, но это не порождает противоречивых состояний дел. Состояния дел мира будут включать состояния дел вида «Я существую во Вселенной № 17» и «я не существую во Вселенной № 18». Или, по крайней мере, состояния дел, которые происходят во Вселенной № 18, не будут включать состояния дел «я существую» [3].

Концепция теистического мультиверса стремится следовать принципу полноты (Лавджой). Считается, что в этом состоит ее преимущество. Принцип полноты должен гарантировать, что в логическом пространстве нет пробелов. Принцип полноты состоит в том, что все вещи могут сосуществовать при условии, что они занимают различные пространственно-временные позиции. Но при этом вещь не может существовать и не существовать одновременно в одном и том же мире. Каждая вещь существует только в одном мире, одновременно находясь в отношениях сходства с вещами в других мирах. Отношение сходства не предполагает причинно-следственной связи между вещами. Это позволило скептическим теистам постулировать пространственно-временную замкнутость возможных миров. Возможно, что существует бесконечное множество возможных миров. Каждый возможный мир – это настоящая, конкретная вселенная, и каждый мир является в пространственно-временном отношении замкнутым. Ни один из бесконечного множества возможных миров не находится в каком-либо пространственно-временном отношении к другому миру, кроме самого себя. И ни один мир не находится в пространственно-временном отношении к частям любых миров, кроме его собственных частей.

Как понять, в каком именно мире мы живем – наилучшем или не самом лучшем? Для определения сути понятия «наилучший мир» скептические теисты используют лейбницеанскую монадологию. Для определения индивидуальных характеристик каждого мира из множества возможных используется представление Лейбница о тождестве неразличимых. Это утверждение позволяет отвергнуть идею неразличимости двух индивидуальных субстанций-монад, а в нашем случае – бесконечно повторяющихся в мультиверсе вселенных.

Плантинга считает, что Бог творит не наилучший, а лучший из тех возможных миров, которые мог бы сотворить, прежде всего, потому, что он не может сотворить какой угодно мир.

С точки зрения М. Альмейды, если есть наилучшая возможная вселенная, то нет моральной причины, почему она должна быть нашей Вселенной. Нет моральной причины, по которой конкретные жители нашего мира должны обладать благоприятными возможностями переживаниями, чем конкретные жители других реальных вселенных. И если существуют наполненные злом возможные миры, то нет причин, по которым наш мир не должен быть среди них. М. Альмейда утверждает, что сильный принцип совершенствования должен определять выбор всемогущего морального агента. Если Бог должен актуализировать возможный мир, то это будет мир непревзойденной нравственной доброты. Поскольку, заявляет Альмейда, невозможно, чтобы совершенное существо актуализировало более одного возможного мира, высказывается маловероятное утверждение, что реальный мир со всем своим злом не хуже любого другого логически возможного мира [4].

По мнению К. Края, подобное рассуждение умаляет всемогущество Бога. Бог, обладающий полнотой могущества, создает те, и только те вселенные, которые соответствуют определенному стандарту добра, пишет Край, – с благоприятным балансом добра над злом. Легко сделать вывод, что мы живем в мире с благоприятным балансом добра и зла. Божественная совершенная доброта, всемогущество и любовь объясняют, почему Бог реализует самый лучший мир – мультиверс.

Сильная позиция в скептическом теизме провозглашает положительный или нейтральный баланс добра в возможных мирах. Слабая позиция требует, чтобы в нескольких возможных мирах преобладало экстремальное зло [5]. У сильной и слабой позиции есть сторонники [6] и противники [7]. Если Бог существует с необходимостью и с необходимостью является всемогущим, то многие состояния дел, которые составляли бы реальные возможности, и с точки зрения логики действительно представляют собой возможности, просто невозможны в сильном смысле. Следовательно, границы возможных миров в теистической концепции мультиверса определены не нашей способностью вообразить все, что угодно, но внутренней логичностью и последовательностью возможного (П. ван Инваген). Проблема только кажется незначительной, если мы определим реальный мир как мир, который могло бы актуализировать совершенное

существо. Остается неясным, может ли совершенное существо актуализировать каждый логически невозможный мир. Для ван Инвагена логическая непоследовательность выступает критерием актуализации возможного мира. Так, он упрекает К. Края в логической непоследовательности, задавая вопрос, почему возможных вселенных должно быть именно восемнадцать.

В свою очередь, М. Альмейда обвиняет ван Инвагена в модальном и моральном скептицизме, заявляя, что общая сумма добра в мультиверсе имеет положительный или, по крайней мере, нейтральный баланс [8]. Если сумма добра и зла во всех возможных вселенных является положительной или нейтральной, эта позиция согласуется с принципом полноты. Но согласно принципу полноты, возможно, существует множество реальных вселенных, в которых преобладает зло, и, возможно, существует множество реальных вселенных, в которых преобладает добро. Тогда скептические теисты могут заключить, что существование совершенного существа совместимо с суммой добра и зла в разных мирах.

Возникает противоречие: с одной стороны, модальный реализм подразумевает, что каждый возможный мир является вселенной, в которой реализуется совершенное бытие. С другой стороны, принцип полноты влечет за собой утверждение, что, возможно, некоторые из этих миров настолько плохи, что никакое совершенное существо не могло бы их актуализировать. Таким образом, возникает логическое несоответствие с принципом полноты. Отказ от модального реализма не внесет ясность в этот вопрос.

Сторонники концепций мультиверса рассуждают в границах модальной эпистемологии и отталкиваются от аргумента от мыслимости (Conceivability Argument), который сформулировал Д. Юм: «В метафизике общепринято следующее положение: все, что ум ясно представляет (clearly conceives), заключает в себе идею возможного существования, или, другими словами, ничто из того, что мы воображаем, не есть абсолютно невозможное. Конечно, интуиции ошибочны. Главный вопрос, почему мы должны считать их надежными» [9. С. 124]. Стивен Ябло идет дальше, утверждая, что мы, размышляя, первоначально сразу же отвергаем многие модальные интуиции, что делает наши выводы абсолютно нелогичными [10. Р. 1–2].

Поскольку принцип полноты предполагает, что возможны миры, в которых отсутствует баланс добра и зла, мы должны заключить, что совершенное существо существует в очень плохих мирах. Подробнее остановимся на аргументах Т. Гюлесерьяна, который рассматривает случай экстремально плохого мира, мира зла.

Пусть w – это актуальный мир зла. Возможно, нравственно совершенное существо в мире w могло бы помешать злу стать актуальным. Возможно, совершенное существо имеет право помешать любой возможной вселенной стать актуальной, поскольку все, что нужно сделать, – это привести к некоторому состоянию дел, которое логически невозможно.

Верно для w , что совершенное существо актуализирует w . В частности, верно для w , что совершенное

существо либо создает w , либо позволяет w быть актуальным. Следовательно, должно быть верно, что совершенному существу морально разрешено актуализировать w . Совершенные существа не могут совершать какие-либо недопустимые действия. Но, согласно Гюлесерьяну, с необходимостью ложно, что совершенному существу разрешено актуализировать мир зла w : возможный мир w таков, что обязательно есть совершенное бытие в w , только если это не является морально допустимым для того, чтобы позволить w быть действительным.

Согласно модальному реализму мир w ничем не отличается от реального мира с точки зрения онтологии. И мир w , и реальный мир являются конкретными мирами, содержащими различные типы индивидуумов, имеющих различные свойства. Страдания и боль в мире w не менее ужасны, чем боль и страдания в реальном мире. В реальном мире пережитые страдания являются реальными страданиями. Используется следующее логическое рассуждение:

(1) Могли бы существовать люди, воспринимающие страдания от неоправданного зла как добро.

(1a) Возможно, что существует человек, могущий воспринимать страдания от неоправданного зла как добро.

(1б) $\diamond \exists x (Hx \& Mx)$

\diamond – модальный оператор «возможно». Модальные реалисты элиминируют оператор «возможно». Он заменяется квантификацией по возможным мирам:

(1в) $\exists w \exists x (w \text{ есть мир } \& x \text{ находится в } w \& Hx \& Mx)$.

Сильный вывод, который защищает Т. Гюлесерьян: не может существовать плохой мир w , в котором истинно, что Бог актуализирует w (первый тезис). Независимо от того, что совершенное существо в мире w сделало или изменило, верно, что есть плохой мир w .

Первый тезис: Если существует Бог, то не может существовать плохой мир w .

Второй тезис: Невозможно, чтобы существовал плохой мир w , в котором Бог существует, и хорошие и справедливые моральные агенты терпят незаслуженные страдания [5. Р. 223–225].

Независимо от того, что совершенное существо в мире w сделало или предотвратило, верно, что в этом мире хороший и справедливый моральный агент Смит терпит незаслуженные страдания. Согласно первому тезису Гюлесерьяна, Богу было бы морально запрещено актуализировать мир w , в котором Смит страдает незаслуженно. Но если бы Бог предотвратил страдания Смита в реальном мире, двойник Смита в мире w испытывал точно такие же незаслуженные страдания. Второй тезис гарантирует, что в каком-то мире какой-то хороший и справедливый моральный агент испытывает те же незаслуженные страдания, что и Смит. Следовательно, морально запрещено для Бога актуализировать мир w , в котором Смит страдает незаслуженно, если есть какая-то моральная причина, почему двойники Смита, а не сам Смит должны терпеть незаслуженные страдания. Но соответствующие двойники Смита также хорошие и справедливые моральные агенты, как и Смит. Поэтому нет моральных причин, согласно которым любой из двойников Смита в возможных мирах должен терпеть страдания вместо Смита.

Модальный реализм начинается с предположения, что существует полное множество миров w , в которых Бог предотвращает незаслуженные страдания, которые переживает реальный Смит. В каждом из этих миров действуют двойники Смита. Все двойники представляют Смита в возможных мирах. Каждый из этих двойников – человек, страдания которого были каким-то образом предотвращены страданиями Смита. Таким образом, возможные миры исчерпывают возможные пути, которыми Бог мог бы предотвратить незаслуженные действительные страдания Смита.

Модальный реализм признает, что Богу разрешено позволять незаслуженно страдать, если цена незаслуженных страданий одного необходима для предотвращения столь же незаслуженных страданий другого человека. Нравственная позиция совершенного существа аналогична нравственной позиции спасателя, который может спасти каждого из двух хороших людей, но не может спасти обоих, обязательно нужно кем-то жертвовать. Дилемма спасателя заключается в следующем: в опасной ситуации некий R может спасти некоего S или некоего S¹, но не может спасти обоих и S, и S¹. Таким образом, R разрешено спасти S ценой утопления S¹. Не существует мира, в котором спаслись бы оба, и S, и S¹.

Можно было бы возразить, что Бог не должен быть обеспокоен каждым Смитом, который, возможно, существует, но только таким Смитом, который существует на самом деле. Бог, который позволяет действительному моральному агенту незаслуженно страдать, чтобы предотвратить возможные страдания возможного морального агента, не существующего в действительности, делает что-то нравственно неправильное. Это возражение подрывает принцип полноты, поскольку в некоторых возможных мирах совершенное существо может позволить моральному агенту незаслуженно страдать.

Совершенное существо может допустить незаслуженные страдания одного Смита, только если это необходимая цена для предотвращения подобных ужасных страданий другого Смита. В частности, модальные реалисты утверждают, что совершенное существо позволяет добрым моральным агентам незаслуженно страдать в каждом мире, который оно актуализирует ценой незаслуженных страданий Смита в мире зла w .

Решая проблему «не лучшего из возможных миров», модальный реализм признает, что наш мир – не лучший из миров. В этом случае логическое выражение приобретает следующий вид:

(1) Всемогущее существо могло бы создать любой возможный мир.

(2) Учитывая возможность создать какой-то мир, совершенное существо создаст только наилучший мир.

(3) Фактический мир – это не лучший мир.

Совершенному существу запрещено улучшать жизнь реальных разумных существ. Совершенное существо может улучшить жизнь каждого реального разумного существа, и это было бы моральное улучшение, если бы оно это сделало. Однако обязательно, что у каких-то морально эквивалентных рациональных двойников жизнь не улучшается. Невозможно, чтобы совершенное существо улучшало жизнь каж-

дой морально эквивалентной группы рациональных двойников в каждом мире. Поэтому нет моральной причины, по которой совершенное существо должно улучшать жизнь разумных существ в реальном мире и не улучшать жизнь их морально эквивалентных двойников в возможном мире. Гюлесерьян утверждает, что совершенное существо находится в обстоятельствах, трагически похожих на обстоятельства несчастного спасателя, который может спасти каждого утопающего пловца, но к своему и нашему ужасу не может спасти всех.

Аксиологический порог

Понятие «аксиологический порог» вводится для того, чтобы метафизически обосновать решение проблемы нелучшего мира. Некоторые скептические теисты полагают, что если Бог существует, то реальный мир – это мультиверс, содержащий только те вселенные, которые соответствуют или превосходят так называемый аксиологический порог. Аксиологический статус мира определен как хорошими, так и плохими свойствами мира. Некоторые хорошие свойства мира становятся лучше или проявляются после определенного момента времени. Бог – суверен над модальным пространством, он оставляет своего рода «модальный след», но это означает, что природа Бога не позволяет ему актуализировать любой возможный мир, кроме как выше аксиологического порога. Рассмотрим разные версии аксиологического порога в концепциях мультиверса.

Согласно концепции мультиверса, Бог создает любые или все возможные вселенные. Эта идея серьезно обсуждается Д. Парфитом [11. Р. 3]. Парфит считает, что реальность такова, что существуют все возможные вселенные, потому что было бы лучше, если бы реальность существовала. Хотя Парфит не пытается обосновать теодицею, тем не менее он утверждает, что Бог хочет лучшего, и поэтому, если лучшая реальность включает в себя все возможные вселенные, Бог актуализирует все эти вселенные. Преимущество подхода Парфита заключается в том, что он объясняет, почему мы вообще существуем, недостатком – невозможность установить, живем ли мы во вселенной, наполненной злом, поскольку единственным ограничением существующего зла является логическая непоследовательность. Отметим, что далее Парфит пишет, что «существует каждая хорошая вселенная» [11. Р. 4], не указывая, что нужно, чтобы это осуществилось.

Второй вариант принадлежит А. Плантинге, который считает, что Бог не способен создать все возможные вселенные, но только логически возможные. А. Плантинга, как и Т. Моррис, утверждает, что миры, содержащие определенные проявления зла, метафизически исключаются природой Бога. Бог выступает «ограничителем возможностей», поэтому многие миры на самом деле невозможны именно потому, что Бог не может их разрешить. Бог существует обязательно, и ни один мир не может быть реальным, кроме как по Божьему произволению. Следовательно, если природа Бога не позволяет ему разрешить какое-

то положение дел, то такое положение вещей не является подлинно возможным.

Д. Тернер предлагает другую точку зрения: Бог исследует все возможные вселенные и выбирает для создания те вселенные, в которых существует баланс добра. Мультиверс состоит из тех и только тех вселенных, которые обладают балансом добра. Поэтому мультиверс является наилучшим миром. Но если Бог обязательно актуализирует мультиверс, то таковой является единственным возможным миром. Иерархия возможных вселенных определяет границы логической непоследовательности: либо существует всего один наилучший возможный мир, или его нет, иначе наилучших миров будет бесконечно много. По Лейбницу, метафизически невозможно для Бога актуализировать неидеальный мир. Божественное творение других возможных миров, очевидно, невозможно, поскольку Бог обязательно актуализирует наилучший мир [12]. Вывод Тернера, что существуют возможные миры, которые Бог не может актуализировать, находится в границах монадологии Лейбница. Должно быть верно, что Бог актуализирует некоторые миры в силу метафизической необходимости, и тем не менее возможны миры, которые он не может актуализировать. Возникает неразрешимое противоречие. Если это так, то трудно понять, способна ли теистическая концепция мультиверса решить проблему неоправданного зла.

П. Форрест прописывает еще один вариант аксиологического порога: Бог создал все «всепоглощающие» вселенные, указывая, что никакие две вселенные не похожи друг на друга, и называет это «ограничением на создание не слишком похожего». Представляется, что эта интуиция задана законом Лейбница о тождестве неразличимых, когда $x = y \rightarrow \forall F (Fx \leftrightarrow Fy)$. Единственное оправдание для этого ограничения у Форреста заключается в следующем: «неразумно предположить, что Бог создает вселенные, которые слишком похожи друг на друга» [13. Р. 217]. Сам П. Форрест считает, что формулировка закона справедлива и для гипотетических случаев качественно идентичных объектов, клонов, симметричных вселенных (сильная версия) или точно напоминающих что-то состояний дел (слабая версия) [14]. Для некоторых скептических теистов это ограничение кажется нелогичным, поскольку доказательства не приводятся (К. Край).

Еще одна версия аксиологического порога принадлежит Т. О'Коннору: Бог создает сверхвселенную, содержащую каждую вселенную, которая соответствует пороговому значению добра и обозначает это пороговое значение как τ . Существует бесконечный массив метафизически возможных сверхвселенных, каждая из которых включает только вселенные на уровне или выше аксиологического порога τ , из которого Бог может выбирать, бесконечно творя. Если бы Бог решил создать эту сверхвселенную, содержащую все вселенные на уровне или выше величины τ , то полученная сверхвселенная была бы бесконечно ценной [15. Р. 123–124]. Т. О'Коннор всерьез обсуждает идею ценности вселенной. Описание творения бесконечно ценных вселенных не позволяет ответить на вопрос,

насколько в такой вселенной могут быть решены цели Бога. Внутренняя ценность созданных вселенных не имеет отношения к вопросу о том, является ли мультиверс наилучшим миром.

К. Краай воздерживается от описания специфики аксиологического порога, поскольку свойства вселенных и сами вселенные – это не одно и то же. Аксиологический статус вселенных может быть выражен как некоторая сложная функция, которая выводима из свойств Вселенной хорошего качества: свойства мультиверса, которые проявляются во вселенной; степени проявления этих свойств. Он считает, что Бог исследует все возможные вселенные, которые мы находим в возможных мирах. Бог оценивает вселенные в соответствии с их хорошими и плохими свойствами. Наконец, Бог актуализирует те, и только те вселенные в мультиверсе, которые достойны творения и дальнейшей поддержки. Поскольку верно, что Бог не может создать вселенную, которая недостойна творения, Бог должен создать те и только те вселенные, которые стоит создавать. Вселенные, из которых Бог выбирает, являются экземплярами или конкретизациями возможных миров [16]. Краай утверждает, что из принципа полноты и совершенства следует, что Бог воплощает наилучший мир. Он приходит к выводу, что Бог обязательно актуализирует мультиверс. Следовательно, реальный мир – это мультиверс, в котором присутствуют те, и только те вселенные, которые достойны творения и поддержки.

Одни теисты считают, что вселенные в мультиверсе должны быть наилучшим миром (Краай), другие устанавливают иные подобные ограничения, полагая, что Бог творит возможные миры, соблюдая некий баланс добра. В отсутствие аргумента к противоречию разумно, указывает М. Альмейда, допустить принцип соответствия: Бог может актуализировать лишь одну версию любого возможного хорошего мира. Из этого следует, что Бог никогда не выбирает между одним и другим возможными мирами. Бог рассматривает все возможные миры и для каждого возможного мира, решает, создавать его или нет. Очевидно, что в этом случае модели не включают в себя плохие или так называемые недостойные вселенные, в которых действует зло.

В каком направлении может происходить божественное творение, если Бог обязательно актуализирует мультиверс? Если Бог обязательно актуализирует мультиверс, то в мультиверсе существуют все вселенные. Вселенные, которые составляют мультиверс, должны быть достойны творения. Но, возможно, многие из актуализируемых вселенных не достойны творения. Возможно, многие из них по своей сути плохие миры. Альмейда утверждает, что если Бог обязательно актуализирует мультиверс, мы понятия не имеем о качестве составляющих его вселенных.

В свою очередь, утверждает Краай, что эта реальная вселенная является единственно возможным миром, создает модальный коллапс [17]. Если Бог обязательно актуализирует мультиверс, тогда не существуют никакие возможные миры, кроме мультиверса, они просто не могут быть иными мирами, кроме как элементами полного множества. Принцип пол-

ноты сверхвселенной, которая состоит только из одного члена. Бог заинтересован создать не два или три члена множества сверхвселенной, но фактически n -членную сверхвселенную, с любым конечным значением n . Возможна сверхвселенная, состоящая из бесконечного количества членов-вселенных. Если Бог обязательно актуализирует мультиверс, то мультиверс является единственно возможным миром. Поэтому нет других возможных миров, которые Бог обследовал и затем актуализировал наилучший мир.

Предельным случаем ответа на вопрос, способна ли концепция множественных миров представить ответ на аргумент от зла, является ответ Дж. Мегилл, который не использует понятие аксиологического порога, поскольку считает, что эпистемическая возможность мультиверса полностью побеждает все аргументы от зла прошлого и настоящего времени [18].

Заключение

Все теистические концепции мультиверса основаны на понятии «модальность», т.е. находятся в русле модальной эпистемологии. Фактически, теистическая концепция мультиверса – это картина модальности, согласно которой модальные интуиции понимаются как конкретные, пространственно-временно изолированные вселенные, поразительно похожа на известную теорию модальности: модальный реализм Дэвида Льюиса.

Теистические концепции мультиверса, в отличие от научных или атеологических концепций, используют модификатор «с учетом теизма», поскольку исходят из того, что Бог оставляет «модальный след» в реальности. Для скептических теистов весомым аргументом, подтверждающим возможность актуализации множественных миров, является логичность условий актуализации или положений дел. Спор между скептическими теистами идет относительно процедуры актуализации возможной вселенной, которая получила название проблемы наилучшего из всех возможных миров: как именно должен действовать Бог. Должен ли Бог актуализировать все возможные миры, не обращая внимания на баланс добра; либо предварительно исследовать все возможные вселенные для определения баланса добра; остановиться только на тех мирах, которые можно условно считать добрыми; актуализировать единственный мир – тот самый, в котором мы и живем; актуализировать наилучший мир, – возможные действия Бога предполагают аксиологическую интерпретацию модального оператора.

Подводя итог изложенному выше обсуждению понятия «аксиологический порог», можно утверждать, что создание хороших вселенных увеличивает количество добра в мире, но всемогущество Бога позволяет ему создать сколько угодно подобных вселенных, что, в свою очередь, оставляет открытым вопрос, существует ли наилучший мир. С другой стороны, тот факт, что не существует наилучшего мира, никак не связан с проблемой всемогущества Бога.

По нашему мнению, использование понятия «аксиологический порог» сужает пространство существования

возможных миров. Поскольку каждая вселенная в концепциях теистического мультиверса содержит в себе сполна свое содержание, онтологический ее смысл как возможного мира рассматривается через совокупность предикатов, которыми она может обладать. На практике полный логический анализ возможного мира никогда не может быть доведен до конца из-за сложности объекта, включенного в различные системы отношений, что, в свою очередь, ведет к бесконечности определений. Вслед за Лейбницем скептический теизм находит выход из затруднения с помощью понятия бесконечности. Б. Монтон считает, что бесконечное творение вселенных (бесконечная утилита, как он это называет) не создает решения проблемы зла [19]. Размышления о хороших и плохих свойствах вселенных и миров представляют собой своего рода схему, которая может быть выстроена

различными способами в зависимости от аксиологических и этических взглядов автора.

Некоторые философы отрицают, что существует наилучший мир, а другие утверждают, что даже если такой мир существует, создание его не может считаться лучшим способом действий. Даже если Бог создал каждую вселенную с благоприятным балансом добра над злом, критерий баланса добра произволен. Всегда можно найти такие примеры зла во вселенной, что делают ее недостойной актуализации Богом. И наоборот, можно подобрать другие проявления зла, которые позволят утверждать, что вселенная достойна актуализации. По этой причине теистические модели множественных миров не могут побеждать, подрывать или иным образом уменьшать доказательную силу аргумента от зла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Инваген П. ван Аргумент от зла // Проблема зла и теодицеи : матер. междунар. конф. Москва, 6–9 июня 2005 г. М., 2006. С. 69–84.
2. Pearce K., Pruss A. Understanding Omnipotence // *Religious Studies*. 2012. Vol. 48, № 3. P. 403–414.
3. Kraay K. The Theistic Multiverse: Problems and Prospects. URL: <https://www.ryerson.ca/~kraay/Documents/2012TMPP.pdf>
4. Almeida M. The Multiverse and Divine Creation // *Religions*. 2017. Vol. 8 (12). P. 1–10.
5. Guleserian T. God and Possible Worlds: The Modal Problem of Evil // *Noûs*. 1983. Vol. 17, № 2. P. 221–238.
6. Bealer G. The Origins of Modal Error // *Dialectica*. 2004. Vol. 58. P. 11–42.
7. Van Inwagen P. Modal epistemology // *Philosophical Studies*. 1998. Vol. 92 (1). P. 67–84
8. Almeida M., Oppy G. Skeptical Theism and Evidential Arguments from Evil. *Australasian Journal of Philosophy*. 2003. Vol. 81, is. 4. P. 496–516.
9. Юм Д. Трактат о человеческой природе : соч. в 2 т. М., 1966. Т. 1.
10. Yablo S. Is Conceivability a Guide to Possibility? // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1993. Vol. 53.
11. Parfit D. The Puzzle of Reality: Why Does the Universe Exist? // *The Harvard Review of Philosophy*. 1991. Spring. P. 3–5.
12. Turner D. The Many-universes Solution to the Problem of Evil. URL: https://www.academia.edu/10346731/The_Many_Universes_Solution_to_the_Problem_of_Evil
13. Forrest P. God without the Supernatural: A Defense of Scientific Theism. Cornell University Press, 1996. 256 p.
14. Forrest P. The Identity of Indiscernibles. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/identity-indiscernible/>
15. O'Connor T. Theism and Ultimate Explanation: The Necessary Shape of Contingency. John Wiley & Sons, 2012. 192 p.
16. Kraay K. Theism and Modal Collapse // *American Philosophical Quarterly*. 2011. Vol. 48, № 4. P. 361–372.
17. Kraay K. One Philosopher's Bug Can Be another's Feature: Reply to Almeida's "Multiverse and Divine Creation" // *Religions*. 2018. Vol. 9, is. 1. 23.
18. Megill J. Evil and the Many Universes Response // *International Journal for Philosophy of Religion*. 2011. Vol. 70, № 2. P. 127–138.
19. Monton B. Against Multiverse Theodicies // *Philo*. 2010. Vol. 13, № 2. P. 1–23. URL: <https://philarchive.org/archive/MONAMT>

Статья представлена научной редакцией «Философия» 7 ноября 2018 г.

The Concept of a Multiverse (Multiple Worlds) in Skeptical Theism

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 95–102.

DOI: 10.17223/15617793/439/11

Nina Yu. Ignatova, Nizhny Tagil Institute of Technology (Branch) of the Ural Federal University (Nizhny Tagil, Russian Federation). E-mail: nina1316@yandex.ru

Keywords: analytic philosophy of religion; skeptical theism; multiverses; axiological threshold; argument from evil; principle of plenitude.

The article analyzes the polemics of skeptical theists regarding the concept of the multiverse (multiple worlds). The author contends that the concept of the multiverse deserves to be a central focus of the logical argument from evil as well. In fact, this picture of modality – in which modal claims are understood to refer to concrete, spatiotemporally isolated universes – is strikingly similar to a well-known theory of modality: David Lewis' modal realism. The theistic concept of multiple worlds comes from the fact that God created an infinite number of worlds or universes above a certain threshold of good; therefore, the total number of good outweighs the terrible consequences of evil, so the argument from evil does not provide convincing evidence against the existence of God. The aim of the article is to consider various options for the proposed solution of the argument from evil against the almighty God – the concept of multiple worlds in skeptical theism. On reply to the problem of evil, some suggest that God created an infinite number of universes, for example, that God created every universe that contains more good than evil. God does not survey all possible worlds and necessarily actualizes universes in the (on the balance of) good worlds or worthy worlds. For skeptical theists, a weighty argument confirming the possibility of actualization of multiple worlds is the consistency of the conditions of actualization or state of affairs. The dispute between skeptical theists is about the procedure for actualizing a possible universe, which was called the problem of the best of all possible worlds: how God should actually act. It is shown that the argument to the principle of plenitude does not solve the logical problems stemming from attempts to use the theistic concept of the multiverse in discussions about the argument from evil. The author claims that the theistic models of multiple worlds cannot defeat, undermine, or otherwise reduce the evidentiary strength of the argument from evil. The creation of good universes increases the amount of goodness in the world, but the omnipotence of God allows Him to create any number of such universes, which, in turn, leaves open the question whether there is a better world. On the other hand, the fact that there is no better world is not related to the problem of God's omnipotence. Reflections on the good and bad properties of universes and worlds are a kind of a scheme that can be built in various ways depending on the axiologi-

cal and ethical views. The term “axiological threshold” has been studied on the example of approaches of M. Almeida, K. Kraay, T. Guleserian, D. Turner, T. O’Connor and others. The term “axiological threshold” is introduced in order to metaphysically substantiate the solution of the problem of the non-best world.

REFERENCES

1. Van Inwagen, P. (2006) [An argument from evil]. *Problema zla i teoditsei* [Problem of evil and theodicy]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 6–9 June 2005. Moscow: IPh RAS. pp. 69–84. (In Russian).
2. Pearce, K. & Pruss, A. (2012) Understanding Omnipotence. *Religious Studies*. 48 (3). pp. 403–414. DOI: 10.1017/S0034412512000030
3. Kraay, K. (2012) The Theistic Multiverse: Problems and Prospects. In: Nagasawa, Y. (ed.) *Scientific Approaches to the Philosophy of Religion*. Palgrave MacMillan. [Online] Available from: <https://www.ryerson.ca/~kraay/Documents/2012TMPP.pdf>.
4. Almeida, M. (2017) The Multiverse and Divine Creation. *Religions*. 8 (12). pp. 1–10.
5. Guleserian, T. (1983) God and Possible Worlds: The Modal Problem of Evil. *Noûs*. 17 (2). pp. 221–238.
6. Bealer, G. (2004) The Origins of Modal Error. *Dialectica*. 58. pp. 11–42.
7. Van Inwagen, P. (1998) Modal epistemology. *Philosophical Studies*. 92 (1). pp. 67–84
8. Almeida, M. & Oppy, G. (2003) Skeptical Theism and Evidential Arguments from Evil. *Australasian Journal of Philosophy*. 81 (4). pp. 496–516.
9. Hume, D. (1966) *Traktat o chelovecheskoy prirode: soch. v 2 t.* [A Treatise on Human Nature: in 2 vols]. Translated from English. Vol. 1. Moscow: Mysl’.
10. Yablo, S. (1993) Is Conceivability a Guide to Possibility? *Philosophy and Phenomenological Research*. 53.
11. Parfit, D. (1991) The Puzzle of Reality: Why Does the Universe Exist? *The Harvard Review of Philosophy*. Spring. pp. 3–5.
12. Turner, D. (2003) *The Many-universes Solution to the Problem of Evil*. [Online] Available from: https://www.academia.edu/10346731/The_Many_Universes_Solution_to_the_Problem_of_Evil
13. Forrest, P. (1996) *God without the Supernatural: A Defense of Scientific Theism*. Cornell University Press.
14. Forrest, P. (2010) *The Identity of Indiscernibles*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/entries/identity-indiscernible/>.
15. O’Connor, T. (2012) *Theism and Ultimate Explanation: The Necessary Shape of Contingency*. John Wiley & Sons.
16. Kraay, K. (2011) Theism and Modal Collapse. *American Philosophical Quarterly*. 48 (4). pp. 361–372.
17. Kraay, K. (2018) One Philosopher’s Bug Can Be another’s Feature: Reply to Almeida’s “Multiverse and Divine Creation”. *Religions*. 9 (1).
18. Megill, J. (2011) Evil and the Many Universes Response. *International Journal for Philosophy of Religion*. 70 (2). pp. 127–138.
19. Monton, B. (2010) Against Multiverse Theodicies. *Philo*. 13 (2). pp. 1–23. [Online] Available from: <https://philarchive.org/archive/MONAMT>.

Received: 07 November 2018

Т.Г. Лешкевич

ЦИФРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭПОХИ В ПРОЕКЦИИ ИХ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 19-011-00298/19).

Анализируются порожденные цифровой эрой тенденции, свидетельствующие об изменении современного человека. В фокусе внимания детерминанты тройкого рода: цифровые трансформации социальной онтологии, в поле которой вынужден существовать современник; антропологические трансформации, вызывающие необходимость обретения «цифровых навыков» и компьютерно-опосредованной «аренды знаний»; функционально-когнитивные трансформации как следствие доминирования техносциализации и феномена, получившего название «просмотрщики контента».

Ключевые слова: цифровая эпоха; отношение «человек–мир»; «цифровые навыки»; «аренда знаний».

Стремительный прорыв в сфере цифровых технологий вызывает существенные трансформации всех сфер общества и ведет к пересмотру смысловых опор человеческого существования. Современное развитие технологий все время уходит из-под социально-гуманитарного контроля и во многом превосходит возможности человека по его освоению. В существующей «гибридной реальности», скрещивающей физический тип естественного существования человека и цифровые детерминанты его современного функционирования, с очевидностью фиксируются изменения, происходящие с современниками вследствие контакта с цифровой средой. В силу этого, осмысление эффектов интенсивного проникновения цифровых технологий не только в сферы профессиональной деятельности человека, но и в его приватное пространство, анализ негативных последствий «эпохи цифры» в контексте смысложизненных регуляций существования современного человека приобретает особую актуальность.

При рассмотрении данной проблемы, взяв за критерий маркер технологизации труда, выделим заметные вехи внутри техногенной цивилизации. Речь идет о движении от постиндустриального мира к информационному обществу, затем к цифровой эре и в качестве приоритета будущего – к сквозному применению искусственного интеллекта. Отягчающим обстоятельством является то, что стремительное развитие технологий не сопровождается всесторонней философско-методологической рефлексией, но осуществляется как бы вслепую. Современный человек расценивает свое бытие как «ситуацию настороже», в которой «безусловная» польза ускоряющейся цифровизации в мировом масштабе оказывается под вопросом. Все ощутимей становятся внутренние проблемы цифровой организации, тиражирование цифровых услуг, корректность выбора программных продуктов и их девальвация.

Следует особо подчеркнуть, что в англоязычном научном дискурсе данная тематика получила общее название Digital Humanities. В этой области сопряжение офлайн-практик и онлайн-окружения представлено значительным разнообразием подходов и интерпретаций этого широкого направления исследований. К числу наиболее близких к исследуемой теме можно отнести работу Н. Негропонта с примечательным

названием «Будучи цифровым» (1995), фиксирующую компьютеризацию самой жизни [1]. Специфические характеристики электронной культуры, впрочем, как и введение самого термина «E-culture», стали предметом исследований А. Ронки [2]. Наряду с попытками разграничить ключевые цифровые технологии от информационных, конвергентных и смарт-технологий [3], распространено наиболее обобщенное понимание, относящее к эпохе цифры все, что связано с созданием электронных аналогов духовных и материальных объектов, а также собственно виртуальных пространств, процессов и явлений [4]. Вместе с тем, независимо от терминологических оборотов академического дискурса, **экзистенциальные сдвиги**, происходящие под влиянием этих процессов, весьма ощутимы. Еще в конце прошлого века Й. Масуда подчеркивал эффект, состоящий в том, что череда открытий в сфере информационных технологий превращают абсолютно всех людей в потребителей информации вне их желания и воли [5]. Тем самым информация оценивалась как навязываемый потребительский ресурс, и на аванс сцену выдвигался новый тип – «человек, потребляющий информацию». В противоположность в корпоративные системы пользовательских устройств, когнитивный подход перемещал фокус внимания на «тяжелую проблему содержания» (the hard problem of content) информационной культуры [6]. А используемый термин «IT-culture» акцентировал процесс привязки неформальных смыслов культуры к информационным значениям [7. С. 234–235]. В этом контексте можно встретиться и с понятием «дигитальный мир», хотя часть исследований предпочитает использовать термин «инфомир», характеризуя современного человека как Homo Interneticus [8]. Геймер, user или peet (человек, живущий в Сети), – вот достаточно распространенные персонажи, населяющие «жизненный мир» цифровой эры. В ход идет и термин «информаноиды», обозначающий существ информационной реальности, способных быть субъектами в этой системе [9]. Впрочем, достаточно часто исследователями используется термин «расширенный субъект» [10], обладающий достаточной простотой и интуитивной ясностью.

В этой связи внимания заслуживает проблема «сборки субъекта» [11. С. 6]. Говоря об истории

«сборки субъекта», исследователи отмечают, что «субъект речи собирается усвоенными речевыми практиками; субъект письма – инструментами нанесения знаков; сетевой номад – интернет-интерфейсами» [12. С. 162]. С позиций Г. Малинецкого, изменение конфигураций существования человека следует анализировать в координатах взаимодействия субъект – проект – среда. Субъекту для выполнения своей функции нужен проект, для обеспечения реализации проекта нужна среда, выращивание среды требует и субъекта, и проекта [13]. Детализация этого подхода приводит к выводам, согласно которым «...организация субъектно-ориентированной информационной платформы саморазвивающейся среды – назовем такую платформу полисубъектным конфигуратором – позволит актуализировать ряд важнейших параметров сборки субъектов развития. Это, в свою очередь, необходимо для проектирования “общего поля видения” будущего, для выявления вызовов и угроз и преодоления эгоизма участников интеграционных процессов» [14. С. 107]. На наш взгляд, возможность эмерджентных эффектов, сопровождающих стремительное развитие цифровых технологий, делает особо актуальной потребность «пересборки» навыков субъекта под каждую новую ситуацию. При этом в качестве эффективного методологического подхода выступает квадрига, указывающая помимо целеориентиров человека на значение объектных, проектных, процессных и средовых детерминант.

Вместе с тем анализ тенденций цифровизации, обуславливающей изменение отношений «человек-мир», необходимо проводить с учетом конкретного экономического и геополитического положения той или иной страны, ее локальных особенностей, выбора определенной стратегии, опосредованной механизмами политических институтов. Это обуславливает методологическую тактику, опирающуюся на использование принципа конкретности и принципа реализма. Значение приобретает как направленность на учет совокупности внешних обстоятельств, так и формирование внутренних установок, определяющих конфигурации и выбор событийного ряда с учетом целевых и ценностных ориентаций. Эффективным методологическим инструментом, помогающим распределить механизм проецируемых на личность человека воздействий цифровой эры, является традиционный для формирования навыков субъекта деятельностный подход с той лишь разницей, что средовым фактором оказывается инфомир.

На наш взгляд, концептуальный анализ совокупности изменений, обусловленных масштабным развитием цифровой среды, позволяет обнаружить детерминанты тройного рода. Во-первых, это цифровые трансформации социальной онтологии, определяющей способы существования нашего современника. Во-вторых, порожденные цифровизацией антропологические трансформации. В-третьих, это функционально-когнитивные трансформации, отдающие ведущую роль техносоциализации субъектов в ущерб гуманитарному развитию и рефлексивному восприятию мира, сопровождаемому оценкой позитивных и негативных эффектов существования человека в циф-

ровой реальности. Раскрывая влияние каждого из названных факторов, подчеркнем, что «в сцепке» с социальным оказываются как действующие акторы, так и фрагменты из мира медиа, виртуального информационного пространства. Человек, будучи в тесном контакте с цифровым миром, становится во многом сгустком социально-информационных отношений, агентом сетевых практик. Активные процессы виртуализации с характерными для них симулятивным и имитационным эффектами ставят под сомнение конкретное понимание реальности. «Что есть реальность на самом деле?», – проблема, волнующая и обывателей, и ученых, остается без ответа. Технологии в своем стремительном беге несут собой обновляемость, постоянную изменчивость, нестабильность. Вследствие чего современный человек ощущает свою уязвимость, необходимость постоянной перестройки, диффузию смыслов существования. Все настойчивее дает о себе знать реальная опасность тотального информационного контроля как публичной, так и приватной жизни. Цифровая эра ведет «беспощадную борьбу» и с пространством, и со временем. Реальность, выступающая в виде «отцифрованной» среды, в состоянии исключить фактические внешние воздействия, энвайроментальный контекст в его геофизическом измерении. Поражают скоростью темпоральные изменения, когда одного клика достаточно, чтобы последовали серьезные трансформации. Уже установился новый императив: «без перемещения в пространстве!», когда не нужно никуда идти, все можно сделать, узнать, заказать, сидя у компьютера, на расстоянии вытянутой руки или еще проще – с гаджетом в руке. Компьютер или смартфон выполняют роль «открытой двери» в пространство Всемирной паутины. Значение доминирующей ценности приобретает исправность Сети, программное обеспечение как «невидимый слой» современности, а также некий значимый порядок в самом компьютере. Цифровая эра заставляет забыть о природе, реально существующем естественном мире. Её заместителем часто оказывается визуализация прекрасных мест, завораживающая экспрессивной красочностью и обеспечивающая своеобразный эффект сопричастности. Можно согласиться с выводом С. Grege, утверждающим, что «...дигитальность можно мыслить как маркер культуры, поскольку включает как артефакты, так и означивания, и коммуникации, которые с наибольшей очевидностью отличают наш современный образ жизни от других» [15. Р. 12]. Несмотря на то, что отрыв человека от реальности мира естественного всегда квалифицировался как вынужденный, обусловленный заданными условиями, «поколение Z», датой рождения которого считается 1980 г., с детства вовлеченное в цифровые технологии, принимает его как добровольный, предполагающий собственный выбор и уход от острых проблем повседневности.

Далее анализ антропологических трансформаций, генерируемых «эпохой цифры», показывает, что на место теряющей свое значение физической мускульной силы заступают «цифровые навыки». Однако физиологию и психосоматику отменить невозможно. Человеческое тело требует и физических движений,

и физической нагрузки. Не зря в веках повторяется философская мудрость: «Движение есть жизнь». Вместе с тем фактом является то, что произошедший сдвиг в сторону электронных взаимодействий значительно превышает возможности традиционных взаимодействий. Сформировался новый стиль потребительского поведения: онлайн-услуги, онлайн-развлечения и игры, общение онлайн, книги онлайн, фильмы онлайн, само образование, также предлагающее платформу онлайн вкупе с онлайн-медициной. Инфомир, навязывая свой информационный ресурс, позиционирует себя как самодостаточный тип бытия. При этом агрессивно замещаются реальные связи и отношения, живое личностное общение и способы самореализации. Существенно меняется мотивированность успеха, которая связывается с количеством лайков, полученных в социальных сетях, количеством подписчиков, стремлением оставить свой «сетевой след» вне зависимости от его ценности и содержания. Так называемые виртуальные рабочие места порождают отрицательные последствия экзистенциального характера, так как отсутствие возможности реального взаимодействия с окружающими людьми отрицательно сказывается на сущностной характеристике человека как существа социального. Возникает своеобразный «цифровой солипсизм». А сильнейшая зависимость современного человека от новых технологий позволяет говорить о новом «интерактивном» одиночестве [16]. Человек – затворник, заложник, так называемый хикки (или *homo solus*) – человек одинокий – становится реальным действующим лицом эпохи цифры [17]. Иными словами, появляется некий субкласс компьютерных людей, так называемые зомби [18], которых не заботит будущее, они ведут затворническую жизнь и добывают себе средства к существованию при помощи компьютера же.

Острой проблемой предстает изменение коммуникативных основ цифрового мира. Всеохватывающие просторы Интернета полностью поглощают современного человека, предлагая разномастные ресурсы интерактивного взаимодействия: от простых лайков и кратких комментариев до жарких схваток и дискуссий. Культурные практики, ставящие во главу угла словесность, скатываются на периферию. Выражение чувств, личных взаимоотношений, автореференция происходит при помощи смайликов, символов или картинок, схематично отражая лишь поверхностные слои мироощущения. Живые межличностные контакты сокращаются. Коммуникация пользователей сети выступает как своего рода симулякр – извращенное подобие, отсылающее к имитации реальности, оно замещает непосредственное общение и ведет к серьезным когнитивным сдвигам. В радикальном случае речь может идти об утрате способности к существованию в реальной культуре, о девальвации значения длительного личностного общения, о стремлении к полной виртуализации образа жизни и трактовке действительности как рудиментарной формы существования.

В контексте адаптации к цифровой цивилизации в академическом дискурсе обретает свою силу и иное

определение сознания человека. Сознание предлагается понимать как интегральную модель мира и самого себя, отвечающую требованию максимальной вероятности для заданных условий и позволяющую действовать на эти условия [19. С. 54]. Ни о самоосознании и самооценке, ни о целеполагании, саморегуляции и смысловой рефлексии речи не ведется. В то время как «расчеловечивание» человека силами технологий должно быть остановлено скрепляющей мощью сознания, направленного на увеличение именно рефлексивного жизнеосмысляющего слоя [20].

Вместе с тем фактом остается то, что цифровая эра задает новые приоритеты и будущее поколение должно вступить во взрослую жизнь, будучи максимально к ней подготовленным, в противном случае оно может лишиться активного участия в будущем. Это вызывает функциональные трансформации в процессе жизнедеятельности и отдает ведущую роль техносоциализации, сопровождаемой формированием соответствующих компетенций [21]. Поскольку информация наделяется статусом стратегического ресурса, а информационная среда постепенно становится основной средой обитания человека, техносоциализация выступает в качестве «исходной территории», на которой происходит встреча индивида с современной цивилизацией. Можно сказать, перефразируя известный тезис, «технобытие определяет сознание». При этом степень насыщения частного пространства технологическими новшествами, которые активно используются, оценивается как своеобразный критерий современного качества жизни, соответствия человека приоритетам эпохи. Это усиливает технологический детерминизм, ведет к серьезным изменениям социокультурного ландшафта. «Цифровые навыки», делающие упор на отработку инструментальных умений и их ситуативное применение, становятся не только доминирующей практикой и запросом жизненного мира нашего современника, но и основополагающей ценностной ориентацией. И уже не «fast-thinkers», т.е. «быстродумы», по П. Бурдые [22. С. 44], а те, кто может быстро разыскать нужную информацию и осуществить доступ к ресурсам Интернета с любого устройства, занимают весомое место в современном сообществе.

Вместе с тем в научном академическом дискурсе нашли отражение рефлексивные оценки настоящего периода, справедливо именуемые его как «гибридная реальность» с характерным симбиозом традиционного и цифрового. В образовательной среде очевидна диспропорция, когда цифровые навыки обучаемых подчас превосходят цифровую компетентность обучающихся, т.е. педагогов старой школы. И если раньше образовательный процесс предполагал наличие двух полюсов: полюс преподавателя, обладающего информацией, и полюс студента, которому эта информация транслировалась, то в цифровую эру Интернет и компьютерные технологии предлагают иные возможности в распределении активности. Тем самым фиксируется весьма существенная разница в адаптивных возможностях обучаемого и обучающего. В связи с этим стоит обратить внимание на интересный подход Марка Пренски, который делил всех современников

на два лагеря: цифровое поколение – «коренные жители» цифровой эры, привыкшие к цифровым каналам информации, и «цифровые иммигранты», рожденные до цифровой революции [23]. По мнению Дона Тарскотта, сетевое поколение за счет использования предметов цифровой эпохи более подготовлено и осведомлено, нежели их родители. Это движущая сила грядущей цифровой трансформации [24].

Однако даже с учетом сложившейся диспропорции справедливо общее утверждение, что наши современники не успевают осваивать новейшие технологии [25]. Когнитивной проблемой становится быстрый перевод локуса внешней активности во внутреннюю. Ведь необходимо изменить череду приемов и навыков, уловить «текст процесса», «запись его развертывания», разрушить и перестроить имеющуюся матрицу, поменять ее код. В быстрой смене инструментальной технологической организации и вследствие недостаточной компетентности в сверхсложных технологиях у человека возникает ощущение ущербности и незащищенности, осознание собственной неспособности подстроиться и соответствовать динамике цифровой эры. Технологический формализм превращается в оторванную от человека систему отчуждения. А скользящее экранное восприятие информации деформирует понятийную культуру. Случайные и разрозненные фрагменты не увязываются в обоснованное целое, так как «клиповое мышление» направлено на восприятие только отдельных «пазлов» действительности [26]. Возникает своеобразный тип рациональности, в котором предпочтение отдается не смысловому погружению в содержание, а визуальным образам и поверхностно «сканированной» информации, как правило, сохраняемой только на уровне кратковременной памяти. Это явление нашло отражение в специальном термине «просмотрщики контента». Резко критическое отношение к такой форме существования в культуре сопровождается весьма нелицеприятным эпитетом как-то: «Самое тупое поколение» [27]. Его представители довольствуются бессистемным заимствованием информации, у них нет необходимости и потребности познавать внешний мир, в силу чего их кругозор, равно как и интеллектуальные способности сужаются, они превращаются в узников своих социальных кругов, страдает навык чтения и глубокого понимания содержания текстов [Там же]. Г. Смол и Г. Ворган прибегают к эпитету – «цифровые туземцы» и указывают на трансформацию мозга под влиянием компьютерных цифровых технологий. При общем пассивном восприятии области особенно молодого мозга, отвечающие за интеллектуальное развитие и эмоциональную сферу, могут быть деформированы и подвержены поражению [28]. В силу того, что поведение в Сети принципиально отличается от поступков в реальной жизни, дети цифровой революции оказываются как минимум социальными незрелыми. Есть и симптомы, особенно настораживающие научные когорты, они касаются авторского права, которое, как оказывается, лишено какого-либо значения. В связи с привнесенными цифровой эрой когнитивными проблемами стоит обратить внимание на вывод Д.В. Иванова, указывающий со ссылкой на Д. Хутто и Е. Миина на «труд-

ную проблему содержания» (the hard problem of content) [29]. Остро ставится вопрос, как индикацию информации, ее сырой материал обратить в качество внутреннего опыта человека и его сознания. Акцент когнитивных исследований должен быть перемещен на то, как содержание, присутствующее в Сети, осваивается, «переваривается» и становится содержанием, находящимся в голове индивида. Действительно, в условиях цифровой эры индивид стремится найти и принять готовые информационные ресурсы, по большей части имитируя свою деятельность, связанную с «тяжелой работой думанья», осмыслением и освоением того или иного содержания. Но поскольку закодированный и обнаруженный в Сети content не становится автоматически личностным достоянием человека, то возникает эффект «аренды знания», порожденный доминированием цифровых навыков. Таким образом, «трудная проблема содержания» сложна еще и потому, что простой переход инет-содержания в когнитивно-персональное содержание личности невозможен. Именно личностное освоение информации, сопровождаемое процессом мышления и связанное со всем комплексом когнитивных способностей индивида, где имеют значение нейрофизиологические, умственные, эмоциональные и волевые характеристики, а также мотивация, персональные стремления и ценностная система, обогащает познающего, свидетельствуя об уникальности его личности. Иными словами, объективированное в информации содержание еще не является интериоризированным содержанием личностного знания индивида, поппернианский мир объективированного знания не тождественен миру субъективных состояний сознания человека. Вспомним предельно широкое и одновременно безразличное к человеческому существованию онтологическое определение информации как меры неоднородности. В эпоху постнеклассики оно дополнилось пониманием информации как случайно запомненного выбора. И это с новой силой указывает на многослойность процесса распредмечивания и сугубо личностную «распаковку» содержания. Прав Д.В. Иванов, утверждая, что человек обладает особым знанием о данностях своего сознания – знанием, полученным из перспективы первого лица [Там же].

Обеспокоенность за нашего современника, имея в виду его ответственность и глубокие персональные знания, выражают и зарубежные авторы М. Барбер, К. Доннелли и С. Ризви. В эссе «Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция» они пишут: «... Нам нужны граждане, готовые нести личную ответственность, как за себя, так и за мир вокруг... способные и готовые применить свое знание лучшего из того, что было придумано, сказано и сделано человечеством, для решения проблем настоящего и будущего» [30]. В то же время современный стиль инет-общения обескураживает, и это передано самим названием книги, например, «Русский язык на грани нервного срыва» [31]. Несмотря на то, что инет-меседжи, по мнению ученых, могут быть отнесены к предрациональному – нижнему, пограничному уровню сознательности [32], «псевдо-культурная» стилистика общения постепенно приобретает значение паттерна взаимодействия. А зависимость от Интернета

признана одной из мощных технологий манипуляции, которая названа основным злом XXI в. Согласно данным, приведенным М. Шпицером, около 250 000 молодых людей Германии в возрасте от 14 до 24 лет признаны интернет-зависимыми, а еще 1,4 млн – «проблемными» пользователями Интернета. Также в США подростки уже сегодня тратят больше времени на цифровые СМИиК (добрые 7,5 часа ежедневно!), чем на сон. Это показал репрезентативный опрос более двух тысяч юных американцев в возрасте от 8 до 18 лет. В результате у молодых и взрослых людей участились случаи нарушения памяти и способности к концентрации, рассеянность внимания, а также явное снижение глубины эмоций и общее притупление чувств. Описанные симптомы, как подчеркивает автор, позволили врачам выявить новое заболевание – цифровое слабоумие [33].

Таким образом, подытоживая сказанное и определяя, насколько цифровая эра, утверждая свое доминирование, меняет и самого человека, и отношение «человек–мир», необходимо признать следующее. Во-

первых, трансформации субъектности происходят в условиях иной социальности – т.е. социальности сети, выступающей «невидимым слоем» современности с характерным запросом на развитие цифровых навыков, признанных базовыми для XXI в. Во-вторых, следует зафиксировать новый аттрактор – «черную дыру» монитора, с огромной силой втягивающую и поглощающую поколение Net. В-третьих, уже в краткосрочной перспективе фиксируются негативные эффекты доминирования цифровых навыков, проявляющиеся в становлении такой формы субъектности, как «просмотрщики контента», и в возникновении проблемы «аренды знаний». В-четвертых, стремительное технологическое развитие, граничащее с так называемым феноменом «шока будущего» (Э. Тоффлер), может потребовать иных характеристик нашего современника, в частности «пересборки навыков субъекта» под каждую новую ситуацию с акцентом на преимущества способности критически и творчески мыслить от имени «человека разумного».

ЛИТЕРАТУРА

1. Negroponte N. Being Digital / by Nicholas Negroponte. Paperback edition, New York : Alfred A. Knopf, 1996.
2. Ronchi A.M. E-Culture. New York : Springer-Verlag, LLC, 2009. 486 p.
3. Ардашкин И.Б. Смарт-технологии как феномен: концептуализация подходов и философский анализ. Являются ли смарт-технологии действительно умными? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 55–68.
4. Баева Л.В. Электронная культура: опыт философского анализа // Вопросы философии. 2013. № 5. С. 75–83.
5. Масуда Е. Информационное общество как постиндустриальное общество. М. : Изд-во Академия.1997. 587 с.
6. Hutto D., Myin E. Radicalizing Enactivism: Basic Minds without Content. Cambridge : MA: MIT Press, 2013. 232 p.
7. Бырашников П.Н. Философские проблемы информационных технологий и кибер пространства // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXIV, № 4. С. 230–236.
8. Лешкевич Т.Г. Мировоззренческие итоги современной науки: инфомир и Номо Interneticus // Философия науки и техники в России: вызовы информационных технологий. Вологда : ВоГУ, 2017. С. 165–168.
9. Колмаков В.Ю. Номо semanticus – начало дифференциальной семантики человека. Красноярск : Изд-во КрасГМУ им проф. Ф.В. Войно-Ясенецкого, 2016. 190 с.
10. Человеческая субъективность в свете современных вызовов когнитивной науки и информационно-когнитивных технологий : материалы « круглого стола» // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 5–35.
11. Лепский В.Е. Проблема субъектов российского развития // Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке. М. : Инфран, 2010. С. 5–30.
12. Ленкевич А.С. Биополитика медиа и техника тела в компьютерных играх // Философия науки и техники в России: вызовы информационных технологий. Вологда : ВоГУ, 2017. С. 162–165.
13. Малинецкий Г.Г. Субъектность, целеполагание и инновационные среды в евразийском контексте // Рефлексивные процессы и управление. М. : Когито-центр, 2015. С. 143–147.
14. Зацаренный А.А., Колин К.К., Ильин Н.И., Лепский В.Е., Малинецкий Г.Г., Райков А.Н., Славин Б.Б. Сборка стратегических субъектов развития на основе системы распределительных ситуационных центров // Рефлексивные процессы и управление : сб. материалов XI Междунар. симпозиума «Рефлексивные процессы в управлении». М. : Когнито-Центр, 2017. С. 105–109.
15. Sege C. Digital Culture. Reaction Books. London, 2002.
16. Тюменцева Г.А. Интерактивное одиночество // Научный альманах. 2014. № 2. С. 5–18.
17. Масленникова О.Н., Шальнова Е.С. Homo solus: человек одинокий // Известия высших учебных заведений. Сер. Гуманитарные науки. 2011. Т. 2, № 2. С. 131–139.
18. Joy B. Why the Future Doesn't Need Us? // Wired. 2000. Vol. 8, № 4.
19. Величковский Б.М. От исследований сознания к разработке когнитивных технологий // Субъективный мир и современные когнитивные науки. М. : ИФРАН, 2012. С. 37–57.
20. Лешкевич Т.Г. Негативы цифровой эры и поиски смысловых опор // Проблема человека в современной философии техники. Ростов н/Д : ДГТУ, 2018. С. 26–32.
21. Leshkevich T.G., Kirik V.A. The semantic shift in educational technologies in the digital age // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 3rd International Conference on the Contemporary Education, Social Sciences and Humanities" (ICCESSH 2018). Atlantis Press, 2018. Vol. 233. P. 93–96. URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/iccessh-18/authors>
22. Бурдые П. О телевидении и журналистике. М. : Фонд науч. исслед. «Прагматика культуры»; Ин-т экспериментальной социологии, 2002. 160 с.
23. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. 2001. Vol. 9, № 5. P. 1–6.
24. Tapscott D. Grown Up Digital: How the Net Generation is Changing Your World. McGraw Hill Professional, 2008. 384 p.
25. Алексеева И.Ю., Никитина Е.А. Интеллект и технологии. М. : Проспект, 2016. 96 с.
26. Кшель В., Сегал А. Клиповое мышление как форма обыденного сознания // Международный академический вестник. 2015. № 4 (10). С. 15–23.
27. Bauerlein M. The Dumbest Generation: How the Digital Age Stupefies Young Americans and Jeopardizes Our Future (Or, Don't Trust Anyone under 30). New York : Jeremy P. Tarcher / Penguin, 2009. 272 p.
28. Small G., Vorgan G. iBrain: Surviving the Technological Alternation of the Modern Mind. New York : HarperCollins Publishers, 2009. 256 p.
29. Иванов Д.В. Радикальный энтивизм и проблема субъективности // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 60–69.

30. Барбер М., Доннелли К., Ризви С. Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция / пер. с англ. Н. Микешинной // Вопросы образования. 2013. № 3. С. 152–222.
31. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М. : Языки славянских культур, 2008. 232 с.
32. Miyawaki Y. et al. Visual Image Reconstruction from Human Brain Activity using a Combination of Multiscale Local Image Decodes // *Neuron*. 2008. Vol. 60, is. 5. P. 915–929.
33. Шпицер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг. М. : АСТ, 2013. 288 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 23 ноября 2018 г.

Digital Transformation of the Era in the Projection of Their Impact on the Modern Man

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 103–109.

DOI: 10.17223/15617793/439/12

Tatiana G. Leshkevich, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: Leshkevicht@mail.ru

Keywords: digital age; relationship “man – world”; digital skills; lease of knowledge.

The article is devoted to the analysis of the impact of digital society on the modern man. This area of research has received the general name Digital Humanities in the English-language scientific discourse, despite the diversity of its constituent problems. The aim of the article is to identify the transformations of the modern person as a result of impact of digital world. The author draws the works of Western scientists N. Negroponte, A. Ronchi, E. Masuda, D. Hutto and E. Myin, C. Cege, M. Prensky, D. Tapscott, M. Bauerlein. The methodological strategy is based on the application of both the principle of concreteness and the principle of realism. These methodological tools allow concluding that the rapid technological development is carried out “in the blind” and is not accompanied by a profound philosophical analysis. In this connection, the focus of attention is shifted to the three main directions of transformations caused by digitalization processes. Firstly, these are transformations of social ontology, in which digital interactions have generated an “invisible layer” of reality, accelerating all types of temporal, spatial and communication interactions. Secondly, these are the anthropological transformations concentrated around the urgent need to improve the “digital skills” and connected with a person’s dependence on values of the “world of digital technologies”. A resident of the digital era appears as an agent of networking possibilities, which generate a new type of “interactive” loneliness and a new type of person – “homo solus”. Thirdly, this is the functional-cognitive dominance of techno-socialization, due to the fact that the future generation should be involved in adult life with developed digital competencies. The image of a “future person” without basic digital skills does not correspond to the realities of the 21 century. The article shows that individual behavior patterns are significantly modified under the influence of the digital environment. In this regard, the author critically examines the phenomenon of “lease of knowledge” and analyzes the “hard problem of content”. The author concludes the following. Firstly, a peculiar type of rationality is fixed, giving preference not to semantic immersion in the content, but to superficially “scanned” information and visual images. This type of rationality is represented by a specific generation of users called “content viewers”. In addition to the fact that the individual seeks to find and accept ready-made information resources, the devaluation of copyright is a symptom that alarms scientific cohorts. Secondly, the digital era asserts its dominance by changing the “man – world” relationship. Being in close contact with the digital environment, the person gets under the influence of a new attractor. The “black hole” of the monitor absorbs generation Z. Thirdly, the “rebuilding” of personal skills for each new situation should be based on the competence to think critically and creatively on behalf of the “homo sapiens”.

REFERENCES

1. Negroponte, N. (1996) *Being Digital*. New York: Alfred A. Knopf.
2. Ronchi, A.M. (2009) *E-Culture*. New York: Springer-Verlag, LLC.
3. Ardashkin, I.B. (2018) Smart technology as a phenomenon: conceptualisation of approaches and philosophical analysis. Are smart technologies really smart? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 43. pp. 55–68. DOI: 10.17223/1998863X/43/5
4. Baeva, L.V. (2013) Elektronnyaya kul'tura: opyt filosofskogo analiza [E-culture: the experience of philosophical analysis]. *Voprosy filosofii*. 5. pp. 75–83.
5. Masuda, E. (1997) *Informatsionnoe obshchestvo kak postindustrial'noe obshchestvo* [The Information Society as a Post-Industrial Society]. Moscow: Akademiya.
6. Hutto, D. & Myin, E. (2013) *Radicalizing Enactivism: Basic Minds without Content*. Cambridge: MA: MIT Press.
7. Baryshnikov, P.N. (2012) Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiber prostranstva [Philosophical problems of information technology and cyber space]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. XXXIV (4). pp. 230–236.
8. Leshkevich, T.G. (2017) Mirovozzrencheskie itogi sovremennoy nauki: infomir i Homo Interneticus [World outlook results of modern science: infoworld and Homo Interneticus]. In: Yastreba, N.A. (ed.) *Filosofiya nauki i tekhniki v Rossii: vyzovy informatsionnykh tekhnologiy* [Philosophy of Science and Technology in Russia: Challenges of Information Technologies]. Vologda: Vologda State University.
9. Kolmakov, V.Yu. (2016) *Homo semantiticus – nachalo differentsial'noy semantiki cheloveka* [Homo semantiticus as the beginning of human differential semantics]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Medical University.
10. Voprosy filosofii. (2016) Chelovecheskaya sub'ektivnost' v svete sovremennykh vyzovov kognitivnoy nauki i informatsionno-kognitivnykh tekhnologiy: materialy “kruglogo stola” [Human subjectivity in the light of modern challenges of cognitive science and information-cognitive technologies: materials of the “round table”]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 5–35.
11. Lepskiy, V.E. (2010) Problema sub'ektov rossiyskogo razvitiya [The problem of the subjects of the Russian development]. In: Arshinov, V.I. & Lepskiy, V.E. (eds) *Problema sborki sub'ektov v postneklassicheskoy nauke* [The problem of assembling the subjects in post-non-classical science]. Moscow: IPH RAS.
12. Lenkevich, A.S. (2017) Biopolitika media i tekhnika tela v komp'yuternykh igrakh [Biopolitics of media and technology of the body in computer games]. In: Yastreba, N.A. (ed.) *Filosofiya nauki i tekhniki v Rossii: vyzovy informatsionnykh tekhnologiy* [Philosophy of Science and Technology in Russia: Challenges of Information Technologies]. Vologda: Vologda State University.
13. Malinetskiy, G.G. (2015) Sub'ektivnost', tselepolaganie i innovatsionnye sredy v evraziyskom kontekste [Subjectivity, goal-setting and innovative environments in the Eurasian context]. In: Lepskiy, V.E. (ed.) *Refleksivnye protsessy i upravlenie* [Reflexive processes and management]. Moscow: Kogito-tsentr.
14. Zatsarennyy, A.A. et al. (2017) [Assembling strategic development subjects on the basis of a system of distribution situational centers]. *Refleksivnye protsessy i upravlenie* [Reflexive processes and management]. Proceedings of the XI International Symposium. Moscow: Kogito-Tsentr. pp. 105–109. (In Russian).

15. Cege, C. (2002) *Digital Culture*. London: Reaktion Books.
16. Tyumentseva, G.A. (2014) "Interactive" loneliness. *Nauchnyy al'manakh – Scientific Almanac*. 2 (2). pp. 271–276. (In Russian). DOI: \$10.17117/na.2014.02.271
17. Maslennikova, O.N. & Shal'nova, E.S. (2011) Homo solus: chelovek odinokiy [Homo solus: a lonely man]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Ser. Gumanitarnye nauki*. 2 (2). pp. 131–139.
18. Joy, B. (2000) Why the Future Doesn't Need Us? *Wired*. 8 (4).
19. Velichkovskiy, B.M. (2012) Ot issledovaniy soznaniya k razrabotke kognitivnykh tekhnologiy [From the study of consciousness to the development of cognitive technologies]. In: *Sub"ektivnyy mir i sovremennye kognitivnye nauki* [Subjective world and modern cognitive science]. Moscow: IPh RAS.
20. Leshkevich, T.G. (2018) [Negatives of the digital era and the search for semantic supports]. *Problema cheloveka v sovremennoy filosofii tekhniki* [The problem of man in modern philosophy of technology]. Proceedings of the All-Russia Conference. Rostov-on-Don: Don State Technical University. pp. 26–32. (In Russian).
21. Leshkevich, T.G. & Kirik, V.A. (2018) The semantic shift in educational technologies in the digital age. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 3rd International Conference on the Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2018). Vol. 233. Atlantis Press. pp. 93–96. [Online] Available from: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/iccessh-18/authors>.
22. Bourdieu, P. (2002) *O televidenii i zhurnalistike* [On television and journalism]. Translated from French. Moscow: Fond nauch. issled. "Pragmatika kul'tury; In-t eksperimental'noy sotsiologii.
23. Prensky, M. (2001) Digital Natives, Digital Immigrants. *On the Horizon*. 9 (5). pp. 1–6.
24. Tapscott, D. (2008) *Grown Up Digital: How the Net Generation is Changing Your World*. McGraw Hill Professional.
25. Alekseeva, I.Yu. & Nikitina, E.A. (2016) *Intellekt i tekhnologii* [Brain and technologies]. Moscow: Prospekt.
26. Koshel', V. & Segal, A. (2015) Klipovoe myshlenie kak forma obydennoogo soznaniya [Mosaic thinking as a form of everyday consciousness]. *Mezhdunarodnyy akademicheskyy vestnik*. 4 (10). pp. 15–23.
27. Bauerlein, M. (2009) *The Dumbest Generation: How the Digital Age Stupefies Young Americans and Jeopardizes Our Future (Or, Don't Trust Anyone under 30)*. New York: Jeremy P. Tarcher / Penguin.
28. Small, G. & Vorgan, G. (2009) *iBrain: Surviving the Technological Alternation of the Modern Mind*. New York: HarperCollins Publishers.
29. Ivanov, D.V. (2016) Radical Enactivism and the Problem of Subjectivity. *Voprosy filosofii*. 11. pp. 60–69. (In Russian).
30. Barber, M., Donnelly, K. & Rizvi, S. (2013) Nakanune skhoda laviny. Vysshee obrazovanie i gryadushchaya revolyutsiya [An avalanche is coming. Higher education and the revolution ahead]. Translated from English by N. Mikhshina. *Voprosy obrazovaniya – Educational Studies*. 3. pp. 152–222.
31. Krongauz, M.A. (2008) *Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva* [Russian on the verge of a nervous breakdown]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
32. Miyawaki, Y. et al. (2008) Visual Image Reconstruction from Human Brain Activity using a Combination of Multiscale Local Image Decodes. *Neuron*. 60 (5). pp. 915–929. DOI: 10.1016/j.neuron.2008.11.004
33. Spitsner, M. (2013) *Antimozg: tsifrovyye tekhnologii i mozg* [Antibrain: digital technology and the brain]. Translated from German by A.G. Grishin. Moscow: AST.

Received: 23 November 2018

Д.Н. Разеев

СВОБОДА ВОЛИ И КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ВЫБОРА

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект 18-18-00222).

Обсуждаются научные эксперименты в области когнитивной психологии и нейронауки, получившие наименование экспериментов на свободу воли. Автор статьи считает, что данные эксперименты были направлены на раскрытие когнитивного механизма выбора и имеют лишь косвенное отношение к проблеме свободы воли у человека.

Ключевые слова: эксперимент Либета; эксперимент Суна и Хейнса; свобода воли; когнитивный механизм выбора; свобода действия.

Вопрос о том, свободны ли мы в своих действиях и поступках, и если да, то в какой степени, один из самых обсуждаемых в философии. За более чем двух с половиной тысячелетнюю историю размышлений философами были предложены самые различные варианты ответа на него. Многие из философов пришли к выводу о существовании особых законов свободы, в соответствии с которыми действует человек, в отличие от законов природы, согласно которым функционирует его тело как часть механизма природы. В конечном итоге размышления философов (а позднее психологов) выкристаллизовались в так называемую психофизическую проблему, т.е. необходимость предложить удовлетворительное объяснение тому, как именно в поведении человеческого существа сочетаются ментальное и физическое, законы сущего и законы должного.

Одной из примечательных особенностей современных дискуссий о свободе воли можно считать вовлечение в традиционный дискурс философов результатов эмпирических исследований, которые сравнительно недавно были проведены учеными в области когнитивной психологии, нейробиологии и других дисциплин.

Началом такой натуралистически ориентированной дискуссии о свободе воли можно считать экспериментальную парадигму, предложенную американским психологом из Калифорнийского университета в Сан-Франциско (США) Бенджамином Либетом в восьмидесятых годах прошлого столетия [1]. Суть предложенного им эксперимента состояла в следующем. Каждого из участников эксперимента просили совершить определенное телесное движение (допустим, согнуть кисть правой руки) в тот момент, когда ему этого захочется (парадигма предполагала повторение произвольно выбранного движения около 40 раз). Либет и группа его единомышленников фиксировали с помощью неинвазивных технических средств мозговую и мышечную активность участников эксперимента. Надо отметить, что к тому времени уже было известно, что процессу мышечного движения (в данном случае сгибанию кисти руки), фиксируемого с помощью электромиографа, предшествует электрохимический процесс в моторных отделах мозга, называемый потенциалом готовности к действию, фиксируемый с помощью электроэнцефалографа [2]. Для того чтобы понять, в какой момент участники эксперимента принимали решение согнуть кисть пра-

вой руки, Либет придумал следующий алгоритм действий. Перед участниками эксперимента помещался большой циферблат со стрелкой, которая двигалась достаточно быстро, совершая полный оборот за приблизительно две с половиной секунды. Задача каждого из участников эксперимента заключалась в том, чтобы запомнить, где находилась стрелка на циферблате часов в тот момент, когда ими было принято решение совершить соответствующее телесное движение. Либет полагал, что таким образом ему удалось зафиксировать не только активность в мозге и мышцах у каждого участника эксперимента, но и сопоставить происходящее как бы на одной временной шкале с субъективным потоком переживаний, а именно с желанием совершить телесное движение по своему произволу.

В результате эксперимента обнаружилось, что процессу принятия решения совершить телесное движение предшествует активность в моторных отделах мозга, которая не осознается самим субъектом. Либет зафиксировал, что эта активность в моторной коре наступала за 350 мс до осознания субъектом своего решения совершить соответствующее телесное движение. Более детально, речь шла о том, что потенциал готовности к действию начинал формироваться в мозге участников эксперимента за 550 мс до моторного движения, в то время как сами участники эксперимента фиксировали свое желание совершить соответствующее движение только за 200 мс до его начала. Опубликованный Либетом вывод заключался в том, что каждому нашему произвольному движению предшествует акт бессознательной нейронной активности в мозге. Из эксперимента вытекало, что решение совершить то или иное телесное движение, которое интуитивно расценивается нами в качестве основания для осуществляемого движения, лишалось статуса произвольного (свободного) акта, поскольку выступало следствием другого физического процесса, имевшего место в нашем мозге.

Иными словами, решение совершить телесное движение нельзя считать свободным, поскольку это движение началось еще до того, как мы приняли об этом решение, и представляет собой скорее фиксацию определенного процесса в мозге как бы задним числом уже на уровне субъективного переживания. Данный вывод противоречил предыдущей метафизической традиции в объяснении свободы воли человека.

Получалось, что наши действия не зависят от наших решений их совершить.

Осознавая радикальность тех следствий, которые вытекали из полученных результатов, Либет, благодаря более внимательному наблюдению за ходом эксперимента и небольшой его модификации, решил скорректировать свои научно-теоретические выводы, найдя своеобразное место для свободы воли. В ходе многочисленных повторений эксперимента он заметил, что участники не всегда совершали те моторные движения, для которых в их мозге уже начинал формироваться потенциал готовности и которые предсказывали экспериментаторы. В интерпретации Либета это означало, что у субъекта, в чьем мозге уже начинал формироваться потенциал готовности для определенного моторного движения, после его осознания (т.е. за 200 мс до его начала), но до того момента, когда движение становится необратимым (т.е. за 50 мс), имеется в распоряжении около 100–150 мс, когда субъект может как бы отменить решение совершить запланированное моторное движение. Для этого механизма Либет придумал специальное название – «принцип вето», фактически приравняв его к свободе воли.

Иными словами, Либет предложил отождествить свободу воли с негативной свободой воли, т.е. с правом субъекта сознательно накладывать вето на те решения, которые принимаются его мозгом. Данный вывод можно рассматривать в качестве своего рода компромисса, который был предложен ученым в ходе натурализации одного из базовых феноменов, традиционно ассоциируемых с сознанием, а именно свободы воли. С одной стороны, всеми нашими поступками управляет наш мозг и процессы, объективно происходящие в нем. С другой же стороны, ряд из тех действий, которые еще до осознания запланированы мозгом и для которых уже запущен своего рода спусковой механизм их исполнения, могут быть отклонены субъектом на этапе их осознания, вплоть до того момента, после которого они становятся необратимыми; иными словами, субъект оказывается в некоторой степени свободен в их неисполнении.

Можно ли считать выводы Либета достаточными для решения вопроса о свободе воли? В каком смысле нашим поведением управляет мозг? Какие именно нейронные процессы отвечают за свободу воли? Если свобода воли есть лишь эпифеноменальное переживание в потоке сознания, то почему оно в нас возникает? Вот лишь немногие из тех научно-философских вопросов, которые были вызваны экспериментом Либета. Мнения современных философов на этот счет разделились. Ряд натуралистически ориентированных философов и ученых, отрицающих свободу воли, согласились с первым выводом Либета, но не приняли второй из его выводов (см., например, [3]). Большая группа философов, полагающих, что свобода воли существует, напротив, сочла последний вывод Либета слишком узким, указав на принципиальную некорректность самого эксперимента для решения проблемы свободы воли (см., например, [4]).

Нужно отметить, что в современной аналитической философии господствуют три основополагаю-

щих установки относительно свободы воли: детерминизм, либертарианство и компатибилизм.*

Детерминизм представляет собой научно-философскую установку, которая подвергает сомнению существование свободы воли в человеке. Детерминисты (в особенности «жесткие» детерминисты) в своих размышлениях опираются на принцип каузальной замкнутости мира, согласно которому мир – это закрытая физическая система, в которой каждое событие выступает следствием и причиной других физических событий. Как закрытая физическая система, когда-то в прошлом мир находился в определенной изначальной диспозиции всех своих элементов. Знание такой изначальной диспозиции элементов системы плюс тех физических законов, по которым она функционирует, дает нам (теоретически) знание всех диспозиций физической системы на любых ее стадиях.

Таким образом, в детерминистически предопределенном мире не может быть места свободе воли. Любое событие уже предопределено изначальной диспозицией, следовательно, понятие свободы воли попросту не имеет смысла. Происходящее в данный момент событие – элемент в цепи событий и не могло не произойти, если мир организован в соответствии с физическими законами и если изначальная диспозиция физических элементов была такой, какой она была. Более того, современные формы детерминизма не исключают возможности трансформаций физических законов на определенном этапе развития универсума.

Сторонники философского либертарианства полагают, что тезис детерминизма ложен: не все события мира жестко предопределены его прошлыми состояниями (именно таким «аномальным» статусом обладают ментальные события). Свобода воли, по мысли либертарианцев, – это неотъемлемая характеристика человеческого существа. Иными словами, они выдвигают метафизический тезис: человек свободен по определению (иначе он не был бы человеком). Большинство либертарианцев опираются на понимание свободы воли в классической философской традиции, согласно которой законы свободы существуют независимо от законов природы. Они полагают, что свобода – основа моральной ответственности субъекта, норм его поведения и принципов сосуществования с другими, что нельзя вывести ни из формальных законов мышления, ни из законов физики. Следовательно, основание для свободы человека необходимо искать в какой-то независимой инстанции.

Компатибилизм представляет собой научно-философское направление, согласно которому мы можем допустить существование свободы в физической реальности, не прибегая к метафизическому постулированию свободы вне рамок физического законодательства. Компатибилисты полагают, что даже в каузально замкнутой физической системе имеется место для свободы и она не обязательно подчинена принципу тотального детерминизма. Скажем, открытие принципа неопределенности в квантовой механике дает нам возможность интерпретации движения электронов и атомов при переходе с субатомного на макроскопический уровень в некотором смысле в терминах свободы. Компатибилисты пытаются разра-

ботать такой словарь описания физической реальности, который допускал бы наличие свободы, в том числе свободы воли человека, законов сосуществования в обществе и моральной ответственности.

Эксперимент Либета послужил благоприятной почвой для довольно ожесточенного спора детерминистов, либертарианцев и компатибилистов между собой. Дело в том, что результаты эксперимента в той или иной степени использовались в своей аргументации сторонниками каждой из вышеуказанных позиций. Детерминистов устраивал изначально сделанный Либетом вывод о физических процессах в мозге как инициаторе наших действий, либертарианцев – сформулированный Либетом позднее вывод о неустрашимости свободы воли из физической реальности по крайней мере в качестве права вето на инициированные мозгом действия, а компатибилистов – возможность совместить между собой первый и второй выводы, полученные ученым из Сан-Франциско.

Спустя два десятилетия после оригинального эксперимента Либета и научно-философской дискуссии, которая сопровождала его фактически на всех значимых стадиях его воспроизведения, в начале XXI в. в Германии была поставлена серия любопытных экспериментов, которая вывела дискуссию о свободе воли на новый уровень [6]. В лаборатории под наблюдением Ч.С. Суна и Дж.-Д. Хейнса участников эксперимента просили выбрать одну из двух кнопок на пульте управления: правую или левую. В то же самое время на экране монитора, установленного перед участниками эксперимента, они наблюдали ряд сменяющих друг друга букв алфавита. Необходимо было запомнить, какая из букв находилась на экране монитора в тот момент, когда они принимали решение о том, какую из кнопок нажимать (левую или правую). В ходе эксперимента с помощью функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ) фиксировалась нейронная активность в мозге участников. Получив первые записи нейронной активности участников эксперимента, ученые загружали данные в специально созданную компьютерную программу, которая по данным фМРТ прогнозировала, какую из кнопок на пульте выберет каждый из участников эксперимента еще до того, как он объявит об этом. Компьютерной программе по паттернам нейронной активности удавалось предсказывать «свободные» решения участников эксперимента в более чем шестидесяти процентах случаев. Результаты берлинского эксперимента подтверждали идею Либета о том, что нейронная активность в моторных отделах мозга, а не сознательное решение иницирует «свободные» движения субъекта. Однако в отличие от эксперимента Либета (в котором речь шла о миллисекундах) новая парадигма эксперимента позволяла предсказывать будущий выбор участников эксперимента за 6–10 с до того, как этот выбор делался ими самими. Фиксация такой высокой степени задержки между процессами в мозге, которые иницируют произвольное движение, и «свободным» решением его совершить не оставили возможности оппонентам Либета считать его вывод об отсутствии позитивной свободы воли у человека неверным, ссы-

лаясь на погрешности в работе измерительных приборов.

Прогресс в техниках измерения нейронной активности в мозге человека не снял с повестки дня принципиально важных философских вопросов: В какой степени подобного рода эксперименты имеют отношение к свободе воли? Правомерно ли отождествлять свободу воли с некоторым телесным движением, пусть и произвольным?

Представьте себе, что вы находитесь в театре кукол, где разыгрывается сказочный спектакль, в котором один из персонажей, дабы доказать в споре свою самостоятельность, утверждает, что способен совершить телесное движение по собственному произволу. Скажем, поднять свою левую руку. И в следующее мгновение вы и другие зрители видите, что кукле действительно удалось поднять свою левую руку. Будете ли вы на этом основании считать, что кукла имеет свободу воли? Вряд ли. Большинство из нас считает, что кукла как бы по определению не может действовать свободно, так как нам уже заранее известно, что ее движениями управляет кукловод, совершающий изящные манипуляции руками за ширмой или за сценой, которые рождают у зрителей иллюзию того, что кукла двигается и говорит от своего собственного имени. Только маленькому или еще совсем юному зрителю может показаться, что кукла действует свободно; с определенного возраста человек начинает понимать, что в театре кукол не место для свободы воли. Никто не верит в то, что куклы свободны в своих действиях и поступках.

Вместе с тем считаем ли мы куклу несвободной только лишь на основании нашей уверенности в том, что ее движениями управляет кукловод за ширмой? Представьте себе, что в силу перенесенного недуга или тяжелой аварии вы больше не можете самостоятельно управлять движениями своего тела. Однако у вас есть возможность благодаря специальному механизму, имплантированному в нейронную сеть вашего мозга, передавать интенции действий другому субъекту, который будет приводить ваше тело в движение, заставляя его двигаться. По сути дела, все ваши движения, как и в случае с куклой в театре, будут приводиться в действие не вами, а другим существом. Должны ли мы на этом основании отрицать у вас свободу воли?

В современных натуралистически ориентированных дискуссиях о свободе воли существует серьезное концептуальное смешение понятий свободы выбора того или иного действия и свободы воли. Собственно, что такого удивительного в том, что движениями тела управляет мозг? Мозг есть теловод. Как же так получается, что этот невинный тезис в интерпретации некоторых философов сознания, психологов и нейроученых ведет к ограничению или даже вовсе отрицанию свободы воли [7–9]?

В чем разница между понятиями свободы выбора и свободы воли, о которых идет речь? Допустим, вы стоите в лесу и вам нужно пройти из точки А в точку Б. Для этого вы можете выбрать тропинку Д или тропинку Е. Если вы пойдете по тропинке Д, то промочите ноги, но достигнете точки Б быстрее, нежели если

вы пойдете по сухой, но более длинной тропинке Е. С чем мы имеем дело в этой ситуации? С проблемой выбора. Но имеется ли здесь хоть какое-то место для свободы воли, – большой вопрос. Процесс эволюции и приспособления живых существ к окружающей среде предполагал ситуации выбора, более того, они происходили и продолжают происходить и вовсе не сводятся только к формам человеческого поведения. Животные выбирают, чем им питаться, с кем спариваться, как охранять свою территорию и так далее. То есть мы признаем в них как живых существа наличие своего рода механизма выбора действий, но в то же время отрицаем наличие у них свободы воли. Способность к выбору действий – это когнитивный механизм, позволяющий живому существу выживать в постоянно меняющейся окружающей среде. Можно сказать, что животное – минимальный агент действия. Однако быть минимальным агентом действия и быть агентом свободной воли – это разные, так сказать, типы агентности. Быть агентом свободной воли означает не только способность реализации некоторого действия по собственному произволу, но и бремя ответственности за это действие и его последствия. Статус агента свободной воли предполагает нечто большее, нежели действие когнитивного механизма выбора. Свободная воля предполагает осознание и поэтому связывается с бременем ответственности за выбор того или иного свободного действия. Ее можно сравнить со своего рода переживанием, т.е. событием или цепью событий в феноменальном потоке сознания. Свобода воли не может быть неосознанной. Некоторые философы и ученые утверждают, что свобода

воли есть не что иное, как иллюзия. Однако даже как иллюзия она, тем не менее, имеет место в феноменальном потоке сознания. Другой вопрос, обладают ли существа с подобного рода иллюзией (иллюзией агента свободной воли) неким эволюционным преимуществом по сравнению с существами, являющимися минимальными агентами действия, т.е. обладающими когнитивным механизмом выбора действия.

Научные эксперименты, получившие широкий резонанс в науке и философии недавнего времени, связаны с когнитивным механизмом выбирать то или иное действие, присущим живым существам, а не со свободой воли (ср. с этим доводы в статье [10]), коль скоро в этих экспериментах не учитывается феноменальный аспект и измерение ответственности субъекта за совершаемое им действие. Как показывают данные современной науки, некоторые из действий, выбираемых нами на когнитивном уровне, могут не осознаваться. То же самое касается и некоторых из физиологических действий, осуществляемых нами: нам не надо сознавать то, когда делать вдох, а когда выдох, когда ступить левой ногой, а когда правой, посмотреть вниз или вверх. Все это происходит без какого-либо осознанного выбора. Несмотря на то, что результаты указанных экспериментов подтверждают, что выбор того или иного действия инициируется мозгом бессознательно и осознается лишь спустя некоторое время, они не подтверждают и не отрицают наличие в человеке свободы воли, поскольку разворачиваются в совершенно ином домене теоретических исследований, а именно в рамках изучения проблемы когнитивного механизма выбора.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Строго говоря, на настоящий момент в аналитической философии существуют следующие подходы к решению проблемы свободы воли: компатибилизм, полукompatиблизм, элиминативизм и инкомпатибилизм, который, свою очередь, делится на либертарианство, строгий детерминизм и строгий инкомпатибилизм. В основе такой классификации лежит предложенное американским философом Ван Инвагеном разделение подходов к свободе воле на два больших класса – компатибилизм и инкомпатибилизм [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Libet B. Unconscious cerebral initiative and the role of conscious will in voluntary action // Behavioral and Brain Sciences. 1985. Vol. 8, is. 4. P. 529–539.
2. Kornhuber H.H., Deecke L. Hirnpotentialänderungen bei Willkürbewegungen und passiven Bewegungen des Menschen: Bereitschaftspotential und reafferente Potentiale // Pflügers Archiv für die Gesamte Physiologie des Menschen und der Tiere. 1965. Vol. 284, is. 1. P. 1–17.
3. Mele A. Effective Intentions. Oxford : Oxford University Press, 2009.
4. Singer W. Verschaltungen legen uns fest: Wir sollten aufhören, von Freiheit zu sprechen // Hirnforschung und Willensfreiheit. Zur Deutung der neuesten Experimente / ed. Ch. Geyer. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 2004.
5. Van Inwagen P. An Essay on Free Will. Oxford : Oxford University Press, 1983.
6. Soon CS, Brass M, Heinze H-J, Haynes J-D. Unconscious determinants of free decisions in the human brain // Nat. Neurosci. 2008. Vol. 11. P. 543–545.
7. Frith C. Free Will Top-Down Control in the Brain // Murphy N., Ellis George, O'Connor F. R. & Timothy (eds.). Downward Causation and the Neurobiology of Free Will. Springer Verlag, 2009. P. 199–209.
8. Hallett M. Volitional control of movement: the physiology of free will // Clinical Neurophysiol. 2007. Vol. 118, is. 6. P. 1179–1192.
9. Wegner D. The Illusion of Conscious Will. Cambridge, MA : MIT Press, 2002.
10. Разев Д.Н. Сдержанный оптимизм в вопросах свободы воли // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2017. Т. 67, № 6. С. 761–768.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 24 августа 2018 г.

Free Will and the Cognitive Mechanism of Choice

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 110–114.

DOI: 10.17223/15617793/439/13

Danil N. Razeev, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: d.razeev@spbu.ru

Keywords: Libet's experiment; Soon & Haynes' experiment; veto principle; freedom of will; cognitive mechanism of choice; freedom of action.

The article deals with two scientific experiments on free will recently conducted by cognitive psychologists and neuroscientists. The experiments go back to the late 1970s and early 1980s and were based on the results of measurements of the relationship between brain activity and voluntary motion explored by German neuroscientists in the middle of the 20th century. What they found was that there was a reliable pattern of electrical activity in the motor area of the brain that preceded electrical activity in the muscles (the brain activity that they identified started less than a second before the activity in the muscles). A famous neuroscientist Benjamin Libet used these results in order to explore the problem of free will. As in the earlier experiments, Libet found that muscle activity was preceded by increasing activity in the motor area of the brain, and the average time difference was about 550 milliseconds. With regard to participants' conscious awareness to move their body, they reported it as being only 200 milliseconds before muscle activity occurred. Libet's own interpretation is that what happens here is that the brain unconsciously initiates the process of voluntary action. Libet's experiments generated an enormous discussion among researchers from many disciplines and encouraged neuroscientists to conduct new experiments on free will, one of which was made by a group of neuroscientists in Berlin. John-Dylan Haynes from the Bernstein Center for Computational Neuroscience and his colleagues imaged the brain of volunteers while they were performing a decision-making task. The volunteers were asked to press one of two buttons when they felt the urge to. Each button was operated by a different hand. When the researchers analysed the data, the earliest signal the team could pick up started six seconds before the volunteers reported having made their decision. The delay of a few seconds in the imaging means that the brain activity could have begun as much as ten seconds before the conscious decision. Some contemporary philosophers and scientists claim that the above-mentioned experiments provide strong evidence that free will is an illusion. The author of the article claims that the experiments were aimed at the cognitive mechanism of choice and are not directly related to the problem of free will.

REFERENCES

1. Libet, B. (1985) Unconscious cerebral initiative and the role of conscious will in voluntary action. *Behavioral and Brain Sciences*. 8 (4). pp. 529–539.
2. Kornhuber, H.H. & Deecke, L. (1965) Hirnpotentialänderungen bei Willkürbewegungen und passiven Bewegungen des Menschen: Bereitschaftspotential und reafferente Potentiale [Changes in the brain potential in arbitrary movements and passive movements of the human being: readiness potential and reafferent potentials]. *Pflügers Archiv für die Gesamte Physiologie des Menschen und der Tiere*. 284 (1). pp. 1–17.
3. Mele, A. (2009) *Effective Intentions*. Oxford: Oxford University Press.
4. Singer, W. (2004) Verschaltungen legen uns fest: Wir sollten aufhören, von Freiheit zu sprechen [Circuits tell us to stop talking about freedom]. In: Geyer, Ch. (ed.) *Hirnforschung und Willensfreiheit. Zur Deutung der neuesten Experimente* [Brain research and free will. On interpreting the latest experiments]. Frankfurt: Suhrkamp Verlag.
5. Van Inwagen, P. (1983) *An Essay on Free Will*. Oxford: Oxford University Press.
6. Soon, C.S., Brass, M., Heinze, H.-J. & Haynes, J.-D. (2008) Unconscious determinants of free decisions in the human brain. *Nat. Neurosci.* 11. pp. 543–545. DOI: 10.1038/nn.2112
7. Frith, C. (2009) Free Will Top-Down Control in the Brain. In: Murphy, N. et al. (eds) *Downward Causation and the Neurobiology of Free Will*. Springer Verlag.
8. Hallett, M. (2007) Volitional control of movement: the physiology of free will. *Clinical Neurophysiol.* 118 (6). pp. 1179–1192. DOI: 10.1016/j.clinph.2007.03.019
9. Wegner, D. (2002) *The Illusion of Conscious Will*. Cambridge, MA: MIT Press.
10. Razeev, D.N. (2017) Free Will Problem (Comments to Received Objections). *Zhurnal vysshey nervnoy deyatel'nosti im. I.P. Pavlova – I.P. Pavlov Journal of Higher Nervous Activity*. 67 (6). pp. 761–768. (In Russian).

Received: 24 August 2018

ИСТОРИЯ

УДК 930.85

С.С. Булдыгин

«ЕВРОПЕЙСКОЕ ЧУДО» В ОСВЕЩЕНИИ ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX–XX вв.

Проводится анализ основных макроисторических концепций становления индустриального общества в Европе Нового времени. Выделяются две генеральные линии в западной историографии по отношению к природе Европейского чуда согласно принципу эндогенность vs экзогенность. В первом случае исследователи видели причинами доминирования Европы в Новое время уникальные особенности социально-экономического и культурного развития. Историки второго направления видели Европу частью глобальной мир-системы, добившейся успеха благодаря усилению взаимосвязей с остальным миром.

Ключевые слова: Европа; индустриальное общество; историография; эндогенность; экзогенность; мир-система.

В первой половине XIX в. в Европе постепенно складываются социально-экономические структуры, в описании которых исследователи используют такие понятия, как «капитализм», «промышленная революция», «индустриальное общество». Это преобразование позволило Западу занять доминирующие позиции в политике, военном деле и в экономике. В современной историографии успехи Европы в Новое время часто называют Европейским чудом или Великой дивергенцией.

Анализ обширной историографии позволяет выделить модели становления индустриального общества, которые можно разделить по принципу *эндогенности* или *экзогенности определяющих факторов модернизации*. В качестве эндогенных факторов выступают специфические особенности развития внутри европейской цивилизации (экономика, культура, религия, склонность к открытиям). Экзогенные теории делают акцент на внешних факторах становления индустриального общества и развернуты в контексте глобальной истории.

Необходимо учитывать, что представленное деление основных теорий исторической динамики по принципу *эндогенность vs экзогенность* в значительной мере является условностью, необходимой для обобщения и генерализации. Но в то же время данный подход помогает выделить некоторые важные особенности в развитии историографии по проблеме формирования индустриального общества в Европе.

Мыслители первой половины XIX в., такие как А. Сен-Симон, Ф. Гизо, Т. Карлейль, впервые обратили внимание на экономические и технологические факторы, движущие историю. Эпоха просвещения и индустриальная революция в их трудах представлялись торжеством рациональности и предприимчивости. Во взглядах историков эпохи романтизма «новая индустриальная система» противопоставлялась «старому порядку» [1–3].

Большое влияние на историографию оказало появление марксистской историософской концепции. Некоторые отечественные исследователи утверждают, что К. Маркс одним из первых начал систематически разрабатывать концепцию модернизации, хотя и не пользовался этой терминологией [4. С. 107]. К. Маркс

и Ф. Энгельс предприняли попытку проследить историю человека через возникновение и эволюцию классовой борьбы [5. С. 424–425]. В соответствии с марксистской парадигмой переход к капитализму происходил через революции. Европейская трансформация Нового времени носила длительный характер, уходя корнями социально-экономических процессов в Средневековье. К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что «средства производства и обмена, на которых сложилась буржуазия, были созданы в феодальном обществе» [Там же. С. 429].

Эндогенные причины «европейского превосходства» в XIX в. видели сторонники эволюционизма. Так, Г. Спенсер сравнивал общество с человеческим организмом. По его мнению, оно как живое существо проходит непрерывный рост и усложнение внутреннего строения. Г. Спенсер, будучи увлеченным эволюционизмом как универсальной идеей, считал, что прогресс осуществляется как переход от однородности к разнородности, которая достигается по мере развития и роста [6. С. 272].

Быстрые социальные изменения стали объектом исследования социологии на рубеже XIX–XX вв. Немецкий социолог Ф. Тённис связывал переход к индустриальному обществу с культурной революцией, в ходе которой общество выражается в такой структуре человеческих взаимодействий, при которой связи между людьми строятся на основе рациональных отношений [7. С. 378–380]. На позиции «европейской исключительности» стоял выдающийся социолог М. Вебер. Он отмечал, что для европейского человека естественным образом встает вопрос о возникновении на Западе таких явлений культуры, которые получили «универсальное значение». В этом качестве им были отмечены: 1) наука как институт; 2) рациональное искусство (рациональный расчет в архитектуре, живопись (перспектива), печатная литература); 3) образование как рациональная систематическая подготовка к определенной деятельности; 4) организация управления, в основе которой – профессионально подготовленные чиновники; 5) государство с рационально устанавливаемыми законами; 6) капитализм, являющийся «самым могущественным фактором современной жизни» [8].

В классической социологии второй половины XIX – начала XX в. отразилось комплексное представление о переходе от традиционного общества к индустриальному. Теории развития, возникшие в XIX в., были результатом, с одной стороны, противоречивости и многоукладности эпохи, с другой – мощной европейской экспансии и веры в бесконечный прогресс человеческого общества.

На период между мировыми войнами пришелся пик популярности циклических теорий социальных изменений. Циклическая парадигма нашла свое отражение в творчестве О. Шпенглера, А. Тойнби, П.А. Сорокина, которые сделали акцент на динамике развития отдельных цивилизаций и их культур. Они стремились восстановить последовательность фаз в развитии мировых цивилизаций, таких как рождение, зрелость и упадок. Согласно созданным ими историческим конструкциям общество движется по замкнутому кругу, регулярно возвращаясь вспять, к исходному состоянию. Такое видение истории имело долгую традицию. Циклические представления разделяли многие философы и историки Древнего мира, Средневековья, Нового времени, среди которых Аристотель, Н. Макиавелли, Дж. Вико, Н.Я. Данилевский.

О. Шпенглер видел историю сквозь призму существования целого ряда независимых друг от друга культур. Только внутренние силы культуры были ресурсом, за счет которого она могла жить. Согласно О. Шпенглеру, становление индустриального общества выглядит не как прогрессивное явление, а как начало упадка и разложения культуры [9].

В теории А.Дж. Тойнби цивилизации не являются замкнутыми, а взаимодействуют друг с другом. При этом гибели цивилизации часто оставляют наследие, на котором возникают родственные культуры. Так, родственными цивилизациями эллинской культуры являются западная и православная [10. С. 47–82]. Человеческие общества постоянно встречаются с «вызовами» со стороны окружающей среды, под ними историк понимал определенную проблемную ситуацию, преодолев которую, цивилизация обретает свою идентичность, расширяется в пространстве, увеличивает свой потенциал. Успешный ответ на вызов является заслугой творческого меньшинства или отдельных личностей, способных генерировать новые идеи и технологии. Рост цивилизации, согласно концепции А.Дж. Тойнби, – это постоянный кумулятивный процесс ее внутреннего самоопределения и самовыражения [Там же. С. 113–185].

Циклические теории развития выступили как альтернатива линейным концепциям развития общества. Заслуга данных теорий видится в преодолении европоцентризма и повышенном внимании к культурным особенностям неевропейских цивилизаций. Мы можем характеризовать данное историческое направление как эндогенное, поскольку именно внутренние причины развития цивилизаций играют здесь главную роль. Внутренние качества человеческого общества являются определяющими в их развитии.

В середине XX столетия в первых версиях теории модернизации происходит возврат к линейным теориям в работах У. Ростоу, Н. Смелзера, Т. Парсонса и др. Исследователям 1950–1960-х гг. Европейское чудо

Нового времени виделось историческим примером для молодых независимых государств Азии и Африки [11, 12].

Концептуально теория модернизации исходила из экономических и социологических школ второй половины XIX – первой трети XX в. Так, в трудах У. Ростоу при переходе общества от традиционного к индустриальному существуют пять последовательных этапов, важнейшим из которых является этап «взлета» (takeoff). Он длится несколько десятилетий, и его можно сравнить с промышленной революцией. Важнейшее значение У. Ростоу отводил экономической модернизации [12. Р. 4–11].

В исследованиях второй половины XX в. отмечалось европейское превосходство экономической системы над экономиками стран Востока уже в Средние века. С.С. Кузнец выделял в истории Европы до эпохи «современного экономического роста» эпохи «феодальной организации» и «торгового капитализма» [13. Р. 247]. Историк экономики А. Мэддисон пришел к выводу, что уже с X в. годовой доход среднего западноевропейца был самым высоким в мире, хотя вплоть до XIX в. по совокупному валовому продукту страны Азии лидировали [14. Р. 28].

На наш взгляд, толчок в понимании экзогенных причин европейских трансформаций Нового времени был получен вместе с появлением в историографии концепта мир-системы в 1960–1970-е гг. У истоков мир-системного анализа стоял великий французский историк Ф. Бродель, впервые выделивший понятие «мир-экономика». По утверждению ученого, это часть вселенной, экономически самостоятельная и такая, в которой ее внутренние связи и обмена придают определенное единство [15. С. 572–607].

Большое влияние на формирование представлений о мире как сложной глобальной системе оказали цивилизационный подход и структурный функционализм. «Экзогенные» теории стали не противопоставлением «эндогенным». Они скорее дополнили существовавшие идеи и значительно расширили их.

Идеи Ф. Броделя легли в основу школы мир-системного анализа. Наиболее яркими представителями данного направления являлись И. Валлерстайн, Дж. Арриги, А.Г. Франк [16–18]. В рамках школы мир-системного анализа становление индустриального общества в Европе рассматривается как часть глобального мирового процесса роста капитализма. Так, в соответствии с концепцией И. Валлерстайна капиталистическая мир-система включает в себя ядро, полупериферию и периферию [16. С. 87]. В таком случае западные центры капиталистической мир-системы (Англия, Франция, Соединенные провинции) через выгодное положение ядра и обменные операции привлекали прибыль. Страны Азии, Африки и Америки играли роль «периферии», источника богатства. Меньше развитые страны Европы попадали под понятие «полупериферия», так как совмещали свойства как ядра, так и периферии. Именно в центре капиталистической мир-системы произошли промышленная революция, а также социальные изменения, которые привели к формированию современного индустриального общества.

Крупный вклад в развитие парадигмы внес американский историк У. Макнил, являвшийся сторонником диффузионизма. Он придавал большое значение факторам экспансионизма и культурной передачи. Размеры цивилизации прямо зависят от уровня развития технологий в сфере передачи информации. Соответственно, разрушение коммуникаций на дальние расстояния могло привести к застою в культуре и экономике, а всякий рост связей приводил к бурному росту торговли, городов и появлению различных новшеств [19. С. 22]. У. Макнил уделил особое внимание роли Китая в мировой истории. Эта страна выступала локомотивом роста всей евразийской экономики в Средние века. Благодаря инновациям с Востока (порох, компас, бумага) европейцы смогли выйти на вектор развития, позволивший добиться доминирования к XIX столетию [20. С. 46–82].

В конце XX в. в американской историографии появляется концепт «великой дивергенции» (The Great Divergence) между Западом и остальным миром, в частности Китаем [21. Р. 180]. Под Великой дивергенцией понимается процесс, происходивший в Западной Европе в Новое время, посредством которого в XIX в. европейцам удалось достигнуть доминирующего положения над странами Востока. Причинами этого были особые культурные, политические и экономические предпосылки, созревшие в доиндустриальной Европе.

В 1990–2000-е гг. в США в работах Калифорнийской школы происходит ревизия взглядов на причины и факторы индустриальной революции в Европе XVIII–XIX вв. (Р.Б. Вон, Дж. Голдстоун, К. Померанц, Д. Ли, В. Фэн, А.Г. Франк). Представителей школы отличал глубокий интерес к сопоставлению экономических, социальных и демографических параметров европейских и восточных обществ. Своеобразным манифестом школы стали идеи одного из основоположников школы зависимости А.Г. Франка. Выступая оппонентом И. Валлерстайна он выдвигает гипотезу, что мировая система на афроевразийских пространствах появилась не после 1500 г., а гораздо раньше – около 5 000 лет назад [22. Р. 3–58]. А.Г. Франк утверждал, что Китай и Индия занимали главенствующее положение в мировой экономике до промышленной революции на Западе. Исследователь отвергал любые тезисы о европейской исключительности и считал, что Европа добилась успеха только благодаря эксплуатации других частей света [23. Р. XXV].

Другой представитель школы К. Померанц всячески отрицал ведущую роль эндогенных факторов (рыночная экономика, буржуазная ментальность, технический прогресс) в процессе индустриальной революции. По мнению ученого, Европе удалось вырваться из «протоиндустриального» тупика и мальтузианской ловушки только благодаря двум обстоятельствам: наличию в изобилии легкодоступного угля в Великобритании и фактору сверхприбылей от использования Нового Света [24. Р. 5]. Дж. Голдстоун видел причины Великой дивергенции в перевороте сознания европейцев вследствие открытия Нового Света, что подвергло критике старые представления о мире и послужило толчком к развитию. Другим цивилизациям не довелось открыть новые земли, поэтому там не произошло научной и промышленной революции [25. С. 275].

Работы исследователей «Калифорнийской школы» подверглись критике. Так, Д. Лэндис, стоявший на позиции М. Вебера, утверждал, что именно европейская культура и религия стали главными источниками могущества и богатства. Мировоззрение, ценности и инициатива позволили Западу добиться доминирования [26. Р. 253]. В то же время наука не была изначально одной из основных причин промышленной революции, поэтому Китай, не смотря на технические достижения, проиграл в борьбе с европейскими державами [27. Р. 16].

П. Врис указывал на существенные различия передовых стран Запада от Китая в хозяйственной организации, институтах и экономической политике [28. Р. 71]. Ученый указывал на особенности военной политики, а также на поддержку европейскими странами своих интересов далеко за пределами Европы, что не было характерно для Китая и других стран Востока [29. Р. 439].

Какие результаты дает нам дуалистическое противопоставление «эндогенных» и «экзогенных» теорий европейского модерна? Прежде всего, этот прием историографического анализа позволяет увидеть глубину и многофакторный характер изучаемого исторического процесса. С другой стороны, такая систематизация позволяет историку концептуализировать теоретические и методологические особенности разных научных школ. Проведенный историографический анализ позволяет выделить основные различия «экзогенных» и «эндогенных» теорий развития (таблица).

Основные различия «экзогенных» и «эндогенных» теорий развития

«Эндогенные» теории	«Экзогенные» теории
Главными объектами исследования являются национальные экономики или цивилизации, как отдельные организмы	Главным объектом исследования является глобальная мир-система
Индустриальная система – результат чисто европейского развития	Индустриальная система – результат развития глобальной мир-системы
Национальные европейские экономики самостоятельны либо являются частью европейской цивилизации	Национальные экономики являются частью мировой экономической системы
Европейские технологии являются достижением главным образом европейского любопытства и склонности к инновациям	Европейские технологии являются продолжением заимствованных инноваций из-за пределов Европы
Богатство Европы – результат европейского трудолюбия и развитых социальных институтов	Богатство Европы – результат присвоения ресурсов стран Америки, Африки и Азии
Переход к капитализму связан с формированием капиталистического уклада внутри феодальной экономики либо предрасположенности к накоплению	Рост капиталистических отношений связан с укреплением торговых связей в рамках глобальной мир-системы
Европейская цивилизация является самостоятельным и независимым организмом (А. Тойнби, О. Шпенглер)	Европейская цивилизация тесно интегрирована в глобальную мир-систему
Западное доминирование будет продолжаться неопределенный срок (кроме А. Тойнби и О. Шпенглера)	Доминирование Запада временно и закончится в обозримом будущем

«Эндогенный» подход изначально занимал доминирующее положение в историографии и остается таковым как минимум до середины XX в. «Экзогенные» теории предполагают, что Европа является частью единой мир-системы. Европейцы извне получа-

ли ресурсы и технологии, что позволило Западу доминировать в мире. Такое направление складывается в историографии во второй половине XX в., когда процессы глобализации и взаимопроникновения культур стали очевидными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сен-Симон А. О промышленной системе // Избранные сочинения : в 2 т. М., 1948. Т. 1.
2. Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М., 2007.
3. Карлейль Т. Прошлое и настоящее // Теперь и прежде. М., 1994.
4. Тихонова Н.Е., Аникин В.А., Горюнова С.Е., Лежнина Ю.П. Концепция модернизации в работах классиков социологической мысли второй половины XIX–начала XX в. // Социология: 4М. 2007. № 24.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Собрание сочинений. М., 1955. Т. 4.
6. Спенсер Г. Опыт научные, политические и философские. Минск, 1999.
7. Теннис Ф. Общность и общество. СПб., 2002.
8. Вебер М. Предварительные замечания // Избранные произведения. М., 1990.
9. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М., 1998.
10. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 2010.
11. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.
12. Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960.
13. Kuznets S.S. Modern Economic Growth: Finding and Reflection // The American Economic Review. 1973. Vol. 63 (3).
14. Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective. Paris, 2001.
15. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3: Время мира. М., 1992.
16. Валлерстайн И. Мировой системный анализ: Введение. М., 2006.
17. Frank A.G. The Development of Underdevelopment // The Underdevelopment of Development. London, 1996.
18. Арриги Дж. Глобальное правление и гегемония в современной мир-системе // Прогнозис. 2008. № 3 (15).
19. Мак-Нил У. Восхождение Запада: История человеческого сообщества. М., 2004.
20. Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М., 2008.
21. Frank A.G. Review of The Great Divergence // Journal of Asian Studies. 2001. Vol. 60 (1).
22. Frank A.G. The world system: Five hundred years or five thousand? New York, 1993.
23. Frank A.G. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley and Los Angeles, 1998.
24. Pomeranz K. The great divergence: China, Europe, and the making of modern world economy. Princeton, 2000.
25. Голдстоун Дж. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850. М., 2014.
26. Landes D.S. The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some So Poor. New York, 1999.
27. Landes D.S. Why Europe and the West? Why Not China? // Journal of Economic Perspectives. 2006. Vol. 20 (2).
28. Vries P. Via Peking Back to Manchester: Britain, the Industrial Revolution, and China. Leiden, 2003.
29. Vries P. Are Coal and Colonies Really Crucial? Kenneth Pomeranz and the Great Divergence // Journal of World History. 2001. Vol. 12 (2).

Статья представлена научной редакцией «История» 22 октября 2018 г.

The “European Miracle” in the Coverage of Western Historiography of the 19th and 20th Centuries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 115–119.

DOI: 10.17223/15617793/439/14

Sergey S. Buldygin, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: buldygin.sergey@mail.ru

Keywords: Europe; industrial society; historiography; endogeneity; exogeneity; world-system.

The article analyzes the 19th- and 20th-century Western historiography of the development of scientific concepts of the formation of an industrial society in Europe in the Modern era. On the basis of the analysis of historiography, the author distinguishes two general lines in Western historiography in relation to the nature of the “European miracle” according to the principle of endogeneity vs exogeneity. Endogenous factors are the specific features of development within European civilization (economy, culture, religion, propensity to discoveries). Exogenous theories emphasize the external factors of the formation of an industrial society and are deployed in the context of global history. The continuous military and political expansion of Europe, the industrial revolution and scientific achievements proved the exclusiveness of European civilization to Western scholars of the 19th century. In the linear positivistic theories of the historical dynamics of K. Marx, F. Engels, H. Spencer, the belief in infinite progress was reflected. The search for the causes of socio-economic transformations initially attracted the attention of sociologists. M. Weber saw in European civilization unique cultural, economic and social characteristics that are not peculiar to the peoples of the East. Ideological followers of this view of history were W. Rostow, N. Smelser, T. Parsons, supporters of the theory of modernization in the second half of the 20th century. The development of the civilizational approach in the form of cyclic theories of O. Spengler and A. J. Toynbee became of great importance in understanding the “European miracle”. They managed to overcome Eurocentrism, but they could not escape from the dominant idea of the exclusively internal nature of the European industrial society. The civilizational approach and structural functionalism formed the basis for the concept of the world-system in the 1960s–1970s. The notion of the world as a global system essentially supplemented historiography and expanded the object of research. There was developed an “exogenous” direction, emphasizing the deep interconnection of Europe and other parts of the globe. In this respect, it is worth mentioning the works of F. Braudel, W. McNeill, I. Wallerstein, A.G. Frank, G. Arrighi. Thus, Western historiography has come a long way from “European exclusivity” to the recognition of Europe as part of a global world-system in which there is an inextricable cultural, economic, technological connection with other civilizations. According to the author of the article, the dualistic juxtaposition of the “endogenous” and “exogenous” theories of European modernism allows us to see the depth and the multifactor character of the historical process under study. On the other hand, such a systematization allows the historian to conceptualize the theoretical and methodological features of different scientific schools.

REFERENCES

1. Saint-Simon, H. (1948) O promyshlennoy sisteme [On the industrial system]. In: *Izbrannyye sochineniya: v 2 t.* [Selected Works: in 2 vols]. Translated from French by L.S Tsetlin. Vol. 1. Moscow: USSR AS.
2. Guizot, F. (2007) *Istoriya tsivilizatsii v Evrope* [General History of Civilization in Europe]. Translated from French. Moscow: Izdatel'skiy dom "Territoriya budushchego".
3. Carlyle, T. (1994) Proshloe i nastoyashchee [Past and Present]. In: *Teper' i prezhe* [Now and then]. Translated from English. Moscow: Respublika.
4. Tikhonova, N.E. et al. (2007) Kontsepsiya modernizatsii v rabotakh klassikov sotsiologicheskoy mysli vtoroy poloviny XIX–nachala XX v. [The concept of modernization in the works of the classics of sociological thought of the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Sotsiologiya: 4M.* 24.
5. Marx, K. & Engels, F. (1955) Manifest kommunisticheskoy partii [Manifesto of the Communist Party]. In: *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Translated from German. Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
6. Spencer, H. (1999) *Opyty nauchnye, politicheskie i filosofskie* [Essays: scientific, political and speculative]. Translated from English. Minsk: Sovremennyy literator.
7. Tennis, F. (2002) *Obshchnost' i obshchestvo* [Community and society]. Translated from German by D.V. Sklyadnev. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
8. Weber, M. (1990) Predvaritel'nye zamechaniya [Preliminary remarks]. In: Davydova, Yu.N. (ed.) *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Progress.
9. Spengler, O. (1998) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii* [Sunset of Europe. Essays on the morphology of world history]. Translated from German by I.I. Makhan'kov. Vol 1. Moscow: Mysl'.
10. Toynbee, A.J. (2010) *Postizhenie istorii* [A study of history]. Translated from English by E.D. Zharkov. Moscow: Ayris-Press.
11. Parsons, T. (1997) *Sistema sovremennykh obshchestv* [System of modern societies]. Translated from English by L.A. Sedov and A.D. Kovalev. Moscow: Aspekt Press.
12. Rostow, W.W. (1960) *The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto*. Cambridge.
13. Kuznets, S.S. (1973) Modern Economic Growth: Finding and Reflection. *The American Economic Review.* 63 (3).
14. Maddison, A. (2001) *The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD.
15. Braudel, F. (1992) *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm. XV–XVIII vv.* [Civilization and Capitalism 15th–18th Century]. Translated from French. Vol. 3. Moscow: Progress.
16. Wallerstein, I. (2006) *Mirosistemnyy analiz: Vvedenie* [World-Systems Analysis: An Introduction]. Translated from English. Moscow: Territoriya budushchego.
17. Frank, A.G. (1996) The Development of Underdevelopment. In: *The Underdevelopment of Development*. London: Routledge.
18. Arrighi, J. (2008) Global Governance and Hegemony in the Modern World System. *Prognosis.* 3 (15). (In Russian).
19. McNeill, W. (2004) *Voskhozhdenie Zapada: Istoriya chelovecheskogo soobshchestva* [The Rise of the West: A History of the Human Community]. Translated from English. Moscow: Nika-Tsentr, Starklayt.
20. McNeill, W. (2008) *V pogone za moshch'yu. Tekhnologiya, voozruzhennaya sila i obshchestvo v XI–XX vekakh* [The Pursuit of Power: Technology, Armed Force, and Society since A.D. 1000]. Translated from English. Moscow: Territoriya budushchego.
21. Frank, A.G. (2001) Review of The Great Divergence. *Journal of Asian Studies.* 60 (1).
22. Frank, A.G. & Gills, B.K. (eds) (1993) *The world system: Five hundred years or five thousand?* New York: Routledge.
23. Frank, A.G. (1998) *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
24. Pomeranz, K. (2000) *The great divergence: China, Europe, and the making of modern world economy*. Princeton: Princeton University Press.
25. Goldstone, J. (2014) *Pochemu Evropa? Vozvyshenie Zapada v mirovoy istorii, 1500–1850* [Why Europe? The rise of the West in world history, 1500-1850]. Translated from English. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara.
26. Landes, D.S. (1999) *The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some So Poor*. New York: W.W. Norton & Co.
27. Landes, D.S. (2006) Why Europe and the West? Why Not China? *Journal of Economic Perspectives.* 20 (2). DOI: 10.1257/jep.20.2.3
28. Vries, P. (2003) *Via Peking Back to Manchester: Britain, the Industrial Revolution, and China*. Leiden: Research School CNWS, Leiden University.
29. Vries, P. (2001) Are Coal and Colonies Really Crucial? Kenneth Pomeranz and the Great Divergence. *Journal of World History.* 12 (2).

Received: 22 October 2018

Г.М. Васильева

КИОТСКИЙ ПРОТОКОЛ В ГЛОБАЛЬНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Исследуется первое соглашение глобального уровня, касающееся проблем изменения климата. Изучаются взгляды на экологические проблемы представителей разных школ, развивавших базовые идеи Киотского протокола. Анализируются «гибкие механизмы», или механизмы Киото, которые свидетельствуют о том, что Соединенные Штаты являются «климатическим гегемоном». В ходе переговоров по Киотскому протоколу было продемонстрировано, что интересы стран играют ведущую роль в международном процессе по проблеме изменения климата.

Ключевые слова: исторический контекст; международный экологический режим; Киотский протокол; интересы стран; силовой фактор; научные споры.

В 1980-е гг. зарождается понятие «экологическая безопасность». Человечество столкнулось с такими явлениями, как озоновые дыры, кислотные дожди, опустынивание. Начинает происходить перестройка геосистем. Для решения актуальной проблемы изменения климата необходимо сотрудничество всех стран. Поэтому значение Киотского протокола для мирового сообщества трудно переоценить. На 18-й Конференции ООН об изменении климата, состоявшейся в 2012 г. в столице Катара Дохе, было решено продлить его действие. Но в 2015 г. на 21-й Конференции в Париже 196 участников подписали новое соглашение, заменяющее Киотский протокол. Главной темой Парижского соглашения, помимо стабилизации выбросов парниковых газов, стал курс на сдерживание глобального потепления не более чем на 2°C. Тем не менее Киотский протокол явился первым соглашением глобального уровня, касающимся проблем изменения климата. Это отметила К. Фигерес, исполнительный секретарь Рамочной Конвенции ООН об изменении климата, в связи с 10-й годовщиной Киотского протокола в 2017 г. Данный документ продемонстрировал, насколько эффективным может быть международное сотрудничество в вопросах, касающихся экологической угрозы. Благодаря Протоколу активно внедрялись альтернативные источники энергии, оказывалась поддержка развивающимся странам в снижении выбросов парниковых газов. В 2014 г. было зафиксировано, что со вступлением в силу Киотского протокола уровень содержания парниковых газов в атмосфере снизился на 22,6% по сравнению с 1990 г. Конечно, подобный результат достигнут не только благодаря Соглашению, но оно сыграло значительную роль [1].

Несмотря на то что Киотский протокол сменило Парижское соглашение, на документ 1997 г. ссылались на 23-й Конференции ООН об изменении климата (Бонн, ФРГ, 6–17 ноября 2017 г.). Отмечалось, что развивающиеся страны должны исполнить обязательства, сформулированные в Киотском протоколе, до 2020 г., в то время как Парижское соглашение содержит пункты, подлежащие исполнению после 2020 г. [2].

В 2017 г. Индия подтвердила свое участие во втором периоде действия обязательств (2013–2020 гг.), записанных в Киотском протоколе, став восьмидесятым участником Соглашения. Стоит отметить, что Индия является одной из стран с наивысшим уровнем

выбросов парниковых газов в атмосферу [3]. М. Грабб, главный редактор журнала «The Climate Policy» и один из организаторов исследований климатических стратегий, заметил, что многие критики говорили о провале Киотского протокола, скептически относились к идее международного регулирования климата. Однако страны-участницы исполнили обязательства Протокола, что дает надежду на успешную реализацию Парижского соглашения. Девять государств (Австрия, Дания, Исландия, Лихтенштейн, Люксембург, Норвегия, Испания и Швейцария, Япония) достигли даже большего снижения выбросов парниковых газов, чем было установлено Протоколом [4].

С 2016 г. ведется работа по подготовке Шестого оценочного доклада Межправительственной группы экспертов по международной оценке климата (МГЭИК), который планируют завершить к 2022 г. МГЭИК выбрала для данной работы 41 австралийского ученого. Страны будут проинформированы о том, как избежать опасного глобального потепления [5].

Об актуальности проблемы свидетельствует и то, что Соглашение, принятое в Киото, часто упоминается в СМИ. Оно обычно предстает в похожем контексте: подготовка Парижского соглашения, подписание Индией Киотского договора, рост производства автомобилей на электронной тяге и др. 24 января 2017 г. в журнале «The Economic Times» была опубликована статья «Индия подписывает Киотский протокол. Кабинет министров одобрил этот ход». В ней приводится высказывание премьер-министра Индии Нарендра Моди: «Принимая во внимание важную роль Индии в достижении международного консенсуса по вопросам изменения климата, это решение еще раз подчеркивает лидерство нашей страны в сообществе государств, отстаивающих правосудие в решении глобальных проблем защиты окружающей среды и поддержания климата» [6]. 12 ноября 2017 г. на страницах этого журнала появляется статья «Страны просят увековечить 20-летие знакового события – Киотского протокола 1997 г.» [7]. В ней говорится, что желание ознаменовать юбилейное событие происходит на фоне требований развивающихся стран официально обсудить усилия, прилагаемые странами для замедления изменения климата. Развивающиеся страны демонстрируют единство. Они предлагают включить в повестку дня каждого раунда переговоров по климату, вплоть до 2020 г., отчеты по реализации положений

Киотского протокола. Именно в нем установлены обязательные целевые показатели сокращения выбросов для промышленно развитых стран.

4 июня 2017 г. в газете «The New York Times» была опубликована статья под названием «Шестнадцать лет спустя: отказ Буша подписывать экологическое Соглашение ничему не учит Трампа». В ней отмечалось, что уже второй американский лидер отказывается верить в реальность глобального потепления. Он не желает участвовать в экологических соглашениях, называя глобальное потепление обманом. Автор статьи сожалеет, что США, в отличие от других лидирующих стран, не подписали Киотский протокол [8]. В материале «Ветер и солнечная энергия продвигаются вперед, но углеводород отказывается отступить» (от 7 ноября 2017 г.) рассказывается об успехах стран по уменьшению вредных выбросов после вступления в силу Киотского договора [9]. Утверждается, что Америка продолжает терять позиции, поскольку президент отрицает угрозу глобального потепления. 1 июля 2017 г. в «The Guardian» появляется статья с провокационным заголовком «Дональд Трамп только что закрепил статус худшего американского президента» [10]. В ней говорится, что Трамп вышел из Парижского соглашения, которое так же, как Киотский протокол, призвано бороться с экологическими проблемами, вызванными безответственной деятельностью человека. Президент уверен, что разговоры об угрозах являются мистификацией с целью дестабилизации экономической ситуации в США.

И в России, и на Западе выходят в свет академические работы, посвященные Киотскому протоколу. В отечественной науке серьезные исследования появились еще до ратификации документа Государственной Думой Российской Федерации в 2004 г. [11]. В период с 2004 по 2012 г. монографии и пособия публиковались почти ежегодно. Положения Киотского протокола о колебании климата рассматривались в контексте мировой экономики и геофизических наук [12]. Исследовалось правовое регулирование проблем изменения климата в России и в разных регионах мира [13]. Изучались основные этапы реализации документа в связи с климатической, социально-экономической политикой России [14] и в международном историческом контексте [15].

В монографии американского ученого Д.Г. Виктора «Коллапс Киотского протокола: борьба с глобальным потеплением» документ рассматривается как экономическое испытание для многих стран. Автор полагает, что подписание Договора приведет страны к кризису в связи с сокращением объемов производства и нехваткой ресурсов [16]. Р. Вилер в исследовании «Читая Киотский протокол: Этический аспект Конвенции по изменению климата» анализирует, насколько цели Киотского договора осуществимы с точки зрения этики, морали и здравого смысла [17]. Л. Массая, автор монографии «Киотский протокол в ЕС: Европейское сообщество и страны-участницы в рамках международного и европейского права», исследует историю участия государств в международных режимах изменения климата в контексте правовой системы. Он рассматривает разную степень ответственности членов ЕС [18].

Д. Катни в работе «Углеродная политика и провал Киотского протокола» представил анализ действий государств, подписавших Киотский протокол. Неудачи Соглашения ученый объясняет неспособностью стран эффективно справляться с глобальными климатическими проблемами [19]. А. Бройе, создавший «Справочник по углеродному учету», отметил необходимость контролировать уровень углерода в атмосфере. Он рассмотрел эволюцию механизмов учета углерода после Конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 г., подписание Киотского протокола в 1997 г. до Конференции сторон в Париже в 2015 г. [20].

В предыдущем году вышли сразу несколько монографий. Д. Бло в книге «Парижское соглашение: изменение климата, солидарность и права человека» рассматривает позицию США в вопросе глобального потепления. Оценивая важность Парижского соглашения, Бло пишет о влиянии Киотского протокола на политику глобального изменения климата [21]. Авторы коллективного исследования «Тенденции в законодательстве в вопросах климатических изменений» полагают, что есть фактор, уменьшающий роль Киотского протокола. Документ охватывает лишь страны, которые уже имеют серьезную законодательную базу по экологическим проблемам [22]. Ф. Хануш в книге «Демократия и изменение климата» изучает влияние Киотского протокола на экологическую политику и механизмы демократии в Канаде [23]. Одной из последних в этом ряду является брошюра К. Кочакджи «От Киото до Парижа». Автор рассматривает ключевую роль бизнеса при ратификации международных договоров, начиная с Киотского протокола [24].

К истории Киотского протокола обращаются не только европейские исследователи. Например, в 2016 г. вышла монография Ясуко Камэяма «Политика изменения климата в Японии: с 1980-х по 2015 гг.». Автор отмечает, что Япония особо уязвима для глобальных экологических угроз. Поэтому государство ответственно подходит к выработке политики по изменению климата. Ученый рассматривает экологические, экономические и политические факторы, которые определяют формирование повестки дня, включая ратификацию Киотского протокола [25].

Объектом изучения в данной статье являются экологические проблемы в исторической динамике, их роль в современном мирополитическом процессе и межгосударственных отношениях. Предмет исследования – политические и академические споры по проблеме глобального изменения климата как неотъемлемая часть исторического процесса.

Цель данной статьи – изучить влияние экологических проблем на мировой политический процесс. Цель предопределила задачи исследования: проанализировать взгляды на экологические проблемы представителей различных теоретических подходов в международных исследованиях; изучить дискуссии вокруг Киотского протокола – базового соглашения, заложившего основы современного экологического режима, исследовать пути его актуализации в современных условиях.

В соответствии с поставленными задачами исследование проводится в синхронно-диахроническом

плане. Хронологические рамки данной работы включают период с 1980-х гг., когда формируется экологическая повестка дня, до настоящего момента. Практическое значение исследования заключается в том, что оно может быть использовано при разработке рекомендаций по адаптации человека и адаптационных издержек. Осмысление Документа в разные периоды социокультурной реальности дает необходимый эмпирический материал для исторического анализа. В экологических проблемах явственно проявляется антропологическое начало, роль правовых требований к характеру деятельности человека.

Методологическую базу составляет принцип междисциплинарного исследования. На основе диалектических принципов развития, историчности и конкретности изучаются разные уровни в решении экологических проблем: национальный, региональный, глобальный. Историко-типологический метод является необходимым инструментом для установления периодизации исторических событий, связанных с формированием экологической повестки дня. Историко-ретроспективный подход и метод историко-политологического анализа позволили выделить основные тенденции, характеризующие отношение к Киотскому протоколу.

Источники представлены международными декларациями, протоколами, конвенциями и т.д. Среди них: Киотский протокол к РКИК (1997) [26], Отчет по IV рамочной конференции по изменению климата (Буэнос-Айрес, 1998) [27], Отчеты Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) «Изменение климата и водные ресурсы» (2008) [28], «Пятый оценочный доклад» (2014) [29], Картахенский протокол по биобезопасности (Монреаль, 2000) [30], Нагойский протокол (Нагоя, 2010) [31], Парижское соглашение (2016) [32], Доклады Статистической комиссии ООН [33], Федеральный закон № 128 «О ратификации Киотского протокола к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата» (2004) [34], Климатическая доктрина РФ (2008) [35], официальные документы и материалы, связанные с проведением в России Года экологии (2017).

В последние десятилетия многие базовые идеи развивали представители неореализма (Р.О. Кохэн, К.Н. Уолтц и др.). Основоположителем неореализма считается американский политолог К.Н. Уолтц. В одной из своих многочисленных работ – «Реализм и международная политика» – он анализирует структурный реализм, пришедший на смену классической парадигме, анархию как фундаментальный принцип организации международных отношений [36]. Британско-канадский политолог Б.Г. Бузан известен как разработчик теории комплекса региональной безопасности. В ней он выделил три составляющих государства: «идея», «физическая основа» и «институциональное выражение» [37]. Вклад в развитие неореализма внес американский политолог Д. Миршаймер, автор теории наступательного реализма, согласно которой государства стремятся превзойти других акторов международных отношений для достижения полной безопасности [38].

Изучая проблемы изменения климата, неореалисты рассматривают перераспределение мощи между государствами как возможность для сотрудничества. Влиятельный актор международных отношений может угрожать применением санкций по отношению к «нарушителю климата» и в случае реализации своих намерений ввести санкции. Этот метод уже применялся в решении экологических проблем. Угроза введения торговых ограничений является ключевым компонентом трех основных международных соглашений: Конвенция по международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (1975), Монреальский протокол (1985), Базельская конвенция (1989). Неореалистский подход предполагает, что именно от позиции «крупной державы» (major power) зависит международный ответ на проблему глобального изменения климата.

Существуют конкретные примеры того, как определенные предпочтения США повлияли на заключение международных соглашений. Во время переговоров по подписанию Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) в 1992 г. Штаты высказались против предложенной большинством стран схемы сокращения выбросов парниковых газов. В результате члены международного сообщества смогли лишь утвердить положение, согласно которому промышленные страны сделают все возможное, чтобы к 2000 г. их выбросы не были выше уровня 1990 г. (РКИК ООН, ст. 4). Желание участников переговоров достичь согласия по данной проблеме (а также видеть США в качестве партнера нового режима) позволило Штатам вести себя как «государство-вето», по определению Г. Портера и Дж. Брауна [39. Р. 66]. Показательным примером служит Третья конференция сторон о Конвенции по изменению климата в Киото (1997). В составе Киотского протокола есть ряд элементов, включенных по настоянию представителей США. Появились так называемые гибкие механизмы, или механизмы Киото. К ним относятся торговля квотами на выброс парниковых газов (ст. 3.10, 3.11, 17), проекты совместного осуществления (ст. 6) и механизм чистого развития (ст. 12) [26]. Дополнения были внесены, хотя они не являлись приоритетными для других стран. Влияние американских интересов на данное соглашение сильнее, по сравнению с европейскими. Об этом свидетельствует предпочтение «корзины» шести газов (диоксид углерода, метан, закись азота, гидрофторуглероды, перфторуглероды, гексафторид серы) «корзине» трех газов (диоксид углерода, метан и закись азота). Приведенные примеры подтверждают, что Соединенные Штаты действительно являются климатическим гегемоном.

Формирование экологической повестки дня, до подписания Киотского протокола, можно условно разделить на пять этапов:

1. Первоначальный период, когда возрастает озабоченность ученых проблемой глобального потепления.
2. Формирование повестки дня (1985–1988): академическая проблема изменения климата становится политической.
3. Период до начала переговоров (1988–1990): государства активно включаются в данный процесс.

4. Официальные межгосударственные переговоры, итогом которых стало принятие Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК, 1992).

5. Период после заключения Соглашения, когда внимание было сосредоточено на воплощении РКИК, на ведении переговоров по выполнению обязательств, итогом чего явилось принятие Киотского протокола (1997).

Сплоченность проявили развивающиеся страны, особенно малые островные государства, для которых риск затопления является наиболее вероятным. Они поддержали сроки и условия развитых стран. Был организован Альянс малых островных государств, сыгравший существенную роль в последующих переговорах РКИК по сокращению выбросов диоксида углерода. В то же самое время страны-нефтедобытчицы требовали более «медленного» проведения запланированных мер. Такие крупные развивающиеся страны, как Бразилия, Индия и Китай беспокоились о том, чтобы принятые меры не нарушили их суверенитет, в особенности право на экономное развитие.

Необходимо заметить, что Киотский протокол задумывался для достижения определенных целей, не согласующихся с интересами США. Во время подготовки к переговорам в Киото президент Билл Клинтон заявил о том, что «Соединенные Штаты возьмут на себя обязательства по реально достижимым целям и перейдут к уровню выбросов 1990 года в период между 2008 и 2012 годами» [40]. На встрече в Киото США обещали сократить выбросы лишь на 7%. Цифра существенно отличалась от заявленных двумя месяцами ранее. Серьезную проблему для неореалистской теории представляет тот факт, что обязательства были координированы в отсутствие «новых запланированных соглашений по ограничению или сокращению выбросов парниковых газов на оговариваемый период для развивающихся стран» [41. Р. 47]. Согласно позиции неореалистов по проблеме изменения климата другие государства не могут повлиять на ход событий, не говоря о негосударственных акторах международных отношений.

Нет сомнений в том, что Соединенные Штаты являются ключевым игроком в международном процессе по решению данной проблемы. Члены сообщества постепенно признают, что США обладают правом вето по данному вопросу: «Требование, чтобы Киотский протокол ратифицировали не только 55 стран, но чтобы суммарные выбросы государств, входящих в Дополнение I, составляли как минимум 55% от общемировых в 1990 г., предоставляет США неоспоримое право вето, поскольку их выбросы на тот год составляли 35%» [42. Р. 67]. Вполне обоснованным является утверждение, что судьба климатической проблемы находится в руках американских сенаторов.

Не следует забывать о влиянии силового фактора на решение данной проблемы. Обладание финансовыми, военными, исследовательскими ресурсами играет роль на переговорах. Это касается как отдельных государств (Германия, Дания, Нидерланды), так и

групп государств: Европейский Союз или G-77, куда входят менее развитые страны. Региональная группа развитых стран, не входящих в ЕС (JUSSCANNZ), сыграла заметную роль на Первой конференции сторон в Берлине (1995).

Представители исторического материализма (неомарксизма) рассматривают экономические отношения в глобальном историческом контексте, обращаясь к самым влиятельным акторам мировой экономики [41. Р. 48–49]. В созданной ими «теории зависимости» предполагается, что доминирование Севера и эксплуатация Юга сохранилась в постколониальный период с той разницей, что политическое влияние сменилось экономическим. Речь идет о могущественной подгруппе мирового капитала. В настоящее время термин «капитал» используется, как правило, по отношению к крупным транснациональным корпорациям (ТНК), а также по отношению к государствам, чье благосостояние нераздельно с ними связано. Установлено, что при решении проблем глобального изменения климата, в первую очередь пострадает энергетическая промышленность. Основная часть (почти 90%) коммерческой энергии образуется за счет сжигания горючего топлива. Это в свою очередь приводит к выбросам диоксида углерода. Около 60% антропогенного глобального потепления зависит от горючего топлива [43. С. 35]. В таком случае предписания по смягчению глобального изменения климата коснутся производства и потребления именно этого вещества. Подобные действия в первую очередь затронут интересы компаний, связанных с горючим топливом, а также нефтяных гигантов. Эти компании являются значимыми акторами международных отношений, так как входят в список крупнейших экономических «единиц» мира, среди них British Petroleum Company, ExxonMobil, Royal Dutch/Shell Group [42]. Ряд ведущих компаний получают прибыль от использования горючего топлива в своей продукции: производители автомобилей и грузовиков General Electric, Ford Motor и General Motors [44]. Таким образом, речь идет о могущественной подгруппе мирового капитала. Реакция компаний, вовлеченных в производство и использование горючего топлива, оказалась именно такой, как и предполагали неомарксисты. Коалиция по проблемам глобального климата, представляющая интересы американской промышленности, прилагала все усилия, чтобы подвергнуть сомнению научные знания по данной проблеме, а также привлечь внимание к затратам по сокращению выбросов. В январе 1998 г. президент коалиции Г. Макдональд заявил, что «разработанный в Японии Киотский протокол в первую очередь касается таких стран, как Китай, Мексика и Индия. Для американской экономики он губителен. Он ставит под угрозу будущее наших детей и не способен улучшить состояние окружающей среды. Это соглашение построено на компромиссах, а не на здравом смысле» [45].

Многие государства беспокоятся, что введение ограничений на выбросы серьезно повлияет на их экономики и на будущее благосостояние. К. Паттерсон утверждал, что «разница позиций США и других развитых стран по данному вопросу определяется их

неодинаковым доступом к энергетическим ресурсам, а также различной структурой и культурой их энергетической промышленности» [41. Р. 53]. Он называет США ключевым игроком в группе стран с наибольшими энергетическими ресурсами и считает, что энергетическая культура страны возникла благодаря дешевому и легкому доступу к топливу. В действительности главное, что волновало участников переговоров по проблеме глобального изменения климата, – забота о сохранении торгового баланса и высокой конкурентоспособности. Подобные разногласия в решении проблемы существуют между Севером и Югом. Возникли серьезные споры относительно состава и управления перемещением ресурсов между двумя группами стран. Эксперты утверждают, что заключенные между Севером и Югом Соглашения отражают прежде всего интересы развитых стран. Доказательством является роль в данном предприятии Глобального экологического фонда. Представляя изменение климата как проблему Юга, а не Севера, он тем самым отвлекает внимание от потребительской модели поведения развитых стран и выбросов ими парниковых газов. В этом случае никто уже не контролирует поведение стран Севера [39].

В среде нефтяных магнатов ситуация также является неоднозначной. На встрече акционеров Exxon в 1998 г. генеральный директор Ли Рэймонд заявил, что проблему глобального изменения климата «необходимо сначала тщательно изучить, а затем уже накладывать ограничения на использование органического топлива». Он утверждал, что «такие произвольные урезания, какие поставило своей целью Киото, нанесут серьезный финансовый и социальный урон странам всего мира, ударив прежде всего по экономике, промышленности и занятости» [41. Р. 53]. В то же время К. Херштёттер, глава Совета директоров в Royal / Shell Group, отметил: «<...> мы в Shell в целом приветствуем результаты Киото и считаем их началом долгого пути, что является важным сигналом к переменам» [Ibid. Р. 54]. Сопоставление комментариев подтверждает отсутствие единой позиции в данной группе. В составе Коалиции по глобальному изменению климата остались лишь несколько крупных компаний. Ее покинули не только BP/Amoco и Royal Dutch/Shell, но и Ford Motor Company.

На самом деле разногласия между Севером и Югом не столь велики, как это может показаться на первый взгляд. В международных соглашениях был закреплен ряд пожеланий стран Юга. Развивающиеся страны оказывают сопротивление попыткам ограничить выбросы парниковых газов. Более того, Юг не всегда выступает в качестве противовеса Северу. Например, на IV-й Конференции сторон в Буэнос-Айресе (1998) Аргентина и Казахстан заявили о готовности взять на себя обязательства по сокращению выбросов. В реальности состав коалиций часто противоречит общепринятому делению Север–Юг. Соединенные Штаты объединяются с нефтепроизводящими и экспортирующими государствами, а европейцы имеют больше общего с Альянсом малых островных государств (АОСИС), чем со странами Организации экономического сотрудничества и развития

(ОЭСР). Промышленные интересы играют важную, часто основную роль в принятии мер по решению проблем. Более того, за ними стоят столь мощные ресурсы (материальные, интеллектуальные), что невозможно их игнорировать. Но верно и то, что они не всегда отражены в соглашениях.

Представители неолиберального институционализма разделяют идеи на две категории: «индивидуальные» и «совместные». «Индивидуальные» идеи предполагают, что основную роль в политике играют государства, осознающие свою особенность (индивидуальность), и это определяет их интересы. У таких акторов есть мотивация для заключения договоренностей в случае, если они понимают, что дальнейшие самостоятельные действия приведут лишь к потерям и невозможности достижения общих задач [46. Р. 276].

Сторонники когнитивного подхода (М. Бэнкс, К. Дойч, Дж. Стайнбрунер и др.) считают, что когнитивные факторы способствуют пониманию тенденций международного сотрудничества. Позиции тех, кто имеет доступ к потокам информации и способен их контролировать, повышаются в период нестабильности в историческом развитии, следовательно, они могут повлиять на процесс принятия решений. П.М. Хаас определил эпистемологические сообщества как «малочисленную группу авторитетных экспертов в области специального знания, играющих ключевую роль в формировании предположений и допущений, из которых затем исходят в своих действиях политики» [47. Р. 30]. Во многом критерию эпистемологического общества на рубеже 1980–1990-х гг. соответствовала МГЭИК. Сотрудники выступали в качестве «информационных брокеров»: они помогали переводить, публиковать научную информацию о глобальном потеплении. Но после 1991 г. влияние подобных эпистемологических обществ сократилось. Национальные правительства начали сами активно включаться в изучение проблемы глобального изменения климата. Значение ВМО и ЮНЕП ослабевало, проблема становилась частью «высокой политики», перейдя в ведение ООН. МГЭИК продолжала выступать в качестве «верховного научного суда», но ее результатами все более манипулировали. Усилившееся воздействие альтернативных обществ с иными взглядами на глобальное изменение климата еще больше ослабило роль данной группы. В последнее десятилетие появляются экономические эпистемологические общества. Согласно утверждению П.М. Хааса, такие общества способны дать определенную оценку затратам на действия по спасению климата [Ibid. Р. 6].

Российская Федерация ведет активную международную экологическую деятельность. Наша страна ратифицировала основные многосторонние договоры, конвенции и соглашения, среди них Киотский протокол к РКИК. Российские ученые и специалисты вносят большой вклад в подготовку и написание регулярных докладов МГЭИК об оценке состояния знаний, различных технических докладов и в составление кадастра парниковых газов. Приоритетом российско-европейского сотрудничества в области охраны окружающей среды является совместная работа в рамках Рамочной конвенции

ООН об изменении климата и Киотского протокола, Конвенции ООН по биоразнообразию и других принятых международных правовых механизмов. Академик РАН Ю.А. Израэль был представителем России в МГЭИК в цикле Первого, Второго, Третьего, Четвертого и Пятого оценочных докладов. В цикле нового, Шестого, оценочного доклада МГЭИК (2015–2022 гг.) Россию представляет С.М. Семенов.

Таким образом, интересы стран играют ведущую роль в развитии международного процесса по проблеме изменения климата. Наглядно это было продемонстрировано в ходе переговоров по Киотскому протоколу. Эксперты ряда стран (например, Австралии) под-

черкивали последствия, к которым приведет введение альтернативных разграничительных режимов.

Научные споры по вопросу глобального изменения климата всегда будут неотъемлемой частью функционирования политической системы. Благодаря сторонникам когнитивного подхода изучение изменения климата стало международной проблемой. Неолибералисты анализируют, насколько интересы отдельно взятого государства влияют на ход переговоров. Представители неореализма и исторического либерализма подчеркивают, что некоторые страны ставят свои интересы превыше всего. Все эти подходы взаимодополняют друг друга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kyoto Protocol 10th Anniversary // The UNFCCC secretariat. 2015. 13 February. URL: <https://unfccc.int/news/kyoto-protocol-10th-anniversary-timely-reminder-climate-agreements-work>
2. Road-map for Talanoa Dialogue // GKTodday. URL: <https://currentaffairs.gktoday.in/tags/kyoto-protocol>
3. India ratifies 2nd commitment period of Kyoto Protocol // GKTodday. 2017. November 20. URL: <https://currentaffairs.gktoday.in/tags/kyoto-protocol>
4. Final Kyoto analysis shows 100% compliance // Sciencedaily. 2016. June 10. URL: <https://www.sciencedaily.com/releases/2016/06/160610095034.htm>
5. Aust team chosen for IPCC climate report // Australian Associated Press. 2018. 27 April. URL: <http://www.dailymail.co.uk/wires/aap/article-5666015/Aust-team-chosen-IPCC-climate-report.html>
6. Mohan V. India to ratify Kyoto Protocol on climate change; Cabinet approves the move // The Economic Times. 2017. Jan 24. URL: economictimes.indiatimes.com/news/environment/developmental-issues/india-to-ratify-kyoto-protocol-on-climate-change-cabinet-approves-the-move/articleshow/56758709.cms
7. Goswami U. Countries request to commemorate 20th year of iconic 1997 Kyoto Protocol. The Economic Times. 2017. Nov 12. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/countries-request-to-commemorate-20th-year-of-iconic-1997-kyoto-protocol/articleshow/61617834.cms>
8. Baker P. 16 Years Later, Bush's Climate Pact Exit Holds Lessons for Trump. The New York times. 2017. June 4. URL: www.nytimes.com/2017/06/04/us/politics/trump-paris-accord-bush-kyoto.html?ref=collection%2Ftimestopic%2FKyoto%20Protocol
9. Porter E. Wind and Solar Power Advance, but Carbon Refuses to Retreat. The New York times. 2017. Nov. 7. URL: www.nytimes.com/2017/11/07/business/climate-carbon-renewables.html?ref=collection%2Ftimestopic%2FKyoto%20Protocol
10. Trump just cemented his legacy as America's worst-ever president. The Guardian. 2017. Junne 1. URL: <https://www.theguardian.com/environment/climate-consensus-97-per-cent/2017/jun/01/donald-trump-just-cemented-his-legacy-as-americas-worst-ever-president>
11. Рогинко С.А., Марщенко П.В. Европа, Россия и Киотский договор. М. : Институт Европы РАН, 2003. 114 с.
12. Крейнин Е.В., Карасевич А.М. Парниковый эффект: гипотезы, Киотский протокол, технические рекомендации. М. : ИРЦ Газпром, 2007. 255 с.
13. Кичигин Н.В., Хлуденева Н.И. Правовой механизм реализации Киотского протокола в России. М. : Контракт, 2009. 112 с.
14. Грицевич И.Г., Замолдчиков Д.Г., Панов И.А., Ситников С.Л. Реализация Киотского протокола и эффективная климатическая политика в России. М. : Росийский региональный экологический центр, 2005. 47 с.
15. Островский Н.В. О ходе реализации Киотского протокола. Киров : ВятГУ, 2012. 215 с.
16. Victor D.G. The Collapse of Kyoto protocol: And struggle to slow global warming. New Jersey : Princeton University Press, 2001. 178 p.
17. Weiler R. Reading the Kyoto Protocol: Ethical Aspects of the Convention on Climate Change. Delft : Eburon, 2005. 224 p.
18. Massai L. The Kyoto Protocol in the EU: European Community and Member States under International and European Law. Berlin : Springer Science & Business Media, 2011. 431 p.
19. Kutney G. Carbon Politics and the Failure of the Kyoto Protocol. New York : Routledge, 2014. 248 p.
20. Brohé A. The Handbook of Carbon Accounting. Yorkshire: Greenleaf Publishing, 2016. 195 p.
21. Blau J. The Paris Agreement: Climate Change, Solidarity, and Human Rights. Berlin : Springer, 2017. 119 p.
22. Averchenkova A., Fankhauser S., Nachmany M. Trends in Climate Change Legislation. Northampton: Edward Elgar Publishing, 2017. 232 p.
23. Hanusch F. Democracy and Climate Change. London : Routledge, 2017. 288 p.
24. Kouchakji K. From Kyoto to Paris. San Francisco : BLURB Incorporated, 2018. 66 p.
25. Kameyama Y. Climate Change Policy in Japan: From the 1980s to 2015. London : Taylor & Francis, 2016. 218 p.
26. Kyoto Protocol to the United Nations Framework Convention on Climate Change. URL: <http://unfccc.int/resource/docs/convkp/kpeng.pdf>
27. Report of the conference of the parties on its Fourth session, held at Buenos Aires from 2 to 14 November 1998 // Официальный сайт Рамочной конвенции ООН об изменении климата. URL: <http://www.unfccc.int/resource/docs/cop4/16a01.pdf>
28. Bates V.C., Kundzewicz Z.W., Palutikof J.P., Wu S. Climate Change and Water. IPCC Technical Paper VI of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Geneva : IPCC Secretariat, 2008. 210 p.
29. Meyer L.A., Pachauri R.K. The Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Geneva : IPCC Secretariat, 2014. 151 p.
30. Картаженский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии // Официальный сайт ООН. URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/cartagena.pdf
31. Нагойский протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения к Конвенции о биологическом разнообразии // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nagoya_protocol.pdf
32. Парижское соглашение. Итоговой документ 21-й Конференции сторон Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата от 22 апреля 2015. URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_pdf
33. Статистика изменения климата: доклад Генерального секретаря ООН. 47-я сессия. 8–11 марта 2016 г. URL: <https://unstats.un.org/unsd/statcom/47th-session/documents/2016-15-Climate-change-statistics-R.pdf>
34. Федеральный закон от 4 ноября 2004 г. № 128 «О ратификации Киотского протокола к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата». URL: <http://base.garant.ru/12137456/>

35. Климатическая доктрина Российской Федерации jn 30.12.2009 // Информационно-аналитическое агентство «ИНФОБИО». URL: http://www.infobio.ru/sites/default/files/klimaticheskay_doktrina_rf.pdf
36. Waltz K.N. *Realism and International Politics*. New York : Routledge, 2008. 263 p.
37. Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 570 p.
38. Mearsheimer J.J. *The Burden of Irresponsibility*. *National Interest*, 2014. 96 p.
39. Sklair L. *Sociology of the global system: Social change in global perspective*. Baltimore : John Hopkins univ. press, 1991. 269 p.
40. Clinton W.J. Remarks at the National Geographic Society. October 22, 1997. Online by Gerhard Peters and J.T. Woolley. The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=53442>
41. Rowlands I.H. *Classical Theories of International Relations // International Relations and Global Climate Change*. Cambridge, London : The MIT Press, 2001. P. 43–67.
42. *The environment and international relations / ed. M.F. Imber, J. Vogler*. New York : Routledge, 1996. 248 p.
43. Глобальная экологическая перспектива. 2000: (ГЕО-2000). М. : Интердиалект+, 1999. 398 с.
44. World Investment Report 2006. URL: http://www.unctad.org/en/docs/wir2006annexes_en.pdf
45. Global Climate Coalition (GCC). URL: http://www.climatecrime.org/uploads/Global_Climate_Coalition.pdf
46. *Global Governance: Drawinf Insights from the Environmental Experience / ed. by O.R. Young*. Cambridge : MIT Press, 1997. 364 p.
47. Haas P.M. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination // *International Organization*. 1992. № 46 (1). P. 1–35. URL: http://www.medientheorie.com/doc/haas_epistemic_communities.pdf

Статья представлена научной редакцией «История» 22 октября 2018 г.

The Kyoto Protocol in the Context of Global Environmental Problems

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 120–127.

DOI: 10.17223/15617793/439/15

Galina M. Vasilyeva, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: personal_work@mail.ru

Keywords: historical context; international environmental regime; Kyoto Protocol; interests of countries; force factor; scientific disputes.

The article explores the Kyoto Protocol that was the first global-level agreement on climate change issues. The document demonstrated how effective international cooperation could be in confronting the environmental threats. In the 1980s, the concept of “ecological safety” appeared. The humankind has faced such phenomena as ozone holes, acid rain, desertification, climate change. Geosystems are being restructured. Today, the problem of climate change is particularly urgent and requires the cooperation of all countries. The importance of environmental issues is underlined in many international instruments, such as the UN Millennium Declaration (2000). The aim of this article is to study the impact of environmental problems on the global political process. The aim predetermined objectives of the study: to analyze the views on environmental problems of the representatives of different theoretical approaches in international studies; to study their discussion surrounding the Kyoto Protocol. The object of the study is ecological problems in historical dynamics, their role in the modern world-political process and inter-state relations. The research focuses on the academic and political debate on the problem of global climate change as an integral part of the historical process. The methodological basis consists of the principle of interdisciplinary research, historical, specific and system analysis. Different levels of environmental problems are explored: national, regional, global. Historical methods of scientific research became fundamental. The historical and typological method was a necessary tool for establishing periodization of historical events related to the formation of the environmental agenda. The historical and retrospective approach and the method of historical and political analysis identified the main trends that characterize the attitude to the Kyoto Protocol. The academic debate on the issue of global climate change is an integral part of the historical process. Representatives of each of the scientific approaches propose their interpretation of the way in which the negotiation process on environmental issues is taking place. Thanks to the proponents of the cognitive approach, the study of climate change has become an international problem. Neoliberalists analyze how the interests of an individual state influence the course of negotiations. Representatives of neorealism and historical liberalism underline that some countries put their interests first. Proponents of the cognitive approach believe that cognitive factors contribute to understanding of the international cooperation trends. The positions of those who have access to the flows of information and can control them are increased at the time of instability in historical development, and consequently they may influence the decision-making process. In the past decade, the number of economic epistemological societies has been growing. Such societies are able to give a more specific assessment of civilizational approaches, and in particular the expenditure on action to save the climate. All these approaches are complementary to each other.

REFERENCES

1. The UNFCCC secretariat. (2015) *Kyoto Protocol 10th Anniversary*. 13 February. [Online] Available from: <https://unfccc.int/news/kyoto-protocol-10th-anniversary-timely-reminder-climate-agreements-work>.
2. GKToday. (2017) *Road-map for Talanoa Dialogue*. [Online] Available from: <https://currentaffairs.gktoday.in/tags/kyoto-protocol>.
3. GKToday. (2017) *India ratifies 2nd commitment period of Kyoto Protocol*. November 20. [Online] Available from: <https://currentaffairs.gktoday.in/tags/kyoto-protocol>.
4. Sciencedaily. (2016) *Final Kyoto analysis shows 100% compliance*. June 10. [Online] Available from: <https://www.sciencedaily.com/releases/2016/06/160610095034.htm>.
5. Australian Associated Press. (2018) *Aust team chosen for IPCC climate report*. 27 April. [Online] Available from: <http://www.dailymail.co.uk/wires/aap/article-5666015/Aust-team-chosen-IPCC-climate-report.html>.
6. Mohan, V. (2017) India to ratify Kyoto Protocol on climate change; Cabinet approves the move. *The Economic Times*. Jan 24. [Online] Available from: economictimes.indiatimes.com/news/environment/developmental-issues/india-to-ratify-kyoto-protocol-on-climate-change-cabinet-approves-the-move/articleshow/56758709.cms.
7. Goswami, U. (2017) Countries request to commemorate 20th year of iconic 1997 Kyoto Protocol. *The Economic Times*. Nov 12. [Online] Available from: <https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/countries-request-to-commemorate-20th-year-of-iconic-1997-kyoto-protocol/articleshow/61617834.cms>.
8. Baker, P. (2017) 16 Years Later, Bush’s Climate Pact Exit Holds Lessons for Trump. *The New York Times*. June 4. [Online] Available from: www.nytimes.com/2017/06/04/us/politics/trump-paris-accord-bush-kyoto.html?ref=collection%2Ftimestopic%2FKyoto%20Protocol.

9. Porter, E. (2017) Wind and Solar Power Advance, but Carbon Refuses to Retreat. *The New York Times*. Nov. 7. [Online] Available from: www.nytimes.com/2017/11/07/business/climate-carbon-renewables.html?rref=collection%2Ftimestopic%2FKyoto%20Protocol.
10. The Guardian. (2017) *Trump just cemented his legacy as America's worst-ever president*. Jun 1. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/environment/climate-consensus-97-per-cent/2017/jun/01/donald-trump-just-cemented-his-legacy-as-america-s-worst-ever-president>.
11. Roginko, S.A. & Marshchenko, P.V. (2003) *Evropa, Rossiya i Kiotskiy dogovor* [Europe, Russia and the Kyoto Protocol]. Moscow: Institute of Europe, RAS.
12. Kreyinin, E.V. & Karasevich, A.M. (2007) *Parnikovyy effekt: gipotezy, Kiotskiy protokol, tekhnicheskie rekomendatsii* [Greenhouse effect: hypotheses, Kyoto Protocol, technical recommendations]. Moscow: IRTs Gazprom.
13. Kichigin, N.V. & Khludeneva, N.I. (2009) *Pravovoy mekhanizm realizatsii Kiotskogo protokola v Rossii* [The legal mechanism for the implementation of the Kyoto Protocol in Russia]. Moscow: Kontrakt.
14. Gritsevich, I.G. et al. (2005) *Realizatsiya Kiotskogo protokola i effektivnaya klimaticheskaya politika v Rossii* [Implementation of the Kyoto Protocol and effective climate policy in Russia]. Moscow: Rossiyskiy regional'nyy ekologicheskiy tsentr.
15. Ostrovskiy, N.V. (2012) *O khode realizatsii Kiotskogo protokola* [On the implementation of the Kyoto Protocol]. Kirov: Vyatka State University.
16. Victor, D.G. (2001) *The Collapse of Kyoto protocol: And struggle to slow global warming*. New Jersey: Princeton University Press.
17. Weiler, R. (2005) *Reading the Kyoto Protocol: Ethical Aspects of the Convention on Climate Change*. Delft: Eburon.
18. Massai, L. (2011) *The Kyoto Protocol in the EU: European Community and Member States under International and European Law*. Berlin: Springer Science & Business Media.
19. Kutney, G. (2014) *Carbon Politics and the Failure of the Kyoto Protocol*. New York: Routledge.
20. Brohé, A. (2016) *The Handbook of Carbon Accounting*. Yorkshire: Greenleaf Publishing.
21. Blau, J. (2017) *The Paris Agreement: Climate Change, Solidarity, and Human Rights*. Berlin: Springer.
22. Averchenkova, A., Fankhauser, S. & Nachmany, M. (2017) *Trends in Climate Change Legislation*. Northampton: Edward Elgar Publishing.
23. Hanusch, F. (2017) *Democracy and Climate Change*. London: Routledge.
24. Kouchakji, K. (2018) *From Kyoto to Paris*. San Francisco: BLURB Incorporated.
25. Kameyama, Y. (2016) *Climate Change Policy in Japan: From the 1980s to 2015*. London: Taylor & Francis.
26. UNFCC. (1998) *Kyoto Protocol to the United Nations Framework Convention on Climate Change*. [Online] Available from: <http://unfccc.int/resource/docs/convkp/kpeng.pdf>.
27. UNFCC. (1998) *Report of the conference of the parties on its Fourth session, held at Buenos Aires from 2 to 14 November 1998*. [Online] Available from: <http://www.unfccc.int/resource/docs/cop4/16a01.pdf>.
28. Bates, B.C. et al. (2008) *Climate Change and Water. IPCC Technical Paper VI of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Geneva: IPCC Secretariat.
29. Meyer, L.A. & Pachauri, R.K. (2014) *The Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Geneva: IPCC Secretariat.
30. UN. (2000) *Kartakhenskiy protokol po biobezopasnosti k Konventsii o biologicheskoy raznoobrazii* [Cartagena Protocol on Biosafety to the Convention on Biological Diversity]. [Online] Available from: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/cartagena.pdf.
31. UN. (2010) *Nagoyskiy protokol regulirovaniya dostupa k geneticheskim resursam i sovmestnogo ispol'zovaniya na spravedlivoi i ravnoy osnove vygod ot ikh primeneniya k Konventsii o biologicheskoy raznoobrazii* [The Nagoya Protocol on Access to Genetic Resources and the Fair and Equitable Sharing of Benefits Arising from their Utilization to the Convention on Biological Diversity]. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nagoya_protocol.pdf.
32. UNFCC. (2015) *Parizhskoe soglasenie. Itogovoy dokument 21-y Konferentsii storon Ramochnoy konventsii Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy ob izmenenii klimata ot 22 aprelya 2015* [Paris Agreement. The final document of the 21st Conference of the Parties to the United Nations Framework Convention on Climate Change of April 22, 2015]. [Online] Available from: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf.
33. UN. (2016) *Statistika izmeneniya klimata: doklad General'nogo sekretarya OON. 47-ya sessiya. 8-11 marta 2016 g.* [Climate change statistics: report of the UN Secretary-General. 47th session. March 8-11, 2016]. [Online] Available from: <https://unstats.un.org/unsd/statcom/47th-session/documents/2016-15-climate-change-statistics-R.pdf>.
34. Garant.ru. (2004) *Federal'nyy zakon ot 4 noyabrya 2004 g. № 128 "O ratifikatsii Kiotskogo protokola k Ramochnoy konventsii Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy ob izmenenii klimata"* [Federal law of November 4, 2004, No. 128 "On ratification of the Kyoto Protocol to the United Nations Framework Convention on Climate Change"]. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/12137456/>.
35. INFOBIO. (2009) *Klimaticheskaya doktrina Rossiyskoy Federatsii ot 30.12.2009* [Climate doctrine of the Russian Federation of December 30, 2009]. [Online] Available from: http://www.infobio.ru/sites/default/files/klimaticheskaya_doktrina_rf.pdf.
36. Waltz, K.N. (2008) *Realism and International Politics*. New York: Routledge.
37. Buzan, B. & Waever, O. (2003) *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press.
38. Mearsheimer, J.J. (2014) *The Burden of Irresponsibility*. National Interest.
39. Sklair, L. (1991) *Sociology of the global system: Social change in global perspective*. Baltimore: John Hopkins University Press.
40. Clinton, W.J. (1997) *Remarks at the National Geographic Society. October 22, 1997*. Online by Gerhard Peters and J.T. Woolley. The American Presidency Project. [Online] Available from: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=53442>.
41. Rowlands, I.H. (2001) *Classical Theories of International Relations*. In: Luterbacher, U. & Sprinz, D.F. (eds) *International Relations and Global Climate Change*. Cambridge; London: The MIT Press.
42. Imber, M.F. & Vogler, J. (eds) (1996) *The environment and international relations*. New York: Routledge.
43. UNEP. (1999) *Global'naya ekologicheskaya perspektiva. 2000: (GEO-2000)* [Global Environment Outlook. 2000: (GEO-2000)]. Moscow: Inter-dialekt+.
44. UN. (2006) *World Investment Report 2006*. [Online] Available from: http://www.unctad.org/en/docs/wir2006annexes_en.pdf.
45. Global Climate Coalition (GCC). (n.d.) [Online] Available from: http://www.climatecrime.org/uploads/Global_Climate_Coalition.pdf.
46. Young, O.R. (ed.) (1997) *Global Governance: Drawing Insights from the Environmental Experience*. Cambridge: MIT Press.
47. Haas, P.M. (1992) Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination. *International Organization*. 46 (1). pp. 1-35. [Online] Available from: http://www.medientheorie.com/doc/haas_epistemic_communities.pdf.

Received: 22 October 2018

ОРЕНБУРГСКИЕ И УРАЛЬСКИЕ КАЛМЫКИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА ОТ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ АККУЛЬТУРАЦИИ К СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Рассматривается влияние имперской политики аккультурации и сменившей ее советской национальной политики на судьбы оренбургских и уральских калмыков. Первая из них способствовала восприятию калмыками казачьего уклада. Вторая, основываясь на праве самоопределения наций, обеспечила условия для воссоединения разрозненных групп калмыцкого населения в Автономной области калмыцкого трудового народа. На основе ранее не публиковавшихся источников описываются организация переселения южно-уральских калмыков в Автономную область и связанные с ней трудности.

Ключевые слова: автономная область; аккультурация; Гражданская война; казачество; калмыки; политика.

Выстраивание правовых механизмов с учетом экономической ориентированности, исторических, конфессиональных, социальных и культурно-бытовых особенностей многочисленных народов и этнических групп было и будет приоритетным направлением политики Российского государства. В этой связи представляется неуместной и даже опасной огульная дискредитация имперской, а затем и советской национальной политики. На самом деле политика российских властей носила гибкий, вариативный, часто ситуативный характер. Даже в рамках одного региона с разнородным этническим и конфессиональным составом могли применяться различные стратегии выстраивания отношений. Одним из таких вариантов является политика имперского правительства, проводившаяся в отношении калмыков соседних Оренбургского и Уральско-го казачьих войск, переселенных после установления советской власти в Калмыцкую автономную область.

В исторической литературе, посвященной истории калмыцкого народа в позднеимперский период, оренбургские и уральские калмыки упоминаются фрагментарно, а их переселение и обустройство в Калмыцкой области остается не изученным до настоящего времени. В этой связи основой для данной статьи послужили архивные, главным образом не публиковавшиеся ранее источники. Хронология содержащегося в них материала логично совпадает с их архивной принадлежностью. Архивные документы, охватывающие дореволюционный период, представлены в Государственном архиве Оренбургской области. Вопросы согласования и организации переезда южно-уральских калмыков в Калмыцкую область на правительственном уровне отложились в материалах фондов Государственного архива Российской Федерации. Сложности, связанные с размещением и адаптацией переселенцев в Калмыцкой автономии, были изучены в процессе работы в Национальном архиве Республики Калмыкия.

Применявшиеся в ходе исследования ситуативный подход и историко-сопоставительный метод позволили выявить черты сходства и различия у оренбургских и уральских калмыков в хозяйственно-бытовой области, конфессиональной принадлежности и уровне грамотности, а также обозначить принципиальную

разницу в подходах к решению «калмыцкого» вопроса в царской и Советской России.

С установлением советской власти в России калмыки, как и многие народы России, обрели элементы национальной государственности в форме автономии. Получение калмыками государственно-автономного статуса уже на заре советской историографии единодушно было признано величайшим достижением социалистической революции. С тех же позиций рассматривается ее роль в судьбе калмыцкого народа и в настоящее время, с тем лишь уточнением, что данные летом 1919 г. правительством В.И. Ленина обещания о создании экономических и политических основ калмыцкой государственности были продиктованы намерением вовлечь калмыцкое население в борьбу за советскую власть. Это было очень важно, так как немало калмыков оказалось в белоказачьих формированиях войск А.И. Деникина [1. С. 12].

Реализация права калмыков на национальное самоопределение началась вскоре после завершения Гражданской войны на юге России. В июле 1920 г. в Калмыцкой степи, в поселке Чалгар, состоялся I Общекалмыцкий съезд Советов. В его работе приняли участие делегаты, представлявшие калмыков из всех губерний России: астраханских, ставропольских, донских, кумских, терских, уральских и киргизских. Важнейшим итогом работы Съезда стало принятие «Декларации прав трудового калмыцкого народа», в которой провозглашалось создание Калмыцкой автономной области в составе РСФСР [2. С. 65]. Предусмотренный «Декларацией» проект калмыцкой автономии 25 ноября 1920 г. был утвержден Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О границах Калмыцкой автономной области» [1. С. 16].

Перед молодой автономией стояла непростая задача переселения калмыков, проживавших за пределами ее территории. Лихолетье Гражданской войны, с особым ожесточением прокатившееся по южным и казачьим районам страны, разорительно сказалось на экономическом положении местного калмыцкого населения, а голод 1921–1922 гг. и вовсе заставил говорить о его физическом выживании. Вопрос о переселении донских, оренбургских и терских калмыков обсуждался на созванном в августе 1921 г. II Общекалмыцком съезде Советов. Для калмыков-переселен-

цев из казачьих регионов местом нового жительства был определен Большедербетовский улус, территория которого до 1920 г. входила в состав Ставропольской губернии. Благоприятный климат и наличие пахотных земель в этом улусе наилучшим образом соответствовали хозяйственному укладу оседлого населения [3. С. 124].

Руководители советской Калмыкии начала 1920-х гг. не вполне правильно понимали социальный статус прибывающих к ним переселенцев из Оренбургского края. В докладной записке председателя Уездного исполнительного комитета Большедербетовского улуса Х. Камукова отмечалось, что «оренбургские и кумские калмыки были в старое время батраками оренбургских и терских казаков» [4. Л. 25 об.]. Безусловно, факты найма малообеспеченных оренбургских калмыков-казаков в работники к своим состоятельным соседям имели место, но они не носили массовый характер. По мнению Х. Камукова, переезд калмыков в Автономную область символизировал их освобождение от национального гнета и приобщение к новому советскому общественному и хозяйственному укладу в единении со всем калмыцким народом. В этой связи представляется целесообразным рассматривать переезд оренбургских и уральских калмыков в Калмыцкую автономную область как переход от имперской политики аккультурации к советской национальной политике. При этом под политикой аккультурации понимаются мероприятия, инициированные или поддерживаемые государством в целях изменения социального, экономического, культурного укладов этнической группы, не приводящих к потере этнической идентичности. Проблема форм и методов имперской политики аккультурации уже давно дискутируется в современной историографии и успешно решается в процессе изучения взаимодействия отдельных этнических и профессиональных групп с органами государственной власти [5–7].

Оренбургские и уральские калмыки, состоявшие казаками соседних казачьих войск, имели одинаковый социальный статус и схожий хозяйственный уклад, однако не имели между собой регулярных контактов и адаптировались к условиям казачьей жизни тоже по-разному [8. Р. 1198–1202].

Оренбургские калмыки являлись потомками ставропольских крещеных калмыков, которые после упразднения Ставропольского калмыцкого войска, по высочайшему повелению Николая I от 24 мая 1842 г., были присоединены к оренбургскому казачеству [9]. В 1843–1844 гг. калмыки, наряду с представителями других сословий и этнических групп, причисленных к казакам, переселились в Новолинейный район, растянувшийся полосой вдоль восточных и северо-восточных границ Оренбургской губернии. В Новолинейном районе их распределили по 32 поселкам совместно с русскими казаками, причем неукоснительно выполнялось требование численного преобладания последних. О недопустимости предоставления каких-либо особых привилегий калмыкам предупреждал оренбург-

ский генерал-губернатор В.А. Перовский: «При переселении калмыков в состав Оренбургского казачьего войска, с переводом их из Ставрополя на вновь прирезанные земли, имелось в виду уничтожение самобытности ставропольских калмыков и постепенное их слияние с оренбургскими казаками». Продолжавшийся до начала XX в. адаптационный период катастрофически сказался на численности калмыцкого населения. За семьдесят лет оно сократилось на две трети – с 3 336 человек в 1844 г. (100%) до 1 204 в 1897 г. (36,07%) [10. С. 75] и до 978 в 1915 г. (29,32%) [11. Л. 7].

Столь разительная отрицательная динамика давала повод к постановке вопроса о вымирании оренбургских калмыков и выявлении сопутствовавших тому обстоятельств. По утверждению автора этнографического очерка о национальном составе Оренбургского казачьего войска А. Алекторов, резкий переход от привычного полукочевоего образа жизни к оседлости и принудительному земледелию предопределил высокий процент смертности среди представителей трудоспособных возрастов [12. С. 135–137]. В 1921 г. П.И. Жемчужев, добивавшийся содействия Советского правительства переезду оренбургских калмыков в Калмыцкую область, бедственное положение своих доверителей объяснял стремлением царизма разобщить калмыков. «Такое быстрое уменьшение получилось ввиду того, что царское правительство в целях укрепления в них (калмыках. – С.Д., С.Л.) православной веры и уничтожения национальности, разогнало их по всей губернии по 5 и 6 семейств в русские поселки. Такая рассеянность отразилась очень тяжело. Пришли в крайнюю бедность, близкую к уничтожению» [13. Л. 27].

Вызванное чередой неурожайных лет некачественное питание, стесненные бытовые условия казачьих изб и изменения в трудовой деятельности влияли на сокращение рождаемости. Демографическую ситуацию также усугубляло преобладание у оренбургских калмыков мужского населения. Согласно переписи 1897 г. на 100 мужчин приходилось в среднем 86,2 женщин. Последствия отмеченной диспропорции, по мнению известного российского монголоведа, профессора Петербургского университета А.М. Позднеева, проявлялись в постоянном кровосмешении и ранних браках, что, в свою очередь, негативно сказывалось на физическом и психическом здоровье новых поколений.

Однако все суждения о русификации и вымирании калмыков оказались преждевременными. Вопреки всем невзгодам, оренбургские калмыки сумели сохранить свою этническую идентичность. Духовным связующим ядром для них стала тщательно скрывавшаяся от властей и русских соседей приверженность к ламаизму (тибетскому буддизму). Ламаистские общины формировались вокруг буддистских священников – гелюнгов и гецулей, со временем ставших средоточием не только духовного (религиозно-нравственного), но и общественного лидерства. Их авторитет строился на сакральной вере рядовых калмыков, не посвященных в таинства культа, в сверхъ-

естественные силы своих духовных наставников. К ним обращались с просьбами об отправлении ритуальных обрядов, шли за советом, медицинской помощью, отдавали им на обучение своих детей.

Закон о веротерпимости, ставший одним из достижений Первой русской революции, обеспечил правовую базу для отхода оренбургских калмыков от православия. Их духовные и общественные лидеры развернули активную деятельность, направленную на признание за ламаистскими общинами статуса религиозных организаций. Проявленные оренбургскими калмыками решимость и упорство в период «заката» Российской империи позволили добиться разрешения на создание четырех ламаистских обществ в казачьих поселках. При этом свидетельство о смене вероисповедания получили 254 калмыка и еще 211 человек Оренбургская духовная консистория причисляла «к склонным к отпадению от православия» – их прошения находились в стадии рассмотрения [14. Л. 22].

Разбросанность по казачьим станицам и поселкам осложняла, но не препятствовала поддержанию устойчивых связей между оренбургскими калмыками. Они крайне редко вступали в межэтнические связи, сохраняли язык, обычаи и другие атрибуты народной культуры. В то же время свойственная оренбургским калмыкам религиозно-бытовая замкнутость не являлась помехой к их интеграции в казачье сообщество. Общинный и хозяйственный уклад казачьей жизни воспринимался детьми и внуками калмыцких переселенцев так же естественно, как и русскими казаками. Уже в 1890 г. в периодической печати прозвучало мнение о том, что «молодежь привыкла к сельскому хозяйству и можно думать, что современные калмыки справятся с нуждой» [15].

Весомым достижением имперской политики аккультурации, наряду с приобщением оренбургских калмыков к земледелию и оседлости, стал заметный рост грамотности, достигавшийся посредством обучения калмыцких детей в казачьих школах. Согласно «Переписи» 1897 г. четвертая часть калмыков, проживавших в Оренбургской губернии, – 239 лиц мужского пола и 39 женского – умели читать и писать по-русски. Причем примерно 92% из них, являясь представителями поколений в возрасте до пятидесяти лет, освоили грамоту уже после переселения на Южный Урал [10. С. 75]. Для сравнения: по подсчетам ведущего специалиста по истории калмыцкого народа К.Н. Максимова, к началу XX в. неграмотность среди калмыков достигала 91,7%. Особенно удручающей была ситуация с образованием у женщин. Из 87 349 калмычек писать, читать и расписываться могли 475 человек (0,54%) [16. С. 15].

В отличие от оренбургских калмыков, калмыки-казаки Уральского войска не подвергались принудительным переселениям [17]. Их присоединение к яицким казакам в XVII и первой половине XVIII в. стало результатом длительного межэтнического взаимодействия – чередовавшихся периодов вражды и «замирения» [15. С. 406]. Рост численности калмыцкого населения Уральского казачьего войска

продолжался до 60-х гг. XIX в. и к 1865 г. достиг 1 280 человек. В 1870–1880 гг. наблюдалась обратная динамика: рост сменился спадом, причины которого не нашли отражения в документах и свидетельствах современников. В 1885 г. в Уральском войске состояло всего 934 казака-калмыка, что на 17,1% меньше предыдущего показателя. В начале XX в. демографическая ситуация у уральских калмыков стабилизировалась и даже, пусть незначительно, но улучшилась – в 1909 г., согласно ведомости о вероисповедальном распределении казаков, их численность достигла 948 человек [18. С. 103].

В материалах погодных войсковых отчетов и других документах отложились сведения о происходивших изменениях в хозяйственном укладе, общественной нравственности и в целом социализации уральских калмыков. В справке «по учету язычников» за 1866 г. отмечалось, что «промыслы и занятия у язычников (к язычникам калмыков причисляли по вероисповедальному признаку. – *С.Д., С.Л.*) такие же, что и вообще у казаков. Как и казаки, занимаются скотоводством, хлебопашеством, рыболовством, служат на внешней и внутренней службе» [19. Л. 11–12]. В Уральском войске о калмыках сложилось мнение как о казаках законопослушных, исполнительных и верных воинскому долгу.

Профессор А.М. Позднеев, посетивший территорию Уральского войска в 1911 г. с целью изучения религиозного быта местных калмыков, пришел к заключению, что «двоякий способ приобретения средств к жизни (скотоводство и земледелие. – *С.Д., С.Л.*) делает их если не богаче, то, во всяком случае, в смысле жизненного обеспечения, гораздо более устойчивыми, чем даже русских казаков» [20. Л. 38 об.].

Ученый не ставил задачу исследования хозяйственной жизни уральских калмыков. Однако он был единственным исследователем, заносившим в путевые заметки сведения о поголовье скота и количестве засеваемых десятин, приходившихся на отдельные калмыцкие семьи. Из приведенных им данных можно заключить, что к зажиточным относились семьи, имевшие от нескольких сот до тысячи и более голов лошадей и крупного рогатого скота. К таким, к примеру, относился самый богатый житель Пятиморского поселка Аюшиев, во владении которого находилось до 1 тыс. лошадей, до 2 тыс. голов рогатого скота, до 600 верблюдов и до 5 тыс. овец [Там же. Л. 39]. К числу «обычных, достаточных людей» А.М. Позднеев отнес трех братьев Шукуровых из Кызыл-Убинского поселка. В их хозяйстве на 1 января 1911 г. состояло 12 кобылиц с 3 жеребятами, 53 головы рогатого скота с 21 головой весеннего приплода, 5 верблюдов, 241 овца с 200 голов приплода и 10 коз. Кроме того, семья Шукуровых ежегодно заседала хлебом 10–11 десятин земли [Там же. Л. 39 об.].

Пятиморский и Кызыл-Убинский поселки относились ко 2-му отделу, в котором и проживала большая часть калмыцкого населения Уральского войска. В 1-м отделе А.М. Позднеев насчитал всего 11 калмыцких домов: 2 в станице Рубеженской и 9 в поселке Требушинском. Большинство здешних калмыков ис-

следователь причислил «к трудящемуся классу, не отличающемуся зажиточностью». В их хозяйствах насчитывалось по 2–3 лошади, от 2–10 до нескольких десятков голов рогатого скота. Почти все занимались земледелием. Самые богатые из них (братья Тултины, Мезановы) засевали до 30 десятин. Некоторые, как правило, холостые домохозяева, нанимались в работники к русским соседям [Там же. Л. 34–35 об.].

Уральские калмыки исповедовали буддизм (ламаизм). Их никогда не принуждали к смене вероисповедания. В справке «по учету язычников» отмечалось, что калмыки крайне редко переходят в христианство. Никаких особых мер миссионерского воздействия, кроме уговоров со стороны местного православного духовенства, к ним не применялось. Пассивность приходских священников объяснялась незнанием калмыцкого языка и отсутствием специальной подготовки [19. Л. 12]. На штатные должности ламаистских священнослужителей – гецулей и гелюнгов – могли претендовать отставные казаки-калмыки, имевшие необходимое духовное образование и прошедшие обряд посвящения. Они избирались членами приходского общества, а затем утверждались Уральским областным правлением. Важным отличием местного буддистского клира являлось сохранение его членами светского образа жизни, семейного и хозяйственного уклада, присущего уральским казакам [21. С. 31]. Как и у всех буддистов, относящихся к школе гелуг, духовные лица пользовались у уральских калмыков непререкаемым авторитетом. В то же время отсутствие единой религиозной организации вело к обособлению буддистских общин и разобщенности уральских калмыков. Для большинства верующих религиозная жизнь ограничивалась посещением приходского молитвенного дома и общением с его настоятелем.

Уральские калмыки существенно отставали от оренбуржцев по уровню грамотности. По данным Переписи 1897 г., из 960 казаков-буддистов (учет велся по вероисповедальному признаку) навыками чтения и письма владели 218 человек. И если среди мужчин процент грамотных был относительно высоким – 212 из 505 (41,9%), то в женской части калмыцкого населения наблюдалась почти полная неграмотность – из 455 женщин в графе «грамотные» было указано только 6 человек [22. С. 53].

Об уровне интегрированности уральских калмыков в казачье сообщество свидетельствует практика их назначения на командные должности. В «Отчете» А.М. Позднеева упоминается войсковой полковник, член Войскового правления, имевший калмыцкое происхождение и исповедовавший буддизм [20. Л. 60]. На должность атамана, приписанного ко 2-му войсковому отделу, Кысык-Камышенского поселка, жителями которого были калмыки, традиционно назначался урядник калмыцкого происхождения.

Сложившийся у оренбургских и уральских калмыков казачий хозяйственный и общественный уклад, с привнесенными в него этническими и религиозными особенностями, был фактически разрушен в период Гражданской войны. Наряду с невзгодами, выпавшими на долю всего казачества Южного Урала, положе-

ние калмыков усугублялось дополнительными трудностями.

После Февральской революции 1917 г. среди оренбургских калмыков заметно активизировались сторонники национальной консолидации. Гарантированные Временным правительством гражданские права и свободы, с одной стороны, и формирование в Оренбургском войске обособленных от центральной власти управленческих структур – с другой, создали условия для выдвижения требований о территориальном обособлении казаков-калмыков и выделении им участка под строительство национального поселка. В ходатайстве, поданном 19 июня 1917 г. в Оренбургскую войсковую казачью управу уполномоченным представителем оренбургских калмыков П.И. Жемчуевым, необходимость территориально-административного обособления калмыков буддистского исповедания объяснялась бытовыми затруднениями, связанными с общением между родственниками, вступлением в брак и оказанием материальной помощи нуждающимся соплеменникам. В поселке предполагалось строительство буддийского храма со штатным духовенством и открытие при нем духовной школы «для просвещения подрастающего поколения» [23. Л. 1–1 об.].

Постановление о разрешении калмыкам 2-го и 3-го округов переселиться на отведенный им участок в районе Михайловской станицы было принято Войсковым правительством 31 июля 1918 г. К этому времени с каждого переселенца, достигшего 20-летнего возраста, было взято удостоверенное согласие на переселение. В перечень обязательных документов также включались увольнительные приговоры от станичных обществ. Практическому воплощению постановления Войскового правительства помешали события Гражданской войны. Калмыки, поверившие «принципиальным» обещаниям, еще летом 1917 г. стали продавать свои дома. Когда же дело дошло до переселения, то выяснилось, что на выделенной им земле продолжают хозяйничать арендаторы, прекратившие вносить арендные платежи и подчиняться казачьей власти. Полную отчаяния телеграмму в связи с этим 22 апреля 1919 г. направил П.И. Жемчуев: «Доверители мои просят хуторян выдворить. Дать возможность произвести посев хлеба на отведенном им участке весной сего года... Хуторяне же с 1917 г. и по настоящее время не допускают к заселению и угрожают убийством. Без помощи Войскового правительства переселиться невозможно. Прошу положить конец нашим мучениям» [Там же. Л. 99]. Заботы казачьего правительства в этот период были полностью переключены на войну с советской властью, а потому калмыкам, «ввиду остроты переживаемого момента», посоветовали переждать с переселением. В условиях Гражданской войны и последовавшего за ней голодомора о восполнении понесенных оренбургскими калмыками затрат не могло быть и речи.

Численность уральских калмыков за период Гражданской войны и первые послевоенные годы сократилось по разным подсчетам в 4–5 раз. Вину за их гибель советские руководители возлагали на белогвардейцев.

Председатель Уездного исполкома Большедербетовского улуса Х. Камуков определял уральских калмыков как остатки от вырезанных белыми дутовцами [4. Л. 25 об.]. Однако уполномоченный ЦИК по переселению уральских калмыков в Калмыцкую автономную область Л. Карвин обращал внимание на нищету и голодное существование местных калмыков, а сами калмыки жаловались на национальное угнетение со стороны казахов (киргизов). О том, насколько кардинально ухудшилось положение калмыцкого населения по сравнению с дореволюционным периодом, свидетельствуют данные по поселку Требушинскому, переименованному в село Требуха. В 1911 г. здесь имелось 9 калмыцких дворов, в которых проживали 30 человек – 17 мужчин и 13 женщин. Почти каждый двор, как уже говорилось, имел посеы, лошадей и рогатый скот [20. Л. 36–36 об.]. В 1924 г. Л. Карвин застал в селе Требуха всего 17 калмыков. Сокращение затронуло исключительно мужское население. Теперь без учета возраста на 13 женщин приходилось лишь 4 мужчины. Материальное положение этой группы калмыков в докладе уполномоченного характеризовалось как «отчаянное»: «Одна семья только и имела 1 дойную корову и 1–2 пуда муки. Она слыла за “богачей”. Остальные жили чуть ли не подаянием» [24. Л. 6].

Калмыки из Кисык-Камышенского и других соседних поселков основной причиной переселения в Калмыцкую область называли притеснения со стороны преобладающей массы казахского населения. Соседи-казахи, осознавая свое превосходство, все время их убеждали: «Какие вы теперь калмыки? Вы теперь киргизы». Калмыки жаловались, что, пользуясь революционным безвластием, казахи их окончательно ограбили, а наиболее зажиточных «лишили жизни». По словам уполномоченного ЦИК Калмыцкой области, «калмыки-уральцы до того были терроризированы киргизами, что об их грабежах и убийствах мне сказали только тогда, когда я их посадил в вагоны и отправлял в Калмообласть. До этого они, боясь киргизов, мне ничего не говорили» [Там же. Л. 7 об.].

Руководителями молодой калмыцкой автономии была развернута масштабная агитация, призывавшая всех калмыков, живущих за пределами Калмыкии, объединиться со своим народом на общей территории. Имперской политике «колониализма и порабощения нерусских народов» противопоставлялась советская национальная политика. Ее основные черты, в частности, были изложены в обращении правительства области к уральским калмыкам. В соответствии с провозглашенным советской властью «Правом наций на определение» в нем декларировались:

- национализация государственных, партийных и национальных учреждений путем ввода в делопроизводство калмыцкого языка;
- развитие родного калмыцкого языка и литературы;
- открытие национальных школ;
- разрешение экономических и хозяйственных вопросов в соответствии с бытовыми и хозяйственными особенностями [25. Л. 22].

Уже в декабре 1920 г., более чем за полгода до принятия Общекалмыцким съездом советов решения об их переселении, оренбургские калмыки развернули

движение за воссоединение с основной массой калмыцкого народа. В январе 1921 г. общий съезд оренбургских калмыков избрал П.И. Жемчуева своим уполномоченным [13. Л. 49]. Через месяц, 26 февраля 1921 г., Жемчуев направил в Комиссариат по делам национальностей прошение, в котором, по поручению своих доверителей, просил содействия в их переселении «к своим национальным братьям» – донским калмыкам. Прошение П.И. Жемчуева было переадресовано руководству Автономной области. 25 мая члены Большедербетовского улусного исполкома поддержали решение правительства Автономии о переселении в их улус оренбургских калмыков.

Однако исполнение этого решения растянулось на несколько лет. В совместном обращении в Главное управление советскими хозяйствами (Главсовхоз) Наркомата земледелия РСФСР председатель Калмыцкого представительства в Москве А.М. Амур-Санан и П.И. Жемчуев заостряли внимание на следующем: «В течение 10 месяцев этот вопрос переходит из одной инстанции в другую. В Н.К. национальностей, в Совете национальностей, в ВЦИКе, везде принципиально решается в утвердительном смысле, но практические соображения – расстройство транспорта, острота сбора продналога в связи с голодом заставляли признать необходимым отложить его до более благоприятного момента». В надежде спастись от голода несколько семей оренбургских калмыков решились на самостоятельный переезд в Калмыцкую область гужевым путем через Орск, Оренбург, Уральск и Астрахань. Обращение в Главколхоз Председателя Калмыцкого представительства при ВЦИК заканчивалось словами: «Если переселения не разрешат, то оренбургские калмыки, ввиду голода, лишатся скота и сельскохозяйственного инвентаря, к весне 1922 г. не будут иметь возможности приготовить посев и гибель их неизбежна» [Там же. Л. 49]. О том, что значительная часть оренбургских калмыков все же переселилась в Автономную область уже в 1921–1922 гг., констатируется в обращении председателя Калмыцкого ЦИК А.Ч. Чапчаева в Наркомат путей сообщения [26. Л. 40].

Активное переселение калмыков из губерний и областей Северного Кавказа и юго-востока России в Калмыцкую область началось весной 1924 г., и уже к осени в Большедербетовском улусе было взято на учет 2 тыс. дворов новых поселенцев. Однако эти сведения не были полными, так как переселенческое движение принимало стихийный характер и, как подчеркивалось в отчетном документе, немалое число переселенцев «самотеком приезжают в аймаки и заселяются» без ведома властей [13. Л. 25].

В наиболее трудных условиях весной и летом 1924 г. шло переселение калмыков из переименованной в 1920 г. в губернию Уральской области КАССР. В обращении, озаглавленном «Дорогие братья, уральские калмыки», содержалось обещание: «ЦИК Автообласти Калмыцкого народа... как верховный орган Автообласти смеет вас уверить, что к весне вы все, уральские калмыки, будете переселены на территорию Калмыцкой области и окончательно объединены со своими соплеменниками-калмыками в Автообласти под крылышком одного Советского управления. Объединение

это должно произойти не только на словах, но и на деле. Такова сущность самой Советской власти – власти трудящихся» [26; 27. Л. 22–22 об.].

Уполномоченному Калмыцким ЦИК Л. Карвину пришлось решать не только вопросы, связанные с перевозом людей и грузов, но и разбираться с проблемами имущественного и личного характера отдельных переселенцев. Поселки, в которых проживали калмыки, находились на расстоянии от 90 до 160 верст от Уральска и ближайших железнодорожных станций. Уральский губисполком отказался предоставить калмыкам-переселенцам подводы для проезда до пунктов посадки в вагоны. Также было отказано в просьбе Л. Карвина о передаче переселенцам конфискованного у зажиточных калмыков недвижимого имущества [27. Л. 6].

Властного вмешательства потребовало обращение уполномоченного представителя калмыков Кисык-Камышенского поселка Кушаева. В нем говорилось, что казахи, узнав о предстоящем переселении калмыков, отказываются расплачиваться по долговым обязательствам. Казахи, женатые на калмычках, вопреки советским законам, не дают развода своим женам, выразившим желание вместе с родственниками переселиться в Калмыцкую область. По распоряжению губернского и уездного Уральских исполкомов в Кисык-Камыш был командирован начальник уездной милиции Джандаглетов. Ему удалось в одном случае развести калмычку с мужем казахом и добиться полной выплаты всех причитающихся калмыкам долгов [Там же. Л. 7].

Для перевозки уральских калмыков были выделены 6 вагонов. Один вагон с 12 переселенцами из Требушинской станицы был отправлен со станции Уральск 12 июня. Еще 122 калмыка из Кисык-Камышевского поселка и других поселков 2-го и 3-го отделов бывшего Уральского войска 14 июня были погружены в 5 вагонов на станции Александров-Гай и отправлены до назначенной для их приема станции Торговой. Опасаясь жары и отсутствия на станциях кормов и пресной воды, калмыки отказались перевозить скот по железной дороге. По их просьбе для перегона скота была выделена группа из 16 человек, вооруженная охотничьими ружьями [Там же. Л. 7–7 об.].

К концу августа 1925 г. в Большедербетовском улусе Калмыцкой автономной области были зарегистрированы 456 оренбургских переселенцев (230 мужчин, 226 женщин) и 149 уральских (68 мужчин и 81 женщина). Оренбургские калмыки поселились на излишних землях Икитуновского аймака, в составе 113 хозяйств они образовали Оренбургский аймак. Уральские калмыки в количестве 45 хозяйств, совместно с переселенцами с Дона, были поселены в Багабуруловском аймаке. Обе группы переселенцев испытывали крайнюю нехватку скота и сельскохозяйственного инвентаря. Согласно статистической сводке к концу лета 1925 г. в хозяйствах оренбургских калмыков имелось 37 лошадей (1 на 12 человек), 70 коров (1 на 6–7 человек), 18 волов, 40 голов молодняка рогатого скота, 2 верблюда, 25 овец и коз (1 на 18 человек); инвентаря: 10 плугов, 4 косилки, 19 борон, 50 телег и 2 сложные сельскохозяйственные машины.

Несколько лучше, с учетом меньшей численности населения, была обеспеченность скотом хозяйств уральских калмыков: 34 лошади (1 на 4–5 человек), 38 коров (1 на 4 человека), 30 голов молодняка рогатого скота, 10 овец и коз (1 на 15 человек). Данные о наличии сельхозинвентаря не приводятся [4. Л. 9, 11]. При всей очевидной бедности, хозяйства оренбургских и уральских калмыков выглядели более обеспеченными по сравнению с основной массой переселенческого населения. В докладной записке председателя Большедербетовского улусного исполкома указывалось, что в его улусе на 13 дворов приходится 1 лошадь, на 6 дворов – 1 бык, на 23 двора – 1 плуг и т.д. [4. Л. 25 об.].

Большинство переселенцев приезжали в Калмыкию совершенно нищими. Спутниками новоселов были голод и отсутствие жилья. 4 января 1924 г. Большедербетовский исполком информировал ЦИК автономной области о том, что переселенцы, не получившие ссуды, ежедневно целыми группами осаждали исполком и требовали выдачи пайков из фондов Последголода. Однако для ликвидации голода скудных продовольственных пайков было недостаточно. Для исправления ситуации улусный исполком просил областной ЦИК о выделении ссуды на приобретение 9 600 пудов семенного хлеба и раздаче его всем нуждающимся под посев [26. Л. 36–37].

Весной 1925 г. в Большедербетовском улусе скопилось более 3 тысяч семей переселенцев, не имевших жилья и средств на его постройку. Люди в буквальном смысле жили под открытым небом, не имея возможности укрыться от холода и дождя. Единственной возможностью избавить новоселов от лишений бездомной жизни президиум улусного исполкома усматривал в оказании им государственной помощи в виде отпуска строевого леса в ссудном порядке на льготных условиях. На эти цели предполагалось израсходовать 100 тыс. рублей, которые советское правительство должно было перечислить по ходатайству КалмЦИК. Однако вне зависимости от субсидирования из общесоюзного бюджета, оренбургским и уральским переселенцам летом 1925 г. оказывалась адресная помощь лесоматериалом из скудных местных ресурсов [28. Л. 49, 131 об., 135].

Последние, самые обездоленные группы оренбургских калмыков оставались на Южном Урале до 1927 г. 17 января 1926 г. их представитель А.И. Менкежиргалов выступил с докладом перед общим собранием Оренбургского аймака. Из него следует, что в 11 поселках бывшего Оренбургского войска небольшими группами от одного до 60 человек проживают 208 калмыков. «Все они, как позабытые беспризорные дети, нравственно угнетены, чувствуют полное сиротство и одиночество. Моральная неуравновешенность и подавленность естественно ведет эту маленькую, почти забытую группу к экономической разрухе, бедности, а там и... к вымиранию». Закljučая выступление, А.И. Менкежиргалов просил ЦИК Калмыцкой области организовать переселение его доверителей в Оренбургский аймак не позднее 1 мая 1926 г. [29. Л. 13].

Окончательное решение в отношении все еще остававшихся на Урале оренбургских калмыков было

принято на заседании Президиума ЦИК Автономной области калмыцкого народа 25 марта 1926 г. Калмыцкому представительству при ВЦИК предписывалось возбудить перед наркоматами Земледелия и Путей сообщения ходатайства о выделении для переселенцев 25 вагонов. По прибытии в Калмыцкую область они были подселены к своим землякам в Оренбургское аймачное земельное общество. Последняя группа оренбургских калмыков в количестве 94 человек организованно переселилась в Калмыцкую область в 1927 г. [Там же. Л. 14–15].

Десятилетие, начавшееся революционным 1917 г. и завершившееся переселением южно-уральских калмыков в Калмыцкую автономную область, ознаменовалось катастрофическим демографическим спадом калмыцкого населения оренбургского и уральского казачьих войск, хозяйственной разрухой и ее неизменными спутниками – нищетой и голодом. Гражданская война помешала осуществлению проекта по кон-

солидации оренбургских калмыков путем выделения для них обособленной территории и строительства национального поселка. Уральские калмыки, потерявшие в период Гражданской смуты три четверти своего населения, главным образом мужчин, подвергались национальным притеснениям со стороны соседней-казахов. Образование в низовьях Волги Автономной области калмыцкого трудового народа и переезд на ее территорию оренбургских и уральских калмыков, несмотря на все указанные выше трудности, обеспечили не только их национальное, но и физическое выживание. Сделанный вывод не отрицает положительных перемен в хозяйственном укладе и культуре оренбургских и уральских калмыков, во многом ставших результатом политики аккультурации, осуществлявшейся в имперский период. В лице южно-уральских переселенцев молодая Калмыцкая автономия получила грамотных граждан, привычных к оседлости и земледельческому труду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Максимов К.Н., Мацакова М.И. Конституирование национальной государственности Калмыкии в форме административной автономии // Вестник института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 3. С. 11–19.
2. Убашев К.В. Начальный этап национально-государственного строительства калмыцкого народа в первые годы советской власти // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 2. С. 60–66.
3. Саврушева К.Ц. К вопросу о переселенческой политике в национальных автономиях России 20-х гг. XX в. (на примере Калмыкии) // Вестник РУДН. Серия «История России». 2004. № 3. С. 123–127.
4. Национальный архив Республики Калмыкия (далее НАРК). Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 53.
5. Любичанковский С.В. Политика аккультурации в условиях разрушения империи: казус волостного земства // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 31–3.
6. Dmitriev V.V., Lyubichankovskiy S.V. The Southern Periphery of the Russian Empire and a Problem of Colonialism (on materials of National Policy of Russia in Relation to the Crimean Tatars at the end of XVIII – the beginning of the 20th century) // Bylye Gody. 2017. Vol. 45, is. 3. P. 1010–1024.
7. Джунджузов С.В., Любичанковский С.В. Миссионерская деятельность Никодима Ленкеевича в Калмыцком ханстве (1725–1734 годы) // Новый исторический вестник. 2017. № 3. С. 172–191.
8. Dzhundzhuzov S., Lyubichankovskiy S. Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – early XX century: Problems of Assimilation, Acculturation and Preservation of Ethnic Identity // Bylye Gody. 2017. Vol. 46, is. 4. P. 1194–1206.
9. О присоединении Ставропольского казачьего войска к Оренбургскому казачьему войску // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XVII. Ч. 1. № 15677. С. 393–394.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи за 1897 г. Т. XXVIII: Оренбургская губерния. Оренбург, 1904.
11. Государственный архив Оренбургской области (далее ГАОО). Ф. 10. Оп. 2. Д. 243.
12. Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии. Оренбург : Типография Евфимовского-Мировицкого, 1877. Вып. 1. 176 с.
13. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-1318. Оп. 9. Д. 41.
14. ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 171.
15. Оренбургский листок. 1890. № 35.
16. Максимов К.Н. Великая революция 1917 г. в исторической судьбе Калмыкии и ее народа // Великая Российская революция в судьбах народов юга России: материалы всерос. науч. конф. (с междунар. участием), посвящ. 110-летию революции 1917 г. (г. Элиста 13–14 сентября 2017 г.). Элиста, 2017. С. 14–29.
17. Карпов А.Б. Уральцы. Исторический очерк. Часть 1-я. Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550–1725 гг.). Уральск, 1911.
18. Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1910 год. Уральск : Уральская областная типография, 1910.
19. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14058.
20. Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук (далее АВ ИВР РАН). Ф. 44. Оп. 1. Д. 60.
21. Джунджузов С.В. Буддийское духовенство у калмыков-казаков Уральского войска в начале XX в.: обучение, посвящение, служение // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 2. С. 25–33.
22. Первая всеобщая перепись населения 1897 года. LXXXIV. Уральская область. СПб., 1904.
23. ГАОО. Ф. 37. Оп. 4. Д. 22.
24. НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 544.
25. НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 399.
26. НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 228.
27. НАРК. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 47.
28. НАРК. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 43.
29. НАРК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 130.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 апреля 2018 г.

Orenburg and Ural Kalmyks Under the Conditions of Transition from the Imperial Politics of Acculturation to the Soviet National Policy

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 128–136.

DOI: 10.17223/15617793/439/16

Stepan V. Dzhundzhuzov, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: djund@yandex.ru

Sergey V. Lyubichankovskiy, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: sylvubich@yandex.ru

Keywords: autonomous region; acculturation; Civil War; Cossacks; Kalmyks; politics.

The article examines the influence of the imperial policy of acculturation and the Soviet national policy that replaced it on the fate of the Orenburg and Urals Kalmyks, who were Cossacks of the Orenburg and Ural Cossack troops. This policy contributed to the Kalmyks' perception of the Cossack way of life, which was manifested in the adaptation to settled life and agriculture. A significant achievement of the imperial policy of acculturation was the growth of literacy, achieved through the training of Kalmyk children in Cossack schools. The level of integration of the Kalmyks of both ethnic groups in the Cossack community was evidenced by the practice of their appointment to command positions. The decade that began in the revolutionary year of 1917 and culminated in the resettlement of the South Urals Kalmyks in the Kalmyk Autonomous Oblast was marked by a catastrophic demographic decline in the Kalmyk population of the Orenburg and Ural Cossack troops, economic devastation and its constant companions – poverty and hunger. The Civil War prevented the implementation of the project to consolidate the Orenburg Kalmyks by allocating a separate territory for them and the construction of a national village. The Urals Kalmyks, who lost three quarters of their population, mostly men, during the period of civil unrest, were subjected to national oppression by their Kazakh neighbors. With the establishment of Soviet power in Russia, the age-old dream of the Kalmyk people for the acquisition of national statehood in the form of autonomy was lost, with the abolition of the Kalmyk Khanate in 1771. Its project was approved on November 25, 1920, by the decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR "On the Borders of the Kalmyk Autonomous Oblast". Leaders of the young Kalmyk autonomy conducted large-scale agitation, urging all Kalmyks living outside of Kalmykia to unite with their people on a common territory. The formation of the autonomy in the lower reaches of the Volga for the Kalmyk working people and the relocation of Orenburg and Urals Kalmyks to its territory, in spite of all the difficulties associated with resettlement and adaptation in the new conditions, provided not only their national, but also physical survival. This conclusion does not deny the positive changes in the economic system and culture of Orenburg and Ural Kalmyks, which were largely the result of the policy of acculturation carried out during the imperial period. The research is supported by the grant of the Russian Science Foundation (Project No. 17-18-01008) in Orenburg State Pedagogical University.

REFERENCES

1. Maksimov, K.N. & Matsakova, M.I. (2016) Institutionalization of the National Statehood of Kalmykia in the Form of Administrative Autonomy. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN – Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences*. 3. pp. 11–19. (In Russian). DOI: 10.22162/2075-7794-2016-25-3-11-19
2. Ubashev, K.V. (2016) The initial phase of establishment of state bodies of the Kalmyk people in the first years of Soviet power. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. 2. pp. 60–66. (In Russian).
3. Savrusheva, K.Ts. (2004) The Transmigratory Politics in National Autonomies of Russia in the 20th Years of the XX Century (Based at the Example of Kalmykia) Revisited. *Vestnik RUDN. Seriya "Istoriya Rossii" – RUDN Journal of Russian History*. 3. pp. 123–127. (In Russian).
4. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund R-112. List 1. File 53. (In Russian).
5. Lyubichankovskiy, S.V. (2017) Policy of acculturation in the conditions of destruction of the Empire: incident of a volost' zemstvo. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 50. pp. 31–3. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/50/4
6. Dmitriev, V.V. & Lyubichankovskiy, S.V. (2017) The Southern Periphery of the Russian Empire and a Problem of Colonialism (on materials of National Policy of Russia in Relation to the Crimean Tatars at the end of XVIII – the beginning of the 20th century). *Bylye Gody*. 45 (3). pp. 1010–1024.
7. Dzhundzhuzov, S.V. & Lyubichankovskiy, S.V. (2017) The Missionary Activity of Nicodemus Lenkeevich in the Kalmyk Khanate (1725–1734). *Novyy istoricheskiy vestnik – New Historical Bulletin*. 3. pp. 172–191. (In Russian). DOI: 10.24411/2072-9286-2017-00001
8. Dzhundzhuzov, S & Lyubichankovskiy, S. (2017) Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – early XX century: Problems of Assimilation, Acculturation and Preservation of Ethnic Identity. *Bylye Gody*. 46 (4). pp. 1194–1206.
9. Russian Empire. (1842) O prisoedinenii Stavropol'skogo kazach'ego voyska k Orenburgskomu kazach'emu voysku [On the accession of the Stavropol Cossack army to the Orenburg Cossack army]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. XVII. Pt. 1. No. 15677. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii. pp. 393–394.
10. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii za 1897 g.* [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897]. Vol. XXVIII. St. Petersburg: Tipografiya "T-va Khudozhestvennoy Pechati".
11. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 10. List 2. File 243. (In Russian).
12. Orenburg Province Statistics Committee. (1877) *Materialy po statistike, geografii, istorii i etnografii Orenburgskoy gubernii* [Materials on statistics, geography, history and ethnography of Orenburg Province]. Is. 1. Orenburg: Tipografiya Evfimovskogo-Mirovitskogo.
13. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-1318. List 9. File 41. (In Russian).
14. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 175. List 1. File 171. (In Russian).
15. *Orenburgskiy listok*. (1890) 35.
16. Maksimov, K.N. (2017) [The Great Revolution of 1917 in the historical fate of Kalmykia and its people]. *Velikaya Rossiyskaya revolyutsiya v sud'bah narodov yuga Rossii* [The Great Russian Revolution in the fate of the peoples of the south of Russia]. Proceedings of the International Conference. Elista. 13–14 September 2017. Elista: Kalmytskiy nauchnyy tsentr Rossiyskoy akademii nauk. pp. 14–29. (In Russian).
17. Karpov, A.B. (1911) *Ural'tsy. Istoricheskiy ocherk* [Ural people. Historical essay]. Part 1. Uralsk: Voyskovaya Tipografiya.
18. Ural Regional Printing House. (1910) *Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Ural'skoy oblasti na 1910 god* [The memorial book and the address-calendar of Ural Oblast in 1910]. Uralsk: Ural'skaya oblastnaya tipografiya.
19. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 6. List 6. File 14058. (In Russian).
20. Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (AV IVR RAN). Fund 44. List 1. File 60. (In Russian).
21. Dzhundzhuzov, S.V. (2016) Buddhist Clergy among Ethnic Kalmyk Cossacks of the Ural Cossack Host in the Early 20th Century: Education, Ordination, Service. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN – Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences* 2. pp. 25–33. (In Russian).

22. Tipografiya "T-va Khudozhestvennoy Pechati". (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya 1897 goda* [The first general census of the population in 1897]. LXXXIV. St. Petersburg: Tipografiya "T-va Khudozhestvennoy Pechati".
23. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 37. List 4. File 22. (In Russian).
24. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund R-3. List 2. File 544. (In Russian).
25. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund R-3. List 2. File 399. (In Russian).
26. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund R-3. List 2. File 228. (In Russian).
27. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund R-42. List 1. File 47. (In Russian).
28. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund R-42. List 1. File 43. (In Russian).
29. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund R-112. List 1. File 130. (In Russian).

Received: 18 April 2018

О.И. Ковтун, Е.К. Янпарова

КОНЦЕПЦИИ СЕМЕЙНО-ТРУДОВОГО ХОЗЯЙСТВА И КРЕСТЬЯНСКОЙ КООПЕРАЦИИ В РАБОТАХ А.В. ЧАЯНОВА

Рассматривается вопрос эффективного функционирования семейно-трудового крестьянского хозяйства в России согласно научным исследованиям А.В. Чаянова. Авторы проследили эволюцию взглядов советского экономиста на ключевые проблемы развития сельского хозяйства, российской деревни в дореволюционный период, эпоху военного коммунизма, НЭПа и коллективизации. Особое внимание уделено крестьянской кооперации как вертикальной интеграции крестьянских хозяйств с целью более эффективного их встраивания в рыночные отношения.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство; кооперативное движение; трудопотребительский баланс; организационный план; производительность; доход; факторы производства.

В России, обладающей обширными территориями, всегда остро стоял аграрный вопрос: долгое время развитие сельского хозяйства оставалось на стадии единоличного хозяйства. Масштабные производства были исключением, так как перед крестьянином в первую очередь стояла задача прокормить свою семью. Российская экономика нуждалась в преобразованиях в сфере сельского хозяйства, что способствовало бы увеличению производительности крестьянских хозяйств. Данной проблемой во второй четверти XX в. занялся Александр Васильевич Чаянов, чьи труды и научные воззрения стали концептуальной основой для развития идеи эффективного взаимодействия крестьянских хозяйств.

Активный участник событий Февральской революции 1917 г., Чаянов, считал необходимой консолидацию общественных сил, чтобы справиться с усугублявшимся разорением страны. Преодолению продовольственного кризиса были посвящены его лекции и статьи в прессе (Русские Ведомости. 1917. № 34; Власть Народа. 1917. 29 апреля; 21 мая; 21 июня и др.).

Главным направлением деятельности Чаянова стала разработка аграрной реформы. Обоснование программы Чаянова содержит его брошюра «Что такое аграрный вопрос?» (1917), в которой выражено важное требование о смене формы и субъектов собственности, ставшее лозунгом, который использовали большевики во время Октябрьской революции: «Земля – трудовому народу!».

Чаянов предлагал следующий формат изменения структуры собственности на земельные участки, предназначенные для сельскохозяйственного использования: «все земли, находящиеся сейчас в пользовании крупного помещичьего хозяйства, должны быть переданы в руки трудового крестьянского хозяйства». Подобная передача частновладельческих земель крестьянству могла быть произведена и в форме социализации, и национализации, и муниципализации, и с помощью «единого налога на землю», изымающего в пользу народа всю земельную ренту, и, наконец, через создание «системы государственного регулирования землевладения» при запрещении продажи и покупки земли.

Реформатор стремился найти решение задачи с меньшими затруднениями и с наименьшими затратами провести обобществление земель и передачу их

трудовому хозяйству, склонялся в пользу совмещения последних двух вариантов – государственного регулирования и прогрессивного налогообложения с добавлением права «экспроприации любых земель» (в случаях нарушений земельного режима, установленного законом), что дало бы возможность «автоматически в одно-два десятилетия прийти к национализации или муниципализации».

Исходя из вышеизложенного, предлагаемая Чаяновым аграрная реформа должна основываться на двух ключевых принципах:

- 1) наибольшая производительность народного труда, прилагаемого к земле;
- 2) демократизация распределения народного дохода.

Чаянов отвергал и капитализм, и «государственный социализм», и «анархический коммунизм». Обеспечить осуществление обоих принципов, по его убеждению, могла только кооперация, и поэтому будущей аграрный строй должен быть кооперативным. Автор радикальной аграрной программы быстро завоевывает политический авторитет – становится членом Главного земельного комитета, созданного для подготовки и осуществления земельного преобразования, членом Временного Совета Российской Республики (Предпарламента [1. С. 15]).

Главным предметом теоретических исследований А.В. Чаянова является семейно-трудовое крестьянское хозяйство в его взаимоотношениях с окружающей экономической средой. Такое хозяйство нацелено, в первую очередь, на удовлетворение потребностей самих членов семьи. Чаянов рассматривает его как натуральное хозяйство, втягивающееся в процесс рыночного обмена с целью продажи излишков и лучшего удовлетворения собственных нужд. В отличие от русских марксистов, таких как Г.В. Плеханов, Чаянов в своих дореволюционных исследованиях интересовался не процессом образования российского рынка и капитализма в их влиянии на хозяйство крестьянина, а самим этим хозяйством во взаимодействии его натурально-потребительских и (в меньшей степени) товарно-рыночных черт [Там же. С. 98].

Методология Чаянова отличалась в этом пункте известной статичностью, так как его внимание привлекало не столько развитие социальных отношений русской деревни (социальная дифференциация крестьянства, выделение в нем различных слоев, влияние

капиталистических банков и промышленности на положение крестьян), сколько состояние семейного хозяйства на данный момент времени. Данная методология изначально исходила из того, что факторы социальной и хозяйственной устойчивости семейного трудового хозяйства логически и практически преобладают над факторами его дифференциации.

А.В. Чаянов признавал, что подобный подход применим лишь при слабом проникновении капитализма в сельское хозяйство. Он не скрывал ограниченности предложенного им метода в условиях Западной Европы, однако полагал, что этот метод имеет не только российское, но и определенное интернациональное значение, так как может оказаться полезным при изучении аграрного строя в странах Востока (Китай, Индия) и в странах со слабым развитием рыночных отношений и с преобладанием традиционной экономической системы.

Определяя предмет своего исследования, А.В. Чаянов в главном труде «Организация крестьянского хозяйства» (1925) писал: «Мы... стремимся понять, что собою представляет крестьянское хозяйство с организационной точки зрения, какова морфология того производственного аппарата, который называется трудовым крестьянским хозяйством... Нас интересует не система крестьянского хозяйства и формы организации в их историческом развитии, а сама механика организации одного процесса». Тем самым ученый дает понять, что анализ устройства и функционирования крестьянского хозяйства как механизма является одним из наиболее важных этапов по воплощению его реформаторских замыслов, поскольку результат исследования позволит определить принцип работы данного элемента экономики.

Такой анализ, безусловно, имел право на существование, ибо статика есть необходимый, хотя и частный момент динамики. Более того, в специфических условиях Советской России 1920-х гг. анализ Чаянова приобретал повышенную актуальность: после Октябрьской революции происходил процесс «осередничивания» деревни – при заметном сокращении крайних социальных прослоек – бедняцких и кулацких хозяйств, соответственно увеличивалась доля середняцких хозяйств. Хозяйство же середняка (среднего крестьянина) в общем и целом попадало под предложенное Чаяновым определение трудового крестьянского хозяйства.

Итак, первая стадия анализа А.В. Чаянова касается организации хозяйства отдельной крестьянской семьи. В качестве основополагающих выступают здесь понятия организационного плана и трудовопотребительского баланса крестьянского хозяйства, сформулированные еще в дореволюционных работах Чаянова. Организационный план, или субъективное отображение крестьянином системы целей и средств хозяйственной деятельности, включал в себя выбор направления хозяйства, сочетания его различных отраслей, увязку трудовых ресурсов и основных объемов работ, разделение продукции, потребляемой в собственном хозяйстве, и продукции, направляемой на рынок, баланс денежных поступлений и расходов. В свою очередь, концепция трудовопотребительского

баланса исходила из того, что крестьянин, используя в своем хозяйстве собственный труд и труд членов своей семьи, стремится не к максимизации чистой прибыли, а к росту валового дохода, равновесию производственных и природных факторов, соответствию производства и потребления, равномерному распределению труда и дохода в течение всего года. Поскольку конечной целью трудового крестьянского хозяйства остается потребление, а не накопление денежных средств, рыночные критерии здесь не всегда применимы. Так, категория заработной платы в некапиталистическом хозяйстве крестьянина превращается в его чистый доход, пополняющий личный бюджет семьи. Точно так же модифицируется земельная рента – в семейном крестьянском хозяйстве она теряет нетрудовой характер, принимает вид избыточного дохода, получаемого крестьянской семьей из-за выгод местоположения по отношению к рынку сбыта, повышенного плодородия земли и других факторов [2. С. 110].

Концепция организационного плана и трудовопотребительского баланса Чаянова позволила ему объяснить ряд парадоксов в развитии крестьянского хозяйства дореволюционной России. Так, эмпирические материалы, собранные при анализе крестьянского льноводства и картофелеводства, показывали, что эти трудоемкие культуры давали очень малую чистую прибыль, а потому почти никогда не получали большого распространения в хозяйствах предпринимательского типа. Напротив, малоземельные крестьяне разводили их весьма широко, так как, теряя в размере чистой прибыли, получали возможность расширить объем применяемого в собственном хозяйстве труда и сократить сезонную безработицу.

Неприменностью предпринимательских, рыночных критериев к оценке деятельности мелких и средних крестьянских хозяйств А.В. Чаянов объяснил и низкий уровень распространения в них высокопроизводительных молотилок. В данном случае труд крестьян, вытесняемый машиной, в условиях зимнего времени не мог найти себе никакого применения. Введение усовершенствованной машины не только не увеличивало общей суммы доходов крестьян, но уменьшало ее на величину ежегодной амортизации машины [Там же. С. 78].

Кроме того, как отмечал Чаянов, крестьяне в годы неурожая, чтобы добиться хотя бы некоторой стабильности потребительских доходов, не снижали, а, наоборот, резко повышали предложение труда, благодаря чему зарплата в аграрном секторе России оказывалась обратно пропорциональной ценам на хлеб. В случае же улучшения рыночной конъюнктуры крестьянское хозяйство не увеличивало, а сокращало годовой фонд рабочего времени, чтобы облегчить условия труда и жизни. К числу парадоксальных ситуаций, объясненных Чаяновым, относились также уплата крестьянами очень высоких «голодных аренд» (с целью загрузить во что бы то ни стало свободные рабочие руки); регулярная практика отхожих промыслов (они ослабляли собственное земледельческое хозяйство, но давали крестьянам возможность более равномерно распределить трудовые ресурсы по вре-

менам года). Таким образом, именно семейно-трудовая теория Чайнова сумела раскрыть смысл целого ряда экономических фактов, которые до нее не находили теоретического объяснения.

Подчеркивая преимущества хозяйства семейно-трудового типа, обусловившие их устойчивость (использование привязанности крестьянина к земле, точный учет почвенно-климатических погодных условий, детальное знание особенностей сельскохозяйственного труда и т.п.), А.В. Чайнов не считал возможным идеализировать мелкое крестьянское хозяйство. Уже отмечалось, что он отчетливо видел те препятствия, которые ставит семейно-трудовая ячейка на пути научно-технического прогресса (пример с внедрением молотилок). Кроме того, сама цель крестьянского хозяйства – обеспечить потребление относительно небольшой по размерам семьи – несла в себе весьма заметные пределы для расширения товарности и общего подъема производства. Отрицательную роль в этом плане играла также резко выраженная сезонность сельскохозяйственных работ.

Путь к кардинальному повышению эффективности аграрного сектора Чайнов усматривал в массовом распространении кооперации, при которой от семейно-трудового хозяйства постепенно отпочковывались бы и переходили в ведение крупных кооперативных товариществ операции по переработке, хранению, сбыту крестьянской продукции, закупке и обслуживанию техники, заготовке минеральных удобрений, семян, племенная, селекционная работа, кредитное дело, словом, все те операции, где крупное хозяйство имеет явный перевес над мелким. По мнению ученого, это помогло бы сочетать преимущества самостоятельного хозяйства отдельной семьи с теми плюсами, которые несут с собой обобщественное производство и обмен.

Первые работы А. Чайнова по теории кооперации появились еще в дореволюционный период (статьи по истории и практике кооперативного движения в Италии, Бельгии, Франции; подготовка общего лекционного курса по истории и теории кооперации). В послереволюционный период создание кооперативной теории Чайнова окончательно завершилось.

Ученый подходил к кооперации с двух сторон – как к организационной форме хозяйства и как к общественному движению. Ценность кооперации как движения заключалась, по Чайнову, в ее антикапиталистическом и антибюрократическом содержании. Вовлекая крестьян в самостоятельную деятельность по закупке товаров, переработке и сбыту продукции, осуществлению других хозяйственных функций, кооперативы освобождают их от эксплуатации со стороны перекупщика, ростовщика, купца, прасола. Кооперативы поддерживают и развивают тягу крестьян к формам хозяйственного самоуправления (собраниям, выборам правления и демократическому контролю за его работой и т.п.) [2. С. 99].

Чайнов, как уже отмечалось, протестовал против тенденции к огосударствлению кооперативов, впервые отчетливо проявившейся в годы «военного коммунизма». Всячески отстаивая самостоятельность кооперативных организаций, он выступал с позиций «согласования интересов» кооперации и государ-

ства – через генеральный договор госорганов с кооперативными центрами (с указанием твердых цен, тарифов и маршрутов перевозок, но без непосредственного вмешательства извне в дела кооперативных товариществ). Согласно Чайнову, антикапиталистическое, антибюрократическое содержание кооперации во многом обуславливает экономический эффект ее деятельности – относительно низкие цены на продукцию и дополнительный доход для ее членов. В выгоды, хозяйственной целесообразности для крестьян усматривал Чайнов перспективность кооперации и как хозяйственной формы.

В основу чайновской теории кооперации положены концепции организационного плана и дифференциальных оптимумов размеров предприятий. А.В. Чайнов полагал, что с точки зрения организации к кооперативам должны отойти лишь те виды деятельности, технический оптимум которых превосходит возможности отдельного крестьянского хозяйства. «Отщепление» операций происходит обычно «от рынка к полю»: сначала кооперативная форма распространяется на операции, связывающие хозяйство с рынком (кооперативы по закупкам, сбыту, кредиту), затем на процессы первичной обработки сырья (например, маслодельные, картофелетерочные, овощесушильные товарищества), наконец на производственные биотехнологические процессы (общества по разведению племенного скота, машинные, мелиоративные товарищества). Вплоть до конца 1920-х гг. Чайнов исходил из того, что индивидуальные крестьянские хозяйства способны вести эффективную обработку почвы и животноводство, остальные виды деятельности подлежат постепенному и добровольному кооперированию [3. С. 45].

Программа Чайнова была весьма радикальной для своего времени и превосходила многие аграрные нововведения эпохи НЭПа. Характерно, что ученый отрицательно отнесся к эсеровскому требованию об уравнительном наделении крестьян землей, полагая, что подобный режим землепользования 1917 г. не соответствует гибкой природе семейно-трудового хозяйства и потребует непосильных затрат при многократных межевых переделах.

Намечая планы аграрного переустройства, Чайнов исходил из необходимости следовать двойственному критерию – повышению производительности труда и демократизации распределения национального дохода. Позднее им было предложено разграничение двух типов рентабельности аграрных мероприятий: экономическая рентабельность выражалась в росте доходов отдельного хозяйства, социальная – в реализации интересов всего народного хозяйства. Уже в ранних работах ученый выдвинул положение об «Организованном Общественном Разуме» как едином субъекте аграрной политики, т.е. о подчинении аграрного сектора высшим долговременным интересам общества [2. С. 88].

В послеоктябрьский период в центре внимания Чайнова находится программа общественной агрономии. Возглавляемый им институт сельскохозяйственной экономии становится, в сущности, теоретическим и методическим центром по разработке рациональных

методов ведения сельского хозяйства. Сам Чаинов создает специальные работы по интенсификации аграрной экономики Нечерноземья, Русского Севера. Его труды по экономике крупных аграрных регионов, намеченные здесь мероприятия (специализация региона на экономически выгодных культурах, рациональное сочетание отраслей при их подчиненности отрасли, производящей наиболее рентабельные продукты, правильное землеустройство, использование достижений аграрной науки) не потеряли значения и сегодня.

Чаинов понимал, что при новых политических реалиях индивидуальное крестьянское хозяйство сохраниться более не может. Вместе с тем он органически не мог оправдывать и обосновывать мероприятия по административному насаждению колхозов. Совхозная форма представлялась ему более приемлемой, так как ее легче было использовать для внедрения механизации, передовых методов аграрной науки. Сообразуясь с выдвинутой ранее идеей о различении социальной и экономической рентабельности, Чаинов предложил тройственный критерий оценки деятельности крупных совхозов: по степени выполнения ими государственного плана с точки зрения учета интересов региона и, наконец, по уровню прибыльности самого предприятия. В разработанные им организационные планы совхозов ученый включил новые способы использования техники: тракторные колонны, применение системы машин (трактор, комбайн, грузовик), таборное выполнение работ, при котором сельскохозяйственная техника, иногда с работниками, остается на ночь в поле, и т.д. Характерно, однако, что проблема индивидуальной мотивации труда, занимавшая ранее одно из центральных мест в творчестве Чаинова, в работах 1928–1930 гг. практически не исследовалась [4. С. 25].

Новая программа Чаинова предусматривала первоочередное создание гигантских (размером в 40–100 тыс. га) централизованно управляемых хозяйств по производству зерна. После простейших с точки зрения организации зерновых совхозов данная форма должна была распространяться в овощеводстве, льноводстве, хлопководстве. Для предприятий каждой отрасли ученым были разработаны дифференцированные технические и организационные нормативы. По Чаинову, всеохватывающая система механизированного земледелия должна была сформироваться довольно быстро – за 10–15 лет.

Внешне, несомненно, конформистская последняя программа Чаинова продиктована не только естественным чувством самосохранения. Советский экономист желал быть полезным стране даже в труднейших условиях «великого перелома» и предложить к реализации конкретные проекты, имеющие практическую ценность для экономики сельского хозяйства. С этим связаны его попытки внедрить научные разработки при организации Дигорского агроиндустриального комбината в Северной Осетии, Еланского и Волковского комбинатов в Тульской области, зернового

совхоза «Гигант» под Ростовом, хлопкового совхоза «Пахта–Арал» в Голодной степи – эти разработки считаются прообразом современных агроиндустриальных комбинатов.

Таким образом, воззрения А.В. Чаинова претерпели значительную эволюцию. На разных этапах он высказывал различные, порой противоположные взгляды [5, 6]. Но в историю экономической мысли А.В. Чаинов вошел как теоретик трудового крестьянского хозяйства и сельскохозяйственной кооперации. Именно в учении о вертикальной крестьянской кооперации, способной сочетать высокую мотивацию к труду отдельной крестьянской семьи и преимущества добровольно создаваемых кооперативов, проявились основные теоретические достижения этого экономиста.

А.В. Чаинов не сторонник увековечивания мелкого крестьянского хозяйства. Однако кооперативный процесс он рассматривает как длительный, но передовой и прогрессивный, подстегиваемый эксплуатацией трудового крестьянства сельским капиталом за счет недоплаты за продукцию крестьянского труда и переплаты за покупаемые крестьянами товары, т.е. диспаритет цен. В этой связи «для крестьянского хозяйства приобретает исключительное значение единственный надежный выход из положения – возможность путем кооперирования многих тысяч хозяйств создавать собственные крестьянские специальные организации, формирующие денежный бюджет крестьянства при помощи создания своих крестьянство обслуживающих и крестьянством управляемых крупнейших торговых аппаратов» [2. С. 123–124]. Следовательно, только в хорошо организованной и поддерживаемой крестьянством кооперации возможно дальнейшее более эффективное сельскохозяйственное производство на расширенной основе.

Среди современных экономических проблем России сегодня, как и сто лет назад, особенно выделяются вопрос продовольственной безопасности страны, проблема развития российской деревни, мелких и средних фермерских хозяйств. Разрабатывая подходы к решению современных проблем, стоит ориентироваться на принцип преемственности в научном познании, анализировать и извлекать из работ наших предшественников – экономистов прошлого определенные идеи, которые могут сегодня помочь в понимании и решении задач сельскохозяйственного комплекса, социально-экономических и демографических проблем российской деревни. Речь идет о системном подходе к решению сельскохозяйственных трудностей. Они не должны ограничиваться только разовыми постановлениями правительства, сводящимися к вопросам инвестирования в село, реструктуризации долгов АПК и к призывам развивать сельское хозяйство. К проблеме необходимо подходить как к значимой и масштабной общественной задаче, состоящей из большого количества элементов, постоянно анализируя каждый из них и оперативно решая возникающие в системе трудности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М. : Наука, 1991. 456 с.
2. Рогалина Н.Л., Громова Н.Н. Концепция крестьянского хозяйства А.В. Чаянова // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2015. № 4. С. 35–46.
3. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М. : Экономика, 1989. 492 с.
4. Чаянов А.В. Краткий курс кооперации. М. : Книжная палата, 1989. 80 с.
5. Борисов Е.Ф. Хрестоматия по экономической теории / сост. Е.Ф. Борисов. М. : Юрист, 2000. 536 с.
6. Мясоедов Б.А. Александр Васильевич Чаянов. Бессмертные идеи великого учёного // Мир новой экономики. 2015. № 1. С. 84–95.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 октября 2018 г.

The Conceptions of Family and Labor Economy and Peasants' Cooperation in Works by A.V. Chayanov

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 137–141.

DOI: 10.17223/15617793/439/17

Olga I. Kovtun, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kovtuolga@yandex.ru

Eseniya K. Yapparova, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: doppelgaggen@gmail.com

Keywords: peasant economy; cooperative movement; labor consumer balance; organizational plan; productivity; income; factors of production.

The article is devoted to the issue of effective functioning of family and labor peasant economy in Russia in the second quarter of the 20th century according to the scientific research of A.V. Chayanov, a Soviet economist and public figure. The aim of the article is to analyze how his system of views on the agriculture economy influenced the reformation of this field and the emergence of centrally managed farms. The use of the method of comparative historical analysis allowed the authors to watch the evolution of the views of the Soviet economist on the key problems of the development of agriculture, the Russian village in the pre-revolutionary period, the era of military communism, NEP and collectivization. His views underwent major changes in the course of life. In his pre-revolutionary works, Chayanov focused on the development of small and medium-sized farms on the basis of the concept of labor balance, which implies a balance of production and natural factors and the desire not to maximize profits of the economic unit, but to increase gross income. The authors analyze what factors are associated with the inapplicability of market criteria and the basic laws of functioning of market subjects to assess the activities of small and medium-sized farms in Russia, which Chayanov wrote about in his first works. The main idea of the researcher in the post-revolutionary period was to carry out an agrarian reform based on the principles of state regulation and progressive taxation, as well as the change of ownership – from large landlords to small and medium-sized labor farms. Special attention is paid to the problems and conditions of development of peasant cooperation as a vertical integration of peasant farms in order to more effectively integrate them into the system of market relations. During his work at the Institute of Agricultural Agronomy, Chayanov was engaged in rational methods of farming, which was especially important for solving food problems of the young Soviet state. He wrote a special work on the intensification of the agrarian economy in the region of non-black earth and the Russian North. Important economic problems of large agricultural regions Chayanov discussed and proposals he made in this regard were the specialization of regions in economically profitable cultures, a rational combination of industries with their subordination to the industry that produces the most profitable products in the region. In conclusion, the authors analyzed Chayanov's practical activities in the development of an agro-industrial complex (agribusiness) in the Soviet economy. Many of his economic paradigms and practical projects were implemented, although sometimes in a somewhat truncated format: the development of a new program to prioritize the establishment of large-scale centrally managed crop farms.

REFERENCES

1. Chayanov, A.V. (1991) *Osnovnye idei i formy organizatsii sel'skokhozyaystvennoy kooperatsii* [The main ideas and forms of organization of agricultural cooperation]. Moscow: Nauka.
2. Rogalina, N.L. & Gromova, N.N. (2015) Kontseptsiya krest'yanskogo khozyaystva A.V. Chayanova [The concept of peasant economy of A.V. Chayanov]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 8. Istoriya*. 4. pp. 35–46.
3. Chayanov, A.V. (1989) *Krest'yanskoe khozyaystvo. Izbrannye trudy* [Peasant economy. Selected Works]. Moscow: Ekonomika.
4. Chayanov, A.V. (1989) *Kratkiy kurs kooperatsii* [Brief course of cooperation]. Moscow: Knizhnaya palata.
5. Borisov, E.F. (2000) *Khrestomatiya po ekonomicheskoy teorii* [Reader on economic theory]. Moscow: Yurist'.
6. Myasoedov, B.A. (2015) Alexander Vasilievich Chayanov. Immortal Ideas of a Great Scientist. *Mir novoy ekonomiki – WORLD OF New Economy*. 1. pp. 84–95. (In Russian).

Received: 23 October 2018

К.Б. Корженевский

ФОРМИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РСФСР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг. (на примере районирования западносибирских губерний)

Рассматриваются вопросы районирования Западной Сибири в 1920-х гг., которые подразумевали проектную деятельность по созданию Обской и Кузнецко-Алтайской областей, а также практическое проведение низового районирования в западносибирских губерниях. Предпринята попытка, на основе архивных документов, выявить особенности реализации проекта Госплана по экономическому районированию РСФСР на территории Западной Сибири, подконтрольной Сибревком.

Ключевые слова: районирование; Сибревком; Госплан; Западная Сибирь; Омская губерния; Обская область; Кузнецко-Алтайская область.

События революционного 1917 г. послужили толчком к серии административно-территориальных изменений в Советской России. Границы вновь создаваемых губерний, уездов и волостей были зачастую случайны и не всегда соответствовали создавшейся экономической конъюнктуре. Естественно, что целесообразное деление территории требовало большой проработки данного вопроса и установления принципов районирования [1. Л. 134]. Однако в условиях восстановления разрушенной страны невозможно было моментально изменить все. Для этого требовались много сил, времени и денежное обеспечение.

Первое конкретное использование экономического районирования имело место в плане ГОЭЛРО. В основу было положено энергетическое ядро, базирующееся на трех главных принципах: электрификации, энергопроизводственном районировании и формировании транспортной инфраструктуры [2. С. 62]. Изучение вопросов экономического районирования было продолжено в работах Госплана, созданного как преемник методов работы комиссии ГОЭЛРО с апреля 1921 г. наряду с административной комиссией ВЦИК, занимавшейся разработкой подобного рода вопросов [3. С. 54].

К концу 1921 г. административной комиссией ВЦИК и Госпланом были созданы проекты районирования РСФСР, имевшие небольшие различия. Центры проектируемых субъектов в обоих вариантах совпадали, но присутствовали расхождения в границах областей. Административная комиссия ВЦИК предлагала в основу положить принцип жесткой специализации регионов без учета экономического развития этносов. Это вызвало критику со стороны Совета национальностей при Наркомнаце [4. Л. 125]. Проект Госплана был основан на тех же подходах, на которые опиралась комиссия ГОЭЛРО, а именно на хорошей транспортной связи районов, развитии в пределах проектируемых областей только тех видов производства, на которые будет затрачено наименьшее количество ресурсов, а также на учете энергетического принципа объединения хозяйств [3. С. 55–56].

4 ноября 1921 г. доклад Госплана о районировании был заслушан в СТО, после чего последовало обращение в президиум ВЦИК с предложением образовать комиссию с участием представителей Наркоматов, губерний и автономий. 10 ноября при президиуме

ВЦИК была создана комиссия для разработки проекта районирования под председательством М.И. Калинина [5. С. 42]. На XII съезде РКП (б) в апреле 1923 г. вопрос о районировании был поставлен А.И. Рыковым как задача очередная и незамедлительная [3. С. 60]. Съездом была принята резолюция «О районировании», которая дала толчок к реализации запланированной Госпланом масштабной работы [6. С. 697–698].

Районированием сибирских территорий занималась комиссия при Сибревкоме под руководством профессора Н.П. Огановского. В 1921 г. в связи с образованием Сибирского экосо комиссия перешла в его ведомство [7. С. 67]. Изначально в основу проектов был положен уровень развития сельскохозяйственного производства в Сибири с учетом признаков физико-географического характера [8. С. 195]. С августа 1920 г. постановлением Сибревкома было предложено при разработке нового административного деления взять за основу систему районов экономического тяготения [9. Л. 30].

Согласно проекту Госплана на территории Западной Сибири планировалось создание двух областей: Кузнецко-Алтайской и Обской. В Кузнецко-Алтайскую должны были войти Томская, Новониколаевская и Алтайская губернии, Ойратская автономная область и юго-западная часть Енисейской губернии [10. С. 13]. Обская область была спроектирована в составе Омской, северо-западной части Новониколаевской, Тюменской, частей Челябинской и Актмолинской губерний, а также Нарымского края [11. Л. 40].

Кузнецко-Алтайская область была запроектирована как будущий мощный «промышленно-сельскохозяйственный комбинат» с преобладающим развитием горной промышленности [12. С. 162]. Западносибирской секцией область была разделена на 7 округов: Новониколаевский, Барнаульский, Кузнецкий, Бийский, Мариинский, Томский и Ойратский [13. С. 163]. Районно-волостное деление Кузнецко-Алтайской области разрабатывалось сразу в трех губпланах: Томском, Новониколаевском и Алтайском. Руководство всеми работами по низовому районированию осуществлял Томский губплан [Там же. С. 165].

Намеченная Госпланом Обская область имела по характеру производства ярко выраженное сельскохо-

зяйственное назначение с тремя основными направлениями: земледельческим, животноводческим и лесоводческим [14. Л. 47]. В территорию запроектированной Обской области входила вся Западно-Сибирская низменность, которую разделили на южный земледельческий, средний животноводческий и северный лесоводческий и рыболоводческий районы [13. С. 160].

Все подготовительные работы по организации Обской области в составе Омской, Тюменской (за исключением района Тавды, освоенного Уральской областью) губерний, Курганского уезда Челябинской губернии, Петропавловского уезда Акмолинской губернии и Каинского уезда Новониколаевской губернии были возложены Госпланом на Омскую губплановую комиссию [15. Л. 8]. Омским губпланом будущая область, не считая территории спорного Петропавловского уезда, была разделена на 8 округов: Омский, Тюменский, Тобольский, Курганский, Ишимский, Тарский, Татарский и Славгородский [13. С. 160–161].

В конце марта 1923 г. состоялся I съезд плановых органов Сибири, на котором была принята резолюция, где высказывается пожелание о необходимости немедленного развертывания работ плановых органов Сибири [15. Л. 21]. В то же время, во избежание разрыва установившихся внутрисибирских хозяйственных связей, ограничились лишь подготовительной проработкой вопроса районирования, начиная его снизу, с укрепления волостей, внося ряд поправок к проекту Госплана, поскольку он касался территории, подчиненной Сибревкому [10. С. 14].

В ноябре 1923 г. ВЦИК постановил образовать Уральскую область с районно-окружным делением, объединив территории Екатеринбургской, Тюменской, Пермской и Челябинской губерний [16]. Уральская область была первым субъектом СССР, где Госпланом было проведено районирование по естественно-историческим и социально-экономическим признакам [17. С. 413]. Уральская область в административном отношении разделялась на 15 округов, в том числе в нее вошли спорные с Сибирью Тюменский, Курганский и Ишимский округа [18. С. 2].

В 1924 г. появились сомнения в необходимости создания Обской и Кузнецко-Алтайской областей, начался поиск других возможных вариантов районирования. В процессе работ, не отрицая правильности проекта Госплана, Сибпланом и Сибревкомом было признано необходимым подойти к выполнению его в форме создания единой области на территории Сибревкома [10. С. 14]. К концу 1924 г. районирование подконтрольной Сибревкому территории Сибири велось исключительно в области укрупнения волостей [19. Л. 14 а]. С созданием Уральской области, в которую вошла большая часть западносибирской территории, стали бессмысленны все работы по созданию Обской области, и к началу 1925 г. проектная деятельность была свернута. Начались подготовительные работы по образованию единой административно-территориальной единицы под контролем Сибревкома [20. Л. 135].

Подход к практической реализации проекта Госплана на территории Западной Сибири, подконтроль-

ной Сибревкому, был начат снизу, с укрупнения волостей. Экономическое планирование требовало от всех звеньев административно-территориальной структуры государства быть экономически крепкими, что было не по силам старой волости по причине ее маломощности, малой организованности, недостаточности кадров способных работников [10. С. 14]. Еще в дореволюционный период в земских кругах возникала идея о всесословной волости, площадь которой должна быть несколько увеличена, а функциям ее придан более хозяйственный и культурный характер, но поскольку такая волость могла поставить под вопрос существование самого уезда, эта идея оставалась лишь на бумаге [21. С. 14]. После ряда практических работ в центре и на местах оказалось, что наиболее приемлемым для создания района являлся метод хозяйственного тяготения. Для объединения разрозненных крестьянских хозяйств этот способ давал возможность создать необходимые формы экономического единения [Там же. С. 56].

IX Всероссийским Съездом Советов и ВЦИК IX созыва были внесены предложения о сокращении в целях экономии средств и сил числа административных единиц, чрезмерно увеличившихся за период революции. Причем сокращение это в первую очередь должно было коснуться именно волостей. 26 сентября 1922 г. был издан циркуляр, который настоятельно предлагал губерниям составить и выслать до 1 февраля 1923 г. в адрес административной комиссии ВЦИК губернский план сокращения уездов и волостей [22. Л. 38]. На основании этого документа 23 ноября 1922 г. Сибревком принял постановление, согласно которому губернским административным комиссиям предлагалось представить в Сибирскому административную комиссию к 1 января 1923 г. проект сокращения административных единиц губернии (уездов и волостей) по согласованию с исполкомами [Там же. Л. 42].

На примере Омской губернии рассмотрим процесс низового административного районирования в Сибири. Согласно директивам сверху в 1923 г. в Омской губернии начались подготовительные работы по организации районной территориальной системы. В апреле 1923 г. Омский губисполком утвердил проект укрупнения волостей, разрешив исполкомам проводить работу под наблюдением планкомиссии [11. Л. 6]. Согласно проекту в Омской губернии должны были образоваться 54 укрупненных район-волостей: 11 – в Тарском, 4 – в Тюкалинском, 4 – в Калачинском, 16 – в Омском, 8 – в Татарском и 11 – в Славгородском уездах [Там же. Л. 11–16]. Намечаются сроки районирования в Омской губернии. Сначала предполагалось было провести укрупнение волостей к 20 июня 1923 г. без дробления таковых, а к 20 июля закончить работы по основному проекту, произведя передачу и частей дробящихся волостей [23. Л. 26]. Однако воплотиться в жизнь данному проекту в 1923 г. не было суждено, так как согласно постановления ВЦИК от 27 апреля 1923 г. в целях наиболее планомерной подготовки к проведению продналоговой кампании с 15 мая 1923 г. по 1 января 1924 г. должна была быть прекращена любая ра-

бота по передаче уездов, волостей, а также отдельных районов и селений из одного уезда или волости в другие [11. Л. 110 д].

29 июня 1923 г. II сессия ВЦИК X созыва постановила произвести областное и окружное, районное и волостное районирование [14. Л. 9], но так как действовал запрет на какие-либо изменения административно-территориальных границ, в сибирских губерниях велась лишь подготовительная работа. В октябре 1923 г. была издана инструкция ВЦИК и СНК, согласно которой обозначались временные границы фактической передачи территорий – с 15 августа по 1 октября, но в виде исключения было разрешено производить эту работу также в течение января и февраля 1924 г. [24. Л. 133].

К началу 1924 г. большинство сибирских губерний, по мнению представителей Сибревкома, были подготовлены к переходу на систему укрупненных волостей [Там же. Л. 15]. Сибревком в начале января отправил во ВЦИК ходатайство о предоставлении сибирским губерниям возможности вводить новое волостное деление с последующим отправлением проектов и материалов в административную комиссию ВЦИК [Там же]. Согласно постановлению президиума ВЦИК от 4 февраля 1924 г. Сибревкому было предоставлено право самостоятельно разрешать укрупнение волостей в сибирских губерниях с последующим утверждением президиума ВЦИК [25. Л. 16].

В начале 1924 г. Омский губисполком распорядился начать планирование укрупнения волостей с 15 января текущего года [14. Л. 11]. Однако к районированию Омской губернии приступили лишь 1 февраля 1924 г. Основные работы были закончены к 1 апреля 1924 г. [26. С. 12], после чего Омский губисполком направил этот план на утверждение в Сибревком, а также в Сибплан и административную комиссию при президиуме ВЦИК [24. Л. 48]. Из Москвы последовал ответ в Омск и Новониколаевск, что Сибревком обязан в дальнейшем пересылать в административную комиссию ВЦИК копии всех отправляемых ему губернских проектов с заключениями и замечаниями Сибревкома [25. Л. 16].

В течение лета 1924 г. план укрупнения волостей, предоставленный в Сибревком, задерживался в утверждении из-за нехватки фактических материалов по проводимому районированию [24. Л. 93]. IV сессией Омского губисполкома 22–27 августа 1924 г. был утвержден состав районоволостей [25. Л. 30], после чего материалы по проведенному низовому районированию были направлены на утверждение Сибревкома.

24 сентября 1924 г. Сибревком постановил утвердить состав районов с небольшими изменениями, в том числе с необходимостью включить Добровольскую волость Каменского уезда Новониколаевской губернии в состав Знаменского района Славгородского уезда [24. Л. 103]. После этого проект районно-волостного деления Омской губернии в количестве 51 волости был отправлен на утверждение ВЦИКа [25. Л. 30].

4 октября 1924 г. Омским губисполкомом был направлен в уезды циркуляр, согласно которому предлагалось неуклонно руководствоваться утвер-

жденным Сибревкомом составом районов, не допуская никаких изменений без предварительного разрешения губисполкома и ВЦИКа [27. Л. 105]. В итоге на конец 1924 г. в Омской губернии числился 51 район в 6 уездах [24. Л. 110].

В основу районирования Омской губернии был положен проект, созданный губисполкомом. Однако в процессе работы пришлось признать, что, с одной стороны, отдельные районы получились чересполосными, а с другой – некоторые селения не имеют экономического тяготения к району, в состав которого были изначально отнесены [14. Л. 77]. В силу этого в проект губисполкома вносились изменения, в результате чего низовое районирование было проведено успешно, но с большими отступлениями от первоначального плана.

27 марта 1924 г. Сибревком утвердил образование укрупненных волостей районов в Алтайской губернии, во второй половине 1922 г. укрупнение волостей было проведено в Новониколаевской губернии, которое Сибревком утвердил 12 сентября 1924 г., а в Томской губернии Сибревком утвердил проект создания районов 4 сентября 1924 г. [28. С. 21, 48, 66].

Районирование на территории Сибири, подконтрольной Сибревкому, в части укрупнения волостей было завершено к концу 1924 г. [10. С. 14]. В результате в сибирских губерниях вместо 838 прежних волостей образовалось 245 районов [29. Л. 3, 3 об., 8–12]. Укрупненные волости должны были строиться на основе экономического тяготения и организации целостных экономических низовых районных единиц [17. С. 16]. Однако на практике не везде удавалось следовать этому правилу, большое значение имели экономические, политические, а также национальные особенности Западно-Сибирского региона.

Необходимость эффективных изменений в системе административно-территориального деления дала толчок к разработке перспективных проектов. Проект Госплана обозначил задачи, которые должны были в конечном итоге привести к экономической модернизации страны. Однако в силу незаконченности разработок, а также противодействия автономий были реализованы лишь отдельные части этого проекта.

Западносибирские области, запланированные проектом Госплана, так и не были созданы, остались лишь в теоретических разработках. Существование национальных административных единиц, таких как Казахская АССР, а также несовершенство административно-территориальной политики советского руководства в первой половине 1920-х гг. не позволили воплотить в жизнь проект Госплана в полной мере и сформировать правильные экономические границы районов. В то же время проект Госплана дал толчок к дальнейшему развитию и совершенствованию проектов административно-территориального устройства РСФСР.

К началу 1925 г., после того как было успешно проведено низовое районирование в западносибирских губерниях, начались подготовительные работы по образованию единой административно-территориальной единицы под контролем Сибревкома.

25 мая 1925 г. Президиум ВЦИК издал постановление об образовании Сибирского края с центром в г. Новониколаевске из губерний: Омской, Новониколаевской, Алтайской, Томской, Енисейской и Автономной области Ойратии с переходом от губернского деления на окружное и районное [20. Л. 135]. Тем

самым, после продолжительных обсуждений различных проектов по совершенствованию административно-территориальной системы в Западной Сибири, было создано новое административное образование – Сибирский край, призванное развивать экономическую мощь Советского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исторический архив Омской области (далее ИАОО). Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 74.
2. Колосовский Н.Н. Основы экономического районирования. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. 200 с.
3. Кокшаров В.А. Юго-восточная граница России: исторический путь к согласию / В.А. Кокшаров, Е.В. Тиханова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. 259 с.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 216.
5. Районирование СССР: сб. материалов по районированию с 1917 по 1925 г. / под ред. К.Д. Егорова. М.; Л.: Плановое хозяйство, 1926. 307 с.
6. Двенадцатый съезд РКП (б). 17–25 апреля 1923 года: Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968. 904 с.
7. Казарин В.Н. Административно-территориальные преобразования в период «Сибревкомовской Сибири» // Иркутский историко-экономический ежегодник, 2013. С. 67–78.
8. Огановский Н.П. Районирование Западной Сибири // Жизнь Сибири. 1922. № 4. С. 194–196.
9. ИАОО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 89.
10. Вся Сибирь, со включением Уральской области: справочная и адресная книга на 1925/26 г.: с приложением карты Азиатской части СССР и планами городов: Ново-Николаевска, Омска, Томска, Барнаула, Красноярска, Иркутска, Читы, Благовещенска, Владивостока и Свердловска. М.: Известия ЦИК СССР и ВЦИК, 1925. 606 с.
11. ИАОО. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 379.
12. Положение главных отраслей народно-хозяйственной жизни Сибири и ближайшие ее задачи. Районирование Западной Сибири // Плановое хозяйство. М., 1924 г. № 1–2. С. 160–178.
13. Миротворцев Н. Районирование Западной Сибири // Бюллетени Госплана. М., 1923. № 8–9. С. 160–168.
14. ИАОО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 205.
15. ИАОО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 259.
16. Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК, 1923. 4 ноября. № 253.
17. Весь СССР: экономический, финансовый, политический и административный справочник / под ред. проф. М.Г. Бронского и проф. М.А. Сиринова; Финансово-экономическое бюро НКФ СССР. М., Л.: Гос. изд-во, 1926. 1269 с.
18. Материалы по районированию Урала. М.: Издание Уралэко, 1923. Т. 1. 30 с.
19. ИАОО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 734.
20. ИАОО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 53.
21. Александров И.Г. Основы хозяйственного районирования СССР. М.; Л.: Экономическая жизнь, 1924. 44 с.
22. ИАОО. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 344.
23. ИАОО. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 369.
24. ИАОО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 618.
25. ИАОО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 548.
26. Путеводитель. Государственный архив Омской области и его филиал в г.Таре. Часть вторая. Омск, 1987. 291 с.
27. ИАОО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 160.
28. Административно-территориальное деление Сибири (август 1920 г. – июль 1930 г.), Западной Сибири (июль 1930 г. – сентябрь 1937 г.), Новосибирской области (с 1937 г.): справочник. Новосибирск, 1966. 220 с.
29. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1122.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 августа 2018 г.

Formation of the Administrative and Territorial System of the RSFSR in the First Half of the 1920s (On the Example of Zoning of the West Siberian Provinces)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 142–146.

DOI: 10.17223/15617793/439/18

Konstantin B. Korzhenevskiy, Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail: KOnstantin_Lg@mail.ru

Keywords: zoning; Sibrevkom; Gosplan; Western Siberia; Omsk Province; Ob Oblast; Kuznetsk-Altai Oblast.

The article is devoted to the study of the problem of forming the system of administrative-territorial division of the Soviet state according to the materials of Western Siberia. Questions of regional zoning in the 1920s, which included project activities for the Ob and Kuznetsk-Altai Oblasts, as well as for lower-level zoning, are discussed. The stages of the development of administrative and territorial projects at the highest state level, based on economic factors, are shown. The author made an attempt to reveal the specifics of the implementation of the Gosplan project on the economic zoning of the RSFSR in the territory of Western Siberia controlled by Sibrevkom according to archival documents. According to this project, in the territory of the region, it was planned to establish two regions: Kuznetsk-Altai and Ob. Kuznetsk-Altai Oblast was designed as a future powerful industrial-agricultural combine. Ob Oblast, planned by the State Planning Committee, had a pronounced agricultural purpose in terms of the nature of production. In practice, the project was launched from the bottom, with the enlargement of the regions. After the creation in 1923 of the Urals Oblast, which included most of the West Siberian territory, the project activity for the creation of two Siberian regions was completed. Preparatory work began on the formation of a unified Siberian region. The article contains detailed information on the conduct of lower-level zoning in Western Siberia using the example of Omsk Province. Despite the fact that the district that replaced the volost was to be built on the basis of economic gravitation, in practice, it was not possible to follow this rule everywhere in the process of lower-level zoning. Of great importance was the novelty of the regional division of the provinces, as well as economic, political and national peculiarities of the region. This article shows the relationship between different levels of government and the main problems the

provincial leadership faced while implementing the central government's decisions regarding lower-level administrative zoning. It is concluded that the West Siberian regions planned by the Gosplan project were never created, remaining only in theoretical developments due to the existence of national administrative units such as the Kazakh ASSR, to imperfections in the administrative and territorial policy of the Soviet leadership in the first half of the 1920s. It should be added that the draft of the State Planning Commission gave the reason for the further development and improvement of the projects of the administrative and territorial structure of the RSFSR, which was embodied in the creation of a single economic region in Western Siberia – Siberian Krai.

REFERENCES

1. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund R-32. List 1. File 74. (In Russian).
2. Kolosovskiy, N.N. (1958) *Osnovy ekonomicheskogo rayonirovaniya* [Basics of economic zoning]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
3. Koksharov, V.A. & Tikhanova, E.V. (2012) *Yugo-vostochnaya granitsa Rossii: istoricheskiy put' k soglasiyu* [Southeastern frontier of Russia: the historical path to harmony]. Yekaterinburg: Ural State University.
4. State Archive of the Russian Federation. Fund R-1318. List 1. File 216. (In Russian).
5. Egorov, K.D. (ed.) (1926) *Rayonirovanie SSSR: sb. materialov po rayonirovaniyu s 1917 po 1925 g.* [Zoning of the USSR: materials on zoning from 1917 to 1925]. Moscow; Leningrad: Planovoe khozyaystvo.
6. Politizdat. (1968) *Dvenadtsatyy s'ezd RKP (b). 17–25 aprelya 1923 goda: Stenograficheskiy otchet* [The twelfth Congress of the RCP (b). 17–25 April 1923: Verbatim Report]. Moscow: Politizdat.
7. Kazarin, V.N. (2013) Administrativno-territorial'nye preobrazovaniya v period "Sibrevkomovskoy Sibiri" [Administrative-territorial transformations in the period of "Sibrevkom Siberia"]. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik*. 15. pp. 67–78
8. Oganovskiy, N.P. (1922) Rayonirovanie Zapadnoy Sibiri [Zoning of Western Siberia]. *Zhizn' Sibiri*. 4. pp. 194–196.
9. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund R-26. List 1. File 89. (In Russian).
10. Izvestiya TsIK SSSR i VtsIK. (1925) *Vsya Sibir', so vkhlyucheniem Ural'skoy oblasti: spravochnaya i adresnaya kniga na 1925/26 g.: s prilozheniem karty Aziatskoy chasti SSSR i planami gorodov: Novo-Nikolaevska, Omska, Tomska, Barnaula, Krasnoyarska, Irkutsk, Chity, Blagoveshchenska, Vladivostoka i Sverdlovsk* [All of Siberia, with the inclusion of Ural Oblast: reference and address book for 1925/26: with the annex of the map of the Asian part of the USSR and the plans of the cities: Novo-Nikolaevsk, Omsk, Tomsk, Barnaul, Krasnoyarsk, Irkutsk, Chita, Blagoveshchensk, Vladivostok and Sverdlovsk]. Moscow: Izvestiya TsIK SSSR i VtsIK.
11. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund R-32. List 1. File 379. (In Russian).
12. Planovoe khozyaystvo. (1924) Polozhenie glavnykh otrasley narodno-khozyaystvennoy zhizni Sibiri i blizhayshie ee zadachi. Rayonirovanie Zapadnoy Sibiri [The position of the main branches of the national economic life of Siberia and its immediate tasks. Zoning of Western Siberia]. *Planovoe khozyaystvo*. 1–2. pp. 160–178.
13. Mirotvortsev, N. (1923) Rayonirovanie Zapadnoy Sibiri [Zoning of Western Siberia]. *Byulleteni Gosplana*. 8–9. pp. 160–168.
14. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund R-150. List 1. File 205. (In Russian).
15. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund R-27. List 1. File 259. (In Russian).
16. *Izvestiya TsIK Soyuza SSR i VtsIK*. (1923). 4 November. 253.
17. Bronskiy, M.G. & Sirinov, M.A. (eds) (1926) *Ves' SSSR: ekonomicheskij, finansovyy, politicheskij i administrativnyy spravochnik* [All USSR: economic, financial, political and administrative reference book]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo.
18. Didkovskiy et al. (1923) *Materialy po rayonirovaniyu Urala* [Materials on the zoning of the Urals]. Vol. 1. Moscow: Izdanie Uralekoso.
19. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund R-27. List 1. File 734. (In Russian).
20. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund R-28. List 1. File 53. (In Russian).
21. Aleksandrov, I.G. (1924) *Osnovy khozyaystvennogo rayonirovaniya SSSR* [Basics of economic zoning of the USSR]. Moscow; Leningrad: Ekonomicheskaya Zhizn'.
22. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund R-32. List 1. File 344. (In Russian).
23. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund R-32. List 1. File 369. (In Russian).
24. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund R-27. List 1. File 618. (In Russian).
25. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund R-27. List 1. File 548. (In Russian).
26. Kolesnikov, A.S. (ed.) (1987) *Putevoditel'. Gosudarstvennyy arkhiv Omskoy oblasti i ego filial v g.Tare* [Guide. The State Archive of Omsk Oblast and its branch in Tara]. Pt. 2. Omsk: Kn. izd-vo.
27. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund R-150. List 1. File 160. (In Russian).
28. Astrakhantseva, I.F. et al. (1966) *Administrativno-territorial'noe delenie Sibiri (avgust 1920 g. – iyul' 1930 g.), Zapadnoy Sibiri (iyul' 1930 g. – sentyabr' 1937 g.), Novosibirskoy oblasti (s 1937 g.): spravochnik* [Administrative-territorial division of Siberia (August 1920 – July 1930), Western Siberia (July 1930 – September 1937), Novosibirsk Oblast (since 1937): a handbook]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.
29. State Archive of Novosibirsk Oblast. Fund R-1. List 1. File 1122. (In Russian).

Received: 14 August 2018

Е.Н. Костылева

ПРОБЛЕМЫ РАСШИРЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЕЛЬНОГО ФОНДА В ТРУДАХ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ О НУЖДАХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (по материалам Рязанской губернии)

Рассматриваются проблемы увеличения крестьянского землевладения в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. На примере деятельности Рязанского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности раскрывается специфика хозяйственно-экономического развития региона, выявлены особенности решения аграрного вопроса в губернии. Доказывается, что отношение рязанских гласных к общинной системе землепользования зависело от плодородия почвы конкретного уезда, а общим в деятельности местных комитетов являлась ставка на финансовую помощь правительства и земства. Автор приходит к выводу, что предложения Рязанского комитета предвосхитили основные положения Столыпинской аграрной реформы.

Ключевые слова: аграрное перенаселение; земельное обеспечение; крестьянские хозяйства; община; Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности; Рязанская губерния.

В конце XIX – начале XX в. основой экономической политики Российской империи стал форсированный рост промышленного производства. Он требовал значительных денежных вливаний из сельскохозяйственной сферы страны, поэтому в 1898–1899 гг. в центре внимания министра финансов Российской империи оказались проблемы аграрного сектора. С.Ю. Витте полагал: чтобы народ не голодал, а его труд был производительным, нужно дать ему возможность трудиться, предоставить гражданские права и подчинить «общим нормам» [1. С. 635]. Главным шагом на пути реформирования сельского хозяйства Российской империи должно было стать предоставление крестьянам права свободного выхода из общины и закрепление за ними наделной земли в личную собственность.

Одной из главных хозяйственных инициатив С.Ю. Витте стало создание Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, начавшего свою работу 22 января 1902 г. Его главной задачей было выявление хозяйственно-экономических проблем отдельных регионов Российской империи и создание правовой базы для подъема крестьянских хозяйств. Основной проблемой Особого совещания стал поиск путей расширения крестьянского земельного фонда. Хронологически изучение проблем деятельности особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности в Российской империи целесообразно разделить на три периода.

К первому относятся дореволюционные исследования с начала XX в. по 1917 г. Главным источником для изучения деятельности Особого совещания в Рязанской губернии служат «Труды местного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности» [2]. Они включают Журналы заседаний губернского и уездных комитетов, а также личные доклады и записки участников работы Совещания. Данные материалы позволяют не только проследить общие тенденции развития экономики и аграрной политики в Рязанской губернии, но и выявить поуездную специфику уровня развития сельского хозяйства в регионе. Персонифицированная информация дает возможность выделить консервативные, радикальные и либеральные группы в местной политической структуре общества, а также

проследить их влияние на экономические реформы в Рязанской губернии.

Ко второму периоду относятся труды, изданные советскими историками. В них деятельность Особого совещания рассматривается как отдельный этап крестьянской политики самодержавия, а функционированию местных комитетов не уделяется должного внимания. Для исследователей данного периода важны итоговые положения работы Особого совещания, непосредственно связанные с финансовыми реформами С.Ю. Витте и являющиеся предпосылками аграрных преобразований П.А. Столыпина.

В частности, крупнейший советский историк М.А. Анфимов утверждает, что накануне Первой русской революции аграрная политика царизма находилась в глубочайшем кризисе, а самодержавие являлось «крупнейшим тормозом социально-экономического развития страны» [3]. М.С. Симонова отмечает, что Труды Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности служат обширной базой для исследования эволюции крестьянского правосознания. По мнению автора, состав его конечной структуры и местных комитетов был подобран так, чтобы обеспечить преобладание помещичьего дворянства и доказать неспособность власти разработать и провести аграрные реформы в стране [4].

К третьему периоду относятся исследования современных авторов. В них предпринимаются попытки дать объективную оценку деятельности Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности в Российской империи в начале XX в. Особое внимание уделяется общей финансово-экономической ситуации в стране, что позволяет рассмотреть работу Совещания в контексте объективных исторических условий. Это труды И.К. Щербаковой [5], Н.Б. Колесова [6], И.Д. Самолетова [7], Б.М. Миронова [8], В.Д. Лебедева [9].

Целью данной работы является выявление специфики деятельности Рязанского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности в контексте решения аграрных проблем в регионе.

Программа Особого совещания, составленная видным российским государственным деятелем, ученым и предпринимателем В.И. Ковалевским, была направлена

на распространение сельскохозяйственных знаний, подъем ведущих товарных отраслей аграрного сектора экономики и улучшение правового положения крестьян Российской империи. В основной состав Совещания вошли министр внутренних дел В.К. Плеве и министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов. Также были приглашены 19 сенаторов и видные специалисты в области экономики и права: Д.И. Пихно – российский политический и государственный деятель, А.И. Петражицкий – ученый, правовед, социолог, философ, депутат первой Государственной думы, российские экономисты и земские статисты – И.И. Иванюков и Н.А. Каблуков [10. Л. 138].

9 февраля 1902 г. были образованы местные комитеты о нуждах сельскохозяйственной промышленности. В губернские комитеты, возглавляемые губернатором, вошли губернский и уездный предводитель дворянства, члены губернских земских управ и управляющие казенными палатами. В уездные комитеты, возглавляемые местными предводителями дворянства, вошли видные земские и общественные деятели, а также представители от крестьянского сословия. Всего в Российской империи функционировало 82 губернских и 536 уездных комитетов численностью более 12 тыс. человек [2. С. 6].

В соответствии с общероссийской тенденцией деятельность Рязанского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности осуществлялась на губернском и уездном уровне. Высшей инстанцией являлся Губернский комитет, состоящий из четырех комиссий – юридической, агрономической, экономической и бытовой. Они занимались систематизацией сведений, собранных уездными комитетами и отражающих хозяйственную специфику каждого региона. Уездные комитеты выполняли самую сложную, «черновую» работу: из предоставленных ими данных комиссиями составлялась специальная «сводка мнений», соответствующая пунктам программы Особого совещания. Она передавалась на рассмотрение Общей рязанской комиссии, а итоговый доклад, составленный на основе принятых ею тезисов, выносился на обсуждение Губернского комитета [2. С. 6].

Задачи, возлагаемые на местные комитеты, прописывались в Циркулярах от 28–31 мая 1902 г., составленных С.Ю. Витте [12. Л. 38]. Под давлением министров внутренних дел – Д.С. Сипягина и В.К. Плеве, программа Особого совещания была значительно урезана: из ведения местных комитетов исключались вопросы, касающиеся общих условий крестьянского землепользования, а также «меры к содействию правительства», направленные на улучшение сельского хозяйства. Вопрос о расширении крестьянского землепользования также оставался вне поля зрения Особого совещания. В результате комплексное обсуждение крестьянского вопроса было сведено к решению отдельных проблем: агротехническое усовершенствование в деревне, упорядочение внутренней и внешней торговли, улучшение условий аренды земли, развитие подсобных промыслов, доступность сельскохозяйственного кредита.

С.Ю. Витте понимал, что без обсуждения главного земельного вопроса деятельность Особого совещания

будет неэффективной и сведется к долгой и беспочвенной дискуссии [11. Л. 44 об.]. Поэтому министр финансов намеренно оставил своеобразные «законодательные лазейки», расширив круг вопросов, обсуждаемых местными комитетами. В дополнительных Циркулярах указывалось, что региональные представительства вряд ли смогут «удержаться в пределах правительственной программы», поэтому комитетам разрешено рассматривать все те проблемы, «решение которых привело бы к подъему местного сельского хозяйства». Издание «Правительственный вестник» за 1902 г. сообщает: «следует передать Комитетам программу с просьбой указать на ее пробелы и представить соображения по отдельным мероприятиям, которые, по их мнению, имеют существенное для данной местности значение» [12. Л. 8–9 об.].

В Российской империи сельское хозяйство напрямую зависело от природно-климатических условий. Известный дореволюционный экономист-аграрий А.Б. Гильбих утверждает, что «чем более перемены в течение лета от сухой погоды на влажную, тем вернее оказывается падеж скота, тогда и наступают повальные болезни» [13. С. 198].

Как и в целом по России, во второй половине XIX в. основу крестьянского хозяйства в Рязанской губернии составляло наделное землепользование. Трехполье и принудительный севооборот с ограниченным набором культур являлись дестабилизирующими экономическими факторами [14. С. 835]. Крупный рязанский помещик О.Н. Рюмин указывает, что быт сельских производителей в губернии «веками оставался неизменным, а крестьяне придерживались старой рутинной системы хозяйствования» [13. С. 201–203]. Рязанский землевладелец и известный земский деятель А.К. Дворжак утверждает, что основная часть местных крестьянских хозяйств была маломощна, а «инвентарь находится в плохом состоянии» [Там же].

В ходе отмены крепостного права материальные интересы дворянства были решены исключительно за счет крестьянского сословия. Крупный дореволюционный экономист А.Н. Зак подчеркивает, что после 1861 г. большинство помещиков не обладали ни практическими знаниями, ни достаточными сбережениями, необходимыми для организации сельского хозяйства «на новых началах» [15. С. 4–5]. Возврат дворянских долгов казне был связан с крестьянской выкупной операцией. К 1881 г. в счет долга помещиков казенным банкам было удержано 302,7 млн руб., или 40% от выданных крестьянам выкупных ссуд [16. С. 151]. В записке, представленной министром финансов И.А. Вышнеградским в Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, указывается, что с 1861 по 1901 г. крестьянская выкупная операция принесла около 62 млн руб. прибыли, которую «обратили на общегосударственные нужды» [17. С. 23].

Уменьшение крестьянских наделов было связано с появлением «отрезков» – земли, изъятой помещиками у сельских производителей в ходе отмены крепостного права. В Рязанской губернии они составляли 16,8% от общего объема пашни, причем наибольшее количе-

ство «отрезанной» земли – 28% – приходилось на земледельческий Сапожковский уезд [18. Л. 17 об.]. В этой ситуации община выступала в роли коллективного земельного собственника: участки разного расположения и качества дробились на равноценные доли с целью обеспечения справедливого распределения пашни между всеми ее членами. В «Очерках аграрной политики царского правительства» отмечается, что по итогам 1861 г. местные аграрные производители получили 346 тыс. участков, более половины которых составляли 2–3 дес. Такого количества земли было недостаточно для ведения производительного крестьянского хозяйства [19. Л. 2 об.].

Во второй половине XIX – начале XX в. в Российской империи крестьяне могли расширить свои земельные владения тремя способами. Во-первых, приобрести участок при содействии Крестьянского поземельного банка – это государственное ипотечное учреждение, выдававшее крестьянам целевые ссуды под залог земельной собственности [20. С. 45–49]. К началу XX в. в Рязанской губернии при содействии Крестьянского банка было куплено около 71 тыс. дес. земли. По этому показателю регион занимал 24-е место среди 44 губерний европейской части России, однако отсутствие свободных денежных средств и высокие налоги существенно тормозили покупку крестьянами земельных участков [18. Л. 16 об.].

Вторым способом увеличения пахотных земель была аренда их у собственников, как правило, своих бывших помещиков. В 1890-х гг. 30% крестьян Рязанской губернии получили таким образом около 294 тыс. дес. земли [21. С. 96]. Чаще всего это происходило на кабальных, невыгодных для сельских производителей условиях. В Рязанской губернии большинство крупных землевладельцев искали пути получения доходов за счет не технического усовершенствования имений, а сдачи земли в аренду местным крестьянам. Современники утверждали, что «данное явление объяснялось отнюдь не недостатком капитала, а возможностью сдать участки за непомерно высокую плату» [22. С. 26–27]. А.Б. Гильбих видел причину упадка частновладельческих хозяйств в регионе в непроизводительном использовании арендной платы: «помещики находят выгодным сдавать землю в аренду и получать хорошую плату, а на хозяйственные предприятия денег жалеют» [13. С. 200–205]. Таким образом, доходность большинства имений в Рязанской губернии определялась дешевой рабочей силой. Частновладельческие земли обрабатывались крестьянским инвентарем, что тормозило распространение современной сельскохозяйственной техники и делало нецелесообразным затраты на покупку плугов, сеялок и других орудий.

Третий путь увеличения земельной собственности предполагал расширение крестьянской запашки за счет сокращения луговых и пастбищных территорий, что нарушало традиционные для трехпольного севооборота пропорции между пахотными и кормовыми площадями, сокращая количество скота и удобрений.

Устойчивой тенденцией развития Рязанской губернии в конце XIX – начале XX в. было уменьшение поголовья скота. Количественные данные по региону

свидетельствуют, что с 1859 по 1882 г. число крестьянских лошадей сократилось на 32%, а в начале 90-х гг. произошло резкое увеличение безлошадных и однолошадных дворов. Наибольшее их количество приходилось на Зарайский уезд, где оно достигло 44%. Итогом неурожаев и голода 1891–1892 гг. стало то, что в начале XX в. в Рязанской губернии на 100 дес. пашни приходилось около 30 единиц лошадей и крупного рогатого скота [23. С. 107]. Таким образом, одна лошадь в регионе в среднем обрабатывала 6,8 дес. пашни. Чтобы выжить и прокормить свою семью, крестьянину было необходимо иметь минимум две лошади. Отсутствие тяглового скота вело к разорению хозяйств сельских производителей.

Проблема расширения крестьянского землевладения стала ключевой в деятельности Рязанского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Причину малоземелья сельских производителей члены местных уездных комитетов видели в крестьянской общине. Идея раскрепощения личности крестьянина и преодоления хозяйственного упадка в регионе была неразрывно связана с проблемой создания оптимальных правовых форм землевладения [24. Л. 31–32 об.].

В Рязанской губернии вопрос о крестьянском землепользовании обсуждался в Данковском, Егорьевском, Михайловском, Рязанском, Сапожковском и Спасском уездных комитетах о нуждах сельскохозяйственной промышленности [25. С. 18]. Выступая в роли коллективного аграрного собственника, община препятствовала интенсификации крестьянских хозяйств, а частые переделы наделных участков вели к малоземелью сельских производителей. Первостепенную хозяйственную проблему страны можно было решить путем быстрой ликвидации общинного землевладения или постепенного реформирования его на выгодных для крестьян хозяйственных условиях. Отношение уездных гласных к данной системе землепользования было не только связано с личными политическими предпочтениями, но и зависело от плодородия почвы конкретного региона.

Представители Рязанского и Раненбургского уездных комитетов крупные землевладельцы А.В. Еропкин, С.Н. Суворов и А.С. Путилов принадлежали к консервативному крылу местной политической элиты. Они высказывались за сохранение общинного хозяйства, указывали на органическую связь народа и общины, считая ее переходной стадией к появлению мелких сельскохозяйственных союзов. Консервативные представители рязанского дворянства полагали, что наличие угодий общего пользования не только уберет крестьян от малоземелья, но и будет способствовать их «постепенному прогрессу в культуре и технике» [24. Л. 2–3].

Радикальное крыло местного дворянства составляли члены Егорьевского, Рязанского и Сапожковского уездного комитетов, выступавшие за немедленную ликвидацию крестьянской поземельной общины. В частности, представители Егорьевского комитета единственные в Рязанской губернии считали создание местных единоличных хозяйств вопросом первостепенной важности. Так, податной инспектор С.В. Пе-

ров призывал провести «второе 19 февраля», направив данное положение в Рязанский губернский комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности [2. С. 534].

Раненбургский комитет был единственным в Рязанской губернии, в работе которого принимали участие крестьяне. Взгляды представителей этого сословия на общинное землевладение в губернии напрямую зависели от их материального благосостояния. На страницах официально опубликованного документа крестьяне Царев и Трушин впервые открыто заявляют о необходимости уничтожения общинного порядка землепользования, круговой поруки и чересполосицы. Они принадлежали к числу крепких единоличных хозяев Рязанской губернии, заинтересованных в интенсификации своих хозяйств и расширении сельскохозяйственного производства в регионе [24. Л. 22].

Крестьянин Малистов, напротив, выступает за сохранение общинных порядков. Автор указывает на экономическое неравенство в деревне и неудобство раздела земли на подворные участки, что позволяет говорить об упадке его собственного хозяйства. Бедняки не были заинтересованы в разрушении общины, ведь «мир» «тянул на себе неимущих», помогал им выживать, беря уплату части налогов и оказывая сильную хозяйственную помощь. Мнение Малистова отражает эту политику: «Когда богачи купят многие земли и запретят пасти скотину, будет еще несправедливее, а улучшить дело уже нельзя. Теперь, при общине, всякий бедный ждет нового передела, а тогда и ждать нечего» [2. С. 533].

Взгляды либеральной интеллигенции Рязанской губернии наиболее полно отражает записка членов Рязанского уездного комитета Н.Н. Левицкого и Б.Н. Натальина [Там же]. Они полагали, что главным тормозом для развития местной сельскохозяйственной промышленности является крестьянский быт, в основе которого лежит общинное землепользование. Данная система хозяйствования предполагает временное пользование землей, уплату выкупа для «мира» и отсутствие выбора земельного участка. Авторы полагали, что община «подавляет инициативу и волю, препятствуя работе крестьянина в личных интересах». Н.Н. Левицкий и Б.Н. Натальин утверждали, что условия пользования общинной землей «парализуют трудовую энергию крестьян», которые не заинтересованы в ее интенсификации, а вся сельскохозяйственная промышленность в Российской империи имеет принудительную основу.

Несмотря на громкие заявления, авторы записки не являлись сторонниками немедленных реформ и призывали к «известной постепенности». Н.Н. Левицкий и Б.Н. Натальин, обобщая опыт представителей либеральной интеллигенции Рязанской губернии – Никольского, Федорова и Тернера, предлагали уравнять крестьян с другими сословиями Российской империи, сделав их полноправными земельными собственниками. Для этого, по мнению авторов, необходимо отменить круговую поруку, а также предоставить сельскому населению свободный выход из общины с переходом участков в личную собственность, правом наследования и обязательством по погашению

выкупных платежей. Правительство, по мнению гласных, должно было оказывать «всяческое содействие размежеванию земли между собственниками» [2. С. 536].

Одним из главных составляющих аграрной политики российского правительства на рубеже XIX–XX вв. было сохранение дворянского землевладения. В частности, условия выдачи кредита Государственным Дворянским земельным банком предполагали, что в случае покупки участка недворянином новый собственник или его правопреемники обязаны были погасить весь банковский долг в течение 10 лет со дня перехода имения к первому владельцу [12. Л. 17–19 об.; 26. С. 10–11.]. Эти меры подчеркивали корпоративную замкнутость учреждения, препятствовали размыванию дворянского земельного фонда и проникновению на рынок лиц других сословий [27]. Интересен тот факт, что рязанские гласные также заботились о сохранении целостности крестьянского землевладения. Н.Н. Левицкий и Б.Н. Натальин предлагали ввести закон о неделимости наделных участков и о запрете их продажи лицам не крестьянского сословия.

Идея «общинного социализма», уравнивания землепользования и ликвидации деления крестьянского сословия на «кулаков, середняков и бедняков» выразилась в предложении об ограничении количества наделных участков. Н.Н. Левицкий и Б.Н. Натальин полагали: «В одних руках земли должно быть не более точно определенного количества» [2. С. 523–524]. В сфере судопроизводства и налогообложения предлагалось ограничить крестьянское самоуправление, создать всесословную судебную систему и сделать объем взимаемых с сельского населения повинностей прямо пропорциональным качеству обрабатываемых участков. По мнению авторов, финансовую помощь вышедшим из общины переселенцам должны были оказывать специально создаваемые для этого кредитные учреждения, выдававшие льготные ссуды «на обустройство и первоначальное обзаведение крестьян» [Там же].

По итогам обсуждения записки Н.Н. Левицкого и Б.Н. Натальина Раненбургский комитет согласился со следующими положениями: уравнивать крестьян в правах с другими сословиями, отменить круговую поруку и создать всесословный суд. Вопрос об общинном землепользовании не был решен положительно. Большинство членов комиссии постановило: «следует остаться при существующих законоположениях» [25. С. 20].

Тем не менее рязанские гласные Н.Н. Левицкий и Б.Н. Натальин четко обозначили первостепенные хозяйственно-экономические проблемы, актуальные не только для отдельного региона, но и для Российской империи в целом. Они предложили эффективные пути их решения, реализуемые в кратчайшие сроки. Предложения рязанской либеральной интеллигенции обретут законодательный облик в ходе Столыпинской аграрной реформы, когда в стране произойдет комплексное преобразование общественно-экономических отношений, формирование рынка доступной земли, разрушение общины

и создание класса мелких и средних собственников из числа крестьян [28. С. 16].

Проблема аграрного перенаселения в Рязанской губернии широко обсуждалась членами Егорьевского, Сапожковского, Данковского, Раненбургского и Зарайского уездных комитетов. Крупный раненбургский землевладелец и промышленник А.С. Путилов высказывает консервативную точку зрения. Автор считает «выселение прироста населения» нецелесообразным, так как оно только усилит «дух бродяжничества» в крестьянской среде [29. Л. 21].

Землевладелец Данковского уезда Н.И. Котов разработал программу по упорядочению переселенческого движения в Рязанской губернии. Автор предлагает «улучшить способ передвижения крестьян», организовать врачебно-продовольственные пункты и «устройство новоселов на новых местах». Кто должен осуществлять эту деятельность, и на какие средства она будет проводиться, Н.И. Котов не уточняет [30. Л. 15].

Радикальные представители Егорьевского комитета полагали, что данные мероприятия могли осуществляться только при тесном взаимодействии с местными земскими органами самоуправления, а расселение крестьян и уменьшение чересполосицы возможно лишь в случае замены общинного владения единоличным. Члены Егорьевского комитета утверждали, что «для поощрения крестьян к добровольному расселению в пределах их надела» необходимо продавать им государственные строительные материалы по льготным ценам и «слагать с недостаточных крестьян недоимки» – списывать долги по налогам и сборам. Роль благотворительной организации они отводили Крестьянскому поземельному банку. По мнению гласных, ипотечное учреждение должно было отказаться от своей главной задачи – получение прибыли – и подарить деньги крестьянам на покупку новых земельных участков [2. С. 193].

Увеличение численности местного населения приводило к частым переделам земельной собственности. Первоначально они не были систематизированы и проводились в любое время, но с 1893 г. частные переделы были запрещены, а общие стали совершаться один раз в 12 лет под контролем земских начальников [21. С. 26]. Эти меры не дали видимого результата: быстрый рост населения неизбежно приводил к уменьшению крестьянских земельных наделов.

Податной инспектор Данковского уезда Воскресенский считал малоземелье «одним из главнейших препятствий для правильной постановки крестьянского хозяйства» в Рязанской губернии. Автор предлагает ряд радикальных мер: отменить общие количественные переделы земли, установить максимальный предел дробления участков, разрешить куплю-продажу наделных земель, признать право владения крестьянских дворов не на определенные земельные участки, а на доли в общинной собственности [25. С. 18–23]. По мнению рязанской общественности, программа Воскресенского была столь радикальной, что не вошла в итоговые сведения Данковского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

Крестьянское малоземелье неизбежно вело к разрушительным пожарам, регулярно происходившим из-за скученности жилых и хозяйственных построек и неправильной планировки селений. Эта проблема находилась в центре внимания Егорьевского, Рязанского, Данковского и Касимовского комитетов [31. Л. 10–11 об.].

В частности, Егорьевские гласные высказывались за грамотную планировку селений, а также удешевление огнестойких построек. Они полагали, что правительство должно выдавать рязанскому земству безвозвратные целевые ссуды с обязательным отчетом «о расходовании исключительно на указанные цели» [2. С. 190]. Член Егорьевского комитета Н.А. Болдырев, отмечал, что нередко крестьяне умышленно поджигали свои избы, чтобы получить страховку, сумма которой значительно превышала стоимость самой постройки [13. С. 276].

Можно сделать вывод, что уездные гласные прямо указывали на необходимость правительственного финансирования и подчеркивали руководящую роль земства в данном вопросе.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. одним из главных мероприятий, направленных на реформирование аграрного сектора Российской империи, стало создание Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Его основной целью было выявление хозяйственно-экономических проблем отдельных регионов страны, а первостепенной задачей являлось расширение крестьянского землевладения.

Анализ историографии данного вопроса позволяет утверждать, что исследователи в первую очередь рассматривали работу Особого совещания как очередной этап крестьянской политики самодержавия, не уделяя должного внимания деятельности местных комитетов. Главным источником по изучению функционирования Особого совещания в Рязанской губернии служат «Труды местного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности», действовавшего на губернском и уездном уровнях.

Во второй половине XIX – начале XX в. на развитие крестьянских хозяйств в Рязанской губернии оказывал влияние ряд негативных факторов: наделное землепользование, зависимость от природно-климатических условий, принудительный трехпольный севооборот и ограниченный набор сельскохозяйственных культур. Главным итогом 1861 г. стало не только малоземелье сельских производителей, но и зависимость крестьянских выкупных платежей от объемов дворянской задолженности дореформенным кредитным учреждениям.

Увеличить земельный фонд сельские производители могли, купив участки при содействии Крестьянского поземельного банка, взяв их в аренду у местных дворян или сократив луговые и пастбищные территории. Эффективность данных мероприятий существенно тормозили отсутствие свободных денежных средств, невыгодные условия аренды, сокращение количества скота и удобрений.

Вопрос об общинном землевладении являлся ключевым в деятельности Рязанского комитета о нуждах

сельскохозяйственной промышленности. Выступая в роли коллективного аграрного собственника, община препятствовала интенсификации крестьянских хозяйств, а частые переделы наделных участков вели к малоземелью сельских производителей. Отношение уездных гласных к данной системе землепользования было связано не только с личными политическими предпочтениями, но и зависело от плодородия почвы конкретного региона.

Представители Раненбургского комитета, где черноземные пахотные угодья составляли 75%, принадлежали к консервативному крылу рязанской политической элиты и высказывались за сохранение общинного хозяйства. Крупные землевладельцы здесь получали доход за счет сдачи в аренду участков сельским производителям по завышенным ценам и не были заинтересованы в расширении крестьянских наделных земель. Решение проблемы аграрного перенаселения, сокращавшее число потенциальных арендаторов, было для крупных землевладельцев экономически невыгодным.

Раненбургский комитет – единственный в Рязанской губернии, в работе которого принимали участие крестьяне. Взгляды представителей этого сословия на общинное землевладение в губернии напрямую зависели от их материального благосостояния. Крепкие единоличные хозяева, заинтересованные в интенсификации своих земель и расширении сельскохозяйственного производства в регионе, выступали за ликвидацию общины. Немимущие крестьяне высказывались за ее сохранение, так как община брала на себя уплату части налогов и оказывала посильную хозяйственную помощь.

Несмотря на то что Данковский уезд принадлежал к числу земледельческих, его представители высказывали радикальную точку зрения по вопросу о расширении крестьянского землевладения. Они предлагали отмену земельных переделов, установление максимального предела дробления участков,

разрешение купли-продажи крестьянских наделов и признание долевого права владения общинной собственностью.

Радикальное крыло рязанского дворянства представляли члены Егорьевского уезда, где на пахотные земельные угодья приходилось около 30% территории. Они считали вопросом первостепенной важности создание единоличных хозяйств и призывали провести «второе 19 февраля». Это был единственный комитет в Рязанской губернии, который предлагал Крестьянскому банку и земским органам самоуправления безвозмездно выдавать деньги крестьянам и списывать с них налоговые задолженности.

Взгляды местной либеральной интеллигенции наиболее полно отражают члены Рязанского уездного комитета. В этом регионе преобладает суглинистая почва, а объем пахотных земель составляет не более 50%. Представители Рязанского уезда выступают за свободный выход крестьян из общины, неделимость наделных участков, ограничение их количества и запрет продажи лицам не крестьянского сословия. Местным комитетом впервые была предложена пропорциональная система налогообложения, зависящая от качества земельных угодий.

Пункт о ликвидации поземельной общины и создании единоличных крестьянских хозяйств в Рязанской губернии не вошел в итоговую записку местного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Несмотря на это, рязанские гласные обозначили первостепенные хозяйственно-экономические проблемы, актуальные не только для отдельного региона, но и для Российской империи в целом. Общим в их деятельности являлась ставка на финансовую помощь земских органов самоуправления и льготные правительственные кредиты целевого характера. Предложения Рязанского комитета обретут законодательный облик в ходе Столыпинской аграрной реформы, начатой в 1906 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витте С.Ю. Избранные воспоминания 1849–1911. М.: Мысль, 1991.
2. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Рязанская губерния. XXXIV. СПб., 1903.
3. Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России 1881–1904. М.: Наука, 1980.
4. Симонова М.С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987.
5. Щербакова И.К. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности и редакционная комиссия Министерства внутренних дел как альтернативные центры обсуждения крестьянского вопроса в начале XX в.: 1902–1905 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
6. Колесов Н.Б. Вопрос о формах землевладения крестьян в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902–1905 гг.). Владимир, 2000.
7. Самолетов И.Д. Аграрный вопрос в деятельности Ярославских комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 1, № 1.
8. Миронов Б.Н. Политика versus истина: Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902–1905 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2008. № 1.
9. Лебедев В.Д. Местные комитеты Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902–1904 гг.) // Отечественная история. 2001. № 5.
10. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 593. Оп. 1. Д. 251.
11. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1361.
12. РГИА. Ф. 592. Оп. 44. Д. 254.
13. Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. Стенографические ответы лиц, приглашенных в комиссию. СПб., 1873. Ч. IV.
14. Россия в конце XIX века. СПб., 1900.
15. Зак А.Н. Крестьянский поземельный банк. 1883–1910. М., 1911.
16. История Банка России. 1860–2010: в 2 т. Т. 1. Государственный банк Российской империи. М., 2010.
17. Озеров И.Х. Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века. М., 1905.
18. Государственный архив рязанской области (далее ГАРО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 3872.
19. РГИА. Ф. 592. Оп. 44. Д. 1263.
20. Министерство финансов 1802–1902: в 2 ч. СПб., 1902. Ч. 2.

21. История Рязанского края / под ред. П.В. Акульшина. Рязань, 2007.
22. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. 1: Губернии Центральной земледельческой области. СПб., 1880.
23. Рязанская энциклопедия (справочный материал) : в 16 т. Рязань, 1994. Т. 16.
24. ГАРО. Ф. 5. Оп. 5. Д. 1530.
25. Семенов П.П. Свод трудов местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности (губерний, состоящих на Великороссийском положении) по вопросу о крестьянском землепользовании. СПб., 1905.
26. Узаконения и распоряжения о Крестьянском поземельном банке. СПб., 1885.
27. Костылева Е.Н. К вопросу об оценке деятельности государственного Дворянского земельного банка в дореволюционной периодической печати // Вестник Екатеринбургского института. 2016. № 2/34.
28. Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия. М., 2001.
29. ГАРО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 1.
30. ГАРО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 1801.
31. ГАРО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 5а.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 августа 2018 г.

Problems of the Expanding of Peasant Land Resources in the Works of the Special Council on the Needs of the Agricultural Industry (Based on the Materials of Ryazan Province)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 147–154.

DOI: 10.17223/15617793/439/19

Elena N. Kostyleva, Ryazan Institute (Branch) of Moscow Polytechnic University (Ryazan, Russian Federation). E-mail: lena-kostyleva@yandex.ru

Keywords: agrarian overcrowding; land securing; peasants' farms; community; Special Council on the Needs of the Agricultural Industry; Ryazan Province.

The article is devoted to the problems of the agrarian sector reforms in the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries. It is proved that the main purpose of the Special Council on the Needs of the Agricultural Industry was to identify the economic problems of certain regions in the country, and its priority was an extension of peasants' land ownership. Historiography materials show that the main source for studying the functioning of the Council in Ryazan Province is *Proceedings of the Local Committee on the Needs of the Agricultural Industry*. The committee had a complex structure and functioned at the provincial and district levels. Based on the materials of agrarian statistics, the author reveals the specificity of the economic development of Ryazan Province in the late 19th – early 20th centuries. Allotted land use, adverse natural and climate conditions, three-field crop rotation, the limited set of crops and crisis in the livestock sector had a negative influence on the functioning of the local peasant farms. The lack of free cash and crisis in cattle breeding slowed peasants' purchase of plots with the help of mortgage institutions and slowed the leasing of plots. The main result of 1861 was that farmers had little land and community economy was preserved. Based on the materials of central and local archives, it is found that Ryazan councilors' attitude to the peasant community depended on personal political preferences and productive capacity of soil of a particular region: councilors who lived in agricultural districts (Ranenburg committee) wanted to preserve the peasant community, while councilors who lived in poor farmlands (Yegoryevsk, Ryazan committees) wanted to create individual peasant farms. The economic preferences of Ryazan peasants were related to the level of their finance: rich proprietors wanted to destroy the peasant community, and poor peasants wanted to preserve it. It is revealed that the common point in the local district committee proposals was relying on financial support of the government and district council, a progressive demand was to introduce proportional taxation, depending on the quality of the land. The provision on the liquidation of the peasant community and the creation of individual peasant farms in Ryazan Province was not included in the final note of the Local Committee on the Needs of the Agricultural Industry. The author concludes that local councilors indicated economic problems primary not only for a particular region, but also for the entire Russian Empire. *Proceedings of the Local Committee on the Needs of the Agricultural Industry* anticipated the fundamental principles of Stolypin's agrarian reform.

REFERENCES

1. Vitte, S.Yu. (1991) *Izbrannye vospominaniya 1849–1911* [Selected Memories 1849–1911]. Moscow: Mysl'.
2. Narodnaya pol'za. (1903) *Trudy mestnykh komitetov o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti. Ryazanskaya guberniya* [Proceedings of the Local Committee on the Needs of the Agricultural Industry. Ryazan Province]. Vol. XXXIV. St. Petersburg: Tip.t-va "Narodnaya pol'za", 1903.
3. Anfimov, A.M. (1980) *Krest'yanskoe khozyaystvo Evropeyskoy Rossii 1881–1904* [Peasant economy of European Russia, 1881–1904]. Moscow: Nauka.
4. Simonova, M.S. (1987) *Krizis agrarnoy politiki tsarizma nakanune pervoy rossiyskoy revolyutsii* [The crisis of the Tsarist agrarian policy on the eve of the first Russian revolution]. Moscow: Nauka.
5. Shcherbakova, I.K. (2003) *Osoboe soveshchanie o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti i redaktsionnaya komissiya Ministerstva vnutrennikh del kak al'ternativnye tsentry obsuzhdeniya krest'yanskogo voprosa v nachale XX v.: 1902–1905 gg.* [Special Council on the Needs of the Agricultural Industry and the drafting committee of the Ministry of the Interior as alternative centers for discussing the peasant issue in the early twentieth century: 1902–1905]. History Cand. Diss. Moscow.
6. Kolesov, N.B. (2000) *Vopros o formakh zemlevladieniya krest'yan v Osobom soveshchanii o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti (1902–1905 gg.)* [The question of the land tenure of peasants in the Special Council on the Needs of the Agricultural Industry (1902–1905)]. History Cand. Diss. Vladimir.
7. Samoletov, I.D. (2012) *Agrarnyy vopros v deyatelnosti Yaroslavskikh komitetov Osobogo soveshchaniya o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti* [The agrarian question in the activities of the Yaroslavl Committees of the Special Council on the Needs of the Agricultural Industry]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 1 (1).
8. Mironov, B.N. (2008) Policy Versus Truth: The Special Commission on the Needs of Agriculture, 1902–1905. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya – Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 1.
9. Lebedev, V.D. (2001) *Mestnye komitety Osobogo soveshchaniya o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti (1902–1904 gg.)* [Local committees of the Special Council on the Needs of the Agricultural Industry (1902–1904)]. *Otechestvennaya istoriya*. 5.
10. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 593. List 1. File 251. (In Russian).

11. State Archive of the Russian Federation. Fund 555. List 1. File 1361. (In Russian).
12. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 592. List 44. File 254. (In Russian).
13. Obshchestvennaya pol'za. (1873) *Doklad vysochayshe uchrezhdennoy komissii dlya issledovaniya nyneshnego polozheniya sel'skogo khozyaystva i sel'skoy proizvoditel'nosti v Rossii. Stenograficheskie otvety lits, priglashennykh v komissiyu* [Report of the highest commission established to study the current state of agriculture and rural productivity in Russia. Verbatim responses of those invited to the commission]. Pt. IV. St. Petersburg: Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za".
14. Kovalevskiy, V.I. (ed.) (1900) *Rossiya v kontse XIX veka* [Russia at the end of the 19th century]. St. Petersburg: Tip. Akts. Obshch. Brokgauz-Efron.
15. Zak, A.N. (1911) *Krest'yanskiy pozemel'nyy bank. 1883–1910* [Peasant land bank. 1883–1910]. Moscow: Skl. izd. u N.P. Karbasnikova.
16. Anan'ich, B.V. et al. (2010) *Istoriya Banka Rossii. 1860–2010: v 2 t.* [History of the Bank of Russia. 1860–2010: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
17. Ozerov, I.Kh. (1905) *Ekonomicheskaya Rossiya i ee finansovaya politika na iskhode XIX i v nachale XX veka* [Economic Russia and its financial policy at the end of the 19th and at the beginning of the 20th centuries]. Moscow: D.S. Gorshkov.
18. State Archive of Ryazan Oblast (GARO). Fund 5. List 1. File 3872. (In Russian).
19. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 592. List 44. File 1263. (In Russian).
20. Brzheskiy, N.K. (ed.) (1902) *Ministerstvo finansov 1802–1902: v 2 ch.* [Ministry of Finance, 1802–1902: in 2 parts]. Pt. 2. St. Petersburg: Ekspeditsiya zagotovleniya gos. bumag.
21. Akul'shin, P.V. (ed.) (2007) *Istoriya Ryazanskogo kraja* [History of the Ryazan land]. Ryazan: GUP RO "Ryazobltpip."
22. Ministry of Internal Affairs. (1880) *Statistika pozemel'noy sobstvennosti i naselemykh mest Evropeyskoy Rossii* [Statistics of land ownership and populated areas of European Russia]. Is. 1. St. Petersburg: Tip. Min-va vnutr. del.
23. Fedotkin, V.N. (ed.) (1994) *Ryazanskaya entsiklopediya (spravochnyy material): v 16 t.* [Ryazan Encyclopedia (reference material): in 16 vols]. Vol. 16. Ryazan: Tovarishestvo "Ryazanskaya entsiklopediya".
24. State Archive of Ryazan Oblast (GARO). Fund 5. List 5. File 1530. (In Russian).
25. Semenov, P.P. (1905) *Svod trudov mestnykh komitetov o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti (guberniy, sostoyashchikh na Velikorossiyskom polozhenii) po voprosu o krest'yanskom zemlepol'zovanii* [The collection of works of local committees on the needs of the agricultural industry (provinces in the Great Russian state) on the question of peasant land use]. St. Petersburg: tip. V.F. Kirshbauma.
26. Balashev, V.S. (1885) *Uzakoneniya i rasporyazheniya o Krest'yanskom pozemel'nom banke* [Legalization and order of the Peasants' Land Bank]. St. Petersburg: Tip. V.S. Balasheva.
27. Kostyleva, E.N. (2016) To a question on the evaluation of the state of the Noble land bank in pre-revolutionary periodical press. *Vestnik Ekaterinskogo instituta – Bulletin of Catherine the Great Institute*. 2 (34). (In Russian).
28. Shelokhaev, V.V. (ed.) (2001) *Petr Arkad'evich Stolypin: entsiklopediya* [Pyotr Arkadyevich Stolypin: encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN.
29. State Archive of Ryazan Oblast (GARO). Fund 151. List 1. File 1. (In Russian).
30. State Archive of Ryazan Oblast (GARO). Fund 5. List 2. File 1801. (In Russian).
31. State Archive of Ryazan Oblast (GARO). Fund 150. List 1. File 5a. (In Russian).

Received: 14 August 2018

Я.В. Кулакова

ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЕЙ ИСТОРИИ В СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950 – СЕРЕДИНЕ 1980-х гг. (на материалах педагогических институтов Восточной Сибири)

Обобщается опыт государственной политики по подготовке учителей истории и развитию высшего образования в СССР в 1950–1980-е гг., а также рассматривается процесс ее реализации в Восточной Сибири. Установлено, что историко-педагогическое образование в регионе развивалось в соответствии со всеми государственными установками, педвузы готовили высококвалифицированные кадры учителей истории, которые являлись проводниками идеологии и политики партии в обществе.

Ключевые слова: историческое образование; педагогическое образование; педагогические вузы; Восточная Сибирь; высшая школа.

Профессия учителя в современном мире востребована и является важной составляющей жизни общества. Педагог отвечает за обучение и воспитание подрастающего поколения, формирование его личностных ориентиров, мировоззрения и гражданской позиции. Сегодня государство проявляет особый интерес к педагогическому и, в частности, историческому образованию, находится в поиске оптимальной модели подготовки будущих учителей. По этой причине регионализация образования открыла новые перспективы по изучению опыта преподавания истории в средней и высшей школе, который можно использовать для эффективной организации работы в современном образовательном пространстве.

В связи с этим мы обратились к изучению процессов развития историко-педагогического образования в Восточной Сибири второй половины 1950 – середины 1980-х гг., когда высшая школа в СССР достигла своего расцвета и был накоплен практический опыт по обучению и воспитанию будущих учителей истории.

Становление высшего педагогического образования в Восточно-Сибирском регионе продолжалось с 1931 г. до середины 1950-х гг. За это время в крупнейших территориальных центрах – Иркутске, Улан-Удэ, Чите и Красноярске – было открыто четыре пединститута, которые занимались подготовкой учителей истории. Организация вузов проходила в сложных условиях военного и послевоенного времени: отсутствие квалифицированного преподавательского состава, трудности с набором студентов и созданием материально-технической базы учебных заведений. Большинство проблем высшей школы удалось решить только к середине 1950-х гг., это позволило начать стабильную работу по обеспечению школ идеологически подготовленными кадрами учителей и воспитателей «нового общества», которых в регионе было недостаточно.

Педагоги в СССР отвечали не только за предметное обучение, но и за формирование марксистско-ленинского мировоззрения, что реализовывалось ими как на уроках истории, так и вне учебного процесса. Ввиду этого в вузах просвещения существовала четкая организация учебно-методической, научной и воспитательной деятельности, а государство регламентировало все процессы, происходящие в жизни

педагогических вузов, о чем говорит наличие обширной базы нормативно-правовых актов.

Основополагающим документом в образовательной политике в конце 1950-х гг. стал закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования СССР», который определил основные задачи для всех ступеней системы образования. Отдельная статья закона была посвящена подготовке учителей и обязывала обеспечить школы страны кадрами с высшим образованием [1. С. 59]. В соответствии с новым законом поощрялся прием в педвузы людей с опытом работы, так как считалось, что они сознательно выбирают профессию учителя; немаловажным при приеме в вузы были рекомендации школ и педсоветов. Свертывание реформы началось в середине 1960-х гг., после чего был провозглашен курс на введение всеобщего среднего образования и сформулированы основные задачи высшей школы:

– подготовка высококвалифицированных специалистов, владеющих марксистско-ленинской теорией, глубокими теоретическими знаниями и практически навыками по специальности и по организации массово-политической и воспитательной работы;

– воспитание у студентов высоких моральных качеств, коммунистической сознательности, культуры, социалистического интернационализма, советского патриотизма, готовности к защите социалистической Родины, физическая подготовка студентов;

– выполнение научно-исследовательских работ, способствующих повышению качества подготовки специалистов, общественному и научно-техническому прогрессу [2. С. 59].

Последняя попытка реформирования системы образования произошла в 1984 г., когда было принято Постановление ВС СССР от 12.04.1984 г. № 13-XI «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» [3]. Оно предусматривало улучшение структуры образования, повышение качества обучения, обеспечение тесной связи между школой, семьей и общественностью. Раздел 6 данного постановления был посвящен профессии учителя, указывал на необходимость более качественной подготовки педагогических кадров. Однако данная реформа по-прежнему исходила из основной

цели Советского государства, сформулированной еще в начале 1920-х гг. по воспитанию членов «нового общества», что обрекло ее на поражение в условиях начавшейся в скором времени перестройки.

В целом к 1980-м гг. в СССР была создана мощная система образования, которая поддерживала высокий уровень научно-технической мысли, обеспечивала интеллектуальный рост страны, укрепляла государственную силу и цементировала общественное сознание.

Историческое образование в этот период вступило в наиболее противоречивый этап своего развития, так как высшей школой были созданы все условия для его эволюции, но господство марксистско-ленинской методологии и контроль предметного содержания сдерживали его обновление. Период «оттепели» и XX съезд КПСС, который состоялся в феврале 1956 г., определили перед историческим образованием новые задачи – преодолеть сталинский догматизм и обратиться к ленинскому наследию [4. С. 91]. Была резко осуждена практика отрыва «идеологической работы от практики коммунистического строительства», «идеологического догматизма и начетничества» и подтвержден ленинский принцип о возможности мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Далее следовала новая программа партии, принятая в 1961 г. на XXII Съезде КПСС, которая выдвинула ряд новых задач: создание материально-технической базы коммунизма, формирование коммунистических общественных отношений и воспитание нового человека, что определило перед историками потребность в содействии партии в решении этих задач. Для этого 18–21 декабря 1962 г. в Москве было проведено Всесоюзное совещание историков, посвященное задачам исторической науки и улучшению подготовки научно-педагогических кадров в области истории. В докладах академика Б.Н. Пономарева были поставлены основные проблемы развития исторической науки, сформулированы установки в области улучшения подготовки кадров историков: «Пронизать всю свою деятельность идеями Программы КПСС, активно бороться за их осуществление, поднять историческую науку на уровень задач коммунистического строительства – таков священный долг советских историков» [5. С. 5]. Архивные материалы свидетельствуют, что итоги совещания неоднократно обсуждались на заседаниях исторических кафедр пединститутов региона и были положены в основу перестройки учебных курсов и внеучебной деятельности.

Параллельно с процессами обновления содержания истории по линии партии проводились реформы по усовершенствованию преподавания истории в школе. Постановлением 1959 г. вводился концентрический принцип изучения истории СССР и линейный для изучения истории зарубежных стран [6. С. 196–197]. Однако в 1965 г. вместо элементарного и систематического курсов истории СССР был введен один курс истории СССР в VII–X классах, а новая и новейшая история зарубежных стран стала преподаваться в VIII–X классах [7. С. 218–219]. Таким образом, обучение истории в школе стало строиться по линейному принципу, это привело к разработке новых

учебников, изменению методов обучения и отразилось на учебно-методической деятельности педагогических институтов.

Для высшей школы Восточной Сибири постановления партии и правительства являлись определяющими, и ее развитие проходило вслед за всеми государственными установками. После смерти И.В. Сталина высшая ступень образования приступила к перестройке содержания учебных курсов и внеучебной работы. Следует отметить, что процессы десталинизации здесь начались раньше, чем прошел XX Съезд КПСС и была допущена официальная критика сталинского режима.

Например, в отчетах кафедры истории Бурятского государственного педагогического института за 1953/54 год содержалась следующая информация: «Перестроили курсы по дисциплинам кафедры. Эта перестройка шла по линии решительного искоренения культа личности, персонификации истории, предписания недостатков учебной литературы, выраженного в принижении роли народных масс как творцов истории и руководящей и направляющей роли коммунистической партии при изложении советского периода истории СССР» [8. Л. 3]. В.Н. Казарин, исследователь развития высшей школы в Сибири, в одной из своих работ отмечает, что «первые симптомы отказа от сталинских догм стали ощущаться почти сразу после его смерти. Уже в 1953/1954 учебном году в основу преподавания общественных дисциплин в ИГПИ было предложено положить тезисы ЦК компартии “50 лет КПСС”, содержащие положения, осторожно осуждающие “культ личности”, переоценивающие роль народных масс и личности в истории» [9. С. 59].

После принятия новой программы партии и решений Всесоюзного съезда историков в содержании исторических дисциплин на первое место выходили вопросы дальнейшего построения коммунизма, освещения успехов СССР на пути социалистического развития, подтверждения процессов распада колониальной системы и кризиса капиталистических стран.

По сравнению с предыдущим периодом работы пединститутов в 1960–1980-е гг. наблюдалось снижение контроля над преподавателями. В отчетах кафедр реже встречалась информация с разбором посещенных занятий. О смягчении политического режима свидетельствуют и студенческие воспоминания, в которых жесткий идеологический режим сосуществовал с попытками расширить знания студентов, дать им новую информацию, свободную, не политизированную.

Например, выпускник 1963 г. Красноярского государственного педагогического института Г.Ф. Быконя характеризовал идеологизацию учебного процесса так: «Умеренно, кроме занятий по истории КПСС и методики» [10. Л. 2]. Выпускница 1978 г. этого же вуза Л.Э. Мезит по данному вопросу, наоборот, отмечала, что идеологизация была сильной, так как в стране была единственная господствующая идеология – марксистская. В то же время она подчеркивала, что были темы (например, причины убийства Кирова, развала антигитлеровской коалиции), которые публично не обсуждали, но между собой об этом говорили [11. Л. 5].

Формирование будущего учителя истории преимущественно проходило в рамках учебного процесса, который занимал основное время студентов и включал в себя учебные занятия, подготовку к ним и различные виды практик. Организация обучения строилась согласно учебным планам, которые в период с середины 1950-х до середины 1980-х гг. несколько раз менялись. От плана к плану основные изменения касались сокращения многопредметности, увеличения практической составляющей, расширения тематики спецкурсов и спецсеминаров. Условно преподаваемые дисциплины можно разделить на три блока: общественные (история КПСС, политическая экономия, марксистско-ленинская философия, научный коммунизм), психолого-педагогические (психология, педагогика, школьная гигиена, история педагогики, методика преподавания истории и обществоведения и др.) и специальные (история древнего мира, история средних веков, история нового и новейшего времени, новая и новейшая истории стран Азии и Африки и др.). По окончании обучения студенты сдавали три государственных экзамена: историю КПСС, методику преподавания истории и обществоведения, историю СССР.

Основными видами практик, осваиваемых будущими учителями истории, были: археологическая (с выездом в полевые условия), пионерская (с выездом в детские лагеря) и педагогическая (в сельских и городских школах), каждая из которых отвечала за формирование различных профессиональных умений. Так, в ходе археологических экспедиций студенты получали возможность проделать весь цикл историко-археологического исследования: от полевых работ до камеральной обработки и научной систематизации. Эффективность археологической практики и заинтересованность обучающихся в ней зависела от высокого уровня научной квалификации руководителей практики – видных сибирских археологов Г.М. Георгиевской (ИГПИ), И.И. Кириллова, Е.В. Ковычева, М.В. Константинова (ЧГПИ), Н.И. Дроздова (КГПИ). Организация выездов осуществлялась в разные районы Сибири, Дальнего Востока и даже на Таманский полуостров. В ходе пионерской практики студенты развивали организаторские навыки, умение работать в коллективе и с разными возрастными группами. Для подготовки к такой практике при вузах действовали инструктивно-методические лагеря. Однако среди всех видов практики наиболее важной оставалась педагогическая, в процессе прохождения которой студенты занимались психолого-педагогическим сопровождением класса, проведением уроков по истории и обществоведению, отвечали за воспитательную и трудовую активность школьников. Таким образом, содержание учебных планов по историческим профилям для пединститутов было направлено на подготовку высококвалифицированных специалистов с глубоким уровнем общенаучной подготовки и владеющих широким кругом профессиональных качеств.

При организации учебного процесса в педвузах применяли определенные методы и средства обучения. Так, ведущей формой проведения занятий являлась лекция, через которую преподаватель не только транслировал знания, но и оказывал влияние на фор-

мирование мировоззрения студентов. Наряду с лекциями проводились практические занятия и семинары, методика организации которых была усовершенствована и направлена на развитие навыков ведения самостоятельной работы. Во второй половине XX в. в высшей школе сложилась четкая система СРС, которая включала: самостоятельное изучение предмета в учебное время, слушание и конспектирование лекций; подготовку к практическим занятиям и выступление на них; изучение обязательной и дополнительной литературы, конспектирование первоисточников; написание рефератов и подготовка докладов; участие в конкурсах на лучшую студенческую работу; участие в работе научных и предметных кружков и НИРС.

Для этого начиная с первого курса студентов учили правильно работать с книгой, составляли списки обязательной и дополнительной литературы, которые в основном включали в себя произведения классиков марксизма-ленинизма. Выпускница историко-филологического факультета Читинского государственного педагогического института 1970-х гг. Н.Н. Закабуковская вспоминает, что при подготовке к семинару нужно было прочитать много литературы, для чего приходилось с утра до позднего вечера заниматься в научной библиотеке [12].

Эпоха научно-технической революции позитивно отразилась на эволюции средств обучения. В образовательную сферу активно внедрялись ТСО – диафильмы и кинофильмы. В педвузах открывались специальные кино- и фотолаборатории, где студентов обучали работать с техникой, создавать визуальные обучающие пособия.

Формирование профессиональных качеств учителя истории осуществлялось также посредством науки. На заседаниях партбюро исторического факультета ИГПИ отмечалось: «Хороший учитель формируется только в атмосфере научного творчества...». Сравнительный анализ научной активности студентов показал, что основной формой научно-исследовательской работы студентов были научные кружки. В пединститутах Восточной Сибири их количество в среднем колебалось от 3 до 4, один из них обязательно касался истории региона. Наибольшее количество кружков (семь) было зафиксировано в Бурятском педагогическом институте при сравнительно небольшой активности студентов (около 60 человек). В целом количество участников НИРС колебалось в пределах 60–70% от общего числа студентов факультета.

Важной составляющей процесса обучения в педвузах была воспитательная деятельность, которая являлась инструментом идейно-политического воспитания и формирования личности. В ее основу был положен целый ряд нормативно-правовых документов и «Моральный кодекс строителя коммунизма», принятый вслед за новой программой партии в 1961 г. Для контроля над всеми процессами, происходящими в этой сфере, было введено перспективное планирование на весь период обучения студентов и составлен комплекс мероприятий по идейно-политическому, трудовому, эстетическому, спортивно-оздоровительному воспитанию. Студенты-историки исследуемых институтов активно участво-

вали в лекторской работе по линии общества «Знание», привлекались к агитационной деятельности в период выборов. В вузах действовали Школы молодого лектора, в Иркутском и Читинском пединститутах – Школа лектора-международника. Также была развита экскурсионная и пропагандистская деятельность. Например, в 1967 г. в ЧГПИ был открыт Ленинский зал, который включал в себя экспозиции с фото-, литокопии, прижизненные издания В.И. Ленина, живопись и скульптуру, в нем проводились беседы со школьниками, уроки по истории и обществоведению [13. Л. 2]. В 1970-е гг. были введены общественно-политическая практика и Ленинский зачет, которые привлекли к идейно-политическому воспитанию всех обучающихся. Трудовое воспитание обеспечивалось через участие в субботниках, уборках урожаев, студенческих строительных отрядах. Выезды в колхозы и стройки сопровождались

выступлениями агитбригад, деятельность которых зависела от уровня развития эстетического воспитания студентов.

Таким образом, подготовка учителей истории в СССР была делом государственной важности, так как через историю и общественные науки проходило становление «нового человека», что являлось главной целью Советского государства на пути построения коммунизма. По материалам педагогических институтов Восточной Сибири было установлено, что организация их работы полностью отвечала этой цели. Единство учебного, научного и воспитательного процессов обеспечивало глубокий уровень теоретической, практической и идеологической подготовки выпускников, вследствие чего они были востребованы не только в образовательной сфере, но и в системе партийных и общественных структур региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР от 24 декабря 1958 г. // Народное образование в СССР : сб. документов. 1917–1973. М. : Педагогика, 1974. С. 53–61.
2. Елютин В.П. Высшая школа общества развитого социализма. М. : Высш. шк., 1980. 560 с.
3. Постановление ВС СССР от 12.04.1984 г. № 13-ХІ «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы». URL: <http://lawru.info/dok/1984/04/12/n1183332.htm> (дата обращения: 26.08.2017 г.).
4. Баранова Е.А. XX съезд КПСС: начало «оттепельных явлений» в исторической науке // Вопросы исторической науки : материалы междунар. заоч. науч. конф. (Москва, январь 2012 г.). М. : Ваш полиграфический партнер, 2012. С. 91–93.
5. Пономарев Б.Н. Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории // Вестник Академии наук СССР. 1963. № 2. С. 3–37.
6. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 октября 1959 г. «О некоторых изменениях в преподавании истории» // Народное образование в СССР : сб. документов. 1917–1973. М., 1974. С. 196–197.
7. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 мая 1965 г. «Об изменении порядка преподавания истории в школах» // Народное образование в СССР : сб. документов. 1917–1973. М., 1974. С. 218–219
8. Государственный архив Республики Бурятия. Ф. р-666. Оп. 1. Д. 100.
9. Казарин В.Н. Развитие высшей школы Восточной Сибири в условиях реформирования общества: инновации и традиционализм (середина 1950-х – начало 1960-х гг.) // Перестройки в российской истории: исторический опыт и уроки XX в. : сб. тез. респ. науч. конф., Красноярск, 20–21 марта 1996 г. Красноярск, 1996. С. 58–61.
10. Анкетирование Быкони Г.Ф., 1941 г.р. Место проведения – г. Красноярск. Дата проведения – 16.09.2017 г. Анкета на 3 листах // Коллекция воспоминаний исследователя Кулаковой Я.В.
11. Анкетирование Мезит Л.Э., 1956 г.р. Место проведения – г. Красноярск. Дата проведения – 28.01.2018 г. Анкета на 6 листах // Коллекция воспоминаний исследователя Кулаковой Я.В.
12. Воспоминания Закаблуконской Н.Н., 1958 г.р. Место проведения – г. Чита. Дата проведения – 19.07.2016 г. Аудиозапись 30 мин. Интервьюер – соискатель кафедры истории и методики ПИ ИГУ Кулакова Я.В., студент 1-го курса гуманитарно-эстетического факультета ПИ ИГУ Жуков А.А. // Коллекция воспоминаний исследователя Кулаковой Я.В.
13. Государственный архив Забайкальского края. Ф. р-177. Оп. 2. Д. 461.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 августа 2018 г.

The Training of History Teachers in the Soviet Union in the Second Half of the 1950s to Mid-1980s (On the Materials of Teacher Training Institutes in Eastern Siberia)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 155–159.

DOI: 10.17223/15617793/439/20

Yana V. Kulakova, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: yanikk1989@mail.ru

Keywords: historical education; pedagogical education; teacher training institutes; Eastern Siberia; higher school.

This article analyses the development of higher education in Siberia during the Soviet era and specifically the state policies which governed the training of history teachers. The author's sources include publications of Russian scholars, the Soviet era standards and laws which underpinned the education system, archive documents from Irkutsk, Krasnoyarsk, Chita and Ulan-Ude, written memoirs and interviews with graduates of Eastern Siberian teaching colleges. The research work was carried out in accordance with the methodological apparatus of historical science and the principles of historicism using historical-genetic and historical-systemic methodology. In the first part of the work, the author establishes that teachers in the Soviet era were responsible both for the education of their students and for the formation of their Marxist-Leninist worldview, and that the state regulated all of the processes which took place in the secondary and higher education system. In the second part of the work, the author examines how the historical education system was reformed, how the changes were responsible for the formation of the “New Man” and the Marxist-Leninist worldview, how the “Thaw” opened new opportunities for historians but the domination of the Marxist methodology hindered the research potential of historical science and education, and how the reforms led to the development of a new methodological apparatus for the training of future history teachers. In the third part of the work, the author focuses on the practical elements – curricula, specific teaching practices and training methods, which included the study of scientific, psychological-pedagogical and special-historical disciplines, the dual-purpose reason for the changes – shaping the worldview of future history teachers and deepening their Marxist-Leninist training,

and the required participation by students in socio-political, labour, and artistic activities also based on this goal. The author comes to the following conclusions. (1) A powerful education system was created in the Soviet era resulting in intellectual growth for the country and strengthened public consciousness. (2) The training of history teachers was a matter of particular importance to the state. (3) Through a combination of new educational, scientific and social processes, Eastern Siberian teaching colleges produced highly qualified professional teachers, which also contributed to the preparation of employees for the region's party organizations.

REFERENCES

1. Abakumov, A.A. et al. (1974) *Narodnoe obrazovanie v SSSR: sb. dokumentov. 1917–1973* [Public Education in the USSR: Documents. 1917–1973]. Moscow: Pedagogika. pp. 53–61.
2. Elyutin, V.P. (1980) *Vysshaya shkola obshchestva razvitogo sotsializma* [Higher school of a society of developed socialism]. Moscow: Vysshaya shkola.
3. Supreme Soviet of the USSR. (1984) *Postanovlenie VS SSSR ot 12.04.1984 g. № 13-XI “Ob osnovnykh napravleniyakh reformy obshcheobrazovatel'noy i professional'noy shkoly”* [Resolution of the Supreme Soviet of the USSR of 12.04.1984, No. 13-XI “On the main directions of the reform of general education and vocational schools”]. [Online] Available from: <http://lawru.info/dok/1984/04/12/n1183332.htm>. (Accessed: 26.08.2017).
4. Baranova, E.A. (2012) [XX Congress of the CPSU: the beginning of the “thaw phenomena” in historical science]. *Voprosy istoricheskoy nauki* [Issues of historical science]. Proceedings of the International Conference. Moscow. January 2012. Moscow: Vash poligraficheskiy partner. pp. 91–93. (In Russian).
5. Ponomarev, B.N. (1963) *Zadachi istoricheskoy nauki i podgotovka nauchno-pedagogicheskikh kadrov v oblasti istorii* [Problems of historical science and the training of scientific and pedagogical personnel in the field of history]. *Vestnik Akademii nauk SSSR*. 2. pp. 3–37.
6. Abakumov, A.A. et al. (1974) *Narodnoe obrazovanie v SSSR: sb. dokumentov. 1917–1973* [Public Education in the USSR: Documents. 1917–1973]. Moscow: Pedagogika. pp. 196–197.
7. Abakumov, A.A. et al. (1974) *Narodnoe obrazovanie v SSSR: sb. dokumentov. 1917–1973* [Public Education in the USSR: Documents. 1917–1973]. Moscow: Pedagogika. pp. 218–219
8. State Archive of the Republic of Buryatia. Fund r-666. List 1. File 100. (In Russian).
9. Kazarin, V.N. (1996) [The development of higher education in Eastern Siberia in the context of reforming society: innovation and traditionalism (mid-1950s – early 1960s)]. *Perestroyki v rossiyskoy istorii: istoricheskiy opyt i uroki XX v.* [Perestroika in Russian history: historical experience and lessons of the 20th century]. Abstracts of the Republican Conference. Krasnoyarsk. 20–21 March 1996. Krasnoyarsk: RIO-Press. pp. 58–61. (In Russian).
10. Collection of memoirs of the researcher Ya.V. Kulakova. (2017) *Interview with G.F. Bykoni, born in 1941. Krasnoyarsk. September 16, 2017. Questionnaire on 3 sheets.* (In Russian).
11. Collection of memoirs of the researcher Ya.V. Kulakova. (2018) *Interview with L.E. Mezit, born in 1956. Krasnoyarsk. January 28, 2018. Questionnaire on 6 pages.* (In Russian).
12. Collection of memoirs of the researcher Ya.V. Kulakova. (2016) *Memories of N.N. Zakablukovskaya, born in 1958. Chita. July 19, 2016. Audio recording 30 minutes. Interviewed by Ya.V. Kulakova.* (In Russian).
13. State Archive of Zabaikalsky Krai. Fund r-177. List 2. File 461. (In Russian).

Received: 14 August 2018

Е.И. Майзик

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX в.

Рассмотрено зарождение международных научных коммуникаций исследователей Приенисейской Сибири. Значение международных связей сегодня невозможно переоценить. В исследовании рассматриваются причины развития международных связей региона, условия включения в межкультурный обмен. Выделяются формы и направления контактов на примере деятельности отечественных и зарубежных исследователей, учреждений, обществ в последней четверти XIX в. Историко-сравнительный и историко-генетический методы исторического исследования применены с опорой на архивные материалы.

Ключевые слова: международные научные связи; коммуникации; зарубежные экспедиции; Приенисейская Сибирь; енисейские коллекции.

Международное сотрудничество стремительно охватывает все больший круг вопросов политики, экономики, социокультурной сферы, особое значение оно имеет в исследовательской деятельности, во многом обуславливая направления развития науки. Современное совершенствование телекоммуникационных средств позволяет включать в международную коммуникацию расширяющуюся сеть контактов, в том числе провинциальных регионов.

На данный момент не существует обобщающих исследований, посвященных международным научным коммуникациям Приенисейской Сибири. Работа Л.Б. Ус преимущественно основана на зарубежных контактах западносибирских исследователей [1]. Е.Г. Водичев рассматривает другой хронологический период международных научных связей сибирской науки [2]. Также в трудах обобщающего характера (Е.А. Дудзинская [3], С.А. Проскурин [4], Б.И. Мелехин [5], С.К. Романовский [6]) рассмотрены формы взаимодействия советских исследователей с зарубежными коллегами. Однако в последнее время эта тема становится все более популярной в связи привлечением широкого круга источников, среди которых выделяются архивные документы и путевые заметки исследователей в жанре тревелог.

Удаленность от центральных крупнейших научных и образовательных учреждений Российской империи, от границ с развитыми странами обусловила особую потребность Приенисейской Сибири в научных контактах в XIX в. Визиты зарубежных исследователей и путешественников на территорию региона определили одни из первых направлений связей среди регулярных контактов.

Первые экспедиции иностранных ученых в Приенисейскую Сибирь известны с первой половины XVIII в. благодаря именам Д.Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера, И.Г. Гмелина, Г.В. Стеллера, И.Э. Фишера, затем П.С. Палласа, И.Г. Георги, И.П. Фалька и др. Каждый из них внес серьезный вклад в изучение восточной части России, их труды до сих пор не утратили своей научной значимости [7. С. 4–5]. Хотя это были экспедиции по поручению Императорской Академии наук, пользовавшиеся методами европейской науки, но не создавшие научных контактов с регионом.

В первой половине и середине XIX в. с образованием Енисейской губернии в ее пределах появились иностранные путешественники, например, археолог и лингвист М.А. Кастрен [8], писатель и живописец Т. Атkinson [9], норвежский астроном и физик Х. Ганстен, представляющие уже европейскую науку. Позже английский путешественник и этнограф А. Мичи [10. С. 96], шведский археолог и ориенталист Ф.Р. Мартин [11] также интересовались не только объектом их изучения, но и налаживали контакты с представителями местной администрации и формирующейся интеллигенцией.

Причины становления международных коммуникаций региона в последней трети XIX в. кроются в обширном комплексе проблем, которыми стали вопросы развития местной экономики, организации условий и путей сбыта продукции, установления торговых связей с европейскими губерниями России и за границей. Енисейской губернии требовалось развитие промышленности, которая нуждалась в выявлении местных ресурсов для организации производства: минеральных, топливных, лесных, водных и др. Нужно было разведать месторождения полезных ископаемых, составить карты местностей для прокладки дорог и т.д. [12. С. 87]. С развитием торговли, освоения поиска ресурсов и рынков сбыта, требовавших снаряжения научно-военных и научно-торговых экспедиций, экономика во многом способствовала становлению и развитию международных контактов. На мобильность населения и исследователей повлияло интенсивное развитие инфраструктуры: закупка и строительство пароходов, освоение Северного морского пути, прокладывание дорог, возведение Транссибирской железнодорожной магистрали, которые ускорили и сделали более комфортным передвижение как на пути к Сибири, так и по территории научных изысканий. Кроме того, экономическое развитие региона шло при участии иностранного капитала [13].

Прямым выходом представителей Енисейской губернии к зарубежным контактам стало участие во Всемирных выставках, где сибиряки часто представляли промышленные и сельскохозяйственные товары, образцы полезных ископаемых, флоры и фауны, архитектурные объекты, предметы этнографии и археологии [14]. Но для установления научных свя-

зей Приенисейской Сибири требовался достаточный уровень развития самой науки и образования, наличие авторитетных ученых, научных обществ, университетов, способных заинтересовать зарубежных коллег. Но из-за отсутствия научных центров в период формирования просвещенной интеллигенции Приенисейская Сибирь интересовала иностранных исследователей во многом как объект изучения. Это время в мировой науке характеризуется началом активного исследования «открытого мира», благодаря которому шло становление наук и складывание научных дисциплин. Обращение к востоковедению побудило не только иностранных ученых посещать Сибирь, но и сибирских исследователей изучать Центральную и Среднюю Азию, среди которых необходимо выделить экспедиции Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, Д.А. Клеменца.

Л.Б. Ус, рассмотревшая причины международных научных связей Сибири, отмечает, что важной предпосылкой в зарождении коммуникаций является изменившаяся геополитическая роль региона, политика государства, связанная с экономическим развитием Сибири и деятельность Императорского РГО [1. С. 45–46].

Русское географическое общество, основанное в 1845 г., уже показало свою эффективность в объединении представителей местной интеллигенции, чиновничества, мещанства, крестьян, любителей изучения края [15. С. 102]. Сибирский отдел (СОРГО) был создан в Иркутске в 1851 г. и стал первой общесибирской общественной научной организацией, занимающейся изучением Сибири [16. С. 211]. Затем встал вопрос об открытии в Красноярске подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского РГО, но он затянулся до 1901 г.

Для проведения исследований губернии потребовалось создание специального учреждения, которое занялось бы курированием научной работы в регионе. Работы иностранцев были малодоступны для российских ученых, иногда противоречили их планам, часто способствовали вывозу естественнонаучных, археологических, этнографических коллекций за границу [17]. Местная интеллигенция, как и политические ссыльные, превращаясь в любознательных исследователей, открывала музеи (Минусинский, Енисейский, Ачинский, Красноярский), которые стали своеобразными центрами науки и просвещения. Роль представителей местной интеллигенции, купечества, духовенства, крестьянства и мещанства в исследовании Енисейской губернии рассмотрена в монографии В.В. Хориной, отметившей также развитие науки в деятельности городских музеев, научных обществ, Енисейского губернского статистического комитета, общественных организаций [18].

Большое значение имело открытие в 1888 г. Императорского Томского университета [19], привлечение в Сибирь зарубежных исследователей, в том числе китайских путешественников Ю.С. Мяо и А. Жуйей, проезжавших по Российской империи, интересовавшихся археологическими находками в Красноярске [20].

В последней трети XIX в. Приенисейская Сибирь приняла множество зарубежных ученых. Среди ино-

странцев, посетивших ее, были американский журналист Дж. Кеннан и художник Д. Фрост, изучавшие систему ссылки в Российской империи [21]. Енисейскими древностями особенно интересовались финские ученые А.Э. Альквист, Й.Р. Аспелин, Л.О. Гейкель, искавшие прародину своего народа в Минусинско-Хакасской котловине. Энтомологи Эмберг и Гаммерштрем изучали фауну беспозвоночных в Минусинском округе [22. С. 8]. Ряд экспедиций, занимающихся изучением и освоением Северного морского пути, были представлены шведами, финнами, немцами, англичанами, среди которых имена известных ученых и путешественников: А.Э. Норденшельд, А. Лунгстрем, Ф.Р. Чельман, А.И. Стуксберг, Г. Тэль, Е. Альквист, Ф. Трибом, Г.В. Арнель, И. Сальберг, М. Бреннер [23], Э. Дальманн [24. С. 101], Дж. Виггинс [25. С. 347], Г. Сибом [26], Дж. Прайс [27].

Все чаще стали прибывать иностранцы вне состава научных экспедиций, такие как бельгийский минералог Калонн для ознакомления с минеральными богатствами Сибири [28. С. 5], французский лингвист Ж. Легра [29], датский поданный С. Патерссон [30], англичане П.А. Бойлинг [31. С. 110], А. Попхем [32. Р. XV], шведский журналист Дж. Стадлинг [33] и др.

В XIX в. Российская империя была открыта для иностранцев, власти помогали зарубежным путешественникам, которые находили поддержку местной администрации, оказывавшей содействие в их пути на территории губернии. Письма и телеграммы полицмейстеру и окружным начальникам похожи по содержанию. 18 апреля 1897 г. из Иркутска информировали, что министр внутренних дел просит оказать возможное содействие «едушему в Сибирь для этнографических исследований французскому подданному Лаббе прошу исполнения» [34. Л. 21]. Известие такого же содержания было отправлено Красноярскому полицмейстеру, Енисейскому, Ачинскому, Канскому, Минусинскому, Усинскому, Туруханскому окружным исправникам, когда член французского географического общества Поль А. Лаббе отправился в путешествие по Сибири.

Енисейский губернатор просил окружных исправников и полицмейстера оказать содействие «французскому журналисту Карону, отправляющемуся в Сибирь для изучения рынков, которыми, с проведением железной дороги, может воспользоваться французский экспорт» [Там же. Л. 74]. Известно, что еще один французский профессор Жюль Легра в это время совершал путешествие по Сибири.

У Енисейского губернатора просили содействия для «сына известного французского экономиста, Поля Леруа Болье, офицера запаса французской артиллерии и сотрудника выдающихся французских повременных изданий, Пьер Леруа Болье» [Там же. Л. 119–119 об.].

Члены королевского Лондонского географического общества Джон Александр Гай и Джемс Виктор Берн Мордох просили «внимания и содействия, так как ехали в Сибирь с научной целью» [Там же. Л. 127].

В августе 1897 г. содействие потребовалось германскому генерал-губернатору Северной Африки майору фон-Виссману «едушему в сопровождении

доктора Бумиллера в Сибирь, и следующим в Алтайские горы для охоты» [34. Л. 153].

В сентябре 1897 г. предупредили о визите английских подданных: «Эдгар Швабе [Швеб], Павел Кромптон [Бромптон] предполагают проехать по железной дороге Ачинск и Красноярск, посетить Минусинск, Енисейск, дальше проехать Иркутск. Прошу содействовать к облегчению их путешествия» [Там же. Л. 172]. Аналогичные распоряжения поступили о содействии для Пьера Жерар Далем Гильнюс [Там же. Л. 173], австрийского подданного Евгения Зичи с шестью венгерскими учеными, которые отправились в путешествие «с научной целью, по Сибири до Владивостока, прося об оказании этим путешественникам возможного внимания и содействия» [Там же. Л. 189].

Как следует из писем и телеграмм, первая просьба шла от направляющей зарубежной организации, в России рекомендацию давал министр внутренних дел, затем генерал-губернатор или губернатор информировали окружных исправников и полицмейстеров. Только за 1897 г. визиты в Енисейскую губернию намеревались нанести порядка двадцати иностранных путешественников. Точные цели визитов многих неизвестны, кто-то интересовался археологией и этнографией, другие – экономикой и новой железнодорожной магистралью, третьи были проездом в другие регионы.

Вместе с тем интерес иностранцев возрос не только к изучению региона, его природным ресурсам, эконо-

мике, проводимой политике, историческим особенностям, народонаселению, древностям, но и к результатам исследований местных ученых. Французский археолог Жозеф де Бай прибыл в Красноярск, заинтересовавшись открытием палеолита на Афонтовой горе И.Т. Савенковым. Местные исследователи установили реальные научные контакты с Ж. де Баем, поддерживавшиеся обследованием археологических стоянок в окрестностях Красноярска, обменом коллекциями, перепиской, награждениями почетным знаком [35].

Причины становления международных коммуникаций Приенисейской Сибири представляют собой сложный комплекс политико-экономического и социокультурного развития, опирающегося на становление науки благодаря появлению интеллигенции, формирующей исследовательские центры региона. Его международные связи свидетельствуют о включении провинциальных исследователей в европейский и мировой научный процессы, а также, о развитии науки в регионе, претерпевшей влияние зарубежных исследователей. Посредством экспедиций, переписки с ведущими учеными, обмена научной информацией, расширения сферы исследований и повышения их качества произошла аккумуляция исследовательских сил Приенисейской Сибири в последней трети XIX в. Международные научные связи явились феноменом, показавшим миру необходимость изучения Сибири и серьезность работ местных исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ус Л.Б. Международные научные связи Сибири (конец XIX начало XX в.). Новосибирск : Сова, 2005. 240 с.
2. Водичев Е.Г. Формирование и развитие международных связей академической науки в Сибири / отв. ред. В.Л. Соскин. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1990. 224 с.
3. Дудзинская Е.А. Международные научные связи советских историков. М. : Наука, 1978. 290 с.
4. Международные отношения и внешнеполитическая деятельность России : учеб. пособие / под общ. ред. С.А. Проскурина. М. : МПСИ, 2004. 592 с.
5. Мелехин Б.И. Культурное и научное общение народов. Правовое регулирование. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1968. 230 с.
6. Романовский С.К. Международные культурные и научные связи СССР. М. : Международные отношения, 1966. 240 с.
7. Дмитриенко Н. Немцы в Сибири // Сибирская старина : краеведческий альманах / гл. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2006. № 25. С. 4–5.
8. Богораз-тан В.Г. Кастрен – человек и ученый // Памяти М.А. Кастрена: к 75-летию дня смерти / АН СССР. Л., 1927. С. 3–35.
9. Atkinson T. Oriental and western Siberia. London, 1858. P. 612.
10. Мичи А. Путешествие по Амуру и Восточной Сибири. С прибавлением статей из путешествий Г. Радде, Р. Маака и др. / пер. с нем. О. Ольхина. СПб.; М. : Типография М.О. Вольфа, 1868. 440 с.
11. Мартин Ф.Р. Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов / [науч. пер. с нем. Ж.Н. Труфановой; под ред. А.Я. Труфанова; ком. А.С. Сопочиной и А.Я. Труфанова]; Муниц. учреждение ист.-культур. науч.-произв. центр «Барсова гора», ООО Межрегион. науч.-произв. об-е «Наследие Югры». Екатеринбург ; Сургут : Урал. рабочий, 2004. 143 с.
12. Хорина В.В. Основная тематика исследований научных обществ Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. // Региональные социогуманитарные исследования. История и современность : материалы III междунар. науч.-практ. конф. 25–26 января 2013 года. Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. С. 87–88.
13. Hartley J. A land of limitless possibilities: British commerce and trade in Siberia in the early twentieth century // *Sibirica : Interdisciplinary Journal of Siberian Studies*. 2014. Vol. 13 (3). P. 1–21.
14. Кочкина Е.И. Из истории участия Енисейской губернии во Всемирных выставках // Мартыановские краеведческие чтения (2014–2015 гг.). Минусинск : Издательские решения, 2016. Вып. 9. С. 139–142.
15. Базылева Е.А. Императорское Русское географическое общество и книга (к историографии вопроса) // Вестник Омского университета, 2007. № 4. С. 102–106.
16. Зуляр Ю.А. Основные вехи истории Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества // География и природные ресурсы. 2007. № 3. С. 211–217.
17. Вдовин А.С., Дэвлет М.А., Кузьминых С.В. Коллекционирование древностей Енисея как социокультурный феномен // Очерки истории отечественной археологии. М. : Ин-т археологии РАН, 2015. Вып. IV. С. 64–96.
18. Хорина В.В. Провинциальная наука: городские музеи и научные общества Енисейской губернии последней четверти XIX – начала XX в. Красноярск, 2018. 463 с.
19. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. Т. 1. 514 с.
20. Вдовин А.С., Кочкина Е.И. Из истории русско-китайских научных связей в конце XIX века // В.В. Верещагин и Восток: В предчувствии евразийства : материалы Междунар. науч. конф. (г. Череповец, 26–28 октября 2016 г.) : сб. науч. работ / отв. ред. А.Н. Егоров, А.Е. Новиков, О.Ю. Солодякина. Череповец : ЧГУ, 2016. Т. 1. С. 182–187.
21. Матханова Н.П. Кеннан Джордж // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. Т. 2: К–Р. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2010. С. 62.
22. Финляндская экспедиция в Сибири // Восточное обозрение. СПб., 1886. № 1. С. 8–9.

23. Гончаров А.Е. О шведской экспедиции на Енисей в 1876 г. // Известия Томского политехнического университета. 2014. Т. 324, № 6. С. 74–88.
24. Гончаров А.Е. Рында парохода «Glenmore». Британские суда на Енисее // Енисейский Север: история и современность / отв. ред. А.С. Вдовин; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2016. Вып. 2. С. 98–105.
25. Гончаров А.Е. К вопросу о начале англо-русской торговли по Северному морскому пути в конце XIX в. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2012. № 2. С. 344–350.
26. Кочкина Е.И. Этнографические наблюдения Генри Сибоба на Севере Енисейской губернии // Россия и мир: история и современность : тезисы V Всерос. (с междунар. участием) конф. студентов и молодых ученых / ред. кол. З.В. Степаненкова [и др.]. Сургут : РИО СурГУ-ПУ, 2017. С. 37–38.
27. Гайнутдинова Д.В., Гончаров А.Е. Из воспоминаний журналиста Жулиуса Прайса о путешествии на Енисей в 1890 г. // Енисейский Север: история и современность / отв. ред. А.С. Вдовин. Красноярск, 2017. Вып. 3. С. 80–87.
28. Хроника сибирской жизни // Восточное обозрение. Иркутск, 1891. № 46. С. 4–6.
29. Крупцева О.В. Французский профессор Жюль Легра о Томске конца XIX в. // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 2000. Т. 10. С. 7–34.
30. Patursson S.O. Sibirien I Vore Dage. København, 1901. 414 p.
31. Вдовин А.С., Кузьминых С.В. Частные археологические коллекции из Енисейского округа // Енисейский Север: история и современность: к 50-летию кандидата исторических наук Буланкова Василия Валерьевича : сб. науч. тр. / отв. ред. А.С. Вдовин. Красноярск : КГПУ им. В.П. Астафьева, 2011. Вып. 1. С. 108–113.
32. Bulletin of British ornithologists club edited by cart. C.H. Grant. Vol. LVI: Session 1935–1936. London, 1936. 198 p.
33. Stadling J. Through Siberia. Westminster, 1901. 349 p.
34. Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 48. Д. 105.
35. Орехова Н.А. Барон Жозеф де Бай: Сибирский след // Енисейская провинция: альманах. 70-летию Красноярского края посвящается. Красноярск : РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2004. Вып. 1. С. 60–67.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 мая 2018 г.

Formation and Development of International Scientific Relations of Yenisei Siberia in the Last Third of the 19th Century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 160–164.

DOI: 10.17223/15617793/439/21

Elena I. Maizik, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: lena.k.elena@mail.ru

Keywords: international scientific relations; communications; foreign expeditions; Yenisei Siberia; Yenisei collections.

This article aims to study the formation and development of international scientific relations of researchers of Yenisei Siberia in the last third of the 19th century. International communication today cannot be overestimated. It contributes to the development of research collaboration, development of science, international exchange of information and integration of Russian provincial science into international research. The problem is solved in the following stages: (1) exploring the development of the region; (2) determining foreign expeditions; (3) exploring the communication of the researchers; (4) determining patterns of development of foreign contacts. The following methods have been applied in the research: the historical comparative method has been applied together with the historical-genetic analysis to have a full view of the spheres of collaboration and the significance of these contacts for the development of science in Yenisei Siberia. The problem has been studied in part in the works of E.G. Vodichev, L.B. Us, E.A. Dudzinskaya, S.A. Proskurin, B.I. Melekhin, S.K. Romanovsky. The research refers to a great variety of sources that are stored in the archives of Russia. Archive data and publications of the local and national press have been analyzed to provide the reliability of the conclusions. The research reviews the main stages of communication development, notes its essential role in the development and popularization of science on the territory of Yenisei Province. However, international collaboration of this region is yet to be studied and described for a detailed analysis. The international scientific relations played an important role in the genesis and popularization of science in Yenisei Siberia. It is stated that collaboration was carried out with Germany, Finland, the United Kingdom, France, Hungary, Norway, the United States of America in different spheres such as archeology, ethnography, history, linguistics, geology, ornithology, zoology, botany. The forms of cooperation were diverse: collections exchange, participation in conferences, cooperative research, visits, scientific correspondence. As a result of the investigation, it is stated that international scientific relations were represented as a complex structure with a plenitude of directions and forms of development. The data analysis led to the conclusion that scientific communication depended on the political, economic, social and cultural situation. To sum up, the researchers largely benefited from the cooperation, and those links were useful for the both parties.

REFERENCES

1. Us, L.B. (2005) *Mezhdunarodnye nauchnye svyazi Sibiri (konets XIX – nachalo XX v.)* [International scientific relations of Siberia (end of the 19th – beginning of the 20th centuries)]. Novosibirsk: Sova.
2. Vodichev, E.G. (1990) *Formirovanie i razvitiye mezhdunarodnykh svyazey akademicheskoy nauki v Sibiri* [Formation and development of international relations of academic science in Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
3. Dudzinskaya, E.A. (1978) *Mezhdunarodnye nauchnye svyazi sovetskikh istorikov* [International scientific relations of Soviet historians]. Moscow: Nauka.
4. Proskurin, S.A. (ed.) (2004) *Mezhdunarodnye otnosheniya i vneshnepoliticheskaya deyatel'nost' Rossii* [International relations and foreign policy of Russia]. Moscow: MPSP.
5. Melekhin, B.I. (1968) *Kul'turnoe i nauchnoe obshchenie narodov. Pravovoe regulirovanie* [Cultural and scientific communication of nations. Legal regulation]. Voronezh: Voronezh State University.
6. Romanovskiy, S.K. (1966) *Mezhdunarodnye kul'turnye i nauchnye svyazi SSSR* [International cultural and scientific relations of the USSR]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
7. Dmitrienko, N. (2006) Nemtsy v Sibiri [Germans in Siberia]. *Sibirskaya starina: kraevedcheskiy al'manakh*. 25. pp. 4–5.
8. Bogoraz-Tan, V.G. (1927) Kastren – chelovek i uchenyy [Kastren: a man and a scientist]. In: *Pamyati M.A. Kastrena: k 75-letiyu dnya smerti* [In Memory of M.A. Kastren: to the 75th anniversary of the day of death]. Leningrad: USSR AS.
9. Atkinson, T. (1858) *Oriental and Western Siberia*. London: Hurst and Blackett.

10. Michi, A. (1868) *Puteshestvie po Amuru i Vostochnoy Sibiri. S pribavleniem statey iz puteshestviy G. Radde, R. Maaka i dr.* [Journey through the Amur and Eastern Siberia. With the addition of travelogues by G. Radde, R. Maack, and others]. Translated from German by O. Ol'khin. St. Petersburg; Moscow: Tipografiya M.O. Vol'fa.
11. Martin, F.R. (2004) *Sibirika. Nekotorye svedeniya o pervobytnoy istorii i kul'ture sibirskikh narodov* [Sibirica. Some information about the primitive history and culture of the Siberian peoples]. Translated from German by Zh.N. Trufanova. Yekaterinburg; Surgut: Ural. rabochiy.
12. Khorina, V.V. (2013) [The main research topics of scientific societies of Yenisei Province in the late 19th – early 20th centuries]. *Regional'nye sotsiologicheskoye issledovaniya. Istoriya i sovremennost'* [Regional socio-humanitarian studies. History and modernity]. Proceedings of the III International Conference. 25–26 January 2013. Prague: Vědecko vydavatelské centrum “Sociosféra-CZ”. pp. 87–88. (In Russian).
13. Hartley, J. (2014) A land of limitless possibilities: British commerce and trade in Siberia in the early twentieth century. *Sibirica: Interdisciplinary Journal of Siberian Studies*. 13 (3). pp. 1–21. DOI: 10.3167/sib.2014.130301
14. Kochkina, E.I. (2016) Iz istorii uchastiya Eniseyskoy gubernii vo Vsemirnykh vystavkakh [From the history of the participation of Yenisei Province in world exhibitions]. In: *Mart'yanovskie kraevedcheskie chteniya (2014–2015 gg.)* [Martyanov local history readings (2014–2015)]. Is. 9. Minusinsk: Izdatel'skie resheniya. pp. 139–142.
15. Bazyleva, E.A. (2007) Imperial Russian Geographical Society and Book (historiography of the question). *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 4. pp. 102–106. (In Russian).
16. Zulyar, Yu.A. (2007) Osnovnye vekhi istorii Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva [Major milestones in the history of the East Siberian department of the Russian Geographical Society]. *Geografiya i prirodnye resursy*. 3. pp. 211–217.
17. Vdovin, A.S., Devlet, M.A. & Kuz'minykh, S.V. (2015) Kollektirovanie drevnostey Eniseya kak sotsiokul'turnyy fenomen [Collecting antiquities of the Yenisei as a sociocultural phenomenon]. In: Gaydukov, P.G. & Tunkina, I.V. (eds) *Ocherki istorii otechestvennoy arheologii* [Essays of the history of Russian archeology]. Is. 4. Moscow: Institute of Archeology, RAS. pp. 64–96.
18. Khorina, V.V. (2018) *Provintsial'naya nauka: gorodskie muzei i nauchnye obshchestva Eniseyskoy gubernii posledney chetverti XIX – nachala XX v.* [Provincial science: city museums and scientific societies of Yenisei Province of the last quarter of the 19th – early 20th centuries]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University.
19. Nekrylov, S.A. (2010) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskiy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.)* [The University of Tomsk is the first scientific center in the Asian part of Russia (mid-1870s–1919)]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
20. Vdovin, A.S. & Kochkina, E.I. (2016) Iz istorii russko-kitayskiykh nauchnykh svyazey v kontse XIX veka [From the history of Russian-Chinese scientific relations at the end of the nineteenth century]. *Vereshchagin i Vostok: V predchuvstvii evraziystva* [Vereshchagin and East: In a premonition of Eurasianism]. Proceedings of the International Conference. Cherepovets. 26–28 October 2016. Vol. 1. Cherepovets: Cherepovets State University. pp. 182–187.
21. Matkhanova, N.P. (2010) Kennan Dzhordzh [George Kennan]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri: v 3 t.* [The Historical Encyclopedia of Siberia: in 3 vols]. Vol. 2. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri.
22. Vostochnoe obozrenie. (1886) Finlyandskaya ekspeditsiya v Sibiri [Finnish Expedition in Siberia]. *Vostochnoe obozrenie*. 1. pp. 8–9.
23. Goncharov, A.E. (2014) The 1876 Swedish expedition to the Yenisei. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk Polytechnic University*. 324 (6). pp. 74–88.
24. Goncharov, A.E. (2016) Rynda parokhoda “Glenmore”. Britanskiye suda na Enisee [Rynda of the Glenmore ship. British ships on the Yenisei]. In: Vdovin, A.S. (ed.) *Eniseyskiy Sever: istoriya i sovremennost'* [Yenisei North: history and modernity]. Is. 2. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. pp. 98–105.
25. Goncharov, A.E. (2012) Concerning the issue of the beginning of English-Russian trade via Northern Sea route at the end of XIX century. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva – Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University*. 2. pp. 344–350. (In Russian).
26. Kochkina, E.I. (2017) [Ethnographic observations of Henry Seebohm in the north of Yenisei Province]. *Rossiya i mir: istoriya i sovremennost'* [Russia and the world: history and modernity]. Abstracts of the V All-Russia Conference (with International Participation) of Students and Young Researchers. Surgut: Surgut State Pedagogical University. pp. 37–38. (In Russian).
27. Gaynutdinova, D.V. & Goncharov, A.E. (2017) Iz vospominaniy zhurnalista Zhuliusa Praysa o puteshestvii na Enisey v 1890 g. [From the memoirs of the journalist Julius Price about the trip to the Yenisei in 1890]. In: Vdovin, A.S. (ed.) *Eniseyskiy Sever: istoriya i sovremennost'* [Yenisei North: history and modernity]. Is. 3. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
28. Vostochnoe obozrenie. (1981) Khronika sibirskoy zhizni [Chronicle of Siberian life]. *Vostochnoe obozrenie*. 46. pp. 4–6.
29. Krupsteva, O.V. (2000) Frantsuzskiy professor Zhyul' Legra o Tomske kontsa XIX v. [French professor Jules Legra about Tomsk at the end of the 19th century]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk Regional Museum of Local Lore]. Vol. 10. Tomsk: Tomsk State University.
30. Patursson, S.O. (1901) *Sibirien I Vore Dage* [Siberia In Our Days]. København: Alexander Brandts Forlag.
31. Vdovin, A.S. & Kuz'minykh, S.V. (2011) Chastnye arheologicheskie kollektsii iz Eniseyskogo okruga [Private archaeological collections from the Yenisei district]. In: Vdovin, A.S. (ed.) *Eniseyskiy Sever: istoriya i sovremennost': k 50-letiyu kandidata istoricheskikh nauk Bulankova Vasiliya Valer'evicha* [Yenisei North: history and modernity: the 50th anniversary of the candidate of historical sciences Vasily Bulankov]. Is. 1. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
32. Grant, C.H. (ed.) (1936) *Bulletin of British Ornithologists Club*. LVI: Session 1935–1936.
33. Stadling, J. (1901) *Through Siberia*. Westminster: A. Constable & Co.
34. State Archive of Krasnoyarsk Krai. Fund 595. List 48. File 105. (In Russian).
35. Orekhova, N.A. (2004) Baron Zhofef de Bay: Sibirskiy sled [Baron Joseph de Bail: Siberian trace]. In: Batashev, M.S. et al. (eds) *Eniseyskaya provintsiya: al'manakh. 70-letiyu Krasnoyarskogo kraya posvyashchaetsya* [Yenisei Province: almanac. Dedicated to the 70th anniversary of Krasnoyarsk Krai]. Is. 1. Krasnoyarsk: RIO GOU VPO KGPU im. V.P. Astaf'eva. pp. 60–67.

Received: 02 May 2018

Д.А. Огнев

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ИДЕОЛОГИЯ: ПОСТСОВЕТСКАЯ ПЕРЦЕПЦИЯ

Рассматриваются проблема перцепции постсоветскими историками советской историографии, авторефлексия исторической науки в условиях социально-экономических трансформаций. Показано противоречие, вызванное переоценкой ценностей в исторической науке и восприятием советской историографии как идеологизированной и ограниченной рамками марксистско-ленинской методологии. Предложена попытка преодоления этого противоречия через переосмысление самого места идеологии в историческом исследовании.

Ключевые слова: историческая наука; научная рефлексия; перцепция; идеология; политизация.

Распад советской политической системы и, что более важно, советской картины мира существенным образом повлиял на историческую науку. Историческая наука в СССР воспринималась как «служанка» идеологии – как писал В.А. Бердинских, «именно в XX в. общественный имидж истории как служанки идеологии, увы, упрочился в советском обществе» [1. С. 16]. Упрочился он и среди самих историков. Слово «имидж» в данном контексте представляется очень точным, поскольку означает не столько реальное положение вещей, сколько распространенное представление о статусе исторической науки, сказавшееся на ее восприятии самими историками. Рассмотрим далее перцепцию советской историографии в постсоветский период на примере текстов авторефератов кандидатских и докторских диссертаций томских историков после 1991 г. Отметим, что, употребляя слово «постсоветский» применительно к историкам и исторической науке, мы делаем это безотносительно хронологии. Постсоветские историки, особенно в начале 1990-х гг., – все те же историки, оказавшиеся в новом социально-политическом контексте, в котором были вынуждены сравнивать и противопоставлять себя советским.

Преобразования российского общества в начале 1990-х гг. поставили вопрос о преемственности в отношениях советской и постсоветской науки. Обще-ственно-политические трансформации, связанные с форсированной демократизацией, вызвали необходимость переоценки ряда явлений, что создавало ситуацию внутреннего противоречия в самой исторической науке. Так, в отношении религии эта переоценка привела к появлению образа «белого пятна», используемого в одинаковом контексте М.Л. Белоглазовым и Т.Н. Коголь: «Проблемы становления и развития государственно-церковных отношений в России после 1917 г., проблемы взаимоотношений различных религиозных и церковных организаций с органами государственной власти являются на сегодняшний день одним из многочисленных “белых пятен” в истории Советского государства» [2. С. 3]; «На сегодняшний момент проблема церковно-государственных отношений в 20-е гг. продолжает оставаться тем “белым пятном” в отечественной истории, где больше всего умолчаний, тенденциозности и искажений» [3. С. 3].

Выводы советской исторической науки по ряду научных проблем признавались, по сути, ошибочны-

ми, а применявшиеся подходы – непродуктивными, *научная* ценность работ, вышедших в советское время, постсоветскими историками часто осторожно нивелировалась или вовсе отрицалась. Одной из таких «болевых точек» советской историографии неизбежно стала политическая власть. Так, у О.А. Смолкина читаем: «Большую часть исследований проблем власти, изданных в 1953–1964 гг., только с большим допущением можно признать в качестве научных трудов. В большинстве своем эти работы носят ознакомительный характер и, с точки зрения историографии, вряд ли способствуют выработке целостной концепции по проблеме» [4. С. 4]. Исследователь указывает на тенденциозность работ, изданных во второй половине 1960-х гг.: «Безусловно, оценки, даваемые авторами, не выходили за рамки той системы координат, в которой создавались работы». Отмечает он и такое свойство научной литературы, как «обезличенность», проявляющаяся в преобладании фактического материала и сведении к минимуму авторского «Я», что, по его замечанию, «меньше всего являлось виной ученых-исследователей», которые «стремились скрыть, завуалировать собственные взгляды». Но далее исследователь категорично утверждает: «Однако это оправдание не делает публикации 70–80-х гг. более привлекательными с научной и историографической точек зрения» [Там же].

Тесные идеологические рамки воспринимаются как константа в советских исторических исследованиях и 1990-х, и 2000-х гг. У А.В. Куренкова находим: «Однако в течение нескольких десятилетий исследование советского и партийного аппарата характеризовалось заметным консерватизмом, который во многом был обусловлен жестким идеологическим давлением на историческую науку» [5. С. 5]; «Унифицированная методология ориентировала авторов на использование сугубо марксистского подхода к исследованию различных аспектов поставленной темы» [Там же. С. 7]. Контроль партийно-государственных органов над исторической наукой исследователь определяет как «всеобъемлющий». Беспросветными показаны 1930–1950-е гг., лейтмотивом в описании работ этого периода, посвященных политической истории, является указание на их обобщающий и поверхностный характер, схематичность, фрагментарность, повторение в них теоретических положений марксистско-ленинской концепции истории и минимум новизны.

Мы видим, что советская историческая наука в разные периоды предстает в постсоветском научном сознании если не как «служанка», то как «жертва» идеологии.

Схожим образом оцениваются работы, посвященные другим проблемам, например национальной политике. И.В. Нам пишет: «Деятельность национальных организаций, партий и движений рассматривалась исключительно с позиций пролетарского интернационализма» [6. С. 7]. Важным представляется примечание И.В. Нам по поводу этой характеристики: «Эти недостатки были присущи и нашим публикациям 1980-х гг.» [Там же]. Оно интересно не только как проявление честности ученого, но и как иллюстрация того, что противоречие в исторической науке, вызванное сменой социально-политического контекста, стало предпосылкой для переоценки и переосмысления историками не только работ предшественников, но и своих собственных.

О.А. Харусь следующим образом характеризует «переоценку ценностей» в исторической науке: «В связи с изменением общественно-политической ситуации начался пересмотр идеологических ориентиров в отечественной исторической науке. Осознание ограниченности возможностей объективного познания прошлого и настоящего в рамках, заданных какой бы то ни было политической доктриной, а также априорными идеологизированными социологическими теориями, повлекло за собой процесс разносторонней модернизации теоретико-методологического аппарата отечественной историографии. Однако этот позитивный в своей основе процесс породил и определенные сложности в изучении исторической эмпирии» [7. С. 6]. Эти сложности стали проявлением того, что О.А. Харусь назвала «инверсионной логикой мышления», когда реакцией на устойчивые положения советской историографии стало их полное, доходящее до логического завершения отрицание.

Итак, в восприятии самих историков история в советский период была «служанкой идеологии» – в той мере, в какой наличествовала идеология как взаимосвязь теории и действия, «не одно только замкнутое, тотальное воззрение на мир и человека, но и адекватная, тотальная деятельность, “философия”, которая в конечном счете изменяет мир» [8]. Тем самым идеология, по выражению Милована Джиласа, «писала историю». Либеральная демократия не располагала аппаратом принуждения, какой был у марксизма-ленинизма, однако продолжала «писать историю», диктуя ученым новые идеологические установки, заставлявшие их критически подходить к работам предшественников. Исторические исследования 1990-х гг. столь же проникнуты идеями либеральной демократии, сколько советские – марксизма-ленинизма. Показательно замечание Б.Н. Миронова: «Эти недостатки (идеологизация и политизация исторической науки. – Д.О.) характерны для исследователей независимо от их теоретических воззрений, хотя и в разной степени, которая зависит больше от уровня профессионализма, чем от идеологии, ими разделяе-

мой. Не избежали их и современные отечественные историки. Историческая наука, руководствующаяся исключительно требованиями точности, истины, стерильности по отношению к идеологиям, страстям, вкусам, научной моде, господствующим парадигмам, – идеал, а не реальность и практика» [9. С. 22]. В то же время не все историки оказались склонны к размежеванию с советской наукой. Наряду с отрицанием советского прошлого существовала и другая тенденция – «отрицания отрицания», которая нашла выражение, в частности, у В.П. Зиновьева. Исследователь указывает на опасность «нового исправления» истории, также чуждого истине, как и концепция «Краткого курса истории ВКП(б)» [10. С. 3].

Едва ли можно объяснить это тем, что историческая наука привыкла быть идеологизированной и что история «ищет» себе идеологию. Отпечаток идеологии для советской исторической науки не был чем-то неорганичным. Историческая наука развивается подобно своему предмету – каждый новый этап строится на отрицании предыдущего, который переосмысливается в последующем, и потому она не является ни служанкой, ни жертвой идеологии, выступающей одним из структурообразующих элементов исторического исследования в силу необходимости для него принадлежать определенной традиции и парадигме. Социально-политический контекст формирует исследовательскую «повестку дня», однако справедливо и обратное: не только идеология контролирует историю, но история предшествует и предугадывает идеологию. Будучи частью реальности, идеология становится и частью описываемого ее исследования, что, тем не менее, не следует воспринимать как его недостаток.

Реальные коллизии между исторической наукой и идеологией были намного более сложными и не сводились к максиме «история – служанка идеологии». Б.Г. Могильницкий об этом писал: «Они (преподаватели историко-филологического факультета ТГУ. – Д.О.) являлись убежденными защитниками советской общественно-политической системы и ее идеологических ценностей, что, разумеется, выражалось в их образе мыслей и политическом поведении. Вместе с тем они не были бездушными “винтиками”, бездумно проводившими партийную “линию” [11. С. 218]. Нельзя отрицать сам факт воздействия в СССР идеологии на науку и пагубных последствий этого воздействия, и все же тотальная идеологизация советской исторической науки сегодня видится своего рода культурным мифом, порожденным советской эпохой и воспринятым эпохой последующей. Однако для исторической науки этот культурный миф имел огромное методологическое значение. Отталкиваясь от опыта предшественников, постсоветские историки стремились к объективности, отказывались от нарочитой политизации исследований, старались восполнить пробелы, образовавшиеся вследствие идеологического вакуума, что стало существенным стимулом для развития науки в переходный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердинских В.А. Ремесло историка в России. М. : Новое литературное обозрение, 2009.
2. Белоглазов М.Л. Взаимоотношения органов государственной власти и православной церкви на Алтае (октябрь 1917–1925 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1992.
3. Коголь Т.Н. Русская Православная церковь и государство 1917–1927 гг. (на материалах Западной Сибири) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1996.
4. Смолкин О.А. Реформирование местных органов власти и управления в 1953–1964 гг.: На материалах Кемеровской, Новосибирской и Томской областей : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1997.
5. Куренков А.В. Органы власти и управления в Томской губернии (конец 1919–1925 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013.
6. Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока в условиях революции и гражданской войны: 1917–1922 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2008.
7. Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1998.
8. Джилас М. Идеология пишет историю. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2012/151/d34.html> (дата обращения: 23.01.2018).
9. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. Т. 1.
10. Зиновьев В.П. Рабочее движение в Сибири в мануфактурный период : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1992.
11. Историческому образованию в Сибири 90 лет: исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах / сост. Д.В. Хаминов, С.А. Некрылов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 марта 2018 г.

Soviet Historical Science and Ideology: Post-Soviet Perception

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 165–167.

DOI: 10.17223/15617793/439/22

Daniil A. Ognev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: danielognev@yandex.ru

Keywords: historical science; scientific reflection; perception; ideology; politicization.

The article discusses the perception of Soviet historiography in the post-Soviet period. Transformations of Russian society in the early 1990s raised the question of continuity in the relations of Soviet and post-Soviet science. The socio-political transformations associated with forced democratization caused the need to reassess a number of phenomena, which created a situation of internal contradiction in historical science. The conclusions of Soviet historical science on a number of scientific problems were, in fact, declared false, and its approaches unproductive, the scientific value of works published in the Soviet period was often carefully leveled or denied entirely by post-Soviet historians. A closed ideological framework is perceived as a constant in Soviet historical research. Control of party-state bodies over historical science is defined as “pervasive”. The leitmotif in the description of works devoted to political history is an indication of their generalizing and superficial nature, schematism, fragmentation, repetition of theoretical positions of the Marxist-Leninist concept of history, and minimal novelty. The result of the “reappraisal of values” in historical science was an entire denial of positions of Soviet historiography. In the perception of historians themselves, history in the Soviet period was a “servant of an ideology”. Liberal democracy did not have an apparatus of coercion like Marxism-Leninism had, but it continued to “write history” dictating new ideological guidelines to scholars, which made them critically approach the work of their predecessors. This can hardly be explained by the assumption that historical science got used to be ideologized and that history “seeks” an ideology for itself. Being part of reality, ideology also becomes part of research describing it, which should not be perceived as its flaw. The very fact that ideology had an impact on science in the USSR and the harmful consequences of this impact cannot be denied, but the total ideologization of Soviet historical science today is seen as a cultural myth generated by the Soviet epoch and perceived by the next one. However, this cultural myth had a great methodological importance for historical science. Using the experience of predecessors, post-Soviet historians aspired to objectivity, refused to obviously politicize research, tried to fill the gaps that formed as a result of the ideological vacuum, which became a significant stimulus for the development of science in the transition period.

REFERENCES

1. Berdinskikh, V.A. (2009) *Remeslo istorika v Rossii* [Craft of a historian in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Beloglazov, M.L. (1992) *Vzaimootnosheniya organov gosudarstvennoy vlasti i pravoslavnoy tserkvi na Altae (oktyabr' 1917–1925 gg.)* [Relations between state authorities and the Orthodox Church in Altai (October 1917–1925)]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
3. Kogol', T.N. (1996) *Russkaya Pravoslavnaya tserkov' i gosudarstvo 1917–1927 gg. (na materialakh Zapadnoy Sibiri)* [Russian Orthodox Church and State, 1917–1927 (on materials of Western Siberia)]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
4. Smolkin, O.A. (1997) *Reformirovanie mestnykh organov vlasti i upravleniya v 1953–1964 gg.: Na materialakh Kemerovskoy, Novosibirskoy i Tomskoy oblastey* [Reforming local governments and administrations in 1953–1964: Based on materials from Kemerovo, Novosibirsk and Tomsk oblasts]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
5. Kurenkov, A.V. (2013) *Organy vlasti i upravleniya v Tomskoy gubernii (konets 1919–1925 gg.)* [Authorities and administration in Tomsk Province (late 1919–1925)]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
6. Nam, I.V. (2008) *Natsional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka v usloviyakh revolyutsii i grazhdanskoj vojny: 1917–1922 gg.* [National minorities of Siberia and the Far East in terms of revolution and civil war: 1917–1922]. Abstract of History Dr. Diss. Tomsk.
7. Kharus', O.A. (1998) *Liberalizm v Sibiri nachala XX veka* [Liberalism in Siberia at the beginning of the 20th century]. Abstract of History Dr. Diss. Tomsk.
8. Dilas, M. (2012) *Ideologiya pishet istoriyu* [Ideology writes history]. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/continent/2012/151/d34.html>. (Accessed: 23.01.2018).
9. Mironov, B.N. (2014) *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 t.* [The Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
10. Zinov'ev, V.P. (1992) *Rabochee dvizhenie v Sibiri v manufakturnyy period* [Labor movement in Siberia in the manufacturing period]. Abstract of History Dr. Diss. Tomsk.
11. Khaminov, D.V. & Nekrylov, S.A. (2008) *Istoricheskomu obrazovaniyu v Sibiri 90 let: istoricheskiy fakul'tet Tomskogo gosudarstvennogo universiteta v vospominaniyakh i dokumentakh* [Historical education in Siberia is 90: the Faculty of History of Tomsk State University in memoirs and documents]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 18 March 2018

Э.Э. Шульц

«ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» И ГЕНДЕРНЫЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ В ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Анализируются социально-психологические установки женщин Веймарской республики, участвующих в политической жизни, роль этих установок в политических предпочтениях и голосовании на выборах. Автор приходит к выводам, что все политические партии Веймарской республики в «женском вопросе» отражали всего две позиции. СДПГ и КПГ выступали за эмансипированность и активную политическую и экономическую жизнь женщин, все другие партии выдвигали на знамена «традиционные ценности» того времени, которые и были поддержаны большинством женщин Германии.

Ключевые слова: Веймарская республика; гендерное голосование; электоральная история Германии; НСДАП; Коммунистическая партия Германии; СДПГ; суфражизм.

Проблема положения женщин и их политических предпочтений в Веймарской республике и Третьем рейхе привлекает исследователей начиная с 1930-х гг. [1–22]. С тех пор сформировались и до сих пор пользуются популярностью диаметрально противоположные точки зрения. Первая рассматривает нацизм как наиболее реакционное течение, стремившееся лишить женщин прав и статуса, полученных в Веймарской республике [23. Р. 132; 24. Р. 2]. Вторая утверждает, что в Третьем рейхе по сравнению с предыдущим периодом в положении женщин не наблюдается принципиальных изменений [8. Р. 250; 25. Р. 36; 26. Р. 190]. При этом обе эти позиции не помогают разрешить другую проблему: в большей или меньшей степени голосовали женщины за Национал-социалистическую партию и почему? При этом ряд авторов задается вопросом, не дали ли женщины – члены правых партий и выбор женского электората в пользу правых партий – Немецкой народной партии (ННП) и Немецкой национальной народной партии (НННП) – пример для будущей поддержки НСДАП [17. Р. 184]. Среди исследователей даже появился вопрос, имели ли немецкие женщины отношение к победе нацизма [27. Р. 33]. Стоит ли говорить, что подобная формулировка вызывает естественное желание отрицательного ответа? Такое стремление привело, в том числе, к утверждению о невиновности женщин Веймарской республики, так как они стали голосовать за национал-социалистов Гитлера только после 1930 г. [18. Р. 5]. Появились и достаточно радикальные утверждения, что именно немецкие женщины мешали нацистам прийти к власти через выборы [12. Р. 434]. Вопрос, за какие партии и почему голосовали избиратели женского пола Веймарской республики, остается открытым [4. Р. 85; 28. Р. 126].

Все политические партии Веймарской республики в «женском вопросе» отражали всего две позиции. СДПГ и КПГ выступали за эмансипированность и активную политическую и экономическую жизнь женщин, все другие партии выдвигали на знамена «традиционные ценности» того времени.

Если обратиться к результатам распределения голосов женщин-избирателей за различные партии, то получим следующую картину. Мужской и женский электорат пропорционально (50 на 50%) голосует за СДПГ, ННП, НННП и НСДАП, женщины больше

голосуют за консервативные партии Центра, Баварскую народную партию (60 на 40%) [29. Р. 166; 30. S. 74, 243, 246–247, 250–251; 31. S. 21].

Здесь очевидно, что консервативные партии получают больше женских голосов, праворадикальная НСДАП (у которой в программе по «женскому вопросу» те же подходы) и социал-демократы, выступающие за расширение эмансипированности, получают в равных долях женских и мужских голосов, а у коммунистов, чьи лозунги в этих вопросах близки СДПГ, наблюдается серьезный дисбаланс в пользу голосов избирателей мужского пола.

Если обратить внимание на сумму всех проголосовавших за правые партии (ННП, НННП, БНП, НСДАП и партия Центра) и сумму голосов за левые партии – СДПГ и КПГ, то получится следующая картина. На выборах в рейхстаг, прошедших в мае 1924 г., первый блок партий (условно – правый блок) получил 15 170 300 голосов избирателей против 9 702 200, проголосовавших за левый блок. В декабре 1924 г. на новых выборах в рейхстаг ситуация изменилась незначительно: 15 415 100 против 10 590 100 голосов. На выборах в рейхстаг 1928 г. голоса избирателей впервые и единственный раз распределились почти поровну: 12 529 200 за первый блок и 12 417 800 за второй. На выборах 1930 г. наблюдается уже существенная разница – 15 633 100 за правые партии и 13 169 800 – за левые. На июльских выборах 1932 г. эта разница еще более увеличилась – 22 141 200 против 13 242 300. На ноябрьских выборах 1932 г. Выборах в рейхстаг – 20 683 000 против 13 228 200 [32. S. 539]. Если учесть, что за первый блок женский электорат голосовал в доле от 50 до 60% к мужским, а за второй на уровне 40–50%, то становится очевидным, что не только в процентном соотношении, но и в абсолютных цифрах женщины-избиратели периода Веймарской республики преобладали в правых партиях.

Тогда возникает вопрос, а насколько вообще были близки женщинам Веймарской республики лозунги о женских правах и равноправии. Если после ноябрьской революции 1918 г. наблюдался всплеск политической активности среди немецких женщин (значительно выросло количество женщин в партиях и профсоюзных организациях), то уже в начале 1920-х гг. произошло резкое снижение представи-

тельства женщин в таких организациях [5. Р. 303; 9. Р. 314, 323]. На этом основании, а также в связи с тем, что женщины не занимали лидирующих позиций в партиях, часто делаются выводы, что положение женщин в Веймарской республике никак не изменилось [5. Р. 303, 315; 9. Р. 314; 33. Р. 36].

Следует учитывать, что, несмотря на законодательное равноправие, на практике это равноправие не могло полностью соблюдаться. Например, мужчин предпочитали брать на рабочие места с равной оплатой (если за данную работу не могли платить меньше в случае приема на работу женщины) и работу, предполагавшую тяжелый труд. Однако немецкие женщины в большинстве своем и не стремились идти работать на заводы.

На левом фланге социал-демократы Германии и Компартия выдвигали лозунги равных прав и обязанностей. Пример реализации таких условий в СССР, где женщины работали наравне с мужчинами, в том числе в тех видах деятельности, которые до этого традиционно считались мужскими, не устраивал немецких женщин. На правом фланге лозунги борьбы за женские права имели второстепенное значение для представительниц женского пола, состоявших в ННП и НННП или поддерживавших их на выборах, главными были проблемы национального благополучия [17. Р. 183]. Жена основателя Немецкой демократической партии в своей политической программе использовала лозунги и идеи, которые встречались (в том или ином виде и системе обоснований) у всех партий: национальное единство, германские традиции, улучшение общественного образования и здравоохранения и т.д. [5. Р. 308].

Работающие немецкие женщины вынуждены были вне основной работы вести домашнее хозяйство и воспитывать детей. Эта «тройная ноша» делала лозунги о том, что работа женщины только дома, весьма привлекательными. Коммунисты и социал-демократы в начале 1930-х вынужденно признавали, что им не удастся привить идеи гендерного равенства и оторвать немецких женщин от домашних хозяйств. Представители этих партий были уверены, что женщины массово поддерживают на выборах НСДАП, так как согласны с идеями нацистов, что дом и семья – это предназначение женщины [29. Р. 177].

Можно с уверенностью подтвердить выводы Хелен Боак, что суфражизм и идеи эмансипации не воспринимались большинством женского населения Германии, среди которых были сильны установки, что главное жизненное занятие женщины – это стать женой и матерью, а политика считалась исключительно мужской областью [34. Р. 156, 162, 166]. Последнее подтверждает небольшое представительство женщин в политических структурах, так как складывается мнение, что все сколько-нибудь активные представительницы женского пола, которые к этому стремились, были задействованы партиями и общественными организациями.

При этом в корне неверно считать, что Германия в подобных вопросах чем-то сильно отличалась в худшую сторону от своих соседей и так называемых стран демократии, что здесь сильнее были традиции

идеалов семьи и материнства, разделения мужских и женских ролей в семье и обществе (и питательная почва для соответствующей идеологии) [33. Р. 36]. Небольшое количество женщин в политической системе, неравные экономические условия были типичными для всех стран, когда даже самые развитые в тот период являлись все еще патриархальными обществами [20. Р. 63–64].

Среди исследователей распространено мнение, что все партии стремились получить женский электорат, но это долгое время никак не сказывалось на появлении в их программах и предвыборных платформах лозунгов о женских правах, и только на выборах 1932 г. положение изменилось [4. Р. 85; 5. Р. 306, 319]. Кроме того, в историографии достаточно распространено мнение, что женщины не рассматривались как отдельная важная категория избирателей руководством нацистской партии, и партийная пропаганда не видела в них свою цель (см.: [4. Р. 85]).

Такие выводы не соответствуют действительности. Лозунги о правах женщин были активно взяты в политические программы СДПГ и КПГ с первых лет Веймарской республики. Абсолютно точно в избирательных кампаниях 1928–1932 гг. все партии республики использовали агитационные материалы, нацеленные на женский электорат, и примеров такой агитации сохранилось множество (приводятся в изданиях, в том числе тех авторов, которые утверждают обратное) [4. Р. 74–78, 79; 5. Р. 301–329; 18. Р. 151, 161, 189, 275]. Другое дело, что агитация правых партий (куда следует относить и партию Центра) пропагандировала традиционные семейные ценности той эпохи, а СДПГ и КПГ продвигали идеи женского равноправия во всех сферах и областях.

Позиция и лозунги НСДАП по вопросам семьи, правам и обязанностям женщин не являлась оригинальной и представляла собой смесь консервативных ценностей, которые доминировали в Веймарском обществе: призвание женщины быть супругой, матерью и хозяйкой дома [23. Р. 179]. Образ матери и жены, заботящейся о своих детях, муже и домашнем уюте стал у нацистов стержневым [7. Р. 154–156, 236–238; 27. Р. 13; 35. Р. 34, 54, 87, 113].

Среди исследователей бытует мнение, что политические предпочтения немецких женщин определялись классовой и религиозной принадлежностью: 1) рабочий класс голосовал за СДПГ и КПГ; 2) средний класс – за НДП, ННП, НННП; 3) католички выбирали партию Центра, иудейки – либеральные партии [18. Р. 5; 20. Р. 16; 36. С. 63–64].

Подобные выводы следует воспринимать с большой осторожностью. Католики голосовали и за либеральные партии и партию Центра, и за правые партии. Правые идеи немецких либеральных партий вряд ли могли привлекать иудейский электорат, а вот за СДПГ этот электорат уверенно голосовал. Пропорции же голосования за КПГ говорят о том, что коммунистам больше отдавали свои голоса на выборах одинокие мужчины и / или мужская половина семьи, но не женская – только так может сформироваться уровень 60% мужских и 40% женских голосов за КПГ [37. С. 128–131]. Х. Боак, видимо, справедливо, заметила,

что с рассматриваемой точки зрения женщины-работницы часто считали себя в первую очередь женами и матерями, нежели работницами [29. P. 169], и это обуславливало их голосование на выборах в общем тренде всех женских голосов. Следует отметить, что вывод о том, что женщины из рабочих семей (работающие и домохозяйки) большей частью голосовали за СДПГ и КПП, и вытекающий из этого постулата вывод о том, что они почти не голосовали за НСДАП даже в пиковый для партии результат июля 1932 г. [19. P. 16; 27. P. 37; 36. S. 63–64], являются исключительно умозрительными и требуют доказательств.

Если принять, что на избирательные участки приходили в равных пропорциях избиратели обоих полов (а в пользу этого говорят: 1) большее количество женщин, чем мужчин в избирательных списках, 2) высокая явка за 80%, которая нивелирует небольшие расхождения, если они существуют; 3) сохранившиеся статистические данные раздельного голосования мужчин и женщин, составляющие около 20% бюллетеней по различным избирательным округам Веймарской республики (см.: [37. С. 138, 146–148]), то возникает вопрос, куда ушли голоса указанных категорий, если они на 20% меньше достались КПП в отличие от голосов отцов, мужей и братьев. Только высоким уровнем голосов женщин за партию Центра эту разницу не объяснить. Возникает и другой вопрос: а почему, собственно, этим женщинам не голосовать за НСДАП, в программе которой наличествовал не уступающий левым партиям сильный социальный блок (см.: [Там же. С. 171–174]). Тем более что, как показывают исследования, рабочий класс в принципе достаточно активно голосовал за НСДАП (хоть в пропорциональных значениях и уступал электорату КПП) [37, 38].

Отсутствие повышенного интереса женского электората к левым партиям и даже существенное диспропорциональное голосование в отношении радикальной левой партии, вкупе с пропорциональным голосованием за радикальную правую партию и повышенный интерес к правым партиям и их платформам, говорит о психологических установках и системе ценностей женщин Веймарской республики. Учитывая высокую явку избирателей на выборах в Веймарской республике, которая в среднем за весь период была не ниже 80% [37. С. 227–229], эти установки

и особенности поведения можно уверенно экстраполировать на всех женщин Веймарской республики. Количество женщин от 20 лет и старше (возраст избирателей Веймарской республики), выступавших с позиций консервативных взглядов и за сложившиеся традиционные ценности, было больше того, что требовало социальных изменений и расширения женских прав.

Доминирующим представлением Веймарского общества, вне зависимости от половой принадлежности, был образ женщины – матери и хранительницы очага. Немецкие женщины предпочитали не ходить на работу в конторы и на заводы, а воспитывать детей и вести домашнее хозяйство. Эти установки из Кайзеровской Германии перешли в Веймарскую, а затем и в нацистскую. Примечательно, что давление таких установок сказывалось даже в самые тяжелые периоды – так, Гитлер отказывался призывать немецких женщин заменить мужчин у станков вплоть до конца 1943 г., несмотря на то что страна испытывала острую нехватку рабочих рук в связи с военной мобилизацией и потерями. Насмешливо-уничжительное значение 3К (Kinder, Küche, Kirche – ребенок, кухня, церковь), которое было заимствовано из 4К Кайзеровской эпохи (+Кайзер), появилось только после Второй мировой войны в связи с развитием феминистского движения, и образом, удобным для формирования нарицательного значения 3К, теперь и прочно связанного с явлением нацизма и консервативно-отсталых воззрений довоенной Германии, который можно было использовать как ссылку на русский домострой (см. например, [39]).

Женский электорат Веймарской республики предпочитал: 1) лозунги традиционных ценностей (поэтому правые партии получали большие предпочтения); 2) принципы стабильности и государственности (что давало больше женских голосов пропрезидентской партии Центра, обеспечивало женские голоса реформистской СДПГ, поддерживающей правительства, в противовес радикальной КПП); 3) следовать в политических решениях за мужчинами семьи (что дает пропорциональный расклад голосов для большинства партий). За НСДАП мужской и женский электорат голосовал в равных пропорциях, так что рост рейтинга этой партии точно не был связан с гендерными предпочтениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шульц Э.Э. Социология нацизма: формирование основных подходов в историографии // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Социология. 2014. № 2. С. 61–72.
2. Bäumer G. Die Frau im deutschen Staat. Berlin : Junker und Dünhaupt, 1932. 256 s.
3. Beyer H. Die Frau in der politischen Entscheidung. Stuttgart : Enke, 1933. 100 s.
4. Boak H. Mobilising women for Hitler: the female Nazi voter // Working towards the Führer / ed. by A. MacElligott, T. Kirk. Manchester University Press, 2003. P. 68–92.
5. Bridenthal R., Koonz C. Beyond Kinder, Küche, Kirche: Weimar Women in Politics and Work // Liberating Women's History. Theoretical and Critical Essays / ed. by Berenice A. Carroll. University of Illinois Press, 1976. P. 301–329.
6. Evans R. Comrades and Sisters. Feminism, Socialism, and Pacifism in Europe 1870–1945. Sussex ; New York, 1987. 203 p.
7. Evans R. The Feminist Movement in Germany 1894–1933. London : Sage Publications, 1976. 310 p.
8. Frevert U. Women in German History: From Bourgeois Emancipation to Sexual Liberation. Berg Publishers, 1989. 346 p.
9. Hagemann K. Men's Demonstrations and Women's Protest: Gender in Collective Action in the Urban Working-class Milieu during the Weimar Republic // The European Women's History Reader / ed. by Fiona Montgomery, Cristine Collette. Routledge, 2002. P. 314–328.
10. Kirkpatrick C. Woman in Nazi Germany. Jarrolds Limited, 1939. 319 p.
11. Kirkpatrick C. Nazi Germany: Its Women and Family Life. New York : Ams Press Inc, 1938. 353 p.
12. Koonz C. Mothers in the Fatherland Women, the Family and Nazi Politics. Routledge, 2013. 600 p.

13. Pine L. Nazi Family Policy, 1933–1945. Berg, 1997. 208 p.
14. Pucket H.W. Germany's Women Go Forward. New York : Columbia University, 1930. 70 p.
15. Reese D. Growing Up Female in Nazi Germany. University of Michigan Press, 2009. 287 p.
16. Rosenhaft E. Women in Modern Germany // *Modern Germany Reconsidered: 1870–1945* / ed. by Gordon Martel. Taylor & Francis, 1992. P. 140–158.
17. Scheck R. Mothers of the Nation Right-Wing Women in Weimar Germany. Berg, 2015. 368 p.
18. Sneeringer J. Winning Women's Votes: Propaganda and Politics in Weimar Germany. University of North Carolina Press, 2002. 365 p.
19. Stephenson J. The Nazi Organisation of Women. Routledge, 2013. 248 p.
20. Stephenson J. Women in Nazi Germany. Routledge, 2013. 240 p.
21. Thalmann R. Frausein im Dritten Reich. Ullstein, 1987. 307 S.
22. Thomas K. Women in Nazi Germany. London : Ams PressInc, 1943. 102 p.
23. Mason T.W. Women in Germany, 1925–1940. Family, welfare and work // *Nazism, Fascism and the Working Class* / ed. by Timothy W. Mason, Jane Caplan. Cambridge University Press, 1996. P. 131–211.
24. Wiggershaus R. Frauen unterm Nationalsozialismus. Wuppertal : P. Hammer, 1984. 167 s.
25. Haffner S. The Meaning of Hitler. Harvard University Press, 1983. 165 p.
26. Schoenbaum D. Hitler's social revolution: class and status in Nazi Germany, 1933–1939. Doubleday, 1966. 336 p.
27. Stephenson J. National Socialism and women before 1933 // *The Nazi Machtergreifung* / ed. by Peter D. Stachura. Routledge, 1983. P. 33–48.
28. Caplan J. The Rise of National Socialism 1919–1933 // *Modern Germany Reconsidered: 1870–1945* / ed. by Gordon Martel. Taylor & Francis, 1992. P. 117–139.
29. Boak H. National Socialism and Working-Class Women // *The Rise of National Socialism and the Working Classes in Weimar Germany* / ed. by Conan Fischer. Berghahn Books, 1996. P. 163–188.
30. Bremme G. Die politische Rolle der Frau in Deutschland. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1956. 288 s.
31. Striefler H. Deutsche Wahlen in Bildern und Zahlen. Düsseldorf, 1946. 65 s.
32. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Herausgegeben vom Statistischen Reichsamte. Zweiundfünfzigster Jahrgang. 1933. Berlin : Verlag von Reimar Hobbing in Berlin SW 61, 1933. 832 s.
33. Westerfield L.L. 'This Anguish, Like a Kind of Intimate Song' Resistance in Women's Literature of World War II. Rodopi, 2004. 236 p.
34. Boak H.L. Women in Weimar Germany. The "Frauenfrage" and the Female Vote // *Social Change and Political Development in Weimar Germany* / ed. by R. Bessel and E.J. Feuchtwanger. London : Croom Helm, 1981. P. 155–173.
35. Phayer M. Protestant and Catholic Women in Nazi Germany. Wayne State University Press, 1990. 286 p.
36. Mason T.W. Sozialpolitik im Dritten Reich: Arbeiterklasse und Volksgemeinschaft. VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1977. 374 s.
37. Шульц Э.Э. От Веймарской республики к Третьему рейху: Электоральная история Германии 1920-х – начала 1930-х гг. М. : ЛЕНАНД, 2016. 272 с.
38. Шульц Э.Э. Электоральная база нацистов на выборах 1928–1932 гг. в Германии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология*. 2014. № 2. С. 136–144.
39. Weisstein N. Kinder, Küche, Kirche as Scientific Law: Psychology Constructs the Female. Agitprop Literature, 1966. 170 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 октября 2018 г.

“Women’s Question” and Gender Electoral Preferences in the Weimar Republic

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 168–172.

DOI: 10.17223/15617793/439/23

Eduard E. Shults, Center of Political and Social Technologies (Moscow, Russian Federation). E-mail: nuapl@yandex.ru

Keywords: Weimar Republic; gender vote; electoral history of Germany; NSDAP; Communist Party of Germany; SPD; arrival of Nazis to power; suffragettism.

The article is devoted to the problem of social psychological attitudes of women of the Weimar Republic from the point of view of fight for the equal rights and duties with men, the role of these attitudes in political preferences and voting. The author comes to the conclusions that all political parties of the Weimar Republic reflected only two positions in “women’s question”. SDPG and KPG supported emancipation and active political and economic life of women, all other parties supported “traditional values”. 50 to 60 percent of women (in relation to men) voted for the right block of the parties (NNP, NNNP, tBNP, NSDAP and Zentrum), and 40 to 50 percent for the left block (SDPG, KPG), which clearly shows that not only in a percentage ratio, but also in absolute figures female voters of the period of the Weimar Republic prevailed in right-wing parties. The problems of emancipation and equality were not supported by most of the German women over 20 as they rejected the increasing duties and supported the rooted ideals of traditional family values. The parties from the center to the right using slogans of traditional values received higher share of women’s votes in comparison with men’s. The left-wing parties with slogans of equal rights and expansion of women’s participation in political and economic life could not receive additional women’s votes. Moreover, if the left-centrist reformist SDPG received votes of women and men in equal shares, the Communist Party received seriously fewer women’s votes. In general, women voted more for the center and right-wing parties with slogans presenting women as mothers, wives and keepers of the home hearth than for the left-wing parties which urged women to get a job on an equal basis with men. The working German women were forced to be in charge of housekeeping out of the main work and to raise children. This “threefold burden” made slogans that women’s only work is home very attractive. In the early 1930s, Communists and Social Democrats forcedly recognized that most German women did not seek to go to work at plants, and they failed to impart the ideas of gender equality and to tear the German women off their households. Representatives of these parties were sure that women in large numbers voted for NSDAP as they agreed with the ideas of the Nazis that the house and family are the mission of the woman. At the same time, it is not correct to consider that Germany was worse in these questions than its neighbors and the so-called “countries of democracy”, that its traditions of ideals of family and motherhood, division of male and female roles in family and society were stronger (and the nutritious soil for the corresponding ideology). A small number of women in the political system, unequal economic conditions were typical for all countries, even the most developed ones were still patriarchal societies during this period.

REFERENCES

1. Shul'ts, E.E. (2014) Sociology of Nazism: the basic approaches of the historiography. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*. 2. pp. 61–72. (In Russian).

2. Bäumer, G. (1932) *Die Frau im deutschen Staat* [The woman in the German state]. Berlin: Junker und Dünhaupt.
3. Beyer, H. (1933) *Die Frau in der politischen Entscheidung* [The woman in the political decision]. Stuttgart: Enke.
4. Boak, H. (2003) Mobilising women for Hitler: the female Nazi voter. In: MacElligott, A. & Kirk, T. (eds) *Working towards the Führer*. Manchester University Press.
5. Bridenthal, R. & Koonz, C. (1976) Beyond Kinder, Küche, Kirche: Weimar Women in Politics and Work. In: Berenice, A.C. (ed.) *Liberating Women's History. Theoretical and Critical Essays*. University of Illinois Press.
6. Evans, R. (1987) *Comrades and Sisters. Feminism, Socialism, and Pacifism in Europe 1870–1945*. Sussex; New York: Wheatsheaf Books.
7. Evans, R. (1976) *The Feminist Movement in Germany 1894–1933*. London: Sage Publications, 310 p.
8. Frevert, U. (1989) *Women in German History: From Bourgeois Emancipation to Sexual Liberation*. Berg Publishers.
9. Hagemann, K. (2002) Men's Demonstrations and Women's Protest: Gender in Collective Action in the Urban Working-class Milieu during the Weimar Republic. In: Montgomery, F. & Collette, C. (eds) *The European Women's History Reader*. Routledge.
10. Kirkpatrick, C. (1939) *Woman in Nazi Germany*. Jarrolds Limited.
11. Kirkpatrick, C. (1938) *Nazi Germany: Its Women and Family Life*. New York: Ams Press Inc.
12. Koonz, C. (2013) *Mothers in the Fatherland Women, the Family and Nazi Politics*. Routledge.
13. Pine, L. (1997) *Nazi Family Policy, 1933–1945*. NY: Berg Publishers.
14. Pucket, H.W. (1930) *Germany's Women Go Forward*. New York: Columbia University.
15. Reese, D. (2009) *Growing Up Female in Nazi Germany*. University of Michigan Press.
16. Rosenhaft, E. (1992) Women in Modern Germany. In: Martel, G. (ed.) *Modern Germany Reconsidered: 1870–1945*. Taylor & Francis.
17. Scheck, R. (2015) *Mothers of the Nation Right-Wing Women in Weimar Germany*. NY: Berg Publishers.
18. Sneideringer, J. (2002) *Winning Women's Votes: Propaganda and Politics in Weimar Germany*. University of North Carolina Press.
19. Stephenson, J. (2013) *The Nazi Organisation of Women*. Routledge.
20. Stephenson, J. (2013) *Women in Nazi Germany*. Routledge.
21. Thalmann, R. (1987) *Frausein im Dritten Reich* [Women in the Third Reich]. Ullstein.
22. Thomas, K. (1943) *Women in Nazi Germany*. London: Ams Press Inc.
23. Mason, T.W. (1996) Women in Germany, 1925–1940. Family, welfare and work. In: Mason, T.W. & Caplan, J. (eds) *Nazism, Fascism and the Working Class*. Cambridge University Press.
24. Wiggershaus, R. (1984) *Frauen unterm Nationalsozialismus* [Women under National Socialism]. Wuppertal: P. Hammer.
25. Haffner, S. (1983) *The Meaning of Hitler*. Harvard University Press.
26. Schoenbaum, D. (1966) *Hitler's social revolution: class and status in Nazi Germany, 1933–1939*. Doubleday.
27. Stephenson, J. (1983) National Socialism and women before 1933. In: Stachura, P.D. (ed.) *The Nazi Machtergreifung*. Routledge.
28. Caplan, J. (1992) The Rise of National Socialism 1919–1933. In: Martel, G. (ed.) *Modern Germany Reconsidered: 1870–1945*. Taylor & Francis.
29. Boak, H. (1996) National Socialism and Working-Class Women. In: Fischer, C. (ed.) *The Rise of National Socialism and the Working Classes in Weimar Germany*. Berghahn Books.
30. Bremme, G. (1956) *Die politische Rolle der Frau in Deutschland* [The political role of women in Germany]. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
31. Striefler, H. (1946) *Deutsche Wahlen in Bildern und Zahlen* [German elections in pictures and numbers]. Düsseldorf: Wende-Verlag W. Hagemann.
32. Statistisches Reichsamt. (1933) *Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich* [Statistical Yearbook for the German Reich]. Herausgegeben vom Statistischen Reichsamt. Zweiundfünfzigster Jahrgang. 1933. Berlin: Verlag von Reimar Hobbing in Berlin SW 61.
33. Westerfield, L.L. (2004) 'This Anguish, Like a Kind of Intimate Song' *Resistance in Women's Literature of World War II*. Rodopi.
34. Boak, H.L. (1981) Women in Weimar Germany. The "Frauenfrage" and the Female Vote. In: Bessel, R. & Feuchtwanger, E.J. (eds) *Social Change and Political Development in Weimar Germany*. London: Croom Helm.
35. Phayer, M. (1990) *Protestant and Catholic Women in Nazi Germany*. Wayne State University Press.
36. Mason, T.W. (1977) *Sozialpolitik im Dritten Reich: Arbeiterklasse und Volksgemeinschaft* [Social policy in the Third Reich: working class and national community]. VS Verlag für Sozialwissenschaften.
37. Shul'ts, E.E. (2016) *Ot Veymarskoy respubliki k Tret'emu reykh. Elektoral'naya istoriya Germanii 1920-kh – nachala 1930-kh gg.* [From the Weimar Republic to the Third Reich: Electoral history of Germany of the 1920s – early 1930s]. Moscow: LENAND.
38. Shul'ts, E.E. (2014) Electoral basis of Nazis in 1928–1932 elections in Germany. *Vestnik Rossiyskogo Universiteta Druzhby Narodov. Ser. Politologiya – RUDN Journal of Political Science*. 2. pp. 136–144. (In Russian).
39. Weisstein, N. (1966) *Kinder, Küche, Kirche as Scientific Law: Psychology Constructs the Female*. Agitprop Literature.

Received: 22 October 2018

ПЕДАГОГИКА

УДК 159.923.2:796.015.68-057.875:378.4(476.2)

Е.В. Осипенко

САМООЦЕНКА ФИЗИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТАМИ УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ «ГОМЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ»

Представлена характеристика сформированности ценностного отношения студентов к физическому здоровью. Результаты исследования свидетельствуют о необходимости принятия обоснованных управленческих решений по коррекции образовательного процесса физкультурно-спортивной деятельности вуза.

Ключевые слова: физическое здоровье; физические упражнения; самооценка; студенты; физическая активность; физическая работоспособность; функциональное состояние; самоконтроль.

Одна из важнейших социальных задач, которые сегодня стоят перед образованием, – забота о здоровье, физическом воспитании и развитии обучающихся [1].

Известно, что специфика современного учебного процесса накладывает отпечаток на продолжительность учебного дня, активное развитие информационной среды, функциональное состояние и адаптивность студентов, характер эмоционального фона и др.

В этой связи актуальным для современных образовательных учреждений является создание комфортной, здоровой образовательной среды для студентов путем внедрения научно-эффективных технологий, способствующих адаптации и созданию педагогических условий для саморазвития и творческой реализации личности.

Культура здоровья личности предполагает потребность и способность человека сохранять свое физическое, психическое и социальное здоровье.

На физическом уровне сущность здоровья рассматривается как динамическое равновесие работы всех внутренних органов и их адекватное реагирование на влияние окружающей среды. Различные виды органических нарушений в организме приводят к изменениям психики, личностного статуса и социального поведения человека. Чем тяжелее заболевание, тем сильнее оно влияет на состояние психического и социального здоровья. В связи с этим приоритетными являются вопросы своевременного мониторинга и коррекции каких-либо отклонений в морфо-функциональном развитии студенческой молодежи от нормы.

На наш взгляд, самооценка физического здоровья выявляет меру благополучия в функционировании организма. При этом определяющую роль, как правило, в укреплении и сохранении своего здоровья, играет сам человек. В то же время эффективность самооценки здоровья непосредственно зависит от знания самого себя.

Следует особо отметить роль физической культуры и спорта в профессиональной подготовке специалистов различных направлений, что напрямую связано с постоянной необходимостью переносить разнообразные физические нагрузки в повседневной жизни.

Цель исследования – изучение самооценки физического здоровья студенческой молодежи учреждения высшего образования.

Методы и организация исследования. Социологическое исследование студентов проходило в 2017 г. на базе образовательного учреждения «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины» с применением метода анкетирования. Анкета включала в себя 15 вопросов, на каждый вопрос предлагалось три варианта ответов. Всего было проанкетировано 1 047 студентов 1–5-х курсов основного и подготовительного медицинского отделений (юноши, девушки), в том числе: факультета физической культуры (157 чел. – 15,0%), экономического (215 чел. – 20,5%), физики и информационных технологий (55 чел. – 5,3%), исторического (111 чел. – 10,6%), математики и технологий программирования (68 чел. – 6,5%), биологического (55 чел. – 5,3%), психологии и педагогики (49 чел. – 4,7%), филологического (76 чел. – 7,3%), юридического факультета (214 чел. – 20,4%), факультета иностранных языков (47 чел. – 4,5%).

Из общей выборки количество человек 1-го курса составило 283 (27,0%), 2-го курса – 302 (28,8%), 3-го курса – 240 (22,9%), 4-го курса – 137 (13,1%), 5-го курса – 85 (8,1%). Следует отметить, что большинство специальностей уже переведено на 4-летний срок обучения, однако есть некоторые факультеты, которые в период проведения исследований еще имели 5-летний срок обучения.

В наших исследованиях лица мужского пола составили 365 чел. (34,9%), женского – 682 (65,1%). В состав группы лиц до 20 лет вошло 727 студентов (69,4%), а в группу 20–25 лет – 320 чел. (30,6%).

Результаты исследования и их обсуждение. Так, на первый вопрос «Оцените состояние своего здоровья в текущем году» 383 респондента (172 ♂ и 211 ♀ – 36,6%) посчитали его отличным, 612 (177 ♂ и 435 ♀ – 58,5%) – удовлетворительным, а 52 (16 ♀ и 36 ♂ – 5,0%) – плохим.

Из представленных выше данных видно, что большинство студентов считают свое здоровье удовлетворительным, это может быть связано с разными причинами. Одна из них – обострение простудных заболеваний в период анкетирования – зимне-весенний и др.

В то же время анализ полученных результатов по факультетам, курсам и гендерным различиям не позволил выявить каких-либо тенденций оценки студентами собственного физического здоровья. Ниже в таблице сопряжения представлены сведения по оценке собственного здоровья студентами по факультетам и полу.

На вопрос «Как изменилось Ваше здоровье по отношению к прошлому году?» 206 респондентов (103 ♂ и 103 ♀ – 19,7%) указали, что улучшилось, 708 (231 ♂ и 477 ♀ – 67,6%) – оно изменилось, а 133 (31 ♂ и 102 ♀ – 12,7%) – ухудшилось.

Таблица 1

Ответы студентов УО «ГГУ имени Ф. Скорины» в 2017 г. на вопрос «Оцените состояние своего здоровья в текущем году»

Варианты ответов на вопрос	Факультет	Пол		Всего
		мужской	женский	
Отличное	Физической культуры	67	18	85
	Экономический	24	51	75
	Физики и информационных технологий	15	3	18
	Исторический	11	18	29
	Иностранных языков	1	16	17
	Математики и технологий программирования	12	8	20
	Биологический	6	12	18
	Психологии и педагогики	1	6	7
	Филологический	0	22	22
	Юридический	35	57	92
	Всего	172	211	383
Удовлетворительное	Физической культуры	42	28	70
	Экономический	17	105	122
	Физики и информационных технологий	22	12	34
	Исторический	23	53	76
	Иностранных языков	3	24	27
	Математики и технологий программирования	27	18	45
	Биологический	11	25	36
	Психологии и педагогики	5	32	37
	Филологический	3	51	54
	Юридический	24	87	111
	Всего	177	435	612
Плохое	Физической культуры	0	2	2
	Экономический	5	13	18
	Физики и информационных технологий	1	2	3
	Исторический	2	4	6
	Иностранных языков	0	3	3
	Математики и технологий программирования	2	1	3
	Биологический	0	1	1
	Психологии и педагогики	1	4	5
	Юридический	5	6	11
		Всего	16	36

Известно, что двигательная активность – это любой вид деятельности, направленный на улучшение или сохранение физической формы и здоровья студенческой молодежи. В настоящее время наступила эра деловых и энергичных людей, занятия спортом для которых являются частью имиджа.

Оценивая уровень двигательной активности, отметим, что 244 респондента (129 ♂ и 115 ♀ – 23,3%) оценили свой уровень как высокий, 717 (209 ♂ и 508 ♀ – 68,5%) – умеренный, а 86 (27 ♂ и 59 ♀ – 8,2%) – как крайне низкий. Детальное изучение показателей позволило выявить, что к старшим курсам у респондентов отмечается снижение двигательной активности (табл. 2).

Таблица 2

Самооценка уровня физической активности студентами УО «ГГУ имени Ф. Скорины» в 2017 г.

Факультет	Курс					Всего	
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й		
Физической культуры	68	44	26	19	0	157	
Экономический	0	33	91	82	9	215	
Физики и информационных технологий	30	17	8	0	0	55	
Исторический	41	32	38	0	0	111	
Иностранных языков	47	0	0	0	0	47	
Математики и технологий программирования	50	18	0	0	0	68	
Биологический	23	32	0	0	0	55	
Психологии и педагогики	2	47	0	0	0	49	
Филологический	22	27	27	0	0	76	
Юридический	0	52	50	36	76	214	
	Всего	283	302	240	137	85	1047

Анализ ответов респондентов по поводу уровня физических нагрузок на занятиях физическим воспитанием позволяет констатировать, что 82 респондента (24 ♂ и 58 ♀ – 7,8%) считают его слишком высоким, 897 (309 ♂ и 588 ♀ – 85,7%) – достаточным и 68 (32 ♂ и 36 ♀ – 6,5%) – низким.

На вопрос «Испытываете ли Вы быструю утомляемость при любых физических нагрузках?» 358 респондентов (159 ♂ и 199 ♀ – 34,2%) ответили «нет», 582 (181 ♂ и 401 ♀ – 55,6%) – «изредка», 104 (23 ♂ и 81 ♀ – 9,9%) – «да», 3 (2 ♂ и 1 ♀ – 0,3%) – «всегда».

Детальный анализ показал, что не испытывают утомляемости при любых физических нагрузках: на 1-м курсе – 92 респондента, на 2-м курсе – 107, на 3-м курсе – 71, на 4-м курсе – 66, на 5-м курсе – 22 чел. Изредка испытывают утомляемость при физических нагрузках: на 1-м курсе – 165 респондентов, на 2-м курсе – 159, на 3-м курсе – 142, на 4-м курсе – 62, на 5-м курсе – 54 чел. Ответили согласием на наличие утомления при любых физических нагрузках – на 1-м курсе – 26 респондентов, на 2-м курсе – 34, на 3-м курсе – 26, на 4-м курсе – 9, на 5-м курсе – 9 респондентов. Всегда испытывают утомление 2 респондента, обучающихся на 2-м курсе и 1 респондент – на 3-м курсе.

Оценивая степень уверенности в своих физических возможностях при регулярных занятиях физическими упражнениями 339 респондентов (180 ♂ и 159 ♀ – 32,4%) указали, что уверены в выполнении интенсивных упражнений и действиях соревновательного характера, 480 (140 ♂ и 340 ♀ – 45,8%) – недостаточно уверены, 228 (45 ♂ и 183 ♀ – 21,8%) – не уверены.

Вероятно, в каждом конкретном случае сочетание учебы с занятиями физическим воспитанием и в спортивных секциях должно иметь оптимальное соотношение, которое зависит как от состояния здоровья, индивидуальных качеств и способностей человека, так и от условий учебного труда, быта и наличия спортивных баз.

В табл. 3 приведены ответы респондентов на вопросы, касающиеся субъективной оценки неприятных ощущений со стороны функционального состояния организма и общего самочувствия в покое и при выполнении физических нагрузок. Так, на неприятные ощущения в покое, боли в области сердца, головокружение, обмороки жалуются лишь 3,3–5,2% респондентов, на их проявление время от времени – 34,1–36,3%, а 58,5–62,6% не имеют жалоб.

В то же время анализ полученных результатов по наличию у студентов признаков внутреннего дискомфорта при выполнении ими физических нагрузок выявил схожие ответы. Так, на частые головные боли и боли в области сердца ссылаются 3,7–4,0% респондентов; 27,0–27,4% отмечают их наличие время от времени; около 69% опрашиваемых ничего не беспокоит.

Анализ состояния опорно-двигательной системы показал, что 100 респондентов (26 ♂ и 74 ♀ – 9,6%) беспокоят боли в позвоночнике (суставах) в покое или после физических упражнений, 410 (125 ♂ и 285 ♀ – 39,2%) зафиксировали их проявление изредка, а 537 (214 ♂ и 323 ♀ – 51,3%) ничего не беспокоит.

Современный образ жизни студенческой молодежи влияет на их здоровье непосредственно, а условия жизни – опосредованно. Анализ данных по режиму учебной деятельности и отдыха показал, что лишь 264 респондента (95 ♂ и 169 ♀ – 25,2%) удовлетворены длительностью и качеством сна, в то время как 571 (198 ♂ и 373 ♀ – 54,5%) – не всегда довольны сном, а 212 (72 ♂ и 140 ♀ – 20,2%) указали на постоянный недосып.

Определенный интерес вызывает вопросы закаливания и ведения дневника самоконтроля. Так, на вопрос «Занимаетесь ли Вы элементарным закаливанием (холодный душ, обтирание)?» 70 респондентов (36 ♂ и 34 ♀ – 6,7%) отметили, что ежедневно, 423 (166 ♂ и 257 ♀ – 40,4%) – не регулярно, а 554 (163 ♂ и 391 ♀ – 52,9%) – не занимаются.

Таблица 3

Самооценка студентами УО «ГТУ имени Ф. Скоринь» неприятных ощущений со стороны функционального состояния организма и общего самочувствия в покое и при выполнении физических нагрузок

Вопрос	Варианты ответов	Пол		Кол-во респондентов	%
		муж.	жен.		
Беспокоят ли Вас неприятные ощущения, боли в области сердца в покое?	Очень часто	6	29	35	3,3
	Изредка	109	248	357	34,1
	Нет	250	405	655	62,6
Беспокоят ли Вас боли в области сердца при выполнении физических нагрузок?	Очень часто	9	30	39	3,7
	Изредка	78	209	287	27,4
	Нет	278	443	721	68,9
Бывают ли у Вас головные боли, головокружения, обмороки в покое?	Очень часто	10	44	54	5,2
	Изредка	89	291	380	36,3
	Нет	266	347	613	58,5
Беспокоят ли Вас головные боли при выполнении физических нагрузок?	Очень часто	12	30	42	4,0
	Изредка	65	218	283	27,0
	Нет	288	434	722	69,0

Вели дневник самоконтроля оценки собственного физического здоровья лишь 55 респондентов (37 ♂ и 18 ♀ – 5,3%), в то время как 147

(49 ♂ и 98 ♀ – 14,0%) «пробовали, но не получается», а 845 (279 ♂ и 566 ♀ – 80,7%) не считают это необходимым.

Следует отметить, что к изучению литературы по физической культуре, спорту, здоровью студенты проявляют весьма слабый интерес. Так, только 94 респондента (43 ♂ и 51 ♀ – 9,0%) указали, что постоянно изучают научно-методическую литературу, 321 (131 ♂ и 190 ♀ – 30,7%) – изредка, 632 (191 ♂ и 441 ♀ – 60,4%) – не интересуются.

Таким образом, результаты самооценки физического здоровья студентов УО «ГГУ имени Ф. Скорины» основного и подготовительного отделений (юноши, девушки) позволяют сделать заключение, что 58,5% респондентов оценивают свое состояние в текущем году как удовлетворительное, 67,6% считают, что оно не изменилось по отношению к прошлому году.

68,5% респондентов считают физическую активность умеренной, при этом мы показали, что с повышением курса обучения двигательная активность студентов снижается.

55,6% респондентов указали на наличие утомляемости при любых физических нагрузках.

Более 50–60% опрошенных не имеют жалоб на признаки нарушения функциональных систем организма и общего самочувствия в покое и при выполнении физических нагрузок.

54,5% респондентов недовольны сном, 20,2% из них испытывают постоянный недосып; 52,9% не занимаются закалывающими процедурами.

Более 80% студентов не ведут дневник самоконтроля и не осуществляют мониторинг физического здоровья и самочувствия.

Известно, что субъектами формирования здорового образа жизни являются не только семья, образовательные учреждения, но и средства массовой информации, литература. Уровень интереса респондентов к

информации о здоровье и способах его улучшения крайне низок – менее 40%.

Таким образом, анализ проведенного исследования студентов свидетельствует о необходимости принятия обоснованных управленческих решений по коррекции образовательного процесса физкультурно-спортивной деятельности вуза.

Так, результаты проведенного исследования демонстрируют отсутствие интереса учащихся к собственному здоровью и здоровому образу жизни. При этом занятия различными видами спорта, поддержание своей физической формы не являются распространенными способами поддержания здоровья студентов.

Реальную помощь в решении вышеизложенных проблем может оказать создание целевой программы, направленной на укрепление здоровья студентов и формирование здорового образа жизни, которая рассматривается как часть общей системы образовательного процесса в университете.

Считаем целесообразным усилить индивидуальную направленность воздействия на студентов отдельными элементами двигательной активности и сознательного отношения к режиму труда и отдыха, что в свою очередь позволит внести определенные коррективы в физкультурно-спортивную деятельность кафедры физического воспитания и спорта университета.

Необходимо обратить внимание студентов на целесообразность самостоятельных индивидуальных занятий физическими упражнениями, и в первую очередь циклическими видами спорта (ходьба, бег, лыжные прогулки, плавание, ориентирование и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Влияние двигательной активности на здоровье студентов. URL: <http://www.informio.ru/publications/id2771/Vlijanie-dvigatelnoi-aktivnosti-na-zdorove-studentov> (дата обращения: 05.12.2018).

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 23 мая 2018 г.

Self-Assessment of Physical Health by Students of Francisk Skorina Gomel State University

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 173–177.

DOI: 10.17223/15617793/439/24

Evgeny V. Osipenko, Francisk Skorina Gomel State University (Gomel, Belarus). E-mail: eosipenko_2009@mail.ru

Keywords: physical health; physical exercises; self-esteem; students; physical activity; physical efficiency; self-control.

The ongoing socio-economic changes, the reduction of demographic potential, the deployment of the fourth industrial revolution and the processes of new industrialization suggest the formation of a person of a new time, whose prior qualities are education, competence, plasticity. In this regard, one of the urgent practical tasks of modern educational institutions is to create a comfortable, healthy educational environment for students through the introduction of scientific and effective technologies that contribute to the adaptation and creation of pedagogical conditions for self-development and creative realization of the individual. The aim of the study was to study the self-assessment of physical health of students of higher education institutions of Gomel (Belarus) on the basis of sociological research using the method of questioning. The study involved 1047 first- to five-year students of the main and preparatory departments (males and females) of Francisk Skorina Gomel State University (Republic of Belarus). It is revealed that 58.5% of the respondents assess their physical health status in the current year as satisfactory, 67.6% of the respondents believe that it has not changed compared to the previous year. 68.5% of respondents believe physical activity is moderate, while it has been found that with years of studying the motor activity of the respondents decreases. 55.6% of the respondents indicated the presence of fatigue from time to time during any physical activity. 54.5% of the respondents are dissatisfied with sleep, 20.2% of them experience constant lack of sleep; 52.9% of the respondents are not engaged in tempering procedures. The level of the respondents' interest in health information and ways to improve it is extremely low – less than 40%. Thus, the analysis of the study indicates the need to make informed management decisions on the correction of the educational process for physical culture and sports activities in the university. The results of the study demonstrate the lack of students' interest in their own health and in healthy lifestyle. At the same time, classes in various sports, keeping fit are not common ways to maintain health among students. Real help in solving the above problems

can be provided by the creation of a targeted program, which can be considered as part of the overall system of the educational process at the university, that would aim at improving students' health and forming a healthy lifestyle. The author considers it expedient to strengthen the individual orientation of the impact on students by separate elements of motor activity and, first of all, cyclic sports (walking, running, skiing, swimming, orienteering, etc.).

REFERENCES

1. Informio. (2016) *Vliyanie dvigatel'noy aktivnosti na zdorov'e studentov* [The impact of physical activity on the health of students]. [Online] Available from: <http://www.informio.ru/publications/id2771/Vlijanie-dvigatelnoi-aktivnosti-na-zdorove-studentov>. (Accessed: 05.12.2018).

Received: 23 May 2018

А.Д. Плутенко, А.В. Лейфа, В.В. Еремина, Т.В. Халецкая

МНОГОУРОВНЕВАЯ ПОДГОТОВКА ИНЖЕНЕРНЫХ КАДРОВ В КОНТЕКСТЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья выполнена в рамках государственного задания, номер для публикаций: 27.5769.2017/8.9.

Реализация инновационной социально ориентированной модели развития России невозможна без построения системы непрерывного профессионального образования инженерных кадров. Однако на сегодняшний день отсутствуют современные концепции непрерывного инженерного образования, ориентированные на организацию и профессиональную подготовку инженерных кадров для высокотехнологических предприятий. Целью данного исследования являлась разработка и обоснование системы непрерывного профессионального образования инженерных кадров для высокотехнологических предприятий Дальневосточного региона. В статье предлагается концепция непрерывного профессионального образования инженерных кадров для высокотехнологических предприятий Дальневосточного региона.

Ключевые слова: инженеры; непрерывное профессиональное образование; педагогический комплекс общеобразовательный лицей – университет – предприятие.

Актуальность исследования. Реализация инновационной социально ориентированной модели развития России невозможна без построения системы непрерывного профессионального образования инженерных кадров. Система непрерывного профессионального образования должна быть направлена на создание необходимых условий для всестороннего гармоничного развития личности, независимо от возраста, первоначально приобретенной профессии, специальности, места жительства, но с обязательным учетом его способностей, мотивов, интересов, ценностных установок [1]. Система непрерывного образования инженерных кадров должна строиться на основе Федеральных государственных образовательных стандартов и требований работодателей, представленных в профессиональном стандарте. По существу, профессиональный стандарт задает требования работодателя к будущему специалисту и обеспечивает должный уровень профессиональной подготовленности инженерных кадров (специальные знания, специальные умения и трудовые действия) [2].

В последние годы Минобрнауки России увеличивает прием в вузы на технические специальности за счет бюджетных средств. Однако, несмотря на принимаемые меры, потребности в инженерных кадрах в полной мере не удовлетворяются, как количественно, так и качественно. Развитие современных сфер промышленности и коммуникаций предъявляет новые требования к уровню профессионального образования инженеров. Сегодня для экономики инновационной России необходимы высокопрофессиональные специалисты, обладающие рационализаторским, творческим и новаторским потенциалом [3–5].

На наш взгляд, данную задачу должна решить система непрерывного профессионального образования в университете, направленная на опережение и оптимальную адаптацию будущих инженеров, работающих на высокотехнологических предприятиях.

Анализ научной литературы показал, что проблеме подготовки инженера в вузе посвящен целый ряд исследований: становлению и развитию профессиональной деятельности инженера – публикации А.А. Александрова, И.Б. Федорова, В.Е. Медведева и

др.; теории и методике профессиональной подготовки инженерных кадров – Е.В. Ткаченко, Н.К. Чапаева, Э.Ф. Зеера, Е.С. Шумик и др. [6–11].

Однако на сегодняшний день отсутствуют современные концепции непрерывного инженерного образования, ориентированные на организацию и профессиональную подготовку инженерных кадров для высокотехнологических предприятий.

Целью данного исследования являлась разработка и обоснование системы непрерывного профессионального образования инженерных кадров для высокотехнологических предприятий Дальневосточного региона.

Основные результаты. Необходимо отметить, что система профессионального образования инженерных кадров претерпела значительные изменения в соответствии:

- 1) с требованиями Федерального закона Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации»;
- 2) основными положениями концепции непрерывного образования;
- 3) положениями многоуровневой подготовки кадров;
- 4) профессиональными стандартами и потребностями обновления высшей школы.

Для профессионального образования важное значение имеет Ассоциация инженерного образования России (АИОР), которая входит в Washington Accord (организация в области оценки качества инженерного образования на основе IEA Graduate Attributes and Professional Competencies). Исходя из этого, важным является изучение тенденций в международной образовательной практике и отражения их в подготовке инженерных кадров нового поколения.

Одним из основных факторов развития системы непрерывного инженерного образования являются децентрализация и регионализация. В данном аспекте целью децентрализации системы непрерывного инженерного образования является повышение самостоятельности университета и установление его прямых связей с рынком труда, т.е. предприятиями инженерной направленности. Самостоятельность университета проявляется в развитии вариативного образования

на всех ступенях обучения: общеобразовательные программы на уровне общеобразовательного лицея, основные образовательные программы на уровнях среднего профессионального и высшего образования, программы переподготовки и повышения квалификации на уровне дополнительного профессионального образования.

При построении содержания инженерного образования необходимо учитывать региональную специфику. Региональная модель системы профессиональной подготовки инженерных кадров должна ориентировать участников образовательного процесса на взаимозависимость и взаимообусловленность развития образования и региона в целом – всех его социально-экономических характеристик. По существу, это должно найти отражение в выбранных целях непрерывного инженерного образования, в дополнительных профессиональных компетенциях и основных механизмах их достижения.

Амурская область имеет важное геополитическое значение, большой природно-ресурсный потенциал, поддержка федерального центра привлекли в Приамурье масштабные проекты, многие из которых находятся в стадии активной реализации. В числе ключевых инвестиционных проектов – введение в эксплуатацию объектов наземной космической инфраструктуры космодрома «Восточный» (Свободненский район), строительство магистрального газопровода «Сила Сибири» со службами технического сопровождения, строительство крупнейшего в России газоперерабатывающего комплекса (ОАО «Газпром», г. Свободный) и газохимического завода (СИБУР, г. Свободный), ввод в эксплуатацию Нижне-Бурейской ГЭС и др. Амурский государственный университет (далее АмГУ) – один из крупных образовательных, научных, культурных, просветительских центров в Дальневосточном регионе. В настоящее время первостепенное значение АмГУ уделяет приоритетным для Амурской области и всего Дальнего Востока электроэнергетической, горнодобывающей, космической и химической отраслям. АмГУ выстроил дифференцированную и непрерывную систему профессионального образования инженерных кадров: общеобразовательный лицей – академический колледж – университет (бакалавриат, магистратура, аспирантура) – дополнительное профессиональное образование (переподготовка, повышение квалификации) [9].

Основными задачами профессиональной подготовки инженерных кадров на современном этапе являются:

1. Подготовка квалифицированных кадров в соответствии с требованиями ФГОС ВО с целью формирования профессиональных компетенций, необходимых в будущей трудовой деятельности.

2. Учет в профессиональной подготовке требований профессионального стандарта в аспекте формирования специальных знаний, умений и трудовых действий, необходимых для выполнения профессиональных функций.

3. Формирование профессионального самосознания у будущих инженеров, чувства ответственности

за свои действия, стремления к постоянному совершенствованию своего профессионального мастерства с учетом специфики инженерной деятельности.

4. Формирование высокой психологической устойчивости личности будущего инженера, а также профессионально-психологических качеств и навыков.

В контексте разработки и обоснования системы непрерывного профессионального образования инженерных кадров для высокотехнологических предприятий Дальневосточного региона заслуживает внимания опыт создания на базе АмГУ комплекса школа – вуз – предприятие.

На сегодняшний день в АмГУ осуществляется подготовка инженерных кадров по направлениям подготовки: 1) «Ракетные комплексы и космонавтика»; 2) «Проектирование, производство и эксплуатация ракет и ракетно-космических комплексов» для космодрома «Восточный»; 3) «Химическая технология» для магистрального газопровода «Сила Сибири», газоперерабатывающего комплекса и газохимического завода и др. Партнерами со стороны предприятий выступают Роскосмос, ФГУП «ЦЭНКИ», ООО «Газпром переработка» и ООО «СИБУР» и др.

В 2013–2015 гг. университет был отмечен грантом Министерства образования и науки РФ «Кадры для регионов». Итогом реализации программы стала разработка системы опережающей подготовки инженерных кадров для отраслевых предприятий-лидеров в сфере электроэнергетики, горной металлургии и др. В 2015–2016 гг. университет стал победителем конкурсов Минобрнауки России «Новые кадры для оборонно-промышленного комплекса». В рамках реализации проекта при поддержке ФГУП «ЦЭНКИ» создан многофункциональный образовательный центр по подготовке инженерных кадров для эксплуатационных служб космодрома «Восточный». С 2013 г. университет входит в состав космического научно-образовательного инновационного консорциума в области формирования современной эффективной системы подготовки квалифицированных кадров для ракетно-космической промышленности.

Организация непрерывной подготовки инженерных кадров в университете строится на основе: непрерывно развивающихся инновационных отраслей промышленности; внедрения системы параллельного образования; обеспечения условий для непрерывного повышения квалификации обучающихся; формирования гибкой системы поступательного профессионального и карьерного роста в системе школа – вуз – предприятие.

Задачами научно-образовательной системы непрерывной подготовки кадров являются:

– обеспечение преемственности знаний, умений и трудовых действий в системе школа – вуз – предприятие);

– обеспечение постоянной доступности дисциплинарной институциональной среды для получения актуальных знаний и навыков;

– создание системы непрерывного мониторинга оценки содержания и качества образования в образовательных учреждениях;

– обмен опытом с научными организациями и предприятиями-партнерами;

- предоставление широких возможностей для самообучения;
- формирование личностной мотивации и инновационного мышления;
- содействие устойчивому социально-экономическому развитию Дальневосточного региона, оказавшегося в зоне низкого демографического уровня, слабого социально-экономического развития и трансграничных рисков.

Задачами в рамках подсистемы «Общеобразовательный лицей» в аспекте непрерывной подготовки инженерных кадров являются:

- вовлечение школьника на ранних этапах в процесс активного познания в среде профессионального сообщества;
- формирование социально активной личности;
- выявление талантливых детей и целенаправленная работа по их профессиональному развитию с применением современных методов и технологий;
- привлечение детей к профильно-ориентированным занятиям;
- формирование исследовательской культуры школьника в процессе вовлечения его в научную деятельность;
- разработка индивидуальной траектории и анализ долгосрочной перспективы развития образовательного процесса ученика.

Задачи, решаемые в рамках этой подсистемы, являются наиболее важными, поскольку на данном этапе у обучаемых закладываются особенности личности, определяющие их успешность в будущей инженерной деятельности. К важным личностным качествам, необходимым в профессиональной деятельности будущего инженера, относят: способность к личностному и профессиональному самоопределению в динамичных условиях, к самостоятельному и инициативному, осознанному личностному и профессиональному росту в условиях выбора и личной ответственности, настойчивость в достижении целей, гибкость ума и т.д.

С целью решения данных задач в учебный план была включена дисциплина «Проектная деятельность». На нее отводится два часа в неделю. Занятия проводятся с восьмого класса. В качестве руководителей проекта выступают преподаватели АмГУ. Все проекты носят исследовательский характер. Около 80% проектов, которые выполняют ученики, имеют прикладное, инженерное решение. Увеличено количество часов, отводимых на преподавание математики, физики, химии. Преподавание этих дисциплин ведется углубленно. С целью пропедевтики проектной деятельности в пятом и шестом классах ребятам преподают курс «Естественнознание». Предмет образовательной программы – «Школьная лига РОСНАНО», целью которой является продвижение в школах Российской Федерации идей, направленных на развитие современного образования, в первую очередь – естественнонаучного.

В связи с необходимостью овладения школьниками ИТ-культурой – одним из слагаемых общей культуры, понимаемой как высшее проявление образованности, включая личностные качества человека и его профессиональную компетентность, серьезное вни-

мание уделяется содержанию и преподаванию предмета «Информатика». Развитие информационных технологий позволит работать над одним проектом, вести совместные исследования и быстро обмениваться результатами людям, находящимся далеко друг от друга. Как следствие, обучающиеся должны владеть иностранными языками. В лицее преподаются три языка. Особое внимание уделяется преподаванию английского языка.

Общеобразовательный лицей участвует во многих образовательных проектах. Одним из таких является инженерная школа CanSat. Выполнение заданий инженерной школы подразумевает овладение навыками в области программирования, прототипирования, авиа- и 3D моделирования. В 2017 г. ребята стали победителями Всероссийского чемпионата, проводимого в городе Дубна.

Площадка программы профессиональной подготовки и профориентации школьников JuniorSkills в Амурской области реализована на базе общеобразовательного лицея университета. Учащиеся лицея стали участниками и победителями программы в двух компетенциях: робототехника и электромонтажные работы. С 2017 г. планируется участие ребят в компетенции аэрокосмическая инженерия. Выполнение кейсов в этих трех компетенциях позволяют овладеть многими профессиональными и инженерными навыками.

С 2015 г. общеобразовательный лицей является площадкой для проведения многопрофильной инженерной олимпиады «Звезда». Задания в естественнонаучном и техническом направлениях позволяют развивать творческий потенциал в рамках решения инженерных задач нефтегазовой, машиностроительной и авиационной отраслей. Участники этой олимпиады получили возможность поучаствовать во Всероссийском форуме «Будущие интеллектуальные лидеры России» в 2016–2017 гг. Ребята участвовали в решении проектных задач, предлагаемых ведущими государственными корпорациями России.

Большое внимание в лицее уделяется дополнительным образовательным программам. Ребята занимаются в таких кружках, как программирование, 3D моделирование, прототипирование, программирование игр, физико-математической школе, медиа журналистике, авиамоделировании. Дополнительные программы направлены на актуализацию знаний, развитие интереса к инженерной деятельности и ориентируют ребят в выборе будущей профессии.

С целью вовлечения школьников в процесс освоения будущей профессии профильные дидактические единицы были адаптированы к уровню восприятия с использованием мультимедийных и интерактивных технологий. Профильные учебные дисциплины ведут не только преподаватели университета, но и специалисты высокотехнологических предприятий региона (ЦЭНКИ, СИБУРа и др.). Важным является то, что профильные дисциплины проходят в учебных лабораториях университета и на самих предприятиях. В рамках профессиональной ориентации школьников на профильных дисциплинах даются положительные примеры успешности выпускников лицея и университета в их профессиональном развитии.

С помощью постоянной системы онлайн-контроля достижений лицейстов были созданы портфолио, обеспечивающие учет не только статистических показателей развития, но и их динамики. Оценка динамики их достижений в единой информационно-образовательной среде позволила осуществлять дифференцированное сопровождение траектории профессионального развития не только в лицее университета, но и в самом университете на этапе их обучения.

Как следствие, две трети выпускников лицей выбирают инженерные направления подготовки для получения будущей профессии. Лидерами являются профессии, связанные с программированием, моделированием технических систем.

Задачами подсистемы «Университет» системы непрерывной подготовки инженерных кадров являются:

- организация целевой опережающей подготовки инженерных кадров совместно с высокотехнологическими предприятиями региона в рамках программы Министерства образования и науки РФ «Подготовка кадров для оборонно-промышленных предприятий»;

- создание на базе университета новых организационных структур, направленных на аккумулярование практической направленности подготовки инженерных кадров;

- организация практической подготовки на базе высокотехнологических предприятий региона;

- помощь в профессиональной адаптации и успешном трудоустройстве;

- самостоятельное проектирование и прогнозирование собственной профессиональной траектории и карьеры с учетом необходимости непрерывного повышения квалификации.

Анализ требований работодателей к системе профессиональной подготовки инженерных кадров показал следующее: во-первых, требования работодателей носят четкий характер и обусловлены изменениями, происходящими в экономике страны; во-вторых, изменился подход к формированию заказа на подготовку кадров: заказ стал все больше строиться на основе прямых требований работодателя (профессиональный стандарт) к качеству подготовки специалистов; в-третьих, в течение последних 4–5 лет проблема соответствия профессиональной подготовки специалистов требованиям производства стала одной из самых актуальных как для предприятий, так и для учебных заведений.

Обеспечить участие работодателей в процессе подготовки инженерных кадров, сформировать профессиональные компетенции и трудовые действия возможно в процессе подготовки будущих специалистов в рамках сетевого партнерства с высокотехнологическими предприятиями. Сущность профессиональной подготовки инженерных кадров на основе сетевого партнерства заключается в организации практического обучения и самостоятельной работы студентов университета на базе высокотехнологических предприятий региона. Это позволяет рассматривать практическую подготовку и теоретическое обучение, во-первых, как взаимодополняющие друг дру-

га; во-вторых – как обеспечивающие преемственность образования и производства.

Подготовка инженерных кадров на основе сетевого партнерства позволяет закреплять и совершенствовать профессиональные знания, умения и навыки, полученные в процессе теоретического обучения, и формировать качества личности будущего специалиста, необходимые для выполнения трудовых функций на должном уровне.

На наш взгляд, осуществление практической инженерной подготовки на основе сетевого партнерства позволяет:

- 1) свести до минимума время адаптации будущего инженера на рабочем месте; обеспечить мобильность подготавливаемых инженеров при освоении и разработке принципиально новых технологий;

- 2) подготовить предложения по совершенствованию содержания и процесса подготовки будущих инженеров;

- 3) обеспечить эффективную обратную связь предприятия и учебного заведения;

- 4) провести независимую оценку качества подготовки будущих специалистов.

В рамках подготовки инженерных кадров для космодрома «Восточный» университет осуществляет целевую подготовку по программе Министерства образования и науки РФ «Подготовка кадров для оборонно-промышленного комплекса».

Задачи проекта по целевому обучению:

- совершенствование основной образовательной программы подготовки специалистов в сфере программирования и применения инфокоммуникационных технологий и специалистов в сфере электроэнергетики и электротехники для обеспечения соответствующего уровня квалификации, отвечающего современным стандартам и требованиям предприятий оборонно-промышленного комплекса;

- обновление учебно-методического обеспечения образовательной программы для подготовки высококвалифицированных кадров, способных решать следующие профессиональные задачи: проектирование программных и аппаратных средств, применение современных инструментальных средств разработки программного обеспечения, автоматизация технологических процессов, применение современных программно-методических комплексов исследования, математическое моделирование процессов и объектов, создание и эксплуатация надежных инфокоммуникационных систем и средств;

- реализация инновационных подходов в образовательном процессе, ориентированных на формирование профессиональных компетенций в следующих областях: проектирование объектов профессиональной деятельности и контроль за режимами работы технологического оборудования, разработка схем, определение параметров элементов оборудования, проверка технического состояния и остаточного ресурса систем электроснабжения, организация диагностики и ремонта объектов наземной космической инфраструктуры в соответствии с запросами ракетно-космической отрасли;

– расширение взаимодействия выпускающей кафедры с ФГУП «ЦЭНКИ» для совершенствования производственно-ориентированной образовательной программы по направлениям подготовки 09.03.01 «Информатика и вычислительная техника» и 13.03.02 «Электроэнергетика и электротехника» для формирования группы специалистов-экспертов с целью повышения эффективности космической деятельности;

– использование научно-инновационного и опытно-конструкторского потенциала ФГУП «ЦЭНКИ» – КЦ «Восточный» для организации научно-исследовательской работы и предквалификационных практик по направлениям подготовки «Информатика и вычислительная техника», «Электроэнергетика и электротехника» и «Техносферная безопасность»;

– совершенствование материально-технической базы для обеспечения профильных дисциплин современным вычислительным оборудованием и программно-методическими комплексами исследования и автоматизированного проектирования; современным оборудованием в области электроэнергетики и электротехники;

– организация работы открытых площадок по профессиональному тестированию и профессиональному консультированию, проведение ярмарок вакансий с участием представителей предприятий ракетно-космической отрасли;

– реализация плана мероприятий по повышению квалификации профессорско-преподавательского состава в ведущих научно-образовательных центрах, реализующих программы подготовки специалистов для ракетно-космической отрасли.

В октябре 2015 г. в структуре АмГУ было создано подразделение «Многофункциональный образовательный центр по подготовке высококвалифицированных кадров для эксплуатации космодрома «Восточный». В состав центра вошла базовая кафедра «Эксплуатация объектов наземной космической инфраструктуры» (ФГУП «ЦЭНКИ») и информационно-аналитическое управление реализации образовательных программ для кадрового обеспечения объектов инженерной инфраструктуры космодрома «Восточный». Информационно-аналитическое управление реализации образовательных программ включает три сектора: сектор реализации программ подготовки специалистов в сфере электро- и теплоэнергетики, сектор реализации программ подготовки специалистов в области математического и программного обеспечения информационных систем, сектор реализации программ подготовки специалистов по профилю охраны труда и техники безопасности.

Профессиональная подготовка инженерных кадров в вузе должна строиться на взаимосвязи учебных дисциплин и различных видов практик на основе интегративного подхода. Интегративный подход подразумевает организацию профессиональной подготовки на основе взаимной интеграции теории и практики, способствует формированию основных знаний, умений, навыков и вхождению личности в будущую профессиональную деятельность. Практическая подготовка будущих инженеров является объединяющим компонентом всей структуры профессиональной подготов-

ки, отражая единство овладения содержательными и организационными сторонами будущей инженерной деятельности в процессе изучения учебных дисциплин и различных видов практик. К организационно-педагогическим условиям, способствующим эффективной профессиональной подготовки будущего инженера в вузе на основе интеграции учебных дисциплин и различного вида практик, являются: установление межпредметных связей между учебными дисциплинами и различными видами практик в профессиональной подготовке; создание интегративного комплекса, включающего взаимосвязь учебных дисциплин и различных видов практик; интеграция учебных дисциплин и различных видов практик в профессиональной подготовке будущих инженеров на основе социального партнерства. Выделенные организационно-педагогические условия обеспечивают тесную взаимосвязь с будущей инженерной деятельностью, что является существенным фактором личностно-профессионального развития будущего специалиста.

Применение знаний, полученных в ходе обучения, обеспечивает активное и результативное участие студентов в составе проектных групп при решении фундаментальных и прикладных задач в рамках формируемых технокейсов.

Таким образом, решение задач подсистемы «Университет» обеспечивает будущим инженерам успешный старт в профессиональной карьере. Получение практического опыта на высокотехнологических предприятиях Амурской области позволяет молодым специалистам достичь высокого уровня не только профессиональных компетенций, но и специальных знаний и умений, а также сформировать основные трудовые действия, что крайне необходимо на рынке труда.

Задачами подсистемы «Предприятие» в рамках непрерывной подготовки инженерных кадров являются:

– сокращение времени вхождения в трудовую деятельность молодыми инженерами;

– обеспечение подготовки инженеров, способных к инновации и нововведению;

– формирование у инженеров набора интеллектуальных моделей для решения профессиональных задач;

– повышение уровня квалификации и инновационной грамотности специалистов предприятия за счет интеграции в научно-образовательную среду.

Задачи подсистемы «Предприятие» направлены на обновление отрасли, привлечение новых инженерных кадров, получение новых специальных знаний, умений и трудовых действий. Данный процесс будет более эффективным, если он проходит совместно в связке предприятие – университет, поскольку в интеграции более сильный кадровый и научный потенциал. При этом менеджмент высокотехнологических предприятий интересен в реализации данной концепции с точки зрения обеспечения инновационного развития технологических и организационных процессов при сохранении эффективной преемственности опыта и знаний. Обновление инженерных кадров высокотехнологических предприятий за счет специалистов,

подготовленных в рамках системы непрерывного образования инженерных кадров, гарантирует успешное развитие организации в современной среде.

Таким образом, Система обучения инженерных кадров в рамках концепции непрерывной подготовки должна быть максимально приближена к реальной инженерной деятельности и направлена на приобретение навыков решения сложных технических задач за счет профессионального и творческо-

го подходов. Разработанная концепция непрерывной подготовки инженерных кадров в подсистемах «Школа», «Вуз», «Предприятие» успешно реализуется в Амурском государственном университете. Минобрнауки РФ в 2016 г. определило АмГУ лучшей площадкой среди вузов России по реализации практико-ориентированной целевой подготовки кадров для высокотехнологических отраслей оборонно-промышленного комплекса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гершунский Б.С. Методологические проблемы развития системы непрерывного образования // Перспективы и проблемы развития непрерывного образования : сб. науч. трудов. М. : АПН СССР, 1987. С. 3–18.
2. Лейфа А.В., Лейфа И.И. Развитие системы высшего профессионального образования в Российской Федерации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. Педагогика, психология. 2012. № 1. С. 345–347.
3. Жураковский В.М., Барышникова М.Ю., Воров А.Б. Модернизация инженерного образования: российские традиции и современные инновации // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 87–93.
4. Жураковский В.М. Инженерное образование как ресурс инновационного развития экономики // Известия Российской академии образования. 2014. № 2. С. 5–13.
5. Чапаев Н.К. К вопросу о взаимоотношениях образования и рынка труда // Профессиональное образование и рынок труда. 2013. № 1. С. 12–14.
6. Александров А.А., Федоров И.Б., Медведев В.Е. Инженерное образование сегодня: проблемы и решения // Будущее инженерного образования / под ред. А.А. Александрова, В.К. Балтяна. М., 2016. С. 5–11.
7. Зеер Э.Ф. Профессиональное становление личности инженера-педагога. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. 120 с.
8. Ткаченко Е.В. Проблемные вопросы развития профессионального образования в России // Проблемы современного образования. 2012. № 1. С. 11–15.
9. Чапаев Н.К. Генезис интеграции общего и профессионального образования // Акмеология профессионального образования : материалы 12-й Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2015. С. 119–124.
10. Шумик Е.С. Современная система образования: возможности или препятствия для воспроизводства инженерно-технических и инженерно-управленческих кадров // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2014. № 2 (70). С. 41–50.
11. Плутенко А.Д., Лейфа А.В., Масловская А.Г. Современная роль университета в подготовке кадров для социально-экономического развития Амурской области // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 2 (204). С. 106–112.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 30 октября 2018 г.

Multilevel Training of Engineering Staff in the Context of Lifelong Learning

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 178–184.

DOI: 10.17223/15617793/439/25

Andrey D. Plutenko, Amur State University (Blagoveshchensk, Russian Federation). E-mail: sitrk@amursu.ru

Andrei V. Leifa, Amur State University (Blagoveshchensk, Russian Federation). E-mail: Aleifa@mail.ru

Victoria V. Eremina, Amur State University (Blagoveshchensk, Russian Federation). E-mail: banysheva@mail.ru

Tatyana V. Khaletskaya, Amur State University (Blagoveshchensk, Russian Federation). E-mail: xa191288@mail.ru

Keywords: engineers; professional lifelong learning; pedagogical complex “educational lyceum – university – business”.

The aim of this study was to develop and substantiate a system of continuous professional training of engineering personnel for high-tech enterprises in the Far Eastern region. The article proposes the concept of such training. The study was conducted on the basis of Amur State University (AmSU). The theoretical methods used in the study were: the study and synthesis of relevant literature, analysis and synthesis, induction and deduction, the authors' research to substantiate a multi-level training of engineers in the context of the system of continuous education. At present, Amur Oblast is of significant geopolitical importance, has an extensive natural resource potential. Support from the federal center has attracted large-scale projects in the region, many of which are under active implementation. The key investment projects include the commissioning of ground-based space infrastructure facilities at the Vostochny Cosmodrome, the construction of the “Power of Siberia” gas pipeline with technical support services, the construction of Russia's largest gas processing complex and gas chemical plant, commissioning of the Nizhne-Bureyskaya HPP, and others. In order to train engineers, AmSU built a differentiated and continuous system of vocational education of engineering personnel, including a general educational lyceum, an academic college, a university (bachelor, master, postgraduate) and additional professional education (retraining, advanced training). The organization of continuous training of engineering staff at the university is based on continuously developing innovative industries, introduction of a system of parallel education, provision of conditions for continuous professional development of students, formation of a flexible system of progressive professional and career growth in the school – university – enterprise system. The objectives of the scientific and educational system of continuous training are: ensuring the continuity of knowledge, skills and labor activities in the school – university – enterprise system; ensuring the continued availability of a disciplinary institutional environment for obtaining relevant knowledge and skills; creating a system of continuous monitoring of the assessment of the content and quality of education in educational institutions; exchange of experience with scientific organizations and partner companies; providing opportunities for self-study; formation of personal motivation and innovative thinking; promotion of sustainable socio-economic development of the Far Eastern region, which turned out to be in the zone of a low demographic level, poor socio-economic development and cross-border risks and retention of youth in the region. The system of training engineering personnel within the framework of the concept of continuous training should be as close as possible to real engineering activity, and should be aimed at acquiring skills for solving complex technical problems through professional and creative approaches. The developed concept of continuous training of engineering personnel in the school, university and enterprise subsystems is being successful-

ly implemented at Amur State University. In 2016, the Ministry of Education and Science of the Russian Federation identified AmSU as the best platform among Russian universities for the implementation of practice-oriented target training for high-tech branches of the defense industry complex.

REFERENCES

1. Gershunskiy, B.S. (1987) Metodologicheskie problemy razvitiya sistemy nepreryvnogo obrazovaniya [Methodological problems of development of the system of continuous education]. In: Gershunskiy, B.S. et al. (eds) *Perspektivy i problemy razvitiya nepreryvnogo obrazovaniya* [Prospects and problems of the development of continuous education]. Moscow: APS USSR.
2. Leyfa, A.V. & Leyfa, I.I. (2012) Development of the higher professional education in Russia. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pedagogika, psikhologiya – Vector of Science of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology*. 1. pp. 345–347. (In Russian).
3. Zhurakovskiy, V.M., Baryshnikova, M.Yu. & Vorov, A.B. (2017) Modernization of STEM education in Russia: traditions and modern innovations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 416. pp. 87–93. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/416/13
4. Zhurakovskiy, V.M. (2014) Engineering education as a resource of innovation development of economics. *Izvestiya Rossiyskoy akademii obrazovaniya*. 2. pp. 5–13. (In Russian).
5. Chapaev, N.K. (2013) K voprosu o vzaimootnosheniyakh obrazovaniya i rynka truda [On the relationship between education and the labor market]. *Professional'noe obrazovanie i rynek truda*. 1. pp. 12–14.
6. Aleksandrov, A.A., Fedorov, I.B. & Medvedev, V.E. (2016) Inzhenernoe obrazovanie segodnya: problemy i resheniya [Engineering education today: problems and solutions]. In: Aleksandrov, A.A. & Baltyan, V.K. (eds) *Budushchee inzhenernogo obrazovaniya* [The future of engineering education]. Moscow: MSTU.
7. Zeer, E.F. (1988) *Professional'noe stanovlenie lichnosti inzhenera-pedagoga* [Professional formation of the personality of the engineer teacher]. Sverdlovsk: Ural State University.
8. Tkachenko, E.V. (2012) Problem questions on development of professional education in Russia. *Problemy sovremennogo obrazovaniya – Problems of Modern Education*. 1. pp. 11–15. (In Russian).
9. Chapaev, N.K. (2015) [Genesis of the integration of general and vocational education]. *Akmeologiya professional'nogo obrazovaniya* [Acmeology of vocational education]. Proceedings of the 12th All-Russia Conference. Yekaterinburg: Russian State Professional Pedagogical University. pp. 119–124. (In Russian).
10. Shumik, E.S. (2014) Modern education system: opportunities or obstacles for engineering and engineering management personnel reproduction. *Izvestiya Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravlenie – Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management*. 2 (70). pp. 41–50. (In Russian).
11. Plutenko, A.D., Leyfa, A.V. & Maslovskaya, A.G. (2017) The Contemporary Role of the University in Training Personnel for the Socioeconomic Development of the Amur Region. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. 2 (204). pp. 106–112. (In Russian). DOI: 10.12737/article_59008c8f356ac9.48673813

Received: 30 October 2018

Е.А. Симонова, Т.Г. Котова

МОДЕЛИРОВАНИЕ ТРЕНИРОВОЧНОГО ПРОЦЕССА БЕГУНОВ НА КОРОТКИЕ ДИСТАНЦИИ

Рассматривается проблема подготовки спортсменов к обучению и конкурсной деятельности. Целью исследования является разработка модели учебного процесса для бегунов на коротких дистанциях. В работе использованы теоретические и эмпирические методы исследования. Авторы представили модель, которая включает в себя три блока: диагностико-моделирующий, содержательно-корректировочный и результативный. Выделяются индивидуальные ошибки для спортсменов в технике фаз работы, а также предлагаются обучающие комплексы упражнений для их коррекции. Предлагаемая модель позволила повысить уровень специальной физической подготовки спортсменов и значительно улучшить их технику бега на короткие расстояния.

Ключевые слова: легкоатлеты; спортивная подготовка; спринтерский бег; модель; моделирование тренировочного процесса; специальная физическая подготовка; техническая подготовка; индивидуальные ошибки.

На современном этапе развития легкой атлетики наблюдается повышение конкуренции в спринте, особенно она отмечается в беге на 100 м. Статистика ИААФ показывает, что мировые рекорды чаще всего устанавливают представители Ямайки, США и Канады у мужчин и ГДР, США – у женщин, а российские бегуны в этой дисциплине легкой атлетики не выдерживают соперничества, в следствие чего не проходят финальный отбор на международных соревнованиях.

В соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации Министерством спорта разработана Программа «Развитие легкой атлетики в Российской Федерации до 2020 года», одной из основных задач которой является совершенствование системы подготовки спортивного резерва, вовлечение максимального возможного числа детей, подростков и молодежи в систематические занятия легкой атлетикой. Повышение уровня и стабильности выступления спортсменов на соревнованиях различного масштаба будет зависеть от грамотной разработки системы планирования тренировочного процесса бегунов, в том числе на короткие дистанции, применяя оптимальные сочетания средств и методов. Эта система должна учитывать различные уровни подготовленности спортсменов при оптимальной системе планирования тренировочного процесса в мезоциклах, а также высокие требования к физической подготовленности легкоатлетов, предъявляемыми условиями соревновательной деятельности.

Цель предлагаемого педагогического исследования – разработать модель тренировочного процесса бегунов на короткие дистанции в возрасте 19–21 года, учитывая уровень их индивидуальных психофизиологических, антропометрических показателей, а также специальной физической, технической подготовленности в годовом периоде.

Понятие «тренировочный процесс» в легкой атлетике мы рассматриваем как активную спортивную деятельность, направленную на совершенствование физической, технической, тактической и психической подготовленностей бегунов для достижения высокого уровня спортивной формы и интеллектуальных способностей.

Спортивная подготовка должна осуществляться согласно требованиям, предъявляемым к строго управляемым процессам. Однако непосредственно

управлять изменением спортивных результатов достаточно сложно. Чаще всего в таких случаях применяют метод моделирования.

Под моделью принято понимать эталонный образец или стандарт, какого-либо объекта, процесса или явления. По мнению В.Н. Платонова, в спортивной практике для эффективного управления тренировочным процессом используют в основном две группы моделей. К первой группе относятся модели, опирающиеся на структуру соревновательной деятельности, различные стороны подготовленности спортсмена, морфофункциональные особенности; ко второй – отражающие продолжительность и динамику становления спортивного мастерства; этапы многолетней подготовки, макроциклы и периоды; тренировочные этапы, мезо- и микро-циклы; тренировочные занятия и их части; отдельные тренировочные упражнения и их комплексы [1].

Моделирование – это процесс построения, изучения и использования моделей для уточнения характеристик и оптимизации хода спортивной подготовки. Моделирование в спорте основывается на таких положениях: построение математических параметров конституции тела чемпионов (моделирование характеристик антропометрических показателей); разнообразные показатели соревновательной подготовленности высококвалифицированных спортсменов (моделирование характеристик соревновательной деятельности); построение тренировочного процесса и внутренировочных форм, влияющих на достижение высших спортивных результатов (моделирование характеристик структуры тренировочного процесса); математическое построение характеристик исходного состояния морфофункциональных показателей и уровня подготовленности (моделирование характеристик исходного состояния с целью сравнения с чемпионской моделью, нахождения различия между исходной и чемпионской моделью и построения тренировочного процесса, который позволит спортсмену достичь чемпионской модели); построение тренировочного процесса с целью достижения высших спортивных результатов (до чемпионской модели от исходного уровня).

Таким образом, модели могут опираться на модельные характеристики, которые отражают основные элементы спортивной дисциплины в различных еди-

ницах измерения, характеризующих соревновательную деятельность и отражающих различные стороны подготовленности спортсменов.

Модельные характеристики легкоатлетов-спринтеров – это идеальные показатели его физической, технико-тактической, психологической подготовленности, при которой он может показывать высокие результаты, которые соответствуют высшим мировым или национальным спортивным достижениям.

В ходе работы нами был проведен педагогический эксперимент, в котором приняли участие спортсмены-легкоатлеты группы спортивного совершенствования в возрасте 19–21 года в количестве 12 человек.

Приступая к моделированию тренировочного процесса бегунов на короткие дистанции, мы выделили основные векторы работы:

1. Выявление психофизиологических особенностей спортсменов с применением тестов (реакция на звуковые раздражители, темперамент, стрессоустойчивость, тревожность и т.д.).

2. Определение уровня физических кондиций спортсменов (тесты на быстроту, скоростную выносливость, скоростно-силовые способности).

3. Анализ уровня технической подготовленности легкоатлетов (фото- и видеосъемка низкого старта, бега по дистанции, финиша; определение стартовой реакции, мощности отталкивания, частоты и длины шага). Выявление ошибок.

4. Разработка модели тренировочного процесса легкоатлетов, направленного на совершенствование техники спринтерского бега с учетом их антропометрических и психофизиологических показателей, уровня физической и технической подготовленности. Подбор и показ обучающих видеofilьмов. Включение в процесс технической подготовки идеомоторных тренировок.

Модель тренировочного процесса легкоатлетов включала в себя три взаимосвязанных блока (рис. 1).

Первый блок – *диагностико-моделирующий* – включал определение индивидуальных психологических особенностей, влияющих на двигательную деятельность спортсменов, при помощи устройства психофизиологического тестирования «Психофизиолог». Оценка функционального состояния ЦНС по параметрам простой слухомоторной реакции на звуковой раздражитель (далее ПСМР); реакция на движущийся объект (далее РДО); оценка уровня реактивной и личностной тревожности по шкале реактивной и личностной тревожности Спилбергера–Ханина (далее ШТС); оценка функциональной подвижности нервных процессов Хильченко (далее ФПНП); оценка акцентуации характера, темперамента, личности по Леонгарду.

Показатели специальной физической подготовленности спринтеров сравнивались с таблицей нормативов Э.С. Озолина по тестам, отражающим уровень развития доминирующих физических качеств и способностей: быстроты (бег с низкого старта на 30, 60 и 100 м); скоростно-силовых способностей (прыжки в длину с места, пятёрные и десятерные); скоростной выносливости (бег на 300 м) [2].

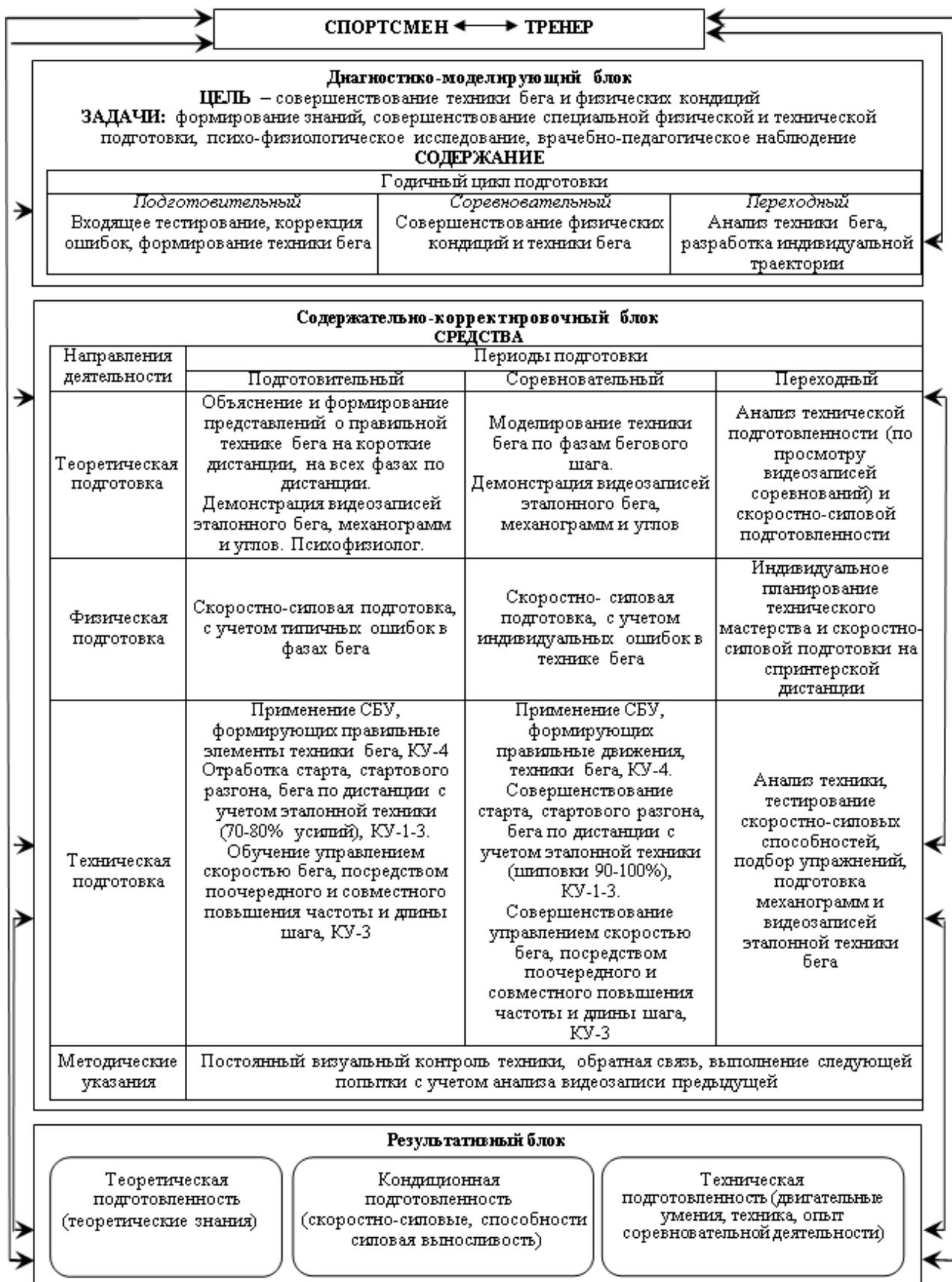
В рамках врачебно-педагогического наблюдения проводились оценка массы тела, длины тела, длины ног и сравнение с антропометрическими показателями спринтеров различной квалификации; полученные результаты позволили скорректировать параметры бегового шага спортсменов.

С помощью педагогического наблюдения нами сравнивались показатели модельных характеристик ведущих спринтеров соревновательной деятельности. Для этого замерялись время реакции, мощность отталкивания, скорость прохождения отдельных отрезков дистанции, длина и частота шагов, а также производился визуальный анализ техники всех этапов спринтерского бега путем просмотра видеороликов, снятых в замедленном режиме SlowMotion.

В процессе пилотажного исследования психофизиологического состояния спортсменов мы выявили (см. табл. 1), что оценка функционального состояния центральной нервной системы ПСМР по слуховому анализатору у 75% спортсменов не выше среднего и у 25% – на среднем уровнях; по 8% спринтеров показали быстроедействие выше среднего уровня при высокой стабильности реакций и быстроедействие среднее при стабильности реакций выше средних значений, а по 41% бегунов показали быстроедействие и стабильность реакции выше среднего и быстроедействие при средней стабильности реакций; высокий уровень функциональных возможностей ЦНС был отмечен у 75% спортсменов, стабильный – у 8%, устойчивый – у 17%; высокий уровень безошибочности наблюдался у 50%, средний – у 42%, низкий – у 8% спринтеров. Реакция на движущийся объект свидетельствует о том, что у 72% бегунов наблюдалось смещение баланса нервных процессов в сторону возбуждения, сбалансированность – у 8%, средний разброс времени реакций – у 66%, высокий и низкий разброс имели по 17% легкоатлетов.

Оценка уровня реактивной и личностной тревожности по Спилбергеру–Ханину свидетельствует о том, что у 75% спортсменов низкий уровень реактивной тревожности и у 25% – оптимальный, оптимальный уровень личной тревожности наблюдался у 83% бегунов и у 17% – высокий. Оценка функциональной подвижности нервных процессов по Хильченко говорит о том, что по 42% спринтеров имели очень высокую и высокую подвижность нервных процессов и 16% – очень низкую. Оценка акцентуации характера по Леонгарду выявила у 67% спортсменов акцентуацию по гипертимному типу, у 25% – по эмотивному, у 8% – по циклотимическому.

Уровень развития специальных физических качеств свидетельствует о том, что самый низкий уровень результатов спортсмены показали в беге на 30 м с ходу (16,7%) и прыжке в длину с места (33,3%). В десятерном прыжке 83,4% спортсменов показали результат ниже среднего. Результаты выше среднего и высокие были показаны спортсменами в беге на 100 и 300 м, прыжке с места и тройном прыжке.

СБУ – специальные беговые упражнения легкоатлета; КУ – комплекс упражнений

Рис. 1. Модель тренировочного процесса легкоатлетов

Результаты психофизиологического тестирования группы легкоатлетов-спринтеров

Спортсмен	Тест	Результаты
1. П.А.	ПСМР	Уровень активации ЦНС по слуховому анализатору выше среднего. Быстродействие выше среднего при высокой стабильности реакций. Уровень функциональных возможностей ЦНС высокий. Напряжение регуляторных механизмов. Высокий уровень безошибочности
	Реакция на движущийся объект	Смещение баланса нервных процессов в сторону возбуждения. Низкий разброс времени реакций
	ФПНП (Хильченко)	Очень высокая подвижность нервных процессов
	Шкала тревожности Спилберга	Оптимальный уровень реактивной тревожности. Оптимальный уровень личной тревожности
	Тип акцентуаций по Леонгарду	Выявлена акцентуация личности по эмотивному типу в сочетании с тенденциями по гипертимному типу реагирования
2. С.Р.	ПСМР	Уровень активации ЦНС по слуховому анализатору выше среднего. Преобладание процессов возбуждения. Быстродействие выше среднего при высокой стабильности реакций. Уровень функциональных возможностей ЦНС высокий. Напряжение регуляторных механизмов. Высокий уровень безошибочности
	Реакция на движущийся объект	Смещение баланса нервных процессов в сторону возбуждения. Низкий разброс времени реакций
	ФПНП (Хильченко)	Высокая функциональная подвижность нервных процессов
	Шкала тревожности Спилберга	Низкий уровень реактивной тревожности. Оптимальный уровень личной тревожности
	Тип акцентуаций по Леонгарду	Выявлены тенденции по гипертимному, демонстративному, педантичному типам
3. Ч.М.	ПСМР	Средний уровень активации ЦНС по слуховому анализатору. Быстродействие и стабильность реакций средние. Состояние регуляторных механизмов устойчивое. Высокий уровень безошибочности
	Реакция на движущийся объект	Баланс нервных процессов. Средний разброс времени реакции
	ФПНП (Хильченко)	Очень высокая функциональная подвижность нервных процессов
	Шкала тревожности Спилберга	Низкий уровень реактивной тревожности. Оптимальный уровень личной тревожности
	Тип акцентуаций по Леонгарду	Гипертимный, демонстративный, застревающий тип
4. К.Д.	ПСМР	Средний уровень активации ЦНС по слуховому анализатору. Быстродействие и стабильность реакций средние. Состояние регуляторных механизмов устойчивое. Средний уровень безошибочности
	Реакция на движущийся объект	Смещение баланса нервных процессов в сторону возбуждения. Средний разброс времени реакции
	ФПНП (Хильченко)	Очень высокая функциональная подвижность нервных процессов
	Шкала тревожности Спилберга	Низкий уровень реактивной тревожности. Оптимальный уровень личной тревожности
	Тип акцентуаций по Леонгарду	Выявлены тенденции по гипертимному, демонстративному типам
5. К.В.	ПСМР	Уровень активации ЦНС по слуховому анализатору выше средних значений. Преобладание процессов возбуждения. Быстродействие и стабильность реакции выше среднего. Уровень функциональных возможностей ЦНС высокий. Средний уровень безошибочности
	Реакция на движущийся объект	Смещение баланса нервных процессов в сторону возбуждения. Средний разброс времени реакции
	ФПНП (Хильченко)	Высокая функциональная подвижность нервных процессов
	Шкала тревожности Спилберга	Низкий уровень реактивной тревожности. Оптимальный уровень личной тревожности
	Тип акцентуаций по Леонгарду	Выявлена акцентуация личности по тревожному, циклотимному типам
6. А.С.	ПСМР	Уровень активации ЦНС по слуховому анализатору выше среднего. Преобладают процессы возбуждения. Быстродействие и стабильность выше среднего. Уровень функциональных возможностей ЦНС высокий. Уровень безошибочности выше среднего
	Реакция на движущийся объект	Смещение баланса нервных процессов в сторону возбуждения. Высокий разброс времени реакций
	ФПНП (Хильченко)	Высокая подвижность нервных процессов
	Шкала тревожности Спилберга	Низкий уровень реактивной тревожности. Оптимальный уровень личной тревожности
	Тип акцентуаций по Леонгарду	Выявлена акцентуация личности по демонстративному типу в сочетании с тенденциями по гипертимному типу реагирования. Застревающие личности

Спортсмен	Тест	Результаты
7. К.А.	ПСМР	Уровень активации ЦНС по слуховому анализатору выше средних значений. Преобладание процессов возбуждения. Быстродействие и стабильность реакции выше среднего. Уровень функциональных возможностей ЦНС высокий. Низкий уровень безошибочности
	Реакция на движущийся объект	Смещение баланса нервных процессов в сторону возбуждения. Средний разброс времени реакции
	ФПНП (Хильченко)	Очень низкая подвижность нервных процессов
	Шкала тревожности Спилберга	Оптимальный уровень реактивной тревожности. Высокий уровень личной тревожности
	Тип акцентуаций по Леонгарду	Выявлена акцентуация личности по циклотимно-экзальтированному, эмотивному, педантичному типам
8. К.В.	ПСМР	Уровень активации ЦНС по слуховому анализатору выше среднего. Преобладают процессы возбуждения. Быстродействие и стабильность выше среднего. Уровень функциональных возможностей ЦНС высокий. Уровень безошибочности выше среднего
	Реакция на движущийся объект	Смещение баланса нервных процессов в сторону возбуждения. Средний разброс времени реакции.
	ФПНП (Хильченко)	Очень высокая функциональная подвижность нервных процессов
	Шкала тревожности Спилберга	Низкий уровень реактивной тревожности. Оптимальный уровень личной тревожности
	Тип акцентуаций по Леонгарду	Выявлена акцентуация личности по гипертимному типу в сочетании с тенденциями по демонстративному типу реагирования
9. П.Д.	ПСМР	Уровень активации ЦНС по слуховому анализатору выше среднего. Преобладают процессы возбуждения. Быстродействие при средней стабильности реакций. Уровень функциональных возможностей ЦНС высокий. Средний уровень безошибочности
	Реакция на движущийся объект	Смещение баланса нервных процессов в сторону возбуждения. Средний разброс времени реакций
	ФПНП (Хильченко)	Высокая подвижность нервных процессов.
	Шкала тревожности Спилберга	Низкий уровень реактивной тревожности. Оптимальный уровень личной тревожности
	Тип акцентуаций по Леонгарду	Выявлена акцентуация личности по гипертимному и экзальтированному типам
10. Э.С.	ПСМР	Уровень активации ЦНС по слуховому анализатору выше среднего. Преобладают процессы возбуждения. Быстродействие при средней стабильности реакций. Уровень функциональных возможностей ЦНС высокий. Средний уровень безошибочности
	Реакция на движущийся объект	Смещение баланса нервных процессов в сторону возбуждения. Средний разброс времени реакций
	ФПНП (Хильченко)	Очень низкая подвижность нервных процессов
	Шкала тревожности Спилберга	Низкий уровень реактивной тревожности. Высокий уровень личностной тревожности
	Тип акцентуаций по Леонгарду	Эмотивный, застревающий тип
11. С.П.	ПСМР	Уровень активации ЦНС по слуховому анализатору выше среднего. Преобладают процессы возбуждения. Быстродействие при средней стабильности реакций. Уровень функциональных возможностей ЦНС высокий. Средний уровень безошибочности
	Реакция на движущийся объект	Смещение баланса нервных процессов в сторону возбуждения. Средний разброс времени реакций
	ФПНП (Хильченко)	Высокая подвижность нервных процессов
	Шкала тревожности Спилберга	Низкий уровень реактивной тревожности. Оптимальный уровень личной тревожности
	Тип акцентуаций по Леонгарду	Выявлена акцентуация личности по гипертимному типу в сочетании с тенденциями по застревающему типу реагирования
12. В.Н.	ПСМР	Средний уровень активации ЦНС по слуховому анализатору. Быстродействие среднее при стабильности реакций выше средних значений. Стабильное состояние регуляторных механизмов. Уровень безошибочности выше среднего
	Реакция на движущийся объект	Смещение баланса нервных процессов в сторону возбуждения. Высокий разброс времени реакций
	ФПНП (Хильченко)	Очень высокая подвижность нервных процессов
	Шкала тревожности Спилберга	Оптимальный уровень реактивной тревожности. Оптимальный уровень личной тревожности
	Тип акцентуаций по Леонгарду	Выявлена акцентуация личности по гипертимному и экзальтированному типам

Изучая антропометрические показатели у легкоатлетов данной группы и сопоставляя их с модельными характеристиками высококвалифицированных бегунов на короткие дистанции, мы определили, что рост, за исключением 8% спортсменов, и соотношения длины ног к общей длине тела у 75% юношей

соответствуют аналогичным показателям ведущих спринтеров мира и сборной России.

Анализ техники двигательных действий свидетельствует о том, что у всех атлетов имеются ошибки на старте, стартовом разгоне, неоптимальные углы проталкивания при беге, а также присутствует захлест

либо выхлест голени. Неоптимальный угол подъема бедра и ошибки при постановке ноги на опору у 92%, низкий и средний подъем на стопе у 73% спортсменов исследуемой группы. Ошибки положения туловища в момент вертикали у 83% атлетов. Кроме того, с возрастом скорости у спортсменов отмечено закрепощение опорно-двигательного аппарата и плечевого пояса, возникают сложности с контролем выполняемых движений и выполнением «переключений» по дистанции.

Второй блок – *содержательно-корректировочный* – учитывал результаты пилотажного исследования.

Одной из основных проблем в беге на короткие дистанции на этапе спортивного совершенствования является то, что на техническую подготовку в годовом цикле чаще всего отводятся небольшие периоды: зимний соревновательный (январь и первая неделя февраля) и ранний соревновательный летний (май – первые две недели июня) [3], а также внутренние (физические кондиции; типичные ошибки техники; психологические) и внешние (статусно-символические, коммуникативные, экопредметные) факторы [4]. Мы считаем, что такого объема технической подготовки недостаточно. Процесс технического совершенствования должен осуществляться непрерывно на протяжении всего периода спортивной тренировки.

Для коррекции психических состояний для каждого спортсмена были предложены индивидуальные рекомендации, однако для полной и более точной интерпретации результатов необходима консультация спортивного психолога.

Педагогическое наблюдение показало, что, как правило, техническая подготовка спортсменов сводится к работе над низким стартом (выбегание с колодок, старт по сигналу), пробегание коротких отрезков (скорее с целью скоростной подготовки, чем работы над техникой), упражнения на частоту рук и ног (выполняются без внимания на положение тела, головы, амплитуды), специально-беговые упражнения (выполняются с ошибками и не способствуют формированию оптимальной техники бега).

В ходе совершенствования двигательных действий возможны ошибки, которые могут затормозить рост спортивных результатов. На наш взгляд, главная задача тренеров – формирование технической двигательной базы спортсмена, это позволит сделать тренировочный процесс эффективным и рациональным, снизить риск травм, будет способствовать спортивному долголетию и даст возможности для достижения высоких результатов. Зачастую спортсмены, переходящие в группу спортивного совершенствования, обладают большими техническими погрешностями в технике бега, а также в уровне сформированности физических кондиций. В этом случае раскрытие их потенциала сильно ограничено. Без оптимальной техники бега невозможно достичь высоких скоростей. Необходимо выстраивать тренировочный процесс, исходя из требований, предъявляемых к спринтеру. Поэтому мы считаем, что комплексный подход к технической подготовке спринтеров позволит добиться высоких результатов.

Изучение уровня технической подготовленности легкоатлетов-спринтеров позволило выявить технические ошибки в спринтерском беге, их причины, последствия, к которым они ведут, и подобрать способы их устранения. Для коррекции ошибок в технике стартового положения, таких как низко или высоко поднят таз, неправильное положение головы, неправильно подобранная расстановка стартовых упоров, неправильно подобранные углы наклона стартовых упоров, неоптимальные углы сгибания ног на положении «Внимание», неоптимальный угол наклона таза, голени в положении по команде «Внимание» не параллельны, был предложен комплекс упражнений № 1 включающий: просмотр видеозаписи «своего» положения на старте и сравнение его с «эталонным»; подбор индивидуального стартового положения (расстановка стартовых упоров, угол подъема стартовых упоров, подбор индивидуального положения подъема таза по команде «Внимание» в соответствии с оптимальными значениями); корректировка положения на старте в соответствии с оптимальными углами; выполнение низкого старта и стартового разбега из индивидуально подобранного стартового положения, с фиксацией времени пробегания контрольных отрезков, и сравнение со временем до подбора стартового положения; визуальная оценка первого стартового шага и стартового разгона. Дозировка нагрузки – старты из подобранного стартового положения 6–8 раз по 30 м. В подготовительный период работа выполняется в кроссовках, а в предсоревновательный в шиповках.

Комплекс упражнений № 2 направлен на коррекцию ошибок в технике выполнения стартового разгона и включал три варианта с учетом часто встречающихся ошибок, таких как недостаточный угол наклона туловища на первом шаге, слишком длинный первый стартовый шаг («натягивание» на голень, выпрямление, медленный разгон), слишком короткий шаг (топтанье на месте без необходимого продвижения по дистанции).

Первый вариант включал: корректировку стартового положения (расстановка стартовых упоров, угол подъема стартовых упоров, подбор индивидуального положения подъема таза по команде «Внимание» в соответствии с оптимальными значениями); на спортсмена надевается атлетический пояс, за который его удерживает партнер, при выполнении спортсменом одиночного первого шага. Спортсмен выполняет первый стартовый шаг в максимально возможном наклоне. Далее наклон корректируется до оптимального значения, и упражнение повторяется; старты с колодок по отметкам подобранных первых шагов (голень ставится под острым углом к дорожке); бег по выставленным отметкам. Выставляются отметки для каждого шага. Длина шагов в стартовом разгоне увеличивается постепенно. Рекомендуемая расстановка по длине шагов следующая: первая отметка на 4 стопы от передней колодки, каждый последующий шаг больше предыдущего на 0,5 стопы до 7 ступней. Данная расстановка является усредненной. Следует произвести видеозапись стартовых шагов по этим отметкам и при необходимости внести корректировку в расстановку отметок. Слишком короткие шаги могут быть след-

ствием недостаточной скоростно-силовой подготовленности спортсмена. Дозировка – выполнение первого шага с атлетическим поясом 10–15 повторений. Старты по отметкам 6–8 раз по 30 м. Применяются в подготовительный период в кроссовках, в предсоревновательный – в шиповках.

Второй вариант направлен на коррекцию ошибок: выход со старта и стартовый разгон не в наклоне или в недостаточном наклоне; высокий пронос ступней над дорожкой на первых шагах стартового разгона и «опускание» носка приводят к стопорящей постановке ног и увеличению опорной фазы. В комплекс упражнений было включено: для преодоления страха падения в стартовом наклоне – бег с низкого старта с нагруженными отягощением салазками (одновременно происходит тренировка, направленная на повышение скоростно-силовых показателей); для исправления недостаточного наклона рекомендуется на небольшом расстоянии от места старта держать планку на необходимой высоте, которая вынудит спортсмена бежать в наклоне; спортсмену предлагается создать «мысленный образ» бега в низком тоннеле; бег в упоре: туловище параллельно полу, ноги под углом примерно 45°; имитация движения ног при беге со старта, в упоре с прикрепленным к ноге амортизатором (пронос стопы не выше 10–15 см над дорожкой). Дозировка – старты с колодок с отягощением 6–8 раз по 30 м, бег в упоре 7–10 подходов по 10 с. Применяются в подготовительный период в кроссовках, в предсоревновательный – в шиповках.

Третий вариант направлен на коррекцию ошибок: медленный первый шаг, медленный стартовый разгон; недостаточная скоростно-силовая подготовленность. В этом случае мы подобрали следующие упражнения: выпрыгивание толчком двух ног из стартовых колодок на маты; приземление горизонтально на живот с одновременным махом вперед рукой, разноименной с маховой ногой (10 выпрыгиваний); прыжки на повышенную опору (2–3 серии по 20 запрыгиваний); прыжки с повышенной опоры вниз (2 серии по 20 спрыгиваний); прыжки, используя систему различных по высоте опор и препятствий (3 серии по 10 барьеров); прыжки с ноги на ногу с акцентированной фазой полета, чередованием напряжения и расслабления (6 × 100 м); прыжки на одной ноге – выполнять вперед с подтягиванием пятки под ягодицу и высоким подниманием бедра (3 серии по 10 раз на каждую ногу); прыжки через барьеры на двух ногах – выполнять с двух ног на две, подтягивая бедра к груди (2 серии по 10 барьеров); прыжки на одной ноге (в паре) – одна нога удерживается партнером на уровне пояса; выпрыгивания вверх на одной ноге осуществлять из глубокого седа с продвижением вперед (2 серии по 15 выпрыгиваний); прыжки на двух ногах из полуприседа в полуприсед («лягушка») – выполнять с акцентированной фазой полета и глубоким приседом в опорном положении (2 серии по 30 м); выпрыгивания вверх на одной ноге – выполнять из глубокого приседа («блоха»), при выполнении пятка движется под ягодицу, бедро – под грудь, руки – махом в стороны (2 серии по 15 выпрыгиваний на каждую ногу); прыжки в длину с места 10 прыжков

с места; тройной прыжок с места 3–5 раз. Применять в подготовительный и предсоревновательный периоды. Пятерной прыжок с места – осуществлять с акцентированными фазами полета и удержанием высокого темпа. Такой комплекс применять в подготовительный, предсоревновательный и соревновательный периоды.

Комплекс упражнений № 3 предназначен для коррекции техники бега по дистанции, включал упражнения для коррекции шести вариантов ошибок.

Первый вариант упражнений направлен на исправление при беге излишней мышечной напряженности и закрепощенности: бег с выключениями (после набора скорости спортсмен слегка акцентирует выполнение отталкивания в сочетании с подъемом бедра и мгновенно расслабляет ногу при опускании ее на дорожку). Упражнение прекратить в случае закрепощенности движения (3–4 × 50–60 м); бег «накатом»: набрав максимальную скорость, выключаться и бежать, прикладывая минимум усилий, до полной остановки (5–6 раз); ускорения при полностью свободном беге. Повышение скорости в каждом последующем ускорении при обязательном условии максимальной свободы движений. При появлении закрепощения скорость необходимо снизить до той, при которой движения расслаблены. Затем повторить попытку увеличить скорость при максимально свободном движении (6–8 × 60–80 м); кисти рук должны быть расслаблены, не должны быть согнуты в кулак или сложены с большим пальцем вверх. Бег с прямыми расставленными пальцами тоже вызывает напряжения. Кисть должна быть расслаблена, пальцы чуть согнуты; при беге представлять в кистях рук легкие теннисные шарики; бег с бумажной трубкой в зубах. Бумажная трубка зажата в зубах без деформации. Стремиться бежать с ускорением, не деформируя бумажную трубку (5–6 раз 50–80 м). Применяются во все периоды подготовки.

Второй вариант упражнений сконцентрирован на исправлении малого подъема бедра маховой ноги вперед-вверх и отсутствии активного продвижения таза вперед: подъем бедра с отягощением, бег с высоким подниманием бедра с манжетами и без них с различной частотой и амплитудой движения, бег в упоре; опираясь на опору прямыми руками, принять угол наклона 55–70°, впереди стоящая нога согнута в коленном суставе и стоит на носке, другая нога выпрямлена, отведена назад и слегка касается носком грунта. Вывести вперед отставленную ногу назад, сгибая ее в коленном суставе с одновременным выведением таза и выпрямлением опорной ноги (темп средний, 3×10 раз на каждую ногу); ходьба с неглубокими выпадами и активным выведением таза и колена вперед в медленном темпе (3×20–30 м); ходьба с высоким подниманием бедра в среднем темпе (3×20–30 м); бег с ускорением через набивные мячи (расстояние между набивными мячами постепенно увеличивается и доходит до величины нормального бегового шага). Применяется в подготовительный и предсоревновательный периоды.

Третий вариант упражнений направлен на коррекцию таких положений: слишком маленькая и слишком большая амплитуда движения рук; руки разогну-

ты в локтевых суставах, движения рук неправильны в поперечном направлении; руки недостаточно отводятся назад в момент отталкивания. Включал: выработку оптимальной амплитуды рук – бег руками на месте с максимальной частотой при сохранении оптимальной амплитуды (5 подходов по 10 с); движение руки на подъеме до уровня плеча или подбородка; контроль за движением рук.

Четвертый вариант упражнений направлен на исправление излишнего угла наклона туловища вперед включал: проведение теоретических занятий с разъяснением оптимальной техники спринтерского бега. Показ схем правильного положения туловища в беге, правильных углов подъема бедра, угла нахождения в момент вертикали, угла отталкивания, положения рук, головы, работы стопы; формирование у спортсмена представления и понимания о правильной технике спринтерского бега, просмотр видеозаписей эталонной техники сильнейших спринтеров мира, просмотр видеозаписей своего бега, сравнительный анализ, выявление ошибок, понимание способа их устранения; после проведения теоретического занятия с разъяснением техники бега и определением углов в ключевых моментах бегового шага проводится беговая техническая тренировка; постоянный контроль положения туловища. Возможная причина – слабые мышцы кора.

Пятый вариант упражнений направлен на исправление ошибки короткого бегового шага: увеличение силовых возможностей мышц-разгибателей бедра и туловища (комплекс силовых упражнений, бег в гору, прыжковые упражнения); бег с отягощением: с манжетами (250–300 г) на дистальных концах голени, с манжетами (500 г) на бедре; бег по разметкам, превышающим длину шага на 2–4 см (при этом нельзя акцентировать внимание спортсмена на «выхлест» голени или сильное отталкивание, так как это вызовет удлинение шага, но не даст увеличения скорости бега); улучшение способности к свободному «незакрепощенному» бегу, упражнения на расслабление.

Шестой вариант упражнений направлен на исправление низкой частоты беговых шагов: увеличение силовых возможностей мышц-сгибателей ног и туловища; прыжковые упражнения с акцентом на быстроту движения с фиксацией времени; бег в облегченных условиях – наклонная дорожка 3–5°; словесные задания (двигательные установки) превысить частоту шагов; бег по разметкам с незначительным уменьшением длины шага; бег с партнером, имеющим более высокую скорость бега, бег с гандикапом, эстафетный

бег; бег с переменной ритма бега, переключение двигательной активности; использование тредбана (превышение максимальной частоты).

Комплекс упражнений № 4 включал специальные беговые упражнения легкоатлета, направленные на формирование техники бега на короткие дистанции: бег с высоким подниманием бедра на месте до оптимального угла, стопа взята на себя, акцент на быстрое опускание ноги при высоком положении на стопе (один подход 15 секунд); бег с высоким подниманием бедра до оптимального угла, стопа взята на себя, акцент на быстрое опускание ноги при высоком положении на стопе (с продвижением, один подход 30 м); захлест на месте (пронос пятки под себя строго под ягодицу), «складка» бедра примерно 45° (один подход 15 с); захлест с продвижением (пронос пятки под себя строго под ягодицу), «складка» бедра примерно 45° (один подход 30 м); быстрый беговой шаг на месте – захлест, быстрый вынос бедра, выхлест и быстрое опускание ноги на опору на высокую стопу (один подход 10 с); быстрый беговой шаг с продвижением – захлест, быстрый вынос бедра, выхлест и быстрое опускание ноги на опору на высокую стопу (один подход 30 м); ускорения с высокого старта на технику бега; представление правильного бегового шага и попытка воспроизвести его в своем беге; в беге задача на быструю складку, быстрый захлест под ягодицу, быстрый вынос бедра вперед вверх, оптимальный выброс голени и быстрое опускание высокой стопы на опору (6–8 раз по 50–60 м). После каждой пробежки просмотр видеозаписи, выявление ошибок, словесная корректировка и задача исправить ошибку в следующих ускорениях. Дозировка – 1-я серия СБУ выполняется после проведения разминочного бега и растяжки. Выполняется во все периоды подготовки в каждой тренировке. Необходим контроль за правильным выполнением всех СБУ [5].

Третий блок – *результативный*, включал интерпретацию динамики уровня специальной физической и технической подготовленности.

Рассматривая уровень специальной физической подготовленности бегунов, мы пришли к выводу, что скоростные способности и скоростная выносливость у большинства спортсменов и по большинству показателей выросли до среднего и высокого уровней, наблюдается рост скоростно-силовых способностей спринтеров. Наибольший прирост составил в тройном и десятерном прыжке 2,8 и 3,0% соответственно (рис. 2).

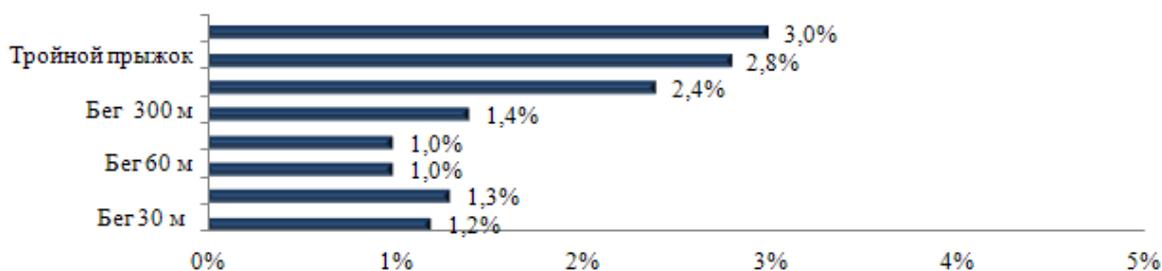

Рис. 2. Процентный прирост результатов СФП у спринтеров

Результативность в беге на короткие дистанции зависит от оптимального соотношения длины и частоты беговых шагов, нами проводилась работа по изучению этих параметров у спринтеров экспериментальной группы. Длина шага рассчитывалась в среднем, так как по дистанции она меняется.

В работах О.М. Мирзоева по сравнительному кинематическому анализу сильнейших спринтеров сборной России и мира отмечается, что средняя длина шагов на дистанции 100 м составляет от 2,0 до 2,20 м у россий-

ских спринтеров, частота – 4,3–4,77 ш./с, количество шагов по дистанции – от 44,8–49,0. У спринтеров мирового уровня длина шага – от 2,14 до 2,30 м, частота – 4,31–4,70 ш./с, количество шагов по дистанции – 42,8–46,75 [6]. Большая часть спринтеров экспериментальной группы по аналогичным показателям близка к параметрам бегунов сборной России. После эксперимента произошли незначительные сдвиги, и мы считаем, что необходимо продолжать работу по увеличению длины и частоты шагов (табл. 2).

Таблица 2

Параметры бегового шага до и после эксперимента

Спортсмен	Результат, с		Среднее количество шагов		Средняя длина шага, см		Средняя частота, ш/с	
	до	после	до	после	до	после	до	после
1	10,99	10,77	49	48	204	208	4,5	4,5
2	10,63	10,49	47	46,2	213	216	4,4	4,4
3	11,42	11,34	50	49	200	204	4,4	4,3
4	11,43	11,39	50,5	50	198	200	4,4	4,4
5	11,19	11,14	49,5	48	202	208	4,4	4,3
6	11,34	11,20	49,5	49	202	204	4,3	4,4
7	11,44	11,35	51	49	196	204	4,5	4,3
8	11,12	10,99	49,5	48,3	202	207	4,5	4,4
9	11,41	11,31	48,5	48	206	208	4,3	4,2
10	11,18	11,12	47,5	47,5	211	210	4,3	4,3
11	11,10	10,97	49	49	204	204	4,4	4,5
12	11,15	11,05	49	49	204	204	4,4	4,4

После проведения эксперимента в исследуемой группе удалось устранить ошибки положения на старте, стартового разгона. При выходе со старта ошибки остались у 8% спринтеров. Захлест / выхлест голени

остался у 25% юношей из 100. Остальные ошибки почти у половины атлетов удалось исправить. Процентное соотношение технических ошибок до и после эксперимента представлено на рис. 3.

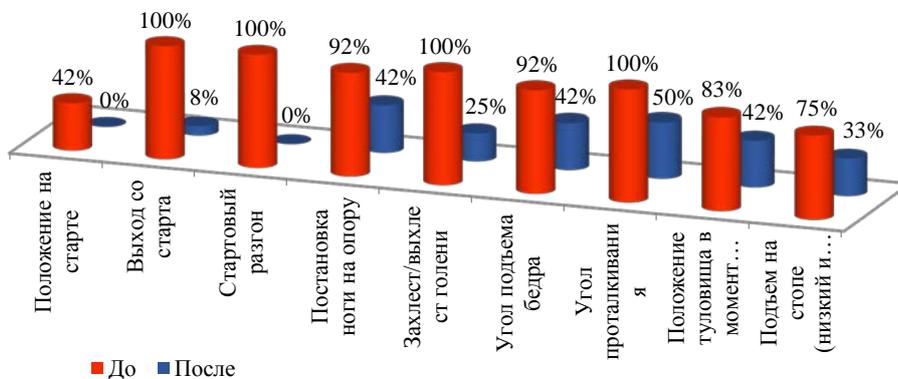

Рис. 3. Соотношение ошибок до и после эксперимента

Таким образом, мы пришли к следующим выводам:

1. В технической подготовке спортсменов необходимо учитывать антропометрические данные, уровень физической подготовленности и психофизиологические особенности.

2. Задачи совершенствования техники спринтерского бега: совершенствование общих основ техники быстрого бега, повышение длины и частоты беговых шагов, амплитуды движений маховой ноги во время бега, развитие быстроты, скоростно-силовых возможностей и гибкости. Необходимо продолжать работу над недостающими сторонами подготовленности спринтеров (технической, физической, психологической и теоретической) в совокупности.

3. Для успешного совершенствования техники двигательных действий, необходимы осознание спортсменами всех выполняемых движений и упражнений, а также их постоянный анализ и контроль как со стороны тренера, так и самого спортсмена.

4. Необходимы постоянное расширение двигательного опыта спортсменов, поиск новых средств, подходов и форм проведения тренировочных занятий. Обучение легкоатлетов и внедрение в их тренировочный процесс идеомоторной тренировки.

5. Многие технические ошибки не поддаются быстрой коррекции, поэтому необходимо регулярное повторение упражнений на изменение двигательного стереотипа и закрепление правильно сформированного движения.

6. В тренировочном процессе следует уделять большое внимание сохранению свободы движений и предупреждению возникновения скованности.

7. При анализе техники спринтерского бега необходимо применение системного подхода, где множество элементов взаимосвязаны и образуют единое целое. В связи с этим целью предметного анализа техники спринтерского бега, являлись ее структура и связь между элементами этой структуры.

8. Обучение технике бега на короткие дистанции – длительный и непрерывный процесс. Совершенствование техники продолжается на протяжении всей спортивной деятельности. Для достижения наилучшего результата в беге на короткие дистанции необходимо владеть совершенной техникой – наиболее рациональным и эффективным способом выполнения упражнения, при этом следует всегда учитывать индивидуальные особенности спортсмена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Платонов В.Н. Система подготовки спортсменов в олимпийском спорте. Общая теория и ее практические приложения. Киев : Олимпийская литература, 2004. 808 с.
2. Озолин Э.С. Спринтерский бег. М. : Человек, 2010. 52–80 с.
3. Никитушкин В.Г. Теория и методика юношеского спорта. М. : Физкультура и спорт, 2010. 208 с.
4. Котова Т.Г. Дифференциация обучения спортивных педагогов по дисциплине «Единое брство» // Теория и практика физической культуры. 2016. № 12. С. 12–14.
5. Сергеева Н.А., Симонова Е.А. Техническая подготовка легкоатлетов-спринтеров группы спортивного совершенствования // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2017. № 12 (154). С. 248–251.
6. Мирзоев О.М. Сравнительный анализ кинематических параметров бега на 100 м у сильнейших спринтеров мира и России в условиях соревновательной деятельности // Сборник трудов ученых РГАФК. 1999. С. 51–58.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 27 октября 2018 г.

Simulation of the Training Process of Short-Distance Runners

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 185–194.

DOI: 10.17223/15617793/439/26

Ekaterina A. Simonova, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: e.a.simonova@utmn.ru

Tatiana G. Kotova, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: t.g.kotova@utmn.ru

Keywords: athletes; sports training; sprint; model; training process modeling; special physical training; technical training; individual errors.

The article deals with the problem of preparing for the training and competitive activity of athletes specializing in short-distance running. The aim of the study is to develop a model of training for runners over short distances. Theoretical (analysis of scientific and methodological literature on the problem of research; generalization; modeling) and empirical (experimental and experimental work; observation; pedagogical testing: level of physical condition, level of technical preparedness, psychophysiological testing, individual personal characteristics; medical-pedagogical examination: body length, body weight, methods of mathematical-statistical information processing) research methods were used in the study. The authors presented a model that includes three blocks: diagnostics and modeling (one-year preparation cycle: preparatory, competitive and transitional periods); content and adjustment (theoretical, physical, technical training and guidelines) and effect (theoretical, conditioned and technical preparedness of athletes). The functional state of the central nervous system was assessed by the parameters of a simple auditory-motor response to a sound stimulus; reaction to a moving object; assessment of the level of reactive and personal anxiety by the Spielberg-Hani reactive and personal anxiety scale; assessment of the functional mobility of the nervous processes by the Hilchenko method; assessment of the accentuation of character, temperament, personality by the Leonard Personality Inventory. The study identified individual errors of athletes in the technique of running phases: start, start acceleration, distance running; in retracting physical qualities and abilities: speed, speed-strength and speed endurance. Training complexes are proposed for their correction. As a result of the pedagogical experiment, the authors found that the speed abilities and speed endurance in most athletes and in most indicators increased to medium and high levels, the growth of speed and power abilities of sprinters is observed. The largest increase in the triple and tenfold jump was 2.8% and 3.0%, respectively. A kinematic analysis of the length and frequency of steps in the sprint race showed that these indicators in the studied athletes improved and became close to the strongest sprinter team of Russia and the world. There were improvements in the level of technical readiness; in the study group, the authors managed to eliminate errors in the position of low start and start acceleration. When exiting from the start, 8% of the sprinters remained with errors. Errors in calf positions remained in 25% of males. The remaining errors in 50% of the athletes were corrected. After the experiment, the proposed model allowed to increase the level of special physical fitness of athletes and significantly improve their technique for running short distances.

REFERENCES

1. Platonov, V.N. (2004) *Sistema podgotovki sportsmenov v olimpiyskom sporte. Obshchaya teoriya i ee prakticheskie prilozheniya* [The system of training athletes in the Olympic sport. General theory and its practical applications]. Kiev: Olimpiyskaya literatura.
2. Ozolin, E.S. (2010) *Sprinterskiy beg* [Sprint]. Moscow: Chelovek. pp. 52–80.
3. Nikitushkin, V.G. (2010) *Teoriya i metodika yunosheskogo sporta* [Theory and methods of youth sports]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
4. Kotova, T.G. (2016) Sport educator's training process differentiation in martial arts. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 12. pp. 12–14. (In Russian).
5. Sergeeva, N.A. & Simonova, E.A. (2017) Technical training of athletes-sprinters in groups of sports perfections. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 12 (154). pp. 248–251. (In Russian).
6. Mirzoev, O.M. (1999) Sravnitel'nyy analiz kinematcheskikh parametrov bega na 100 m u sil'neyshikh sprinterov mira i Rossii v usloviyakh sorevnovatel'noy deyatel'nosti [Comparative analysis of the kinematic parameters of 100 meters for the strongest sprinters of the world and Russia in terms of competitive activity]. In: Shesterkin, O.N. & Titov, D.N. (eds) *Sbornik trudov uchenykh RGAFK. 1999* [Proceedings of Russian State Academy of Physical Education. 1999]. Moscow: Fizkul'tura, obrazovanie, nauka.

Received: 27 October 2018

ПРАВО

УДК 349.6

М.П. Имекова

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАИЛУЧШИХ ДОСТУПНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 18-011-00612.

Проведен краткий исторический анализ правового регулирования использования наилучших доступных технологий в Великобритании. Сделан вывод о том, что Великобритания обладает богатым опытом применения данных технологий. В настоящее время в Великобритании сложилась уникальная система актов, регламентирующих выдачу экологических разрешений и использование наилучших доступных технологий. Основные принципы их использования: универсальный характер и индивидуальный подход по внедрению.

Ключевые слова: наилучшие доступные технологии; окружающая среда.

Великобритания обладает богатым историческим опытом применения наилучших доступных технологий (НДТ). Об этом, в частности, свидетельствует то, что в основу Директивы 96/61/ЕС «О комплексном предотвращении и контроле загрязнений» (Integrated pollution prevention and control, IPPC) (далее – Директива 96/61/ЕС) [1], принятой в Евросоюзе в 1996 г., было положено законодательство об охране окружающей среды Великобритании.

Великобритания одна из первых стран, которая в последней трети XX в. сменила приоритеты экологической политики, стала рассматривать окружающую природную среду как единое целое и перешла к комплексному контролю над ее загрязнением. Первым актом в этом направлении стал Закон «О контроле загрязнения» 1974 г. (Control of Pollution Act, CoPA) [2], предложивший рассматривать загрязнение воздуха, земли и воды, отходы и шум неотделимо друг от друга, а также потребовавший интегрировать их охрану.

Немаловажную роль в реализации положений данного закона сыграла Королевская комиссия Великобритании по загрязнению окружающей среды (UK Royal Commission on Environmental Pollution, RCEP) (далее – Комиссия), которая в 1976 г. опубликовала свой пятый доклад под названием «Контроль над загрязнением воздуха: комплексный подход» (Air Pollution Control: An Integrated Approach) [3]. Комиссия пришла к выводу, что загрязнение воздуха не может рассматриваться изолированно от загрязнения земли или воды, в связи с чем предложила ввести систему контроля над их загрязнением, осуществляемую единым уполномоченным органом. Для борьбы с самим загрязнением Комиссия рекомендовала внедрить в экологическое законодательство Великобритании концепцию «наилучших практических природоохранных решений» (Best Practical Environmental Options, BPEO) – процедуру принятия решений, в результате которой для определенных целей разрабатывается (выбирается) вариант, который обеспечивает наибольшую выгоду или наименьший ущерб окружающей среде, с приемлемыми издержками как в долгосрочной, так и в краткосрочной перспективе.

Практически в этот же период к необходимости внедрения предприятиями НДТ пришел и Европейский союз. В 1984 г. в ЕС была принята Рамочная директива о качестве воздуха (Air Framework Directive 84/360/ЕЕС, AFD) (далее – Директива 84/360/ЕЕС) [4], которая ввела свою концепцию НДТ – «наилучшие доступные технологии, использование которых не влечет за собой чрезмерных затрат» (Best available technology not entailing excessive costs, BATNEEC») (далее – BATNEEC), и обязала все страны – члены ЕС выдавать промышленным объектам, загрязняющим атмосферный воздух, экологические разрешения при условии внедрения последними BATNEEC. При этом Директива не предусматривала легального определения BATNEEC, в связи с чем государства – члены ЕС могли использовать различные подходы к интерпретации BATNEEC, причем как на национальном и отраслевом уровне, так на и уровне предприятия.

По мнению ученых [5, 6], концепция BATNEEC явилась компромиссом между немецким технологическим подходом (best available technology) и британским экономико-обоснованным подходом (не требующим чрезмерных затрат, NEEC): основу немецкого подхода составляет техническая осуществимость, основу британского – экономическая целесообразность и прагматичность в принятии решений в каждом конкретном случае¹.

Необходимость имплементации Директивы 84/360/ЕЕС, а также реализации положений докладов Королевской комиссии Великобритании по загрязнению окружающей среды привела к тому, что законодатель Великобритании в 1990 г. принял Закон «Об охране окружающей среды» (Environmental Protection Act, EPA) [7]. Данный Закон, с одной стороны, исполнил предписания Директивы 84/360/ЕЕС, в том числе предписания о внедрении концепции BATNEEC, с другой – ввел систему комплексного контроля и концепцию BPEO, рекомендованные докладами Комиссии.

Таким образом, в экологическом законодательстве Великобритании сосредоточились две концепции НДТ: BATNEEC и BPEO. Как в литературе, так и на

практике возник вопрос о соотношении этих концепций между собой, и в Великобритании был разработан свой вариант решения данного вопроса, который будет рассмотрен ниже.

В Законе «Об охране окружающей среды» 1990 г. понятие «BATNEEC» практически ничем не отличалось от понятия «BATNEEC», содержащегося в Директиве 84/360/ЕЕС (см. п. 2 ст. 7), за исключением того, что в нем вместо термина «технологии» использовался термин «методы». Некоторые ученые отмечали, что «употребление данного термина предоставляет больше возможностей оператору установки, а также признает важность управления и функционирования установки для улучшения экологических показателей. Ведь под методами можно понимать и обучение персонала, надзор за персоналом, техническое обслуживание предприятия и т.д.» [8. Р. 26].

Для последовательной реализации положений Закона «Об охране окружающей среды» 1990 г. в Великобритании в 1991 г. был разработан специальный Регламент (Руководство) – «Система комплексного контроля над загрязнением окружающей среды» (New system of integrated pollution control, IPC) (далее – система IPC). Названная система регламентировала процедуру выдачи промышленным объектам, загрязняющим атмосферный воздух, экологических разрешений (ЭР). Крупным промышленным объектам ЭР выдавало Агентство по охране окружающей среды (Environmental Agency), небольшим объектам выдачу ЭР осуществляли органы местной власти.

Согласно системе IPC перечисленные органы власти при принятии решения о предоставлении ЭР обязывались: во-первых, убедиться в том, что на объекте используются BATNEEC для предотвращения предельно допустимого уровня выброса веществ либо, если это необходимо, уменьшаются выбросы до минимального уровня или исключаются любые выбросы; во-вторых, если деятельность объекта затрагивает несколько сред (воду, землю или воздух), убедиться в том, что BATNEEC применяются для минимизации загрязнения окружающей среды с учетом концепции ВРЕО; в-третьих, обеспечивать соблюдение требований, предусмотренных Директивой ЕС и внутригосударственными актами.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что в Великобритании предлагалось использовать концепцию ВРЕО только в случаях интегрированного загрязнения окружающей среды (загрязнения нескольких сред: атмосферы, земли или воздуха), когда возникала необходимость поиска компромиссного варианта решения проблемы. Иными словами, концепция ВРЕО в отличие от концепции BATNEEC имела более универсальный характер, хотя последняя концепция и доминировала [Ibid. Р. 24].

Поскольку Великобритания была первой европейской страной, которая ввела систему IPC, именно поэтому при разработке новой директивы Европейский союз обратился к законодателю Великобритании с просьбой поделиться своим опытом. Последний был очень сильно заинтересован в том, чтобы ЕС перенял британский комплексный подход по борьбе с загряз-

нением окружающей среды. В результате такого взаимодействия в 1996 г. Европейским союзом была принята Директива 96/61/ЕС.

Данная Директива в отличие от Директивы 84/360/ЕЕС расширила свою сферу действия и была направлена не только на охрану атмосферы, но и на охрану водной среды, земной поверхности от выбросов (сбросов), возникающих в результате перечисленных в Директиве видов деятельности, включая в том числе и отходы. Каждый оператор объекта, занимающийся деятельностью, подпадавшей под действие Директивы, обязывался получить ЭР, непременным условием которого являлось соответствие требованиям НДТ.

Директива 96/61/ЕС изменила подход к НДТ: вместо концепции BATNEEC ввела концепцию «наилучшие доступные технологии» (best available techniques, BAT). BAT стали определяться как наиболее эффективная и передовая стадия в развитии производственной деятельности и методов эксплуатации объектов, которые указывают на практическую пригодность определенных технологий в целях создания основы для определения предельных величин выбросов, предназначенных для предотвращения или, если оно практически невозможно, сокращения выбросов и негативного воздействия на окружающую среду в целом. При этом в Директиве уточнялось, что: 1) термин «технологии» включает в себя как используемые технологии, так и способ, которым объект спроектирован, построен, обслуживается, эксплуатируется и выводится из эксплуатации; 2) термин «доступные» технологии означает технологии, уровень развития которых делает возможным их внедрение в соответствующей отрасли промышленности с учетом экономической и технической целесообразности, а также затраты и выгоды, независимо от того, используются и реализуются ли они внутри данного государства-члена и если они могут обоснованно считаться приемлемыми и доступными для оператора; 3) термин «наилучшие» технологии предполагает технологии, наиболее эффективные в отношении обеспечения общего высокого уровня защиты окружающей среды в целом (ст. 2 Директивы 96/61/ЕС).

По мнению исследователей, приведенное понятие BAT незначительно отличалось от понятия BATNEEC, закреплённого в Директиве 84/360/ЕЕС: термин «BAT», несмотря на отсутствие в нем формулировки НЕЕС («чрезмерные затраты»), учитывало и чрезмерные затраты, о чем свидетельствовало упоминание последних в определении понятия «доступные» [8. С. 34].

Для реализации положений Директивы 96/61/ЕС в 1997 г. в Севилье было создано Европейское бюро по комплексному предотвращению и контролю загрязнения (European Integrated Pollution Prevention and Control Bureau, EIPPCB). Директива предписала правительствам государств – членов ЕС предоставлять в данное бюро информацию о технологических, технических и управленческих решениях, используемых предприятиями (подпадающими под действие Директивы) для предотвращения и контроля загрязнений, а также для обеспечения высокого уровня ресурсоэф-

фективности и защиты окружающей среды. К полномочиям бюро была отнесена разработка справочников по НДТ (Reference Documents on Best Available Techniques) – документов, составленных в результате обмена информацией для определенных видов деятельности и описывающих в частности применяемые технологии, текущий уровень выбросов и потребления, методики, используемые для определения НДТ, а также заключения НДТ² и любые появляющиеся технологии.

Справочники по НДТ имели и имеют важное практическое значение: к ним обращаются операторы промышленных объектов, оценивая свою экологическую результативность, занимаясь подготовкой заявки о выдаче ЭР. Эти же документы используют сотрудники природоохранных органов, рассматривая заявки о выдаче ЭР, организуя инспекции, проводя проверки по жалобам населения и т.д. [9. С. 9].

Директива 96/61/ЕС обязала все страны – члены ЕС имплементировать её положения в национальное законодательство, в связи с чем законодатель Великобритании в 1999 г. принял Закон «О предотвращении и контроле загрязнений» (Pollution Prevention and Control Act) (далее – PPC Act of 1999). В 2000 г. для применения его положений был разработан Регламент (Руководство) «Правила о предотвращении и контроле загрязнений» (Pollution Prevention and Control Regulations) (далее – PPC Regulations).

Согласно перечисленным актам оператор объекта мог получить экологическое разрешение, если деятельность его объекта соответствовала требованиям НДТ. В самом общем виде НДТ определялись как инструменты управления экологическими показателями на промышленных объектах. PPC Act of 1999 и PPC Regulations не фокусировались на методах управления, используемых на объекте при внедрении НДТ, однако поощряли создание новых технологий, которые стимулировали внедрение инноваций и минимизировали все виды загрязнения. Особое внимание уделялось тому, чтобы при внедрении НДТ учитывалась не только экологическая выгода, но финансовые возможности оператора промышленного объекта.

К сентябрю 2007 г. Агентство по охране окружающей среды Великобритании выдало более 2 700 ЭР: из них 2 233 ЭР выдано для различных отраслей промышленности, 541 – для свалок [10]. Великобритания была одной из немногих стран – членов ЕС, выполнивших предписания Директивы 96/61/ЕС в установленные ею сроки³.

Несмотря на все преимущества Директивы 96/61/ЕС, благодаря которым было достигнуто значительное сокращение загрязнения окружающей среды в ЕС, многие государства – члены ЕС (безусловно, за исключением Великобритании) не выполнили обязанности по имплементации положений законодательства ЕС, регулирующего выдачу ЭР, на национальном уровне. В этой связи Директиву 96/61/ЕС (в том числе её следующую редакцию 2008 г.) заменила принятая в Европейском союзе 24 ноября 2010 г. Директива 2010/75/ЕС «О промышленных выбросах» (о комплексном предотвращении и контроле загрязне-

ний)» [11] (далее – Директива 2010/75/ЕС). Данная Директива усилила роль справочников по НДТ. Можно сказать основной целью Директивы является контроль и унификация применения НДТ.

Директива 2010/75/ЕС внесла изменения в понятие НДТ: в ст. 3 (10) НДТ определяются как «наиболее эффективные новейшие разработки для различных видов деятельности, процессов и способов функционирования, которые свидетельствуют о практической целесообразности использования конкретных технологий в качестве базы для установления разрешений на выбросы / сбросы (загрязняющих веществ) в окружающую среду с целью предотвращения загрязнения, или, когда предотвращение практически невозможно, минимизация выбросов / сбросов в окружающую среду в целом». При этом уточняется, что: 1) понятие «технологии» относится как к используемым технологиям, так и к способам проектирования, создания, обслуживания, эксплуатации и вывода предприятий из эксплуатации; 2) «доступные технологии» означают технологии, разработанные в масштабах, позволяющих их внедрить в соответствующей отрасли промышленности экономически и технически осуществимым способом с учетом существующих затрат и выгод; 3) под «наилучшими технологиями» понимаются наиболее эффективные технологии, позволяющие достичь высокого общего уровня защиты окружающей среды в целом.

Внедрение НДТ стало обязательным для операторов объектов, осуществляющих виды деятельности, предусмотренные в Приложении I или в части I Приложения VII Директивы 2010/75/ЕС. Данный перечень видов деятельности в отличие от Директивы 96/61/ЕС подвергся существенному расширению за счет включения в него таких видов деятельности, как адгезивное покрытие, преобразование каучука, производство фармацевтических продуктов и т.д., и должен был включить в себя более 50 000 объектов, находящихся на территории ЕС [12].

Несмотря на достаточно строгий подход Директивы 2010/75/ЕС касательно использования государствами – членами ЕС НДТ, тем не менее, она предоставляет им определённую свободу действий. ЕС признает суверенитет каждого государства-члена, в связи с чем страны – члены ЕС свободны в толковании отдельных аспектов Директивы. Например, Директива требует от государств – членов ЕС устанавливать пороговые значения выбросов, которые не превышают уровней выбросов, утвержденных в соответствии с НДТ, однако при этом не обязывает их использовать какую-то определённую технологию.

В особых случаях Директива позволяет странам ЕС устанавливать менее строгие пороговые значения выбросов. Такое отступление допускается, если проведенный компетентным органом анализ покажет, что достижение уровней выбросов, отраженных в справочниках по НДТ, приведет к несоразмерным издержкам, нежели к экологической выгоде, вследствие: а) особого географического расположения объекта или особых местных экологических условий; б) особых технических характеристик объекта. В любом случае в приложениях ЭР, подлежащих выдаче, компетентный орган

обязан указывать причины отступления от пороговых значений выбросов, утвержденных в соответствии с НДТ (см. ст. 15 Директивы 2010/75/ЕС).

Директива 2010/75/ЕС закрепляет требования к содержанию выдаваемых ЭР⁴, однако не регламентирует их процедуру предоставления. Здесь государства – члены ЕС могут применять различные организационные схемы и подходы. Большинство европейских стран (например, Великобритания, Финляндия и Франция) при выдаче ЭР работают по принципу «единого окна».

Великобритания, стремясь выполнить требования Директивы 2010/75/ЕС консолидировать внутренние нормативно-правовые акты, а также внедрить единую процедуру выдачи ЭР, охватывающую все компоненты окружающей среды, запустила в 2008 г. «Программу формирования единой разрешительной системы в области охраны окружающей среды» (Environmental Permitting Programme, EPP) [13] (далее – Программа EPP), которая реализовывалась в два этапа:

1. 2008–2010 гг. На данном этапе более 40 нормативных документов были объединены в единый свод правил – Регламент по выдаче экологических разрешений (Англия и Уэльс) 2007 г. (The Environmental Permitting (England and Wales) Regulations) (далее – Регламент)⁵. Регламент распространял свое действие преимущественно на сферу обращения с отходами. Также им были учтены положения Директивы 2008/1/ЕС.

2. 2010–2016 гг. В обозначенный период была расширена сфера действия Регламента (ЭР стали выдаваться на сбросы в воду, грунтовые воды, по использованию радиоактивных веществ и т.д.). Однако ключевые изменения Регламента были связаны с необходимостью имплементации в экологическую разрешительную систему Великобритании положений Директивы 2010/75/ЕС, которая вступила в силу в 2014 г. Регламент в новой редакции начал действовать с 1 января 2017 г. и, по сути, завершил второй этап реализации Программы EPP.

Регламент ввел единую процедуру выдачи ЭР, которая включила в себя все ранее существовавшие процедуры выдачи ЭР, различные виды подлежащих контролю объектов, а также все многообразие нормативных требований, изложенных в директивах ЕС и нормативно-правовых актах Великобритании. Анализ его основных положений позволяет выделить следующие особенности правового регулирования использования НДТ в Великобритании.

1. Многоуровневая система актов, регулирующих использование НДТ. Регламент разграничил сферы правового регулирования процедуры выдачи ЭР и экологических требований (в том числе требований НДТ), включаемых в ЭР. Процедура выдачи ЭР упоминается Регламентом, экологические требования содержатся в «экологических» директивах ЕС, справочниках по НДТ и национальных нормативно-правовых актах, которые в сжатом виде изложены в приложениях к Регламенту. Таким образом, законодатель Великобритании, с одной стороны, исполнил требование Директивы 2010/75/ЕС по унифицирован-

ному применению НДТ, с другой – по собственному усмотрению урегулировал процедуру выдачи ЭР.

В целях обеспечения единообразной практики применения положений Регламента Министерство охраны окружающей среды и сельского хозяйства Великобритании (Department for Environment, Food and Rural Affairs, DEFRA) разработало серию нормативно-методических и технических руководств. Нормативно-методические руководства детализируют процедуру выдачи ЭР, доводят официальную позицию уполномоченных государственных органов по ключевым вопросам Регламента и разъясняют особенности выдачи ЭР для объектов класса А(1), А(2) и В. Технические руководства дублируют содержащиеся в экологических директивах ЕС и справочниках по НДТ требования по НДТ. Они также конкретизируют Приложения Регламента применительно ко всем отраслям промышленности в части предельных параметров и формулировок требований ЭР с учетом имеющихся НДТ. Условно все технические руководства можно разделить на три группы: технические руководства для объектов класса А(1), технические руководства для объектов класса А(2) и технические руководства класса В. Всего актов, регулирующих использование НДТ в Великобритании, более 300.

Следует отметить, что немаловажную роль в регламентировании процедуры выдачи ЭР, а также в толковании подлежащих применению НДТ играют интернет-ресурсы. Так, параллельно с Программой EPP с января 2013 по 2015 г. в Великобритании реализовывалась общегосударственная программа формирования «электронного Правительства», девизом которой являлась фраза «проще, яснее и быстрее» (simple, clearer and faster, SCF). В результате ее реализации сайты всех министерств были перенесены на единый портал государственных услуг (<https://www.gov.uk>), а вся информация была сосредоточена на двух сайтах: на сайте Национального архива (<http://www.legislation.gov.uk/>) и на едином портале государственных услуг. Операторы объектов, заинтересованные в получении ЭР и во внедрении НДТ, могут ознакомиться со всей необходимой информацией на этих сайтах.

2. Универсальный характер применения НДТ. В отличие от Директивы 2010/75/ЕС, которая распространяет свое действие на объекты, оказывающие значительное негативное воздействие на окружающую среду, Регламент применяется к более широкому перечню объектов⁶, которые в зависимости от уровня негативного воздействия на окружающую среду делятся на три класса: А(1), А(2) и В⁷. Для эксплуатации объекта любого класса необходимо получить ЭР, содержащее технические показатели и другие относящиеся к НДТ характеристики и требования, которым должен отвечать объект.

Кроме этого, в целях охватить как можно больше объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, в Регламенте также были выделены:

а) объекты с низким уровнем негативного воздействия на окружающую среду (например, сжигание или совместное сжигание отходов, захоронение отходов на полигоне и т.д.). Для данных объектов был

установлен упрощенный порядок выдачи экологических разрешений. Упрощенность может выражаться в более низких размерах платежей за рассмотрение заявки, ежегодных платежей за поддержание ЭР и т.п.;

б) объекты, освобожденные от получения ЭР. Ряд объектов, таких как операции по обращению с отходами, по водоотведению или использованию грунтовых вод, противопоаводковые мероприятия, при соблюдении определенных Регламентом условий не требуют получения ЭР. Для этого они должны быть один раз в три года зарегистрированы в качестве объектов, освобожденных от получения ЭР.

3. Высокие требования к операторам объектов. Благодаря таким требованиям повышаются гарантии соблюдения требований НДТ, содержащихся в ЭР⁸.

Для получения ЭР оператор должен подтвердить свои полномочия контроля над объектом, а также способность обеспечить соблюдение условий ЭР (см. ст. 5.1). О достаточности полномочий по контролю свидетельствует, например, ежедневный контроль оператора над деятельностью объекта; также оператор уполномочен принимать важные кадровые решения; оператор принимает инвестиционные и финансовые решения, которые влияют на работу объекта или на то, как осуществляется деятельность объекта и т.д. Способность обеспечить соблюдение условий ЭР определяется исходя из профессиональной компетентности оператора, которая складывается из: а) технической компетентности: оператор обладает знаниями по использованию необходимого оборудования, соблюдает законы, минимизирует риски и негативное влияние объекта на здоровье людей и окружающую среду; б) экологической репутации, которая формируется за счет того, соблюдал ли оператор или другое лицо (например, директор, менеджер, секретарь, другое должностное лицо, участник юридического лица) условия ранее выданных ЭР, предоставлял ли отчеты по ним, получал ли официальные уведомления от органов власти по вопросам принудительного исполнения их решений, приостановления действия ЭР в связи с грубым и (или) неоднократным нарушением их условий и т.д.; в) финансовой компетентности: у оператора должны быть финансы для осуществления определенной деятельности в соответствии с условиями ЭР; г) финансовых гарантий: они необходимы в случае, если оператор осуществляет свою деятельность на объекте класса А(1) или его деятельность связана опасными отходами.

4. Двухуровневая система органов, уполномоченных выдавать ЭР. В Великобритании органами, уполномоченными выдавать ЭР, являются Агентство по охране окружающей среды и органы местной власти. Агентство по охране окружающей среды предоставляет ЭР объектам класса А(1), органы местной власти – объектам класса А(2) и В. При этом подавляющее большинство подлежащих контролю объектов приходится на органы местной власти (около 85%). Благодаря такому распределению полномочий между органами власти учитываются особенности географического расположения объекта, местные экологиче-

ские условия и т.п., что, безусловно, не может положительно сказаться на выборе подходящей НДТ.

5. Многовариантность разрешительных процедур. Законодатель Великобритании закрепил в Регламенте различные виды процедур, рассчитанные на разнообразные жизненные ситуации и объекты, например, процедуры по предоставлению ЭР, стандартных ЭР, консолидированных ЭР, по внесению изменений в действующее ЭР, по переоформлению действующего ЭР, по возврату действующего ЭР и, наконец, на регистрацию объектов, освобожденных от получения ЭР.

Особого внимания заслуживают процедуры предоставления стандартных и консолидированных ЭР. Стандартные ЭР выдаются на объекты со сходными параметрами по вредному воздействию на окружающую среду или функционально однотипные объекты (например, по обращению с отходами, разработка и добыча полезных ископаемых, использование радиоактивных веществ на неядерных объектах и т.д.). Для них специально разрабатываются стандартные правила, основная цель использования которых заключается в упрощении процедуры предоставления ЭР и в использовании НДТ.

Консолидированные ЭР выдаются в случаях, когда два или более объектов расположены на территории одной площадки, эксплуатируются одним и тем же оператором и находятся в ведении одного и того же органа власти. Подобные ЭР освобождают операторов объектов от обязанности подавать сразу несколько заявок на их получение, а также позволяют принимать компромиссные варианты решений по внедрению НДТ.

6. Принцип сотрудничества. В Регламенте содержится рекомендация по проведению уполномоченными органами власти (регуляторами) предварительных консультаций с операторами объектов по различным вопросам, например, по поводу составления заявки на получение ЭР, выбор наиболее подходящей НДТ и др. Хотя регулятор не вправе предписывать оператору объекта использовать определенный метод или технологию, однако он может помочь оператору выбрать ту НДТ, которая обеспечит соблюдение показателей предельно допустимых выбросов, предусмотренных справочниками или заключениями по НДТ.

7. Индивидуальный подход по внедрению НДТ. Регламент допускает возможность отступления от требований НДТ при выдаче ЭР, если будет доказано, что использование НДТ приведет к несоразмерно высоким затратам, нежели к экологической выгоде, по причине особого географического положения объекта, местных природных условий, технических характеристик объекта.

В тех случаях, когда возникает выбор между НДТ, то внедрена должны быть та НДТ, которая является доступной для оператора. При оценке доступности принимаются во внимание два важных аспекта: а) каково соотношение затрат и выгоды; б) может ли оператор получить доступ к данной технологии. Доказать доступность НДТ обязан оператор. При этом оператору может быть предложено использовать стандартные методики оценки, разработанные органами власти.

Исходя из сказанного следует, что в Великобритании при внедрении НДТ приоритет отдается не только экологической, технической, но и экономической целесообразности (используется метод анализа затрат и выгод). Такой подход позволяет более рационально решать вопросы о необходимости применения НДТ.

В свою очередь, проведенное в рамках настоящей статьи исследование позволяет сделать вывод о том, что внедрение НДТ в природоохранную деятельность Великобритании осуществлялось не одно десятилетие. Их

внедрению способствовала последовательная законодательная политика государства, в рамках которой сначала разрабатывались специальные экологические программы, а только потом принимались законы, а также руководства (регламенты) по их применению. Безусловно, нельзя не отметить значительное влияние Европейского союза на развитие экологического законодательства Великобритании. Однако, несмотря на это, в Великобритании сложилась собственная уникальная система актов, регламентирующих использование НДТ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Великобританию очень интересовал вопрос доступности BATNEEC как для отдельного промышленного объекта, так и для отрасли промышленности в целом. В целях решения данного вопроса, например, в 1991 г. был принят Регламент (Руководство) «Система комплексного контроля над загрязнением окружающей среды», который обязала сотрудников органов, уполномоченных выдавать ЭР, проводить два анализа: 1) экологический анализ затрат и выгод, в рамках которого решался вопрос о том, в какой степени выгоды от использования BATNEEC перевешивают затраты; 2) отраслевой анализ доступности, в рамках которого определялось, возможно ли использование BATNEEC без серьезного ущерба для определенной отрасли промышленности.

²Для удобства использования справочников НДТ странами – членами ЕС стали разрабатываться Заключения по НДТ (BREF conclusion) – документы, содержащие части справочников НДТ с заключениями о НДТ, их описание, информацию об оценке их применимости; уровни выбросов, утвержденные в соответствии с НДТ, соответствующий мониторинг, соответствующие уровни потребления и при необходимости соответствующие меры по восстановлению участка. В отличие от справочников НДТ, распространяемых главным образом на английском языке, Заключения по НДТ публикуются Европейской комиссией на всех национальных языках государств – членов ЕС.

³Европейский союз обязал все страны – члены ЕС имплементировать положения Директивы 96/61/ЕС в национальное законодательство до октября 1999 г., а реализовать – до октября 2007 г.

⁴ЭР должны содержать: пороговые значения выбросов загрязняющих веществ; требования по проведению мониторинга; обязанности оператора установки представлять в компетентный орган власти данные, необходимые для проверки соответствия условиям, указанным при выдаче разрешения (см. ст. 14 Директивы 2010/75/ЕС) [11].

⁵В связи с особенностями государственного устройства Великобритании в рамках настоящей статьи основное внимание будет уделено анализу законодательства Англии и Уэльса.

⁶Законодатель обозначил их термином «подлежащие контролю объекты» (regulated facility). Всего в Регламенте выделено 9 типов подлежащих контролю объектов: 1) установки / виды деятельности, перечисленные в Приложении I Регламента, а также любые непосредственно связанные с ними операции; 2) мобильные заводы, которые используются либо для осуществления видов деятельности, перечисленных в Приложении I Регламента, либо для операций по обращению с отходами; 3) операции по обращению с отходами; 4) операции по обращению с отходами горнодобывающей деятельности; 5) виды деятельности, связанные с использованием радиоактивных веществ; 6) деятельность по водоотведению; 7) деятельность по использованию подземных вод; 8) малые заводы по сжиганию отходов; 9) деятельность, связанная с эмиссиями растворителей [13]. Общее количество подлежащих контролю объектов на территории Англии и Уэльса составляет более 30 000.

⁷Объекты класса A(1) – это объекты, перечень и критерии выделения которых определены в Приложении I Регламента. Объекты класса A(1) оказывают значительное негативное воздействие на окружающую среду. К их числу прежде всего относятся тепловые электростанции, заводы по производству и обработке металлов или минерального сырья, химические комбинаты, полигоны для размещения отходов, предприятия целлюлозно-бумажной промышленности, производства смол и битума и ряд других. Объекты класса A(2) также перечислены в Приложении I Регламента, однако в отличие от объектов класса A(1) данные объекты оказывают умеренное негативное воздействие на окружающую среду. К объектам класса A(2) относятся, например, газопереработка, черная металлургия, выплавка цветных металлов, производство стекла, нанесение гальванопокрытий, переработка пищевого, животного сырья, сжигание останков животных, выпуск керамических изделий, производство щебня, а также объекты и процедуры, связанные с выбросами конкретных загрязняющих веществ (например, выбросы оксидов азота, соединений титана и т.д.). Объекты класса B – это объекты, для которых характерны незначительные выбросы в атмосферу, например, АЗС, покраска транспортных средств, небольшие установки для сжигания отработанных нефтепродуктов, химчистки и т.д. [14].

⁸Регламент определяет оператора как лицо, контролирующее эксплуатацию объекта. Если подлежащий контролю объект не был введен в эксплуатацию, оператором будет считаться лицо, которое будет его контролировать после ввода в эксплуатацию. Оператором также признается лицо, обладающее ЭР (держатель ЭР), выданным на объект, эксплуатация которого прекращена. В качестве оператора объекта может выступать либо физическое или юридическое лицо (например, public limited company, private limited company, limited liability partnership), либо орган власти (eg local authorities, NHS Trusts, Food Standards Agency), который обладает достаточными полномочиями по контролю над технологическим функционированием объекта. Все юридические и профессиональные требования, предъявляемые к операторам, содержатся в специальном руководстве [15].

ЛИТЕРАТУРА

1. Directive 96/61/EC of the European Parliament and of The Council of 24 September 1996 concerning integrated pollution prevention and control // Official Journal of the European Union. 1996. #L0061. P. L004/01-L004/21.
2. Control of Pollution Act 1974 No 2039. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukxi/1974/2039/made> (дата обращения: 24.08.2018).
3. Air Pollution Control : An Integrated Approach/. URL: <http://www.rcep.org.uk/reports2.htm#5>
4. Air Framework Directive 84/360/EEC. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:31984L0360&qid=1535102089075> (дата обращения: 24.08.2018).
5. British Environmental Policy and Europe / ed. By Phillip Lowe and Stephen Ward. Garamond : Refine Carch Ltd., 1998.
6. Teodorescu M., Gaidau C. Possible steps to follow for filling the gap between requirements and the real condition tanneries // Journal of Cleaner Production. 2008. Vol. 16, Is. 5. P. 622–631.
7. Environmental Protection Act 1990. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/43/contents> (дата обращения: 24.08.2018).
8. Sorrell S. The meaning of BATNEEC: interpreting excessive costs in UK industrial pollution regulation // Journal of Environmental Policy & Planning. 2002. Is. 4. P. 23–40.
9. Гусева Т.В., Бегак М.В., Молчанова Я.П. Принципы создания и перспективы применения информационно-технических справочников НДТ // Компетентность. 2015. № 5.
10. An In-depth Look at the United Kingdom Integrated Permitting System. URL: <https://nepis.epa.gov/> (дата обращения: 24.08.2018).

11. Directive 2010/75/EU of the European Parliament and of the Council of 24 November 2010 on industrial emissions (integrated pollution prevention and control) // Official Journal of the European Union, 17/12/2010. P.L. 334/17-L334/119/.
12. Evrard D., Laforest V., Villot J. Rodolphe Gaucher Best Available Technique assessment methods: a literature review from sector to installation level // *Journal of Cleaner Production*. 2016 (121). P. 72–83.
13. What Is the Environmental Permitting Programme (EPP)? URL: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20080306060620/http://www.defra.gov.uk/environment/epp/> (дата обращения: 24.08.2018).
14. Экологические разрешения в Великобритании: Краткий аналитический обзор разрешительной системы, применяемой в экологическом регулировании промышленной деятельности в Великобритании // Эколайн: информационный ресурс. М., 2018. URL: <http://ecoline.ru/environmental-permitting-in-the-uk/>
15. Legal operator and competence requirements: environmental permits. URL: <https://www.gov.uk/guidance/legal-operator-and-competence-requirements-environmental-permits> (дата обращения: 24.08.2018).

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 ноября 2018 г.

History of the Development and Modern Legal Regulation of the Use of the Best Available Technologies in the UK

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 195–201.

DOI: 10.17223/15617793/439/27

Maria P. Imekova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Imekova_Maria@mail.ru

Keywords: best available technologies; environment.

The aim of the study is to analyze the history of development and to identify the features of modern legal regulation of the use of the best technologies in the UK. The UK has a wealth of experience in applying these technologies. This, in particular, is confirmed by the fact that Directive 96/61/EC On Integrated Pollution Prevention and Control, adopted in the European Union in 1996, was laid down by the legislation on the protection of the environment of Great Britain. In Russia, unlike in the UK, an understanding has recently emerged of the need to accelerate the development of the best available technologies, since this affects national interests in the field of defense, effective development of the country's economy, and the solution of environmental and social problems. The research carried out within the framework of this article allows to summarize and, if possible, implement in the Russian legislation the positive experience of Great Britain in using tools of direct and indirect regulation of environmental users aimed at encouraging the introduction of the best available technologies. In order to achieve this aim, extensive material was studied that included not only EU environmental directives, BAT reference books and UK national regulatory acts, but also a series of regulatory and technical guidelines and foreign scientific literature. The methodological basis of the study was general scientific and specific scientific research methods. The specific historical legal method, formal legal and comparative legal methods have been widely used. The listed methods allowed to determine when the best available technologies were first consolidated in UK legislation, and to analyze their further legal regulation. In general, the study allows to note the high level of lawmaking in the UK. Its distinctive feature is consistency: first, special environmental programs are developed, and only then laws are adopted along with guidelines (regulations) for their application. As a result of this legislative policy of the state, the UK has developed its own unique system of acts regulating the use of the best available technologies. The basic principles on which the application of these technologies in the UK is based are the universal nature of their use (they, compared to EU directives, apply to a wide range of objects) and an individual approach to implementation (it is possible to deviate from the established requirements).

REFERENCES

1. Official Journal of the European Union. (1996) Directive 96/61/EC of the European Parliament and of The Council of 24 September 1996 concerning integrated pollution prevention and control. *Official Journal of the European Union*. L 0061. L 004/01 – L 004/21.
2. Legislation.gov.uk. (1974) *Control of Pollution Act 1974 No 2039*. [Online] Available from: <http://www.legislation.gov.uk/ukxi/1974/2039/made>. (Accessed: 24.08.2018).
3. RCEP. (1976) *Air Pollution Control: An Integrated Approach*. 5th Report. [Online] Available from: <http://www.rcep.org.uk/reports2.htm#5>.
4. EUR-lex. (1984) *Air Framework Directive 84/360/EEC*. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:31984L0360&qid=1535102089075>. (Accessed: 24.08.2018).
5. Loweand, Ph. & Ward, S. (ed.) (1998) *British Environmental Policy and Europe*. Garamond: Refine Carch Ltd.
6. Teodorescu, M. & Gaidau, C. (2008) Possible steps to follow for filling the gap between requirements and the real condition tanneries. *Journal of Cleaner Production*. 16 (5). pp. 622–631.
7. Legislation.gov.uk. (1990) *Environmental Protection Act 1990*. [Online] Available from: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/43/contents>. (Accessed: 24.08.2018).
8. Sorrell, S. (2002) The meaning of BATNEEC: interpreting excessive costs in UK industrial pollution regulation. *Journal of Environmental Policy & Planning*. 4. pp. 23–40. DOI: 10.1002/jep.102
9. Guseva, T.V., Begak, M.V. & Molchanova, Ya.P. (2015) Technical Reference Documents on BAT: Development Principles and Implementation Perspectives. *Kompetentnost'*. 5. (In Russian).
10. NCEI. (2008) *An In-depth Look at the United Kingdom Integrated Permitting System*. [Online] Available from: <https://nepis.epa.gov/>. (Accessed: 24.08.2018).
11. Official Journal of the European Union. (2010) Directive 2010/75/EU of the European Parliament and of the Council of 24 November 2010 on industrial emissions (integrated pollution prevention and control). *Official Journal of the European Union*. 17 December. L 334/17 – L 334/119/.
12. Evrard, D., Laforest, V. & Villot, J. (2016) Rodolphe Gaucher Best Available Technique assessment methods: a literature review from sector to installation level. *Journal of Cleaner Production*. 121. pp. 72–83.
13. National Archives. (2008) What Is the Environmental Permitting Programme (EPP)? [Online] Available from: <https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20080306060620/http://www.defra.gov.uk/environment/epp/>. (Accessed: 24.08.2018).
14. Ecoline. (2018) *Ekologicheskie razresheniya v Velikobritanii: Kratkiy analiticheskiy obzor razreshitel'noy sistemy, primenyaemoy v ekologicheskom regulirovaniy promyshlennoy deyatel'nosti v Velikobritanii* [Environmental Permits in the UK: A Brief Analytical Review of the Permit System Used in the Environmental Regulation of Industrial Activities in the UK]. [Online] Available from: <http://ecoline.ru/environmental-permitting-in-the-uk/>.
15. UK Government. (2016) *Legal operator and competence requirements: environmental permits*. [Online] Available from: <https://www.gov.uk/guidance/legal-operator-and-competence-requirements-environmental-permits>. (Accessed: 24.08.2018).

Received: 01 November 2018

И.А. Кравец

ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ, КОНСТИТУЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПУБЛИЧНЫЙ ПРАВОПОРЯДОК (НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ, РОССИЙСКИЙ, СРАВНИТЕЛЬНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТЕКСТЫ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00761 А.

Рассматриваются этимология слова «телеология», теоретические основы телеологического конституционализма, проблема телеологических норм конституции, их роль в качестве правовых предписаний, правовые элементы доктрины конституционной телеологии, соотношение правовых и моральных ценностей в большом и малом круге конституционализма, правовая природа конституции как коммуникации и среды для правовых инноваций, моральных традиций и конституционной идентичности.

Ключевые слова: телеологический конституционализм; конституционный дизайн; конституционная коммуникация; телеологическая функция конституции; конституционность; правовая рациональность; конституционная идентичность; конституционное толкование.

Телеология, научное знание и конституционализм

Слово «телеология» происходит от греческих слов «telos» (телос) – результат, завершение, цель, и «logos» (логос) – слово, учение. Данное слово выражает мнение, что явления можно объяснить с точки зрения их цели, функции или предназначения. В философской энциклопедии телеология рассматривается как идеалистическое учение о цели и целесообразности, которое постулирует особый вид причинности: целевой, отвечающей на вопрос, для чего, ради какой цели совершается тот или иной процесс [1. С. 673]. Как раздел философии *телеология* утверждает, что каждый объект имеет конечную цель для своего бытия. В политической мысли телеологические аргументы были использованы, чтобы оправдать существование и функций государства, ссылаясь на цель человеческой жизни. Каждая из трех доминирующих традиций в политической и нравственной философии – аристотелевской, утилитарной и кантианской – в некоторой степени зависит от телеологических требований [2]. Телеология может использоваться в качестве современной научной дисциплины, которая обеспечивает исследовательский канал для сопоставления знаний (создания картографии знаний), когда она выступает *основой для сбора стратегических знаний*. Телеология рассматривается и как важный компонент концепции менеджмента знаний (knowledge management). Управление (менеджмент) знаниями в качестве дисциплины включает в себя несколько подотраслей: процессы управления знаниями основаны на философии Аристотеля или Платона; концепция основана на лучших практиках философии, управления информационными системами, организации науки, науки управления, когнитивной науки и на других областях [3. Р. 137].

Телеологический принцип существует в научном познании мира. Проблема телеологии рассматривается как одна из самых неоднозначных и спорных проблем в истории западноевропейской философской и научной мысли [4. С. 3]. В истории развития идеи телеологии отмечается ее сильное влияние на биоло-

гию. По мнению биолога Эрнста Майра, возможно, «никакая другая идеология не оказала влияния на биологию более глубоко, чем телеологическое мышление» [5. Р. 117]. Эволюционная теория Ч. Дарвина в биологии и теория развития в социологии и других общественных науках опровергли действие принципов механической причинности в живой природе и в обществе. Телеологические объяснения возникают у историков и социологов, которые сталкиваются с анализом целей, интенций и мотивов действий людей. По мнению Г.И. Рузавина, в настоящее время телеологические объяснения рассматриваются как эвристические способы исследования и допускаются как вспомогательные и дополнительные объяснения, которые желательно со временем свести к объяснениям с помощью законов и причин явлений [6]. Телеологический принцип познания рассматривается и в контексте критики способности суждения Канта [7. С. 74], и в контексте развития философии истории (развертывание идеи истории). Р.Дж. Коллингвуд, опираясь на взгляды Равессона и Лейбница, отмечает, чтобы реальность существовала и сохраняла себя как целое, причинность должна быть представлена в ней в двух формах: в виде так называемых действующих причин, связывающих часть с частью, и в виде целевой причинности, организующей эти части в единое целое [8. С. 177]. Телеология претендует и на осмысление проблемы философии смысла. Философская проблематика смысла может истолковываться не только под гносеологическим или функционально-аксиологическим углом зрения, но и в рамках телеологии, направленной на обнаружение осмысленности и целесообразности человеческой деятельности, жизни, истории [9. С. 3].

В современной *биофилософии* на фоне обсуждения теорий самоорганизации и теории сложности, их применения в биологии и экологии *вопрос о телеологии* приобретает новое значение. Некоторые ученые настаивают на полной ликвидации какой-либо ссылки на телеологию из области естественных наук. Однако особенно сложно искоренить телеологические выражения на научном языке, когда речь идет о понимании живых существ. По этой причине другие ученые

выбирают средний путь, который допускает некоторый телеологический язык. Тем не менее остается открытым вопрос о том, следует ли рассматривать телеологические выражения как играющие просто метафорическую или необходимую эвристическую роль в науках [10. Р. 37]. По мнению исследователя, который опирается на Уайтхеда, *телеология* должна быть необходимой *онтологической предпосылкой для осмысления действительности вообще*; особенно важно данное предположение для понимания живых существ [Ibid. Р. 69]. *Телеология* используется для понимания человеческой природы и эволюции общества, например, для осмысления поведения людей, которые живут в различных условиях и преследуют определенные жизненные цели. Сравнительная и историческая перспектива необходима для понимания сходства и различий в поведении людей во всем мире. Важно понимать, какие мысли и поведение могут быть *универсальными*, что может быть *общим*, но не *универсальным*, и что может быть *редким* или вообще не существовать. Никакие общие принципы человеческого поведения и человеческого общества не могут быть разработаны без сбора таких данных [11. Р. XI]. Это подтверждает онтологическую значимость телеологии для осмысления человеческой деятельности.

Применение категории «цель» в праве формирует научные представления о правовой телеологии, которая имеет как общетеоретическое значение, так и разветвленное отраслевое применение (в различных отраслях права). Сложность самой задачи исследовать *право* в качестве явления *телеологического порядка*, признавал Б.А. Кистяковский [12. С. 394]. Телеология в праве подразумевает цели правового регулирования, которые связаны как с объективными потребностями общества, государства, отдельных групп личностей или их объединений, так и с психологическими аспектами восприятия права различными субъектами, а также соотношение целей и средств правового регулирования. Анализ целей в праве способствует развитию инструментального подхода к осмыслению права. Наиболее продуктивной методологией исследования целей в праве, по мнению авторов, является рассмотрение цели в неразрывной связи с категорией «юридические средства» и юридической практикой, т.е. в рамках инструментального анализа правовой сферы [13. С. 29–41, 44]. Такая постановка проблемы целей и средств в праве рассматривалась в качестве фундаментального общетеоретического направления [14. С. 2]. Она позволяет иметь четкое представление о состоянии механизма действия права в целом, о совокупном влиянии в современных условиях правовой формы на социальные связи, а также выявлять теоретико-содержательную и технико-юридическую стороны правотворческой и правореализационной деятельности [15. С. 3–5]. Правовая телеология, правовой утилитаризм и правовая аксиология – взаимосвязанные категории и концепты в современной юриспруденции и философии. Цели в праве, как и интересы в праве, были предметом исследования Рудольфа Иеринга, который не распространял правовую телеологию на сферу конституционализма и конституционно-го права. Со времени появления трудов Р. Иеринга

целеполагание в праве является значимым направлением исследований [16]. Рудольф Иеринг связывал появление цели в праве с действием закона причинности. Телеологическое понимание права было представлено в работах не только Р. Иеринга, но и Р. Штаммлера. В частности, Р. Штамлер соединил в учении о «правильном праве» кантианский подход к правопониманию и телеологическую концепцию права Р. Иеринга [17]. Следует отметить, право может рассматриваться как телеологически обусловленное явление. Под телеологическим обоснованием права Р. Штаммлер понимает раскрытие той цели, которой служит право. Это важное понимание правовой телеологии актуально и для современных правовых систем. В отношении взглядов Р. Иеринга другой теоретик права и государствовед Б.А. Кистяковский отмечал, что наибольшая неясность в исследовании Р. Иеринга царит относительно его основной темы – относительно цели в праве». Судя по его заглавию – «Цель в праве» – Р. Иеринг ставил себе задачу вскрыть и установить те цели, которые определяют самое существо права. Анализ данной работы, проведенный Б.А. Кистяковским, позволил ему упрекнуть Р. Иеринга в том, что он исследует не «цель в праве», а «цель вне права» [18. С. 388]. По мнению Б.А. Кистяковского, право – чрезвычайно многостороннее и многоликое явление: оно не только относится к сфере причинно обусловленных явлений, но и представляет собой продукт человеческого духа, так как теснейшим образом связано с логической и этической деятельностью человека, а в качестве такового оно, следовательно, включено в область явлений телеологического порядка. Научное познание права связано с объяснением его как «в причинной, так и телеологической зависимости» [Там же. С. 393].

В телеологической зависимости находятся и современные конституции, и конституционализм. Телеология призвана формировать и объяснять цели развития конституций и конституционализма, определять, опираясь на конституционную аксиологию, какая конституция может считаться хорошей. По мнению британского исследователя, «хорошая конституция» в демократической стране стремится уравновесить нравственность закона и нравственность правления (а не только правительства в узком смысле слова). В контексте британского конституционно-политического опыта хорошую конституцию можно рассматривать на уровне той абстракции, которая говорит как она относится к правам человека или в контексте перехода от парламентского к конституционному верховенству в правовой системе страны [19. Р. 567–568]. В отношении ситуации в России хорошая конституция может рассматриваться как конституция, обеспечивающая переход от верховенства президента к верховенству конституции и подчинения верности конституции деяний главы государства и системы органов, формируемых с его участием. Конституция эволюционирует, однако не всегда в направлении, первоначально заданном при ее принятии, возможны регрессы конституционного опыта, недостижение намеченных конституционных целей. Как отмечает С.Ф. Ударцев, конституция – «эволюционирующее

явление в правовых системах, выступающее частью других эволюционирующих динамических систем в сфере политики и права, тесно связанных также с системами и подсистемами других сфер общества» [20. С. 6]. Достичь консенсуса в понимании конституционализма современными учеными – дело довольно сложное. Различные подходы к пониманию конституционализма позволяют синтезировать наиболее значимые компоненты доктринального уровня, отражающие многообразие взглядов и раскрывающие сердцевину проблем правового регулирования взаимоотношений государства, общества и личности. Набор современных качественных характеристик конституционализма впечатляет как широтой используемых метафор, так и приложенных к основному термину различных прилагательных, которые призваны раскрыть все новые грани воплощения не только в реальности, но и в нашем сознании представлений об этом явлении. Например, для выявления существенных отличий конституционализма в постсоветских государствах используется термин «девиантный конституционализм», несомненно, заимствованный из криминологии и социологии поведения (лат. *deviatio* – уклонение, англ. *deviation* – отклонение). Социальная девиация связана с отклонением от общепринятых и устоявшихся социальных норм. В юриспруденции девиантным (англ. *deviation* – отклонение) называется поведение, противоречащее установленным в обществе моральным и правовым нормам. Применительно к конституционным системам из-за их большого разнообразия и существования различных моделей конституционализма термин «девиантный» представляется малосодержательным и даже irrelevantным, имеющим, как видно, негативную окраску.

Многие современные исследователи рассматривают конституционализм как набор принципов, убеждений или ценностей, связанных с организацией формы правления и устройством государства, порядком управления этим государством [21. Р. 11–12]. В контексте исторической и антропологической перспективы понятие конституционализма неразрывно связано с развитием и рационализацией самоуправления в национальном и региональном масштабе (на общегосударственном и субфедеративном уровнях) и в условиях современного государства включает демократическое правление и конституционную демократию [22. Р. 626–628]. Ответственность в конституционализме занимает лидирующее место как правовой и политический институт и как проблема достижения эффективности и подконтрольности публичной власти. Конституционализм имеет длительную традицию как в юриспруденции и конституционной теории, так и в политике и политической теории (если учитывать английский, европейский континентальный и американский правовой и политический опыт). По мнению Марка Грабера, существует значительное разногласие в вопросах начала данной традиции и в вопросах о том, что установило такую традицию [23. Р. 14]. *Одно направление* в исследовании конституционализма выводит его из античной Греции и опирается на работу Аристотеля «Политика», которую рассматривают как первую великую работу по конституционализму, при-

чем сам конституционализм – как исследование политических режимов. *Другое направление* ищет первые следы конституционализма в античном Риме или Средних веках. Современные конституционные режимы возникают как правила, которым привержено государственное правление в целом с определенными фундаментальными правовыми принципами и верховенством права. *Третье направление* в исследовании конституционализма развивается в Англии и США в течение XVII–XVIII вв. Либеральный конституционализм Возрождения был привержен ограниченному правлению и индивидуальным свободам. В современных исследованиях признается территориальное расширение моды на конституционализм, которая охватывает весь мир [24. Р. 290]. Конституционализм и глобализация взаимодействуют, и одним из проявлений глобализации являются взаимосвязанные тенденции интернационализации конституционного права и конституционализации международного права [25. С. 7]. Термин «конституционализм» ведет свою родословную от концепции писаной конституции, которая обладает верховенством в системе национального права и высшей юридической силой в иерархии источников отечественного права. В современном публичном праве термин «конституционализм» часто возникает при обсуждении отношений между государственной властью, правом, демократией и сохранением либеральных ценностей, но он используется с широким спектром значений [26. Р. 8]. Конституционализм как правовое проектирование черпает свои модели через доктрину конституционного дизайна. Как научное направление конституционный дизайн опирается на телеологию в качестве теоретической и аксиологической платформы для формулирования целей, ради которых создаются, развиваются и трансформируются конституции и конституционно-правовые институты. Конституционный дизайн для одних исследователей – часть научного направления «конституционная телеология» [27. С. 60–61], для других служит для «разработки конструкции институтов, способствующих достижению целей общественного благосостояния» [28. С. 344–345].

Телеологический конституционализм в системе национального и наднационального правопорядка

Современный конституционализм имеет множество национальных форм воплощения в правовой системе различных государств. Имеет он и наднациональную форму своего бытия, претендуя на планетарный масштаб существования и воплощаясь пока в виде концепта или проектов глобального конституционализма. Планетарный, или глобальный, конституционализм претендует на «каркасообразующую» роль современного транснационального права. В процессе создания транснационального права используются методология и лексикон сравнительного конституционного права. По мнению С. Бартоле [29. С. 39–46], значимую роль в осмыслении процесса формирования транснационального права играет сравнительное конституционное право, которое вбирает не только со-

временные модели конституционного регулирования, но и формирует наднациональный конституционный лексикон. Высказываются суждения (со стороны Гюнтера Тойбнера) в поддержку формирования транснационального конституционализма, который не только выходит за пределы национального государства, создавая институциональный политический сектор, но и участвует в создании «частных» секторов глобального общества [30. Р. 2–3]. Внутренние и внешние цели развития конституционализма проецируются как на национальный государственно-правовой порядок, так и на международные отношения, на вопросы межгосударственных объединений и интеграционные процессы, в которых участвует Российская Федерация (как и другие государства). Конституционализм позволяет согласовывать иерархичность норм, предназначенных для регулирования внутригосударственного правового порядка и участия государств в международных отношениях. Целевой характер современного конституционализма усложняется благодаря множественности стратегических и тактических целей развития современных государств в контексте реализации задач внутренней и внешней политики.

В исследованиях различных форм конституционализма предлагаются интерпретационные доктрины как в рамках современной юриспруденции, политологии, социологии, экономики и культурологии, так и в сравнительно новых областях охвата конституционной мысли, как, например, психология. В частности, профессор Дон Оливер предлагает рассматривать ряд интересных проблем *психологического конституционализма* [31]. Она полагает, что следует рассматривать в качестве основополагающего *принцип конституционных договоренностей* в Великобритании. Правительство на общенациональном уровне (как и другие государственные органы) может и должно *поощрять общественный интерес*, содействовать ему. Такой интерес служит *здоровому публичному климату в государстве* в отличие от поощрения интересов спонсоров, родственных групп или расовых, этнических, клановых или религиозных групп, к которым принадлежат представители органов государства. По мнению профессора, принцип конституционных договоренностей работает в контексте двух взаимосвязанных принципов: принципа общественных интересов и принципа государственной службы. *Принцип общественных интересов* требует, чтобы государственные органы действовали в интересах широкой общественности. Данный принцип, среди прочего, предполагает, что «общественность», или население, является достаточно последовательной группой с взаимосвязанными общими публичными интересами, которые должны обеспечиваться правительством страны, поскольку население соглашается с тем, что оно обслуживается правительством. *Принцип государственной службы* включает в себя идею о вполне реалистичном ожидании того, что политики и государственные служащие будут служить интересам, отличным от их собственных эгоистических интересов, – интересам широкой общественности. Следовательно, в психологическом плане конституционализм формирует *обще-*

ственные ожидания, основанные на *обеспечении общественных интересов страны и предотвращении на государственной службе удовлетворения эгоистических или местных интересов* [31. Р. 639–640].

Как конституционализм в национальном измерении не мог оставаться в рамках юридической парадигмы существования и анализа, так и глобальный конституционализм не является исключительно предметом юриспруденции. Глобальный конституционализм рассматривается в международных исследованиях как управленческая альтернатива государственной системе. В некоторых исследованиях отмечается взаимосвязь между проблемой нормативности международно-правовых норм и конституционной теорией, последняя позволяет разрабатывать для международного права концепцию нормативности и рационализации международно-правовых структур и институтов. В качестве такой теории может выступать *международный конституционализм* [32]. Глобальный и транснациональный конституционализм при относительной неясности границ и предметного поля формирования связан с доктринами глобализма и космополитизма. Несмотря на растущее число литературы по теории космополитизма, большая часть современного нормативного политического концепта глобальной политики остается в традиционной дихотомии между *национальным демократическим суверенитетом* и *либеральным космополитическим конституционализмом* [33].

В своей работе Сейла Бенхабиб осмысляет проблему «юридической генеративности права» («the jurisgenerativity of law») в вопросах соотношения перспектив создания глобальной конституции (полезности, желательности, или преждевременности, или даже вредности) и сохранения суверенитета современными государствами. В контексте российской юридической мысли представляется правильным говорить о правообразующей роли права или о том, что «право порождает право», а неправое может порождать и произвол, и право на защиту от произвола. С. Бенхабиб подробно рассматривает критические замечания в отношении правовых преобразований, связанных с проектом глобального конституционализма, и разграничивает тех, кто рассматривает универсализацию норм о правах человека как троянского коня глобальной империи или как неокOLONIALISTские намерения утвердить имперский контроль над миром, и тех, кто стоит на демократических суверенных позициях, в отличие от националистов. По ее мнению, подобная критика игнорирует «юридическую генеративность права» («the jurisgenerativity of law»), или правообразующую роль права. Хотя представители сохранения демократического суверенитета ошибаются в минимизации того, как нормы в области прав человека улучшают демократическое самоуправление; глобальные конституционалисты также ошибаются в минимизации той степени, которой космополитические нормы требуют местной контекстуализации, интерпретации и народной культуры самоуправляющихся народов [Ibid. Р. 691–692]. Отмеченные ранее, две доминирующие школы мысли, посвященные проблемам космополитизма и международного конфлик-

та, берут начало в различных идейных истоках: демократический национальный суверенитет, вдохновленный Гегелем, имеет своих сторонников сохранения суверенных прерогатив и политической мощи современных государств; глобальный конституционализм, вдохновленный И. Кантом и переформулированный Ю. Хабермасом, предстает как новый проект и для нормативности международно-правового порядка, и для перспектив построения глобального управления [34. Р. 24–26].

Современные конституции прошли путь от частичного закрепления отдельных целей и ценностей развития общества и государства, политической нации до значительного расширения конституционно-правового поля влияния как на внутригосударственное право и отдельные отраслевые сферы правового регулирования, так и на наднациональное право, активно вмешиваясь в процессы международной интеграции и кооперации, участвуя в имплементации норм международного права, создают «конституционные мосты» для реализации международно-правовых методов и форм правовой конвергенции. Конституция представляет собой систему взаимосвязанных и взаимозависимых норм, в основе которых лежит система ценностей и взаимосвязанных интересов различных участников конституционного строительства и субъектов конституционно-правовых отношений. Система конституции находится в определенной генетической связи с системой конституционного права, с осмысленной наукой, «работой» в правовом, политическом, экономическом, культурном и социальном поле конституционно-правовых институтов. Через юридическое свойство в качестве основы системы законодательства конституция обеспечивает множество правовых связей с различными отраслями права, претендуя на роль *мегаучредительного акта* для всей правовой системы. Система конституции как мегаучредительного акта создает *правовую иерархию* не только конституционных ценностей для всей правовой системы страны, но и *проецирует* в правовое пространство *формы взаимодействия* конституционных ценностей и отраслевых правовых ценностей в процессе работы конституционно-правовых институтов во взаимосвязи с отраслевыми правовыми институтами. Можно отметить, что современная конституция – это нормативный и структурный каркас для создания матрицы конституционных целей и ценностей, в рамках которых развивается как правовая система страны, так и формируются направления внутренней и внешней политики государства. Конституционный телеологизм – неотъемлемая часть теории и практики современных конституций. Наследие советских конституций с их программно-политическими положениями требовало переосмысления в контексте переходного периода после принятия Российской Конституции 1993 г., который к десятилетнему периоду ее действия подошел к концу, не решив проблему издержек проведенной конституционной революции [35. С. 83].

Матрица конституционных целей и ценностей питается не только юридической и конституционной теорией и практикой; в то же самое время знания в области современной эволюционной биологии пока-

зывают новое направление в изучении телеологии в биологии. В частности, утверждается, что телеология лежит в области *композиционных иерархий*. Дэниел У. Макши задает вопрос, как мы будем понимать телеологические системы? Чем объясняется их настойчивость (возвращение к прошлым траекториям после ошибок) и их пластичность (поиск той же траектории из разных исходных точек)? В своей работе он утверждает, что все, казалось бы, целенаправленные (целеустремленные) системы – например, организм, ищущий пищи; созданные человеком устройства, такие как термостаты и торпеды; биологическое развитие, поиск целей человека и сам эволюционный процесс – разделяют общую организацию. В частности, они состоят из сущности, которая перемещается внутри более крупной содержащей структуры, которая управляет ее поведением в общем виде без его четкого определения. Придерживаясь такой точки зрения, он отмечает, что таким образом телеология лежит в области теории композиционных иерархий [36. Р. 663].

Возможно, чтобы лучше понимать значение конституции как нормативно-структурной основы конституционной телеологии, следует видеть в ней ту область общественных (правовых, политических, экономических, социальных и духовных) отношений, которая работает в контексте объясняющей ее *теории композиционных иерархий*. Представляется важным отметить, что сама по себе *матрица конституционных целей и ценностей* возможна, если признать существование потребностей согласования и последовательного воплощения в правовой системе страны норм и принципов конституции как важнейшей правовой оболочки взаимодействия различных субъектов права, государства и общества. В этом случае *матрица конституционных целей и ценностей* вовлекает в процесс создания иерархии ценностей не только официально уполномоченных субъектов толкования норм конституции и законодательства, но и научное сообщество, активных субъектов использования прав и свобод (граждан, их объединений). Такая матрица может создаваться с обязательной опорой на *идеологию отечественного конституционализма* и *конституционную идентичность российского государства и общества*, конституционные принципы основ конституционного строя с учетом их *включенности в процессы международной и европейской интеграции*, практику *официального толкования* Конституционным Судом РФ положений Конституции об основах конституционного строя, принципов российского конституционализма, основных прав и свобод, обязанностей человека и гражданина в конституционном и европейском пространстве.

Система конституции и система целей и ценностей образует *конституционную матрицу* благодаря иерархическим связям и определенной комбинаторике сочетания конституционных, отраслевых и наднациональных интересов и ценностей, баланс которых в каждом конкретном случае находится в состоянии *динамического равновесия*. В основу конституционной матрицы иерархии конституционных целей и ценностей должен быть положен *принцип толкования*,

согласно которому *конституционные принципы* (основы конституционного строя, принципы конституционализма) *служат охране и защите* основных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, тех прав и свобод отраслевого характера, которые генетически связаны с ними. Обратная взаимообусловленность принципов и прав не должна применяться, кроме случаев специально оговоренных. Права, свободы и обязанности не должны толковаться согласно принципу, что они служат для охраны и защиты конституционных принципов (основ конституционного строя, принципов конституционализма). Матрица конституционных целей и ценностей развития общества и государства способствует правовой определенности в иерархии и соотношении установленных Конституцией РФ 1993 г. основ конституционного строя и иных конституционных положений. Принцип правовой определенности должен обладать приоритетом при толковании конституционных принципов и положений конституции о правах и свободах личности.

Исследование конституционной телеологии и конституционной аксиологии в современных научных публикациях связывается с различными конституционно-правовыми институтами и процессами в российской юриспруденции. Доктрина и практика конституционной телеологии на современном этапе складывается под влиянием как советского опыта создания программных положений конституций, так и развития и широкого использования конституционных ценностей применительно к различным государственно-правовым институтам и формированиям доктрины конституционной аксиологии, в том числе опираясь на практику конституционного правосудия (работы Н.С. Бондаря, А.А. Джагарян, Н.В. Джагарян) [37; 38. С. 27–34]. Происхождение современных конституций неразрывно связано с правовой кодификацией целей и ценностей развития политических сообществ, оформлявшихся в государства с конституционными режимами. Целеполагание имеет некоторые правовые формы закрепления и реализации в правовой системе страны. Нормы-цели и нормы-задачи создают юридические основы для целеполагания в праве. Однако определенные виды юридических норм, не сформулированные в виде целей и задач, могут обладать эффектом целеполагания, особенно если эти нормы в виде основ конституционного строя, принципов конституционализма, конституционных принципов организации и деятельности органов публичной власти закреплены в конституции страны и поддерживаются механизмом реализации в правовой системе в целом. Конституционно-правовое регулирование целей и задач Российского государства и общества имеет нормативное основание в Конституции РФ 1993 г. Правовое закрепление целей и задач в отношении различных элементов правовой и политической системы, институциональных средств их развития – устоявшиеся формы права, которыми создают важнейшие стратегические и ценностные ориентиры развития государства и общества, участия в международных отношениях и создания межгосударственных объединений и наднациональных правовых образова-

ний. Конституционно-правовые нормы опосредуют цели и задачи деятельности отдельных органов государства (по мнению Г.А. Гаджиева, цели, задачи и предназначение Конституционного Суда РФ вытекают из норм Федерального конституционного закона о КС РФ в интерпретации самого суда) [39. С. 10–16; 40. С. 8–11] или цели и задачи конституционного судопроизводства в России применительно к органам конституционного правосудия в субъектах РФ и иных федеративных государств (США, ФРГ) [41. С. 1–8; 42. С. 52–61]. Важным направлением исследований (работы И.А. Петина) стало выявление взаимосвязей конституционных норм и целей и задач уголовного законодательства, раскрытие их конституционной направленности и обусловленности положениями Конституции [43. С. 17–21]. Конституционные цели организации государственной власти проистекают из Конституции и федерального законодательства, а также из официального толкования конституционных норм Конституционным Судом РФ. Соотношение конституционных норм, их интерпретации и законодательного обеспечения – важная составляющая часть механизма реализации конституционных целей и правовых средств их регулирования и обеспечения применительно к организации государственной власти [44. С. 16–19]. Конституционализм основан на целях и ценностях, которые непосредственно отражаются в нормах конституций, и формирует конституционное целеполагание в контексте правового, политического и ценностного измерения.

Декларативность норм Конституции рассматривается в работах как препятствие для реализации конституционных целей и задач, поставленных перед государственной властью. По мнению отдельных исследователей, например Н.М. Добрынина, «преодоление кризиса конституционализма следует начинать с указания в конституционном тексте на конкретные цели и ценности» [45. С. 13]. При этом остается весьма дискуссионным вопрос: нужно ли ставить новые цели и задачи в новой конституции или разобраться с имеющимся набором целей, задач и принципов, заложенных в Конституции РФ 1993 г.? Особенно важно согласование нормативных, интерпретационных и правореализационных компонентов осуществления конституционных целей и принципов российского конституционализма. Возникновение теории ценностей, или аксиологии как оформившегося направления теоретической мысли, связывают с концом XIX – началом XX в. Аксиология может рассматриваться и как общеметодологическая сфера знаний для различных наук, изучающих ценности, так как стремление выявить, по словам Н. Неновски, «общие принципы ценностей и оценок, их общие понятия» [46. С. 25] – связывает предмет аксиологии с потребностью изучить всеобщее в разнообразных ценностях. Разработка ценностей и их изучение – это одна из тенденций постнеклассической науки (эффект «аксиологизации»). «Ценностный подход, – по мнению Е.В. Перепелица, – инвестирует содержательно новое – аксиологическое видение и измерение оснований права» [47. С. 11–14]. Конституционная аксиология формировалась с ориентацией на решение практико-

прикладных конституционных и отраслевых задач, связанных с деятельностью органов конституционного правосудия. Представляется важным рассматривать концепт конституционной аксиологии с позиций системной и комплексной методологии познания правовых явлений. Выбор целей развития государства и общества, который опосредуется правовыми нормами и действующей в стране конституцией, предполагает сочетание внутригосударственных и международных факторов, исторических традиций и текущих задач управления, объективных потребностей решения государственно-правовых задач и субъективных ценностных ориентаций носителей государственно-властных полномочий. Заложенные в конституцию страны потенциальные правовые возможности могут искажаться под воздействием различных факторов политического, экономического, международного, личностно-психологического характера, создавать конституционные аномалии различного вида, создавать конфликтную область при «работе» телеологических и аксиологических детерминант в российском конституционализме. Исследование конституционной телеологии и конституционной аксиологии в современных научных публикациях связывается с различными конституционно-правовыми институтами и процессами в российской юриспруденции. Используя понятие парадигмы (Т. Кун), предлагается новое направление в исследовании российского конституционализма, а именно конституционная телеология [48].

Исследование доктрины и практики конституционной телеологии на современном этапе возникло под влиянием как советского опыта создания программных положений конституций, так и развития и широкого использования конституционных ценностей применительно к различным государственно-правовым институтам и формированиям доктрины конституционной аксиологии, в том числе опираясь на практику конституционного правосудия. Время действия Конституции, как правило, не оговаривается ее нормами, и в этом смысле «время жизни» основного закона страны – это развертывание его потенциала в правовой системе страны. Взгляд на конституцию как на ресурс правовых возможностей государства, общества и личности важен в перспективе понимания исторических и государственно-правовых традиций страны. Если прежний правовой и исторический опыт допускал связывание принимаемых конституций с руководителями государства (сталинская, брежневская, ельцинская), он не может просто раствориться в сознании, хотя возможен его уход в область неактуальной политической и правовой действительности. Гораздо важнее для правовой активности субъектов конституционно-правовых отношений поддерживать представление о конституции как нормативном документе для новых возможностей как политиков и органов государства, так и для граждан и их объединений. Реальность раскрываемого потенциала конституции выражается в совокупности правовых деяний не только главы государства (или отдельных его органов, должностных лиц), а всех субъектов права, которые могут быть представлены как конституционное сообщество граждан, частных и публичных субъектов.

Представление о соотношении права и морали в концепциях правопонимания развивается в XXI столетии под влиянием «работы» современных конституционно-правовых институтов, практики конституционализма, в том числе практики судебного обеспечения прав и свобод как средствами конституционного правосудия, так и наднациональных судебных органов. В современной доктрине юридического позитивизма и аналитической философии права приобретает важный смысл сочетаемость моральных и правовых ценностей. Значение такой сочетаемости в конституционной юриспруденции заключается в том, что она влияет на формирование и применение методологии разрешения конституционных конфликтов и коллизий, возникающих в сфере защиты основных прав и свобод средствами конституционной и наднациональной юстиции, применение принципа соразмерности ограничений прав и свобод личности.

Конституция действует во всех сферах жизнедеятельности личности, общества и государства. Можно предположить, что конституция выполняет роль оболочки правовой операционной системы, в которой осуществляется деятельность различных субъектов права. Такая «конституционная оболочка» содержит как набор правовых принципов и норм, так и моральных правил (возможно, и ожиданий), которые имплицитно присутствуют в правовой материи и определяют более широкий набор требований в области конституционной практики и публичной морали. Конституция проявляет себя как Основной закон страны или как Высший закон для государства и общества, личности в пределах территориальной юрисдикции государства (как правило, хотя есть исключения). Термины «Основной закон» и «Высший закон» часто используются в конституционно-правовых исследованиях как тождественные. В словосочетании «Основной закон» аккумулируются представления о законе, который закрепляет основы политической, экономической, социальной и духовной систем общества, взаимоотношений личности и государства. В современных исследованиях отмечается роль конституции как среды обитания, требующей рационального использования [49. С. 145–148], и в то же время, нам представляется важным отметить, как правового пространства равных возможностей. Важную роль она играет и в формировании единого конституционно-правового пространства страны [50. С. 14–23]. Проблема сочетания моральных и правовых ценностей может рассматриваться в рамках соотношения большого и малого кругов конституционализма. Данный подход формируется как развитие представлений о существовании конституции с заглавной (большой) буквы «К» и конституции с прописной (маленькой) буквы «к». В частности, такой подход был сформулирован в работе английского исследователя британской конституции Энтони Кинга [51], который предлагает разграничивать два вида конституций: *конституции с большим «К»* следует отличать от *конституций с небольшим «к»*. *Малые «к» конституции* составляют наиболее важные «правила и понятия» – неписанные и писанные, молчаливые, а также явные – которые регулируют деятельность высших органов соответствующей

щей страны. В стране без небольшой конституции «к» не было бы стабильного управления учреждениями (жизнь в такой стране, по его мнению, будет похожа на жизнь в естественном состоянии Гоббса – *Hobbes's state of nature*). Второй вид конституций – *конституции с большой буквы «К»* «кодифицируются»: с ними можно обращаться в любой хорошей библиотеке, они содержат положения для их собственного изменения и толкуются авторитетными конституционными судами. В понимании сочетаемости моральных и правовых ценностей в публичном и конституционном правопорядке значимый интерес представляет именно соотношение большого и малого круга конституционализма, а не только выявление сфер реализации конституций с заглавной и прописной буквы (в понимании Энтони Кинга).

Представление Э. Кинга о конституциях с маленькой и большой буквы «к», несомненно, отражает отсутствие в стране кодифицированной конституции в общепринятом смысле и развитие британской конституции как исторического процесса с набором разнообразных источников. Однако оба понимания конституции развиваются в рамках идей конституционной демократии и конституционализма как центральной части западного политического дискурса, проходящего через современную эру [51. Р. 11–12], с британским «политическим и правовым лицом». Сочетаемость моральных и правовых ценностей отражается на публичном правопорядке в целом и на конституционности и конституционном правопорядке в частности. Применительно к современной конституционной теории возможно говорить о существовании большого и малого кругов конституционализма, которые призваны объяснить проблему сочетаемости моральных и правовых ценностей в публичном и конституционном правопорядке. *Малый круг конституционализма* включает писаную кодифицированную (или некодифицированную) конституцию и доминирующую в стране и публичном правопорядке официально признаваемую доктрину верховенства конституции, а также практику официального нормативного и казуального толкования конституционных норм и взаимосвязанного с ним законодательства. *Большой круг конституционализма* охватывает различные источники конституционности: исторические, моральные, правовые, публичную практику конституционализма с участием всего круга субъектов конституционного правоприменения и конституционного толкования, их моральные и правовые ценности, дающие представление о совокупности правил, принципов и норм, обеспечивающих конституционный правопорядок в стране.

Конституции как среда для правовых инноваций, публичной морали и конституционной идентичности

Современные конституции – результат развития моделей правового регулирования в Новое и Новейшее время, которые стремятся аккумулировать не только универсальные конституционные и взаимосвязанные правовые принципы и норм, но и результат

развития и адаптации к вызовам интеграции и международных отношений национальных правовых принципов, норм и институтов как выражение определенной «самобытности» или идентификации национального конституционализма. При этом различные модели конституционализма формировались в течение длительного периода времени в рамках ограниченного круга цивилизаций (европейской, американской) и в настоящее время получили глобальное распространение с новыми вариациями и перспективами развития. Западный, восточный, советский, исламский и буддистский конституционализм отражает не только различные цивилизационные подходы для измерения содержательных компонентов конституционализма, но и свидетельствует о несовпадающих знаковых системах, которые используются для идентификации конституционализма. Устойчивый и укорененный в историческую традицию конституционализм появляется в условиях соединения мировоззренческих, философских оснований, географического или страноведческого происхождения и культурно-исторических, правовых ценностей, которые развиваются и обеспечивают интеграционный потенциал конституционализма. В процессе интеграции новых государств в Европейский Союз постепенно выработалось понимание «кооперативного конституционализма», который формируется благодаря политическим институтам интеграции и внесению конституционных поправок в Польше, Эстонии и Латвии, Венгрии и Чешской Республике без привлечения судебных органов. При этом остается дискуссионным вопрос, должны ли конституционные суды интегрирующихся государств прилагать больше усилий для того, чтобы обеспечить бесконфликтное действие внутрисударственного и наднационального права [52. Р. 25–26]. Диалог органов конституционного правосудия и наднациональных судебных органов постепенно выработывает границы понимания, юридические пределы и культурно-этнические компоненты конституционной самобытности отдельных государств как перед лицом наднациональных органов, так и в контексте сравнения с иными суверенными демократиями, объединенными в рамках Европейского Союза.

Бенджамин Шонталь считает, что некоторые из наиболее важных юридических проектов в Южной и Юго-Восточной Азии были проектами буддийского конституционализма: попытки использовать письменные конституции и другие основные законы для организации власти способами, которые защищают и сохраняют буддийские учения и институты, особенно институт буддийского монашества *saṅgha*. Рассматривая досовременные корни буддийского конституционализма и изучая его отличительные черты в Шри-Ланке и Таиланде, он объясняет, как и почему эта конкретная форма религиозного конституционализма повлияла на политику и право в современной Южной и Юго-Восточной Азии [53. Р. 705–733]. Для понимания специфики конституционализма использование этически нагруженных терминов создает иллюзию объективной оценки конституционализма. Различные нецивилизованные определения конституционализма можно охарактеризовать как «бранный», «матерный»

или «оскорбляющий»). Как правило, такие определения конституционализма появляются под влиянием доминирующей или руководящей теории (концепции) мироустройства и миропорядка, в котором конкуренция идей и (или) цивилизационного выбора представляется законченной. Понятием «бранный конституционализм» охватываются и различные виды «авторитарного» конституционализма, особенно активно используемого для характеристики государственного режима и форм политического участия в странах Латинской Америки [54. Р. 447–468]. Так считает Хорхе Гонсалес-Джаком. Проблему «бранного конституционализма» нельзя ограничить только оценкой эффективности работы конституционно-правовых и демократических институтов и форм демократического участия, обеспеченности прав и свобод личности с позиций западноевропейского или американского подходов. Основная проблема – это формирование качественных характеристик конституционализма, в котором соединились бы цивилизационный выбор (задел, доставшийся от Старого Света) и государственно-правовые традиции и опыт межгосударственной интеграции и культурного своеобразия.

В конституционных целях развития государства и общества, отраженных непосредственно в конституциях или выводимых из принципов (основ) конституционного строя, присутствуют публичные политические или моральные обязательства для деятельности высшего должного лица в государстве, других органов государства, их должностных лиц. Конституционное целеполагание устанавливает не только важные для государства и общества цели конституционного развития, но и создает нормы-цели, нормы-задачи, нормы-программы, которые выполняют одновременно и роль правовых принципов, правовых деклараций и роль публичных (моральных и политических) императивов. Конституционная телеология как наука о целях и задачах конституционного регулирования и развития общества и государства связана с важнейшими областями конституционной юриспруденции: 1) с функциями конституции и особенно с телеологической (программной) функцией; 2) с конституционализацией правового порядка на основе судебной интерпретации конституционных положений и законодательного обеспечения их реализации; 3) с конституционными целями ограничений прав и свобод граждан, различных сфер отраслевого регулирования и регулирования общественного и государственного строя страны [55. С. 80–81]. Конституционные цели отражают представления конституционного сообщества (включает граждан, иных лиц, участвующих в конституционном строительстве, органы государства, местного самоуправления, их должностных лиц) о нормативных моделях конституции, конституционализма, конституционно-правовых институтов, о будущих (и в этом смысле достижимых) результатах государственно-правового и конституционного развития. Конституция в контексте запущенной нормативной архитектуры государства и общества содействует реализации форм и ограничений в контексте политического и правового страхования, в том числе затрагивает и сферу публичной морали. Конституция неко-

торыми исследователями рассматривается как политическая страховка в более узком значении, чем можно представить, так как страхование и страховка – это еще и правовой институт [56. Р. 988–1012]. Поэтому конституция – это не только политическое, но и правовое страхование от различных рисков утраты государственности, правовой системы, стабильности и правопорядка. Правовое страхование осуществляется через установление форм и ограничений деятельности различных субъектов права. Такое страхование носит конституционно-правовой характер и оказывает морально-политическое воздействие на деятельность и органов государства, и органов местного самоуправления, их должностных лиц.

Конституции выполняют и коммуникативную функцию, которую невозможно эффективно поддерживать в публичной и частной сферах без определения и поддержания границ между правовыми принципами и моральными императивами, без определения форм воздействия конституционных норм и принципов на публичную мораль, опосредующую деятельность органов государства и их должностных лиц. Конституции создают нормативный каркас, ценностные ориентации и целевые нормативные установки как для деятельности органов и их должностных лиц, так и для граждан и иных физических лиц в конституционном пространстве страны. Тони Проссер (Tony Prosser) называет коммуникативную функцию конституции «заброшенной» или «беспризорной» со стороны научного сообщества функцией. Он вводит понятие «конституционная коммуникация» (constitutional communication) для анализа роли конституции в облегчении коммуникации на разных уровнях взаимодействия компонентов правовой системы и внутригосударственного и наднационального права [57. Р. 1039–1065]. Коммуникативная функция конституций – их роль в облегчении публичного и частного общения на внутригосударственном и международном уровне. Публичная коммуникация может быть между различными типами конституций или между юридическими и другими формами социальных систем, такими как экономика и политика. Теоретическую поддержку такого подхода можно найти в дискурсивной теории демократии Ю. Хабермаса, а также в последних разработках теории систем. В определении эффективности и востребованности коммуникативной функции конституции значимую роль играют природа и содержательные границы конституционной идентичности, в которой, в свою очередь, выявляются национальные приоритеты развития и правила публичной морали, господствующие «делопроизводительные трафареты» в постоянно возобновляемых процедурах взаимодействия органов публичной власти (органов государства, местного самоуправления).

В теории конституционного права и сравнительного конституционализма проблема конституционной идентичности рассматривается в контексте познания как моделей развития конституционно-правовых институтов в рамках международного опыта, так и познания национальных особенностей конституций и конституционно-правового регулирования. Концепт «конституционная идентичность» является дискусси-

онной концепцией постольку, поскольку по поводу содержания самой идентичности и ее необходимых элементов нет общепринятого научного согласия. Можно сказать, что постепенно, на наших глазах научным сообществом конституционалистов вырабатывается парадигма современного понимания конституционной идентичности. Как отмечает М. Розенфельд, «конституционная идентичность» – принципиально оспариваемая концепция, поскольку нет соглашения о том, что означает идентичность или что к ней относится [58. Р. 756]. Помимо этого, проблема конституционной идентичности существует в сложных политических, или в сложноорганизованных государствах, в межгосударственных объединениях, где действуют федеративные или наднациональные конституции, а также конституции в регионалистских государствах со значительным культурным, языковым, этническим и религиозным разнообразием. Концепция конституционной идентичности варьируется от фокусировки на фактических особенностях и положениях конституции (например, устанавливается ли президентская или парламентская система, унитарное или федеративное государство), отношении к конституции и культуре, в которой она действует, а также на связи между идентичностью и конституцией и другими релевантными составляющими идентичности, такими как национальная, религиозная или идеологическая идентичность. В таких (отмеченных) элементах идентичности присутствуют и моральные, и политические, и правовые сегменты, которые порой трудно разделить в практике деятельности органов государства, но которые позволяют оценивать их сочетаемость в конституционной культуре и конституционной идентичности.

Конституционная идентичность, несомненно, связывает право и историю, культуру и этничность, светские и религиозные этические, иные правила и принципы поведения как в публичной, так и в частной сферах. Помимо этого, существует концепция глобализации конституционной идентичности, которая рассматривает конституционную идентичность в эпоху глобализации, а также влияние отношений конституционной глобализации на изменение национальной конституционной идентичности [59. Р. 463–533]. Например, исследователь из Сингапура считает, что происходит адаптация социалистической конституционной идентичности в странах с социалистическими режимами (Вьетнам, Китай, Лаос, Северная Корея, Куба) под влиянием процессов глобализации. Он выделяет четыре дивергентные модели, которые используются для адаптации национальной конституционной идентичности: 1) конституционный глобализм (Вьетнам и Лаос); 2) конституционная исключительность (Китай); 3) конституционный изоляционизм (Северная Корея); 4) конституционный резервационизм (Куба). Конституционная идентичность связывает историю и будущее через формы существующих конституций. Порой старые название и языковые формы права, в том числе термины, в которых определяется конституция, держатся очень долго, даже дольше самих обозначаемых явлений. В частности, старое или традиционное для Великобритании понятие конституции во многих публикациях продолжает

жить, хотя как правовое явление уже отсутствует. Речь идет о понятии «неписаная конституция», которая в современных британских условиях именуется или гибридной (смешанной) или даже некодифицированной, что гораздо реже встречается в оценках отечественных авторов. Если нет текста конституции как нормативно-правового акта, будущее такой конституции во многом определяется и статутным правом, и конституционными обычаями (и соглашениями), и прецедентами, и доктринальными источниками, которые базируются на конституционных авторитетах [60. Р. 278]. Однако возникает проблема существования конституционного холизма.

Вопрос о соотношении конституции как целого и конституции как ее составных частей, возможно, подлежит оценке не только с позиций правовых источников и совокупности правил публичной морали, которые определяют основные элементы британского парламентаризма и кабинетной системы правления. Возможны возражения относительно любой законченности конституции как системы в области права. Представляется более целесообразным в исторической перспективе смотреть на конституцию как на открытую правовую и публично-моральную среду (оболочку), которая способна инкорпорировать инновации и совершенствовать практику и должностное поведение высших и иных должностных лиц. Конституционализм функционирует в условиях режима конституционности. Без надлежащих правовых средств обеспечения конституционализм превращается в облачную систему без связей с социальной реальностью. Понятие конституционности основывается не только на правовых, но и моральных ценностях, оно формируется в рамках различного правопонимания [61. С. 11]. В доктрине конституционности присутствуют элементы разных типов правопонимания в силу того, что и сам современный конституционализм формировался в условиях конкуренции правовых идей и взглядов. Следовательно, различные типы правопонимания оказывают влияние на правовую природу конституционности. Конституционность – продукт одновременно и рациональности, и истории, и права. Конституционность – разновидность правовой рациональности, которая, вместе с тем, создается в рамках конкретного юридического и исторического ландшафта.

На взаимосвязь рациональности и истории обращал внимание К. Хьюбнер, отмечавший, что принципы и фундаментальные идеи научных теорий не являются результатом простого обобщения фактов, а содержат априорный компонент, который не является абсолютным. Этот компонент историчен, а значит, исторична и сама правовая рациональность. По мнению К. Хьюбнера, «исторический контекст определяет, какими должны быть факты и фундаментальные принципы науки, а не наоборот» [62. С. 159–164]. Таким образом, понятие конституционности как правовой рациональности соединяет исторические подходы к пониманию права и современные размышления в рамках коммуникативной теории права и постклассической традиции правопонимания. Конституционность не остается неизменной под воздействием внутригосударственного и международного правового порядка.

Если мы подходим к пониманию толкования конституции с широких методологических и социальных позиций, это приближает нас к более объективному представлению того, как работает наша конституционная система. В книге Кита Уиттингтона «Конституционное истолкование: разделенные полномочия и конституционный смысл» (Constitutional Construction: Divided Powers and Constitutional Meaning) утверждается, что Конституция носит двойной характер [63]. Первый аспект, на котором сосредоточены ученые-юристы, – это уровень, на котором Конституция выступает в качестве обязательного набора правил, которые могут быть нейтрально истолкованы и подвергнуты внешнему принуждению судами против государственных деятелей. Это процесс конституционного толкования. Но, по словам Кита Уиттингтона, Конституция также пронизывает саму политику, направляя и ограничивая политических субъектов в самом процессе публичной политики. Публичная политика формирует процесс толкования и реализации конституции. Поэтому второй аспект – это направления конституционной политики, которые могут видоизменять не всегда текст конституции, а политику толкования и реализации конституции. К. Уиттингтон продолжает утверждать, что *двузначность* в конституционном тексте и изменения политической ситуации заставляют политических субъектов строить свое собственное конституционное понимание. Истолкование конституционного

значения является необходимой частью политического процесса и регулярной частью истории США, так как демократия живет с писаной конституцией. Конституция связывает и уполномочивает правительственных чиновников. В другой своей книге «Конституционное толкование: текстуальное значение, первоначальное намерение и судебный надзор» Кит Уиттингтон [64. Р. XI], используя аргументы, извлеченные из американской истории, политической философии и теории, рассматривает, что означает интерпретировать писаную конституцию и как суды должны решать эту задачу. Он заключает, что при толковании Конституции судебная система должна придерживаться открываемых намерений отцов – основателей конституции.

В отношении Российской Конституции маловостребованной является доктрина выявления намерений ее создателей, материалы Конституционного совещания не служат полноценным источником знаний для понимания тех или иных норм и положений конституции в процессе их толкования. Однако еще более важным является толкование конституции с позиций прогрессивного и актуализированного развития в контексте обеспечения не только интересов государства и его главы, парламента или правительства, но и граждан, их объединений, которых следует воспринимать как конституционное сообщество, участвующее в обеспеченности жизнеспособности конституции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М. : Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
2. Choat S. Teleology // The Encyclopedia of Political Thought. M.T. Gibbons (Ed.). Published 2014 by John Wiley & Sons, Ltd. DOI: 10.1002/9781118474396.wbep0992.
3. Krbálek P., Vacek M. Teleology: A modern approach for knowledge mapping // International Journal of Knowledge-based and Intelligent Engineering Systems. 2013. Vol. 17, № 2. P. 137–144. DOI: 10.3233/KES-130268.
4. Разеев Д.Н. Телеологический принцип в науке (трансцендентальный подход) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2009. 36 с.
5. Mayr Ernst. The Idea of Teleology // Journal of the History of Ideas. 1992. Vol. 53, № 1. P. 117–135. DOI:10.2307/2709913.
6. Рузавин Г.И. Телеология // Философия : энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М. : Гардарики, 2004. 1072 с.
7. Разеев Д.Н. Критическая интерпретация кантовской аналитики телеологической способности суждения // Философские науки. 2009. № 11. С. 74–87.
8. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография / пер. и коммент. Ю.А. Асеева. М. : Наука, 1980. 485 с.
9. Пивоев В.М. Философия смысла, или Телеология. Петрозаводск, 2004. 114 с.
10. Murasa V. Teleology and the Life Sciences: Between Limit Concept and Ontological Necessity // Koutroufinis, SA (ed.) Life and Process: Towards a New Biophilosophy. Berlin; Boston : De Gruyter, 2014. P. 37–72.
11. Sanderson S.K. Human Nature and the Evolution of Society. New York : Routledge, Boulder, 2018. 466 p.
12. Кистьяковский Б. А. Философия и социология права. СПб. : РХГИ, 1999. 800 с.
13. Малько А.В., Шундииков К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003. 296 с.
14. Шундииков К.В. Цели и средства в праве: Общетеоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 24 с.
15. Шундииков К.В. Цели и средства в праве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 182 с.
16. Иеринг П. Цель в праве / под ред. В.Р. Лицкой; пер.: Н.Ф. Дерюжинский, Н.В. Муравьев. СПб. : Издание Н.В. Муравьева, 1881. 443 с.
17. Горбань В.С. «Учение о правильном праве» Р. Штаммлера как синтез формально-рационалистического (кантианского) подхода право-понимания и телеологической концепции права Р. Иеринга // Право и политика. 2017. № 9. С. 1–11. DOI: 10.7256/2454-0706.2017.9.24027.
18. Кистьяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права // Философия и социология права. СПб. : РХГИ, 1999. С. 5–402.
19. Laws J. The good constitution // The Cambridge Law Journal. 2012. Vol. 71, is. 3. P. 567–582.
20. Ударцев С.Ф. Конституция и эволюция общества (вопросы теории и философии права). СПб., 2015. 388 с.
21. Constitutionalism, Democracy and Sovereignty: American and European Perspectives / ed. by R. Bellamy. Aldershot : Avebury, 1996. 162 p.
22. Sweet A. S. Constitutionalism, Legal Pluralism, and International Regimes // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2009. Vol. 16, is. 2. P. 621–645.
23. Graber M.A. A New Introduction to American Constitutionalism. Oxford : Oxford University Press, 2013. 320 p.
24. Epstein R. Can we design an optimal constitution? Of structural ambiguity and rights clarity // Social Philosophy and Policy. 2011. Vol. 28, is. 1. P. 290. DOI:10.1017/S0265052510000142/
25. Интернационализация конституционного права: современные тенденции / под ред. Н.В. Варламовой и Т.А. Васильевой. М. : ИГП РАН, 2017. 224 с.
26. Bradley A.W., Ewing K.D., Knight C.J.S. Constitutional and Administrative Law. 16 th edn. Pearson Longman, Harlow, 2015.
27. Кравец И.А. Конституционный дизайн, государственные преобразования и российский бикамерализм в начале XX века // Право и политика. 2018. № 4. С. 60–106. DOI: 10.7256/2454-0706.2018.4.25339.

28. Бардиц И.Н. Конституционный дизайн (о красоте и эстетике конституций) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 41. С. 344–370. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-344-370.
29. Бартоле С. Сравнительное конституционное право – незаменимый инструмент для создания транснационального права // Журнал зарубежного законодательного и сравнительного правоведения. 2018. № 1 (68). С. 39–46.
30. Teubner G. *Constitutional Fragments: Societal Constitutionalism and Globalization*. Oxford : OUP, 2012. 275 p.
31. Oliver D. Psychological constitutionalism // *The Cambridge Law Journal*. 2010. Vol. 69, is. 3. P. 639–675.
32. Widlak T.H. Remarks on the Normativity of International Legal Rules and Global Constitutionalism // *Ratio Juris*. 2016. Vol. 29, is. 4. P. 506–518. DOI: 10.1111/raju.12145.
33. Benhabib S. Claiming Rights Across Borders: International Human Rights and Democratic Sovereignty // *American Political Science Review*. 2009. Vol. 103, № 4. P. 691–704. DOI:10.1017/S0003055409990244.
34. Rensmann L. National Sovereignism and Global Constitutionalism: An Adornian Cosmopolitan Critique // *Critical horizons*. 2016. Vol. 17, № 1. P. 24–39.
35. Кравец И.А. Телеологическая функция конституции: к пониманию конституционализма переходного периода // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. № 1. С. 83–88.
36. McShea D. Upper-directed systems: a new approach to teleology in biology // *Biology & Philosophy*. 2012. Vol. 27, № 5. P. 663–684. DOI:10.1007/s10539-012-9326-2.
37. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Вып. 2. М. : Юрист, 2013. 176 с.
38. Джагарян А.А., Джагарян Н.В. Апология ценностного подхода в конституционном праве и правосудии // Юридический мир. 2014. № 2. С. 27–34.
39. Гаджиев Г.А. Цели, задачи и предназначение Конституционного Суда Российской Федерации (часть I) // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 1. С. 10–16.
40. Гаджиев Г.А. Цели, задачи и предназначение Конституционного Суда Российской Федерации (часть II) // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 2. С. 8–11.
41. Жилин Г.А. Задачи и цели конституционного судопроизводства // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 3. С. 1–8.
42. Болдырева Е.В. Задачи и цели конституционного правосудия в субъектах федеративных государств (на примере США, ФРГ и Российской Федерации) // Журнал конституционного правосудия. 2007. № 2. С. 52–61.
43. Петин И.А. Конституционная направленность целей наказания и задач уголовного законодательства // Российская юстиция. 2011. № 8. С. 17–21.
44. Степанова А.А. Конституционные цели и законодательство об организации государственной власти // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 3. С. 16–19.
45. Добрынин Н.М. О категории целеполагания в контексте конституционализма // Государство и право. 2011. № 11. С. 13.
46. Неновски Н. Право и ценности : пер. с болг. / под ред. В.Д. Зорькина. М. : Прогресс, 1987. С. 25.
47. Перепелица Е.В. Познавательные задачи и возможности конституционной аксиологии // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 10. С. 11–14.
48. Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. М. : Прогресс, 1977.
49. Страшун Б. Конституция России – среда обитания, требующая рационального использования // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1999. № 4 (29). С. 145–148.
50. Демидов В.Н. Конституция РФ и единство конституционно-правового пространства Российской Федерации // Журнал российского права. 2009. № 6. С. 14–23.
51. King A. *The British Constitution*. Oxford : Oxford University Press, 2007. 448 p.
52. Albi, Anneli. Supremacy of EC Law in the New Member States Bringing parliaments into the Equation of «Co-operative Constitutionalism» // *European Constitutional Law Review*. 2007. Vol. 3, is. 1. P. 25–67.
53. Schonthal, Benjamin. Formations of Buddhist constitutionalism in South and Southeast Asia // *International Journal of Constitutional Law*. 2017. Vol. 15, is. 3. P. 705–733. URL: <https://doi.org/10.1093/icon/mox049>
54. González-Jácome J. From abusive constitutionalism to a multilayered understanding of constitutionalism: Lessons from Latin America // *International Journal of Constitutional Law*. 2017. Vol. 15, is. 2. P. 447–468.
55. Кравец И.А. Ценность конституционной телеологии и конституционная легитимность политического и идеологического многообразия: доктрина и практика // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3(4). С. 80–99.
56. Dixon R., Ginsburg T. The forms and limits of constitutions as political insurance // *International Journal of Constitutional Law*. 2017. Vol. 15, is. 4. P. 988–1012. URL: <https://doi.org/10.1093/icon/mox080>
57. Prosser T. Constitutions as communication // *International Journal of Constitutional Law*. 2017. Vol. 15, is. 4. P. 1039–1065. URL: <https://doi.org/10.1093/icon/mox085>
58. Rosenfeld M. *Constitutional Identity* // *The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law* / ed. by Michel Rosenfeld and András Sajó. Oxford : Oxford University Press, 2012.
59. Bui Ngoc S. Globalization of Constitutional Identity // *Washington International Law Journal*. 2017. Vol. 26, № 3. P. 463–533.
60. Marquand, D. The Once and Future Constitution // *Government and Opposition*. 2011. Vol. 46, is. 2. P. 278.
61. Кравец И.А. Конституционность нормативных правовых актов: понятие, критерии, последствия проверки актов на соответствие конституции // Проблемы права. 2005. № 4. С. 9–22.
62. Хюбнер К. Критика научного разума : пер. с нем. М., 1994. С. 159–164.
63. Whittington Keith E. *Constitutional Construction: Divided Powers and Constitutional Meaning*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1999. 303 p.
64. Whittington K.E. *Constitutional Interpretation: Textual Meaning, Original Intent, and Judicial Review*. Lawrence : University of Kansas Press, 1999. XVI + 304 p.

Статья представлена научной редакцией «Право» 27 января 2019 г.

Teleological Constitutionalism, Constitutional Identity and Public Order (Scientific Knowledge, Russian, Comparative and International Context)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 202–215.

DOI: 10.17223/15617793/439/28

Igor A. Kravets, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kravigor@gmail.com

Keywords: teleological constitutionalism; constitutional design; constitutional communication; teleological function of constitution; constitutionality; legal rationality; constitutional identity; constitutional interpretation.

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, Research Project 18-011-00761 A

The article considers the etymology of the word “teleology”, its meaning in philosophy, knowledge management, history of ideas and biophilosophy, law and constitutionalism. The teleological principle is considered as a necessary ontological prerequisite for understanding reality in general, and legal reality in particular. The author explores the theoretical foundations of teleological constitutionalism as a legal phenomenon, the interrelationship of teleology, modern constitution and constitutionalism in modern science of constitutional law, the ratio of the methodological, normative foundations of teleological constitutionalism, as well as questions of the goals of developing and improving Russian constitutionalism in political and legal practice. The author discusses the scientific approaches to understanding the nature and characteristics of Russian, comparative constitutionalism in the scientific works of Russian and foreign researchers. The article analyzes the problem of psychological constitutionalism, which forms a request for the promotion of public interest in the activities of public authorities in the state. This article substantiates the scientific and legal-political significance of the matrix of constitutional goals and values in Russia, examines the influence of teleology and axiology on the formation of a constitutional matrix of goals and values of the development of the state and society. The author believes that it is necessary to take into account Russia’s participation in international and European integration, the practice of official interpretation by the Constitutional Court of the Russian Federation of the provisions of the Constitution on the foundations of the constitutional system, the principles of Russian constitutionalism, fundamental rights and freedoms, duties of a person and citizen in constitutional and European space. Such a matrix can be created with mandatory reliance on the ideology of Russian constitutionalism and the constitutional identity of the Russian state and society, the constitutional principles of legal order. The article uses the methods of comparative and system analysis, the method of constitutional design, concrete historical and formal legal methods of analysis. The article identifies the difficulties and shortcomings of Russian constitutionalism, formulates some directions and proposals for the development and improvement of constitutionalism. Particular attention is paid to the analysis of the constitution as an environment for legal innovation, public morality and constitutional identity. The study analyzes the theoretical foundations and comparative experience of constitutional identity, the problem of interpreting the constitution from the standpoint of progressive and actualized development in the context of ensuring not only the interests of the state and its head, parliament or government, but also citizens and their associations, which should be perceived as a constitutional community participating in the security of the viability of the constitution.

REFERENCES

1. Il'ichev, L.F. et al. (eds) (1983) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
2. Choat, S. (2014) Teleology. In: Gibbons, M.T. (ed.) *The Encyclopedia of Political Thought*. John Wiley & Sons, Ltd. DOI: 10.1002/9781118474396.wbept0992
3. Krbálek, P. & Vacek, M. (2013) Teleology: A modern approach for knowledge mapping. *International Journal of Knowledge-based and Intelligent Engineering Systems*. 17 (2). pp. 137–144. DOI: 10.3233/KES-130268
4. Razeev, D.N. (2009) *Teleologicheskii printsip v nauke (transsendental'nyy podkhod)* [Teleological principle in science (transcendental approach)]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. St. Petersburg.
5. Mayr, E. (1992) The Idea of Teleology. *Journal of the History of Ideas*. 53 (1). pp. 117–135. DOI:10.2307/2709913
6. Ruzavin, G.I. (2004) Teleologiya [Teleology]. In: Ivin, A.A. (ed.) *Filosofiya: entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophy: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Gardariki.
7. Razeev, D.N. (2009) Critical Interpretation on Kant’s Analytics of Teleological Ability to Judging. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*. 11. pp. 74–87. (In Russian).
8. Collingwood, R.G. (1980) *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The idea of history. Autobiography]. Translated from English by Yu.A. Aseev. Moscow: Nauka.
9. Pivoev, V.M. (2004) *Filosofiya smysla, ili Teleologiya* [Philosophy of meaning, or Teleology]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
10. Muraca, B. (2014) Teleology and the Life Sciences: Between Limit Concept and Ontological Necessity. In: Koutroufinis, S.A. (ed.) *Life and Process: Towards a New Biophilosophy*. Berlin; Boston: De Gruyter.
11. Sanderson, S.K. (2018) *Human Nature and the Evolution of Society*. New York: Routledge, Boulder.
12. Kistyakovskiy, B.A. (1999) *Filosofiya i sotsiologiya prava* [Philosophy and sociology of law]. St. Petersburg: RKhGI.
13. Mal'ko, A.V. & Shundikov, K.V. (2003) *Tseli i sredstva v prave i pravovoy politike* [Objectives and tools in law and legal policy]. Saratov: Saratov State Academy of Law.
14. Shundikov, K.V. (1999) *Tseli i sredstva v prave: Obshcheteoreticheskiy aspekt* [Aims and tools in law: The general theoretical aspect]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
15. Shundikov, K.V. (1999) *Tseli i sredstva v prave* [Aims and tools in law]. Law Cand. Diss. Saratov.
16. Jhering, R. (1881) *Tsel' v prave* [Aims in law]. Translated from English by N.F. Deryuzhinskiy, N.V. Murav'ev. St. Petersburg: Izdanie N.V. Murav'eva.
17. Gorban', V.S. (2017) Rudolf Stammler’s “The Doctrine of the Right Law” as a synthesis of the formal-rationalistic (Kantian) approach towards legal consciousness and R. Jhering’s teleological concept of law. 9. pp. 1–11. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0706.2017.9.24027
18. Kistyakovskiy, B.A. (1999) *Sotsial'nye nauki i pravo. Ocherki po metodologii sotsial'nykh nauk i obshchey teorii prava* [Social sciences and law. Essays on the methodology of social sciences and the general theory of law]. In: Sapov, V.V. (ed.) *Filosofiya i sotsiologiya prava* [Philosophy and sociology of law]. St. Petersburg: RKhGI.
19. Laws, J. (2012) The good constitution. *The Cambridge Law Journal*. 71 (3). pp. 567–582.
20. Udartsev, S.F. (2015) *Konstitutsiya i evolyutsiya obshchestva (voprosy teorii i filosofii prava)* [The constitution and the evolution of society (questions of the theory and philosophy of law)]. St. Petersburg: Universitetskiy izdatel'skiy konsortium.
21. Bellamy, R. (ed.) (1996) *Constitutionalism, Democracy and Sovereignty: American and European Perspectives*. Aldershot: Avebury.
22. Sweet, A.S. (2009) Constitutionalism, Legal Pluralism, and International Regimes. *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 16 (2). pp. 621–645.
23. Graber, M.A. (2013) *A New Introduction to American Constitutionalism*. Oxford: Oxford University Press.
24. Epstein, R. (2011) Can we design an optimal constitution? Of structural ambiguity and rights clarity. *Social Philosophy and Policy*. 28 (1). p. 290. DOI:10.1017/S0265052510000142/
25. Varlamova, N.V. & Vasil'eva, T.A. (eds) (2017) *Internatsionalizatsiya konstitutsionnogo prava: sovremennye tendentsii* [Internationalization of constitutional law: current trends]. Moscow: ISL RAS.
26. Bradley, A.W., Ewing, K.D. & Knight, C.J.S. (2015) *Constitutional and Administrative Law*. 16 th edn. Pearson Longman, Harlow.
27. Kravets, I.A. (2018) Constitutional design, state reforms and Russian bicameralism in the early 20th century. *Pravo i politika – Law and Politics*. 4. pp. 60–106. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0706.2018.4.25339
28. Bartsits, I.N. (2018) Constitutional Design (on the Beauty and Aesthetics of Constitutions). *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 41. pp. 344–370. (In Russian). DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-344-370

29. Bartole, S. (2018) Comparative Constitutional Law — An Indispensable Tool for the Creation of Transnational Law. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'nogo i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 1 (68). pp. 39–46. (In Russian). DOI: 10.12737/art.2018.1.5
30. Teubner, G. (2012) *Constitutional Fragments: Societal Constitutionalism and Globalization*. Oxford: OUP.
31. Oliver, D. (2010) Psychological constitutionalism. *The Cambridge Law Journal*. 69 (3). pp. 639–675.
32. Widlak, T.H. (2016) Remarks on the Normativity of International Legal Rules and Global Constitutionalism. *Ratio Juris*. 29 (4). pp. 506–518. DOI: 10.1111/raju.12145
33. Benhabib, S. (2009) Claiming Rights Across Borders: International Human Rights and Democratic Sovereignty. *American Political Science Review*. 103 (4). pp. 691–704. DOI: 10.1017/S0003055409990244
34. Rensmann, L. (2016) National Sovereignty and Global Constitutionalism: An Adornian Cosmopolitan Critique. *Critical Horizons*. 17 (1). pp. 24–39.
35. Kravets, I.A. (2002) Teleologicheskaya funktsiya konstitutsii: k ponimaniyu konstitutsionalizma perekhodnogo perioda [The teleological function of the constitution: on understanding the transitional constitutionalism]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 1. pp. 83–88.
36. McShea, D. (2012) Upper-directed systems: a new approach to teleology in biology. *Biology & Philosophy*. 27 (5). pp. 663–684. DOI: 10.1007/s10539-012-9326-2
37. Bondar', N.S. (2013) *Aksiologiya sudebnogo konstitutsionalizma: konstitutsionnye tsemnosti v teorii i praktike konstitutsionnogo pravosudiya* [Axiology of judicial constitutionalism: constitutional values in the theory and practice of constitutional justice]. Is. 2. Moscow: Yurist.
38. Dzhagaryan, A.A. & Dzhagaryan, N.V. (2014) Apologiya tsennostnogo podkhoda v konstitutsionnom prave i pravosudii [Apology of the axiological approach in constitutional law and justice]. *Yuridicheskiy mir – Juridical World*. 2. pp. 27–34.
39. Gadzhiev, G.A. (2008) Tseli, zadachi i prednaznachenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii (chast' I) [Aims, objectives and purpose of the Constitutional Court of the Russian Federation (Part 1)]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya – Journal of Constitutional Justice*. 1. pp. 10–16.
40. Gadzhiev, G.A. (2008) Tseli, zadachi i prednaznachenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii (chast' II) [Aims, objectives and purpose of the Constitutional Court of the Russian Federation (Part 2)] *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya – Journal of Constitutional Justice*. 2. pp. 8–11.
41. Zhilin, G.A. (2016) Zadachi i tseli konstitutsionnogo sudoproizvodstva [Objectives and aims of constitutional legal proceedings]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya – Journal of Constitutional Justice*. 3. pp. 1–8.
42. Boldyreva, E.V. (2007) Zadachi i tseli konstitutsionnogo pravosudiya v sub"ektakh federativnykh gosudarstv (na primere SShA, FRG i Rossiyskoy Federatsii) [Objectives and aims of constitutional justice in the subjects of federal states (by example of the United States, Germany and the Russian Federation)]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya – Journal of Constitutional Justice*. 2. pp. 52–61.
43. Petin, I.A. (2011) Konstitutsionnaya napravlenost' tseyey nakazaniya i zadach ugolovnogo zakonodatel'stva [The constitutional focus of the purposes of punishment and the objectives of criminal law]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 8. pp. 17–21.
44. Stepanova, A.A. (2014) Konstitutsionnye tseli i zakonodatel'stvo ob organizatsii gosudarstvennoy vlasti [Constitutional aims and legislation on the organization of state power]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 3. pp. 16–19.
45. Dobrynin, N.M. (2011) O kategorii tselepolaganiya v kontekste konstitutsionalizma [On the category of goal-setting in the context of constitutionalism]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 11.
46. Nenovski, N. (1987) *Pravo i tsemnosti* [Law and values]. Translated from Bulgarian. Moscow: Progress.
47. Perepelitsa, E.V. (2016) Poznavatel'nye zadachi i vozmozhnosti konstitutsionnoy aksiologii [Cognitive tasks and possibilities of constitutional axiology]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. № 10. pp. 11–14.
48. Kuhn, T. (1977) *Struktura nauchnykh revolyutsiy. S vvodnoy stat'ey i dopolneniyami 1969 g.* [The structure of scientific revolutions. With an introductory article and supplements in 1969]. Translated from English. Moscow: Progress.
49. Strashun, B. (1999) Konstitutsiya Rossii – sreda obitaniya, trebuyushchaya ratsional'nogo ispol'zovaniya [Constitution of Russia as a habitat requiring rational use]. *Konstitutsionnoe pravo: Vostochnoevropeyskoe obozrenie*. 4 (29). pp. 145–148.
50. Demidov, V.N. (2009) Konstitutsiya RF i edinstvo konstitutsionno-pravovogo prostranstva Rossiyskoy Federatsii [The Constitution of the Russian Federation and the unity of the constitutional legal space of the Russian Federation]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 6. pp. 14–23.
51. King, A. (2007) *The British Constitution*. Oxford: Oxford University Press.
52. Albi, A. (2007) Supremacy of EC Law in the New Member States Bringing parliaments into the Equation of “Co-operative Constitutionalism”. *European Constitutional Law Review*. 3 (1). pp. 25–67.
53. Schonthal, B. (2017) Formations of Buddhist constitutionalism in South and Southeast Asia. *International Journal of Constitutional Law*. 15 (3). pp. 705–733. DOI: 10.1093/icon/mox049
54. González-Jácome, J. (2017) From abusive constitutionalism to a multilayered understanding of constitutionalism: Lessons from Latin America. *International Journal of Constitutional Law*. 15 (2). pp. 447–468. DOI: 10.1093/icon/mox017
55. Kravets, I.A. (2015) Value of the constitutional teleology and constitutional legitimacy of the political and ideological diversity (pluralism): doctrine and practice. *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy – Russian Journal of Legal Studies*. 3(4). pp. 80–99. (In Russian).
56. Dixon, R. & Ginsburg, T. (2017) The forms and limits of constitutions as political insurance. *International Journal of Constitutional Law*. 15 (4). pp. 988–1012. DOI: 10.1093/icon/mox080
57. Prosser, T. (2017) Constitutions as communication. *International Journal of Constitutional Law*. 15 (4). pp. 1039–1065. DOI: 10.1093/icon/mox085
58. Rosenfeld, M. (2012) Constitutional Identity. In: Rosenfeld, M. & Sajó, A. (eds) *The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law*. Oxford: Oxford University Press.
59. Bui, S.N. (2017) Globalization of Constitutional Identity. *Washington International Law Journal*. 26 (3). pp. 463–533.
60. Marquand, D. (2011) The Once and Future Constitution. *Government and Opposition*. 46 (2).
61. Kravets, I.A. (2005) Konstitutsionnost' normativnykh pravovykh aktov: ponyatie, kriterii, posledstviya proverki aktov na sootvetstvie konstitutsii [The constitutionality of normative legal acts: the concept, criteria, consequences of checking acts for compliance with the constitution]. *Problemy prava – Issues of Law*. 4. pp. 9–22.
62. Hubner, K. (1994) *Kritika nauchnogo razuma* [The Critique of Scientific Reason]. Translated from German by I.T. Kasavin. Moscow: IPh RAS. pp. 159–164.
63. Whittington, K.E. (1999) *Constitutional Construction: Divided Powers and Constitutional Meaning*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
64. Whittington, K.E. (1999) *Constitutional Interpretation: Textual Meaning, Original Intent, and Judicial Review*. Lawrence: University of Kansas Press.

Received: 27 January 2019

И.В. Фатьянов

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ОЦЕНКЕ ПРАВОТВОРЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ПО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ

Рассмотрен правотворческий эксперимент по деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг, обозначены некоторые аспекты деятельности многофункциональных центров, дана оценка эффективности нововведений, связанных с расширением полномочий многофункциональных центров по предоставлению государственных и муниципальных услуг населению. Автор приходит к выводу, что введение многофункциональных центров предоставления услуг по большей части отвечает интересам граждан.

Ключевые слова: правотворческий эксперимент; методология; правовой эксперимент; метод познания; теория права; многофункциональный центр.

Разрешение вопросов совершенствования законодательства, в том числе и оценке эффективности правотворческой деятельности, представляется невозможным без улучшения методов получения правовых знаний. Одним из таких методов получения новой юридической информации в российском праве является метод правотворческого эксперимента.

Предлагаем определиться с отправной дефиницией данной статьи. Под правотворческим экспериментом для целей данной статьи, которая заключается в рассмотрении метода правотворческого эксперимента в контексте конкретного эксперимента по деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг, в частности об их взаимодействии между многофункциональными центрами предоставления государственных и муниципальных услуг и федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, – мы предлагаем рассматривать организованное компетентными органами государства, органами государственных образований и органами муниципальных образований испытание предполагаемых правовых нововведений в ограниченной области применения, проводимое с целью проверки предположения правового характера по заранее разработанной программе, состоящее из подготовки, проведения и подведения итогов эксперимента.

Прежде всего отметим, что на современном этапе развития российского права порядок осуществления правотворческих экспериментов, к сожалению, не идеален [1]. Однако представляется возможным утверждать, что метод правотворческого эксперимента используется в России, а его результаты существенно влияют как на правовое направление развития государства, так и, в частности, на развитие некоторых его институтов. При этом актуальность обращения внимания на совершенствование нормативного правового регулирования предоставления государственных и муниципальных услуг органами публичной власти не вызывает сомнения, она обусловлена в том числе достаточно активным развитием этого нового направления в системе государственного управления современной России.

Предоставление государственных и муниципальных услуг органами публичной власти федерального, регионального и муниципального уровня и иными уполномоченными организациями основывается на общих и специальных правовых нормах. Специальным правовым источником в указанной области является Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2010 г. «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [2]. Согласно информации Министерства экономического развития Российской Федерации за 2015 г. на федеральном уровне гражданам предоставляется свыше 809 единиц государственных услуг; органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации предоставлялось более чем 22 531 вид услуг, при этом в научных доктринах и российском законодательстве не сложилось единого мнения относительно понятия, содержания и правового регулирования институционального механизма государственных услуг в России [3, 4], отсутствует в полной мере единое определение роли, места и взаимодействия субъектов оказания таких услуг населению. Для решения подобных вопросов сейчас осуществляются правотворческие эксперименты.

Из актуальных экспериментов интересен для исследования правотворческий эксперимент по деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг, в частности об их взаимодействии между многофункциональными центрами предоставления государственных и муниципальных услуг и федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления.

Прежде всего отметим, что правовое основание такого эксперимента нашло свое выражение в Постановлении Правительства Российской Федерации от 27 сентября 2011 г. № 797 «О взаимодействии между многофункциональными центрами предоставления государственных и муниципальных услуг и федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления» [5].

Далее считаем необходимым кратко обозначить характеристику многофункциональных центров в их правовом содержании, а также указать их организационно-правовую форму, что необходимо для определения сущности исследуемой экспериментальной деятельности, а также ее влияния на возникшие правоотношения.

Осуществление услуг гражданам по принципу «одного окна» возложено на многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг на основании Федерального закона Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [2]. Министерство экономического развития России опубликовало данные, согласно которым в 2011 г. имели место 655 действующих офисов многофункциональных центров в Российской Федерации, а к концу 2016 г. по России осуществляли свою деятельность свыше 1 812 таких центров [6], что указывает на позитивную роль такого института на деятельность, связанную с предоставлением услуг гражданам, а также на ее востребованность. При анализе деятельности многофункциональных центров мы, как и ряд научных исследователей [7–9], пришли к выводу, что создание и последующее совершенствование многофункциональных центров повысили эффективность государственного управления, усилили реализацию права граждан на получение информации, оптимизировали процессы и процедуры в области государственных и муниципальных услуг населению, а значит и деятельность, которая добавит новые полномочия таким центрам также подлежит рассмотрению и изучению, в том числе с использованием экспериментального метода.

Федеральным законом Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ установлены требования к организационно-правовой форме многофункционального центра; определены его основные функции, права, обязанности и ответственность; закреплена структура соглашения о взаимодействии уполномоченного многофункционального центра с соответствующими субъектами предоставления государственных и муниципальных услуг, организациями, участвующими в предоставлении услуг, иными многофункциональными центрами. Во исполнение положений законодателя Правительство Российской Федерации утвердило Правила организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг, которые утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2012 г. № 1376 «Об утверждении Правил организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг» [10]. Также Минэкономразвития России и рядом иных органов принимаются акты по методическому обеспечению деятельности многофункциональных центров в различных регионах России [11, 12].

Основная деятельность многофункциональных центров носит некоммерческий характер, они создаются в целях упрощения процедур получения услуг, повышения комфортности их получения, удовлетво-

ренности качеством, улучшения информированности населения о порядке, способах и условиях получения услуг, противодействия коррупции, ликвидации рынка посреднических услуг при предоставлении государственных и муниципальных услуг. К основным видам деятельности многофункциональных центров отнесены организация централизованного предоставления услуг на всей территории субъекта Российской Федерации; заключение соглашений о взаимодействии с федеральными и органами исполнительной власти субъектов РФ, иными организациями; осуществление функции оператора автоматизированной информационной системы многофункциональных центров, расположенных на территории субъекта России, и др. Наряду с основными видами деятельности многофункциональные центры субъектов Российской Федерации осуществляют консультационную и курьерскую деятельность, организуют предоставление дополнительных услуг по фотографированию, ксерокопированию, услуги по оплате жилья, общественно-го питания, торговли и др.

К особенностям многофункционального центра нужно отнести и то обстоятельство, что его управленческая и экономическая самостоятельность обусловлена особенностями самих организационно-правовых форм учреждения, а именно бюджетных, автономных или казенных. Определяя организацию предоставления государственных и муниципальных услуг как управленческую функцию некоммерческого характера, мы считаем, что законодатель обоснованно установил в качестве организационно-правовой формы многофункционального центра государственное или муниципальное учреждение. К примеру в Алтайском крае и Кемеровской области организационно-правовая форма многофункциональных центров – автономное учреждение [13, 14]. При этом необходимо отметить, что федеральными законами предусмотрена возможность существования иной организационно-правовой формы многофункциональных центров.

В пункте 4 (2) Постановления Правительства Российской Федерации от 27 сентября 2011 г. № 797 установлено, что организация предоставления в многофункциональных центрах (включая прием документов, необходимых для предоставления государственной услуги, и выдачу ее результата, а также совершение в многофункциональном центре иных действий, требующих личного присутствия заявителя при предоставлении государственной услуги, без личной явки заявителя в органы записи актов гражданского состояния, образованные органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также в органы местного самоуправления муниципальных районов, городских округов, городских и сельских поселений, на территории которых отсутствуют органы записи актов гражданского состояния, наделенные полномочиями на государственную регистрацию актов гражданского состояния в соответствии с Федеральным законом «Об актах гражданского состояния») государственных услуг, указанных в перечне, предусмотренном абз. 6 п. 1 настоящего постановления, осуществляется в порядке эксперимента. При

этом в данном правовом акте в п. 4 (3) определены многофункциональные центры, в которых проводится такой правотворческий эксперимент, а также утверждены планы мероприятий по его проведению.

Анализ всех документов, опубликованных к настоящему времени по данному правотворческому эксперименту, связанному с многофункциональными центрами, позволяет судить о недостаточности количества опубликованных документов по его проведению, в частности нам не удалось найти достаточно подробную программу такого эксперимента на официальных электронных ресурсах соответствующих органов с указанием конкретных сроков и объема экспериментальной деятельности. Также не удалось найти промежуточные итоги этого эксперимента, что может привести к недоверию населения к данному правовому методу, а также сказаться на его результативности. Нам представляется, что указанные выше особенности экспериментальной деятельности, связанной с определениями полномочий многофункциональных центров, подлежат обязательному учету субъектами эксперимента, что приведет к более эффективной и результативной проверке таких нововведений.

Исходя из целесообразности, анализируя мнения специалистов, а также исследуя те правовые последствия, которые наступили в связи с передачей многофункциональным центрам функций, в том числе экспериментальных функций по государственной регистрации рождения, государственной регистрации смерти, мы пришли к выводу, что результаты правотворческого эксперимента по деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг, в частности о взаимодействии между многофункциональными центрами предоставления государственных и муниципаль-

ных услуг и федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, свидетельствуют о необходимости расширения данной деятельности на всю страну. Введение многофункциональных центров предоставления ряда услуг по большей части отвечает интересам граждан, в частности по ликвидации рынка посреднических услуг при предоставлении государственных и муниципальных услуг, а также необходимо для создания комфортных условий для получения государственных и муниципальных услуг в рамках административной реформы в России.

Представляется, что в дальнейших правотворческих исследованиях в данной области должны быть представлены вопросы расширения функций предоставления многофункциональными центрами государственных и муниципальных услуг населению, принимая во внимание допустимые пределы конституционализации. Поэтому отраслевое законодательство субъектов Российской Федерации в области предоставления государственных и муниципальных услуг населению должно формироваться на основе Конституции Российской Федерации [15] в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 27 июля 2010 г. «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами РФ, конституциями (уставами) субъектов Российской Федерации, не упуская возможность испытывать важные правовые нововведения с использованием метода правотворческого эксперимента для избрания верных юридических решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фатьянов И.В. Экспериментально-правотворческий процесс в России: основные проблемы и пути их решения // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 6. С. 44–49.
2. Федеральный закон от 27.07.2010 года № 210-ФЗ (ред. от 28.12.2016 г.) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. 02.08.2010. № 31. Ст. 4179.
3. Исаков А.Р. Обеспечение качества государственных услуг: административно-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 7.
4. Кудыбаева И.У. Правовое регулирование предоставления электронных государственных услуг : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 8.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 сентября 2011 года (ред. от 08.02.2017 г.) № 797 «О взаимодействии между многофункциональными центрами предоставления государственных и муниципальных услуг и федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления» // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.10.2011. № 40. Ст. 5559.
6. URL: http://ar.gov.ru/files/library/copy_prik_13.1_TishinDV.pdf. (дата обращения: 24.03.2017 г.).
7. Давыдов К.В., Стариков Ю.Н. Формирование системы государственного управления и эффективного правительства // Правовая наука и реформа юридического образования. 2011. № 1. С. 135–139.
8. Бледнова Е.М. Многофункциональные центры оказания государственных услуг в структуре гарантий реализации права на информацию // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 6. С. 28–30.
9. Кандрина Н.А. Об основных признаках и организационно-правовой форме многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг субъектов Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 3. С. 45–50.
10. Об утверждении Правил организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг: Постановление Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2012 года (ред. от 17.02.2017 г.) № 1376 // Собрание законодательства Российской Федерации. 31.12.2012. № 53. Ст. 7932.
11. Об утверждении примерной формы соглашения о взаимодействии между многофункциональными центрами предоставления государственных и муниципальных услуг и федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления: Приказ Минэкономразвития России от 18 декабря 2012 года (ред. от 15.04.2013 г.) № 13 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 07.05.2012. № 9.
12. Об утверждении Методических рекомендаций по обеспечению деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг в части функционирования информационных систем многофункциональных центров предоставления

государственных и муниципальных услуг, средств безопасности, каналов связи для обеспечения электронного взаимодействия с федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов, исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления при предоставлении государственных и муниципальных услуг: Приказ Минэкономразвития России от 22 января 2014 года № 21 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». 2017 г.

13. О создании краевого автономного учреждения «Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг Алтайского края: Постановление Администрации Алтайского края от 21 декабря 2010 года № 566 // Сборник законодательства Алтайского края. 25.12.2010. № 176. Ст. 361.
14. Об утверждении перечня государственных услуг исполнительных органов государственной власти, предоставление которых организуется на базе многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг Кемеровской области: Постановление Коллегии Администрации Кемеровской области от 25 июля 2012 года № 230 // Электронный бюллетень Коллегии Администрации Кемеровской области. 26.07.2012. URL: <http://www.zakon.kemobl.ru/25062012.htm> (дата обращения: 24.03.2017 г.).
15. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ; от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 21.01.2009. № 4. Ст. 445.

Статья представлена научной редакцией «Право» 14 ноября 2018 г.

Legal Assessment of the Law-Making Experiment on the Activities of Multifunctional Centers Providing State and Municipal Services

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 216–220.

DOI: 10.17223/15617793/439/29

Ilya V. Fatyanov, Belovo Institute (Branch) of Kemerovo State University (Belovo, Russian Federation). E-mail: fv_d@mail.ru

Keywords: lawmaking experiment; methodology; legal experiment; learning method; legal theory; multifunctional center.

A lawmaking experiment on the activities of multifunctional centers for the provision of public and municipal services is the subject of this study. The object of the study is public relations that arise during the organization and conduct of the law-making experiment, and social relations that arise in the implementation of the activities of multifunctional centers for the provision of services to citizens. The author uses a dialectical approach to the cognition of objective reality, which determines the theoretical and methodological aspects of cognition of a specific law-making experiment. The system method is the basis for the study of the law-making experiment on the activity of multifunctional centers in the components of the legal system of Russia. Special legal methods of cognition are used in this article: formal legal, structural functional, method of interpretation of law. The scientific novelty of the article is determined by the fact that it is an analysis of the positive and negative components of experimental work on multifunctional centers providing state and municipal services. The author expressed his position on the scope of powers of multifunctional centers in Russia. The procedure for implementing law-making experiments is not ideal now. However, the method of a law-making experiment is used in Russia, and its results significantly affect the legal direction of the development of both the state and some of its institutions. The results of the law-making experiment on the activities of multifunctional centers for the provision of state and municipal services for the state registration of birth and death, in particular, of their interaction with federal executive bodies, state private individuals, state authorities of the subjects of the Russian Federation, local self-government bodies, indicate the need to extend this activity throughout the country. At the same time, the author has revealed the inadequacy of the number of published documents on conducting the law-making experiment on multifunctional centers. The introduction of multifunctional service centers for state registration of birth and death meets the interests of citizens. This innovation is necessary to create comfortable conditions for obtaining state and municipal services within the framework of administrative reform in Russia.

REFERENCES

1. Fat'yanov, I.V. (2015) Eksperimental'no-pravotvorcheskiy protsess v Rossii: osnovnye problemy i puti ikh resheniya [Experimental law-making in Russia: main problems and ways to solve them]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie – State Power and Local Self-government*. 6. pp. 44–49.
2. RF. (2010) Federal'nyy zakon ot 27.07.2010 goda № 210-FZ (red. ot 28.12.2016 g.) "Ob organizatsii predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug" [Federal Law of July 27, 2010, No. 210-FZ (as amended on December 28, 2016) "On the organization of the provision of state and municipal services"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 02 August. 31. Art. 4179.
3. Isakov, A.R. (2014) *Obespechenie kachestva gosudarstvennykh uslug: administrativno-pravovoy aspekt* [Ensuring the quality of public services: the administrative and legal aspect]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
4. Kuldybaeva, I.U. (2014) *Pravovoe regulirovanie predostavleniya elektronnykh gosudarstvennykh uslug* [Legal regulation of the provision of electronic public services]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
5. RF. (2011) Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 27 sentyabrya 2011 goda (red. ot 08.02.2017 g.) № 797 "O vzaimodeystvii mezhdu mnogofunktional'nymi tsestrami predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug i federal'nymi organami ispolnitel'noy vlasti, organami gosudarstvennykh vnebyudzhetykh fondov, organami gosudarstvennoy vlasti sub'ektov Rossiyskoy Federatsii, organami mestnogo samoupravleniya" [Resolution of the Government of the Russian Federation of September 27, 2011, (ed. February 8, 2017) No. 797 "On the interaction between multifunctional centers providing state and municipal services and federal executive bodies, state extra-budgetary funds, state authorities of the Russian Federation, local governments"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 03 October. 40. Art. 5559.
6. RF Ministry of Economic Development. (2017). [Online] Available from: http://ar.gov.ru/files/library/copy_prik_13.1_TishinDV.pdf. (Accessed: 24.03.2017).
7. Davydov, K.V. & Starilov, Yu.N. (2011) Formirovanie sistemy gosudarstvennogo upravleniya i effektivnogo pravitel'stva [Formation of the system of public administration and effective government]. *Pravovaya nauka i reforma yuridicheskogo obrazovaniya*. 1. pp. 135–139.
8. Blednova, E.M. (2011) Mnogofunktional'nye tsenry okazaniya gosudarstvennykh uslug v strukture garantii realizatsii prava na informatsiyu [Multifunctional centers of public services in the structure of guarantees of the right to information]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 6. pp. 28–30.
9. Kandrina, N.A. (2016) Ob osnovnykh priznakakh i organizatsionno-pravovoy forme mnogofunktional'nykh tsestrov predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug sub'ektov Rossiyskoy Federatsii [On the main features and organizational-legal forms of multifunctional centers providing state and municipal services of the constituent entities of the Russian Federation]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie – State Power and Local Self-government*. 3. pp. 45–50.

10. RF. (2012) Ob utverzhdenii Pravil organizatsii deyatel'nosti mnogofunktsional'nykh tsentrov predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug: Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 22 dekabrya 2012 goda (red. ot 17.02.2017 g.) № 1376 [On approval of the rules for the organization of activities of multifunctional centers providing state and municipal services: Decree of the Government of the Russian Federation of December 22, 2012 (ed. February 17, 2017)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 31 December. 53. Art. 7932.
11. Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti. (2012) Ob utverzhdenii primernoy formy soglasheniya o vzaimodeystvii mezhdru mnogofunktsional'nymi tsentrami predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug i federal'nymi organami ispolnitel'noy vlasti, organami gosudarstvennykh vnebyudzhetykh fondov, organami gosudarstvennoy vlasti sub'ektov Rossiyskoy Federatsii, organami mestnogo samoupravleniya: Prikaz Minekonomrazvitiya Rossii ot 18 dekabrya 2012 goda (red. ot 15.04.2013 g.) № 13 [On approval of the sample form of an agreement on cooperation between multifunctional centers providing state and municipal services and federal executive authorities, state extrabudgetary funds, state authorities of the constituent entities of the Russian Federation, local governments: Order of the Ministry of Economic Development of Russia of December 18, 2012 (ed. April 15, 2013), No. 13]. *Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti*. 07 May. 9.
12. Konsul'tant Plyus. (2017) On approval of the methodological recommendations for activities of multifunctional centers providing state and municipal services regarding the functioning of information systems of multifunctional centers providing state and municipal services, security facilities, communication channels to ensure electronic interaction with federal executive authorities, state extrabudgetary funds, executive agencies public authorities of the subjects of the Russian Federation, local authorities in the provision of state and municipal services: Order of the Russian Ministry of Economic Development of 22 January 2014, No. 21. Moscow: Konsul'tant Plyus.
13. Altai Krai. (2010) O sozdanii kraevogo avtonomnogo uchrezhdeniya "Mnogofunktsional'nyy tsentr predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug Altayskogo kraya": Postanovlenie Administratsii Altayskogo kraya ot 21 dekabrya 2010 goda № 566 [On the creation of the autonomous regional institution "Multifunctional Center for the Provision of State and Municipal Services of Altai Krai": Resolution of the Administration of Altai Krai of December 21, 2010, No. 566]. *Sbornik zakonodatel'stva Altayskogo kraya*. 25 December. 176. Art. 361.
14. Kemerovo Oblast. (2012) Ob utverzhdenii perechnya gosudarstvennykh uslug ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti, predostavlenie kotorykh organizuetsya na baze mnogofunktsional'nykh tsentrov predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug Kemerovskoy oblasti: Postanovlenie Kollegii Administratsii Kemerovskoy oblasti ot 25 iyulya 2012 goda № 230 [On approval of the list of state services of executive bodies of state power, the provision of which is organized on the basis of multifunctional centers providing state and municipal services of Kemerovo Oblast: Resolution of the Board of Kemerovo Oblast Administration of July 25, 2012, No. 230]. *Elektronnyy byulleten' Kollegi Administratsii Kemerovskoy oblasti*. 26 July. [Online] Available from: <http://www.zakon.kemobl.ru/25062012.htm>. (Accessed: 24.03.2017).
15. RF. (2009) Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 g.) (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami Rossiyskoy Federatsii o popravkakh k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii ot 30.12.2008 g. № 6-FKZ; ot 30.12.2008 g. № 7-FKZ) [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12 December 1993) (as amended by the Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30 December 2008, No. 6-FKZ; of 30 December 2008, No. 7-FKZ)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 21 January. 4. Art. 445.

Received: 14 November 2018

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕРЕСТОВ Игорь Владимирович – канд. филос. наук, ст. науч. сотр. сектора истории философии Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: berestoviv@yandex.ru

БУЛДЫГИН Сергей Сергеевич – аспирант кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: buldygin.sergey@mail.ru

ВАСИЛЬЕВА Галина Михайловна – канд. филол. наук, доцент кафедры мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления. E-mail: personal_work@mail.ru

ГОНЧАРЕНКО Валентина Николаевна – канд. филол. наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Томского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: albaregia1960@mail.ru

ГОНЧАРЕНКО Марк Васильевич – д-р филос. наук, доцент отделения социально-гуманитарных наук Томского политехнического университета. E-mail: markgon73@rambler.ru

ДЖУНДЖУЗОВ Степан Викторович – д-р ист. наук, профессор кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета. E-mail: djund@yandex.ru

ЕРЕМИНА Виктория Владимировна – канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры информационных управляющих систем Амурского государственного университета (г. Благовещенск). E-mail: banysheva@mail.ru

ИГНАТОВА Нина Юрьевна – д-р филос. наук, профессор департамента гуманитарного и социально-экономического образования Нижнетагильского технологического института (филиала) Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. E-mail: nina1316@yandex.ru

ИМЕКОВА Мария Павловна – канд. юрид. наук, ст. преподаватель кафедры природоресурсного, земельного и экологического права Томского государственного университета. E-mail: Imekova_Maria@mail.ru

КАШЛЕВА Ксения Константиновна – канд. филол. наук, доцент Школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: kakashleva@hse.ru

КАЯНИДИ Леонид Геннадьевич – канд. филол. наук, доцент кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: leonideas@bk.ru

КОВТУН Ольга Игоревна – канд. ист. наук, доцент кафедры экономической теории Новосибирского государственного университета экономики и управления. kovtuolga@yandex.ru

КОРЖЕНЕВСКИЙ Константин Брониславович – аспирант кафедры истории России Нижневартковского государственного университета. E-mail: K0nstantin_Lg@mail.ru

КОРОЛЕВА Вера Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики и связей с общественностью Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. E-mail: queenvera@yandex.ru

КОСТЫЛЕВА Елена Николаевна – канд. ист. наук, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины» Рязанского института (филиала) Московского политехнического университета. E-mail: lena-kostyleva@yandex.ru

КОТОВА Татьяна Германовна – канд. пед. наук, доцент кафедры спортивных дисциплин Тюменского государственного университета. E-mail: t.g.kotova@utmn.ru

КРАВЕЦ Игорь Александрович – д-р юрид. наук, зав. кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права Новосибирского государственного университета. E-mail: kravigor@gmail.com

КУЛАКОВА Яна Викторовна – соискатель кафедры истории и методики Иркутского государственного университета. E-mail: yanikk1989@mail.ru

ЛЕЙФА Андрей Васильевич – д-р пед. наук, профессор кафедры психологии и педагогики Амурского государственного университета (г. Благовещенск). E-mail: Aleifa@mail.ru

ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна – д-р филос. наук, профессор кафедры общей психологии Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: Leshkevicht@mail.ru

ЛЮБИЧАНКОВСКИЙ Сергей Валентинович – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории России Оренбургского государственного педагогического университета. E-mail: svlubich@yandex.ru

МАЙЗИК Елена Игоревна – аспирант кафедры отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. E-mail: lena.k.elena@mail.ru

МЕНЯЙЛО Вера Владимировна – канд. филол. наук, доцент департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург). E-mail: menyaylo917@mail.ru

МИХАЙЛОВ Алексей Валерианович – канд. филол. наук, зав. кафедрой общественных связей Сибирского государственного университета науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва (г. Красноярск). E-mail: avm_2006_64@mail.ru

МИХАЙЛОВА Татьяна Витальевна – канд. филол. наук, доцент кафедры общественных связей Сибирского государственного университета науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва (г. Красноярск). E-mail: ta.rada@mail.ru

НИКИТИН Олег Викторович – д-р филол. наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета. E-mail: olnikitin@yandex.ru

ОГНЕВ Даниил Алексеевич – аспирант кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: danielognev@yandex.ru

ОСИПЕНКО Евгений Владиславович – канд. пед. наук, доцент кафедры физического воспитания и спорта Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины (Белоруссия). E-mail: eosipenko_2009@mail.ru

ПЛУТЕНКО Андрей Долиевич – д-р техн. наук, зав. кафедрой стартовых и технических ракетных комплексов Амурского государственного университета (г. Благовещенск). E-mail: sitrk@amursu.ru

РАДИОНОВА Алла Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: allarad1@rambler.ru

РАЗЕЕВ Данил Николаевич – д-р филос. наук, профессор кафедры философии науки и техники Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: d.razeev@spbu.ru

РОМАЙКИНА Юлия Сергеевна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация» Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А. E-mail: orel55555@yandex.ru

СИМОНОВА Екатерина Александровна – канд. пед. наук, доцент кафедры спортивных дисциплин Тюменского государственного университета. E-mail: e.a.simonova@utmn.ru

ФАТЬЯНОВ Илья Валерьевич – канд. юрид. наук, преподаватель кафедры общественных наук Беловского института (филиала) Кемеровского государственного университета. E-mail: fiv_d@mail.ru

ХАЛЕЦКАЯ Татьяна Викторовна – аспирант кафедры психологии и педагогики Амурского государственного университета (г. Благовещенск). E-mail: ха191288@mail.ru

ЧУМИЛКИН Сергей Владимирович – ст. преподаватель департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург). E-mail: scamoly@gmail.com

ШУЛЬЦ Эдуард Эдуардович – канд. ист. наук, директор Центра политических и социальных технологий (г. Москва). E-mail: nuar1@yandex.ru

ЯППАРОВА Есения Кимовна – студентка факультета базовой подготовки Новосибирского государственного университета экономики и управления. E-mail: doppelgaggen@gmail.com

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2019. № 439. Февраль

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 28 февраля 2019 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 28. Усл. печ. л. 26. Тираж 50 экз.
Заказ № 3729. Цена свободная.

Дата выхода в свет 11 апреля 2019 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru